РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Древности Боспора

31

Москва
2026

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

31

МОСКВА
2026

Электронная библиотека ИА РАН: https://archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского

Том 31

Редакционный совет:

член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков* (председатель);
проф., д. и. н. *М. Г. Абрамзон*; проф. *Д. Браунд* (Великобритания);
д-р *П. Дюпон* (Франция); проф., д. и. н. *А. В. Подосинов*;
проф., д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*; к. и. н. *В. П. Толстиков*;
проф., д. и. н. *В. П. Яйленко*

ИА РАН

МОСКВА, 2026

Электронная библиотека ИА РАН: https://archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Работа по организации и редакционной подготовке издания осуществлена в рамках проекта:
«Античность и Раннее Средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции»
(№ НИОКТР 126011315524-1)»

Редакционная коллегия
д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов; д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты
д. и. н. М. Г. Абрамзон
к. и. н. Л. А. Голофаст

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Древности Боспора. Том 31. – М., 2026. 380 с.: ил.
Д73 ISBN 978-5-94375-501-9

Сборник научных статей (ежегодник) по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. Издание включает преимущественно материалы исследований археологических памятников античного времени. В нем также представлены работы, основанные на изучении эпиграфических документов, и исторические обобщения, опирающиеся на комплексный анализ разных категорий источников.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-501-9
ISSN 2686-6870
DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2026
© Редколлегия, 2026
© Авторы статей, 2026

Электронная библиотека ИА РАН: https://archaeolog.ru/ru/el-bib

В 2026 году исполняется 200 лет со дня основания одного из первых музеев античных древностей на территории России – Керченскому музею, ныне – историко-культурному музею-заповеднику, – с которым теснейшим образом связаны становление, первые впечатляющие шаги отечественной классической археологии и дальнейшие её успехи.

Этому замечательному юбилею
посвящается очередной том ДБ

Электронная библиотека ИА РАН: https://archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В.
Участок некрополя римского времени в поселке Капканы (к археологической карте города Керчь) 11

Бонин А. В.
Римско-боспорская война середины I в. н. э. и укрепленные поселения на сельской территории Боспора 29

Винокуров Н. И.
Алтари и жертвенники второй половины III в. н. э. южного теменоса городища Артезиан 50

Завойкин А. А.
«Мегаполис» Боспор & «Боспорское царство» 74

Завойкина Н. В.
О почетной надписи царицы Динамии из Пантикапея (КБН 38) 97

Захаренков Н. В., Симонова М. А., Хршановский В. А.
«Зольные» холмы на Боспоре (новые материалы и старые вопросы) 107

Захаров Е. В., Ломтадзе Г. А.
Клад боспорских бронзовых монет первой четверти III в. до н. э., найденный при раскопках Таманского толоса в 1973 г. (СН XI, 70) 123

Ковальчук А. В.
Коллекция керамических клейм с поселения на м. Зюк (Зенонов Херсонес) 135

Кожокару В.
Эвергетизм в Боспорском царстве: легитимация власти между полисом, монархией и Империей 165

Корженков А. М., Малышев А. А.
Сейсмогенные воздействия на монументальные погребальные сооружения могильника Родники в Анапско-Натухаевской долине 184

Масленников А. А.
Два вопроса к одному имени 196

Молев Е. А. (†), Молева Н. В.
Закладные жертвы в фортификационных сооружениях боспорского города Китея 214

Сударев Н.И, Иванов А. В.
Грунтовые склепы Боспора 223

Супренков А. А.
Поселение Сююрташ в Крымском Приазовье. Общие результаты работ 2010–2025 гг. 245

Суриков И. Е.
К новой дискуссии об эллинизме: несколько слов в связи с позицией С. Ю. Сапрыкина 262

Электронная библиотека ИА РАН: https://archaeolog.ru/ru/el-bib

Трейстер М. Ю.
Золотое ожерелье с подвесками из Северной могилы кургана Огуз 281
Шелов-Коведяев Ф. В.
De titulis Bosporanis et viciniis X 298
Яйленко В. П.
Намогильные стелы с рельефами I в. до н.э. – II в. н.э. с некрополя Кыз-аул в Восточном Крыму: необычный для Боспора изобразительный ряд и геометрическая абстракция авангарда 314
Яйленко В. П., Бейлин Д. В.
Надписи I–III вв. н. э. с некрополя Кыз-аул на юго-западе Европейского Боспора 336
In memeoriam
Татьяна Михайловна Арсеньева (21.06 1927–26.07.2025) 367
Светлана Ильинична Финогенова (28.07.1940–03 02.2026) 369
Иван Иванович Марченко (22.09.1955–02.03.2026) 371
Сокращения 373
Правила и рекомендации по оформлению рукописей 376

Электронная библиотека ИА РАН: https://archaeolog.ru/ru/el-bib

Славный юбилей.
200 лет Керченскому музею древностей

…После трёх дней безденежных странствий от глубинки Ставрополья (наша первая экспедиция) я с моими тогдашними приятелями пост-первокурсниками добрался-таки до заветной Керчи рабочим поездом из Джанкоя. Было что-то около полуночи, но Керчь встретила нас очень оживлённым, даже каким-то праздничным настроением: всюду огни, музыка, людно… Было это 12 июля – в день вовсе не воскресный, но, очевидно, всё же чем-то примечательный. Думаю, тогда народ отмечал ещё не официальный, но вполне себе устоявшийся, типично местный праздник – День рыбака. (Позднее его, как известно, законно празднуют во второе воскресенье июля; правда, последние десятилетия – уже как бы и «не по делу»: рыба почти перевелась.) Наверное, именно такое стечение обстоятельств помогло нам: «безбилетниками» доехали на автобусе от ж/д вокзала до «краеведческого» музея – единственного ориентира, который мы тогда знали в Керчи. Как сейчас помню большие железные ворота с калиткой, в которую мы, несмотря на поздний час, начали барабанить. И что же? К нам вышел сторож. Услышав, что мы приехали в экспедицию, он совершенно спокойно пропустил нас во двор. «Вот туалет, – сказал страж музея, указав на соответствующий "домик" в середине дворика (вряд ли кто сейчас помнит, да и вообще может себе такое представить), – вот кран, из него иногда течёт солоноватая вода (об этой проблеме теперь тоже уже забыли), а вот место, где вам спать». И ушёл по своим делам, т. е. тоже спать. Место это – нечто вроде открытой веранды у первого этажа, в углу строения музея. Помнится, пол там был дощатым, что вполне себе нас устраивало. Мы тут же и уснули. Поутру была радостная встреча… с экспедиционной машиной автобазы АН СССР (мало кто теперь и о такой помнит), с Ириной Тимофеевной Кругликовой (она взяла нас в один из своих отрядов, выплатив даже «аванс» – 50 копеек каждому на импровизированный завтрак, булку с молоком), с восточно-крымской степью, с Азовским морем, с античными городищами, раскопками, наконец, и всем остальным, что в немалой степени определило всю мою судьбу. Ещё раза два или три, всё по тому же поводу и ещё не имея хороших знакомых в городе, я ночевал в музее то на каком-то черном диване в «прихожей», то на полу в узенькой комнатке на втором этаже, между столами и амфорами… Достаточно было произнести заветные слова «я в экспедицию…», и музей открывал свои объятия. «О времена о нравы!»

Потом были и музейные друзья, и сменявшиеся (начиная с Литвиненко) директора, и знакомство с экспозициями и фондами, и собственные экспедиции со всеми их коллизиями, и проч. и проч. Но от того далёкого 1967 года остались вот такие, дорогие моему сердцу воспоминания.

У автора этих строк – одного из редакторов настоящего сборника, как и у каждого антиковеда, кого судьба свела с Керчью и Керченским музеем древностей, конечно, собственный опыт знакомства с ними и свои воспоминания. И пусть в год славного юбилея все, кому это ещё дано, вольно или невольно будут чаще обращаться к ним. Наверняка в этот юбилейный год всякий, чья судьба в большей или меньшей степени связана

с этим замечательным городом и славным музеем, вспомнит о своем и скажет искренние добрые слова в их адрес, помянет своих предшественников, учителей и коллег, имена которых неотделимы от истории отечественной археологии. Ведь вся наша наука о классических древностях, а по сути дела – вся российская археология происходит отсюда, ведет свою родословную от поисков и открытий неутомимого Поля Дюбрюкса, его собрания «антиков» да «блеска золота Куль-Обы». Говорить и писать о Керченском музее, его значении и тех людях, кто в разное время работал в нём, будут в этот году многие и много.

Позволим себе и мы сказать: «Спасибо тебе, Керченский музей древностей, наш добрый надёжный друг и помощник! Спасибо наш "спасительный берег", место силы и вдохновения»!

Главный редактор
и редколлегия «Древностей Боспора»

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.11-28

Д. В. Бейлин*, И. В. Рукавишникова**
(Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь;*
*** Институт археологии РАН, г. Москва)*

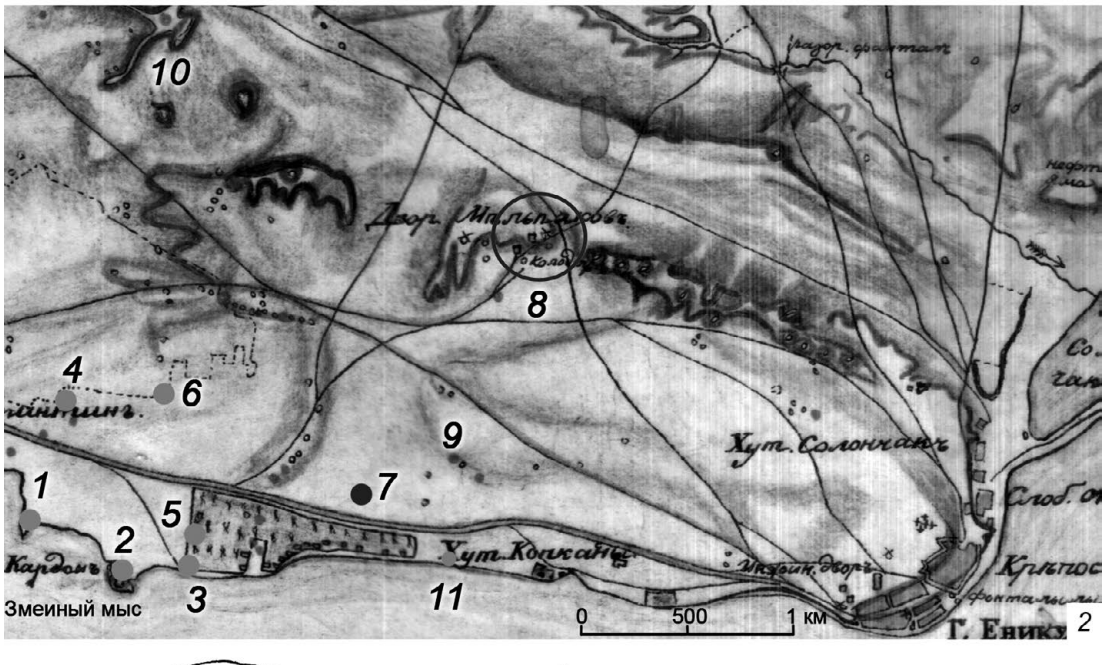
Участок некрополя римского времени в поселке Капканы (к археологической карте города Керчь)

Об археологических памятниках района современного микрорайона Капканы (рис. 1. *1*), несмотря на почти двухсотлетнюю историю изучения Керчи и её окрестностей, мы имеем весьма неполное представление. Отчасти это связано с эпизодичностью исследований, отчасти с отсутствием системного планомерного подхода к выявлению, изучению и сохранению объектов культурного наследия не только у самих археологов, но и соответствующих государственных структур, практически полностью переложивших ответственность на плечи исследователей.

Информации о работах в XIX в., к сожалению, недостаточно, чтобы составить более или менее ясную картину местоположения проводимых раскопок и нанести их на современные крупномасштабные карты. Эта проблема волновала не только непосредственных исследователей керченских древностей уже второй половины этого столетия, на что неоднократно указывал в своих рапортах Е. А. Люценко (*ИАК* 2009, 262–264), но и руководство Императорской археологической комиссии в лице её председателя (1882–1888 гг.) А. А. Васильчикова. 26 января 1882 г. он направил директору Керченского музея, С. И. Веребрюсову, официальное письмо, в котором предлагал подготовить обзор, сделанных к тому времени важнейших археологических открытий с приложением топографического плана и разработать «мотивированную программу» раскопок под Керчью, близ Феодосии и на Таманском полуострове. Отвечая на это письмо, С. И. Веребрюсов, указывал на отсутствие специалистов «соответствующего» профиля и подтверждал необходимость картографирования уже известных и вновь открываемых многочисленных археологических памятников (*ИАК* 2009, 308–315). Эти же вопросы ещё не раз будут вставать перед археологами вплоть до настоящего времени.

Но вернёмся к нашему региону. В районе хутора Капканы, аула Джанкой и крепости Еникале в первой половине XIX столетия раскапывались исключительно курганы, среди которых основное внимание уделили наиболее крупным из них. Мы не знаем точно, проводили ли здесь работы П. Дюбрюкс и А. Б. Ашик, но Д. В. Карейшей в 1831 и 1832 годах в 10 км от Керчи, близ Еникале раскапывается Хрониевский курган,

Бондаренково
Егорово
Глазовка
Керчь
Митридат
Мирмекий
Пантикапей
мыс Змеиный
Еникале
микрорайон Капканы
1 км
1

10
8
4
6
9
1
7
5
2
3
11
Змеиный мыс
0 500 1 км
2

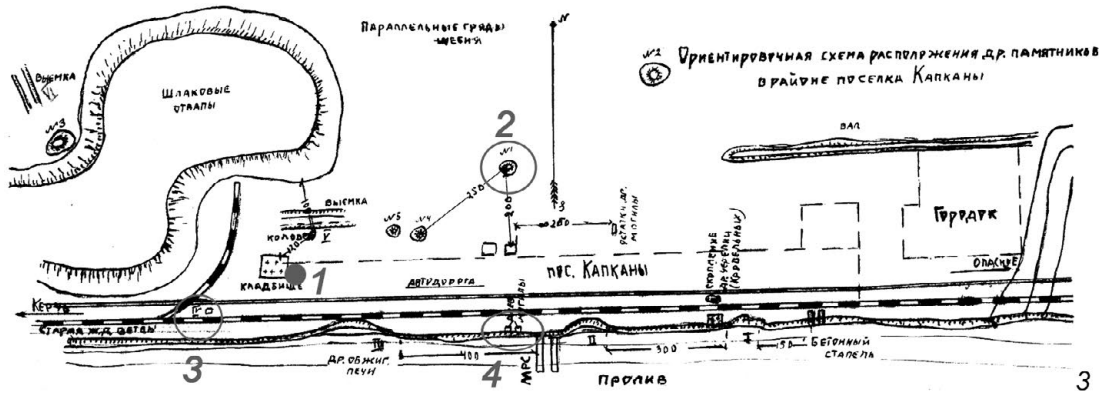

Ориентировочная схема расположения др. памятников в районе поселка Капканы
Параллельные гряды
Шлаковые отвалы
Выемка
Вал
Городок
пос. Капканы
Автодорога
Керчь
Старая ж.д. насыпь
Бетонный
1
2
3
4
Пролив
3

Рис. 1. 1. План-схема местоположения микрорайона Капканы в г. Керчь. 2. Фрагмент карты 1835 года топографа 2-го класса Литвиненко с указанием местоположения объектов и мест археологических работ: 1 – курган около т. н. Змеиной бухты (раскопки А. А. Бобринского в 1891 г.); 2 – пепелище на Змеином мысу (раскопки А. А. Бобринского в 1891 г.); 3 – курган на берегу пролива в Капканах (раскопки А. А. Бобринского в 1891 г.); 4 – примерное местоположение некрополя к СВ от Мирмекия (раскопки Ф. И. Гросса в 1884 г. и К. Е. Думберга 1901 г.); 5 – раскопки В. В. Шкорпила в 1909 году в Капканах; 6 – некрополь у КМЗ им. Войкова (раскопки С. И. Капошиной в 1953 г.); 7 – участок некрополя конца II – начала III в. н. э. исследованный в 2019 году; 8 – бывш. аул (деревня) Джанкой; 9 – курган «Капканы Северный I»; 10 – курган с каменной многослойной крепидой у микрорайона Красная Керчь. 11 – поселение Капканы II. 3. План-схема составленная В. В. Веселова от 15.03.55 г.: 1 – участок некрополя конца II – начала III в. н. э. исследованный в 2019 году; 2 – курган «Капканы Северный I»; 3 – район раскопок А. А. Бобринского в 1891 г. и В. В. Шкорпила в 1909 г.; 4 – поселение Капканы II

насыпь которого состояла из щебня и камней, а гробница, внутри которой сохранились доски от разбитого саркофага, оказалась разграбленной [*Тункина*, 2010, 87, 535, 537–538][1].

В 1834 г. им же был раскопан «курган близ Еникале», в котором найдены: «ожерелье из 19 трубочек, перемежающихся с шариками» [*Марти* 1926, 57][2]. На карте 1835 г. топографа 2-го класса Литвиненко[3] в указанном нами выше «треугольнике» (Капканы–Джанкой–Еникале), отмечено 9 раскопанных курганных насыпей (рис. 1. 2). Не исключено, что курганы небольших размеров (до 2 м высотой) внимание топографа вообще не привлекли и на карту им нанесены не были. Не вызывает сомнений, что и местные жители различных сословий с огромным энтузиазмом занимались в это время поиском древних сокровищ, разоряя, как курганы, так и простые грунтовые могилы.

Этот район, наряду с другими удаленными от Керчи территориями, стал объектом эпизодических археологических разведок с первых десятилетий XIX века. Он хорошо был известен уже П. Дюбрюксу и неоднократно посещался им в процессе работ, связанных со снятием плана «развалин» Парфениона у Еникальского маяка. Наблюдения П. Дюбрюкса отражены в кратком описании крепости Еникале, местности между современными микрорайонами Подмаячный, Жуковка, Опасное, Капканы, селом Глазовка (бывш. пос. Баксы) вплоть до «Змеиного городка» (городище Мирмекий) [*Дюбрюкс* 2010, 276–281; *Белик* 2010, 437–444]. Дюбрюкс упоминает и пешую прогулку с И. П. Бларомбергом[4]: «*…напрямую из Порфмия в Мирмекий…*», который «*…надеялся открыть местонахождение Гераклия в двух верстах от этого последнего поселения (Мирмекия). Ибо это возвышенная местность, на вершине которой в 1811 г. офицеры инженерной службы из Еникале,*

[1] Здесь внимание на себя обращает название кургана – «Хрониевский». Хутор Хрони или Хруньи располагался в районе современного села Глазовка. Курганные насыпи, состоящие преимущественно из щебня и дикарного камня, расположены исключительно на скалистых хребтах, что тоже может внести определенную корректировку в местоположение данного кургана.

[2] Судя по карте, курган располагался на месте нынешней воинской части.

[3] «Топографическая карта окрестностей города Керчи снятая 1835 года (с означением на оной древних курганов, из коих разрытыя для отыскивания древностей показаны красной краскою, а неразрытыя черною). Снимал и чертил Топограф 2-го класса Литвиненко. Лист 6» [*Дюбрюкс,* 2010. С. 88; *ВКИКМЗ*, КМТИ–2475].

[4] Пешая прогулка П. Дюбрюкса и И. П. Бларомберга состоялась в июне 1827 года [*Дюбрюкс* 2010, 276].

добывая камень, открыли захоронение, похожее на то, что было открыто в Куль-Обе в 1831 г., и вокруг него имеются некоторые остатки стен». Не углубляясь в вопрос локализации Гераклия, все же отметим здесь особую интригу. П. Дюбрюкс, ссылаясь на Страбона, полагал, что «*…Гераклион или памятник Геркулеса – должно быть круглое здание, следы которого видны в конце маленького акрополиса Мирмекиона*»[5] [*Дюбрюкс* 1858, 6–7; 2010, 396–400]. Однако Гераклий вновь появляется на «плане Керчи и окрестностей», опубликованном в труде А. Б. Ашика и занимает место на скалистом холме в 3 км к СВ от Мирмекия [*Ашик* 1848, 119, лист. 1], где расположены остатки грандиозного погребального сооружения, окруженного каменной многослойной крепидой, внешняя окружность которой сложена из массивных прямоугольных блоков, тщательно подогнанных друг к другу (рис. 1. 2: 10). Некоторые из них имеют на внешней стороне руст[6] [*Бейлин* 2008, 14–19].

С 1834 по 1850-е годы сведения о раскопках близ крепости Еникале и хутора Капканы в печатных изданиях нам неизвестны, но то, что курганы и участки грунтовых могильников раскапывались, как археологами, так и частными лицами, не вызывает сомнений. Вероятнее всего, что и в период Крымской войны, во время оккупации Еникале союзными войсками, раскопки курганов и могильников в окрестностях крепости продолжились и интервентами.

В 1857 г. к северу от хутора Капканы, возле или восточнее древнего колодца, на месте бывшего «двора Мельпаков (а)», возникает небольшая «татарская» деревня Джанкой (рис. 1. 2: 8). Как указывал В. Ф. Гайдукевич, ссылаясь на архивные данные, почерпнутые из рукописи Е. Е. Люценко[7], деревня «*…вся построена из камня, добытого из примыкающего к ней древнего городища…*» [*Гайдукевич* 1941, 261–262][8]. К юго-западу от городища тянется цепочка курганов, которые до сих пор носят на себе следы «казенных» раскопок.

---

[5] Чуть позже, весной 1834 г. матросы карантинной стражи Керченского порта занимались переносом флагштока в центр расположенного на самом мысу круглого сооружения «циклопической постройки». В процессе этого под поверхностью обнаружилась большая полость, которая представляла собой вырубленный в скале двухкамерный склеп. В котором находилось два мраморных саркофага, украшенных рельефами и изваяниями [*Ашик* 1848, 41].

[6] Этот курган расположен у поселка Красная Керчь на вершине скалистого холма, который носит местное название «Пороховая горка». Его местоположение достаточно точно локализуется в настоящее время (N 45,374743°; E 36,545391°). Крепида кургана сложена из прямоугольных известняковых блоков, имеющих на внешней лицевой поверхности руст. В настоящее время она частично разобрана местными жителями, а погребальное сооружение в центре кургана практически полностью уничтожено.

[7] Архив ИИМК. Рукопись Е. Е. Люценко «Древнее городище подле татарской деревни. Джанкой в Керчь-Еникальском градоначальстве» (12 августа 1874 г.) [*Гайдукевич* 1941, 361–262].

[8] «Е. Е. Люценко познакомился с Джанкойским городищем не позднее 70-х годов XIX столетия в связи с произведенной здесь одним из местных жителей раскопкой…Кладоискателем была вырыта с западной стороны городища большая яма глубиной до 5.3 м, где он наткнулся на стену, сложенную из дикарных камней, около которой была найдена медная монета византийского императора Константина IV Погоната, 668–685 гг. Совокупность имевшихся в распоряжении Е. Е. Люценко данных позволила ему заключить, что джанкойское городище представляет собой остатки значительного древнего поселения, состоящего из античных и средневековых («византийских») культурных наслоений. Античный культурный слой городища, по словам Е. Е. Люценко, включает разнообразные находки: обломки чернолаковой посуды, остродонных греческих амфор, боспорские монеты и пр. Верхний, средневековый слой характеризуется им как «груды мусора, дикарных камней, глиняных черепков грубой посуды, черепиц, золы, угля, костей животных, разрушенных фундаментов», наряду с которыми «изредка встречаются византийские монеты». Указанная архивная статья Е. Е. Люценко являлась единственным о нем свидетельством. Разведками В. Ф. Гайдукевича в 1936 г. было локализовано древнее городище, расположенное к северу от дер. Джанкой, южную часть которого занимали окраинные дома [*Гайдукевич* 1941, 361–262]. Неукрепленная часть городища расположена на южном и восточном склонах

Весьма информативна краткая записка, подготовленная Н. П. Кондаковым и «Ведомость урочищ…», составленная С. И. Веребрюсовым, представленная в Императорскую археологическую комиссию от 5 декабря 1873 г. за № 95, где в предложенной ими программе археологических исследований упоминаются среди прочих раскопки курганов в окрестностях Еникале и близ Маяка (древний Парфенион или Порфмион) (*ИАК* 2009, 313–314). Внимание исследователей, таким образом, обращалось и на северо-восточную оконечность Керченского полуострова, с которой археологи во второй половине XIX века были уже достаточно хорошо знакомы.

Исследования в районе хут. Капканы и окрестностей Еникале, значатся в планах археологических работ на 1879 г. А. Е. Люценко после его ухода на пенсию, о чем он составил «Записку», предполагая провести раскопки на Юз-Обе, на продолжении северной покатости горы Митридат до Золотого кургана, в окрестностях Еникале и Темир-горы, под Эльтигеном, на Большой и Малой Близницах, Васюринской горе, Буеровой могиле, Ахтанизовке и т. д. (*ИАК* 2009, 306).

В 1875–1878 гг. С. И. Веребрюсовым велись раскопки курганных насыпей в районе крепости Еникале [*ОАК* 1881, XXXIII; *Марти* 1926, 72]. В 1881 г. помимо раскопок на горе Митридат и в районе Глинища, исследования были продолжены в окрестностях Керчи, в том числе и курганов у Еникале или же по дороге к ней за карантином [*Марти* 1926, 73][9].

Возможно, ряд курганов раскапывался им и в последующее время, по крайней мере, до марта 1884 г. Позднее, осуществляя поставленные С. И. Веребрюсовым задачи, в 1881–1883 гг. Н. П. Кондаков «безрезультатно» копал Песчаный курган у селения Капканы (*ОАК* 1891, XXXI; *ИАК*2009, 315). Но наиболее известны раскопки Н. П. Кондакова на вершине горы Хрони у пос. Баксы (совр. село Глазовка) в 1882–1883 гг., где был исследован так наз. Баксинский курган [*Виноградов* 2011, 185–191; 2014а, 510–528; 2014б, 529–534; *Бейлин* 2016, 365–367].

Продолжая свои работы на некрополе Мирмекия, в 1884 г. Ф. И. Гросс провел разведочные раскопки в 1,5 верстах (1,6–1,8 км) к северо-востоку от последнего, «на плоской возвышенности близ дороги на Еникале», что привело к открытию обширного некрополя «еще совершенно не разведанного» (рис. 1. 2: 4). Как следует из краткого описания могильные ямы, высеченные в скалистом материке на глубине от 1,1 до 2 м от поверхности, содержали «остовы без гробов» и были перекрыты «двумя, иногда тремя большими известковыми плитами». Некоторые гробницы содержали коллективные погребения («с несколькими остовами»). Отмечены были и «погребальные урны с пережженными

холма, тогда как цитадель находится на возвышенности, что соответствует описанию Е. Е. Люценко. Визуально, границы городища в настоящее время в рельефе не прослеживаются из-за дачных участков. Вершина холма и его южный склон, на которых расположены цитадель и зольник, основательно перекопаны грабительскими ямами. Их отвалы и борта изобилуют археологическим материалом I–III вв. н. э. Среди керамики встречается единичный материал III–II вв. до н. э. Археологическое обследование джанкойского городища в 1936 г. позволило В. Ф. Гайдукевичу зафиксировать на археологической карте Керченского полуострова одно из укрепленных боспорских поселений. В 2019–2020 годах по итогам археологических исследований ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» поселение вошло в перечень ВОАН под названием «Поселение «Каменка», но, к, сожалению, в предложенную охранную зону территория памятника не была включена полностью.

[9] Более подробной информации о раскопках найти нам пока не удалось.

костями покойников». На этом «сплошном могильном месте и в двух лежащих тут курганах» Ф. И. Гросс раскопал 36 гробниц (*ОАК* 1891, LXXXIX–XC). Судя по общему описанию погребального инвентаря, некрополь содержал участки разновременных погребений[10].

В 1891 г. А. А. Бобринским помимо, ставших уже «традиционными» мест раскопок в Керчи (на северном склоне горы Митридат и на Аджимушкайской улице), проводит раскопки около т. н. Змеиной бухты[11], где он раскопал 21 могилу и небольшой курган (рис. 1. *2*: 1) (*ОАК* 1893, 43–47, 150–154) и в поселке Капканы. На берегу пролива в Капканах (рис. 1. *2*: 3, *3*: 3) у виноградника и сада Степана Петровского[12] А. А. Бобринский раскапывал один невысокий курган, в насыпи которого обнаружено 36 погребений, суммарно датированных I в. н. э., в том числе по находкам 6 монет Митридата VIII (*ОАК* 1893, 47–57, 154–160). Нельзя исключать и более поздней даты погребений (вторая половина I – первая половина II в. н. э.).

Следующий выделенный нами этап археологических исследований района поселка Капканы связан с именем К. Е. Думберга, в 1891 г., сменившем на должности директора Керченского музея Ф. И. Гросса. Однако, если судить по кратким отчетам Императорской археологической комиссии *(ОАК* 1901, 19–20), эпизодические археологические исследования были связаны с участками строительства на территории Брянского металлургического завода (рис. 1. *2*: 6) [*Думберг* 1901, 80–81], что, по нашему мнению, следует воспринимать как продолжение раскопок «обширного некрополя», начатых Ф. И. Гроссом в 1884 г., в 1,5 верстах к СВ от «пепелища» Мирмекия (см. выше). Поскольку К. Е. Думберг придерживался принципиальной позиции проведения раскопок в местах, где начинали работать «счастливчики», можно предполагать его работы и в районе поселка Капканы, аула Джанкой и Еникале.

В 1909 г., преследуя и предупреждая деятельность грабителей, начавших активные работы вблизи Брянского металлургического завода и в районе поселка Капканы, В. В. Шкорпил провел раскопки на «сплошном некрополе» (*ОАК* 1913, 118), где в общей сложности им были исследованы 23 гробницы I–II вв. н. э. [*Шкорпил* 1913, 3, 31–37][13]. Как

[10] В погребениях «…найдены глиняные лампочки, в том числе; одна с рельефным изображением быка, другая с рельефною-же плющевою гирляндою, серебряные, бронзовые и оловянный кольца, ожерелья из разноцветных бус, два золотых перстня, один с резьбой на гранате изображением мужской головы, другой с вертящимся на оси ониксом без резьбы, разные глиняные флаконы с рисунками и без рисунков, большие амфоры, железные наконечники копий и ножи, две пары серебряных и одна пара оловянных серег в виде спирально свернувшейся змеи, украшенных по концам пирамидками из шариков, большая желобчатая ваза с крышкою, покрытая черною поливою и украшенная вокруг шеи гирляндою, расписная ваза с изображением воина, сражающегося с грифоном, бронзовые фибулы, стеклянные сосуды, бронзовое зеркало и бронзовый колокольчик. Там-же, в насыпи, отысканы: часть расписной вазы с изображением сидящего сатира; глиняный флакон с изображением льва и тигра; обломки расписной вазы, на которой представлена вакхическая сцена: амфорные ручки с клеймами фабрикантов, 4 бронзовых браслета, нисколько глиняных кувшинчиков и множество медных боспорских монет» (*ОАК* 1891, LXXXIX–XC).

[11] Район современного Змеиного мыса в Керчи – местность от парка им. П. Л. Войкова (Приморский парк) до пересечения современных ул. Старая Дача и ул. Новая Дача (район детского оздоровительного лагеря «Космос»).

[12] В 1912 г. наследники Степана (Стефана) Кирилловича Петровского совладели с Куприяном Петровичем Яковлевым домом № 11/56 (т. е. угловым) по ул. Приморской в Капканах (видимо, нижняя улица со стороны моря). Номера домов шли с запада на восток. Участок С. К. Петровского выходил к береговому обрыву.

[13] «По найденным монетам Котиса I, Рескупорида I, Савромата I, Котиса II ясно видно, что этот некрополь относится к I–II векам н. э.» [*Шкорпил* 1913, 31–37].

указывал сам В. В. Шкорпил, он продолжил исследования того же самого некрополя, который в 1891 г. раскапывал А. А. Бобринский[14], сожалея, что не может соотнести его с известными ему городищами.

Начиная с 1910 по 1940-е гг. информацией о каких-либо археологических работах в обозначенном нами ранее районе мы не располагаем, за исключением археологических разведок, проведенных в 1936 г. В. Ф. Гайдукевичем у поселка Джанкой, расположенного к северу от Капкан (см. выше).

После Великой Отечественной войны в 40–50-х гг. самостоятельные археологические разведки в поселке Капканы и его окрестностях провел В. В. Веселов, оставив весьма информативные, хоть и краткие, описания как минимум 12 выявленных им мест нахождения керамики, курганов и разоренных могил [*Веселов* 2005, 17–18]. Приведенные им сведения о памятниках, крайне важны для нас, так как содержат сохранившиеся, и по сей день, надежно локализуемые ориентиры (рис. 1. *3*).

Так, в 1949 году к западу от поселка Капканы на территории между заводскими шлаковыми отвалами и выемкой шоссе, на небольшой возвышенности, тянущейся в сторону берега моря, В. В. Веселовым была обнаружена разрушенная могила, обложенная плоской кровельной черепицей. Эти наблюдения позволили исследователю сделать предположение о локализации здесь места исследований В. В. Шкорпила 1909 г. [*Веселов* 1950–1952б, 60; 2005, 17]. В октябре 1951 г. при строительных работах у северной окраины поселка Капканы, северо-восточнее современного кладбища, тяжелой техникой «…начата разработка кургана как карьера для земляных работ…». Тогда же земляными работами строительной организации были основательно повреждены и другие курганные насыпи, располагавшиеся вблизи друг от друга в районе полотна современной железнодорожной линии (рис. 1. *3*). Пострадали и монументальные подкурганные погребальные сооружения, сложенные из массивных известняковых блоков [*Веселов* 1950–1952а, 51–52, 63].

В августе-сентябре 1953 г. отрядом Боспорской археологической экспедиции (руководитель С. И. Капошина) исследовался участок некрополя, обнаруженный при строительных работах на территории Керченского металлургического завода им. Войкова. На площади 16125 м^2 раскопана 91 могила, вырубленная в известняковой скале. Некрополь датирован IV–III вв. до н. э. [*Капошина* 1959, 108–153].

В 70–80-х гг. XX века в районе поселка Капканы археологами неоднократно проводились разведки, однако раскопок, в том числе и охранных не осуществлялось. Результаты разведок А. Е. Кислого, С. А. Шестакова, О. Д. Чевелёва не опубликованы.

В 1994 г. в районе северо-восточной окраины поселка Капканы и западной окраины микрорайона Стройгородок И. А. Емец проводил раскопки некрополя эллинистического и римского времени. Результаты их не опубликованы. В это же время, параллельно

[14] «Влево от Капканов дорога, ведущая из Керчи в Еникале, пересекается низким широким валом, простирающимся от виноградника и сада Степана Петровского до цепи холмов, которые тянутся влево от дороги, от металлургического завода к Еникале. Этот вал оказался древним кладбищем. Открытые мною гробницы, судя по характеру найденных вещей и устройству могил, являются частью того некрополя, который был расследован в 1891 году графом А. А. Бобринским. Из описания раскопок 1891 года можно заключить, что тогда были исследованы гробницы, находившиеся в саду Петровского, так что мои работы являются продолжением прежних раскопок. Расследованный некрополь начинался от морского берега и доходил до упомянутых высот, образуя длинную полосу» [*Шкорпил* 1913, 3].

с исследованиями поселения эпохи бронзы «Каменка», А. Е. Кислым и А. В. Куликовым был раскопан ряд могил III–II вв. до н. э. на скалистой гряде у северной окраины микрорайона Стройгородок [*Бейлин*, *Столяренко* 2011, 57–61].

К западу от поселка Капканы, у вершины и на южном склоне Змеиного мыса (рис. 1. *2*: 3) в 1997 и 1998 гг. сотрудником Керченского историко-культурного заповедника О. П. Бабич проводились раскопки остатков городища, укрепленного оборонительными стенами с башнями и плотной жилой и хозяйственной застройкой [*Бейлин* 2006, 298–308].

В последние десятилетия сплошная частная застройка широкой прибрежной полосы (от 500 до 700 м) не позволяет в более или менее полной мере исследовать территорию поселка Капканы, не говоря уже о проведении здесь археологических раскопок. Единственным, пожалуй, способом получить какую-то новую, хоть и фрагментарную информацию, остаётся наблюдение за строительными работами, которые, в свою очередь, проводятся организациями или частными лицами за «высокими заборами» или без уведомления соответствующих органов охраны культурного наследия.

В 2009–2015 гг. археологические разведки в самом поселке Капканы и его окрестностях проводил сотрудник Керченского историко-культурного заповедника П. Г. Столяренко. На современную топографическую основу был нанесен ряд поселений, открыты участки с сохранившимися строительными остатками эллинистического и римского времени, а также проанализирована стратиграфия их культурных напластований [С*толяренко*, *Бейлин* 2018, 325–341].

В 2018–2020 гг. в процессе проектирования и строительства канализационного коллектора по ул. Гаспринского, проложенного по незастроенной территории западнее и севернее поселка Капканы, проведены масштабные археологические разведки и раскопки, результатами которых стали открытия участков некрополей, курганов, поселений и сельскохозяйственной инфраструктуры античного периода [*Бейлин, Рукавишникова, Волошинов* 2021, 7–33; С*толяренко*, *Супренков*, *Топоривская* 2020, 134–137; *Иваник*, *Кононов* 2021, 199–213; *Иваник, Кононова, Кононов* 2025, 109–117].

В конце сентября 2019 г. в поселке Капканы у перекрестка ул. Провалова и пер. Марунченко проводились работы по реконструкции водоподводящих и водоотводящих коммуникаций. При сооружении стыковочного колодца у юго-восточного угла действующего кладбища напротив дома № 1 (ул. Провалова) (рис. 1. *2*: 7; *3*: 1) в котловане авторами было обнаружено и доследовано два разрушенных погребения, совершенных в простых грунтовых могилах с плитовым перекрытием.

Немаловажным будет дать краткое описание территории, где они были обнаружены. Она представляет собой пустырь с двумя небольшими строениями, ограниченна с запада восточной забором действующего капканского кладбища, с востока – асфальтированным полотном дороги по переулку Марунченко, а с юга – асфальтированной дорогой по ул. Провалова (рис. 2. *1*, *2*). В бортах траншеи и колодца отчетливо просматриваются ямы глубиной до 1,5 м, заполненные современным мусором. С севера расположена территория бывшего промышленного объекта, на которой сохранились остатки фундаментов разобранных на строительный материал цехов. Поверхность срезана, техникой до уровня материкового известнякового пласта, которой местами просматривается под нагромождением локальных свалок бытового и строительного мусора.

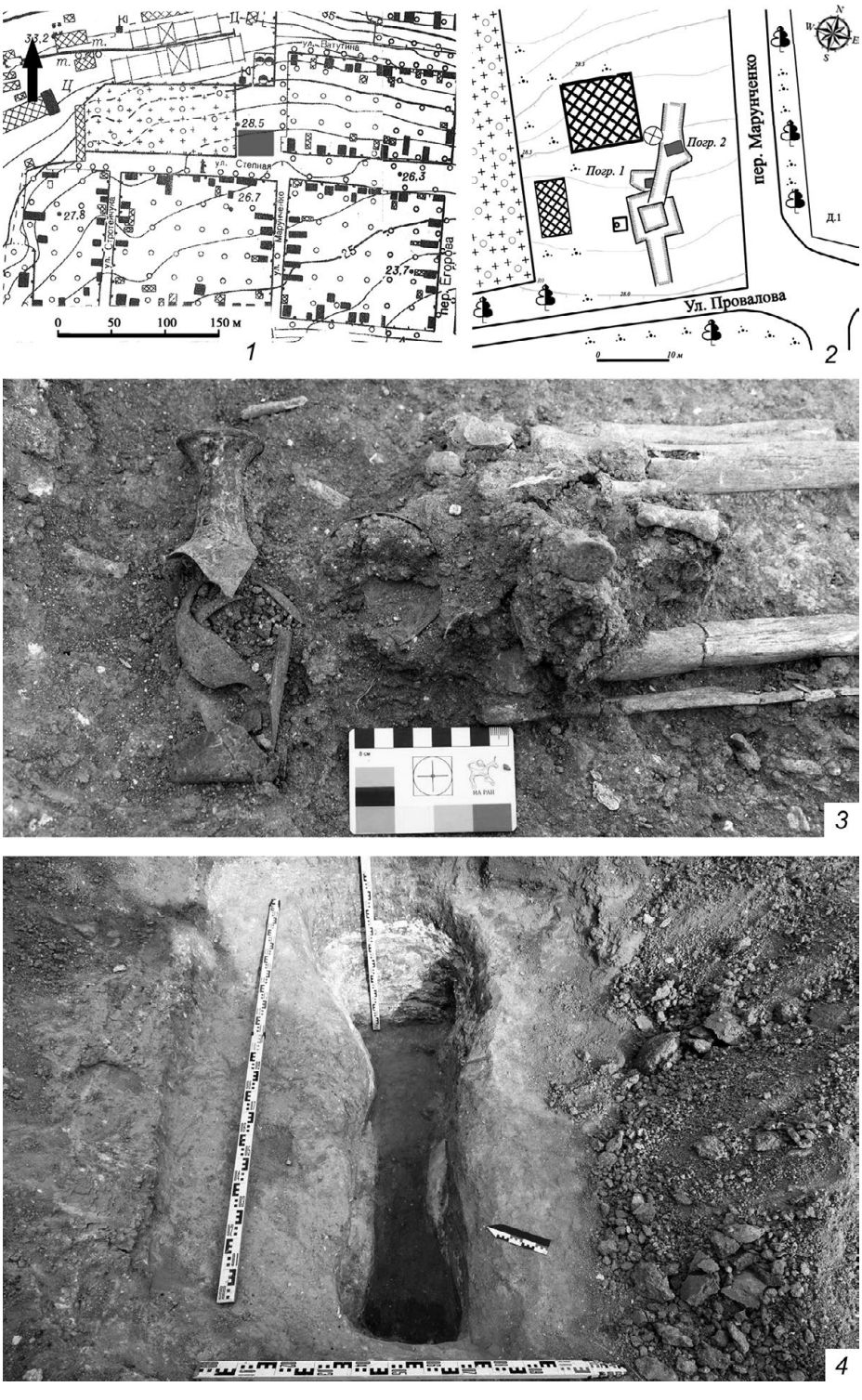

Рис. 2. *1* – Фрагмент топографического плана северо-западной части микрорайона Капканы (г. Керчь) с указанием местоположения обнаруженных в 2019 г. погребений. *2* – Схема расположения погребений. *3* – Погребение № 1. Инвентарь. *4* – Погребение № 2

В 170 м к СВС (21°) от выявленного участка некрополя расположено производственное предприятие «Алгеал», на территории которого на площади до 1 га сотрудником Керченского историко-культурного заповедника П. Г. Столяренко выявлен культурный слой V–III вв. до н. э., атрибутированный как поселенческий. Среди подъемного материала присутствовала керамика и первых веков н. э.

Погребение № 1 (рис. 2. *2, 3*; 3. *1, 2*) зафиксировано в борту юго-западной части траншеи, ведущей с севера к котловану стыковочного колодца в 25 м к северо-востоку (61,64°) от юго-восточного угла фундамента кладбищенской ограды. В срезе борта котлована отчетливо прослеживался фрагмент каменной плиты перекрытия и пятно заполнения могильной ямы под ней. В земляной осыпи на дне котлована под разрушенной могилой фиксировались мелкие фрагменты костей скелета, а в земляных отвалах котлована найдены мелкие фрагменты костей черепа человека.

Над пятном могилы был расчищен участок размером 1,5×1 м. На глубине 1,2 м от уровня современной дневной поверхности расчищено пятно заполнения входной ямы размерами 0,7×1,2 м, сохранившаяся глубина которой составляла 0,1 м. Ниже сохранились остатки западной части каменного перекрытия в виде обломков двух известняковых подтесанных плит размерами до 0,75×0,47 м. Пространство между плитами перекрытия могилы и краями входной ямы заполнял бутовый камень. Западная плита лопнула пополам. Общие сохранившиеся размеры перекрытия составили 1,03×1,1 м.

Могильная яма сооружена в слое плотного материкового суглинка и длинной осью ориентирована в направлении З–В. Её сохранившаяся длина составила 0,55 м при ширине 0,53 м и глубине 0,68 м от уровня заплечиков. Стенки ямы сужаются в направлении дна, выровненному в горизонтальной плоскости. Дно ямы имеет прямоугольные очертания шириной 0,32–0,35 м.

Чуть выше дна могильной ямы расчищены фрагменты костей нижних конечностей скелета взрослого индивида (мужчины?), однако их сохранность и размер не позволяет более точно определить пол погребенного. В районе ступней находился развал стеклянного кувшина[15], стеклянного стакана[16], фрагмент ножки стеклянного кубка (?) (стекло зеленоватого оттенка), две бронзовые монеты[17], бронзовая игла и несколько фрагментов трилистника из фольги желтого металла (рис. 2. *3*; 3. *3–6*).

---

[15] Кувшин с яйцевидным туловом без поддона. Край венчика загнут внутрь, образуя небольшой валик. Ручка сделана в виде плоской ленты с петлей у венчика. Примерная высота сосуда – 19–20 см, диаметр устья – 5,5 см. Стекло прозрачное зеленого оттенка. Кувшин покрыт иризацией, представляющей собой плотную пленку молочно-белого оттенка. Дата: от середины II до середины III в. н. э. [*Сорокина* 1977, 129, рис. 3].

[16] Стакан с отогнутым наружу скругленным оплавленным краем, слегка скругленными плечиками и относительно прямыми, сужающимися ко дну стенками. Поддон низкий кольцевой, слабовыраженный. Высота около 7 см. Диаметр венчика 7 см, поддона – 4,2 см. Близок по форме к стаканам Формы 8 (по Н. П. Сорокиной) [*Алексеева, Сорокина* 2007, 52, табл. 36.*4*]. Дата: середина II – середина III в. н. э.

[17] 1. – Сестерций. Пантикапей. Правитель: Тиберий Юлий Рескупорид (86–92 гг. н. э.). Использовалась до 211 г. н. э. Аверс: Легенда [ΤΙΒΕΡΙΟϹ ΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ] не читается. Бюст царя вправо, слева палица, [справа трезубец] (не читается). Реверс: Скачущий всадник с копьем вправо [внизу МН] (не читается). [*Анохин* 1986, 154, табл. 15, 385].
2. – Сестерций. Пантикапей. Савромат I или Рескупорид I. Изображения читаются слабо. Аверс: Бюст царя вправо. Легенда не читается. Реверс: Венок из трилистников дуба (?), в нем МН (не читается). Конец I в. н. э. – начало III в. Использован вторично: Двойной сестерций. Правитель: Савромат II, 174/175–210/211 гг. н. э. Аверс: Надчеканки в округлых отдельных полях: 1. голова «Септимия Севера вправо»; 2. «В». Датировка: 193–211 гг.

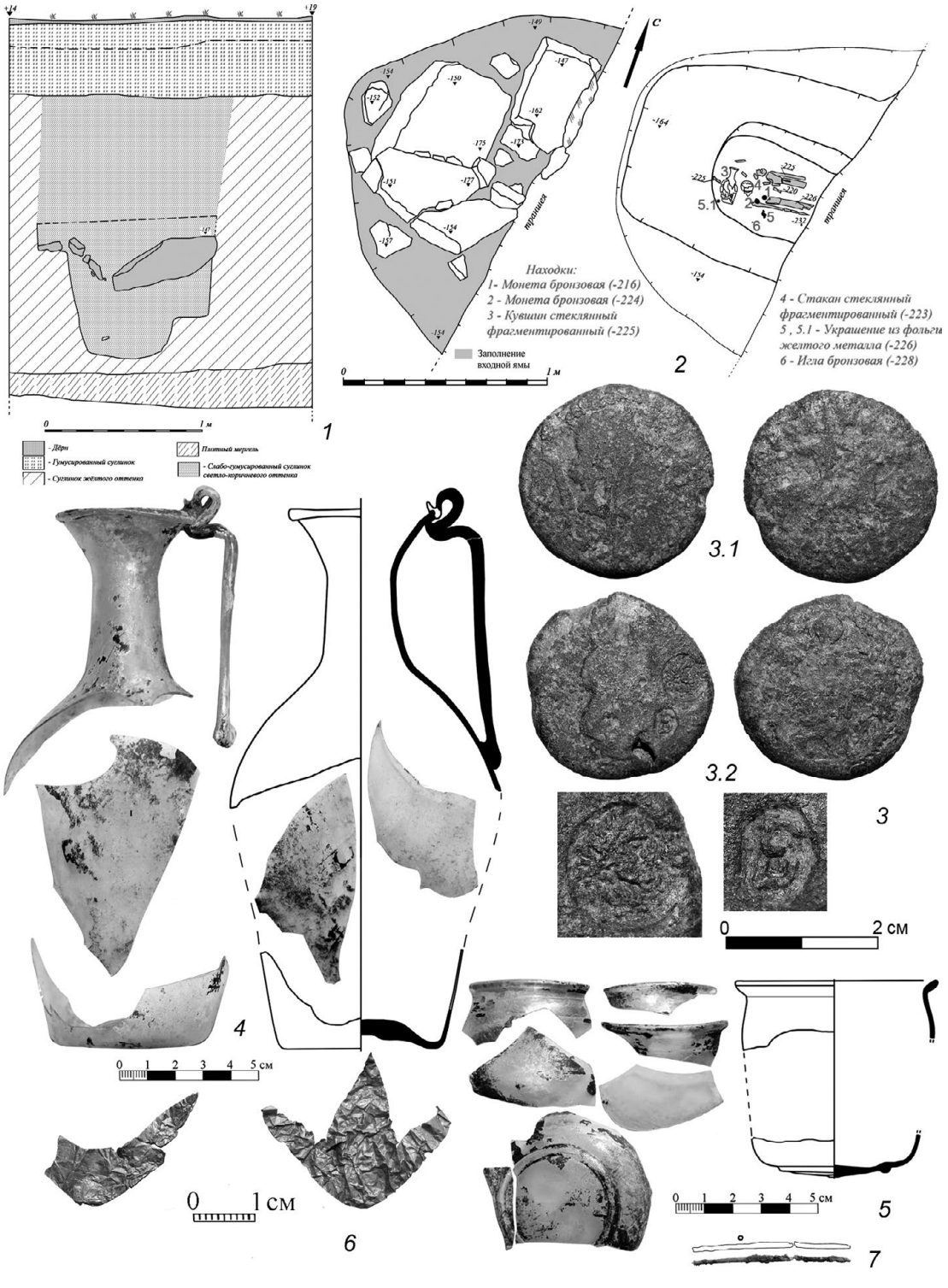

Рис. 3. Погребение № 1. *1, 2* – планы и разрезы погребения; *3* – монеты; *4, 5* – стеклянные сосуды; *6* – украшения из желтого металла в виде трилистников; *7* – фрагмент бронзовой иглы

Положение костей в могильной яме свидетельствует о том, что погребенный был уложен в вытянутом положении на спине головой на восток. Следов деревянного гроба не обнаружено, хотя нижняя часть могильной ямы вырезана под его установку. Обнаруженный погребальный инвентарь позволяет датировать могилу временем не ранее 193 г. н. э. – первой четвертью III в. н. э.

Погребение № 2 (рис. 2. *2*, *4*; 4. *1*, *2*) зафиксировано в северо-западной части траншеи, ведущей с севера к котловану стыковочного колодца в 31 м к северо-востоку (58,83°) от юго-восточного угла фундамента кладбищенской ограды и в 5,2 м к северу от погребения № 1. Обнаружено по разрушенной восточной части плитового перекрытия. Край одной из массивных плит выступал из отвала. Перекрытие сохранилось в виде двух массивных плоских известняковых плит размерами 0,7–1×1,5×0,19 м и 0,75×1,1×0,21 м, уложенных на заплечики. Прямоугольная могильная яма 2,15×0,6 м длинной осью ориентированная по линии З–В, выкопана в плотном материковом суглинке. Дно ровное. На нём, на глубине 0,8 м в западной части зачищены фрагменты костей нижних конечностей погребенного индивида, пол и возраст которого определить не представляется возможным. Он был уложен вытянуто, на спине головой на восток. У костей ступней правой ноги расчищен развал стеклянного бальзамария[18] (рис. 4. *3*), который имеет довольно широкую датировку – II–III вв. н. э. Однако наиболее вероятная дата погребения конец II – первая четверть III в. н. э. Под развалом бальзамария найден поддон стеклянного сосуда этого же времени (рис. 4. *4*).

Попытка локализовать места раскопок А. А. Бобринского (1891 г.) и В. В. Шкорпила (1909 г.) в настоящее время не привела бы нас к каким-либо конкретным участкам побережья поселка Капканы, если бы не упомянутое краткое сообщение В. В. Веселова о черепичной могиле на небольшой возвышенности, протянувшейся с севера на юг[19] до берегового обрыва в западной части поселка. Даже беглое обследование этой территории позволило В. В. Веселову сделать предположение о том, что место проведения раскопок В. В. Шкорпила находится именно здесь[20]. Следуя его указаниям, мы можем очертить примерный ареал «обширного некрополя» – это район нынешних ул. Новоселов и Лагерного переулка.

Как указывал В. В. Шкорпил, «сплошная могильная насыпь» в виде низкого широкого вала, тянулась чуть ли не до скальной гряды, у которой расположен бывший аул Джанкой. Проводя эту условную линию, становится вполне вероятным, что открытые нами погребения также могут принадлежать этому некрополю, который в свою очередь расширялся в северном направлении, пересекая участки более ранних могиль-

[18] Бальзамарий с высоким вытянутым со слегка расширяющимся кверху горлом, коническим туловом, отогнутым наружу оплавленным краем и слегка вогнутым вовнутрь дном. Близок по форме к типу 1,2Е. Дата: середина II – середина III в. н. э. [*Кунина, Сорокина* 1972, 165, рис. 9, 33.]

[19] Северная часть этой валообразной возвышенности перекрыта шлаковыми отвалами Керченского металлургического комбината им. П. Л. Войкова.

[20] «…При беглом обследовании в 1949 году территории, расположенной между шлаковыми отвалами и выемкой шоссе (к западу от Капкан), там где она пересекает пологую невысокую возвышенность, имеющую направление от берега пролива, под шлаковые отвалы, были обнаружены следы земляной могилы. Стенки этой могилы были обложены плоской кровельной черепицей, о чем свидетельствовали торчащие в земле крупные куски этой черепицы, создавшие как бы обкладку могилы. По всей вероятности, на этой невысокой возвышенности, еще в дореволюционное время, бывший директор Керченского музея Шкорпил производил раскопки некрополя…» [*Веселов* 1950–1952б, 60].

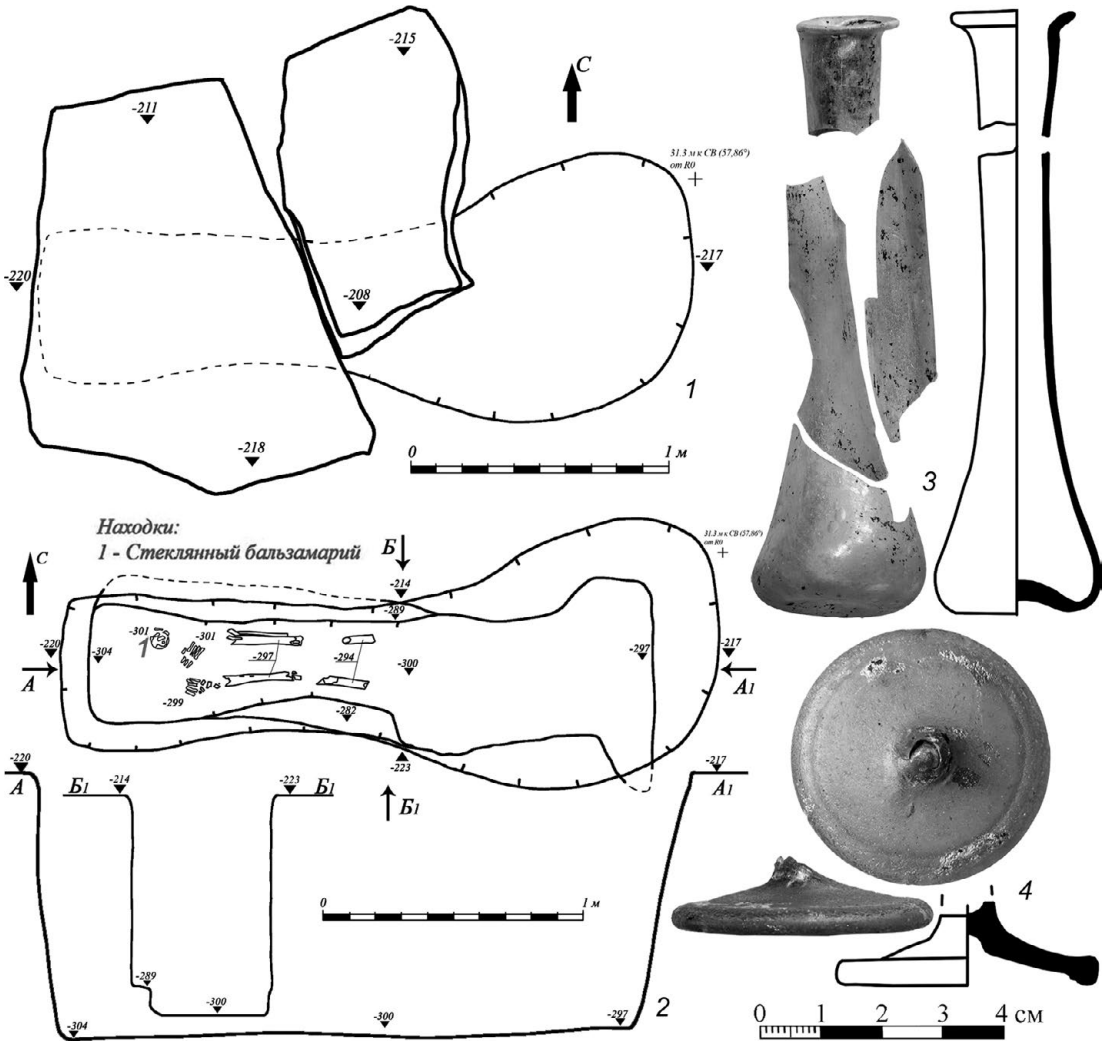

Рис. 4. Погребение № 2. *1*, *2* – планы и разрезы погребения; *3*, *4* – стеклянные сосуды

ных полей. Примером тому может служить открытый раскопками А.О. Иваник в 2020 г. участок некрополя эллинистического времени, исследование которого продолжила в 2023 г. С.А. Кононова. На площади 450 м^2 было изучено 11 погребальных комплексов, из которых лишь одно было датировано II – первой половиной III в. н. э. Этот участок расположен в 450 м к северо-востоку от выявленных нами могил по ул. Провалова [*Иваник*, *Кононова*, *Кононов* 2025, 109–117].

Следующим интересным и показательным является комплекс из 8 впускных погребений, обнаруженных при исследовании насыпи кургана с монументальной крепидой из тесаных блоков, «Капканы Северный I»[21] по ул. Гаспринского [*Иваник*, *Кононов* 2021,

[21] Курган исследовался сотрудниками ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» в 2020 г. под руководством В.Ю. Кононова и А.О. Иваник.

199–213]. Курган находился в 750 м к северо-востоку (71°) от перекрестка ул. Провалова и переулка Марунченко, что позволяет отнести впускные погребения к кругу «обширного некрополя», раскопки которого были начаты А. А. Бобринским в 1891 г. (рис. 1. *2*: *9*). Четыре из 8-и впускных погребений датированы I–II вв. н. э. Совершены они по обряду ингумации в простых грунтовых могилах. Примечательно, что три погребения находились в гробах, остатки которых удалось зафиксировать. Учитывая историческую топографию курганных насыпей района поселка Капканы, которую условно можно восстановить по картографическому материалу XIX века и по доступным аэрофотоснимкам времен Великой Отечественной войны, курган «Капканы Северный I» не входил в группу насыпей с курганом 1891 г. (*ОАК* 1893, 47–57), а скорее принадлежал курганному некрополю, протянувшемуся с запада на восток практически непрерывной цепочкой от пос. Красная Керчь до Еникале. Это отмечает и В. В. Веселов, указывая на курганную группу, расположенную к северу от микрорайона Капканы, которая была практически полностью уничтожена строительными работами в 1951–1952 гг. [*Веселов* 1950–1952а, 51–52, 63; 1950–1952б, 54–58]. Исследователем отмечено 5 насыпей, крайним северным из которых являлся курган «Капканы Северный I» (рис. 1. *3*: 2). Вероятно, четыре из пяти насыпей к 60–70 гг. XX века уже не фиксировались, однако их местоположение без труда можно восстановить по имеющимся архивным материалам.

Важно отметить и другие участки с грунтовыми могилами, обнаруженные в1952 г. В. В. Веселовым севернее границ поселка Капканы. Так, в 250 м восточнее «двухэтажных капканских домов» (территория между северной оконечностью 1-го и 2-го Степного переулка) им обнаружена плитовая могила размерами 1,70×0,96 м и глубиной до 0,2 м. Вблизи найден фрагментированный глиняный «бальзамарий из грубой розовой глины» и фрагменты прочих столовых сосудов. В 1950 г., во время производства земляных работ строителями раскопано погребение, в которой находились «истлевшие человеческие кости и небольшие позеленевшие бронзовые предметы» [*Веселов* 1950–1952б, 59].

Весьма краткую информацию без топографических привязок приводит В. В. Веселов относительно обнаружения древних погребений при обследовании береговой части поселка Капканы, где в обрыве отмечена грунтовая могила с плитовым перекрытием, прослеженная на глубину до 1,5 м, что вполне соответствует описанию погребений, открытых А. А. Бобринским в 1891 г.

Чтобы ответить на вопрос, поставленный В. В. Шкорпилом, о принадлежности «обширного некрополя» к какому-либо «боспорскому городу» [*Шкорпил* 1913, 3], ещё раз попытаемся подытожить результаты археологических исследований юго-западной части этого района.

В 900 м к юго-востоку (122,3°) от выявленного нами участка некрополя расположено поселение Капаканы II (рис. 1. *2*: 11; *3*: 4) [*Столяренко, Бейлин* 2018, 331–339]. Расстояние от этого поселения до места проведения раскопок 1891 и 1909 гг. приблизительно 1,3–1,5 км к западу. Учитывая территорию распространения археологического материала первых веков нашей эры, обнаруженного в строительных котлованах и частных приусадебных участках, примерная площадь поселения составляла порядка 1,3 га без учета площади, уничтоженной береговой абразией. В разведочном шурфе, заложенном в южной части поселения, у берегового обрыва, в 1,5 м к югу от проезжей части

ул. Шмидта, под слоем современного мусора, выявлен культурный слой с материалами III в. до н. э. – III в. н. э. На глубине 0,72 м от современной дневной поверхности зафиксированы фрагменты двух стен, образующих угол помещения. На 0,5 м ниже уровня основания стен расчищена поверхность его пола, которая представляла собой плотно утрамбованный суглинок светло-коричневого оттенка. В нижней части развала керамического комплекса на поверхности пола[22], под фрагментами амфоры типа 79 [*Зеест* 1960, 114, табл. XXXIII. 79] найден бронзовый сестерций царя Реметалка с надчеканкой времени правления Савромата II (174–211 гг.)[23]. Таким образом, помещение можно датировать последней четвертью II – первой половиной III в. н. э.

В 2025 г. в 380 м к юго-востоку (122,13°) от выявленного в 2019 г. участка некрополя, напротив дома № 37 по ул. Генерала Кулакова, при реконструкции магистрального водовода были разрушены пифосы II–III вв. н. э., маркирующие, вероятно, хозяйственную часть некоего жилищного комплекса, границы которого проследить не представляется возможным.

Не до конца ясны и границы городища, расположенного на Змеином мысу. Раскопками О. П. Бабич, частично вскрыта северная часть куртины оборонительной стены, опоясывающей скалистый мыс с запада и примыкающей к прямоугольной башне, пристроенной к скале. К ним пристроены жилищно-хозяйственные строения с находками I в. до н. э. – II в. н. э. Остатки культурного слоя и построек I в. до н. э. перекрывают небольшой скалистый мыс, расположенный в 80 м к северо-западу от вышеупомянутой башни и куртины. Известна и сохранившаяся часть оборонительной стены, примыкающей к основанию башни с востока мыса. Чуть восточнее их зафиксированы достаточно мощные слои с материалом IV–III вв. до н. э. Обнажения культурного слоя и кладки стен фиксируются в верхней части оползневых обнажений на протяжении 140 м к востоку от мыса, вплоть до дороги, ведущей к лодочным гаражам ГК «Войковец» [*Бейлин* 2006, 298–308]. Таким образом, площадь городища на Змеином мысу могла составлять до 2,5 га, а археологические материалы позволяют датировать его IV в. до н. э. – III в. н. э.

Некрополь городища на Змеином мысу располагался на расстоянии не более 1,5–2 км от него, что вполне соответствует ареалу от бывшей железнодорожной станции металлургического завода им. Войкова (Брянского завода) до весьма обширных погребальных полей к северу от поселка Капканы. Здесь раскопками прошлых лет четко зафиксированы его разновременные участки [*Думберг* 1901а, 19–20; 1901б, 80–81; *Капошина* 1959, 108–153; *Веселов* 2005, 17–18; *Бейлин*, *Столяренко* 2011, 57–61; *Бейлин, Рукавишникова, Волошинов* 2021, 7–33; *Иваник*, *Кононова*, *Кононов* 2025, 109–117; *Столяренко*, *Супренков*, *Топоривская* 2020, 134–137]. С учетом фиксации мест грабительских перекопов

[22] Развал содержал фрагменты стенок коричневоглиняного пифоса, фрагментированую красноглиняную амфору с высокоподнятыми ручками, типа 79 первой половины III в. н. э. [*Зеест* 1960, 114, табл. XXXIII. 79], развал верхней части амфоры близкой к типу мирмекийской – тип 72 конца II – первой половины III в. н. э. [*Зеест* 1960, 111, табл. XXX. 72], фрагменты тулова рифленой амфоры неустановленного типа и развал коричневоглиняного кувшина. Там же расчищены отдельные фрагменты амфор, столовой и лепной керамики. Керамический комплекс обрушился в обрыв, вместе с большей частью помещения [*Столяренко, Бейлин* 2018, 336–339].

[23] В овальном поле бородатая голова римского императора Септимия Севера [*Анохин* 1986, 160, табл. 22, № 519].

последних 30 лет, всё это может дать общее представление о характере пространственного развития обширного некрополя городища на Змеином мысу и поселений района современного поселка Капканы в IV в. до н. э. – III в. н. э.

Список литературы

А*лексеева* Е. М., *Сорокина* Н. П. 2007. Коллекция стекла античной Горгиппии. М., 159.

Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 181.

Ашик А. Б. 1848. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. I. Одесса, 117.

Б*ейлин* Д. В. 2006. К топографии античных памятников северной части г. Керчи // БИ. XI, 298–308.

Бейлин Д. В. 2008. К топографии античных оборонительных сооружений в северо-восточной части Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Militaria (Боспорские чтения. IX). Керчь, 14–19.

Бейлин Д. В., *Столяренко* П. Г. 2011. К истории изучения античных памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова в 40–60-х гг. XX века // Древности Восточной Европы. Сб. научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 57–61.

Бейлин Д. В. 2016. Некрополь на горе Хрони // БФ: Элита Боспора и боспорская элитарная культура. СПб., 365–371.

Бейлин Д. В., *Рукавишникова И. В., Волошинов* А. А. 2021. Археологические исследования в районе поселка «3-й Самострой» в г. Керчи // ДБ. 26, 7–33.

Белик Ю. Л. 2010. Крепость Еникале в конце XVIII – начале XIX вв. // П. Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 437–444.

Бобринский А. А. 1893. Производство археологических раскопок в Керчи и окрестностях // ОАК, 43–47, 150–160.

В*еселов,* 1950–1952а. Сообщения В. В. Веселова за 1950–1952 гг. // Архив ВКИКМЗ. Опись 5. Ед. хр. 34–1, 103.

Веселов, 1950–1952б. Сообщения В. В. Веселова за 1950–1952 гг. // Архив ВКИКМЗ. Опись 5. Ед. хр. 34–2, 185.

Веселов В. В. 1959. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. XXIX–XXX, 227–244.

Веселов В. В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. (ДБ. Suppl. II). М., 264.

Виноградов Ю. А. 2011. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 185–191.

Виноградов. Ю. А. 2014а. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. XXX, 510–528.

Виноградов. Ю. А. 2014б. Ещё раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. XXX, 529–534.

Г*айдукевич* В. Ф. 1941. Керченский район, 1935–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.–Л., 60–65.

Д*умберг* К. Е. 1901а. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1898 г. // ОАК, 19–20.

Думберг К. Е. 1901б. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1898 г. // ИАК. 1, 80–81.

Дюбрюкс П. 1858. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. IV, 3–84.

Дюбрюкс П. 2010. Собрание сочинений. СПб., 728.

ИАК 2009. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 1191.

И*ваник* А. О., *Кононов* В. Ю. 2021. Раскопки кургана «Капканы Северный I» по ул. Гаспринского в г. Керчь // ДБ. 26, 199–213.

Иваник А. О., *Кононова* С. А., *Кононов* В. Ю. 2025. Античный некрополь на северной окраине мкрн. Капканы в Керчи // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты (Боспорские чтения. XXVI). Керчь, 109–117.

З*еест* И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 179.

К*апошина* С. И. 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. 69, 108–153.

Кунина Н. З., *Сорокина Н. П.* 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды ГЭ. XIII, 146–177.

М*арти* Ю. Ю. 1926. Сто лет Керченскому музею. (Исторический очерк). Керчь, 96.

О*АК.* 1881. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1878 и 1879 годы. С атласом. СПб., 186.

ОАК. 1891. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 годы. С атласом. СПб., 133.

ОАК. 1893. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 год. СПб., 187.

ОАК. 1901. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 год. СПб., 190.

ОАК 1913. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. СПб., 289.

С*орокина* Н. П. 1977. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. 3,115–144.

С*толяренко* П. Г., *Бейлин* Д. В. 2015. К вопросу реконструкции палеогеографической ситуации в северо-восточной части Керченского полуострова в античное время (район городищ Парфений и Порфмий) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Акутальные проблемы и хронология (Боспорские чтения. XV). Керчь, 310–316.

С*толяренко* П. Г., *Бейлин* Д. В. 2018. Новые данные о поселениях Капканы I и Капканы II в г. Керчь // ДБ. 18, 325–341.

С*толяренко* П. Г., *Супренков* А. А., *Топоривская* М. А. 2020. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции в первом полугодии 2020 года // Таврические студии. 22, 134–137.

Т*ункина* И. В. 2010. Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // П. Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 533–588.

Ш*корпил* В. В. 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 47, 42–72.

Summary

D.V. Beilin, I.V. Rukavishnikiva

A Roman-era necropolis site in the village of Kapkany (to the archaeological map of Kerch)

In late September 2019, two destroyed burials from the late 2nd and early 3rd centuries AD were discovered and investigated in the Kapkany settlement, near the intersection of Provalova Street and Marunchenko Lane, at the southeastern corner of the existing cemetery. These burials were made in simple ground graves with slab roofs. In addition to publishing the results of the investigation of the destroyed burials, the paper provides an analysis of the necropolis sites of the first centuries AD and earlier, located both within the boundaries of the Kapkany microdistrict and in its surroundings, based on excavations and observations conducted in the 19th and 20th centuries. The authors have correlated the known necropolis sites with the recorded settlement structures and hillforts. The area is particularly notable for its high concentration of archaeological sites, which, in the context of modern urbanization, once again raises the issue of the need for increased attention to the preservation of cultural heritage sites of the peoples of the Russian Federation located not only within the modern city of Kerch, but also in Eastern Crimea as a whole.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.29-49

А. В. Бонин
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Римско-боспорская война середины I в. н. э. и укрепленные поселения на сельской территории Боспора

Междоусобица сыновей царя Аспурга, куда одним из братьев были вовлечены римляне – событие, дань которому отдали практически все исследователи истории Боспорского царства[1]. Немало внимания уделено и следам этого конфликта на хоре Боспора.

Впервые прекращение жизни на сельском поселении и войну середины I в. н. э. связала Ю. С. Крушкол, публикуя результаты раскопок здания у хутора Рассвет [*Крушкол* 1968б, 219]. Упоминание об этом объекте, а также о синхронных ему постройках на Семибратнем городище и поселении у ст-цы Натухаевской и об их гибели в ходе римско-боспорской войны имеются в монографии И. Т. Кругликовой «Сельское хозяйство Боспора» [1975, 133–134, 159].

Следующими к этой теме обратились в 1981 г. Н. А. Онайко и А. В. Дмитриев, по следам новых на тот момент исследований на юго-востоке Боспора. В двух статьях [*Онайко, Дмитриев* 1981, 99; 1982, 120–121] излагаются результаты раскопок домов-башен на Владимировском и Цемдолинском поселениях, а их гибель и разрушение, как и упоминаемых построек у хутора Рассвет и в Широкой балке, связывается с военными действиями в ходе римско-боспорской войны.

Обратил внимание на сельские поселения этой части Боспора в 1987 г. и М. В. Калашников в докладе «Новый тип поселений Азиатского Боспора первой половины I в. н. э.». По его мнению, поселения Владимировское, Цемдолинское, Рассвет и Анапское городище «около середины I в. н. э. (возможно, в 45 г.)… гибнут в сильном пожаре и более не восстанавливаются» [*Калашников* 1987, 64–65].

Разрушение укрепленного здания на Анапском городище с этими же событиями соотносит Е. М. Алексеева [*Алексеева* 1988, 80; 1997, 69].

В монографии С. Ю. Сапрыкина «Боспорское царство на рубеже двух эпох» кратко упомянуто о разрушении и прекращении жизни на этих же поселениях [2002, 253]. Им же в главе «Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. – середина III в. н. э.)»

[1] Историографию см. [*Виноградов, Горончаровский* 2009, 265]. Из совсем недавних работ: [*Масленников* 2025, 336–343].

в коллективной монографии «Античное наследие Кубани» говорится о разрушении Кеп в ходе рассматриваемой войны [2010, 114].

В 1999 г. Ю. В. Горлов и Ю. А. Лопанов в статье «Опыт предварительной дешифровки аэрофотоснимков Семибратнего городища» предположили, что в ходе интересующего нас конфликта на городище было разрушено строение, открытое и исследованное Н. В. Анфимовым, а после войны в южной части городища был возведен римский военный лагерь [1999, 173–174].

В уже упомянутой монографии 2009 г. Ю. А. Виноградова и В. А. Горончаровского кратко сообщается о «разрушении целого ряда укреплений Азиатского Боспора: погибшей в огне пожара крепости у ст. Запорожская (Красноармейская «батарейка»? – *А. Б.*), поселения на Семибратнем городище, усадьбы у хут. Рассвет, домов-башен около ст. Анапской, на поселениях Цемдолинское и Владимировка близ Новороссийска…» в ходе похода боспорян и союзных им римских частей в эту часть царства [*Виноградов, Горончаровский* 2009, 268–269].

Всплеск интереса к поискам следов римско-боспорской войны на территории Европейского Боспора вызвали раскопки Н. И. Винокурова на поселении Артезиан в Восточном Крыму. Найденные и опубликованные[2] следы разрушения укреплений городища в ходе военных действий середины I в. н. э. поставили вопрос о событиях начальной стадии междоусобицы, сведения о которых отсутствуют в письменных источниках.

По мнению ряда исследователей, разрушениям в ходе начала военных действий Котиса против Митридата VIII на Европейском Боспоре подверглись (помимо цитадели Артезиана) поселения Багерово Северное, Ново-Отрадное, Михайловское городище, Тасуново, Маяк (по всей видимости, речь идет о поселении Маяк 1 [*Веселов* 1952, 236; 1959, 236–237; 2005, 13; *Кругликова* 1975, 256, рис. 1]) и другие, расположенные на основных дорогах, ведущих в Пантикапей [*Винокуров, Крыкин* 2016, 67; 2017, 181; *Абрамзон, Винокуров* 2016, 716; *Абрамзон, Смекалова* 2025; 89, 96].

В свете археологических изысканий последних десятилетий на территории Азиатского Боспора увеличилось количество поселений, на которых зафиксированы разрушения, связываемые с интересующим нас конфликтом. Исследования, проведенные А. А. Малышевым и А. В. Дмитриевым, позволили говорить о системе «укрепленных башенных сырцово-каменных сооружений» в восточной части Анапской долины и на полуострове Абрау, которая частично прекратила свое существование в середине I в. н. э. Также раскопками было установлено время гибели строения на Раевском городище (около середины I в. н. э.), раскопанном В. И. Сизовым в 1880-х гг. [*Малышев* 2010а, 178; 2010б, 592; 2021, 155, 161, 168; *Вязкова, Гольева, Малышев* 2009, 212–240; *Малышев, Требелева* 2018, 149, 152; *Малышев, Батченко* 2020, 77].

Как видно из краткого обзора литературы, к последствиям римско-боспорской войны для поселений хоры Боспорского царства обращались многие исследователи. В то же время, приведенные в указанных работах сведения, порой излишне лаконичны и не всегда подкреплены ссылками на данные археологических исследований.

[2] Основные публикации: [*Винокуров* 2005, 2010а, 2010б, 2013, 2018; *Абрамзон, Винокуров, Трейстер* 2012, 2014; *Абрамзон, Винокуров* 2016].

Поэтому рассмотрим результаты раскопок укрепленных (т. е. тех, которых для противоборствующих сторон имело смысл защищать, брать и разрушать в ходе военных действий) поселений хоры Боспора I в. н. э. на предмет выявления последствий междоусобицы сыновей Аспурга, двигаясь от европейской части Боспорского царства к азиатской, вслед за потерявшим трон Митридатом VIII.

Артезиан дает нам эталонный вещевой комплекс для датировок слоев разрушения и прекращения жизни в ходе указанных военных действий [*Абрамзон, Винокуров, Трейстер* 2014; *Винокуров* 2018]. Выделим основной момент относительной хронологии массового материала, характерного, на примере результатов исследования слоя пожара времени римско-боспорской войны на Артезиане, для поселенческих памятников Боспора середины I в. н. э. Это присутствие светлоглиняных широкогорлых амфор типов С Ia, С III, Син IVб и светлоглиняных же узкогорлых варианта С IVA (типология амфор дана по С. Ю. Внукову [*Внуков* 2006; 2016]). Прочие категории датирующего материала (за исключением монет), такие как столовая керамика, в том числе и краснолаковая, светильники, фибулы, бусы и проч., по большей части, либо дают слишком широкие датировки, либо отсутствуют на сельских поселениях, в силу невысокого уровня жизни их обитателей. Поэтому будем касаться их только в том случае, если эти предметы или их сочетания имеют аналогии в датированных комплексах с достаточно узкими датировками.

Далее рассмотрим Михайловское городище, находящееся в 19 км к западу от Керчи. Поселение располагалось на холмах, окаймленных руслом высохшей реки. Памятник на протяжении многих лет исследовался Б. Г. Петерсом. Интересующие нас строительные периоды – второй и третий.

Второй строительный период на поселении представлен фундаментами помещений жилого и хозяйственного назначения, а также остатками оборонительных стен. По мнению Б. Г. Петерса, эти постройки были разрушены во время борьбы Полемона I и Динамии [*Петерс* 1978а, 124].

Третий строительный период Михайловского городища содержал остатки строений I в. н. э., возведённых поверх предшествовавших построек [*Петерс* 1978а, 124]. Кратко напомним основные характеристики сооружений этого времени.

Оборонительные степы поселения в плане образовывали четырехугольник со сторонами около 29 м. Они сложены в два панциря с каменно-глиняной забутовкой из необработанных глыб местного известняка. Средняя толщина стен 2,3 м, сохранившаяся высота до 2,0 м. Огороженная ими площадь составляет около 850 м^2. Изнутри к крепостным стенам на западе, севере и востоке примыкали по три отдельных дома. В центре «усадьбы» находился двор. В юго-восточном углу усадьбы помещалась квадратная башня.

По наиболее позднему нумизматическому материалу в слое пожарища (четыре сестерция Савромата I) гибель постройки датируется не ранее 93 г. н. э. или началом II в. н. э. [*Петерс* 1978а, 124–126].

Рассмотрим датирующий материал. Комплекс тарной керамики из слоя второго строительного периода – амфоры эллинистического времени и светлоглиняные широкогорлые варианта С Ia при количественном преобладании последних [*Петерс* 1985, 25]. Не противоречат датировкам керамики и монетные находки: на полу помещения IX найден обол Агриппии (14–8 гг. до н. э.) [*Петерс* 1978а, 124; 1978б, 3; 1985, 25]. Таким

образом, можно считать, что поселение этого строительного периода[3] прекратило свое существование около рубежа эр, так как в слое отсутствуют фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор варианта С IVA.

Точно датировать начало третьего СП затруднительно, ибо его слой в основном представляет следы пожара, финализировавшего упомянутый период. По мнению Б.Г. Петерса, между вторым и третьим СП был некий, почти полувековой этап запустения. Аргументы – самые ранние монетные находки из слоя III – это пять ассов Митридата VIII (39–45 гг. н. э.). Помимо них были обнаружены монеты Котиса I и Рескупорида II [*Петерс* 1978б, 3–4].

Керамический комплекс из слоя разрушения третьего СП датирует его не ранее начала II в. н. э. В слое зафиксированы [*Петерс* 1973, рис. 20–21; 1974, рис. 55–56; 1978в, рис. 37–38; 1979, рис. 173–175, 179] фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор варианта С IVC (до 140 – после 180 г. н. э.), варианта С IVJ (рубеж I–II – около середины III в. н. э.) [*Внуков* 2016, 44], красноглиняных амфор с ручками на плечах (II–III вв. н. э.), розовоглиняных широкогорлых амфор (II–III вв. н. э.), красноглиняных амфор с ручками треугольной в сечении формы (II–III в. н. э.) и красноглиняных амфор типа Мирмекий (II–III в. н. э.) [*Зеест* 1960, табл. XXX. 73г, табл. XXXII. 76, табл. XXXIII. 78, табл. XXXIV. 83; табл. XXXVI. 89].

В слое третьего строительного периода, под завалами стен одного из помещений, найден комплекс краснолаковой столовой керамики [*Петерс* 1976]. В основе его лежат изделия трех наиболее распространенных форм Понтийской сигиллаты А: формы 4, 28 и 30 по Д.В. Журавлеву, бытовавшие во второй четверти – конце II в. н. э. [*Журавлев* 2010, 113–114, табл. 82]. Следует отметить и тот факт, что самые поздние монетные находки в данном слое относятся к чеканке Савромата I (93–123 гг. н. э.) [*Петерс* 1978б, 4].

Таким образом, хронологические рамки второго строительного периода – вторая половина I в. до н. э. – не ранее 14 г. до н. э. Началом третьего строительного периода следует считать I в. н. э., окончанием – первую половину II в. н. э.

Следующее укрепленное поселение интересующего нас времени расположено вблизи северной оконечности Узунларского вала. Памятник находится в 34 км к северо-востоку от Керчи, на высоком холме, на расстоянии 500 м от небольшой речки Аджиэли. Поселение получило название Ново-Отрадное и исследовалось с перерывами с 1953 по 1985 гг. И.Т. Кругликовой. Исследовательницей выделено пять строительных периодов. Интерес для настоящего изложения представляют второй, третий и четвертый периоды.

Во второй четверти – середине I в. до н. э. (второй строительный период), на месте разобранной позднеэллинистической постройки, строится прямоугольный в плане дом с квадратной башней в углу, немного выступающей за линию стен. Здание было выстроено из сырца, каменными были только цоколи стен, оформление углов и дверных проемов. Постройка, по мнению И.Т. Кругликовой, была разрушена во второй половине I в. до н. э., возможно, вследствие землетрясения 63 г. до н. э. [*Кругликова* 1998, 144–151].

В I в. до н. э. – I в. н. э., в начале третьего строительного периода, был поднят уровень пола, возведены новые стены помещений и в некоторых местах переложили на старом

[3] Далее даю в сокращении – СП.

основании наружную стену. Усадьба была расширена за счет пристроенных к внешним стенам помещений. Был увеличен внутренний двор, усилена оборонительная стена, к северному и южному углу которой были пристроены башни [*Кругликова* 1998, 151–155].

Следующая перестройка усадьбы (четвертый СП) произошла во II – начале III в. н. э. Но уже около 275 г. н. э. усадьба была разрушена, помещения погибли в пожаре, пострадали и оборонительные стены [*Кругликова* 1975, 126–130; 1998, 143–144].

Начало второго СП датируется И. Т. Кругликовой второй четвертью, либо серединой I в. до н. э. Среди находок из постройки упоминаются фрагменты амфор Синопы и Родоса с клеймами конца II в. до н. э., обломки косских амфор, а также светлоглиняных амфор с двуствольными и профилированными ручками. Отметим монету первой четверти I в. до н. э. Митридата Евпатора (найдена вне строения, на глубине 2,25 м) [*Кругликова* 1998, 146–150].

Датирующим материалом для рассматриваемого периода следует считать фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными и профилированными ручками, которые соответствуют типам С I и С III. Следует отметить, что обломков светлоглиняных узкогорлых амфор в слое этого строительного периода не зафиксировано. Таким образом, временем начала второго СП поселения Ново-Отрадное можно считать вторую половину I в. до н. э. Второй строительный период завершается пожаром.

Следующий, третий строительный период, по мнению И. Т. Кругликовой, был отделен четвертьвековым периодом запустения от предыдущего и начинается в конце I в. до н. э. [*Кругликова* 1998, 151].

Состав находок из соответствовавшего ему слоя весьма схож с вышерассмотренным. Это синопские и родосские амфоры с клеймами конца II – начала I в. до н. э., светлоглиняные амфоры с двуствольными и профилированными ручками, красноглиняные с двуствольными ручками, коричневоглиняные амфоры. Появляются фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа С IVA [*Кругликова* 1998, 151–155]. Их наличие позволяет отнести завершение строительного периода на время не ранее второй четверти I в. н. э.

Об обстоятельствах этого исследовательница сообщает следующее: «Причина гибели поселения третьего периода нам не ясна. Следов катастрофы не отмечено. Нет и следов длительного запустения между третьим и четвертым строительными периодами. Можно предположить, что глинобитные стены крепости со временем пришли в негодность и перестали гарантировать безопасность ее обитателей. Может быть, возросло число живших в крепости семей, и потребовалось расширение площади внутри укреплений» [*Кругликова* 1998, 155].

Эта перестройка, изменившая облик поселения, произошла в I в. н. э. [*Кругликова* 1998, 156]. Строения IV периода местами подстилает подсыпка из глины и золы, содержавшая многочисленные находки более раннего времени [*Кругликова* 1983, 39–40]. Материал же, относимый к данному периоду, представлен «светлоглиняными и синопскими амфорами римского времени», светлоглиняными и красноглиняными амфорами с двуствольными ручками, краснолаковой столовой керамикой («блюда с насечками по кругу и миски», фрагменты краснолаковой керамики с клеймом planta pedis) [*Кругликова* 1998, 156–159]. Показательны находки с вымостки «В» центрального

двора [*Кругликова* 1982, 36–39, рис. 2. *5*; 6, 5; 1983, 31–39, рис. 85. *8*; 1985, 10–11, рис. 1. *11*, *12*]. Это фрагменты розовоглиняных широкогорлых амфор II–III вв. н. э. [*Зеест* 1960, табл. XXXIV. 83б]; широкогорлых светлоглиняных амфор с типа С I (рубеж 60-х – 50-х годов I в. до н. э. – первая треть II в. н. э. [*Внуков* 2006, 167]); светлоглиняных узкогорлых амфор типа С IVC и фрагменты красноглиняных амфор с ручками на плечах. Подобное сочетание типов тарной керамики, как уже указывалось выше, датируется первой половиной – серединой II в. н. э. Тем же временем можно датировать окончание четвертого строительного периода.

Следующее поселение, Андреевка Северная, находится в 11 км к западу от Керчи, на краю высокой скалистой гряды. Протяженность его с востока на запад около 120 м, ширина, по-видимому, немногим менее 100 м. По мнению А. А. Масленникова, поселение было укреплено [*Масленников* 1998, 251–252].

Раскопанная площадь, к сожалению, невелика – 282 м^2 [*Кругликова* 2000, 78]. Планировка предполагает наличие террасированных кварталов, состоявших из нескольких небольших по площади жилых и хозяйственных строений, разделённых узкими переулками. Согласно И. Т. Кругликовой, поселение существовало с позднего эллинизма по III в. н. э. Расцвет жизни на нём приходится на первые века н. э.

В I в. до н. э. – I в. н. э. на поселении были проведены строительные работы, вероятно, изменившие его планировку. Их нижнюю хронологическую границу определяют фрагменты амфор, зафиксированные в подсыпке под основания стен и на полу нового строения. И. Т. Кругликова упоминает в этой связи два типа тарных сосудов: широкогорлые светлоглиняные амфоры типа С I и узкогорлые светлоглиняные – варианта С IVA. Это позволяет датировать начало формирования этого слоя не ранее второй четверти I в. н. э. Верхняя дата, по-видимому, конец I – начало II в. н. э., когда помещение было перестроено и сооружен новый глинобитный пол[4]. Далее это строение, как и всё поселение, существует до III в. н. э. [*Кругликова* 2000, 80].

Слой II–III вв. н. э. на Андреевке Северной довольно мощный. Жизнь прервалась неожиданной катастрофой, вероятно, нападением врагов (около 260–270 гг. н. э.). Об этом свидетельствует большое количество сосудов, оставшихся на полах и раздавленных упавшими перекрытиями и камнями рухнувших стен, а также следы пожара [*Кругликова* 1975, 107–112].

Таким образом, можно предположить, что основные этапы развития и этого поселения схожи с вышеописанными.

Семеновка является одним из наиболее исследованных памятников сельской территории Европейского Боспора. Поселение находилось на берегу Азовского моря, на скалистом холме, в трех км к северу от деревни Семеновки. Укрепленная часть поселения помещалась на обвалившемся в море мысу [*Кругликова* 1970, 4–14]. Раскопанная площадь сплошной застройки составляет около 3000 м^2. Постройки (небольшие по площади и примерно одинаковые по планировке дома-помещения) располагались рядами-кварталами на четырёх невысоких террасах, поддерживаемые подпорными стенами, тянув-

[4] К сожалению, археологический материал, позволивший И. Т. Кругликовой сделать подобные выводы, не приводится.

шимися с востока на запад параллельно центральной улице. Поселение было обнесено оборонительной стеной [*Масленников* 1998, 237–239].

По мнению И.Т. Кругликовой, оно возникло в конце III – начале II в. до н. э., в I в. до н. э. перестраивается. Вскоре произошел большой пожар, который датируется I в. до н. э. В I в. н. э. были произведены большие строительные работы: устроены террасы, проложены улицы, возведены оборонительные стены. Планировка поселения с тех пор не менялась. Еще раз перестройка проводилась уже в III в. н. э., незадолго до разрушения, которое, произошло около 270 г. н. э. [*Кругликова* 1966, 70; 1970, 77–78; 1975, 99–101, 104–105].

Еще одно укрепленное поселение первых веков н.э. известно у деревни Тасуново. Городище расположено на большом холме, находящемся на восточной окраине деревни. Небольшие раскопки на нем были проведены в 1952 г. В.Д. Блаватским и в 1980, 1983 гг. О.Д. Чевелевым. Были исследованы остатки строений, хозяйственные и зерновые ямы, а также участок оборонительной стены [*Блаватский, Шелов* 1955, 102–104; *Чевелев* 1981, 320].

Археологический материал из раскопок В.Д. Блаватского, по словам исследователя, «относится к одному периоду – к первым векам нашей эры, причем хронологически вряд ли ранее I в. н. э. и позже III–IV вв. н. э.». Из форм тарной керамики указаны: «обломки больших красноглиняных амфор с широким горлом и массивными ручками, круглыми в сечении, или профилированными бороздками по наружной поверхности и глубокой выемкой на внутренней», «амфоры привозные, с узким горлом и сложно профилированными ручками, выделанные из светло-желтой малоазийской глины», «обломки амфор римского времени с двуствольными ручками». О находках краснолаковой керамики сказано следующее: «Очень богато представлена краснолаковая посуда, главным образом, II в. н. э. Основной формой ее является чашка с вертикальным бортиком, но нередко встречаются блюда, кубки, закрытые сосуды, чашки иных форм и т.д. Большая часть краснолаковой посуды не орнаментирована, но попадаются отдельные фрагменты с штампованным орнаментом: насечки по дну чашек и блюдец, виноградная гроздь на стенке одного кубка; найдены фрагменты продолговатых краснолаковых блюд с двумя ручками и бортиком, украшенных штампованным орнаментом. На донышке одной краснолаковой чашки имеется клеймо в виде ступни» [*Блаватский, Шелов* 1955, 105–106].

Раскопками О.Д. Чевелева, на площади более 200 м^2, были найдены три помещения, двор и участок оборонительной стены шириной 1,7 м. В помещениях были обнаружены тарные сосуды следующих типов: розовоглиняные широкогорлые, красноглиняные с клювообразными венцами [*Зеест* 1960, табл. XXX. 73, табл. XXXIV. 85], «три светлоглиняных узкогорлых с профилированными ручками… и реберчатая II–III вв.», а также «медный денарий Савромата II 186–196 гг. ». Хронология исследованных строительных остатков, по мнению О.Д. Чевелева, такова: «… раскопки показали, что на месте эллинистического поселения на рубеже нашей эры возникли новые жилые и хозяйственные комплексы. Это поселение погибло в III в. н. э., видимо, во время готских походов. Более позднего материала не зафиксировано» [*Чевелев* 1983, 15–22]. Из представленных материалов раскопок видно, что это укрепление существовало во II в. н. э.

По всей видимости, и крепость поселения Багерово Северное, частично исследованная Н. И. Винокуровым, была возведена не ранее II в. н. э., хотя на нем прослежены культурные напластования и находки первой половины IV в. до – начала IV в. н. э. и VIII–IX вв. н. э. [*Масленников* 1998, 116; *Винокуров* 1998, 26; 2004а, 164, 2012, 64–78].

Завершить обзор укрепленных поселений Восточного Крыма стоит давно известным памятником, исследованным еще в XIX в. и ныне известным как villa rustica на Темир-горе [*Гайдукевич* 1941]. Его архитектурные и планировочные особенности не раз разбирались в трудах, посвященных сельской территории Европейского Боспора [*Кругликова* 1966, 1975; *Масленников* 1998], поэтому сосредоточимся на хронологических моментах.

К сожалению, из датирующего материала, полученного при раскопках, упомянуты только монетные находки, а именно «три бронзовые боспорские монеты римского времени: 1) Савромата I (у А. Люценко она именуется монетой Савромата II, но, поскольку при этом указаны годы царствования, начиная с 93 г., ясно, что речь идет о Савромате I, царствовавшем с 93/4 по 123/4 г.); 2) Котиса II (123/4–132/3) и 3) Римиталка (131/2–153/4 гг.)» и «несколько более ранних монет: автономные монеты Фанагории, Пантикапея (типы не указаны) и Кесарии» [*Гайдукевич* 1941, 59]. Таким образом, если основываться только на этом (даже принимая во внимание датировки, указанные Е. Люценко и приведенные в сноске на той же странице), возведение укрепленной постройки на Темир-горе следует относить на конец I в. н. э.

Итак, на протяжении I в. н. э. укрепленные сельские поселения Европейского Боспора существуют относительно благополучно, следы разрушений, произошедших в ходе военных действий в середине столетия и связываемых с римско-боспорской войной, зафиксированы только на городище Артезиан.

Крупнейшими укрепленными поселениями хоры Азиатского Боспора I в н. э. являются крепости-«батарейки». В силу их географического расположения, а также сходства планировочных решений, стратиграфии и хронологии, будет достаточно обозначить общие моменты датировки этих укреплений.

При раскопках крепостей-«батареек» Н. И. Сокольский выявил пять слоев [*Сокольский* 1962, 57–94, 104–117; 1963, 37–67; 1964, 25–62, 62–85; 1965, 50–64].

Самые нижние, времени постройки крепостей, состояли из глинистой «субструкции», в которые были впущены каменные цоколи сырцовых стен укреплений и внутренних строений. Промежуточных слоев, содержавших материал времени существования укреплений, практически нигде не прослежено, хотя исследователем на ряде укреплений выделены перестройки и ремонты стен. Н. И. Сокольский объяснял этот тем, что внутренние помещения крепостей регулярно убирались и ремонтировались, что препятствовало накоплению культурного слоя времени бытования укреплений [*Сокольский* 1962, 64–65; 1965, 2–9].

Слои разрушения крепостей (пожарище и перекрывавшие его рухнувшие сырцовые стены) значительны: их мощность колеблется от 0,5 до 2 м, а на некоторых памятниках завалы рушенного сырца стен достигали 4 м [*Сокольский* 1961, 85; 1962, 64; 1963, 43, 78–82; 1964, 33, 74]. Впоследствии на месте крепостей появились неукрепленные строения.

Хронология нижних слоев батареек определяется фрагментами позднеэллинистических амфор и светлоглинянными тарными сосудами с двуствольными ручками.

Так, при описании находок слоя основания крепости на Батарейке 1 Н. И. Сокольским особо подчеркивалось отсутствие обломков узкогорлых светлоглиняных амфор [*Сокольский* 1961,71–72; 1963, 70–71; 1964, 32]. По такому составу комплекса тарной керамики определить время постройки всех крепостей (кроме одной, речь о которой пойдет ниже) можно достаточно широко: от середины I в. до н. э. до конца первой четверти I в. н. э.

Отметим, что среди находок из слоя основания Красноармейской батарейки указано присутствие фрагментов амфор варианта С IVA [*Сокольский* 1962, 83], что свидетельствует о том, что постройка этой крепости была предпринята позже остальных, не ранее 20 г. н. э.

Слои крепостей, в которых зафиксированы пожары, разрушившие укрепления, Н. И. Сокольский датировал концом I в. н. э. [*Сокольский* 1960, 15; 1963, 38]. Однако анализ амфорного материала дает другую картину. Несмотря на присутствие в слоях пожарища фрагментов светлоглиняных амфор с двуствольными ручками, большинство обломков тарной керамики принадлежит типам, бытовавшим во II–III вв. н. э. Это амфоры подварианта С IVB2 (начало – 40-е годы II в. н. э.), вариантов С IVJ (рубеж I–II – около середины III в. н. э.) и С IVC (до 140 – после 180 г. н. э.), типа Син II (последняя четверть I в. н. э. – после середины III в. н. э. [*Внуков* 2006, 167; 2016, 44]), розовоглиняные широкогорлые (II–III вв. н. э. по И. Б. Зеест), розовоглиняные с ручками на плечах (середина-конец II – первая половина III в. н. э. [*Журавлев, Ломтадзе* 1999, 98, рис. 2.*15*]), красноглиняные амфоры с ручками треугольной в сечении формы (II–III в. н. э. по И. Б. Зеест) [*Зеест* 1960, табл. XXXII. 76, табл. XXXIV. 83, табл. XXXVI. 89]. Подобный набор амфорной тары позволяет датировать слои разрушения первой половиной – серединой II в. н. э. В помещениях, погибших при пожаре, найдена краснолаковая керамика – изделия понтийской сигиллаты (формы 4, 28 и 30 по Д. В. Журавлеву), бытовавшие во второй четверти – конце II в. н. э. [*Журавлев* 2010, 113–114, табл. 82]. Следует упомянуть и краснолаковые тарелки с клеймом planta pedis [*Сокольский* 1962, 83].

Таким образом, слои пожара и разрушения крепостей-батареек следует датировать первой половиной – серединой II в. н. э. Отметим, что к такой датировке первоначально склонялся и Н. И. Сокольский, описывая в отчете за 1963 г. хронологию крепости на поселении Батарейка 1: «Судя по изношенности полов, находкам в сырцах стен и находкам в пожарище, должен был пройти значительный срок между постройкой крепости и катастрофой» [*Сокольский* 1963, 43].

Таманские крепости-«батарейки» без потерь переживают середину I в. н. э. Другие же исследованные поселения этого региона, такие как Юбилейные 1 и 2, городище у Ахтанизовского лимана, «дом Хрисалиска», Ахтанизовская 4, равно как и Чокракский мыс в Восточном Крыму были разрушены или оставлены населением ещё в I в. до – начале I в. н. э., задолго до римско-боспорской войны [*Бонин*, 2022, 54–55].

Одним из примечательных объектов восточной окраины Боспора является крепость Раевского городища, расположенная у ст-цы. Раевской. В «раннеримское» время здесь появляется так наз. «административный центр» – цитадель, которая возводится в северо-восточной части городища, на мысу, в наиболее возвышенном месте. От остального городища она была отделена каменной стеной шириной около 1,8 м [*Вязкова, Гольева,*

Малышев 2009, 224]. Исследование цитадели Раевского городища было начато в 1886 г. В. И. Сизовым [*Сизов* 1889] и продолжено в 2005–2008 гг. А. А. Малышевым [*Вязкова, Гольева, Малышев* 2009, 222–224; *Малышев* 2010а, 175–178].

По данным раскопок В. И. Сизова, в основе «цитадели» – трехкамерная постройка на каменном цоколе, возведенном на культурном слое позднеэллинистического времени. Верхняя часть строения имела два или более этажей и была сложена из сырцовых кирпичей, которые в результате мощного пожара, уничтожившего постройку, рассыпались и заполнили полуподвальное помещение. Многочисленные находки человеческих костей в пожарище позволили предположить гибель строения в результате вражеского нападения [*Сизов* 1889, 113–117]. Находки из раскопок опубликованы, к сожалению, лишь частично, однако, судя по изображениям керамики из раскопок В. И. Сизова [*Сизов* 1889, рис. 29–35, 37], а также находкам, сделанным в результате раскопок последних лет, их можно считать идентичными таковым из поселений Владимировское и Цемдолинское. Гибель укрепления можно связать с римско-боспорской войной середины I в. н. э. – самые поздние монеты из здания отчеканены во время правления Митридата VIII (39–44 гг. н. э.) [*Малышев* 2010а, 177–178].

Другим не менее известным объектом этого времени, является укрепленное здание на Семибратнем городище, расположенном в 28 км к северо-востоку от г. Анапы, близ пос. Чекон. С V по II–I вв. до н. э. здесь существовало большое укрепленное поселение, которое к началу римского времени пришло в упадок. К последнему этапу жизни на городище относится открытое 1938–1940 гг. Н. В. Анфимовым укрепленное здание, датированное исследователем второй половиной III в. до н. э. – «римским временем» [*Анфимов* 1941, 263]. Строение площадью 438 м^2 в плане имело прямоугольную форму с ориентацией стен по сторонам света. Кладка стен была выполнена из массивных известняковых квадров с забутовкой из щебня. Толщина внешних стен достигала 1,7 м, внутренних – 1,3–1,4 м. Внутри здание делилось на шесть помещений, одно из которых могло быть двором [*Анфимов* 1941, 259–262]. Находки – широкогорлые амфоры с двуствольными ручками (автором упомянуто, что фрагменты тары этого типа преобладали среди прочих фрагментов амфор), трехручные чаши-канфары, гончарная столовая посуда (с налепами), лепная керамика. Отмечено и наличие фрагментов керамики эллинистического времени. Среди монетных находок упомянуты монеты Митридата VI Евпатора и Митридата VIII [*Анфимов* 1941, 260–262].

Анализ комплекса находок и стратиграфии строения (на основе результатов раскопок Н. В. Анфимова) приведен в статье О. В. Шарова [*Шаров* 2009] и в его же докладе в соавторстве Т. А. Самариной, где выделяются 5 строительных периодов [*Шаров Самарина* 2009, 430]. Два первых относятся к эпохе эллинизма, три – к римскому времени и датируются последней четвертью I в. до н. э., серединой I в. н. э. и второй половиной I в. н. э. Смена одного из вышеперечисленных строительных периодов (в «раннеримское время») сопровождалась пожаром и разрушениями, но неясно, можно ли связать эти разрушения с римско-боспорской войной.

Значительное количество укрепленных поселений исследовано в окрестностях Анапы и Новороссийска. Это Владимировское, Цемдолинские, Рассвет и Анапское городища, раскопанные ещё в 70–80-х годах прошлого века.

Поселение Владимировское расположено в 15 км к северо-западу от Новороссийска на территории одноименного села, под холмом на левом берегу реки Цемес. Раскопано прямоугольное здание площадью в 198 м^2, ориентированное углами по сторонам свет и возведенное из местного песчаника на глине [*Онайко, Дмитриев* 1982, 109–111].

Основным датирующим материалом [*Дмитриев* 1971, 2–4; 1972, 5–9; *Онайко* 1977, 5, 11, 13] служат светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками (тип С I по С. Ю. Внукову), светлоглиняные «узкогорлые раннего типа» – вариант С IVA по С. Ю. Внукову (после 20 г. н. э.), коричневоглиняные I в. до н. э. – I в. н. э. «без ребра на горле» (подвариант колхидской тары Кх IВ2 по С. Ю. Внукову (середина I в. до н. э. – конец I в. н. э.) [*Внуков* 2006, 167, 2013, 27, 34–35].

Таким образом, современные датировки, в целом, не противоречат хронологии, предложенной Н. А. Онайко и А. В. Дмитриевым: конец II–I до н. э. – не позже середины I в. н. э. [*Онайко, Дмитриев* 1982, 106–121]. В то же время, по материалам раскопок поселения Кара-Тобе, вышеперечисленные типы тары относятся к периоду 2, выделенному С. Ю. Внуковым на основе материалов раскопок этого памятника и датируемому последней четвертью I в. до н. э. – серединой I в. н. э. [*Внуков* 2013, 47–49, рис. 13, 14]. Скорее всего, так можно датировать и Владимировское.

Неподалеку, в 3,5 км к юго-востоку, на левом берегу притока р. Цемес, находится поселение Цемдолинское. Дом выстроен из крупных камней песчаника (плитняка), скрепленных глиной, площадь здания 212 м^2 [*Онайко, Дмитриев* 1982, 109]. Для рассматриваемого поселения основным датирующем материалом являются светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками (тип С I) по С. Ю. Внукову. Также в числе находок [*Дмитриев* 1972, 2; *Онайко* 1978, 14] присутствовали обломки красноглиняных амфор с двуствольными ручками, датируемых С. Ю. Внуковым временем около рубежа н. э. и светлоглиняных узкогорлых варианта С IVA по С. Ю. Внукову, датируемых 20-ми гг. – концом I в. н. э. [*Внуков* 2006, 167; 2013, 36]. Вышеприведенный материал позволяет датировать время жизни на Цемдолинском поселении так же, как и на Владимировском: последняя четверть I в. до – середина I в. н. э. Гибель обоих поселений сопровождается пожаром, в дальнейшем жизнь на них не возобновляется.

В этом же районе, в окрестностях хутора Рассвет, находится строение, раскопанное Ю. С. Крушкол. Оно состояло из прямоугольного в плане здания, возведенного из местного песчаника-плитняка на глине [*Крушкол* 1968б, 213–215]. При анализе амфорного материала из раскопок дома у хутора Рассвет, на первый взгляд, получается противоречивая картина. Найденные внутри здания фрагменты амфор первоначально отнесены исследовательницей к двум типам: «Яблоновской» по И. Б. Зеест [*Крушкол* 1964, 16–17; 1965, 14–15, 18] и светлоглиняным широкогорлым с двуствольными ручками [*Крушкол* 1968а, 1–8; 1969; 1970, 2–3]. Обломки светлоглиняных амфор типов С I и С III присутствовали и в слое, вскрытом вокруг дома-башни [*Крушкол* 1966, 3–4, рис. 10; 1968а, 2, 6, рис. 7; 1969, 2–4; 1970, 2–4; 1971, 3]. Учитывая тот факт, что в публикации результатов раскопок памятника не упоминаются находки фрагментов амфор «типа Яблоновской» [*Крушкол* 1968б], следует считать, что фрагменты тарной керамики были определены ошибочно.

Таким образом, возведение здания у хутора Рассвет можно датировать не ранее середины I в. до н. э. Не противоречит этому утверждению и единственная монетная

находка – вне строения, в слое, была найдена медная монета Кесарии (14–8 гг. до н. э.) [*Крушкол* 1972, 9]. О времени прекращения жизни на поселении, по имеющимся данным, точно сказать нельзя, так как светлоглиняные широкогорлые амфоры бытуют на протяжении всего I в. н. э. [*Внуков* 2006, 167]. В то же время, отсутствие среди находок фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор и монет I в. н. э. позволяет датировать оставление постройки ее жителями не позже первой четверти I в. н. э.

Следующее поселение находится в урочище Широкая Балка, в 14 км к северо-западу от Новороссийска, в юго-западной части полуострова Абрау. В ходе исследований Н. А. Онайко в 1967 и 1969 гг. были раскопаны два каменно-сырцовых строения и выделено три строительных периода, датированных рубежом н. э. – I в. н. э. По мнению исследовательницы, Широкая Балка представляла собой в римское время богатое сельское поселение, нечто вроде виллы [*Онайко* 1967; 1969; 1970, 134]. Согласно современным представлениям, объект Широкая балка относится к укрепленным домам полуострова Абрау [*Малышев, Дмитриев, Медникова и др.* 2004, 276], хотя сохранность строительных остатков не позволяет утверждать это уверенно.

О строениях первого строительного периода достоверно можно сказать только то, что они погибли в пожаре. Во втором – здесь появляется башнеобразная постройка, которая существует и в третьем СП [*Малышев, Дмитриев, Медникова и др.* 2004, 276]. Хронологию второго и третьего строительных периодов определяют фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками. Также в слое присутствуют фрагменты колхидских амфор Колхида Кх IB, которые датируются не позднее последней четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, 168; 2013, 34–35]. Отметим находки фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор, светлоглиняных с воронкообразным горлом и профилированными ручками, красноглиняных с двуствольными ручками, коричневоглиняных с ребром на горле и без него, «ложнодвуствольные с так наз. каплевидной ножкой» [*Онайко* 1967, 9; 1969, 12–13], что позволяет датировать существование башнеобразной постройки последней четвертью I в. до н. э. – серединой I в. н. э.

Из недавно исследованных и подробно опубликованных памятников этого региона упомянем поселение Дубки, архитектура и планировка которого повторяют все характерные черты только что рассмотренных памятников. Поселение датируется его исследователем второй половиной I в. н. э. и погибает при пожаре [*Малышев* 2024, 104; *Малышев*, *Корженков* 2024, 18, 23, 30]. Однако присутствие в составе датирующего материала фрагментов амфор типа С I и С II вместе с обломками сосудов вариантов С IV А и С IV В [*Малышев* 2024, 76–79] допускает определить время окончания жизни на памятнике серединой I в. н. э. и связать с интересующими нас событиями.

Благодаря археологическим исследованиям на территории полуострова Абрау, на сегодняшний день можно говорить о не менее чем 30 постройках подобного типа (в это число входят уже раскопанные укрепленные дома) [*Малышев*, *Смекалова* 2024, 58], что отличает сельскую территорию этого региона от остального Боспора, где похожие дома уже прекращают свое существование.

В отличие от вышерассмотренных укрепленных домов, Анапское городище, расположенное у станицы Анапской, является многослойным памятником. Сооружение интересующего нас периода представляло собой укрепленный дом, который был вы-

строен на возвышенном мысу у небольшой речки. Здание в плане было четырехугольным, площадью всего 88 м^2. К постройке примыкал двор, обнесенной оградой из камня. За время своего существование дом перестраивался (выделено два строительных периода). Неподалеку от основной постройки обнаружены остатки нескольких зданий [*Алексеева* 1988, 66–68; 1997, 52–53]. Первый строительный период характеризуется сооружением двухкамерного строения с выгородкой у входного проема. Позднее к зданию пристраивается ограда двора. Этот строительный период заканчивается пожаром. Это событие датируется концом I в. до н. э. и связывается с войной Полемона I против аспургиан. После этого, здание частично перестраивается и существует до следующего разрушения, произошедшего, по мнению Е.М. Алексеевой, в середине I в. н. э., в ходе войны Митридата VIII с Котисом [*Алексеева* 1988, 80; 1997, 69].

Хронологию строения определяет находки фрагментов светлоглиняных узкогорлых амфор подварианта С IVA1, светлоглиняных широкогорлых амфор типа С III и варианта С Ia [*Алексеева* 1981, рис. 24, 25, 27]. Отметим, что такой же набор амфор зафиксирован и во дворе [*Алексеева, Шавырин* 1979, 3, 28]. Этот комплекс тарной керамики можно датировать не ранее второй четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, 167]. К сожалению, на основании имеющихся данных весьма трудно обозначить хронологию строительных периодов рассматриваемой постройки. Судя по отчетам о раскопках, материал был найден при разборе сырцовых завалов помещений и зачистке пола и может маркировать финальный этап существования здания. Для уточнения времени этого обстоятельства важен материал из слоя, перекрывавшего строения и двор [*Алексеева* 1978, 60–69]. Здесь были найдены фрагменты амфор, принадлежащих сосудам варианта С Iб (10-е годы I в. н. э. – первая треть II в. н. э.) и подварианту С IVA2 (60-е годы I в. н. э.–конец I в. н. э.) [*Внуков* 2006, 167]. Эти фрагменты позволяют датировать слой, перекрывавший строения, более поздним временем, однако не выходящим за рамки I в. н. э. Таким образом, время существования башнеобразной постройки на Анапском городище можно датировать второй четвертью I в. н. э.

Говоря о восточной окраине Боспора, нельзя не упомянуть про Краснобатарейное городище, тем более что работы последних лет немного прояснили его хронологию. Поселение расположено на левом берегу реки Адагум, на территории современного хутора Красная батарея. Планировка его сложна – Н.В. Анфимов выделил два центра: «акрополь» (холм А), находящийся на берегу старого русла реки Адагум и расположенную юго-восточнее «батарейку» с примыкающей к ней возвышенностью (холмы С, D). Восточнее и юго-восточнее самого городища прослежены рвы и валы, перегораживающие речные долины до горных отрогов [*Анфимов* 1948, 136–140]. В 2004–2005 гг. проводились небольшие раскопки на вершине холма С. Были вскрыты культурные напластования на глубину до 1,7 м и выявлен участок каменной вымостки или фундамента из блоков ракушечника и песчаника. Материал из раскопок, в том числе и нумизматический, охватывает период с IV в. до н. э. по II в. н. э. Кроме того, упоминается, что прослежен слой разрушения, датированный «рубежом эр» [*Малышев, Гольева, Новичихин* 2008, 67–68].

Осуществлялись раскопки и на «акрополе». Здесь прослежены напластования мощностью до 2,4 м, которые подразделяются на три слоя, датируемых концом IV–II в.

до н. э., I–II и II–V, VI вв. н. э. Наибольший интерес для данного исследования представляет слой 2. Отметим, что он самый мощный: около 1,4 м. Слой сформировался из «остатков архитектурных конструкций и мощных развалов строительного мусора», вызванных разрушениями и пожаром. В нём прослежено основание сырцово-каменной оборонительной стены, прорезающей напластования эллинистического времени. Из датирующего материала слоя упомянуты фрагменты коричневоглиняных колхидских и светлоглиняных (по всей видимости, узкогорлых типа С IVA по С. Ю. Внукову) амфор. Нижний горизонт слоя содержал находки монет последнего года правления Аспурга, а самый многочисленный нумизматический материал – монеты Савромата I [*Шевченко* 2009, 436, рис. 1]. Оборонительные сооружения холма А («акрополя») Н. Ф Шевченко датирует первой половиной I – началом III в. н. э. [*Шевченко* 2025, 91]. Таким образом, на Краснобатарейном городище не прослежено следов разрушений, которые можно было бы датировать серединой I в. н. э.

Итак, обзор данных раскопок укрепленных поселений хоры Боспора I в. н. э. показывает, что римско-боспорская война на значительной части сельской территории практически не оставила следов, воздействие ее было локальным и ограничилось, по сути, одним регионом. Разрушены или были оставлены в середине I в. н. э. на Азиатском Боспоре укрепленные дома, расположенные между современными Анапой и Новороссийском, в единственной области распространения укрепленных домов на территории Боспорского царства в это время (башни Узунларского вала и поселение Чокракский мыс не пережили рубеж н. э., равно как и такие поселения Азиатского Боспора как Юбилейные 1, 2 и «дом Хрисалиска»). Отметим еще одну особенность, сближавшую погибшие или оставленные поселения – в дальнейшем они не возрождаются, а на полуострове Абрау фиксируются изменение традиций домостроительства и землепользования после середины I в. н. э. [*Малышев* 2009, 101; 2021, 168].

Вышеприведенные факты лишь подтверждают уже высказанное предположение [*Требелева* 2010, 661] о смене населения юго-восточной части Боспора после середины столетия, которое можно связать либо с событиями междоусобицы сыновей Аспурга, либо счесть следствием победы в ней Котиса I. Также можно предположить, что концентрация укрепленных домов в юго-восточной части Боспорского царства во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. не связана с сигнально-оборонительными функциями региона, но отражает особенности поземельных отношений населения, проживавшего здесь в указанный период. Это подтверждает моделирование на основе ГИС-технологий, указывающее, что здешние дома-башни не имели визуальной связи с сельскими поселениями Прикубанья и Таманского полуострова и не могли входить в предполагаемую общую систему обороны царства [*Требелева* 2005, 18–19; 2010, 662]. Кроме того, вспомним, что башнеобразные постройки на сельской территории были широко распространены во многих регионах античного мира, включая Западный Крым, а их предназначение, по большей части, было жилищно-хозяйственным, нежели оборонительным или сигнальным [*Nowicka* 1975, 61–67; *Кругликова* 1986, 170–174; *Синцерова* 2025, 271–289]. О преимущественно мирном быте жителей укрепленных домов юго-востока Боспора свидетельствуют многочисленные находки и результаты естественнонаучных исследований [*Крушкол* 1968б, 216–219; *Онайко, Дмитриев* 1982, 115–116;

Вязкова, *Гольева*, *Малышев* 2009, 219, 224; *Малышев* 2021, 147; *Алешинская*, *Спиридонова* 2024, 167; *Малышев* 2024, 104].

Что же касается ранней цитадели Артезиана, единственного уничтоженного в ходе военных действий середины I в. н. э. укрепления Европейского Боспора, то причина крылась не только в том, что крепость, по мнению Н. И. Винокурова, являлась резиденцией свергнутого Митридата VIII [*Винокуров* 2025, 52]. Обнаружение плиты с тамгообразными знаками в засыпи рва раннего укрепления [*Винокуров* 2004б; 2013, 33–34] позволяет предположить родственную связь обитателей Артезиана первой половины I в. н. э. с жителями юго-востока Боспора[5], пострадавшими в ходе или по итогам противостояния Митридата VIII и Котиса I.

К сожалению, дальше подобных предположений продвинуться невозможно, ибо судить о политических предпочтениях населения сельской территории Боспора I в. н. э. на основании имеющихся источников представляется занятием малоперспективным.

Список литературы

А*брамзон* М. Г., *Винокуров* Н. И., *Трейстер* М. Ю. 2012. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 3, 93–146.

Абрамзон М. Г., *Винокуров* Н. И., *Трейстер* М. Ю. 2014. Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы хронологии (Боспорские чтения. XV). Керчь, 5–16.

Абрамзон М. Г., *Винокуров* Н. И. 2016. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 3, 712–743.

Абрамзон М. Г., *Смекалова* Т. Н. 2025. Деньги наемников от Боспора до Западного Крыма (ок. 110 г. до н. э. – 49 г. н. э.) (Археометрия Причерноморья. 12). СПб., 284.

Алешинская А. С., *Спиридонова* Е. А. Природная среда в окрестностях поселения Дубки (по данным палинологического анализа) // Поселение Дубки: опыт комплексного анализа материалов. М., 154–166.

Анфимов Н. В. 1941. Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. VII, 258–267.

Алексеева Е. М. 1978. Отчет о работе Анапской экспедиции // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 7411б.

[5] О находках изображений похожих тамг см.: [*Цветаева* 1975; *Онайко*, *Дмитриев* 1981, 97, рис. 5; 1982, 110, рис. 3; *Алексеева* 1997, табл. 49–50; *Малышев* 2005, 550–553, рис. 3–4; *Сапрыкин*, *Масленников* 2007, 182, 196, 215–224, 296, 304, 310–311].

Алексеева Е. М., *Шавырин* А. С. 1979. Отчет о работе Анапской экспедиции // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 9485б.

Алексеева Е. М. 1981. Анапская экспедиция ИА АН СССР. Отчет о работе за 1981 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 9484.

Алексеева Е. М. 1988. Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 2, 66–85.

Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 560.

Анфимов Н. В. 1948. Городище восточной окраины Боспорского царства // Историко-археологический сборник. М., 136–144.

Б*лаватский* В. Д. *Шелов* Д. Б. 1955. Разведки на Керченском полуострове // КСИИМК. 58, 102–113.

Блаватский В. Д. 1959. Исследования Раевского городища в 1954 г. // КСИИМК. 77, 42–50.

Бонин А. В. 2022. Хора Боспора в I в. до н. э. – середине II вв. н. э. // РА. 4, 54–59.

В*еселов* В. В. 1952. Древние городища в районе Синягино // Археология и история Боспора. Симферополь, 236.

Веселов В. В. 1959. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. XXIX–XXX, 236–237.

Веселов В. В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. (ДБ. Suppl. II). М., 266.

Виноградов Ю. А., *Горончаровский* В. А. 2008. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., 332.

Винокуров Н. И. 1998. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 152.

Винокуров Н. И. 2004а. Периодизация и хронология городища Багерово-Северное // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 163–171.

Винокуров Н. И. 2004б. Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // ДБ. 7, 79–88.

Винокуров Н. И. 2005. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизации и катастроф (Боспорские чтения. VI). Керчь, 50–60.

Винокуров Н. И. 2010а. Боспоро-римская война 44 // 45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. Москва–Киев, 38–44.

Винокуров Н. И. 2010б. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Восточном Крыму в 2009 г. // ДБ. 14, 46–65.

Винокуров Н. И. 2012. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 632.

Винокуров Н. И. 2013. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. // Российский научный журнал. 1 (32), 30–40.

Винокуров Н. И. 2018. Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // ДБ. 23, 56–72.

Винокуров Н. И. 2025. Царская крепость Артезиан на стыке варварства и цивилизации // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Археология. История. Искусство (Боспорские чтения. XXVI). М., 51–62.

Винокуров Н. И., *Крыкин* С. М. 2016. Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н. э. // Вестник Московского городского педагогического университета. 2, 64–73.

Винокуров Н. И., *Крыкин* С. М. 2017. Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э. // ПИФК. 4, 170–194.

Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 320.

Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17, 21–54.

Внуков С. Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2, 36–47.

Вязкова О. Е., *Гольева* А. А., *Малышев* А. А. 2009. Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау. Результаты комплексных исследований. // Abrau antiqua. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 212–240.

Г*айдукевич* В. Ф. 1941. Укрепленная villa rustica на Темир-горе // СА. VII, 45–59.

Горлов Ю. В., *Лопанов* Ю. А. 1999. Опыт предварительной дешифровки аэрофотоснимков Семибратнего городища. // ПИФК. VIII, 170–175.

Д*митриев* А. В. 1971. Отчет об археологических исследованиях в районе Новороссийска в 1971 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4645.

Дмитриев А. В. 1972. Отчет об археологических исследованиях в районе Новороссийска в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4964.

Ж*уравлев* Д. В. 2010. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) (МАИЭТ. Suppl. 9). Симферополь, 320.

Журавлев Д. В., *Ломтадзе* Г. А. 1999. Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея // ДБ. 2, 98–113.

З*еест* И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 187.

К*алашников* М. В. 1987. Новый тип поселений Азиатского Боспора первой половины I в. н. э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 64–65.

Кругликова И. Т. 1966. Боспор в позднеантичное время (очерки экономической истории). М., 223.

Кругликова И. Т. 1970. Раскопки поселения у деревни Семеновка // МИА. 155, 4–81.

Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 300 с.

Кругликова И. Т. 1982. Раскопки усадьбы вблизи деревни Ново-Отрадное Ленинского района Крымской области // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 9841.

Кругликова И. Т. 1983. Отчет о работах Гераклейской экспедиции Ин-та Археологиии АН СССР в 1983 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 9841.

Кругликова И. Т. 1985. Отчет о работах Новоотрадненской экспедиции АН СССР в 1985 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 14983.

Кругликова И. Т. 1986. Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклейского полуострова // Проблемы античной культуры. М., 168–175.

Кругликова И. Т. 1998. Поселение у деревни Ново-Отрадное // ДБ. 1, 143–185.
Кругликова И. Т. 2000. Раскопки поселения «Андреевка Северная» // ДБ. 3, 78–96.
Крушкол Ю. С. 1964. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе Краснодарского края в 1964 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 3176.
Крушкол Ю. С. 1965. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе Краснодарского края в 1965 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 3177, 3177а.
Крушкол Ю. С., 1966. Отчет об археологических исследованиях в Анапском р-не в 1966 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 3579, 3579а.
Крушкол Ю. С. 1968а. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1968 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 3840, 3840а.
Крушкол Ю. С. 1968б. Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 213–219.
Крушкол Ю. С. 1969.Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. МОПИ им. Н. К. Крупской // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4264.
Крушкол Ю. С. 1970. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (х. Рассвет) в 1970 г. МОПИ им. Н. К. Крупской // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4310, 4310а.
Крушкол Ю. С. 1971. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (х. Рассвет) в 1971 г. МОПИ им. Н. К. Крупской // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4667.
Крушкол Ю. С. 1972. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (х. Рассвет) в 1972 г. МОПИ им. Н. К. Крупской // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4856.
М*алышев* А. А. 2005. Граффити на керамических сосудах как исторический источник (на материалах юго-восточной периферии Боспора VI в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 547–562.
Малышев А. А. 2009. Юго-восточная периферия Боспорского царства // Abrau antiqua. Результаты комплексных исследований полуострова Абрау. М., 74–107.
Малышев А. А. 2010а. Новое в хроностратиграфии Раевского городища // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. Москва–Киев, 175–178.
Малышев А. А. 2010б. Юго-восточная периферия Боспорского государства // Античное наследие Кубани. I. М., 582–597.
Малышев А. А. 2021. Полуостров Абрау в римское время // Hyranis. 3, 147–170.
Малышев А. А. 2024. Вещевой комплекс // Поселение Дубки: опыт комплексного анализа материалов. М., 64–104.
Малышев А. А., *Дмитриев* А. В., *Медникова* М. Б., *Розанова* Л. С., *Терехова* Н. Н., *Равич* И. Г. 2004. Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ. 7, 272–301.
Малышев А. А., *Гольева* А. А., *Новичихин* А. М. 2008. Новое в изучении периферийных районов Азиатского Боспора // КСИА. 222, 62–75.
Малышев А. А., *Требелева* Г. В. 2018. Эволюция системы расселения в периферийных районах Азиатского Боспора (на примере п-ва Абрау) // ПИФК. 3, 143–156.

Малышев А. А., *Батченко* В. С. 2020. Фронтир на юго-востоке Синдики: по материалам Раевского городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 48/2, 69–79.

Малышев А. А., *Корженков* А. М. 2024. Архитектурные особенности и стратиграфия здания // Поселение Дубки: опыт комплексного анализа материалов. М., 15–39.

Малышев А. А., *Смекалова* Т. Н. 2024. Башенные сооружения полуострова Абрау: анализ прямой видимости // Поселение Дубки: опыт комплексного анализа материалов. М., 58–63.

Масленников А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 304.

Масленников А. А. 2025. Античная поселенческая терминология и некоторые археологические реалии Боспора // ДБ. 30, 332–348.

О*найко* Н. А. 1967. Отчет о работе Новороссийского отряда в 1967 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 3551.

Онайко Н. А. 1969. Отчет о работе Новороссийского отряда в мае-июне 1969 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4253, 4253а.

Онайко Н. А. 1977. Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1977 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 6753.

Онайко Н. А. 1978. Отчет о раскопках античного здания на поселении Цемдолинское в окрестностях Новороссийска // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 7189.

Онайко Н. А. *Дмитриев* А. В. 1981. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка // КСИА. 168, 93–99.

Онайко Н. А. *Дмитриев* А. В. 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э. // ВДИ. 2, 106–121.

П*етерс* Б. Г. 1973. Отчет. Античное поселение в восточной части Керченского полуострова у с. Михайловка (1963–1973 г.) // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 5062.

Петерс Б. Г. 1974. Отчет о раскопках в 1974 г. Михайловского поселения западнее г. Керчи // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 5482.

Петерс Б. Г. 1976. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения // КСИА. 145, 88–91.

Петерс Б. Г. 1978а. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М., 117–127.

Петерс Б. Г. 1978б. Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловки на Керченском полуострове // НЭ. XII. М, 3–6.

Петерс Б. Г. 1978в. Отчет об археологических раскопках Михаловской экспедиции ИА АН СССР в 1978 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 7274.

Петерс Б. Г. 1979. Отчет об археологических разведках и раскопках Михайловской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 7965.

Петерс Б. Г. 1985. О работах Михайловской экспедиции (1963–1983 г.) // КСИА. 182, 23–27.

С*апрыкин* С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 271.

Сапрыкин С. Ю. 2010. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. – середина III в. н. э.) // Античное наследие Кубани. II. М., 80–132.

Сапрыкин С. Ю., *Масленников* А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ. Suppl. 1). Симферополь–Керчь, 319.

Сизов В. И. 1889. Восточное побережье Чернаго моря // Материалы по археологии Кавказа. II. М., 182.

Синцерова К. Л. 2025. Античное сельское домостроительство Средиземноморья эпохи эллинизма в зарубежных исследованиях // ПИФК. 1, 271–289.

Сокольский Н. И. 1961. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1961 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 2290, 2290а, 2290б.

Сокольский Н. И. 1962. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1962 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 2524, 2524а.

Сокольский Н. И. 1963. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1963 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 2733, 2733а, 2733б.

Сокольский Н. И. 1964. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1964 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 2864, 2864б.

Сокольский Н. И. 1965. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1965 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 3134, 3134а, 3134б.

Т*ребелева* Г. В. 2005. Оборона территории Азиатского Боспора в первые века нашей эры: историческое моделирование на основе ГИС-технологий. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 23.

Требелева Г. В. 2010. Контроль над территорией // Античное наследие Кубани. II. М., 656–664.

Ц*ветаева* Г. А. 1975. Кирпичи с тамгой из Горгиппии // КСИА. 143, 99–101.

Ч*евелев* О. Д. 1981. Раскопки в окрестностях Керчи // АО. 1980, 320.

Чевелев О. Д. 1983. Отчет о раскопках Керченской экспедиции Керченского историко-археологического музея в 1983 году // Научный архив ВКИКМЗ. Оп. № 2. № 777.

Ш*аров* О. В. 2009. Материалы римского времени Семибратнего городища // РА. 2, 142–144.

Шаров О. В., *Самарина* Т. А. 2009. Семибратнее городище на рубеже эр // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конф. Краснодар, 426–430.

Шевченко Н. Ф. 2009. Краснобатарейное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конф. Краснодар, 434–438.

Шевченко Н. Ф. 2025. Оборонительные сооружения городища у хутора Красная Батарея // Древности Кубани. 28. Краснодар, 86–112.

N*owicka* M. 1975. Les maisons à tour dans le monde grec // Bibliotheca antiqua. XV. Wrocław, 158.

Summary

A. V. Bonin

The Roman-Bosporan war of the mid-1st century AD and fortified settlements in the rural area of the Bosporus

The events known as the Roman-Bosporan War of the mid-1st century AD, and the civil strife between the sons of King Aspurgus that sparked it, have been covered in considerable detail in historiography. Much attention has been devoted to the traces of this conflict in the Bosporan *chora*. However, the cited accounts of the destruction of rural settlements during the conflict are not always supported by references to archaeological research.

Analysis of excavations of fortified settlements in the *chora* from the 1st century AD shows that the Roman-Bosporan war passed virtually unnoticed in most of the rural area. Its impact was localized and limited (with one exception) to the southeastern part of the Bosporan *chora*. Fortified houses located between modern-day Anapa and Novorossiysk were either destroyed or abandoned. The destruction of the early citadel of the Artesian settlement, the only fortification in the European Bosporus destroyed during military action, can presumably be linked to the kinship of the fortress's inhabitants with the inhabitants of the southeast of the kingdom.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.50-73

Н. И. Винокуров
(Московский педагогический государственный университета, г. Москва)

Алтари и жертвенники второй половины III в. н. э. южного теменоса городища Артезиан

В 2024–2025 гг. во время раскопок на южном теменосе городища Артезиан[1] и прилегающих зонах открыты новые сакральные объекты, представляющие большой интерес для понимания особенностей религиозной жизни местного населения (рис. 1–10) [см.: *Винокуров* 2024а, 22–34; 2024б, 1–18, 2024в, 71–124; *Винокуров, Мацнев, Фесенко* 2024, 150–154; *Винокуров, Яйленко* 2024, 257–297; *Винокуров* 2025, 62–93]. Они находились севернее монументальных фундаментов восточного алтаря и храма Зевса Генарха и Сотера 50-х годов I в. до н. э. и позднеантичного погребально-жертвенного комплекса 2023 года. Южная священная зона городища примыкала к оборонительному рву акрополя, а по мере засыпки рва, захватывало и его пространство. Раскопками вскрыта центральная часть теменоса, ориентированная в сторону зольника 2, т. е. на восход солнца. Время активного использования южной священной территории приходится, как показывают многочисленные нумизматические находки, на диапазон от начала – середины I в. до н. э. до конца III–IV вв. н. э.

Самыми ранними объектами южного теменоса являлись храм в антах Зевса Генарха и Сотера дорического ордера двух строительных периодов времени Митридата Евпатора[2] и его сына Фарнака, монументальный восточный беломраморный алтарь 2020 г.

---

[1] Под южный теменос в застройке цитадели «О» был выделен особый квартал (рис. 1, 2). Его северной «естественной границей» на первом этапе служила южная линия оборонительного рва, а по мере его засыпи – облицованный камнем внутренний борт рва, потом контрфорс 230, поспешно построенный при Савромате I, на последнем этапе – подпорные контрфорсы 243 и 248. Контрфорс 230 повторял контур стен и башен крепости и частично перекрывал полузасыпанный к тому времени оборонительный ров. Он сооружен из больших квадров и блоков, сложенных пирамидально, насухо, с небольшим использованием жёлтой глины на перепадах рядов, по однолицевой постелистой ложковой системе, однослойной, однорядной схеме. Подошва его полностью открыта. Источником вторичного строительного материала контрфорса послужили разобранные более ранние постройки из квадров и блоков цитадели «О» и храмовых зданий. Западная, восточная и южная граница теменоса пока не установлены. Впрочем, со стороны балки его ограждала южная стена комплекса 4, выстроенного в едином архитектурном ансамбле с храмом Зевса Генарха и Сотера при Митридате Евпаторе. Квартал после сейсмической катастрофы 63 г. до н. э. был перестроен архитекторами Фарнака при сохранении базовой планировки подпорных террас. Совершенно точно, что за пределы южной обводнённой балки городища теменос не выходил.

[2] Полностью храм был разрушен в 63 г. до н. э. катастрофическим землетрясением, затронувшим всю территорию Боспорского царства [*Кругликова* 1966, 81, 89; 1975; *Блаватский* 1957, 56–57; 1977, 56–57; *Аракелян* 1983, 40 и сл.; *Буне*, *Медведева*, 1990, 61–63; *Винокуров*, *Никонов* 2004, 95–103; *Винокуров*, *Корженков*, *Родкин* 2015, 51–66; *Винокуров*, *Яйленко*, 2024, 257–297].

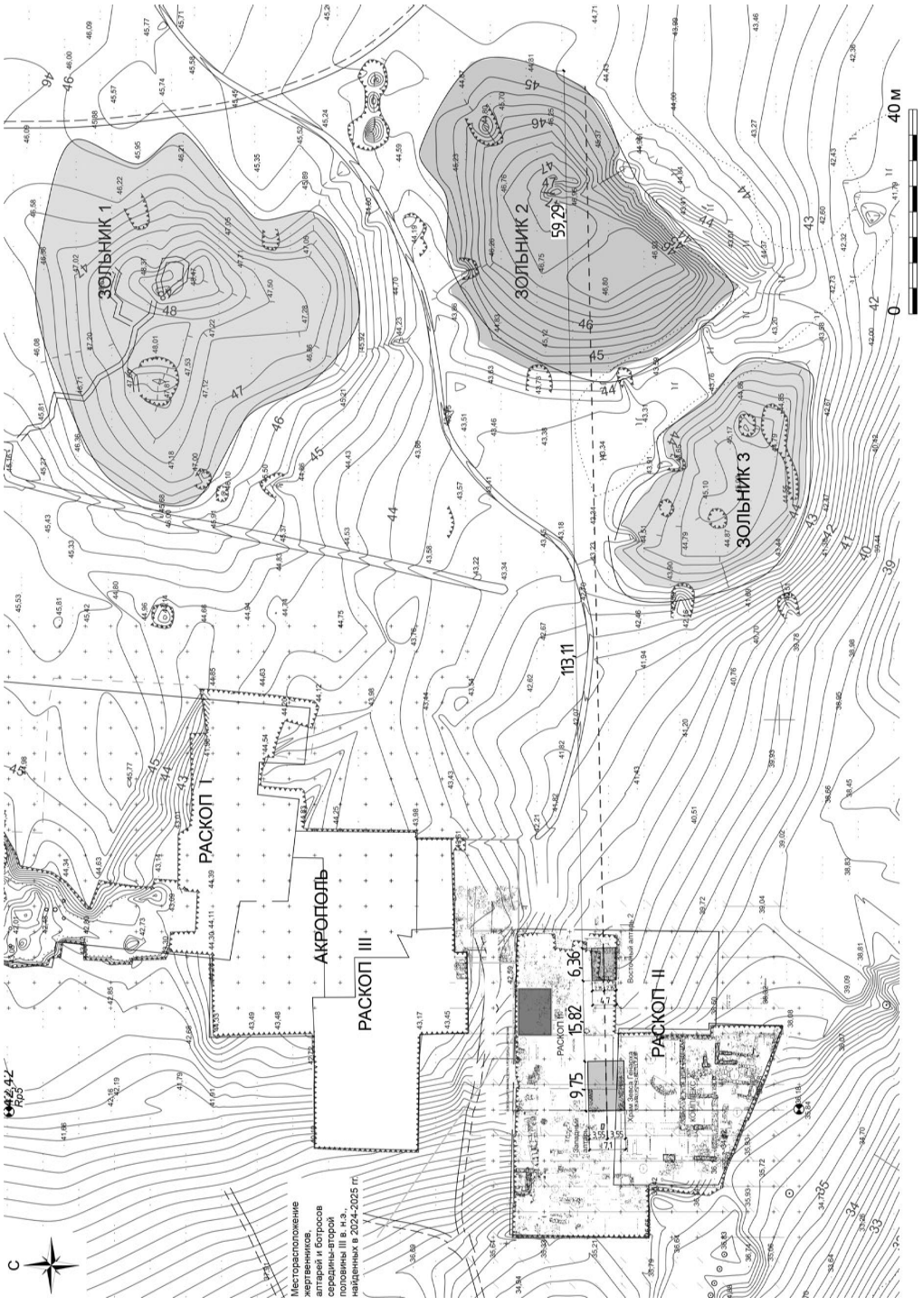

Рис. 1. План-схема расположения объектов южного теменоса и зольника 2 городища Артезиан. Раскоп II 2025 г. Городище Артезиан. Ленинский район РК

Рис. 2. Месторасположение раскопанных алтарей, жертвенников и ботросов в 2024–2025 гг. на ортофотоплане раскопа II городища Артезиан (выделено цветом). Вид с дрона в процессе раскопочных работ 2025 г.

в ионическом стиле, западный малый алтарь, фигурная ёмкость для приёма и накопления жертвенных возлияний, сооружённых на одной террасе по одной оси с зольником 2 (рис. 1). Они датируются позднеэллинистическим периодом II: 63–51/50 (49) гг. до н. э. Разрушение храма Зевса второго строительного периода произошло сразу после мятежа Асандра или ходе боспоро римской войны осенью 46 г. Но не исключено, что в том или ином виде он достоял и до землетрясения второй половины III в. н. э. После этого руины храма разбираются на строительный материал.

Последние по времени раскопки на участках 3–4 раскопа II охватывали площадь более 470 м² южного теменоса (рис. 1, 2). Они затрагивали верхний ярус заполнения оборонительного рва ранней и поздней цитаделей. Здесь были обнаружены плохо сохранившиеся небольшие постройки второй половины III в. н. э., пристроенные поверх заполнения рва к контрфорсу 230 и подпорной стене 243. Интенсивная деятельность по устройству жертвенников, алтарей и ботросов продолжалась на протяжении первых веков нашей эры, вплоть до III–IV вв. н. э. Об этом говорит и подъёмный нумиз-

матический материал, датированный близким временем. При этом восточный алтарь, разрушенный вместе с храмом, был восстановлен и использовался до IV в. н. э. После чего этот участок теменоса попадает в зону хозяйственного освоения (здесь выкапываются рядами с запада на восток десятки ям для хранения зерна). Часть местных сакральных и хозяйственных объектов в первые десятилетия IV в. превращается после погребения погибшего неизвестного вождя в своеобразный героон с большим количеством жертвенных ям [*Винокуров* 2024в, 71–124; 2025, 62–93]. Бытование данного погребально-жертвенного комплекса, по-видимому, было ограничено коротким промежутком времени, когда городище начало постепенно запустевать, но жизнь на нём не прекращалась вплоть до конца IV в. н. э.

В упомянутых ямах и были выявлены известняковые и мраморные ордерные детали, а также фрагменты стоявшей в храме большой мраморной статуи Зевса Родоначальника. Часть из них использовалась, по-видимому, в качестве вотивных подношений, включая целые и разбитые винодавильни и надгробия, специально доставленные на теменос с некрополя. Обломки туловища и голова Зевса-Фарнака, были с определённым религиозным смыслом помещены (похоронены) в жертвенных ямах, как и головы животных – лошадей, коз, свиньи, овцы. Также в качестве сакральных подношений использовались целые и фрагментированные фемиатерии, монеты, обломки терракотовых статуэток, в том числе с дионисийскими мотивами, светильники, грузила, куски храмовой штукатурки, магические граффити на костях животных и черепках.

Месторасположение новых ритуальных сооружений.

Новые ритуальные объекты – *ботросы, строения и алтари* – располагались в пространстве между фундаментами алтарей и храма Зевса Генарха и Сотера и контрфорсов 230/248 поздней цитадели. Они открыты в процессе изучения заполнения оборонительного рва в проходе к центральной башне поздней цитадели, между торцами контрфорсов 248 и 243 (рис. 1, 2). Раскопки выявили следы, по меньшей мере, трёх жилых горизонтов III в. н. э. и связанных с ними построек, последовательно перекрывавших друг друга (рис. 3–10). Они представляли собой горизонтально утоптанные пласты золисто-сырцового грунта, толщиной 0,04–0,15 м, которые маркированы основаниями кладок, печей, алтарей, устьями ям, горизонтально лежавшими черепками и костями животных с заглаженными краями и были связаны с функционированием южного теменоса.

К нижнему относился золистый утоптанный горизонт 3 заполнения оборонительного рва, отмеченный устьями ям 837, 842–845/2025. Западная яма 837 представляла собой ботрос с несколькими уровнями жертвоприношений. Восточная яма яма 845 также оказалась ботросом, но менее монументальным по конструкции. Другие ямы остались от вкопанных сосудов. К среднему «горизонту» принадлежало здание 2 с жертвенниками 1–2/2024, разрушенное во время мощной сейсмической катастрофы 255–269/275 гг. К верхнему – здание с абсидой 1/2024–2025 (рис. 1–8), стены которого прорезали руины здания 2 (рис. 9–10). Все эти объекты раскопаны на площади около 60 м^2. Они впущены в засыпанный зольным грунтом оборонительный ров и относились к верхнему ярусу 4 его заполнения второй половины III в. н. э.

Самым ранним объектом здесь оказалась редкая по устройству монументальной каменной горловины колоколовидная яма 837 глубиной около 4,12 м. Внутри ямы

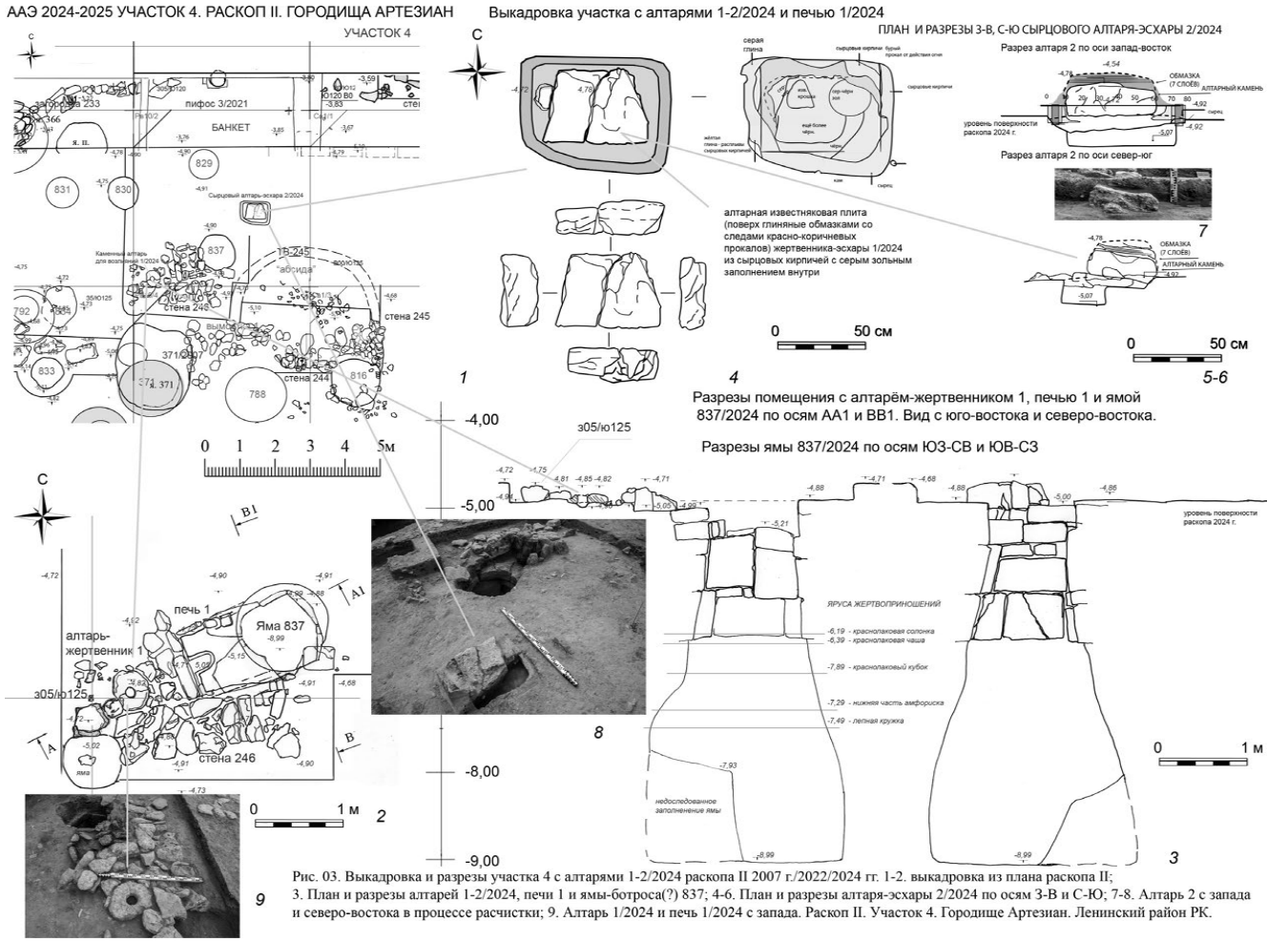

Рис. 03. Выкадровка и разрезы участка 4 с алтарями 1-2/2024 раскопа II 2007 г./2022/2024 гг. 1-2. выкадровка из плана раскопа II; 3. План и разрезы алтарей 1-2/2024, печи 1 и ямы-ботроса(?) 837; 4-6. План и разрезы алтаря-эсхары 2/2024 по осям З-В и С-Ю; 7-8. Алтарь 2 с запада и северо-востока в процессе расчистки; 9. Алтарь 1/2024 и печь 1/2024 с запада. Раскоп II. Участок 4. Городище Артезиан. Ленинский район РК.

Рис. 3. Выкадровка и разрезы участка 4 с алтарями 1–2/2024 раскопа II. *1, 2*. выкадровка из плана; *3*. План и разрезы алтарей 1–2/2024, печи 1 и ямы-ботроса 837/2024; *4–6*. План и разрезы алтаря-эсхары 2/2024 по осям З-В и С-Ю; *7, 8*. Алтарь 2/2024 с запада и северо-востока в процессе расчистки; *9*. Алтарь 1/2024 и печь 1/2024 с запада

прослежено несколько уровней зольно-глинистой засыпи, каждый из них сопровождали жертвенные подношения в виде одиночных гончарных, краснолаковых и лепных сосудов, преимущественно перевёрнутых вниз устьем (рис. 3, 6). По-видимому, её вместилище после обычного хозяйственного использования превратили в большой ботрос.

По стратиграфическим данным, по времени бытования с ямами-ботросами 837 и 845 близки хтонический жертвенник 1/2024 и сырцовый алтарь-эсхара 2/2024, но не синхронны (рис. 3–5, 8). Жертвенник и алтарь, связанные со зданием 2/2024, появились, когда ботросы были использованы по назначению и засыпаны.

Горловина *ямы 837* (0,85×0,92 м) сложена насухо в три ряда из плит (0,78×0,44 м, 0,64×0,65 м, 0,49×0,20 м), по-видимому, взятых из развалин храма Зевса Генарха (рис. 3–7). Возможно, вокруг устья была отмостка. До упомянутого землетрясения она была перекрыта круглой известняковой крышкой 0,68×0,055×0,12 м, которая лопнула и провалилась внутрь. Сквозные зигзагообразные трещины, просадки, деформации, сдвиги фиксировались на прочих описываемых объектах. Плиты горловины ямы тем не менее не обрушились.

Верхнюю часть ямы заполнял серый рыхлый комковатый зольный грунт с включениями многочисленных обломков печины, углей, известковой крошки, фрагментов разнообразной, в основном лепной керамики. Ниже 1,20–1,50 м от устья этот слой постепенно переходил в серо-коричневый золистый грунт, который в придонном «ярусе» заполнения представлял собой серо-жёлтую, рыхлую глинистую массу, по-видимому, разложившуюся обмазку бортов ямы. Отсюда происходят фрагменты жаровни, куски черепицы, разнотипных амфор первых веков[3]. Обломков простой гончарной посуды немного. Заметно больше лепной керамики, в том числе развал большого плоскодонного кувшина с профилированной ручкой бежево-коричневой глины, кружка серо-чёрной глины с реповидным туловом, лепной кубок-кружка, археологически целая лепная чаша с ручками в виде рожек с сильно закопченной поверхностью и остатками пригоревшей органики. Довольно много мелких профильных частей краснолаковой керамики первых веков. Кроме того найдены донце стеклянного сосуда, железный кованый гвоздь средних размеров, спинка небольшой бронзовой фибулы, тонкое незамкнутое бронзовое колечко, бронзовый незамкнутый браслет, украшенный обмоткой из тонкой витой проволоки III в. н. э., реалистично изготовленный из вытянутой песчаниковой конкреции фаллос (длиной 72 мм, диаметром 30–35 мм), восемь «игральных фишек» из стенок амфор красной и коричневой глины, железный нож с утраченной

[3] Среди них представлены профили широкогорлых амфор типа 83 и 86 (по И. Б. Зеест), узкогорлых позднегераклейских светлой глины типа D III в. н. э., позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013,14–25, рис. 3.А], амфор типа С–IIIа конца I в. до н. э. – первой трети I в. н. э. [*Внуков* 2013, 24–26, рис. 4.А], попавшие внутрь из более ранних напластований; позднесинопских амфор типа Син II последней четверти I в. н. э. – после середины III в. [*Внуков* 2006, 167; 2013, 30–33, рис. 6. Д], коричневоглиняных амфор I–III вв., типа мирмекийской II–III вв. (72, по И. Б. Зеест), венчики, ручки и ножки красноглиняных со сложнопрофилированными ручками II–III вв. (тип 75, по И. Б. Зеест), пестроглиняных амфор (тип 77, по И. Б. Зеест), венец и несколько донцев гончарных сосудов, обломки лепной посуды: крышки большого котла, кружек и горшков серой и чёрной глины. Отметим развал амфоры, типа 72 [*Зеест* 1960], на горле которой имелось граффити в виде горизонтально расположенной тамги, напоминавшей неправильной формы букву «В», ножку амфоры коричневой с серым закалом глины, нижнюю часть пифоса или плоскодонной амфоры розовато-красной глины с желобчатыми ручками, стенки амфор с граффити (верх буквы или монограммы на основе «А», несколько случаев «косого креста» или просто вертикальных линий.

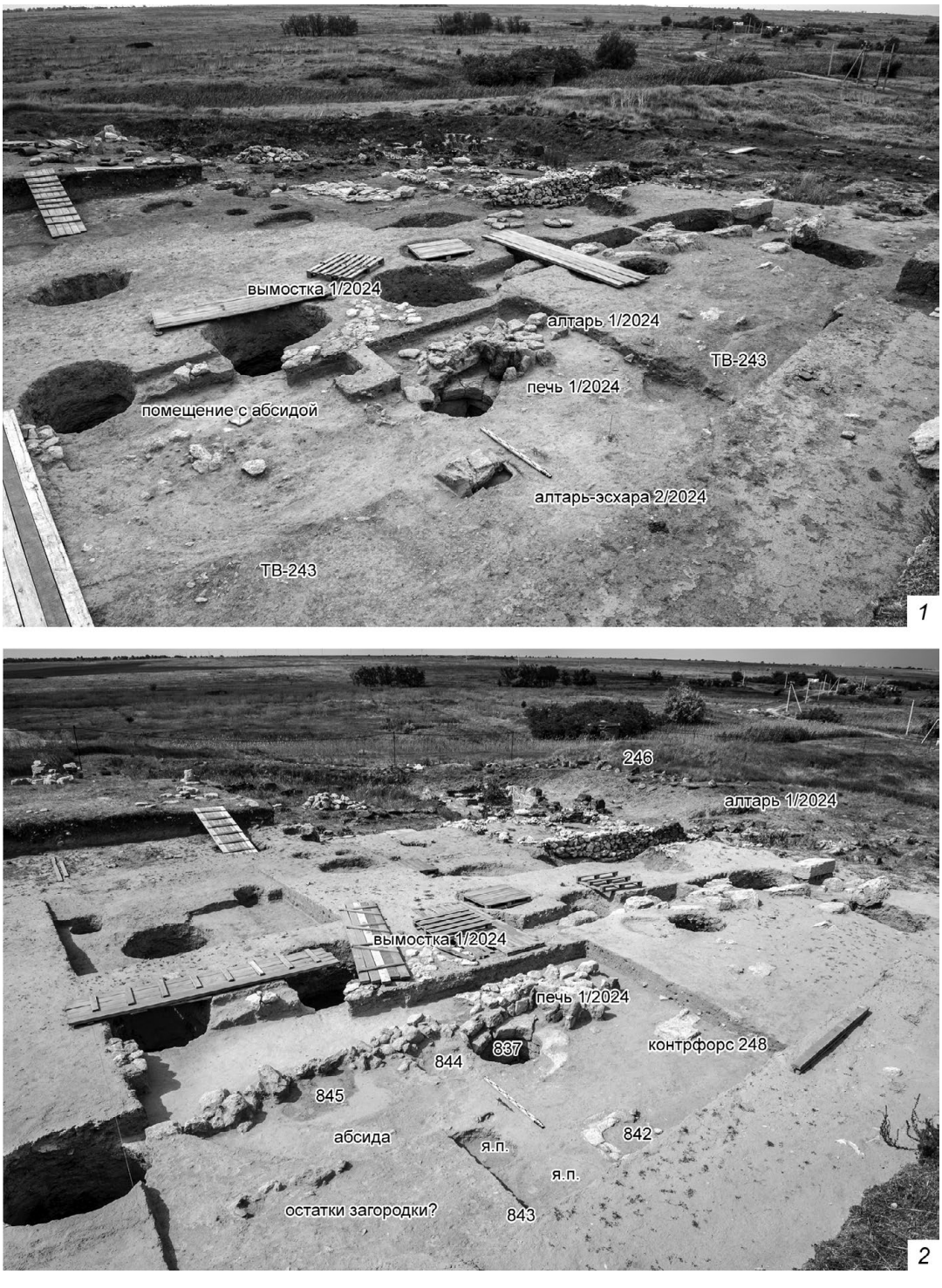

Рис. 4. *1–2*. Алтарные комплексы жилых горизонтов и связанные с ними объекты середины – второй половины III в. н. э. южнее подпорных стен террас 230 и 243 в верхнем ярусе заполнения оборонительного рва. Вид с северо-востока. В процессе работ 2024 и 2025 гг.

ручкой, разбитые массивные подставки под жаровню из серо-коричневой глины. Фаллос и «фишки» – хорошо узнаваемые культовые артефакты, коррелирующие с другими жертвенными находками в яме.

В ходе дальнейшей расчистки зольного грунта заполнения ямы, на глубине 1,20 м найдена вверх дном небольшая краснолаковая чаша. На 0,20 м глубже и в аналогичном перевёрнутом положении обнаружена глубокая краснолаковая миска III в. н. э. Ниже, на следующем уровне, открыт довольно изящный краснолаковый кубок местного боспорского производства. На четвёртом ярусе заполнения ямы на глубине 2,30 м тоже вверх дном, зафиксировано дно эллинистического амфориска. На пятом ярусе (около 2,50 м), лежал лепной горшок, в этот раз устьем вверх. Наконец, в придонном слое ямы выявлена раздавленная обвалами бортов большая лепная миска.

Целые сосуды, несомненно, являлись жертвенными подношениями, занимали особое место в яме – у юго-западного борта. Многократная фиксация этого направления в размещении жертв на других объектах южного теменоса, вероятно, подтверждает устойчивую обрядовую ориентацию, которая сохранялась на протяжении, по крайней мере, III–IV вв. н. э. Его следует вполне основательно считать превалирующим сакральным для позднеантичных комплексов, хотя и не единственным. Использование в яме приёма переворачивания/обращения/переворота жертвуемых предметов – необходимого элемента для их метаморфозы при обращении к хтоническим богам – также привычно и устойчиво в религиозной практике местного населения ещё с первых веков нашей эры. Похожая по устройству позднеантичная яма с несколькими ярусами жертвенных сосудов была обнаружена в 2020 г. на другом раскопе севернее акрополя. Там ярусы с сосудами, также установленными вверх дном, фиксировались дощатыми щитами. В яме 837 уплотнённых горизонтов внутри засыпи не прослежено. Ярусы жертвенных подношений отмечались по уровню их залегания. Как бы там ни было оснований считать её ботросом вполне достаточно.

Промывки содержимого ямы, помимо раковин мидий, костей и челюстей хищной рыбы (судаков?), включали остатки карбонизированных зерновок пшеницы и ячменя, культурного винограда. Возможно, что-то из флотаций осталось от жертвоприношений. Несколько зёрен винограда совершенно точно было вымыто из содержимого большой краснолаковой миски.

Не менее интересна по находкам оказалась соседняя грушевидная *яма 845* (рис. 2, 4). Она находилась восточнее. Её яркое пёстроокрашенное углистое пятно округлой формы, диаметром до 0,60 м, заметно выделялось в глинистом жёлтом расплыве заполнения более ранней ямы 845.1. Верх ям срезан фундаментом южной стены здания 2/2024, под подошвой которого они были зафиксированы. Размер ямы 845: устье – 0,65×0,68 м, придонное расширение – 1,54×1,62 м, глубина – 1,34 м.

Верх её вместилища заполнен до глубины 0,30 м золисто-углистыми алтарными или печными сбросами выраженного чёрно-серого, местами красно-бурого цвета, *производственного или ритуального* характера, имевшими комковатую структуру, с углями, пористыми серыми шлаками, кусочками печины, скоплениями известковой крошки, мела, пятнами чёрной сажи, кусками перегоревшей органики, обломками сырцовых кирпичей. В этом горелом слое под верхом ямы расчищена нижняя часть горла, без

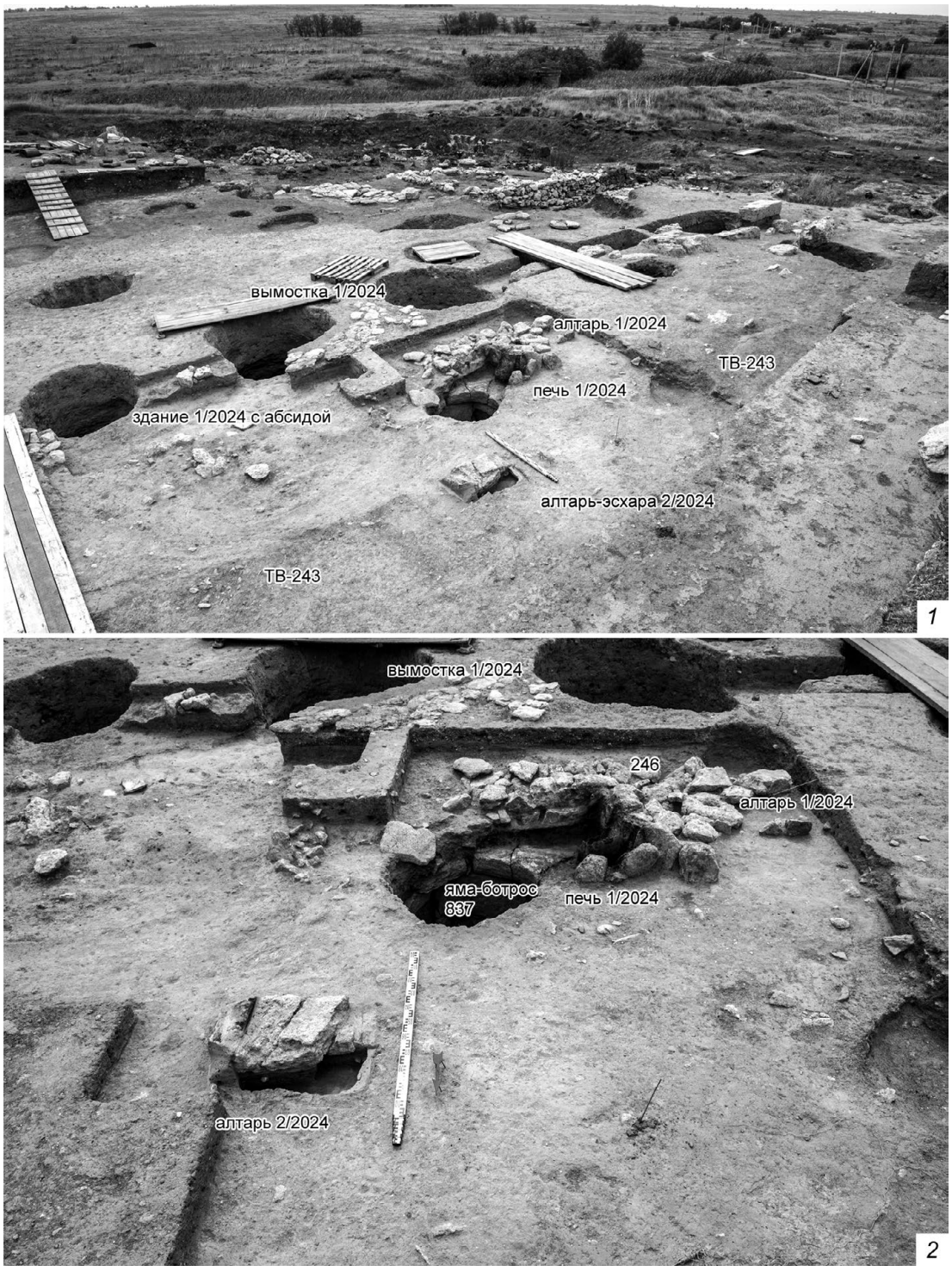

Рис. 5. *1–2*. Алтарные комплексы среднего жилого горизонта и связанные с ними объекты середины – второй половины III в. н. э. южнее подпорных стен террас 230 и 243 в верхнем ярусе заполнения оборонительного рва. Вид с северо-востока и севера

венца, плоскодонной амфоры с ручками на плечах, профилированными желобками красно-коричневой глины типа 78 [*Зеест* 1960, 169]. Амфора была установлена вертикально, горлом вниз в *юго-западной части* ямы. Скорее всего, она выполняла роль импровизированного хтонического алтарика для совершения возлияний хтоническим богам. Её положение у юго-западного борта ямы, в направлении, которое по множеству повторений можно считать сакральным для южного теменоса, поворот вниз горлом – к богам подземного мира – вполне допускают такую обрядовую трактовку объекта.

Ниже углистых сбросов следовал более рыхлый серо-коричневый зольный грунт. Его толщина составляла 0,40–0,54 м. В нём с той же юго-западной стороны ямы открыт закопчённый лепной светильник-лодочка, перевёрнутый вверх дном. Он находился непосредственно под горлом амфоры, только ниже по слою на 0,40 м. Второй аналогичный по конструкции светильник-лодочка, но более раздавленный и фрагментированный, залегал на 0,20 м под первым. Его поверхность изнутри и снаружи в чёрной жирной саже, с пригоревшей во вместилище органикой, которая отслаивалась тонкими пластинками от бортиков.

Подошву зольного слоя со светильниками подстилала мощная каменно-бутовая забутовка, перемешанная с глинистым серо-коричневым вязким грунтом, толщиной до 0,50–0,56 м. Ближе ко дну ямы она перекрывала обвалы материковых бортов и части известняковых плит, толщиной до 0,14 м, от разрушенного устья ямы. Видимо, перед засыпкой яма 845 какое-то время стояла открытой. Количество находок в зольном слое заметно больше, чем в других ямах. Среди них доминировали обломки керамики III в. н. э., сопоставимых по датировке и разнообразию с содержимым ботроса 837/2024, но чётких жертвенных ярусов в яме 845 не выявлено.

Показательны открытые в её заполнении артефакты: фрагмент коррозированного железного бруска, возможно, кресала, размером 33×11×7 мм; «игральная фишка» из стенки амфоры красно-коричневой глины, диаметром 31 мм; пирамидальное грузило красно-коричневой глины, высотой до 103 мм; обломок ткацкого (челнока?) рабочего инструмента из головки трубчатой кости МРС (?) с щелевидной заполированной до блеска продольной прорезью на одной стороне и выломанным трапециевидным сегментом на другой; стилизованная фигурка торса какого-то животного (кабана или свиньи?), изготовленная из таранной кости лошади, украшенная линейно-сетчатым магическим (?) узором с двумя округлыми глазками по центру, нанесёнными ярко-голубым пигментом. Роспись малопонятна, сохранилась на поверхность кости плохо. Кость заметно подрезана с плоских сторон, заметно заглажена. Возможно, поделка из таранной кости является подношением в святилище. Таких находок, особенно, со смысловой раскраской на городище не было. Она вряд ли могла выполнять какую-то функциональную роль в ткацком станке или в каком-то другом устройстве, как первая находка из кости, но для сакральных или игровых целей, к примеру, для детских забав, вполне годилась. Ритуальный характер её использования не исключён, как и помещённых в яму в перевёрнутом виде горла амфоры для совершения хтонических возлияний, двух светильников-лодочек, «игральной фишки», грузила и *трёх* амфорных ножек. Некоторые предметы специально разбивались или повреждались перед помещением в ботрос. Подобная намеренная фрагментация вотивных приношений – вполне типичная устойчивая деталь религиозного поминального обряда.

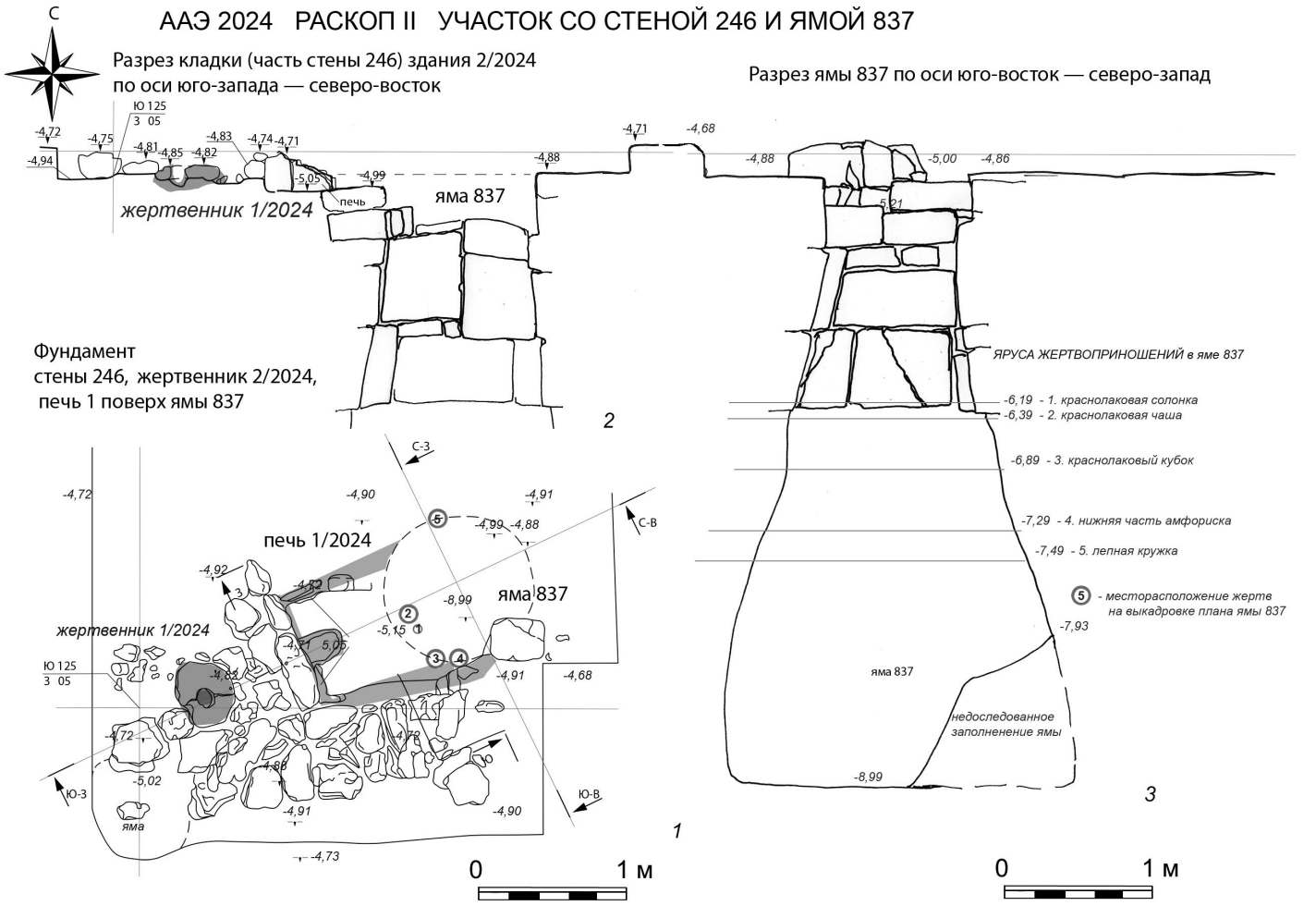

Рис. 7. Схема расположения ярусов жертвоприношений в яме 837. *1*. Выкадровка и разрезы участка 4 с алтарём 1/2024 раскопа II 2024 г.; *2–3*. Разрезы алтаря 1/2024, печи 1 и ямы-ботроса(?) 837. Здание 2/2024. Раскоп II. Участок 4. Городище Артезиан. Ленинский район РК

Характер, цвет и структура финальных верхних сбросов горелого грунта с явными следами долговременного действия огня высокой температурной интенсивности допускает их интерпретацию в качестве остатков алтарных жертвенных сожжений, заметно отличных от окружавшего бытового мусорного слоя. Но прямых доказательств этому предположению нет.

Важно отметить, что в заполнении более ранней ямы 845.1, от которой остался неповреждённым лишь сегмент в северном борте ямы 845 (сечением 1,20/1,30 м, глубиной 1,10 м), среди керамического боя III в. н. э. встречались возможные жертвенные подношения: четыре «игровых фишки» из стенок амфор; обломки терракотовой статуэтки коня или быка (?) коричневой глины; скол основания терракотовой статуэтки Кибелы коричневой глины, сегмент рельефной поверхности терракотовой «маски» (?) или стенки фигурного сосуда с краснолаковым покрытием; заглаженная поделка из жёлто-бежевого известняка в форме равностороннего треугольника, размером 50×54×17 мм. Яму заполнял жёлтый глинистый грунт от разложившихся сырцовых кирпичей с большим количеством известковой крошки, обломков сырца и глиняной обмазки. Данные находки предполагают определённую преемственность в размещении ботросов на южном теменосе.

Землетрясение, затронувшее яму 837 и прилегающие постройки, произошло, когда она уже была превращена в ботрос и была закрыта известняковой крышкой. Поверх неё была сложена прямоугольная саманно-каменная печь 1/2024, устроенная в юго-восточном углу помещения 2 здания 2/2024 (рис. 3, 6, 7). От этого здания сохранилась лишь восточная часть двух помещений (№ 2–3), образованных стенами 246 и 247 (рис. 4–7). Южная стена 246 ориентирована по линии юго-запад – северо-восток; перпендикулярная ей стена 247 – юго-восток – северо-запад. От них остались небольшие отрезки бутовых фундаментов, сложенных по двухлицевой, однорядной кладке. Они также значительно повреждены сильным сейсмическим воздействием. Ширина стен 0,58–0,60 м. Сохранившаяся длина стены 246–6,95 м, высота до 0,38–0,42 м. Длина стены 247 (общей для помещений 2–3) 1,50 м, высота 0,15–0,40 м. Их основания прорезали материковых выброс толщиной до 0,15 м, образовавшийся при выкапывании ямы 837, и серый золистый слой поверх него (до 0,2 м), отложившийся в период её использования. Площадь, назначение и размеры здания 2 выяснить не удалось. На северо-востоке его остатки уничтожены зданием 1/2024, на западе – прорезаны поздними ямами. Остатки этой постройки были перекрыты вымосткой 1 третьего жилого горизонта.

От северо-восточного помещения 3 здания 2/2024 уцелел только юго-западный угол, полностью занятый печью 1; от юго-западного помещения 2 – северо-восточный угол. Глинобитные полы фиксировались на уровне нижнего ряда камней кладок. Прослежено несколько тонких слоёв жёлто-коричневых глинистых намазок, разделённых тонкими золистыми прослойками (15–30 мм) – следами очистки очагов и линзами известковой крошки от строительных отёсов. В пол были вдавлены отдельные горизонтально лежавшие стенки амфор, разбитые раковины мидий, бляшки осетровых, кости судаков, кусочки печины и мрамора.

Печь 1/2024 служила для приготовления еды и отопления помещения (рис. 3, 5, 7–10). Она была однокамерная (размером не менее 1,63×0,99 м), состояла из подового помещения, заполненного сажей и золой. Его перекрывала горизонтальная массивная

Рис. 7. Основание пода двухярусной плитово-саманной печи 1/2024 помещения 2 второй половины III в. н. э. Верхний ярус засыпи оборонительного рва. Вид с северо-востока и северо-запада

плита из самана, толщиной до 0,07 м, которая частично осталась в обломках на бортах печи вместе с развалами стоявших на ней сосудов, упавших устьем в северо-восточном направлении. Верхняя поверхность плиты была украшена геометрической фигурой в виде прямоугольника со скруглёнными углами, продавленным печником двумя согнутыми пальцами по мягкому саману, в результате чего получился эффектный рельефный линейный узор ко периметру плиты. Опорой верхней плиты служил специальный выступ в виде полого сужавшегося кверху конуса (0,26×0,27 м), сформованного из саманного тонкого пласта, вертикально установленного на несколько бутовых камней. Конус отходил внутрь печного отделения по средней линии печи от южного борта. Его высота до 0,38–0,40 м. В основании опорного выступа находилось несколько бутовых камней, чтобы не допустить его просадку под весом горизонтальной плиты. Внутреннее пространство выступа заполнял буро-коричневый рыхлый грунт, без находок.

Данный элемент в конструкции печи не стандартен. Аналогий ему на данный момент найти не удалось. Как правило, в таких печах для опоры верхней горизонтальной плиты использовались вертикальные саманные столбики или установленные на торцы обмазанные глиной блоки.

Глубина подовой части печи не менее 0,45 м. Нижняя её часть на 0,15–0,20 м заполнена углистым чёрным слоем сажи и углей, верхняя – серой золой, мощностью до 0,25 м с большим количеством крупных обломков печины, лепных сосудов, крупных углей. Судя по структуре горелого слоя, печь топилась дровами. Керамика представлена фрагментами широкогорлой остродонной боспорской амфоры коричневой глины с бежевым ангобом типа 83 III в. н. э. [*Зеест* 1960, 170], крышек лепных сосудов, а также развалом большого лепного одноручного горшка серо-чёрной глины. Северо-восточная часть печи, включая часть горизонтальной плиты, обрушилась в результате сейсмического толчка в более раннюю яму 837. Вся юго-западная половина печи не пострадала. Её борта из вертикально установленных каменных плит, усиленных изнутри жаропрочными саманными плитами, в высоту сохранились до 0,45 м. Борта расширялись книзу, имели толщину до 0,35 м в основании, в верхней части – 0,20 м. В яме-ботросе, поверх вышеописанных жертвоприношений, оказались и развалы стоявших на печи лепных горшков, мисок, очажных подставок. На внутренней поверхности некоторых из них сохранились следы углистой органики, скорее всего, от пригоревших каш.

Важно отметить, что печь, как и всё здание вместе с алтарями, была разрушена сейсмическими толчками в разгар приготовления трапезы, вероятней всего, в дневное время. Остатки кухонной утвари вместе с содержимым оказались на печи и в яме 837, после обрушения её крышки.

В соседнем помещении 3 по одной линии с печью 1 находился хтонический алтарь 1/2024 в виде большого блока известняка овальной формы 0,44×0,48 м, в центре которого прорезано сквозное раструбовидное отверстие для совершения возлияний, диаметром до 0,14 м и глубиной 0,16–0,18 м (рис. 3, 6–7). Алтарь заглублён в пол на уровне нижнего ряда камней соседних кладок, немного выше их основания и рассечён надвое сейсмической трещиной по оси ЮЮЗ-ЮВ. Его отверстие заполнено чистой жёлтой глиной.

Стены помещения 2–3 здания 2/2024 прорезали золистый слой бытования, сопряжённый с ямой 837 и подстилавший его пласт материкового выброса щебёнистого

Рис. 8. Алтарь-эсхара 2/2024 из сырцовых кирпичей до и после удаления известняковой горизонтальной жертвенной плиты в процессе расчистки. Прокалы – следы многократных сожжений на поверхности плиты и глиняных обмазок. Жилой горизонт помещения 2 второй половины III в. н. э. с алтарём 1/2024. Верхний ярус засыпи оборонительного рва. Вид с северо-востока и севера

мелкозернистого грунта коричнево-бурого цвета с конкрециями, который образовался при выкапывании ямы 837. Мощность первого из них достигала 0,14–0,25 м, второго – до 0,15 м (рис. 9–10).

В сырцово-золистом слое разрушения помещения 3 с печью 1, отложившемся севернее стены 246, найдены профили гранёного калиптера и солена местного производства, фрагменты позднеантичных позднегераклейских амфор типов C-D III–IV вв. н. э., позднесинопских амфор типа Син II последней четверти I в. н. э. – после середины III в. [*Внуков* 2006, 167; 2013, 30–33, рис. 6. Д], широкогорлых амфор [*Зеест* 1960, 170, тип 83, 72]. В слое выявлено несколько граффити: в виде буквы Р (?) на стенке амфоры красно-оранжевой глины с бежевым ангобом, монограммы на основе М и А (?) на стенке амфоры коричневой глины, буква А или рисунок оснастки парусного суда (?) на стенке позднегераклейской амфоры, часть буквы или монограммы на стенке другой амфоры коричневой глины. Здесь же обнаружены обломки нескольких простых гончарных кувшинов, лепных кружек, горшков и краснолаковых мисок, венчик стеклянного кубка, три фишки из стенок амфор, части игл и иглоприёмников бронзовых фибул, скол точильного камня из серого песчаника, два округлых пращевых ядра из песчаниковых конкреций.

Северо-восточнее здания 2 в близком стратиграфическом горизонте располагался синхронный (?) прямоугольный алтарь-эсхара 2/2024, сложенный в виде неглубокого ларя из сырцового кирпича на жёлтом глинистом растворе (рис. 3–5, 8). Размер алтаря: 0,83×0,52/0,62 м, высота до 0,24–0,27/0,30 м. Кирпичи тонкие, прямоугольной формы, длиной 0,48 м, высотой до 0,12 м, при ширине 0,03 м, сформованы из жёлтой и жёлто-коричневой местной материковой глины. Борта объекта выкладывались в подпрямоугольном неглубоком котловане. Они заметно оплыли и просели. Алтарь ориентирован длинными сторонами по линии запад-восток. Его заполнял углистый золистый грунт тёмно-серого цвета средней плотности, без находок. Основание алтарной кладки впущена в золистый слой бытования, связанный со временем эксплуатации более ранней ямы 837. В качестве крышки алтаря использована грубо обработанная трапециевидная известняковая плита (0,64/0,44×0,40/0,43×0,14/0,17 м). Один угол плиты был сбит в древности. При землетрясении крышка лопнула надвое и немного просела на юго-западный угол. Верх алтаря располагался на уровне основания контрфорса 230 поздней цитадели. Снаружи его крышка была последовательно обмазана раствором глинистого жёлтого грунта. Прослежено не менее семи слоёв облицовки, поверхность которых на каждом уровне обожжена до красно-коричневого цвета. Затёки раствора хорошо читались по краям плиты, как и контуры отдельных сырцовых кирпичей в кладке бортов. Каждый слой обмазки и последующий её обжиг отмечали новый этап жертвоприношения. На крышке алтаря сжигали, скорее всего, жир, который сгорал целиком, не оставляя видимых зольных прослоек. Допустимо думать, что семь упомянутых обмазок на крышке алтаря, могли соответствовать определённым священным нормам при совершении обрядовых действ. При этом крышка алтаря, изначально установленная поверх сырцового основания, не сдвигалась. Следы огня, однако, фиксировались на стенах алтаря изнутри. Судя по всему, внутри алтаря сожжение было разовым, недолгим по времени и затрагивало не всю его площадь. Понятно, что оно было самым ранним и совершалось на начальном этапе возведения данного ритуального объекта.

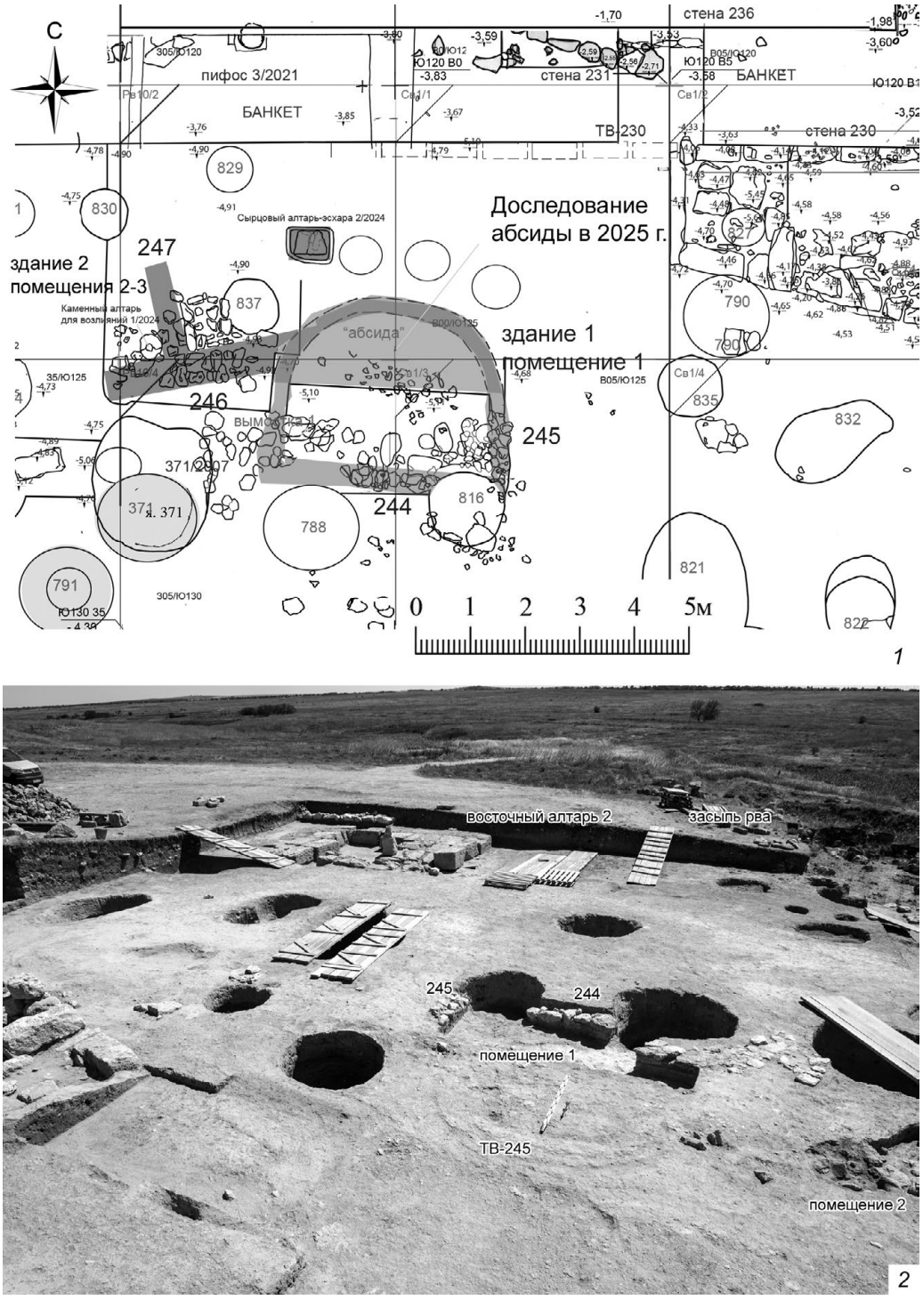

Рис. 9. Помещение 1 с северной абсидой. Структура сырцового слоя разрушения поверх подстилающих золистых горизонтов верхнего горизонта 4 засыпи оборонительного рва. Выкадровка из плана раскопа II и панорама с северо-запада до работ 2025 г.

Таким образом, здание 2/2024 с двумя действующими алтарями вполне могло быть святилищем. Печь в нём могла использоваться для приготовления еды обслуживающему персоналу и участникам священных трапезных церемоний.

Восточная часть здания 2/2024 не сохранилась, так как была прорезана при устройстве более позднего небольшого однокамерного *полуподвального строения 1/202,* необычной для городища конструкции (рис. 2, 8–10). Объект выстроен в форме абсиды, ориентированной точно на север, образован дугообразной стеной 245, которая пристроена к южной кладке 244, вытянутой с небольшим смещением к СЗ по линии запад-восток (рис. 9–10). Его длина 4,53 м, равная южной стене 244 (запад–восток), ширина 1,50 м (север–юг). К сожалению, сохранность его строительных остатков плохая, кладка 245 в основном выбрана, значительные повреждения выборками нанесены и стене 244. Юго-восточный угол здания пробит поздней ямой 816. Тем не менее совершенно понятно, что стены 244 и 245 синхронны. Они бутовые, иррегулярные, двухлицевые, сложены из мелкого и среднего камня на жёлтой глине по однолицевой схеме. Верх кладок здания, скорее всего, был сырцовым, нижняя часть его бутового фундамента заглублена на 0,18 м в верхний ярус заполнения рва. Южная стена 244 объекта сохранилась частично. Стена 245 также выбрана, но по её створу хорошо фиксировалась её траншея выборки, заполненная серо-жёлтым щебёнистым грунтом. Места стыков стен 244 и 245 не сохранились. Тем не менее полуподвальный характер строения 1/2024 вполне очевиден, так как его бутовые фундаменты стен были однолицевыми. Они остались на один-три вертикальных ряда. Ширина стен не велика: до 0,47–0,52 м. Здание прорезало слой материкового выброса, который образовался при выкапывании более ранней ямы 837 и слой сейсмического разрушения каменно-сырцовых стен поверх него здания 2/2024.

Внутри здание 1 заполнял слой разрушения мощностью до 0,20–0,28 м – жёлто-коричневый глинистый развал, перемешанный с большим количеством обломков сырцовых кирпичей, битой черепицы, амфорной тары и столовой посуды, главным образом, III–IV вв. н. э. Найденная здесь верхняя часть позднегераклейской амфоры типа «D», а также профильные части позднесинопских амфор, типа Син II последней четверти I в. н. э. – после середины III в. [*Внуков* 2006, 167; 2013, 30–33, рис. 6. Д] выступают хронологическими маркерами гибели объекта. Больше половины керамического боя принадлежали лепным сосудам, включая разбитый фемиатерий серой глины. Все лепные изделия были со следами действия огня, но горелого грунта не прослеживалось. Несколько простеньких граффити на основе «А», прямоугольная глиняная пронизь, две фишки из стенок амфор красной и коричневой глины, пращевые ядра из песчаниковых конкреций, открытые в слое, вполне могли быть остатками жертвоприношений. Да и находка фемиатерия вряд ли случайна. Назначение однокамерного здания 1 было, по-видимому, связанным с культовой практикой, где была велика роль открытого огня. Интересно, что весьма значительные сбросы горелого производственного (?) грунта прослежены рядом, к северо-востоку от здания 1, впрочем, они, по стратиграфическим маркерам, скорее более поздние.

Вполне возможно, что артезианская абсидная постройка 1/2024 была возведена над алтариком, статуей божества или небольшим локальным святилищем. Глинистый слой разрушения позволяет предполагать, что её стены были сложены на каменном цоколе

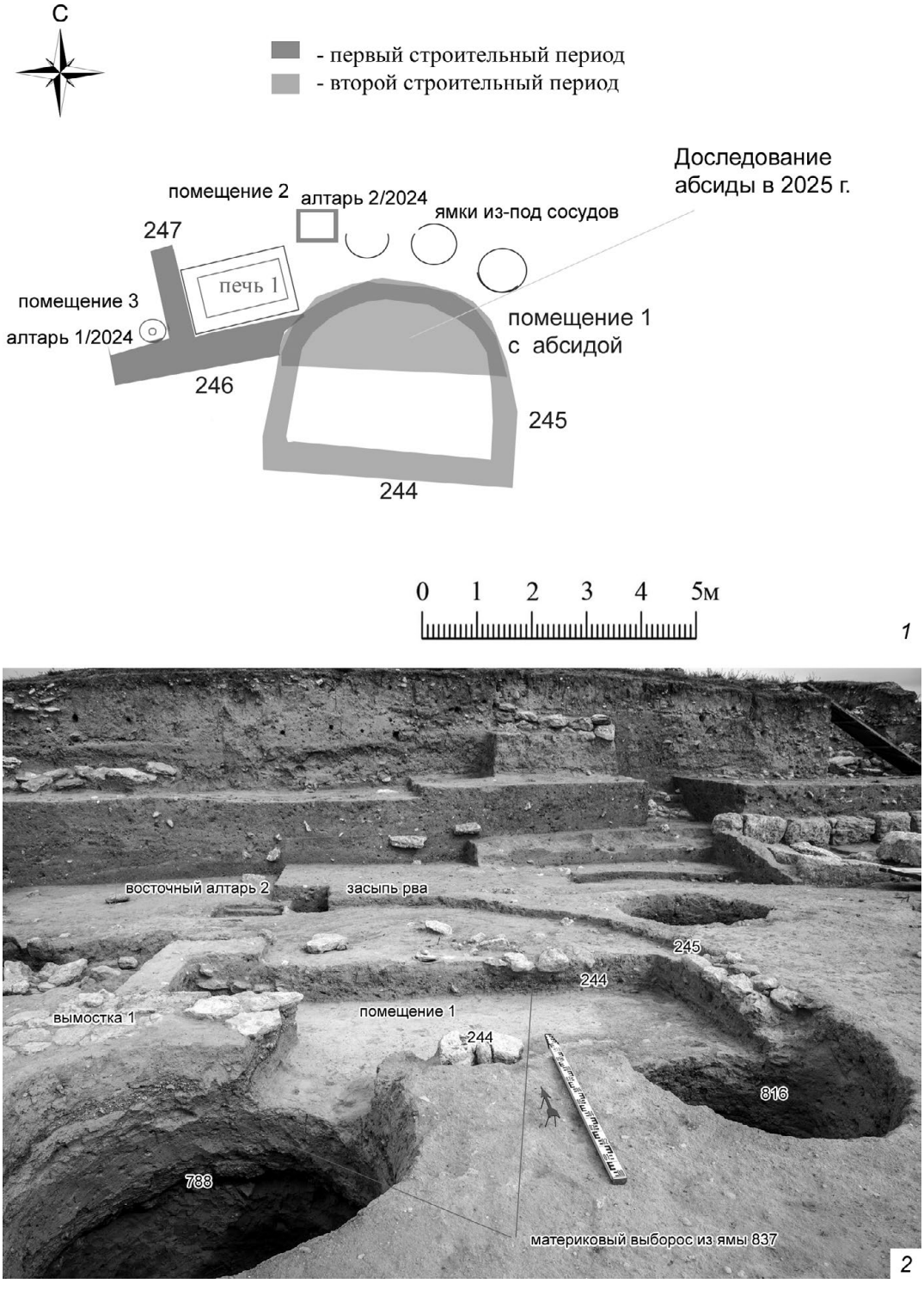

Рис. 10. *1–2*. План-схема помещений 1-3 зданий 1-2 двух строительных периодов второй половины III в. н. э. и панорама строительных остатков помещения 1 с северной абсидой. Вид с юга. До работ 2025 г.

из сырцового кирпича. Не исключено наличие лёгкого перекрытия второго этажа либо навеса крыши, опиравшегося на вертикальные столбы, диаметром до 0,40 м (судя по двум-трём отдельным столбовым ямкам округлого сечения, которые фиксировались в слое). Такие здания часто перестраивались, использовались и для различных подсобных хозяйственных нужд, что вполне допустимо и на теменосе.

Неожиданные аналогии артезианскому зданию с абсидой нашлись в материалах дореволюционных раскопок Г.Л. Скадовского на березанском некрополе с могилами VII–V–IV вв. до н. э. [*Капошина* 1956, 217–219]. Там подобные по форме и размеру подковообразные каменные сооружения использовались для ограждения мест совершения жертвоприношений и многоуровневых кострищ для сожжений покойных. Как и в нашем случае, для их устройства выкапывались неглубокие котлованы. В кострищах внутри загородок насчитывалось от одного до семи ярусов, они содержали следы перегоревших костей, органики и дерева от настилов, остатки различной утвари от сопроводительных даров, угли, сажу, копоть. К абсидным загородкам тяготели большие хозяйственные ямы, возможно, жертвенные.

После разрушения руины здания 1/2024 были спланированы слоем сырцового развала, кладки частично выбраны до нижних одного-двух рядов. Они были перекрыты новым *третьим жилым горизонтом*, поверхность которого отмечена *вымосткой 1/2024*, сложенной на глине из средних и мелких плит и бутовых камней (0,32×0,28×0,14 м; 0,17×0,15×0,12 м; 0,14×0,10×0,08 м). Южная часть вымостки пострадала при выкапывании позднеантичных ям 371, 788 и 816, впущенных с верхнего яруса заполнения рва IV в. н. э. Вымостка деформирована просадками грунта, поверхность её неровная, сохранилась участками между поздними ямами на площади около 5,65×2,15 м. По-видимому, это были строительные остатки одного или нескольких хранилищ с вкопанными сосудами. Со стороны контрфорса, где не было вымощенного пространства, они должны были прикрываться лёгкими навесами. Севернее вымостки 1 прослежены синхронные вымостке округлые ямки из-под сосудов, небольшие столбовые лунки, заполненные серой золой, которые остались от вертикальных деревянных опор, два аморфных пифосных котлована. Их неглубокие вместилища заполнены жёлто-серым щебёнистым грунтом. Они примыкали с юга к траншее выборки контрфорса 230 (ТВ-230). Ямки из-под сосудов, диаметром 0,12–0,36 м, глубиной до 0,30 м впущены в слой разрушения здания 1 с абсидой. Пространство между ними на уровне вымостки 1 плотно утрамбовано ногами пешеходов. При зачистке на глинистом «такыре» хорошо фиксировались втоптанные горизонтально стенки амфор, кости животных и рыб.

По периметру вымостки 1 замыкавших стен или их выборок не прослежено. Скорее всего, на севере участок хранилища с вкопанными сосудами был ограничен контрфорсом 230. Часть из вкопанных амфор была раздавлена и осталась на месте в компактных скоплениях. От позднесинопской амфоры на месте осталось остродонное днище сиреневой глины, от двух других – позднегераклейских амфор типа «D» – тулово, часть горла и почти целый развал. На горле лучше сохранившейся амфоры просматривалось дипинто в виде стреловидной тамги, нанесённой чёрной красной широкой кистью. Площадь распространения обломков верхних частей амфор далеко выходила за пределы вымостки 1/2024, что существенно затруднило сбор обломков и реставрацию амфор.

Видимо, в период сооружения или бытования хранилища были выбраны стены более раннего разрушенного здания 1/2024, на месте стен остались выборки, заплывшие серо-жёлтым слоем с невыразительным керамическим боем позднеантичного времени, в котором преобладали стенки амфор. В нём найдены: фрагменты средиземноморских амфор с воронкообразным горлом, края и стенки краснолаковых мисок первых веков, игральный кружок-фишка из стенки амфоры.

Итак, на позднем бытовании участка с алтарями южнее вымостки 1 действовало какое-то время пифосное хранилище, перекрытое лёгким навесом, где вкопанные на различную глубину пифосы и амфоры из-под периодически по каким-то причинам перемещались с места на место. Что в них хранилось неизвестно. Скорее всего, запасы вина, масла, мёда, востребованных на священной территории. Впрочем, прямых свидетельств отношения хранилища к ритуальным объектам нет, но отдельные косвенные есть.

От постоянных перекопов остались отдельные ямы и котлованы из нескольких слившихся в единое целое ям из-под сосудов. Судя по их конфигурации, вкопанные сосуды образовывали вдоль фасада контрфорса 230 несколько линий по направлению запад-восток. На месте перекопов прослежены контуры нескольких корытообразных аморфных в плане пифосных котлованов, заполненных мусорным глинисто-золистым мелкослоистым грунтом с прослойками печных сбросов. Восточный котлован 1 (3,36×1,81 м, глубиной 0,16/0,38 м) и западный котлован 2 (3,66×1,73 м, глубиной 0,30/0,40 м) прорезали ТВ-243 и располагались у фасада стены 230. В первом из них найдены: фрагменты стенок, ручек, венчика и два донца нескольких позднегераклейских амфор переходных типов C-D II–III–IV вв. н. э., венчик простого гончарного сосуда светло-оранжевой глины, венчик простого гончарного сосуда серой глины, донце кувшина или амфоры на высоком поддоне оранжевой глины, верх лепной крышки, профиль лепного кувшина, донце лепной миски серой глины, стенки и два донца мисок, бронзовая сильно коррозированная ременная (?) пряжка, размером 20×25×5 мм, часть антропоморфного надгробия. Во втором находок, за исключением несколько десятков мелкофрагментированных амфорных стенок и отдельных костей животных, не было.

Вдоль западного и восточного (ещё нераскрытого) фасада контрфорса 230 раскопано в этом ярусе несколько пифосных ям 824, 827, 829–831, которые находились в створе с котлованами и друг с другом. Они имели линзовидную в разрезе форму, округлую горловину, близкие размеры, сходное зольное заполнение с маловыразительным материалом III в. н. э.

Золисто-углистые печные сбросы производственного (?) характера, имевшие комковатую структуру чёрно-серого цвета, с углями, железными шлаками, кусочками печины, скоплениями известковой крошки, мела, пятнами чёрной сажи, заполняли западины пифосных котлованов 1–2 и распространялись вдоль подножья контрфорса 230 на площади около 18 кв. м, перекрывая заполнение ТВ-243. Они залегали выше жилого горизонта с вымосткой 1. Их мощность до 0,20–0,26 м. Ремесленный участок с производственными печами, по-видимому, функционироваа на северных террасах, сброс отходов под контрфорс 230 следовал откуда-то сверху. В горелых сбросах содержались в значительном количестве крупные и средние обломки позднеантичной керамики и кости жи-

вотных со следами кухонной разделки. Среди других находок выделялись массивное гончарное лощило, изготовленное из венчика позднесинопской амфоры сиренево-бежевой глины с жёлто-серым ангобом, профиль археологически целой краснолаковой миски III в. н. э., десять «игральных фишек» средних размеров из стенок амфор, сильно оббитая терракотовая головка Кибелы красно-коричневой глины, фрагментированные пирамидальные грузила коричневой глины, крышка из стенки амфоры красно-оранжевой глины, размером 80×72×16 мм; черешковой трёхлопастной наконечник железной стрелы с утраченным втоком, железный гвоздь без шляпки, сильно коррозированная бронзовая облицовочная пластина, точильный камень из песчаника неправильной трапециевидной формы, саманная пробка амфоры, бортик стеклянного сосуда голубоватого прозрачного стекла, украшенного белыми нитями, кусочек производственного стекловидного шлака, мезолитический скребок на отщепе кремня серо-коричневого цвета, медная боспорская монета, точно не определённа, (возможно, Агриппия I в. до н. э.), медная боспорская монета чекана Реметалка (?), медный сестерций Котиса II (123/124–132/133). Какая-то часть данных артефактов могла попасть в сбросы в результате жертвоприношений.

По всей площади участка поверх жилых горизонтов, перекрывая вымостку 1, отложился сырцово-золистый слой разрушения, в который собственно и были инкорпорированы описанные выше горелые сбросы, перекрывшие засыпанные ямы и котлованы из-под амфор и пифосов. Его мощность 0,32–0,60 м. Стратиграфия раскрытого участка верхнего яруса заполнения оборонительного рва очень сложна для понимания, так как с западной стороны северный контрфорс 230 и примыкавший к нему фундамент 243 оказались выбранными до основания. Правильность чередования слоёв, помимо разборки стен, дополнительно нарушена поздними выборками и различными ямами.

В любом случае, наличие южнее контрфорса 230 алтарных объектов и ботроса, следов жертвоприношений, связанных с почитанием огня и хтонических культов, остатки вотивов (терракотовых фигурок, граффити с магическими мотивами, фишки, грузила, надгробия, части храмовых и алтарных деталей, фрагменты скульптуры Зевса) свидетельствует о сохранении южной зоны городища в позднеантичное время в качестве сакральной священной территории.

Список литературы

А*ракелян* Ф.О. 1983. Исследование раскопок античных сооружений на Керченском полуострове для оценки интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН АрмССР. Сер. Науки о Земле. 34/4, 40–49.

Б*лаватский* В.Д. 1957. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа. 8, 56–57.

Буне В. И., *Медведева* Н. С. 1990. Оценка магнитуды землетрясения 63 г. до н. э. в Керченском проливе // Изв. АН СССР. Физика Земли. 3, 61–63.

В*инокуров* Н. И., 2002. Антропогенные и природные факторы системного кризиса боспорской государственности во второй половине III в. н. э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья (Боспорские чтения. III). Керчь, 36–43.

Винокуров Н. И. 2012. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 632.

Винокуров Н. И. 2015. Новые свидетельства палеосейсмической активности на Боспоре в первые века нашей эры (по материалам раскопок городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Географическая среда и социум (Боспорские чтения. XVI). Керчь, 60–74.

Винокуров Н. И. 2024а. Южный теменос городища Артезиан в Крымском Приазовье (новые находки Артезианской археологической экспедиции 2022–2023 гг.) // Археология и история Боспора. Сб. материалов международной научно-практической конф. 9–12 августа 2023 г. Симферополь, 22–34.

Винокуров Н. И. 2024б. Землетрясение второй половины III в. н. э. и новый жертвенник хтоническим богам на городище Артезиан // ДБ. 29, 1–18.

Винокуров Н. И. 2024в. Храм Зевса Генарха первого века до н. э. дорического ордера и позднесарматский погребально-жертвенный комплекс IV в. н. э. на южном теменосе городища Артезиан в Крымском Приазовье // Thracia Balcanica 3. Sofia, 71–124.

Винокуров Н. И., 2025. Гробница 20/2023 и яма с менгирами погребально-жертвенного комплекса IV в. н. э. южного теменоса городища Артезиан // ДБ. 30, 62–93.

Винокуров Н. И. *Никонов* А. А. 1998. О следах сильных землетрясений на западе Европейского Боспора // РА. 4, 98–114.

Винокуров Н. И., *Никонов* А. А. 2004. Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре, как хронологический репер // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 95–103.

Винокуров Н. И., *Корженков* А. М, *Родкин* М. В., 2015. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. 42/2, 51–66.

Винокуров Н. И., *Мацнев* Д. В., *Фесенко* А. В. 2024. Храм Зевса Генарха городища Артезиан: проблема астрономического и пространственного ориентирования // ПИФК. 3, 150–154.

Винокуров Н. И., *Яйленко* В. П., 2024. Храм Зевса Генарха с посвятительной надписью царя Фарнака на городище Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 4, 257–297.

Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 320.

Внуков С. Ю. 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 3, 198–206.

Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17, 21–54.

З*еест* И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 180.

К*апошина* С. М., 1956. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 50, 211–254.

Корженков А. М., *Овсюченко* А.Н., *Ларьков* А.С., *Мараханов* А.Н., *Рогожин* Е.А., *Сударев* Н.И. 2018. Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым) // ДБ. 22, 115–132.

Кругликова И.Т. 1966. Боспор в позднеантичное время. М., 98.

Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 178.

Summary

N.I. Vinokurov
Late 3rd century CE altars of the southern temenos of the Artezian settlement

During excavations of the southern temenos of the Artezian settlement in 2024–2025, new sacred objects were discovered in the immediate vicinity of the excavated monumental foundations of the eastern altar and the temple of Zeus Genarchos and Soter. These objects are of great interest for understanding the religious side of life of the local population. These finds are published in the present article. Excavations revealed traces of at least three residential horizons and associated structures, successively overlapping one another and dating back to the 3rd century CE. These consisted of horizontally compacted layers of ash-like mud soil, 0.04–0.15 m thick, marked by the bases of masonry, a furnace, altars, pit openings, horizontally laid potsherds, and animal bones with smoothed edges. All of these horizons were associated with the functioning of the southern temenos during their occupation. The lower layer included the ash-packed horizon 3 of the defensive moat fill, marked by the openings of pits 837, 842–845/2025. Pit 837 was a bothros with several levels of sacrificial offerings. Other pits remain from storage areas with dug-in vessels. The middle layer includes building 2, which was constructed over the pits, with altars 1–2/2024, destroyed during the powerful seismic catastrophe of 255–269/275 CE. The upper layer was marked by a building with an apse, 1/2024–2025. Its walls cut through the ruins of building 2. Remarkably, these objects were excavated in a limited area of approximately 60 square meters. They cut through a defensive ditch filled with ash soil and belonged to the upper tier 4 of its infilling of the second half of the 3rd century CE. The presence of altars and bothros to the south of the buttresses of the late citadel bears evidence to the preservation of the southern zone of the settlement in late antiquity as a sacred area, even after the destruction of the Temple of Zeus Genarchos and Soter.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.74-96

А. А. Завойкин
(Институт археологии РАН, г. Москва)

«Мегаполис» Боспор & «Боспорское царство»[1]

Событие, дата которого точно определена, более полезно,
чем то, которое неизвестно когда произошло
Диодор (I. 3, 8)

1.

В последнее время все чаще приходится писать о том, что в нашей науке зачастую современные представления об истории Боспорского государства с легкостью сосуществуют со взглядами, сформировавшимися многие десятилетия назад и нередко противоречащими источникам, ещё неизвестным в то время, когда эти взгляды были сформулированы. Так было всегда, это неизбежно. А в наши дни, возможно, это в определенной мере ещё стимулируется тем, что наблюдаем интенсивное естественное старение исследовательского сообщества. Ведь не секрет, что идеи, освоенные в юности, с годами приобретают в нашем сознании статус аксиом, во всяком случае такие из них, творческой разработкой которых мы сами специально не занимаемся. Общеизвестно, что в большинстве своем именно такие идеи составляют каркас исторического знания, отраженного в учебных пособиях.

К числу таких идей относится утверждение будто «Боспорское царство» («древнейшее государство на территории нашей страны») образовалось в 480/79 г. до н. э. Единственным источником, на котором оно базируется, является краткое свидетельство Диодора Сицилийского (XII. 31, 1) о том, что в 438/7 г. до н. э. «в Азии» власть неких («<так> называемых») Археанактидов, которые к этому моменту 42 года «царствовали, на/над «Киммерийском Боспоре» (κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιανακτίδαι ἦρξαν ἔτη δὺο πρὸς τοῖς τετταράκοντα), перешла к Спартоку[2], который правил семь лет. В наши дни, казалось бы, нет необходимости говорить о царском характере власти Археанактидов и даже их приемников, первых

[1] Работа выполнена в рамках темы «Античность и Раннее Средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции» (№ НИОКТР 126011315524-1).

[2] Его сына, Сатира I, власть которого принял Левкон I, Диодор называет «царем Боспора» (XIV. 93, 1), сына же Левкона I, Спартока II – «царем Понта» (Diod. XVI. 52, 10), а его брата Перисада I – «царем Киммерийского Боспора» (βασιλεὺς τοῦ Κιμμερικοῦ Βοσπόρου – XX. 22, 1). Πόντου βασιλεύς назван Перисад I в анекдоте о его переодеваниях у Полиена (Strat. VII. 37).

Спартокидов (формально – до Спартока III, который в начале III в. до н. э. принял царский титул). Это очевидный анахронизм позднего источника (самого ли Диодора, или, вполне вероятно, его предшественника). В полной мере это суждение можно отнести и на счет объекта власти Археанактидов [*Васильев* 1992, 121; см. *Завойкин* 2013а, 33 слл.]. Хотя бы уже ввиду того, что само наименование «Боспор», как политико-административной единицы, фиксируется в титулатуре правителя лишь со времени внука основателя династии Спартокидов Левкона I, уже после того как тот завоевал Феодосию (между 370 и 364 гг. до н. э.). Стоит также обратить внимание на то, что государство Спартокидов («Боспор и Феодосия») никогда официально не именовалось «Боспором Киммерийским». Это греческое наименование совр. Керченского пролива (в противовес другому проливу – Боспору Фракийскому).

Попытки подкрепить суждение об объединении под властью Археанактидов если не всех, то, по крайней мере, большинства боспорских полисов, хотя бы в форме некоего оборонительного союза (симмахии и амфиктионии с центральным храмом Аполлона Врача в Пантикапее), призванного дать отпор агрессии скифов, опирались на интерпретацию двух формально независимых источников. *Во-первых*[3], архитектурных остатков (фрагментов ордера) монументального храма на акрополе Пантикапея, связываемого с культом главного божественного покровителя полиса (Аполлона Врача), строительство которого относили ко второй четверти – середине V в. до н. э. [*Пичикян* 1975, 120–126; *Толстиков* 1984, 44–46], сразу после успешного отражения скифской экспансии (60-е годы V в. до н. э.)[4]. А *во-вторых*, – серебряной монеты с легендой АПОЛ, чеканенной на пантикапейском монетном дворе [ср. *Строкин* 2007, 350–351, 360 слл.] в середине – третьей четверти V в. до н. э. для покрытия расходов на строительство упомянутого храма Аполлона и, возможно, последующее отправление культа с ним связанного[5].

Долгие годы эта историческая реконструкция, предложенная Ю.Г. Виноградовым и В.П. Толстиковым [*Vinogradov* 1980, 69 f.; *Виноградов* 1983, 394–420; *Толстиков* 1984, 47, прим. 95], несмотря на ряд критических замечаний в её адрес, сохраняла свои позиции в отечественной историографии[6]. Так, В.П. Толстиков в начале текущего столетия писал: «Интенсивные археологические исследования последних лет не внесли сколь-нибудь серьезных коррективов в ту историческую картину, которая была предложена Ю.Г. Виноградовым… и, как представляется, подкреплена и детализирована автором этих строк» [*Толстиков* 2001, 46]. Однако новейшие археологические открытия, – наряду с повторным и более совершенным анализом известных ранее источников, – настойчиво побуждают к внесению в эту концепцию существенных корректив, которые даже одного из её создателей и последовательного защитника привели к закономерным сомнениям.

---

[3] Курсив всюду в тексте авторский, в том числе в цитатах.

[4] Логика здесь сводилась к тому, что сооружение столь крупной культовый постройки необходимо связывать с коллективными усилиями нескольких полисов-союзников.

[5] Поскольку чеканка этой монеты производилась на монетном дворе Пантикапея параллельно с полисной чеканкой, предполагается её союзный характер [ср.: *Анохин* 1986, 24–25 (храмовая чеканка); *Толстиков* 1984, 46–47].

[6] Подробный историографический анализ исследований по теме см. [*Завойкин* 2013, 21–58].

В 2023 году В. П. Толстиков опубликовал статью, которую озаглавил: «Археологические свидетельства катастрофы 480–475 гг. до н. э. в Пантикапее. Прощание с одной концепцией?». Уже в её аннотации отмечено: «Гипотеза о симмахии во главе с Пантикапеем вряд ли актуальна» [*Толстиков* 2023, 9, 31]. Дело в том, что если раньше ученый полагал, что пантикапейцам удалось отстоять свой город от агрессии номадов, то новые открытия привели его к иному выводу: скифам не только удалось прорваться на Западное плато, но и захватить акрополь Пантикапея, разрушить святыни на его теменосе, после чего повсеместно фиксируются признаки долговременного упадка и деградации в застройке города [*там же*, 28]. В том числе в пользу этого свидетельствуют сравнительно многочисленные находки предметов, декорированных в скифском зверином стиле [*там же*, 25, рис. 10; *Канторович и др*. 2019, 7 слл.]. В. П. Толстиков признаки упадка, обусловленного военным конфликтом, усматривает и в характеристиках монетной чеканки полиса. По его мнению, кризисная ситуация способствовала приходу к власти в Пантикапее Археанактидов, 42 года правления которых проходят под «протекторатом» царских скифов [*Толстиков* 2023, 30, 31][7]. В финале статьи её автор приходит к следующим заключениям: «По-видимому, именно в этот напряженный исторический период, который в целом оказался судьбоносным и для всего Эллинского мира, формировались основы особой, специфической формы государственности Пантикапейского полиса, а позднее и всего Боспора Киммерийского – греко-варварской державы Спартокидов». А вот «…от принятия гипотезы о симмахии-амфиктионии объединенных полисов Боспора под эгидой могучего Пантикапея с храмом Аполлона на акрополе, – по его мнению, – пока следует воздержаться» [*там же*, 31].

Серьёзно ослабляет доказательную силу предложенной ранее реконструкции событий и ревизия даты строительства храма Аполлона Врача на акрополе Пантикапея. Изначально В. П. Толстиков, следуя мнению И. Р. Пичикяна, относил его сооружение к моменту стабилизации обстановки на Боспоре примерно в 60-е годы V в. до н. э., и усматривал в этом свидетельство объединения боспорских центров вокруг Пантикапея под главенством Археанактидов. Как выяснилось позднее, – благодаря работе А. В. Буйских [*Буйских* 2003, 33; 2009, 27], новым находками и их анализу самого В. П. Толстикова, – начало строительства этого храма должно быть отнесено к последней четверти VI в., а точнее – к интервалу примерно между 510 и 490/85 гг. до н. э. [*Толстиков* 2017, 17, 21–25; 2023, 12][8]. Соответственно, вопрос о строительстве храма Аполлона Врача, который, якобы, являлся «покровителем союзного государства под эгидой Археанактидов», свою актуальность теряет. И если по-прежнему пытаться видеть в так наз. «аполлонийской» чеканке средство финансирования этого храма, то разве что для его реконструкции после разрушения[9]. Однако ни о какой связи с объединением боспорских полисов здесь говорить не приходится.

[7] В этой связи, возможно, стоит несколько слов сказать и об интерпретации одной любопытнейшей находки 2010 года – расчленённой туши верхового коня степной породы со специально оставленной на нём нагрудной частью сбруи (*сфагиона*), обнаруженной в слое, образовавшемся после 480 г. до н. э. По мнению В. П. Толстикова, «эта экстраординарная, возможно *тайная* акция, осуществлённая какой-то группой пантикапейцев близ северной границы теменоса, была призвана ослабить мобильность и боеспособность захватчиков-скифов».

[8] Четвертый строительный период, фаза 1.

[9] Времени же строительства храма, по оценке исследователей (500–485 гг. до н. э.), соответствует начало чеканки пантикапейского серебра [*Коваленко, Толстиков* 2010, 43–44].

Рассмотренный пример превосходно, на мой взгляд, иллюстрирует, как при отсутствии письменных источников, непосредственно отражающих ход исторических событий, новые материалы планомерных археологических раскопок способны перевернуть ранее выстроенные логически непротиворечивые концептуальные построения.

Другой яркий пример такого рода – находка в 2016 г. на акрополе Фанагории фрагмента персидской клинописной царской надписи. Контекст её обнаружения, если не вдаваться в детали, подробно описанные В. Д. Кузнецовым [2018, 166–167; 2022, 147–152], – это слой, сформировавшийся в результате событий, которые условно можно датировать 480 г. до н. э.[10] или сразу после них. Иначе говоря, этот контекст синхронен тому контексту и тем событиям в Пантикапее, о которых мы говорили ранее[11]. И по своему характеру он тоже сопоставим с ними: обломок надписи был обнаружен на руинах древнейших оборонительных стен города, разрушение которых маркирует слой пожарища, находки наконечников стрел в котором ясно указывают на военную катастрофу.

Публикация этой экстраординарной находки [*Кузнецов*, *Никитин* 2018; *Кузнецов* 2018] – без преувеличения – произвела в современной историографии эффект «разорвавшейся бомбы». После нее поднялась волна публикаций, посвященных критике артефакта (вплоть до отрицания его отношения к боспорской истории), его датировке и интерпретации[12]. Сейчас нас будет интересовать лишь тот вариант интерпретации надписи, что был предложен В. Д. Кузнецовым. Исследователь относит её царю Ксерксу сыну Дария I (обрывок имени которого вычитывается в тексте) и связывает появление царской стелы в Фанагории с превентивными военными мероприятиями Ахеменида в Северном Причерноморье накануне его вторжения в материковую Грецию. Опираясь на «хронологическое совпадение» гибели в пожаре оборонительных стен Фанагории, находку в этом контексте клинописной надписи и указанной Диодором (XII. 31, 1) даты прихода к власти Археанактидов (480/79 г.)[13], исследователь безоговорочно принимает гипотезу Г. А. Кошеленко [1999, 138–142], согласно которой последние были ставленниками Ахеменидов[14]. Таким образом, повсеместные на Боспоре (и не только) следы разрушений и пожаров, которые прежде связывали со скифской агрессией, предложено

[10] В данном случае сужаем археологическую дату (рубеж первой и второй четвертей V в. до н. э. или ок. 480–470 гг. до н. э.), принимая за основу «историческую» дату, предложенную В. Д. Кузнецовым (см. ниже).

[11] В. П. Толстиков предпочитает определять дату пожара и разгрома Пантикапея скифами ок. 490–480 гг. до н. э. [см. *Толстиков* 2017, 42]. Насколько я понимаю, ключевую роль в этом играют две амфоры, найденные вкопанными в юго-западном углу подвала в кв. 108 раскопа Центрального-Северного, сооружение и бытование которого стратиграфически разделяет две фазы жизни кладки № 204 (А и Б) многокомнатного здания МК II и, вместе с тем, II-й и III-й строительные периоды. Начало фазы «Б» В. П. Толстиков, ссылаясь на датировку амфор (самосской и «круга Фасоса»), относит к началу 80-х годов V в. (*Толстиков и др.* 2003, 315–317, табл. XII. *3*, *4*). Полагаю, что эта дата примерно на десяток лет занижена (см. *Завойкин* 2010, 383, 390, прим. 15; 2013, 67 и прим. 14). Согласно новейшей схеме строительной периодизации, упомянутый объект с амфорами приходится на границу между *Четвертым* и *Пятым* строительными периодами, причем начало последнего В. П. Толстиков датирует ок. 480 г. до н. э. (*Толстиков* 2017, 37–38).

[12] Обзор мнений и литературы см. [*Кузнецов* 2022, 141–147].

[13] Правильнее, конечно, говорить о дате, вычисленной на основе указания Диодора, что финал 42-летнего правления Археанактидов приходится на 438/7 г. до н. э. (в пересчете на юлианскую календарную дату).

[14] Правда, В. Д. Кузнецов признает, что «Свою власть на Боспоре Киммерийском Археанактиды могли получить как в результате самостоятельных действий при поддержке персов, так и в результате прямой агрессии со стороны последних» (2018, 171).

отнесли на счёт военных действий со стороны персов [*Кузнецов* 2018, 170–172][15]. Напрямую с их политическим господством связывают теперь и переход с эгинской на персидскую весовую норму в чеканке пантикапейской монеты [*Абрамзон и др*. 2020, 7].

Свою версию интерпретации катастрофических событий на Боспоре предложил Г. Р. Цецхладе. Фанагорийскую надпись он относит к Дарию I, который, по его мнению, даже оставил в Фанагории гарнизон, а Ксеркс продолжил его военную кампанию. Исследователь написал: «Похоже, что Дарий так и не пересек Керченский пролив, а если пересек, то только для небольшой вылазки; Ксеркс же завершил то, что начал его отец» [*Цецхладзе* 2020, 86, 105–106].

Наконец, в первом номере «Вестника древней истории» в прошлом году была опубликована интересная статья А. И. Иванчика «Полис и царская власть на Боспоре в эпоху Спартокидов: земля, гражданство и налоги» [*Иванчик* 2025]. Последовательный и внимательный анализ письменных источников, обычно привлекаемых для характеристики политического устройства державы Спартокидов и рассмотрения вопроса о статусе полиса в ней, привел ученого к следующим выводам. Монархическое по своему устройству Боспорское государство при этой династии ни в эллинском мире, ни где-либо еще аналогов не находит. На протяжении, по крайней мере, трех с лишним столетий никаких следов существования полиса и его институтов в этом государстве не наблюдается. Их «упразднили», а реанимирует эту форму социально-политической организации на Боспоре только Митридат VI Евпатор. Попытки выявить генезис столь уникальной государственной организации приводят исследователя к 480/79 г. до н. э., когда у власти оказались Археанактиды. А. И. Иванчик целиком принимает гипотезу о персидском завоевании Боспора и идею о том, что предшественники Спартокидов были ставленниками Ксеркса. Именно тогда, по его мнению, в Боспорском государстве складывается тот режим власти (монархия без полиса), который унаследовали Спартокиды, даже вопреки тому, что *переход* власти к ним от Археанактидов был, как предполагается, инспирирован афинянами во главе с Периклом во время их Понтийской экспедиции.

В поддержку мнения о прямой политической зависимости Боспора при Археанактидах от Персии Аскольд Игоревич добавляет ещё два аргумента. Во-первых, это определение им баз колонн, обнаруженных во вторичном использовании на акрополе Пантикапея, как ахеменидских[16]; а во-вторых, – он считает, что сообщение Диодора о приходе к власти Археанактидов в 480/79 г. не просто синхронно походу Ксеркса против Эллады, а эти два события были связаны между собой единой цепью событий (во всяком случае в хронологическом источнике, из которого черпал информацию сицилийский историк).

Правда, сам ученый отмечает тот факт, что на территории державы Ахеменидов, которые предпочитали не вмешиваться во внутреннюю жизнь подвластных им общин,

[15] О побудительных мотивах завоевательной политики исследователь пишет: «Можно предположить, что персы перед походом в Элладу посчитали необходимым подчинить побережье Черного моря, не входившее в состав империи». Ранее, еще до находки клинописи в Фанагории, эти разрушения с персами связывал Й. Нилинг [*Nieling* 2010, 134].

[16] «В любом случае, мы можем быть уверены, что на акрополе Пантикапея находилось здание, построенное персидскими зодчими или под их влиянием, аналогичное сооружениям, хорошо известным на территории современных Грузии и Азербайджана. Это, в свою очередь, невозможно представить без политического контроля Ахеменидской державы и присутствия представителей ахеменидской администрации» [*Иванчик* 2025, 101].

в основном довольствуясь их лояльностью и регулярными выплатами налогов, ничего подобного не наблюдается [также см.: *Tsetskhladze* 2008, 443; *Кузнецов* 2018, 170–171, 173]. Объясняется это тем, что оказавшие сопротивление боспорские города были завоёваны силой[17], а также удаленностью Боспора, доступного только по морю [*Иванчик* 2025, 102]. Прямо А. И. Иванчик не пишет, что само единое Боспорское государство было создано персами, но, видимо, это подразумевается. Во всяком случае это следует из его утверждения: «Возможно, они (т. е. Ахемениды. – *А. З.*) предпочли заменить полисы более привычным и простым царством, управляемым местными династами, подобными тем, что существовали в большинстве частей империи. Династы гарантировали регулярную выплату дани, и центральной администрации было легче иметь дело с *одним крупным контрагентом*, чем с несколькими мелкими» [*там же*, 103; ср.: *Кузнецов* 2018, 175].

Попытаюсь кратко подвести промежуточный итог. Поскольку сам я твердо держусь убеждения, что начало формированию единого Боспорского государства было положено завоеваниями Сатира I, а в целом этот процесс завершается только при его сыне Левконе I, не вижу ни возможности, ни необходимости приписывать персам заслугу в объединении под властью Археанактидов боспорских полисов[18] и полное «упразднение» последних как социально-политических единиц. Даже если допустить (хотя, строго говоря, оснований для этого, на мой взгляд, как не было, так и нет), что Археанактиды были креатурой Ксеркса, то и в этом случае затруднительно представить себе, чтобы установление их власти в Пантикапейском полисе стало событием, достойным того, чтобы быть упомянутым в одном контексте с деяниями персидского царя в 480/79 г. до н. э. или просто на фоне великих событий эллинской истории этого времени.

Ещё раз отмечу, что под 480/79 г. до н. э. ни о каких Археанактидах у Диодора не сообщается. Они упомянуты под 438/7 г. до н. э. в связи окончанием 42-летнего периода их правления и приходом к власти Спартока I (Diod. XII. 31, 1). Логично предположить, что синхронизировано с каким-то «внешним» событием эллинской истории скорее именно это событие, а не поход Ксеркса на Элладу, которому, как предполагается, предшествуют военные действия персов в Северном Причерноморье. Но что это было за событие? Может быть, поход Перикла в Понт, о котором мы узнаем из сообщения Плутарха (Per. XX)? Если даже это действительно так (что вполне возможно), точная дата данного события *нам* тоже не известна, хотя, судя по всему, она весьма близка интересующему нас времени [см.: *Завойкин* 2013а, 286–288 с лит.]. Принимая в расчет «персидский фактор» на Боспоре, следует признать вполне вероятным, что его устранение

[17] По оценке В.Д. Кузнецова, трудно себе представить, чтобы разрозненные и маломощные полисы Боспора могли всерьёз противостоять даже ограниченному персидскому соединению [*Кузнецов* 2018, 173–174].

[18] Ср.: «*Если* персы поставили под контроль весь Боспор Киммерийский, или его значительную часть, или наиболее важные города, а затем привели к власти Археанактидов, то речь должна идти о создании некоего государственного образования. Оно могло называться неофициально, но для удобства – "Понт". Иначе трудно объяснить тот факт, что, с одной стороны, олигархический род правит в Пантикапее, а с другой – стела с царской надписью найдена в Фанагории, на противоположном берегу пролива» [*Кузнецов* 2018, 175]. В ответ на это суждение могу возразить лишь одно. *Если* даже персы установили свою власть над всеми полисами Боспора, и *если* Археанактиды были их ставленниками, – из этого вовсе не следует, что власть пантикапейских тиранов (или олигархов?) тоже распространялась на весь Боспор. Утверждать, что стела персидского царя была установлена *только* в Фанагории мы, конечно, не можем. Но и полагать, что на Боспоре власть персидского царя в территориальном отношении тождественна власти Археанактидов нет оснований.

и было одной из целей похода Перикла в Понт, безотносительно тому, связана ли с этим событием смена династий в Пантикапее.

Оценивая разрушительные для Боспора события рубежа первой и второй четвертей V в. до н. э., мы стоим перед альтернативой, кому адресовать враждебные действия, приведшие к такому результату, скифам или персам? Однозначного ответа у меня пока нет. Не уверен даже в том, что решение этого вопроса должно быть альтернативным: «или – или».[19]

Ответ, на мой взгляд, не может быть простым и односложным.

С одной стороны, нарастающее ухудшение военно-политической ситуации в регионе наблюдается на протяжении довольно длительного времени (с конца VI – начала V в. до н. э.), и трудно предположить, чтобы персы терроризировали боспорских греков в течение нескольких десятилетий. Примечательно, что в этот же период наблюдаем последовательный и существенный рост количества мужских погребений, в инвентаре которых представлено оружие [см.: *Завойкин*, *Сударев* 2006а; 2006б][20]. На мой взгляд, эти факты едва ли согласуются с идеей краткой и победоносной войны ограниченного персидского воинского контингента за установление власти Ахеменидов над боспорскими городами, также, как и следы разрушений, зафиксированных на поселениях сельских территорий полисов[21].

С другой стороны, абсолютно невозможно отрицать очевидные факты, свидетельствующие об особом характере отношений Боспора с державой Ахеменидов [см.: *Завойкин* 2015, с лит.]. Это аномально высокая концентрация персидских печатей на Боспоре (первая половина V–IV в. до н. э. [*Трейстер* 2011, 114–119][22]); это переход на персидский весовой стандарт в чеканке после 480 г. [*Абрамзон и др*. 2019, 14; 2020, 5, 7–11] [23] и восьмилучевые звезды на реверсе пантикапейских монет (середина – третья четверть V в. до н. э. [*Завойкин* 2013а, 358, 411–412]); это, пользуясь определением С. Р. Тохтасьева [2001, 161, 163], по-ахеменидски пышная титулатура ранних Спартокидов (со времени Левкона I); и это атрибутика власти персидских царей на саркофаге из Баксинского кургана, в склепе которого, предположительно, был упокоен отец-основатель Боспорского государства, Сатир I[24]; это базы колонн «персидского типа» ордерной постройки на акрополе Пан-

[19] Ср.: «Поиски любых других причин разрушений в боспорских городах, не связанных с персами, требует объяснения того, почему царская клинописная надпись была поставлена в Фанагории» [*Кузнецов* 2018]; «Если <даже> ответственность (за разгромы городов. – *А. З.*) несут персы, то определить настоящего врага на Боспоре только по археологическим материалам, таким как оружие, будет невозможно» [*Nieling* 2010, 134].

[20] Максимальный «индекс вооруженности» (78,1% от общего числа мужских захоронений) приходится на вторую четверть V в. до н. э. [*Берлизов* 2025, 31–32].

[21] С тех пор, как я предпринял попытку уточнить и дополнить перечень В. П. Толстикова (1984) городов и поселений сельской территории, на которых фиксируются следы разрушений интересующего нас времени [*Завойкин* 2006], их число должно было заметно (?) увеличиться [ср. *Завойкин* 2010, 379–388]. Работу по выявлению ранее неизвестных памятников такого рода и более глубокому анализу хронологии катастрофических событий еще предстоит проделать.

[22] Две цилиндрические царские печати – времени Артаксеркса I (464–423 гг.). М. И. Максимова [*Maximowa* 1928, 668] относит один из этих артефактов ко времени правления Артаксеркса II (404–368 гг.).

[23] По В. А. Анохину [1986, 23 сл.], этот переход произошел на десятилетие раньше.

[24] «Величайшая монархия Азии не могла не оказывать влияние на историческое развитие и Скифии, и Боспора… уже одним фактом своего существования. Спартокиды, создавшие территориальное государство, как представляется, пытались в чем-то копировать Персидскую державу, использовать некоторые элементы ее обширного опыта в области государственного устройства» [*Виноградов* Ю. А. 2014, 521].

тикапея (ранее середины IV в. до н. э.)[25]. И наконец, – это фанагорийская клинописная царская надпись на монументальной стеле, которая, как мне представляется, могла быть установлена только на той территории, которую сами властители Персии считали своей.

С учетом хронологии *всего комплекса* этих источников, игнорировать «персидский фактор» в истории Боспора V–IV вв. до н. э., пожалуй, невозможно[26]. Однако влияние этого фактора, – каким бы оно ни было, – ни в какой мере не дает оснований для заключения, будто формирование единого Боспорского государства началось раньше конца V в. до н. э. И поэтому строить любые суждения о природе государственного устройства державы Спартокидов на основе предположения о «Боспорском царстве», которое, якобы, было создано в 480/79 г. до н. э. Ахеменидами или под их воздействием, – дело, на мой взгляд, неблагодарное.

2.

Первая часть данной статьи, по сути, представляет собой расширенную преамбулу к главной теме. В ней был представлен критический обзор источников, обретение которых относится, главным образом, к последнему десятилетию, и предложенная исследователями интерпретация которых не могла быть мною проигнорирована. В первую очередь это относится к статье А.И. Иванчика [2025], который специфические характеристики государства Спартокидов попытался объяснить происхождением его от политической структуры, которая сформировалась на Боспоре при персидских ставленниках (Археанактидах) и под прямым влиянием Ахеменидов. Первая часть этой основательной работы содержит последовательный и серьезный анализ разных категорий источников, которые традиционно привлекаются для определения особенных черт устройства Боспорского государства. Критический обзор оценки этих источников, предложенной А.И. Иванчиком, – в итоге пришедшего к выводу об отсутствии не только каких-либо *следов* полисной формы политической жизни на Боспоре при Спартокидах, но и об отсутствии («отмене») самого полиса в принципе, – представлен мною в отдельной статье [*Завойкин* 2026][27]. В ней некоторым оценкам А.И. Иванчика я откровенно оппонирую, с некоторыми – солидаризируюсь, в итоге ставя под сомнение основной вывод автора о самой специфике и генезисе Боспорского государства. Между тем, жесткое, чтобы не сказать – гиперкритическое, рассмотрение исследователем немногочисленных источников по интересующей нас теме побуждает меня, отрицающего предложенное им объяснение «боспорского феномена», серьезно задуматься над обоснованием собственного объяснения.

Для начала попытаемся определиться с терминологией.

«Официальное» название государства. О нём можем судить только исходя из формулы титулатуры Спартокидов и наименования (этникона) его *граждан*.

[25] Если прав А.И. Иванчик, что постройк возведена «персидскими зодчими или под их влиянием» [*Иванчик* 2025, 100–101, fig. 1, 2].

[26] В том числе, на мой взгляд, недопустимо «выводить за скобки» царскую клинописную надпись из Фанагории [ср.: *Рунг*, *Габелко* 2018; *Rung*, *Gabelko* 2019; *Балахванцев* 2018, 63; *Суриков* 2020, 377–378; 2025, 422–423].

[27] Уважаемый коллега великодушно предложил мне опубликовать эту статью в ВДИ. Пока она только представлена в редакцию журнала и принята к печати. Поэтому точную ссылку на эту работу дать не могу, указанная дата публикации условна.

Древнейшие известные нам эпиграфические памятники с титулатурой правителей – это посвятительная надпись на мраморной герме, в которой Левкон I назван «*архонтом* Боспора и Феодосии» (КБН 1111), и посвящение на постаменте статуи самого Левкона из Лабриса (SEG 56, 885)[28]. В следующем по времени документе, посвятительной надписи Теопропида сына Мегакла из Нимфея на архитраве пропилона, Левкон I именуется «архонтом Боспора и Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев, псессов» [*Соколова*, *Павличенко* 2002]. В более поздних надписях сын Сатира I отмечен, как «архонт Боспора и Феодосии и Синдики, *царствующий* над торетами, дандариями, псессами» (*КБН* 6а) и, наконец, как «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, торетами, дандариями, псессами» (КБН 6, 1037, 1038). Предполагается, что изначальная территория государства, образовавшегося под властью Сатира I и Левкона I, до завоевания последним Феодосии, могла называться просто «Боспор» [*Белова* 1967, 64]. Допустить такое мы в праве, однако документальным тому подтверждением пока не располагаем. Поэтому уместно предполагать и такой вариант, что *политоним* «Боспор» стал актуален лишь после того, как Левкон I присовокупил к своей державе Феодосию. Если судить таким образом, изначальным наименованием государства было «Боспор и Феодосия»[29]. Позднее к нему следовало бы присовокупить «<всю> Синдику», включая, наряду с Таманским п-овом, и территорию, занимаемую синдами, что обитали «за Гипанисом» (Strab. XI. 2, 11). Но это не относится к территориям, на которых обитали другие варварские племена Прикубанья, несмотря на то, что изначально они (как и синды) подпадали под «архонтскую» власть Спартокида (нимфейская надпись). Видимо, не случайно, как в тот краткий период времени, так и позднее, когда они отмечены в титулатуре уже под «царской» юрисдикцией правителей Боспора, упомянуты названия этих племен, но не территорий их обитания[30].

Безотносительно всех этих фактов и суждений о них, предоставление инополитам в принятых от имени Спартокидов декретах гражданских прав (*политии*) «на всем Боспоре» неизбежно приводит к двум выводам. Во-первых, к признанию существования единого («боспорского») гражданства, а во-вторых, к заключению, что термин «Боспор» в этих официальных документах тождествен «Боспору и Феодосии» (или, точнее, «Боспору и Феодосии и всей Синдике») в пышной титулатуре посвятительных надписей[31]. Даже А. И. Иванчик, отрицающий полис и гражданство на Боспоре при Спартоки-

[28] Так же см.: [*Белова* 1967, 62–64] – посвящение из Гермонассы. Я придерживаюсь чтения надписи из Лабриса, предложенного С. Р. Тохтасьевым [2004]. Ф. В. Шелов-Коведяев считает более «обоснованным базирующееся на интуициях Ю. Г. Виноградова чтение» [*Шелов-Коведяев* 2026, № 145].

[29] Наименование «Боспор Киммерийский» к исторической реальности (официальному наименованию государства) отношения не имеет, даже вопреки тому, что Диодор называет Перисада I «царем Киммерийского Боспора» (Diod. XX. 22, 1). Так же как наименование Спартока II «царем Понта» (Diod. XVI. 52, 10) – это всего лишь географические ориентиры для неискушенного читателя.

[30] Насколько возможно судить, земли обитания подвластных Спартокидам меотских племен оставались за пределами Боспорского государства. Синды же, обитавшие теперь на «царской» земле, оказались под прямым управлением правящей на Боспоре династии [см. *Завойкин* 2021а, с литературой].

[31] А. И. Иванчик (2025, 88), исходя только из формулы титулатуры, полагает, что «Феодосия не считалась частью Боспора, очевидно, из-за своей географической удаленности, а также потому, что она была завоевана позже», и даже допускает (хотя бы с оговорками), что Феодосия обладала собственным гражданским правом, помимо прочего, ссылаясь на декрет ок. 200 г. до н. э. (I. Milet I, 3, 75) о даровании гражданства Милетом, в том числе, некоему феодосийцу (*Иванчик* 2025, 92).

дах в принципе, признает сам факт «общебоспорского гражданства», хотя и считает его некоей фикцией, за которой, по существу, скрываются отношения правителей и их подданных, не обладающих никакими правами и обремененных разного рода налогами и повинностями [*Иванчик* 2025, 86, 98].

В период правления династии Спартокидов за пределами государства происхождение их подданных обычно (чаще) отмечалось *ethnika*, производными от наименования государства: «боспорит/боспоранин» (βοσπορείτης = βοσπορίτης/βοσπορανός), женщины – «боспорянка» (βοσπορανή)[32]. Правда, эти наименования фиксируются надписями не ранее начала III в. до н. э., если принимать в расчет восстановление утраченного на камне этникона царя Спартока III в декрете афинян (IG II^2, 653$_{33–34}$ = МИС 4). Примерно к тому же времени относится упоминание «боспоритов» Мольпагора[33] и Филониха (видимо, наёмников) в папирусе из Арсиномитского нома [*Avram* 2013, nos. 607/608; LGPN IV (1)]. В целом, мы имеем массу примеров бытования этого этникона в надписях от второй четверти – середины III до II в. до н. э. включительно (и позднее) из Дельф, Эпидавра, Афин, Родоса (см.: МИС 57, 11, 12, 60, 61, 62, 65; *Avram* 2013, nos. 577, 580, 607; и др.)

Другой этникон («пантикапеец», «пантикапаит»), производный от наименования столицы Боспора, фиксируется уже в декрете аркадян в честь Левкона, сына Сатира, где он назван «пантикапаитом», который относится к финальному периоду сложения Боспорского государства (КБН 37, ок. 370–362 гг.). IV/III в. до н. э. датируется проксения Хиоса с упоминанием «пантикапаита» Герофана, сына Евмелида [*Avram* 2013, 230, nos. 2612/2613; LGPN IV (4)]. Этот этноним употребим за рубежами Боспора и позже, одновременно с этниконом «боспорец/боспорит»[34]. К III в. до н. э. относится упоминание «пантикапеита» Койрана (IG XI. 4, 609 = МИС 21), к 195/4 г. до н. э. – «пантикапейца» Апатурия, сына Никона (Syll.^{3} 584 = МИС 14) в декретах Делоса и Дельф [*Avram* 2013, 230, nos. 2606/2607, 2610/2611]. Наконец, к рубежу III и II вв. до н. э. относится уже упомянутый (прим. 31) декрет из Милета, в котором отмечен некий «феодосиец». А. И. Иванчик подчеркивает, что это «единственный случай, когда *этникон* боспорского города, кроме Пантикапея, используется за пределами Боспорского царства до правления Митридата» [*Иванчик* 2025, 92].

В пределах самого Боспора наблюдается иная ситуация. А. И. Иванчик весьма резонно полагает, что «использование названий *бывших городов* внутри государства не обязательно подразумевает существование отдельного гражданства: когда было

[32] Имена умерших женщин на аттических надгробиях III–II вв. до н. э. сопровождаются *патронимиками* (МИС 60, 61). Поскольку женщины не обладали гражданскими правами, отмеченные *ethnika* – видимо, лишь указание на «страну происхождения».

[33] Некий сын Мольпагора совершил посвящение в Пантикапее за своего сына Мойродора в царствование Спартока сына Евмела (КБН 19). Разумеется, нет возможности судить о степени родства упомянутых лиц с Мольпагором папируса, следовательно, недопустимо использовать лапидарную надпись для датировки папируса (и наоборот).

[34] А. И. Иванчик [2025, 91–92], видимо, считает их взаимозаменяемыми. На мой же взгляд, скорее следует говорить об исключительных правах граждан Пантикапея, что не удивительно, принимая во внимание природу тирании Спартокидов. Вполне вероятно, об этих привилегиях, в частности, ведет речь Евмел на *экклесии* в Пантикапее, который восстановил «прежний образ правления» (в переводе П. И. Прозорова и В. В. Латышева: τὴν πάτριον πολιτείαν ἀποκατέστησε), даровал освобождение от налогов (*ателию*, которой пользовались жители Пантикапея при его предках) и обещал другие льготы. (Diod. XX. 24, 4)

создано единое государство, бывшие независимые города могли быть превращены в его подразделения (по образцу афинских *демов*), и эти названия могли использоваться как *демотик*, а не как *этника*. Если бы это было так, то их использование следовало ожидать, прежде всего, если не исключительно, внутри Боспорского государства, а не за его пределами» [*Иванчик* 2025, 92]. Поскольку исследователь держится мнения, что Боспорское государство («царство») образовалось еще в 480/79 г. до н. э., он не уделил должного внимания хронологии немногочисленных боспорских надписей (а это всё эпитафии) с упоминанием этникона/деомтикона погребенных в чужом некрополе. Кепит Феопомп и феодосиец Филоксен были похоронены в некрополе Пантикапея в первой половине IV в. до н. э. (КБН 188, 231), а ахилийца Исократа Полемарх почтил надгробием на некрополе Гермонассы (КБН 1059) где-то в V–IV вв. до н. э. (уточнить дату, к сожалению, уже невозможно), т. е. ещё, быть может, до того, как Сатир I приступил к оккупации полисов Таманского п-ова. Допустимо предполагать, что и феодосиец Филоксен нашел свое упокоение раньше, чем его родной город был покроен Левконом I. Это всего лишь однозначно недоказуемые вероятности. Но их необходимо принимать во внимание при интерпретации этих малочисленных источников. Другое дело – надгробие кепита, погребенного *не позднее* середины IV в. до н. э. (КБН 188). К тому времени Кепы уже наверняка находились под властью Спартокидов, которые (Сатир I) спустя какое-то непродолжительное время после «измены Гилона» (ок. 410–405 гг. до н. э. [*Шелов-Коведяев* 1985, 96]) предоставили этот город «в кормление» деду Демосфена (Aesch. III. 171–17)[35]. Однако интересующий нас памятник (возможно, как и два других) относится к периоду формирования государственных структур в державе Сатира I – Левкона I, когда живы ещё были традиции, доставшиеся жителям городов Боспора от их предков. Видимо, не случайно в последующие столетия подобных памятников мы практически не находим[36], в то время как надгробия инополитов, прибывших из-за пределов Боспора, – совсем не редкость [см. *Завойкин* 2013а, 331, табл. 23].

После того, как боспорские полисы и Феодосия были включены в состав государства Спартокидов, они, утратив автономию, лишились и права монетной регалии. Соответственно, те из них, что до этого чеканили свое серебро (Нимфей, Фанагория, Феодосия), на реверсе которого в сокращенной форме указывался эмитент (т. е. *этникон* граждан этих полисов), чеканку прекратили. В объединенном государстве чеканка целиком сосредоточилась на монетном дворе Пантикапея. Едва ли можно усомниться в том, что она в полной мере контролировалась правителями Боспора[37]. Однако в качестве эмитента на монете по-прежнему указана гражданская община Пантикапея, даже после того, как в третьей четверти III в. до н. э. Левкон II начал чеканить монету с указанием имени и царского титула правителя. А. И. Иванчик считает, что «легенды монет показывают, что *этникон* "пантикапаиты" в некоторых случаях (? – *А. З.*) мог использоваться на Боспоре для обозначения всех боспорцев, а также что монеты *формально* чеканились

[35] Ориентировочно – не позднее 400 г. до н. э. [см.: *Завойкин* 2013, 289–291].

[36] Значительно более поздним временем, I в. н. э. датируется надгробие гермонассита из Пантикапея (КБН 495).

[37] Частный, но весьма показательный пример – «денежная реформа» Левкона I, о которой рассказывается в новелле Полиена (Polyaen. Strat. VI. 9, 1). Стоит обратить внимание и на резкую смену типа лицевой стороны пантикапейских монет, введение «эмблемы» в виде головы сатира [см.: *Завойкин* 2013, 374–378].

не от имени царей, а от имени этих пантикапаитов/боспорцев… Такая ситуация не совсем соответствует тому, что мы видим из надписей и остальных данных. Очевидно, это единственная известная нам область, где *формально* сохранялась полисная традиция…» [*Иванчик* 2025, 94]. Не вполне уверен, что в этом *факте* следует видеть лишь пустую формальность и ничего более.

В этой связи я с удовольствием приведу еще одну цитату из статьи А. И. Иванчика. «Возможно, что применение названия "Боспор" к городу Пантикапей впервые, по-видимому, засвидетельствованное Демосфеном (20. 33, 36 и т. д.), объясняется именно тем, что для стороннего наблюдателя Пантикапей представлялся центром крупного боспорского полиса, и его название также могло быть применимо к названию города, поскольку в других случаях они обычно совпадали» [*Иванчик* 2025, 92]. Так, может быть, восприятие Боспора ранних Спартокидов глазами современников в большей степени соответствует реальности, чем представления нынешних его исследователей?

Настало время дать разъяснение, почему определение «официальное» в подзаголовке данного раздела поставлено в кавычки. Прежде всего, мы должны принять во внимание следующие факты. Во-первых, до сих пор речь шла исключительно о наименовании государства ранних Спартокидов, т. е. до официального принятия Спартоком III титула «царь»; а во-вторых, что эллинистические царства, образовавшиеся в результате завоеваний Александра, официального, «юридического» наименования не имели[38]; официально они фиксируется только как <территория>, подвластная такому-то конкретному царю [*Бикерман* 1985, 5–9][39]. Иными словами, специальных (официальных) наименований «территориальных» государств в эллинистическую эпоху не существовало[40]. Не находим мы такого рода примеров и для более ранних авторитарных политических образований (например, в Сицилии для «держав» Эмменидов, Дейноменидов или Дионисия Старшего с сыном).

Однако факт остаётся фактом: начиная с Левкона I в титулатуре правителя и в его декретах фиксируется наименование подвластного ему государства – «Боспор» (или «Боспор и Феодосия»), обладающего своей πολιτεία, государства, граждане которого за его пределами именуются *боспоритами*[41]. Очевидно, что здесь мы имеем дело с еще одной гранью пресловутого «боспорского феномена». Для меня более чем вероятно, что все его проявления восходят к единому корню, общей причине, открыть которую при имеющейся в нашем распоряжении базы источников <почти> невозможно. Действительно, где найти ответ на вопрос: что могло побудить Левкона I принять («придумать»)

---

[38] В отличие Македонии, цари которой (Антигониды) называли себя «царями македонян».

[39] Все остальные наименования, используемые для обозначения государства Селевкидов, по выражению Э. Бикермана, служили «этикетками, установленными в частной практике и исключительно для неё». В местных документах зачастую использовались традиционные для Востока локальные варианты наименования: у Селевкидов – «царь Вавилона», у Птолемеев – официальные титулы, принятые для фараонов [*Бикерман* 1985, 8].

[40] В этой связи уместно отметить тот факт, что в декрете афинян в честь Спартока III (288 или 284 г. до н. э.; см. *Завойкин* 2013, 310) он назван «царем Спартоком, сыном Евмела, боспорцем» (IG II², 653_{33-34} = МИС 4), в то время как у правящих его потомков, начиная с сына, Перисада II, отмечен только их царский титул без указания *этникона* (Делос, Дельфы, Милет: IG XI, 2, 287 = МИС 28; Syll.³ 439 = МИС 15; МИС 38, 39), вполне в соответствии с практикой эллинистического времени.

[41] В зарубежных документах термин «Боспор» впервые фиксируется в афинском декрете 346 г. до н. э.: послы Спартока II и Перисада I «…заботятся о пребывающих из Афин на Боспор (εἰς Βόσπορον)» (IG II², 212 = МИС 3_{50-51}).

специальное название для нового государства, созданного его отцом и им самим, включившего в себя ряд ранее автономных полисов? Очевидно лишь то, что реальная причина имелась, и связана она с тем, что появился новый «политический объект», который как-то следовало именовать сообразно полисным традициям.

Можно ли согласиться с приведенным выше мнением А. И. Иванчика, что «Боспор» – это дублет наименованию «Пантикапей»? Пожалуй, но в том только смысловом контексте, который был предложен исследователем. Однако, кажется, нет достаточно веских оснований полагать, что «Боспор» был вторым наименованием Пантикапея, которое использовали для обозначения более крупного образования.

Наименования власти ранних Спартокидов и её характер. Как и при рассмотрении вопроса о наименовании государства Спартокидов и его граждан (или их подданных?) необходимо различать термины, используемые внутри этого государства и за его пределами с учетом особенностей словоупотребления, свойственного рассматриваемой эпохе, а также конкретного контекста и авторских пристрастий или антипатий, если рассматривается соответствующий лексикон литературных источников.

Начнем с более простого. Как мы видели, на самом Боспоре в титулатуре правящий Спартокид называется ἄρχων – предводитель, начальник, правитель и т. п. (с указанием объекта правления)[42]. Поскольку, кажется, в наше время никто не считает, что этот титул восходит к полисной магистратуре, не имеет смысла углубляться в историографию данного вопроса. Очевидно, что этот политически нейтральный термин вполне подходил для «внутреннего использования» применительно к *территориям*, населенным эллинами, к моменту включения в Боспорское государство составлявшим гражданские общины (полисы). Свое право быть «начальниками» («правителями») этих земель Сатир I и Левкон I приобрели законным (согласно нормам греческого права) способом – они[43] их завоевали (δορίκτητος – Arist. Pol. I. 3. 8 (1256b 25)[44].

Современники режима Спартокидов, в зависимости от своих политических пристрастий, именовали их по-разному: царями[45], династами, но обычно (чаще всего) – тиранами[46]. Поскольку терминологию древних авторов в свое время основательно проанализировал Ю. Г. Виноградов [1983, 407–409], не вижу необходимости обращаться к этому вопросу вновь. Достаточно констатировать единодушную оценку «внешними наблюдателями» характера власти Спартокидов – наследственная, единоличная (мо-

[42] Ф. В. Шелов-Коведяев обращает внимание на то, что термин ἄρχων в титулатуре – не субстантив, но причастие, «правящий» [*Шелов-Коведяев* 2025, 473], что сути вопроса не меняет. См. по этому вопросу также рассуждения исследователя в настоящем сборнике [*Шелов-Коведяев* 2026, № 144].

[43] Вернее, было бы сказать, что по их инициативе и под их началом гражданское ополчение Пантикапейского полиса (при активном участии наёмников и союзников-скифов) одержало победы над другими полисами по обе стороны Боспора Киммерийского. Не исключаю в принципе, что какие-то полисы могли быть включены в состав Боспора более или менее добровольно («добровольно-принудительно»), что в принципе могло как-то влиять только на их статус.

[44] Эта практика получила свое продолжение и в эллинистических державах. Например, см. [*Бикерман* 1985, 124 слл.].

[45] Только Диодор и Полиен, см. прим. 2.

[46] Страбон, сообщив, что Пантикапей долгое время управлялся единолично *династами* (ἐμοναρχεῖτο ὑπὸ δυναστῶν), в том числе Левконом, Сатиром и Перисадом, пишет: эти правители «назывались *тиранами*, хотя в большинстве были людьми достойными, начиная с Перисада и Левкона. Перисад признан даже богом» (Strab. VII. 4, 4).

нархическая). Отрицая предположение А. И. Иванчика о том, что единоличная власть правителей в готовой форме была привнесена на Боспор извне в результате персидского завоевания, мы неизбежно приходим к заключению о полисном её генезисе. Иными словами, констатируем тираническую природу власти Спартокидов[47]. По определению Аристотеля, «Тирания… есть деспотическая монархия в области политического общения» (Arist. Pol. III. 5, 5 [1279b])[48].

Следует акцентировать внимание на том, что в эпиграфических документах официального характера из-за пределов Боспора (Syll.^{3} 206, 212) ранние Спартокиды представлены без каких-либо титулов, только по имени-отчеству. Так же, как в декретах самих Спартокидов (имя правителя + его непоименованные «сыновья»). В декрете аркадян (КБН 37) Левкон сын Сатира представлен как частное лицо с указанием этникона – пантикапаит. И только Спарток сын Евмела в декрете афинян фигурирует с царским титулом [и эниконом Βοσπ|όριος] (IG II^2, 653$_{33–34}$ = МИС 4). Очевидно, что в декретах, принятых в честь ранних Спартокидов, они не могли быть названы сообразно неофициальным нормам политической лексики своего времени, т. е. «тиранами» (равно как и «царями»), тем боле что этот термин не является ни титулом, ни магистратурой. Да и сами потомки Спартока I, кажется, вовсе не были склонны афишировать на внешнеполитической арене свой реальный «авторитарный» статус[49].

Спартокиды и полис. Достаточно оснований считать, что истоки единоличной власти (тирании) Спартокидов лежат в обстоятельствах социальной-политической жизни Пантикапейского полиса V в. до н. э. К сожалению, нам ничего о них не известно конкретного, кроме самого факта перехода власти к основателю династии от неких Археанактидов (Diod. XII. 31, 1). Признаем ли мы в этом случае преемственность тиранического режима при переходе власти к Спартоку I [см.: *Виноградов* 1983, 406–407] или нет – принципиального значения не имеет, поскольку вплоть до последнего десятилетия V в. до н. э. власть Спартокидов оставалась традиционной, «классической» полисной тиранией. И только завоевание других полисов региона (от Нимфея, Феодосии… и до Синдской Гавани, ставшей Горгиппией), Синдики и военной победы над рядом аборигенных племен Нижнего Прикубанья (меотов), очевидно, привели к переходу количества в новое качество.

Это «новое качество», которое мы, – чтобы избежать наименование единого политического образования, включающего в себя несколько полисов наряду с другими

---

[47] Подробно об этом см. статью «Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе» [*Завойкин* 2007], добавить к которой спустя двадцать лет мне нечего.

[48] См. суждения философа о трех видах тирании: если свойства первых двух «до известной степени совпадают со свойствами царской власти: та и другая покоятся на законном основании», то «третий вид тирании – тирания по преимуществу – соответствует неограниченной монархии. Такого рода монархия, естественно, оказывается тиранией, так как в ней проявляется безответственная власть над всеми равными и лучшими и к выгоде её самой, а не подданных» (Arist. Pol. IV. 8, 3 [1295a]; здесь и далее – в переводе С. А. Жебелёва). Ср.: Дион, который «надеялся с помощью и через посредство Платона отнять у тирании её деспотическую и ничем неограниченную силу и сделать Дионисия умеренным и уважающим законы властителем», убеждал Дионисия Младшего в том, что «разумные, справедливые и благожелательные отеческие указания» гражданам самого тирана «сделают царем» (Plut. Dion. 10, 12; здесь и далее – в пер. С. П. Маркиша; ср.: Arist. Pol. V. 9, 19 [1313a]).

[49] Мне уже приходилось отмечать: «Правители Боспора … должны были в той или иной степени придерживаться тех политико-правовых норм (а равно и политической лексики), которые были выработаны в полисе классической эпохи» [*Завойкин* 2013в, 197].

общинами, «*территориальным государством*», – называем «державой Спартокидов», получило диаметрально противоположные оценки у исследователей. На одном полюсе – представления, последовательно отстаиваемые С. Ю. Сапрыкиным, который считает, что Боспор вплоть до эпохи Митридата Евпатора представлял собой «полисную тиранию», а вовсе не «эллинистическое царство». И, согласно его мнению, «это позволяет определить социально-экономические отношения в государстве и формируемую ими социально-политическую структуру как полисную, включавшую понятие "Боспор" как *конгломерат* полисных владений крупнейших городов[50], что было и при ранних Спартокидах» [*Сапрыкин* 2003, 29; 2016, 409–415][51]. Согласно взглядам этого исследователя, ранее I в. до н. э. отсутствовала такая категория землевладения, как "царская земля" и только «с 70–60-х гг. до н. э. на Боспоре приступили к созданию фонда царских земель путем строительства крепостей и укрепленных поселений, как ранее в Понте… Именно с 80–60-х годов до н. э. можно говорить о зарождении эллинистической государственности на Боспоре, сменившей полисную структуру экономики, земельных отношений и политической власти тиранов» [*Сапрыкин* 2003, 30; ср.: *Завойкин* 2013б, 100–107; *Масленников* 2016, 18 слл.].

На другом полюсе – концепция А. И. Иванчика, который, как мы видели, отрицает наличие полиса на Боспоре Спартокидов в принципе, как социально-политической основы государственного устройства, и говорит о том, что это государство представляло собой абсолютную[52] монархию, в которой «царская» власть не была ничем ограничена. Все властные полномочия были сосредоточены в руках правителей. Вместо гражданства полисного введена «общебоспорская» *полития*, которая, однако, по существу своему является фикцией: граждане становятся подданными Спартокидов, вынужденными платить различные налоги и не обладающими никакими правами. Жителям городов (бывших полисов) отказано даже в самостоятельном решении вопросов муниципального уровня: на место городских магистратов приходят царские чиновники [*Иванчик* 2025, 95–96].

Если С. Ю. Сапрыкин не признает наличие на Боспоре «царской хоры», то А. И. Иванчик держится прямо противоположного мнения. «Что касается вопроса о том, существовало ли на Боспоре юридическое различие между царскими землями и землями Боспора и Феодосии, то судить трудно, но весьма сомнительно…»; «…пред-

[50] Идея о федеративном характере объединения боспорских полисов была представлена в диссертации талантливого харьковского исследователя – Д. В. Грибанова, который приходит к выводу, что государственное устройство раннего Боспора сопоставимо с «… государствами позднеклассической эпохи, такими как Македония, Эпир, Фессалия, для которых было характерно совмещение федеративной организации и монархического принципа правления» [*Грибанов* 2012; 2013]. Обзор этой работы и её критику см. [*Завойкин* 2013в, 198–206].

[51] «На протяжении V – конца II вв. до н. э.,– пишет ученый,– Боспор являлся *симмахией* полисов под властью пантикапейских тиранов. Пантикапей начал активную экспансию в отношении соседей в V в. до н. э. и к концу столетия сформировался как крупнейший полисный центр. В IV–III вв. до н. э. он обладал обширной сельской округой, которая, как и в других крупных полисах, делилась на "ближнюю" и "дальнюю". Взаимоотношения местного и эллинского населения на Боспоре не выходили за рамки коллективной, полисной земельной собственности. Синдо-меотское население проживало на землях, которые подчинялись коллективу полисов территориально-административного объединения "Боспор и Феодосия", возглавляемого тиранами Спартокидами» [*Сапрыкин* 2024, 375].

[52] Естественно, этот термин А. И. Иванчик не употребляет, но по сути подразумевается неограниченная власть правителей Боспора над подданными.

положение о существовании полисов с их хорами на Боспоре вряд ли обосновано, и в этом случае вся хора Боспора может быть определена как царская»; «трудно представить, в чём могла заключаться разница в правовом статусе земель Боспора (боспорского квазиполиса) и земель царя – хора Боспора и хора царя, скорее всего, совпадали» [*там же*, 97 и прим. 37].

Глубокий критический анализ источников, привлекаемых в исследованиях политико-правовой структуры Боспорского государства при Спартокидах, привел А.И. Иванчика к радикальным выводам. Однако, даже стараясь строго придерживаться своей базовой идеи, согласно которой полисы на Боспоре были «отменены» ещё в результате персидского завоевания и прихода к власти персидских ставленников Археанактидов, добросовестный ученый не мог полностью игнорировать некоторые несостыковки, хотя и попытался несколько затушевать их значимость.

Так, рассмотрев вопрос о чеканке при Спартокидах на столичном монетном дворе монеты, легенда которой должна пониматься не иначе как « (монета) пантикапаитов», он приходит к выводу: «Очевидно, это единственная известная нам область, где *формально* сохранялась полисная традиция: существовала преемственность между пантикапейскими городскими (т.е. полисными. – *А.З.*) монетами и монетами единого Боспорского царства, и чеканились они на одном и том же монетном дворе» [*Иванчик* 2025, 94][53]. Однако это не «единственная область», где сам же исследователь не смог полностью игнорировать проявления полисных традиций, объявляя их «формальными» и «фиктивными». Прежде всего, это общебоспорская *полития*, о существовании которой мы судим по декретам правителей Боспора. В них *гражданские* права предоставляются иноземным лицам. Не столько важен объем этих прав (или, если угодно, ограничений в правах по сравнению с гражданством классического полиса), сколько обличение их в традиционную полисную форму *политии*. Примечательно, что и формуляр проксенических декретов (хотя бы и санкционированных правителями Боспора, что беспрецедентно!) восходит к традиционным полисным актам.

Проанализировав известный пассаж Диодора об созыве Евмелом народного собрания в Пантикапее (Diod. XX. 24, 4), исследователь был вынужден признать: «Этот… отрывок предоставляет нам уникальную информацию о том, как функционировали *оставшиеся полисные институты* на Боспоре, поскольку в нём упоминается народное собрание… Собрание здесь предстаёт не как регулярный институт, а как учреждение, созванное в связи с чрезвычайными событиями. Инициатива его созыва принадлежит царю, и он – единственный, кто произносит речь. Собрание не принимает никаких решений: оно лишь обеспечивает основу для информирования народа о решениях,

[53] Чтобы не выходить за хронологические рамки правления ранних Спартокидов, лишь попутно отмечу следующее. «Спорадические» чеканки мелких номиналов меди с легендами Феодосии и Фанагории А.И. Иванчик оценивает всего лишь как маркировку монетного двора, «который в других случаях не указывался» [*Иванчик* 2025, 94]. В данном случае дело не в том, что чеканку Феодосии ок. 240–230 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, 58, 141, № 137] можно назвать спорадической, и не в том, что к чеканке Фанагории (конец III – II вв. до н. э.) это определение неприменимо. И не в том, что разовая чеканка Феодосии, как и довольно обильная чеканка меди Фанагорией, конечно же, были санкционированы Спартокидами [см.: Завойкин 2021б, 184 и прим. 48, с литературой]. А в том, что в обоих случаях монета вполне официально чеканена от имени (общины) феодосийцев или фанагорийцев.

уже принятых царем. Таким образом, такие термины, как *гражданин* или ἐκκλησία, распространённые в мире греческих городов, описывают совершенно иную реальность на Боспоре» [*Иванчик* 2025, 95].

Собственно говоря, кажется, никто и не спорит с тем, что полис в составе Боспорского государства в политико-правовом отношении был вовсе не тем же, что и полис независимый от чьей-либо власти или даже под властью эллинистических царей. Но игнорировать терминологию источника – тем более учитывая, что он в конечном счете восходит к местной боспорской историографии, – явно не стоит[54]. То, что в тезисном изложении сицилийского историка народное собрание выглядит безынициативным, пассивно внемлющим речам Евмела[55], вовсе не отменяет того безусловного факта, что для легитимации своей власти сыну Перисада I, узурпировавшему власть старших братьев, было важно утихомирить [со]граждан, недовольных расправой над родственниками, и заручиться поддержкой по крайней мере гражданской общины Пантикапея[56]. Ведь Пантикапей не просто был главным городом, столицей боспорцев (μητρόπολις – Strab. XI. 2, 10) и резиденцией Спартокидов, но и «малой родиной» боспорской тирании, политическим и административным ядром Боспорского государства, вокруг которого оно формировалось.

Выше была приведена пространная цитата из статьи А. И. Иванчика, где исследователь высказывает такого рода соображение: после того, как было создано единое государство, «бывшие независимые города» стали его подразделениями, «по образцу афинских *демов*» [*Иванчик* 2025, 92]. Может быть, я не вполне точно понимаю смысл, вложенный в это утверждение, но в моем представлении *дем* являлся подразделением *полиса*, а никак не унитарного[57] монархического государства, каким представляется автору статьи Боспор Спартокидов.

Аскольд Игоревич, как было уже отмечено, допускает мысль, что «… для стороннего наблюдателя Пантикапей представлялся центром крупного боспорского полиса, и его название также могло быть применимо к названию города, поскольку в других случаях они обычно совпадали» [*Иванчик* 2025, 92]». В целом я разделяю эту идею, но считаю необходимым добавить: для того, чтобы у современников ранних Спартокидов могло сформироваться такого рода представление, нужны были некие реальные основания. Не уверен, что для этого были бы достаточны усилия самих Спартокидов, которые, сообразно политико-правовым нормам своей эпохи, старались представить себя

[54] Хотя, разумеется, никто не станет настаивать на том, что здесь лексика Диодора точно соответствует словоупотреблению первоисточника.

[55] Сицилийский историк в тезисной форме излагает только суть произошедших событий. Как на самом деле проходили «прения» (если проходили) во время народного собрания, мы просто лишены возможности судить.

[56] Таким же образом поступил, например, Дионисий Младший после кончины отца (Diod. 15. 74, 5), который в критические для государства или его личной власти моменты тоже созывал народное собрание (Diod. 13. 96.3; 14: 45.2; 64.5, 65–70). По этому поводу Э. Д. Фролов написал: «Конечно, было бы нелепо отрицать очевидное – то, что при Дионисии права граждан, народного собрания были существенно ограничены. Однако точность требует сделать оговорку: ограничена была инициативная роль народного собрания, но его значение как важного политического партнера режимом Дионисия никогда совершенно не отрицалось» [*Фролов* 2001, 405–406].

[57] С единственным возможным исключением: допускается, с оговорками, особое гражданство в Феодосии [*Иванчик* 2025, 92].

за рубежами Боспора в качестве частных лиц, «пантикапейцев», маскируя тираническую природу своей единоличной власти[58].

Отсутствие документальных свидетельств инициативной деятельности важнейших полисных органов (ἡ βουλή καὶ ὁ δῆμος) на Боспоре при Спартокидах[59], – с одной стороны, а с другой, – наличие декретов, принятых от лица правителей, предоставляющих чествуемым лицам (и их потомкам) *политию*, право приобретения земли и участка под домохозяйство, налоговые льготы *на всем Боспоре*, неизбежно приводит к мысли об утрате полисами, вошедшими в состав единого государства, своего статуса. Утратив субъектность, они лишились права вести собственную политику, самостоятельно вести внешнеторговые операции (таможенные сборы от которой шли теперь в казну подконтрольную Спартокидам[60]), права чеканки монеты и др. Иными словами, допустимо предполагать, что в компетенции общин, утративших свой *гражданский* статус, оставались вопросы, условно выражаясь, «муниципального» уровня. В этом смысле отдельные полисы перестали быть таковыми, но остались системными элементами объединенного государства (как «*демы*»), а их общины вошли в состав «общебоспорского» гражданского сообщества (боспорцев)[61], в котором особенное место занимали граждане Пантикапея. Дело в том, что едва ли собственные политические воззрения Спартокидов в принципе могли в корне противоречить полисным стандартам: идеология эллинизма еще не завладела умами современников Левкона I и даже Перисада I [см.: *Завойкин* 2013в, 197]. В процессе формирования их державы потомки Спартока I явно не следовали какой-то «теоретической модели» государственного устройства. Конкретные условия и обстоятельства определяли характер их государства, которое назвалось «Боспор и Феодосия» или просто «Боспор» и которое могло восприниматься современниками как своего рода «мегаполис».

Наконец, само наличие особого названия государства ранних Спартокидов, – отличающее его от эллинистических государства, – «Боспор» (предположительно – другое наименование Пантикапея) и *политии боспорцев* (сколь бы не были ограничены или даже, если угодно, пользуясь термином А. И. Иванчика, «фиктивны» права последних), на мой взгляд, ясно указывают на полисную природу этого политического образования. Ранее мне уже приходилось подчеркивать, что предположение о принудительной *симполитии* боспорских полисов в виде «мегаполиса», в котором их новый статус был низведен до уровня «демов»[62], является условной моделью, рабочей гипотезой, которая объясняет генезис Боспорского государства под единоличной властью Спартокидов

[58] Как мы видим, их зарубежные контрагенты, заинтересованные в благоволении Спартокидов относительно условий поставки зерна, охотно принимали условия этой «игры».

[59] Правда, не знаем мы такого рода документов, относящихся и ко времени, когда боспорские полисы были автономны.

[60] Характер и организация налогообложения на Боспоре остаются нам неизвестными.

[61] Впрочем, следует признать, что правовой статус граждан в условиях господства единоличной власти тиранов мало чем отличались от статуса подданных.

[62] Сейчас я не стану обсуждать вопрос о том, что реальный статус разных «бывших полисов» мог быть и реально был различен, что определялось как социально-политическим и демографическим их потенциалом, географическим положением, так и конкретными историческими обстоятельствами их присоединения к державе Спартокидов.

[*Завойкин* 2013в, 196]. Ввиду отсутствия соответствующих прямых источников рассуждать более конкретно о политико-административной структуре данного образования сейчас не имеет смысла[63].

В заключение стоит указать на один несомненный факт. Именно на период правления ранних Спартокидов (от Левкона I до Евмела/Спартока III) приходится время наиболее интенсивного экономического развития Боспора, достижения им максимальных показателей в самых разных областях жизни общества. Поэтому не будет преувеличением считать, что тогда же и были заложены прочные основы социально-политической устойчивости государства[64], в том числе – прочности наследственной единоличной формы правления. Признавая этот факт, мы, видимо, должны согласиться и с тем, что в социально-политической жизни боспорского общества был найден оптимальный баланс интересов верховной власти в государстве (включая, наряду с самими династами, связанные с ними «элиты»[65]), *с одной стороны*, и основной массы рядовых граждан («боспоритов»), которые в новых условиях жизни находили определенные преимущества, – *с другой*. Не думаю, что найти такого рода баланс интересов было бы возможно, если бы Спартокиды круто «отменили» гражданское общество, низведя все население своей державы до положения подданных. Исторические примеры показывают, что «адамантовые цепи, которыми (например. – *А. З.*) Дионисий Старший, по его словам, скрепил единодержавие» (Plut. Dion. VII), не позволяют надолго, в исторической перспективе, удержать тирану свою власть (ср.: Ael. Var. hist. VI. 13; Arist. Pol. V. 9, 20 [1312b]). Боспор – явно другой случай.

Список литературы

А*брамзон* М. Г., *Завойкин* А. А., *Кузнецов* В. Д., *Сапрыкина* И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // Hyranis. 1, 5–27.

Абрамзон М. Г., *Завойкин* А. А., *Кузнецов*, В. Д. *Сапрыкина* И. А. 2020. Боспорские серебряные монеты классического времени из Фанагории // Hyranis. 2, 5–26.

Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986, 182 + 39 табл.

Б*алахванцев* А. С. 2018. Боспор и Ахемениды // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб., 61–65.

[63] Некоторые попытки рассуждать об административной структуре Боспора см. в статье [*Завойкин* 2022, 106–111].

[64] Далеко не последнюю роль в этом сыграл расцвет хлебного экспорта, причиной чего была не только благоприятная внешнеторговая конъюнктура и плодородие земель региона, но и специфика политического строя Боспора [подробно см.: *Завойкин* 2025].

[65] Думаю, не стоит сомневаться в том, что и на местах сформировалась прослойка лиц, активно поддерживающих центральную власть и её директивы.

Белова Н. С. 1967. Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. 1, 60–69.

Берлизов А. Н. 2025. Погребальные обряды населения Азиатского Боспора VI–IV вв. до н. э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 44.

Бикерман Э. 1985. Государство Селевкидов, М., 264.

Буйских А. В. 2003. О коллекции античных архитектурных деталей из собрания Керченского лапидария // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья (Боспорские чтения. IV). Керчь, 32–41.

Буйских А. В. 2009. Архитектурные детали ионического ордера // Античная архитектура (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. IV. Кн. 1). Киев, 26–101.

В*асильев* А. Н. 1992. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 111–128.

Виноградов Ю. А. 2014. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. XXX, 510–528.

Виноградов Ю. Г. 1983. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. 1. М., 394–420.

Г*рибанов* Д. В. 2012. Боспорские проксении и проблема государственного устройства державы ранних Спартокидов // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи. Кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени (Чтения памяти проф. Н. П. Соколова. XIII). Нижний Новгород, 80–82.

Грибанов Д. В. 2013: Поліс на ранньоспартокідівському Боспорі (438–303 рр. до н. е.): Адміністративний та соціально-правовий устрій. Автореф. дис. … канд. іст. наук. Харків, 22.

И*ванчик* А. И. 2025. Полис и царская власть на Боспоре в эпоху Спартокидов: Земля, гражданство и налоги // ВДИ. 1, 85–108.

З*авойкин* А. А. 2006. Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 4, 103–111.

Завойкин А. А. 2007. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва–Киев–Запорожье, 219–243.

Завойкин А. А. 2010. Амфорный склад № 290Б и некоторые проблемы ранней истории Фанагории // ПИФК. 1, 377–392.

Завойкин А. А. 2013а. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь, 591.

Завойкин А. А. 2013б. «Царская хора» и ранние Спартокиды // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 100–107.

Завойкин А. А. 2013в. Союз коня и всадника. (Заметки о «Боспорской федерации» периода ранних Спартокидов) // ПИФК. 2, 194–207.

Завойкин А. А. 2015. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы) // ПИФК. 1, 261–282.

Завойкин А. А. 2021а. Варварские племена и их территории под властью Спартокидов // Hyparnis. 3, 58–71.

Завойкин А. А. 2021б. Фанагория и Спартокиды (историко-археологический очерк) // ПИФК. 4, 174–193.

Завойкин А. А. 2022. Китей: размышления о «малом боспорском городе» // ДБ. 27, 102–113.

Завойкин А. А. 2025. Основные источники экспортных зерновых ресурсов Боспора при ранних Спартокидах // Hyparnis. 7, 93–110.

Завойкин А. А. 2026. «Полисная гражданская община исчезла…»? // ВДИ (принята к печати).

Завойкин, А. А., *Сударев*, Н. И. 2006а. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. 9, 101–151.

Завойкин, А. А., *Сударев*, Н. И. 2006б. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II // ДБ. 10, 263–303.

К*анторович* А. Р., *Толстиков* В. П., *Шкурова* М. В. 2019. Изделия из Пантикапея, оформленные в скифском зверином стиле (к вопросу о греко-скифских взаимодействиях) // КСИА. 255, 7–31.

Кошеленко Г. А. 1999. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения (Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997). М., 130–141.

Коваленко С. А., Толстиков В. П. 2010. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 4, 23–50.

Кузнецов В. Д. 2018. Боспор Киммерийский в 5 в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Материалы по археологии и истории Фанагории. 3 (Фанагория. 6). М., 160–185.

Кузнецов В. Д. 2022. Ксеркс и Понт (персидская надпись из Фанагории) // Hyparnis. 4, 141–161.

Кузнецов В. Д., *Никитин* А. Б. 2018. Древнеперсидская надпись из Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. 3 (Фанагория. 6). М., 154–159.

М*асленников* А. А. 2016. Поземельные отношения в Боспорском царстве, или «Кто был боспорской земли хозяин» // Крым: Проблемы истории. М., 9–30.

П*ичикян* И. Р. 1975. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI–V вв. до н. э. // ВДИ. 1, 117–137.

Р*унг* Э. В., *Габелко* О. Л. 2018. Скифский поход Дария I и древнеперсидская надпись из Фанагории // ВДИ. 4, 847–869.

С*апрыкин* С. Ю. 2003. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 1, 11–33.

Сапрыкин С. Ю. 2016. Предэллинизм или протоэллинизм в историографии Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Исследования и исследователи (Боспорские чтения. XVII). Керчь, 409–415.

Сапрыкин С. Ю. 2024. Эллинизм как социально-экономическое явление // ДБ. 29, 369–390.

Соколова О. Ю., *Павличенко* Н. А. 2002. Новая посвятительная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 8/1, 99–121.

Строкин В. Л. 2007. АПОЛ[лония] Боспорская или храм АПОЛ[лона]? // ДБ. 11, 330–379.

Суриков И. Е. 2020. Несколько слов к вопросу о происхождении фрагмента древнеперсидской надписи, найденного в Фанагории // ДБ. 25, 376–383.

Суриков И. Е. 2025. Что писали (и чего не писали) некоторые ахеменидские подданные о позднеархаическом и раннеклассическом Боспоре // ДБ. 30, 432–435.

Т*олстиков* В. П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 3, 24–48.

Толстиков В. П. 2001. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 4, 385–426.

Толстиков В. П. 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея в конце 7 – середине 5 в. до н. э. // Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. М., 10–42.

Толстиков В. П. 2023. Археологические свидетельства катастрофы 480–475 гг. до н. э. в Пантикапее. Прощание с одной концепцией? // ПИФК. 3, 9–36.

Толстиков В. П., *Журавлёв* Д. В., *Ломтадзе* Г. А. 2003. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки Пантикапея VI–V вв. до н. э. // ДБ. 6, 307–350.

Трейстер М. Ю. 2011. Ахеменидские «импорты» на Киммерийском Боспоре. Анализ и интерпретация // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 113–121.

Тохтасьев С. Р. 2001. Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья (Боспорские чтения. II). Керчь, 161–164.

Тохтасьев С. Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 3, 144–180.

Ф*ролов* Э. Д. 2001. Греция в эпоху поздней классики. Общество, личность, власть. СПб., 602.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 г. М., 5–187.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2025. De titulis Bosporanis et viciniis IX // ДБ. 30, 464–483.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2026. De titulis Bosporanis et viciniis X // ДБ. 31, 300–315.

Ц*ецхладзе* Г. Р. 2020. Ахеменидская надпись из Фанагории: переписывая историю империи // Аристей. 21, 89–138.

A*vram* A. 2013. Prosopographia Ponti Euxini Externa (Colloquia Antiqua. 8). Louvain–Paris–Walpole, 463.

M*aximowa* M. I. 1928. Griechsch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen // AA, 648–677.

N*ieling* J. 2010. Persian Imperial Policy Behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosporus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth century BC // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers (Black Sea Studies. 11). Aarhus, 122–136.

R*ung* E., *Gabelko* O. 2019. From Bosporus… to Bosporus: A New Interpretation and Historical Context of the Old Persian Inscription from Phanagoreia // Iranica Antiqua. LIV, 83–125.

T*setskhladze* G. R. 2008. The Pontic poleis and the Achaemenid empire: Some thoughts on their experiences // Forme sovrapoleiche e interpoleiche di organizzazione nel mondo Greco antico. Galatina, 438–446.

Summary

A. A. Zavoykin
«Megapolis» Bosporus & «Bosporan Kingdom»

The article consists of two parts. The first provides an overview of new archaeological discoveries, the interpretation of which is a great importance for understanding the specific political structure of the Bosporan state during the reign of the Spartocids. Recent excavations in Panticapaeum have challenged the concept that the Bosporan state (as a confederation of city-states led by Panticapaeum) was formed in 480/70 BC. V.P. Tolstikov now believes that the Bosporus was under the protectorate of the Scythians during the reign of the Archaeanactids in Panticapaeum. The discovery of a royal Persian inscription in Phanagoria, dating from around 480–470 BC, led researchers (V.D. Kuznetsov and A.I. Ivantchik) to the idea that the Bosporus was conquered by the Persians at this time. They suggest that it was the Persians who brought the Archaeanactids to power, who ruled the entire Bosporus. A.I. Ivantchik believes that it was then that the political foundations of a unified state were laid. In this monarchical state, all power was concentrated in the hands of the rulers, and the city-states were abolished. These principles were preserved under the new Spartocid dynasty. The author of this article attempted to identify the weaknesses of this concept and showed that there is no basis for assuming the creation of the Bosporan state before the time of the early Spartocids, Satyros I and Leucon I.

In the second part of the article, the author offers his understanding of the political structure of the Bosporan state. He primarily bases his analysis on the fact that its formation occurred in the Late Classical period. The monarchical power of the Spartocids originated from tyranny in the Panticapaeum *polis* and later extended to the entire Bosporan territory and Theodosia. The new state only received its "official" name under Leucon I. This is reflected not only in the titles of the rulers but also in the *ethnika* of citizens outside the Bosporan realm (from the turn of the 4th/3rd centuries BC). Decrees of the Spartocids themselves suggest a "common Bosporan citizenship". After the Bosporan cities and Theodosia were incorporated into the Spartocid' state, they lost their autonomy and were deprived of the right to mint coins (except for Panticapaeum), the right to pursue independent policies, etc. The rights of the cities were limited to the ability to resolve municipal issues. Panticapaeum occupied a special position within the state. Coins were minted in the name of its citizens. Their assembly (ἐκκλησία) was assembled by Eumelos to legitimize the power he had usurped (Diod. XX. 24, 4). It is possible (as A.I. Ivantchik himself admits) that "to an outside observer, Panticapaeum appeared to be the center of a large Bosporan polis", in which previously independent poleis had, conditionally, the status of "demes".

Thus, according to the author, the sources do not allow us to completely deny the existence of a polis on the Bosporus during the time of the Spartocids, since their state itself was formed on the basis of a polis and was similar to a "megalopolis," headed by sole rulers.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.97-106

Н. В. Завойкина
(Институт археологии РАН, г. Москва)

О почетной надписи царицы Динамии из Пантикапея (КБН 38)[1]

Почетная надпись в честь Августа, сделанная боспорской царицей Динамией на базе статуи римского правителя, сообщает: [А]ὐτοκράτορα Καίσαρα θεὸν | [θ]εοῦ υἱὸν Σεβαστὸν τὸν ἑαυτῆς | [σ]ωτῆρα καὶ εὐεργέτην | [β]ασίλισσα Δ[ύνα]μις φιλορώμαιο[ς] – «Императора, цезаря, бога, сына бога, Цезаря, своего спасителя и благодетеля царица Динамия, друг римлян (поставила)» [*Латышев* 1899, 55, № 3; IOSPE IV, 201; КБН 38]. В комментарии к надписи в КБН указано, что из прочтения В. В. Латышева следует, что надпись датируется временем правления Динамии, начало которого определяется золотым статером с ее именем, портретным изображением и датой 281 г. б. э. = 17/16 г. до н. э. [КБН, с. 46]. Однако, когда именно правление Динамии закончилось, остается из этого комментария не ясным. В настоящее время надпись КБН 38 не имеет однозначной датировки, поскольку она зависит от того, принимает ли исследователь мнение М. И. Ростовцева о втором правлении Динамии [*Ростовцев* 1916, 18; *Rostovtzeff* 1919, 100–101] или же нет. Если принимает, то надпись датируется периодом между 9/8 г. до н. э. и 10 г. н. э. [*Гайдукевич* 1949, 317–318; *Зограф* 1951, 191–192; *Голенко* 1971, 41–42; *Анохин* 1986, 82; *Парфенов*, 1994, 38, прим. 5 и др.]. Если же не принимает, то датирует ее временем правления царицы: 17/16–15/14 г. до н. э. [*Голубцова* 1951, 102; *Фролова* 1978, 56–58; *Сапрыкин* 2002, 98–99], либо 21/20–17/16 или 14 г. до н. э. [*Фролова* 1997, 35–36, 37, 38–39; *Панов* 2007, 288; *Яйленко* 2010, 229; *Halamus* 2025, 1–13].

Недавно идея о третьем правлении Динамии, сформулированная Анохиным [*Анохин* 1986, 93–94], которая, казалось бы, была опровергнута [*Фролова* 2010, 255–258], была оживлена В. Н. Парфеновым. Исследователь, рассматривая проблему боспорских заложников в Риме, предложил новую датировку надписи КБН 38 [*Парфенов* 2025, 234–235]. По его мнению, она имеет вполне точную дату установки и определяется эпитетом θεός, которым, среди прочих, *был* наделен Август. Consecratio Августа произошло 17 сентября 14 г. н. э., через месяц после его смерти, и эта датировка является *terminus post quem* для надписи КБН 38 [*Парфенов* 2025, 235]. Результатом этого акта римского

[1] Работа выполнена в рамках темы «Античность и Раннее Средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции» (№ НИОКТР 126011315524-1).

Сената стало наделение Августа посмертно титулом *divus*. Таким образом, по мнению исследователя, «осенью 14 г. Динамия была жива, относительно (в силу почтенного к этому времени возраста) здорова и при власти, как бы ни хотелось кому-либо из ее или наших современников противоположного» [*Парфенов* 2025, 235]. Логика исследователя вполне понятна: раз все из перечисленных в надписи КБН 38 титулов Августа на древнегреческом языке являются их переводом с латинского, то, соответственно, θεός является переводом посмертного титула Августа *divus*. Статер 310 г. б. э. = 13/14 г. н. э. с монограммой, которую, вслед за В. В. Анохиным, большинство исследователей читает как ΔΥΜ, служит, по убеждению Парфенова, подтверждением высказанной версии.

Из такой новой датировки надписи КБН 38 вытекают весьма неоднозначные для истории Боспорского царства выводы. Если учитывать время подготовки и доставку сообщения о смерти и обожествлении Августа в Боспорское царство, которые заняли примерно месяц (из них примерно 20 дней должно было уйти на доставку послания морем), надпись КБН 38 должна датироваться не ранее последней декады октября 14 г. Боспорские статеры 311 г. б. э. с монограммой ВΔР свидетельствуют, что с октября 14 г. Боспорским царством правил царь Аспург, сын Асандра и Динамии. Однако из реконструкции Парфенова следует, что в 13/14–14/15 гг. (310–311 гг. б. э.) на Боспоре существовало двоевластие: государством правила царица Динамия, утвержденная в этом качестве еще Августом, им же управлял и царь Аспург, чьи права на боспорский престол подтвердил то ли Август незадолго до смерти, то ли Тиберий вскоре после кончины Августа. В любом случае это событие пришлось на август 14 г. н. э. Тиберий несколько смягчил политическую линию в отношении боспорского царя, проводимую Августом, и это стало следствием уступок боспорца Риму – вскоре после воцарения был заключен династический союз Аспурга с фракийской принцессой, одобренный Римом. В таком случае возникает закономерный вопрос: где в этом кратком временном отрезке место для очередного правления царицы Динамии? Сугубо спекулятивно можно, конечно, предположить, что разранние надписи Аспурга (посвящение Афродите из Фанагории, посвящение Гермесу и Гераклу из Горгиппии [*Кузнецов* 2006, 158–162; *Завойкина*, *Новичихин*, *Константинов* 2018, 680–687]) происходят с территории Азиатского Боспора, а статуя Августа с надписью КБН 38 была установлена в Пантикапее, то Аспург и Динамия управляли разными частями Боспорского царства. Что-то подобное, впрочем, уже предполагалось для так называемого второго правления Динамии, наличие которого обоснованно опровергается.

Палеографические особенности надписи КБН 38 (крупные, аккуратные и равновеликие буквы без апексов на краях букв, вырезанные на одинаковом расстоянии друг от друга) характерны для боспорских общественных надписей второй половины I в. до н. э.[2] Они находят аналогии в надписях времени царя Асандра. Так, этой надписи близок шрифт посвятительной надписи КБН 30 (КБН-Альбом № 30), относящийся ко времени соправительства Асандра и Динамии в конце 20-х гг. до н. э. [*Яйленко* 2010, 226–227]. К сожалению, этот аргумент не был принят во внимание В. Н. Парфеновым.

[2] Характеристики шрифта надписей второй половины I в. до н. э. см. [*Болтунова, Книпович* 1962, 19–20]. Надпись КБН 979 (IOSPE II 356), представленная на рис. 9 в статье А. И. Болтуновой и Т. Н. Книпович, датируется не началом I в. н. э. (устаревшая датировка), а предпоследним десятилетием I в. до н. э., не позднее 12 г. до н. э. [*Сапрыкин* 1990, 212; 1996, 325; 2002, 106; *Фролова* 1997, 35–36; *Яйленко* 1990, 147; 2010, 281–282].

Рассмотрим *ещё раз* внимательнее основания для новой датировки надписи КБН 38. Их два – слово θεός в списке титулов Августа и статер 310 г. б. э.

Существительное θεός. Вопрос об употреблении и соответствии θεοῦ υἱός и θεός («сын бога» и «бог»), которыми греки наделяли римских императоров, латинским терминам *divi filius* и *divus,* указывающие на обожествление императора и его посмертный культ, был специально рассмотрен С. Р. Ф. Прайсом [*Price* 1984, 79–95]. Исследователь пришел к заключению, что греческие θεοῦ υἱός и θεός не являются переводом лат. *divi filius* и *divus* или смысловым соответствием этим терминам. Слово θεός применялось в надписях из греческих городов Малой Азии лишь к здравствующим императорам и выражало не только сервилизм населения этих городов, но, что важнее, отражало бытующие среди их жителей с эллинистического времени представления о божественности правителя, которое удачно выражается максимой, записанной на папирусе II в. н. э.: [τ]ί θεός; τ[ὸ] κρατοῦν· τί βασιλεύ[ς; ἰσ]όθεος – «Что есть бог? Он выражение силы. Что есть царь? Богу он подобен» (*Bilabel* 1925, 339. Frg. M.II (Inv.1716 Verso)). Отметим, что схожие представления встречаются в «Соннике» Артемидора Далдианского (Artem. Oneirocr. II. 36, 69). Для поддержки тезиса, что в надписях греки именуют богом и сыном бога здравствующих римских императоров, процитирую несколько надписей из греческих городов времени Августа и Тиберия. Так, в надписи из Гипаты (Фессалия), поставленной между 17 г. до н. э. – 2 г. н. э., читаем: Αὐτοκράτορα Καίσαρα | **θεὸν** θεοῦ υἱὸν Σεβαστὸν | εὐεργέτην καὶ τοὺς υἱοὺς Γάιον Ἰούλιον Καίσαρα Λούκιον Ἰούλιον Καίσαρα ἡ πόλις Ὑπάτα (IG IX, 2 40). В надписи из Линдоса (Родос) 17–19 г. н. э., чествующей Тиберия и его сыновей, читаем: … Αὐτοκράτορα [Καίσαρα] | **θεὸν** θεοῦ υ[ἱ]ὸν [Σεβαστόν] … [*Blinkenberg* 1941, 818, № 414]. В одной из надписей Родоса времени правления Августа сказано: Εὐπόλεμον Βασιλείδευς πρεσβεύσαντα ποτὶ Αὐτοκράτ [ορα] Καίσαρα| **θεὸν** θεοῦ [υ]ί[ὸ]ν Σεβαστὸν τετράκ[ις καὶ ἀπο] | σταλέντα θεωρὸν εἰς τὸ Ἄκτιον Αὐτοκράτορα [Καίσαρα] | θεὸν θεοῦ υ[ἱ]ὸν [Σεβαστόν] (IG XII,1 = SEG 39: 752)

Приведенные данные убедительно демонстрируют, что слово θεός в надписи КБН 38 не связано с посмертным культом Августа и не может рассматриваться как безусловное основание для новой датировки памятника.

Статер 310 г. б. э. с монограммой (рис. 1). Единственная монета была представлена В. А. Анохиным *нумизматическому* научному сообществу в СССР, который вычитал на ней монограмму ΔΥΜ [*Анохин* 1986, 93; 2011, 198, № 1387]. На основании этой монеты Анохин пришел к выводу о третьем правлении Динамии на Боспоре в 13–14 гг. н. э. Н. А. Фролова, изучив его внешний вид на основании фотографий, полученных из Американского нумизматического общества, пришла к заключению, что статер 310 г. б. э. с монограммой ΔΥΜ является фальшивкой [*Фролова* 2010, 257–258]. Однако этот вывод исследовательницы в науке поддержки не получил.[3]

Прочтение Анохиным монограммы на этой монете ошибочное. На фотографии статера 310 г. б. э., представленной на сайте «Монеты Боспора»[4], отчетливо видны буквы М и Δ расположенные раздельно одна над другой; между ними хорошо просматривается пустое пространство (рис. 1). Повреждения поверхности в левой верхушке

[3] Благодарю проф. М.Г. Абрамзона за консультацию по данному вопросу.

[4] https://bosporan-kingdom.com/293–4237/1.html.

Рис. 1. Статер с монограммой МΔ 310 г. б. э. (размер монеты увеличен; фото с сайта https://bosporan-kingdom.com/293–4237/1.html.)

мю и в центре этой буквы (в виде коротких горизонтальных царапин) были приняты Анохиным за начертания *ипсилон* [*Анохин* 1986, 93; 2011, 198, № 1387]. Буквы на монете, по очевидной причине, читаются сверху вниз как МΔ. На сайте «Roman Provincial Coins» (RPC) монета отмечена под № 1880A (фото отсутствует).[5] Буквы прочтены в RPC как МΔ, а не ΔΥΜ. Таким образом, на статере 12/13 г. н. э. (= 310 г. б. э.) имеется аббревиация МΔ, которая по очевидной причине не может раскрываться в имя Динамия. Расшифровка монограмм 𐊫 (ΔΥΜ) и 𐊫 (ΔΜ) на золоте 9/8 г. до н. э. – 8 г. н. э., в которых со времен М. И. Ростовцева большинство исследователей вычитывают имя Динамии, имеет неучтенный изъян – в них отсутствуют буквы царского титула [*Завойкина* 2023, 154–155]. Кроме того, статер 310 г. б. э. с сокращением МΔ заставляет пересмотреть интерпретацию монограмм 𐊫 и 𐊫.

С правления Полемона I и вплоть до правления Рескупорида сына Котиса I (до 80 г. н. э.) монограммы правителей Боспора на золоте (прежде всего) начинались с букв ΒΑ, в которых резонно усматривают сокрытие царского титула. Изображения монограмм 𐊫 и 𐊫 ясно показывают, что в них нет места для обозначения царского титула Динамии. Отмеченная ситуация позволяет чисто спекулятивно предположить (если придерживаться версии о 2-м правлении Динамии), что после смерти Полемона в 8 г. до н. э. Август то ли не позволил Динамии указывать царский титул в монограмме на золоте, то ли вообще лишил ее царского сана, но при этом сохранил за ней власть над Боспором. Однако посвящение царя Аспурга из Горгиппии 6/7 г. н. э. ясно свидетельствует против предположения о 2-м правлении Динамии и соотнесении монограмм 𐊫 и 𐊫 с именем дочери Фарнака II [*Завойкина*, *Новичихин*, *Константинов* 2018, 681–686; *Завойкина* 2023, 151–157].

Аутентичную датировку посвящения Аспурга из Горгиппии пытаются оспаривать некоторые исследователи, незнакомые с памятником de visu. Так, М. М. Чореф

[5] https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/coins/1/1880A. Благодарю проф. М. Г. Абрамзона за предоставленную информацию.

датирует это посвящение 17/18 г. н. э. [*Чореф* 2024, 819–820]. Вывод об ошибочности нашей датировки исследователь строит на основании фотографии надписи, взятой, как он указывает, с сайта goscatalog.ru [*Чореф* 2024, 834, рис. 1]. Кстати, на фотографии надписи в государственном каталоге музейного фонда РФ[6] отчетливо видны в конце стк. 6 цифры года τῶι ΓΤ ἔ[τει], т. е. 303 г. б. э. (6/7 г. н. э.) и повреждения *гаммы*. Вопреки эпиграфическим принципам работы с древнегреческими надписями, с учетом которых исправление букв в строках считается достоверным лишь при их аутопсии, с обязательным учетом размеров букв в строке, главным образом, их ширины, межбуквенного интервала, повреждений поверхности камня и букв в строках, М. М. Чореф, очевидно, мало знакомый с процессом изготовления надписей на камне в античности и собственно эпиграфической методикой их изучения [см., например: *Larfeld* 1907; *McLean* 2011; *Шелов-Коведяев* 2020, 223–228; 2025, 1–44, особ. 36–44 (раздел «Профессиональные навыки»], исправляет *гамму* на *эпсилон*, да ещё и добавляет *йоту* между Е и Т лишь на основании неких графических отличий в их начертании. В итоге, исследователь увидел на фотографии три цифры Е І Т = 315 г. б. э., т. е. 17/18 г. н. э. Однако после артикля τῶι на камне не могло быть вырезано ΕΙΤ вместо ΓΤ по следующим причинам. Исправление *гаммы* на *эпсилон* невозможно, поскольку никаких горизонталей в центре или внизу у первой цифры года на лицевой поверхности постамента не имеется. Этот вывод очевиден при аутопсии надписи. В центре вертикальной гасты *гаммы* присутствует слабое повреждение косой царапиной, но центральная горизонталь, которая должна быть у *эпсилон*, отсутствует (в этом месте на камне сохранилась гладкая поверхность). Еще одна «царапина» присутствует в нижнем поле строки (видимо, ее и принял М. М. Чореф на нижнюю горизонталь *эпсилон*). Она начинается от правой горизонтальной гасты-основания *омеги* и тянется вплоть до центра *гаммы*. О том, что это именно повреждение поверхности на камне, а не рукотворная линия свидетельствуют два факт: расположение концевой *йоты* артикля τῶι поверх этой линии; расположение этой линии несколько выше нижнего основания букв в стк. 6. Относительно расположения *йоты* между предполагаемой Чорефом *эпсилон* и *тау* отметим, что эту идею дезавуирует простой арифметический расчет. Расстояние между краями горизонтальных гаст указанных букв в верхнем поле строки составляет всего 0,4 см (эти края букв в форме небольших точек-заглублений в камень отчетливо видны на фотографии). Очевидно, что в таком межбуквенном промежутке *йоту*, ширина которой составляет 0,3 см [*Завойкина*, *Новичихин*, *Константинов* 2018, 684], вместить невозможно. Для помещения этой самой *йоты* нужно, чтобы между сохранившимися цифрами года было расстояние не менее 1 см (это число получаем суммированием размера *йоты* и межбуквенных интервалов в 0,3–0,5 см), но его опять-таки на камне не обнаруживается. Таким образом, реконструкцию *эпсилон*, вместо *гаммы*, и уж тем более *йоты* между первой цифрой года и *тау*, следует признать безуспешной попыткой М. М. Чорефа исправить аутентичную дату эпиграфического памятника и таким путем «встроить» посвящение

[6] М. М. Чореф приводит ссылку на нахождение фотографии надписи как «goscatalog.ru:1». Такой ссылки в гос. каталоге музейного фонда РФ нет; фотография надписи расположена по адресу: https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=mmwbiqexpj837287079#/collections?id=40031503 (благодарю за консультацию А. М. Новичихина, сотрудника Анапского археологического музея-заповедника).

Аспурга из Горгиппии в устаревшую историческую реконструкцию правления царя Аспурга с осени 14 г. н. э., а не с 8 г. до н. э.

Вернемся к основной теме статьи. Гипотеза М. И. Ростовцева о раскрытии монограмм и как букв ΔΥΜ и ΔΜ в имени Динамии, как представляется, отвлекла внимание исследователей от другого направления поиска. Эти монограммы на золоте можно читать не только снизу – вверх, но, что вовсе не противоречит логике прочтения, и сверху вниз, что подтверждается буквами ΜΔ на статере 310 г. б. э. В этом случае первой буквой в указанных монограммах будет *мю* и, соответственно, монограммы выглядят как ΜΙΔ и ΜΔ. К настоящему времени сложилось три версии в интерпретации монограмм на боспорском золоте 8 г. до н. э. – 13/14 г. н. э.: *первая*, наиболее популярная, – монограммы скрывают имя боспорского правителя; *вторая* – имена римских магистратов, *третья* – эпитеты императора Августа. Современное состояние источников заставляет переосмыслить содержание монограмм на боспорском золоте 8 г. до н. э. – 13/14 г. н. э. Правление царя Аспурга приходится на 8 г. до н. э. – 37/38 г. н. э. [*Завойкина* 2023, 157], но различные монограммы на боспорском золоте 8 г. до н. э. – 13/14 г. н. э. не могут быть связаны с его именем. В любом случае, вопрос о значении и содержании монограмм на боспорском золоте 8 г. до н. э. – 13/14 г. н. э. все еще остается не решенным.

Датировка посвящения КБН 38. Выяснение этого вопроса связано с определением времени правления царицы Динамии на Боспоре. Среди специалистов отсутствует единое мнение по этому поводу. Можно уверенно говорить, что данные нумизматики и эпиграфики опровергают версии о втором и третьем правлении Динамии. Установлено, что после смерти Полемона в 8 г. до н. э. боспорский престол занял царь Аспург, сын Асандра и Динамии [*Сапрыкин* 2002, 98–106 (с литер.); *Завойкина* 2023, 149–161]. Н. А. Фролова считала, что надписи КБН 38, 978, 979, 1046, поставленные Динамией в разных боспорских городах, относятся ко времени её единоличного правления после смерти Асандра и до брака с Полемоном, т. е. к временному промежутку с 21/20 по 14 г. до н. э. [*Фролова* 1997, 35–36]. С. Ю. Сапрыкин датирует надписи КБН 31, 38, 978, 979, 1046, IOSPE I^{2}354 единоличным правлением Динамии в 22–14 г. до н. э. [*Сапрыкин* 1990, 212; 1996, 325; 2002, 106]. Считается, что примерно в 12 г. до н. э. Динамия исчезает с политической сцены, и о ее судьбе можно лишь строить догадки, но, по всей видимости, она скончалась [*Голубцова* 1951, 110; *Сапрыкин* 2002, 106]. В. П. Яйленко увязал означенную выше проблему с переименованием Динамией боспорских столиц[7] в предпоследнем десятилетии I в. до н. э. в Кессарию и Агриппию [*Яйленко* 2010, 281–282]. По его мнению, переименование Фанагории в Агриппию произошло в 12–11 г. до н. э. после смерти Марка *Випсания* Агриппы в 12 г. до н. э. и носило мемориальный характер. Исследователь указал, что в эти годы царица была еще жива, раз демос агриппейцев чествует её в декрете КБН 979. Он полагает, что надписи Динамии, всего их насчитывается семь, могли быть поставлены как в 21/20–15/14 г. до н. э., так и после 12–11 г. до н. э. [*Яйленко* 2010, 238–239].

Предполагается, что Асандр умер в 21/20 г. до н. э., уморив себя голодом после поражения в сражении со Скрибонием (Ps.-Luc. Macr. 17), и в этот же год Динамия выпустила золото от своего имени [*Анохин* 1986, 77–78; *Яйленко* 2010, 229]. Этот вывод согла-

[7] Исследователь считает, что в Кесарию была переименована Гермонасса, а не Пантикапей.

суется с зафиксированной традицией боспорских правителей начинать выпуск монет нового царя после смерти его предшественника. Так, царица Гипепирия начала чеканить монету в том же году, когда умер Аспург, в 37/38 г. Царь Реметалк начал чеканить монету в тот же год, когда умер царь Котис II, в 131/132 г. [*Фролова* 1997, 142]. Однако этот вывод противоречит сведениям, сохранившимся у Диона Кассия и Псевдо-Лукиана (см. ниже). Незадолго до своей смерти царь Асандр сделал Динамию своей соправительницей, как показывает надпись КБН 30. Уточнение чтения в эпонимной формуле этой надписи было предложено В. П. Яйленко как βα[σιλευόντων Βοσπορόυ βασιλέως] | μεγάλου Ἀσάνδρου … καὶ βασιλίσσης Δυνάμεως, – «при царствующих на Боспоре царе великом Асандре … и царице Динамии» [*Яйленко* 2010, 226–227]. Тогда же, надо полагать, 90-летний Асандр завещал ей царство (Dio Cass. LIV. 24, 4). Это событие должно датироваться не позднее 21/20 г. до н. э., когда Динамия выпустила свой первый статер. Согласно выпускам золота с титулом и именем Динамии, её правление приходится на период между 21/20 и 17/16 г. до н. э. Спустя небольшой срок после смерти Асандра, она вышла замуж за Скрибония. Этот брак был заключен вскоре после восстания на Боспоре, приведшего к власти этого самого Скрибония и смерти Асандра (он скончался в 93-летнем возрасте) незадолго до 17/16 г. до н. э., когда Динамия выпустила второй по хронологии статер (Dion Cass. LIV. 24, 4) [*Сапрыкин* 2002, 93; *Парфенов* 2007, 291–298; ср.: *Яйленко* 2010, 231–232]. Анализ источников привел исследователей к выводу, что краткий период накануне выпуска Динамией золота в 281 г. б. э. (= 17/16 г. до н. э.) в истории Боспора был насыщен важными событиями: скончался после продолжительного правления царь Асандр; Динамия стала супругой Скрибония; боспорцы умертвили *этого* римского ставленника; Динамия начала править единолично [*Голубцова* 1951, 99; *Болтунова* 1989, 88–89; *Сапрыкин* 2002, 70–72; *Braund* 2004, 84; ср. *Яйленко* 2010, 228–230]. По нормам эллинистического права Скрибоний после победы над Асандром должен был стать царем Боспора; он укрепил свое положение женитьбой на местной царице [*Braund* 2004, 85; *Парфенов* 2007, 294]. Пребывание Скрибония на боспорском престоле было скоротечным; вскоре он был устранен боспорской знатью в результате, условно говоря, дворцового заговора [*Парфенов* 2007, 295]. Его статус, как правителя Боспора, определяет свидетельство Диона Кассия, в котором раскрывается и причина его устранения (Dion Cass. LIV. 24. 4). Скрибоний, будучи супругом Динамии, стремился овладеть Боспором. Агриппа из-за подобных властных стремлений Скрибония послал против него Полемона, царя прилегающей к Каппадокии части Понта. Однако Полемон, прибыв на Боспор, не застал Скрибония в живых, поскольку боспорцы убили его. Из сообщения Диона логично вытекает, что Динамия оставалась для боспорцев легитимной правительницей; боспорская аристократия не признала Скрибония и при удобном случае избавилась от него. Таким образом, вторая попытка Рима посадить на боспорский престол угодного правителя потерпела фиаско [*Парфенов* 2007, 296–297]. Содеянное скрывалось боспорцами, как представляется, вплоть до прибытия Полемона на Боспор в 15 г. или 14 г. до н. э. [*Фролова* 1978, 50; *Панов* 2002, 106–108; *Яйленко* 2010, 231; *Braund* 2004, 82]. На такое предположение наводит выпуск Динамией в 281 г. б. э. (= октябрь 17/сентябрь 16 гг. до н. э.) золота. Правление царицы закончилось прибытием Полемона и браком с ним (Dio Cass. LIV. 24. 4). Дион Кассий упоминает о попытках воспротивиться последнему обстоятельству со стороны боспор-

цев, но они были устранены угрозой вторжения римского флота под командованием Агриппы, стоявшем в порту Синопы. Итак, представленные в хронологическом порядке свидетельства источников дают основания для присоединения к выводам тех исследователей, которые установили, что правление Динамии приходится на период между 21/20 и 15/14 гг. до н. э. По всей видимости, в 12 г. до н. э. Динамия сошла с политической арены, вполне возможно, скончалась, и Полемон женился на Пифодориде.

Рассмотрев основные версии датировки надписи КБН 38, приходим к выводу: этот памятник датируется в интервале между 21/20 и 15/14 гг. до н. э. К этому временному отрезку следует относить установки статуй Августа (КБН 1046) и Ливии (КБН 978) в Фанагории и надгробие Матиана сына Зайдара. Декрет агриппейцев КБН 979 был поставлен в 12 г. до н. э. В надписи КБН 1046 Август назван «императором, цезарем, сыном бога», а сущ. θεός отсутствует. Эта надпись относится к лапидарию Гермонассы условно, лишь на основании находки постамента во дворе таманской церкви среди других надписей[8]. Предполагаем, что постамент был доставлен в станицу Тамань из развалин Фанагории, служившими каменоломней для строительства суворовской крепости в конце XVIII в.[9] Итак, в боспорском лапидарии имеются две надписи царицы Динамии, в которых Август наделен сходной титулатурой; одна из них (КБН 38) отличается лишь употреблением сущ. θεός. Статуи императора Августа были установлены царицей в двух важнейших городах Боспора – Пантикапее и Фанагории.

Таким образом, попытка В. Н. Парфенова датировать надпись КБН 38 осенью 14 г. н. э. или несколько позднее не поддерживается ни источниками, ни соображениями исторического плана. Она, как представляется, оказалась своего рода научным экспериментом с отрицательным результатом.

Список литературы

А*нохин* В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 182.

Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев, 326.

Б*олтунова* А. И., *Книпович* Т. Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–31.

Г*айдукевич* В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л., 623

Голенко К. В. Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н. э. // НЭ. 9, 38–50.

Голубцова Е. С. 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 135.

З*авойкина* Н. В. 2023. Аспург – царь Боспора (9/8 г. до н. э. –38 г. н. э.) // ДБ. 28, 149–167.

[8] Памятник утрачен в конце XIX в.

[9] В пользу этого мнения свидетельствует палеографическое сходство надписей КБН 1046 и КБН 979, указывающее, что надписи были сделаны, по крайней мере, в одном городе (КБН-Альбом № 979, 1046).

Завойкина Н. В., *Новичихин* А. М., *Константинов* В. А. 2018. Новая посвятительная надпись Аспурга из Горгиппии // ВДИ. 3, 680–692.

Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА. 16). М., 264.

К*арышковский* П. О., *Фролова* Н. А. 1990. Правление Асандра на Боспоре по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Одесса, 89–100.

Л*атышев* В. В. 1899. Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 годах // МАР. 23, 76.

П*анов* А. Р. 2002. Поход Полемона I на Боспор: проблема интерпретации источников // АМА. 11, 106–108.

Панов А. Р. 2007. К вопросу о политической ориентации Динамии // ПИФК. 17, 286–290.

Парфенов В. Н. 1994. Агриппа, Динамия и Алтарь Мира (к оценке одной гипотезы) // Античный мир и мы. Саратов, 38–43.

Парфенов В. Н. 2007. Загадка Скрибония // ПИФК. 17, 291–298.

Парфенов В. Н. 2025. Боспорские заложники в Риме: взаимодействие или конфликт двух культур? Сюжет I. Динамия // БФ: Экспорт/импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства. СПб., 226–238.

Р*остовцев* М. И. 1916. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды московского археологического общества. 25, М., 1–14.

С*апрыкин* С. Ю. 1990. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 3, 204–214.

Сапрыкин С. Ю. 1996. Понтийское царство. М., 345.

Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспор на рубеже двух эпох. М., 271.

Ф*ролова* Н. А. 1978. О времени правления Динамии // СА. 2, 49–61.

Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора. Ч. I. М., 448.

Фролова Н. А. 2010. Античные золотые монеты в собрании Государственного Исторического музея. От античности до Византии. М., 363.

Ч*ореф* М. М. 2024. О датировке посвятительной надписи Аспурга, найденной в Анапе в 2013 г. // МАИАСП. 16, 811–834.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 2020. Три методических соображения о работе с надписями // БИ. 40, 223–228.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2025**.** Основы работы с греческими надписями. Учебное пособие. Москва, 56.

Я*йленко* В. П. 1990. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 128–215.

Яйленко В. П**.** 2010. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 727.

B*ilabel* Fr. 1925. XI Fragmente aus der Heidelberger Papyrussammlung // Philologus. 80/3, 331–341.

Blinkenberg Ch. 1941. Lindos. Fouilles et recherches, 1902–1914. Inscriptions. 2 parts. Copenhagen–Berlin, 624.

Braund D. 2004. King Scribonius // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. СПб., 81–87.

H*alamus* M. 2025. Golden staters of Queen Dynamis and her Rule over the Bosporan Kingdom // Bulgarian Numismatic Journal. 3/2, 1–14.

L*arfeld* W. 1907. Handbuch der gricheschen Epigraphic. Bd. 1. Leipzing, 604.
M*cLean* B.H. 2011. An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenic and Roman periods from Alexander the Great down to the Reine of Constantine (323 BC – AD 337). Michigan, 516.
P*arfenov* V.N. 1996. Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar: zur militärischen und politischen Geschichte des Bosporanischen Reichesn ach Asandros // Historia. 45/1, 95–103.
Price S.R.F. 1984. Gods and Emperors: The Greek Language of the Roman Imperial Cult // JHS. 104, 79–95.
R*ostovtzeff* M.I. 1919. Queen Dynamis of Bosporus // JHS. 39, 88–109.

Summary

N. V. Zavoykina

On the honorary inscription of Queen Dynamis from Panticapaeum (CIRB 38)

The article examines the hypothesis of the third reign of Queen Dynamis in BC 13–15, which was revived by V.N. Parfenov in 2025. The researcher believes that the use of the epithet θεός in the honorary inscription of Queen Dynamis on the base of the statue of Emperor Augustus (CIRB 38) indicates that the monument was erected by the queen after the death of Octavian Augustus and his consecration by the Roman Senate in September 14 AD. He sees an additional argument in support of the stated thesis in the rare Bosporan stater of 13/14 AD with the monogram ΔΥΜ, as read by V.V. Anokhin, in which the name of Dynamis is hidden. A study of the use of the epithet θεός in ancient authors, papyri, and inscriptions from Greek cities during the reigns of Augustus and Tiberius has revealed that this epithet was bestowed upon Roman rulers during their lifetimes. In the inscriptions, the epithet θεός conceals the Ancient Greeks' attitude toward supreme power as a divine manifestation. Modern research shows that the stater of 13/14 AD bears the letters ΜΔ, not ΔΥΜ. Therefore, there is no basis for reading the name Dynamis on it. Ancient sources and modern researches also show that Dynamis's reign is dates to BC 21/20 – 15/14. The honorary inscription should be dated to this period. It was during this brief period that the Bosporan queen erected a statue of Augustus in Panticapaeum, which she renamed Caesarea.

Also, in the article a special attention is given to the analysis of the new dating of the dedication of Aspurgos from Gorgippia, which is cut in the end of six line. It is offered the reading "ἐν τωῖ ΕΤΙ (17/18 AD) ἔ[τει]" in spite of "ἐν τωῖ ΓΤ (6/7 AD) ἔ[τει]". The new dating is proposed in violation of the epigraphic method of studying ancient inscriptions, and based solely on an examination of its photograph. Thus, it is incorrect and does not correspond to the authentic date on the inscription as "ἐν τωῖ ΓΤ ἔ[τει]".

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.107-122

Н. В. Захаренков*, М. А. Симонова, В. А. Хршановский*****
(Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург;*
*** Государственный музей истории религии, г. Санкт-Петербург;*
**** Институт археологии РАН, г. Москва)*

«Зольные» холмы на Боспоре (новые материалы и старые вопросы)

Боспорские «зольники» до сих пор остаются одними из самых малоизученных и загадочных археологических объектов. Наиболее полный свод информации о них содержится в книге А. А. Масленникова «Сельские святилища Европейского Боспора» [*Масленников* 2007, 406–457]. Предваряя посвящённый им раздел, автор констатировал «незавершённость их изученности и крайнюю неопределённость интерпретации» [*Масленников* 2007, 406]. С тех пор прошло почти двадцать лет. Появились новые – пусть не очень многочисленные – материалы раскопок, обозначились новые подходы к изучению состава насыпей «зольников». Возникла необходимость (и, как представляется, возможность) попытаться ещё немного продвинуться в понимании их генезиса и функционального назначения.

Почти 200 лет назад Поль Дюбрюкс составил «План городка или города, защищаемого акрополем Кермеш-Келечик», имевшего «по абрису от 650 до 660 саженей» [*Дюбрюкс* 2010, Т. I, 306–310; Т. II, 219, рис. 510]. Помимо «акрополя» и «защищаемого им городка» на этом плане были обозначены четыре выделяющихся своими размерами холма (рис. 1. *1*). Под двумя, расположенными с внешней стороны юго-восточной стены Илурата по обе стороны от ворот, он увидел две больших башни (*Z*). С северной стороны, по его описанию, была расположена совершенно круглая (диаметром 40 м), с южной – продолговатая (65×50 м). Два других холма, обозначенных на плане к юго-западу от юго-западной стены Илурата, имеют неправильную форму (размер северного – 45×55 м, южного – 55×70 м). В его же описании, однако, упоминается только одно «…большое возвышение (*11*), имеющее более тридцати саженей по ширине и вдвое в длину и которое находится непосредственно на самом высоком месте горы над ручьем, перед юго-западной стеной, над которой она господствует…» [*Дюбрюкс* 2010, Т. I, 308]. Все эти возвышения видны на современных аэрофотоснимках (рис. 1. *2*), а также отображены на картах (рис. 2. *1*).

Через сто с лишним лет, в 1933–1940-х годах, В. Ф. Гайдукевич, располагая планом и описанием Дюбрюкса, провёл археологическую разведку и пробные раскопки. Он

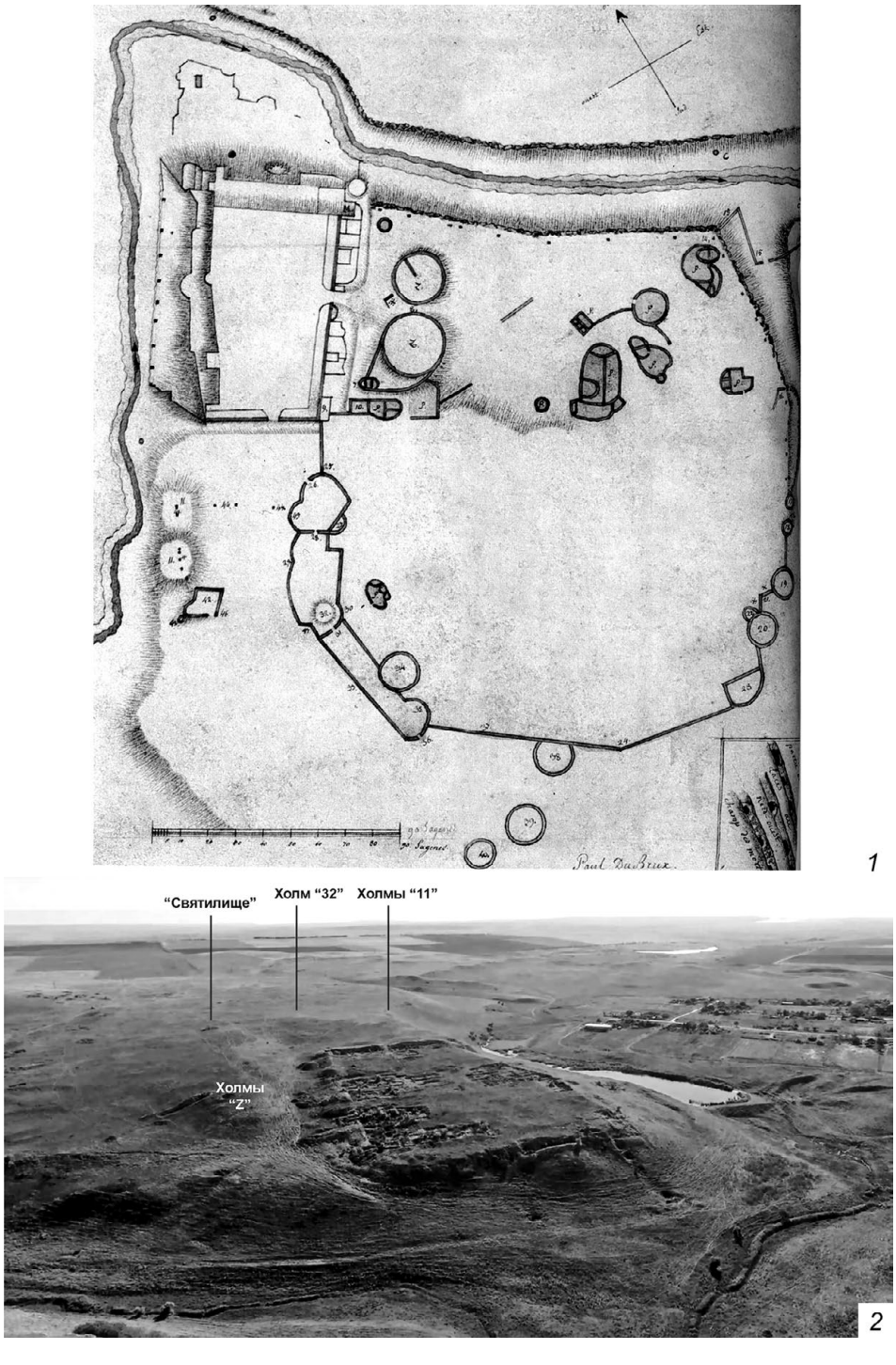

Рис. 1. *1–2* – Городище Илурат: *1* – план Поля Дюбрюкса (не позднее 1833 г.); *2* – аэрофотоснимок*, вид с северо-востока

* Кадр из видеофильма «Крымъ 4K: Раскопки античной крѣпости Илуратъ» (https://rutube.ru/video/97079ae188c6c04158f7e9a75bf1da73) К. Ходаковского

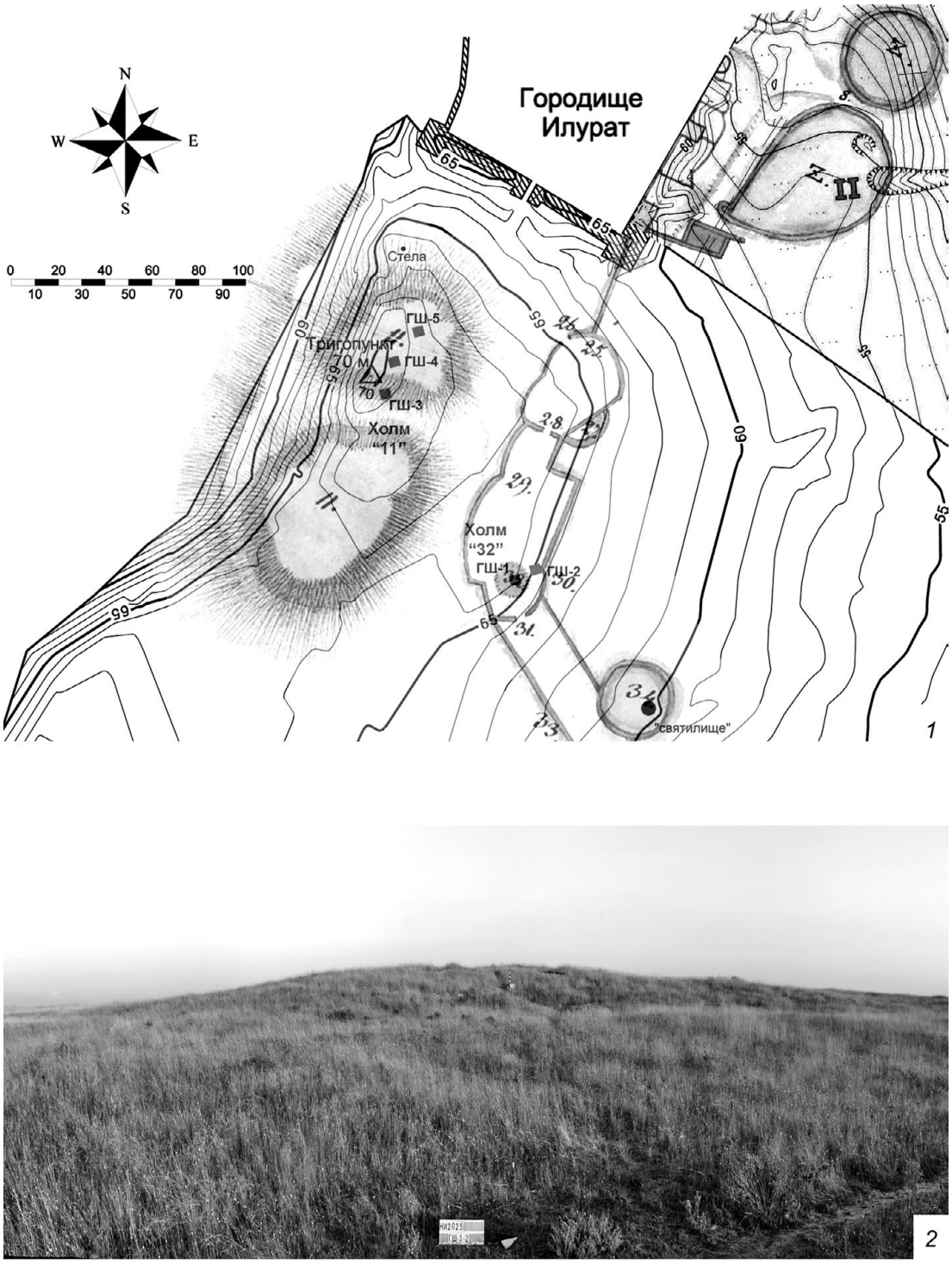

Рис. 2. Холмы у городища Илурат: *1* – совмещённый топоплан;
2 – холм «*32*», вид с юго-востока

констатировал, что за прошедшее время состояние памятника мало изменилось. С конца 1940-х до середины 1960-х годов, исследуя городище, уже отождествляемое в то время с античным городом-крепостью Илуратом, и прилегающую территорию, он обратил внимание и на то, что «с юго-запада и юго-востока близ городища Илурата, за пределами его стен, расположены холмообразные насыпи, представляющие собой огромные свалки золы» [*Гайдукевич* 1958, 136].

На двух северных возвышенностях – «башнях *Z*» Дюбрюкса – В. Ф. Гайдукевич провёл раскопки, в ходе которых было установлено, что выявленные в верхнем слое отдельные камни и округлая кладка лежали «на насыпях, представляющих собой громадные свалки жилого мусора, главным образом, очажных остатков, состоящих из золы» [*Гайдукевич* 1950, 201][1]. Основанием зольника высотой 5,2 м служила скала. В его насыпи содержались фрагменты амфорной, краснолаковой, простой кружальной и лепной керамики, а также лепной светильник, фрагменты терракот и кости млекопитающих. Слои зольника стратифицировались: в нижнем горизонте – материал последних десятилетий I в. н. э., а во всей остальной толще – II–III вв. н. э. [*Гайдукевич* 1958, 137]. В обоих зольных холмах были обнаружены ямы с обложенной камнями горловиной, закрывавшиеся круглыми каменными крышками. Одна в южном и две в северном холме, внутри пространства, ограниченного наверху «каменным кругом». Гайдукевич предположил, что «иногда в зольнике выкапывалась ямы, служившие, вероятно, хранилищем для зерна (?)» [*Гайдукевич* 1958, 138].

В 1985 г. В. А. Горончаровский продолжил раскопки северного зольника, в ходе которых были открыты ритуальная площадка из камней и обожжённой глины, а также яма с захоронением двух собак. Судя по находкам, зольник формировался на протяжении второй половины I–III вв. н. э. Особый интерес представляла небольшая мраморная фигурка, напоминавшая каменные изваяния кочевников [*Горончаровский* 1987, 320; 2002, 171].

Самый высокий холм на Илуратском плато (70 м), расположенный к юго-западу от юго-западной стены городища (*11* на плане Дюбрюкса), на который в своё время ещё В. Ф. Гайдукевич обратил внимание, и который современные исследователи считают «зольным холмом», аналогичным тем, что зафиксированы за юго-восточными воротами» [*Дюбрюкс* 2010, прим. 193, 351, *Горончаровский* 2010, 497; *Виноградов* 2018, 106], до последнего времени из-за располагавшегося на нём триангуляционного пункта (ныне утраченного) не исследовался. Холм расположен в 100 м к западо-юго-западу от юго-западных ворот крепости. Он вытянут примерно на 100 м в направлении север–юг вдоль обрыва реки Чурубаш, имеет ширину от 20 до 40 м и высоту от подошвы не более 4 м (рис. 2. *1*).

У юго-юго-восточного подножья этого холма на плане Дюбрюкса значится ещё одно «небольшое – на два аршина – возвышение (*32*) с диаметром в шесть с половиной аршин [или саженей? – см.: *Дюбрюкс* 2010, Т. I, 261, 309] без единого следа кладки». Однако к юго-востоку от него он видел поперечную стену «с воротами посередине (*31*)» протяженностью девять саженей, которая соединяла большие стены [*Дюбрюкс* 2010, Т. I, 309].

[1] По нашим расчётам, даже если илуратские зольники, имеющие суммарный объём более 1000 м^3, на половину и более состоят из золы, обитатели городища за 200 лет его существования вполне могли насыпать их за счёт золы из своих домашних очагов.

В полевом сезоне 2025 г. экспедицией ИА РАН на Илуратском плато именно здесь были зафиксированы и доследованы два грабительских шурфа (№ 1 и № 2) и ещё три – ближе к вершине холма «*11*» (шурфы № 3–5), размером от 2×5 м^2 до 4×4 м^2 (рис. 2; 3. *1*). В золистом грунте отвалов были найдены довольно многочисленные фрагменты амфорной тары, краснолаковой, простой красноглиняной и лепной керамики, обломки терракотовых статуэток и раковины морских (!) моллюсков. Среди материалов, в шурфах № 1 и 2, к датирующим относятся венчики узкогорлых светлоглиняных амфор типа D по классификации Д. Б. Шелова (C IV D по С. Ю. Внукову) (рис. 4. *1*), типа E (C IV E) (рис. 4. *2–5*), типа F (C IV F) (рис. 4. *6*) и ножка красноглиняной амфоры типа 96–97 по классификации И. Б. Зеест (рис. 4. *7*). Все они «вписываются» во вторую половину III–V/VI вв. н. э. Ручки светлоглиняных амфор (рис. 4. *8–11*) узкой датировке не поддаются. К более раннему времени относятся фрагменты краснолаковых венчиков с украшением на бортике в виде двойной спирали (рис. 4. *12*) (Eastern sigillata B), которые датируются второй половиной I – третьей четвертью II в. н. э. Остальные фрагменты относятся к группе Понтийской сигиллаты (Pontic sigillata A): венчик тарелки (рис. 4. *13*) II – начала III вв. н. э., два венчика (рис. 4. *14–15*) могли быть от чашек, встречающихся в комплексах от начала I в. н. э. до третьей четверти II в. н. э., и венчика с ручкой (рис. 4. *16*) относящийся к I–II вв. н. э.

В шурфах на холме «*11*» датирующего материала оказалось меньше. Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор (рис. 4. *17–18*) были представлены двумя венчиками типа F (C IV F). Ещё один (рис. 4. *19*) принадлежал амфоре типа «Делакеу» (C Snp I). Их хронологическая вилка IV–VI вв. н. э. К более раннему времени – III в. н. э. относится найденная в шурфе № 4 терракотовая статуэтка всадника (рис. 4. *23*) [*Денисова* 1981, 80, табл. XXVIII д, з].

Помимо этого в переотложенном грунте шурфов присутствовали кости диких и домашних животных (лошади, коровы, овцы, овцы или козы, свиньи, собаки, зайца-русака).

Таким образом были получены бесспорные доказательства того, что большой холм за юго-западной стеной Илурата также представляет собой зольник. Об этом свидетельствуют и характерный грунт, и вещевые находки, и кости животных, и, возможно, ограждение из ряда камней (крепида?) вокруг шурфов № 1 и 2 [«стена» (*30*, *31*) Дюбрюкса] (рис. 3. *2*). Не исключено, что обозначенные им на вершине холма «стены» (*41*, *44*) и «небольшой форт» (*42*) с «башней» (*43*) [*Дюбрюкс* 2010, Т. I, 308–309; *Захаренков*, *Хршановский* 2025а, 741–742] также имели отношение не к фортификации, как он предполагал, а к зольнику. На основании датировки самых поздних находок можно предположить, что юго-западный зольник продолжал использоваться и во второй половине III–V и даже VI в. н. э., то есть в «постилуратское» время.

* * *

В боспорских городах самые ранние зольные холмы фиксируются с середины V в. до н. э. В Мирмекии это «Зольник I» сравнительно небольшой (площадь около 130 м^2, высота 0,7–1 м), который функционировал во второй половине V – начале IV в. до н. э. [*Гайдукевич* 1987, 66; *Бутягин* 2002, 93–94]. Перекрывавший его «Зольник II», существенно

Рис. 3. Холмы у городища Илурат: *1* – холм «*11*», вид с юга;
2 – холм «*32*», крепида (?), вид с северо-востока

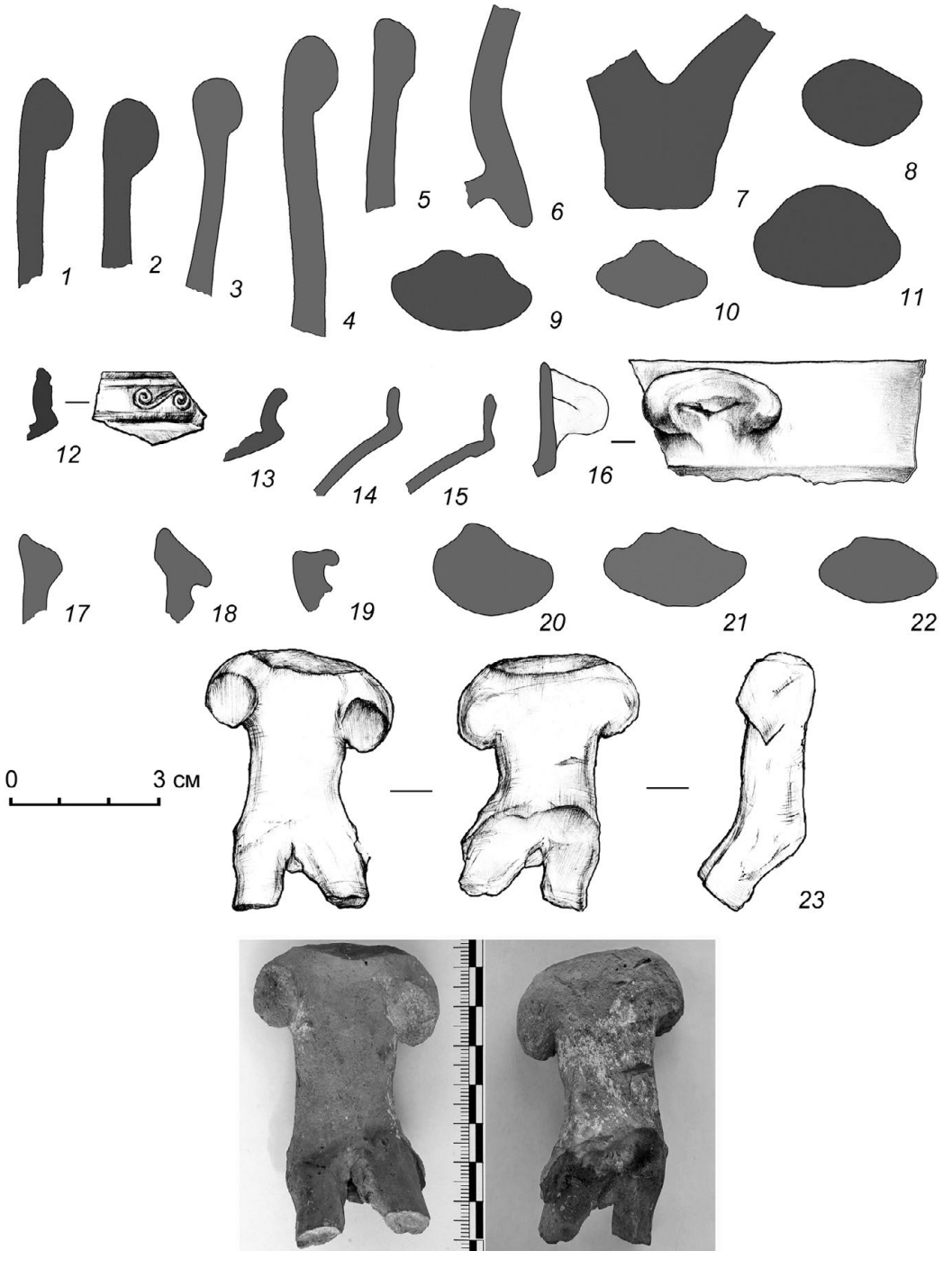

Рис. 4. Фрагменты амфор и краснолаковых сосудов из грабительских шурфов № 1, 2 (*1–6*) и № 3–5 (*17–23*): *1* – амфор типа D (по Д. Б. Шелову); *2–5* – типа E; *6* – типа F; *7* – ножки формы 96–97 (по И. Б. Зеест); *8–11* – светлоглиняных; *12* – краснолаковой чашки группы Восточная сигиллата B; *13–16* – краснолаковых чашек группы Понтийская сигиллата A; *17, 18* – амфор типа F; *19* – амфоры типа «Делакеу»; *20–22* – светлоглиняных амфор; *23* – терракоты-«всадника» (шурф № 4)

большего размера (площадь 1000 м², высота более 3 м), возник на рубеже IV и III вв. до н. э. [*Гайдукевич* 1987, 70], но просуществовал не до 250–230 гг. до н. э., как считал Гайдукевич, а до середины II столетия [*Грицек* 2013, 21]. Помимо «зольников» I и II, в 2001–2005 гг. в Мирмекии, к западу от скалы Карантинного мыса, был открыт и исследован мощный слой зольных напластований, который получил название «Западный зольник». Его насыпь формировалась с начала III в. до н. э., и процесс этот продолжался до II в. до н. э. [*Грицек* 2013, 24]. О небольших зольных насыпях с восточной стороны от акрополя («Восточный зольник») известно лишь то, что они римского времени. Таким образом, в Мирмекии зольники присутствовали на протяжении всего времени существования города, за исключением самого раннего и, возможно, последнего этапа.

Первооткрыватель большинства боспорских городов Поль Дюбрюкс обратил внимание и на высокий холм в центральной части Китейского городища (Акры, как он считал), полагая, что под ним находится городской акрополь [*Дюбрюкс* 2010, Т. I, 315; Т. II, 240, рис. 554]. Но верной оказалась версия В. Ф. Гайдукевича, который предположил, что это тоже «зольник-эсхара» [*Гайдукевич* 1987, 97]. Многолетние исследования Китейского святилища (зольника) сначала под руководством Н. В. Молевой, а с 2016 по 2022 гг. – А. В. Катцовой это подтвердили.

Мощность культурных напластований китейского зольного холма превышает 12 м. Сохранившаяся часть имеет площадь около 3750 м², при том, что в древности она могла достигать 5000 м², составляя около четверти территории городища. Почти треть его обрушилась в море из-за интенсивной береговой абразии. В основании зольника находилась подтесанная материковая скала с двумя расселинами (*фависсами*), на которой была организована площадка подпрямоугольной формы и вырос холм, обнесённый оградой. Н. В. Молева выделила пять хронологических слоёв: второй половины V – середины IV в. до н. э.; второй половины IV–III в. до н. э.; II–I вв. до н. э.; I–II вв. н. э. и III–IV вв. н. э. [*Молева* 2002, 18].

Вещевые находки из зольника были представлены многочисленными обломками амфор, пифосов, лутериев, черепицы, фрагментами расписной краснофигурной, чернолаковой, краснолаковой и лепной керамики, вотивными терракотами, светильниками, ткацкими и рыболовными грузилами, пряслицами, костяными веретёнами и иглами, бронзовыми наконечниками стрел, панцирными пластинками и рыболовными крючками, жерновами и зернотёрками, точильными и растиральными камнями, точилами и оселками, реликтовыми каменными топорами и кремнёвыми орудиями (ножи, скрёбла, кресала). Наряду с артефактами в святилище содержались многочисленные экофакты: захоронения собак, кости животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, собаки), птиц (чайки, большого баклана) и рыб, окаменелости, створки морских раковин, морская галька, камка [*Молева* 2017, 25–71].

Информация, полученная при последовавших раскопках на зольнике, поначалу в целом не отличалась о известной ранее. В слое насыпи было обнаружено захоронение ещё одной собаки. Интерес представляла яма 1 округлой формы (1,5×1,3 м, глубина 0,65–0,80 м), заполненная серым суглинком с золой, в центральной части которой находилось скопление нескольких плоских камней. Но находки в ней были немногочисленны и малоинформативны: стенки амфор, фрагменты кружальных сосудов, фрагменты

лепной курильницы и лепного грузила. Палеозоологический материал был представлен обломками костей животных и несколькими костями рыб [*Катцова* 2019, 194–195].

Материал из всего исследованного слоя был гораздо обильнее: более 20 тысяч фрагментов керамической тары (амфор и пифосов), черепицы, буролаковых и краснолаковых сосудов, кухонной и лепной посуды, терракот, глиняных светильников, керамические ткацкие пирамидальные грузила, пряслица, железные и бронзовые гвозди, обломки костяных накладок, оселков и точильного камня и, что представляет особый интерес – небольшой переносной алтарь, вырезанный из известняка. Кроме этого, в слое были найдены небольшие фрагменты штукатурки, раковин, мела, угля, более 3000 костей животных и почти 100 костей рыб [*Катцова* 2019, 197–205].

После первого полевого сезона автор публикации ограничилась широкой хронологической вилкой формирования верхних напластований зольного холма – I–III вв. н. э. и уклонилась от однозначной его интерпретации как культового комплекса, оставив вопрос открытым [*Катцова* 2019, 206].

Наиболее интересным и дискуссионным в следующих полевых сезонах было открытие ещё двух ям на западном склоне китейского зольника. По самому позднему найденному в них материалу они датируются серединой IV – третьей четвертью V в. н. э. (№ 1) и серединой IV – первой половиной VI в. н. э. (№ 2). Конструктивные особенности ям и почти идентичный состав находок из грунта их заполнения (обломки амфор, фрагменты краснолаковой посуды, кости животных и рыб) [*Катцова* 2022, 56–57] позволили автору раскопок сделать вывод о том, что «…если северо-восточный участок зольника вплоть до VI в., по-прежнему, оставался сакральным пространством, то западная его часть использовалась для хозяйственных целей, что свидетельствует о смене в функциональном назначении этой части насыпи в позднеантичное время» [*Катцова* 2022, 58].

Н. В. Молева упоминает ещё два зольника в черте города. В целом, на исследованной части городской территории китейские святилища в виде зольных холмов и другие ритуальные комплексы занимали не менее 40%. [*Молева* 2017, 74–76].

В последнее десятилетие новые зольники в Китее были открыты не на территории города, а в 60–80 м к западу от юго-западного угла крепостной стены на валу № 1 (первом из 24 валов, расположенных ещё западнее и тянущихся параллельно друг другу от морской береговой линии к северу до кряжей Джурга-Оба и Чатр-Тав). С 2016 по 2022 гг. на южной оконечности вала № 1 на холме высотой не менее 4,5 м в зоне интенсивной береговой абразии экспедицией ИА РАН велись охранно-спасательные работы. После семи полевых сезонов раскоп (XLVII) достиг площади 200 м^2 при средней глубине 1,2–1,3 м. В юго-восточном углу была открыта жертвенная яма, получившая № 394, перекрытая северо-восточной частью зольного холма (№ 395), а в северо-западном углу – ещё один зольный холм (№ 396) [*Захаренков*, *Хршановский* 2025б, 220–226].

Первый зольник, судя по стратиграфии южного борта (открытого на данный момент), первоначально имел протяжённость с востока на запад около 12 м, а затем с западной стороны был досыпан и по западному склону холма увеличился ещё на 5 м. Он исследован на глубину до 1,4 м от дневной поверхности. Стратиграфия и консистенция грунта характерны для всех зольников: под тонким дерновым слоем (0,2–0,3 м)

и засыпкой из дисперсного серого суглинка (0,2–0,7 м) располагались перекрывающие одна другую, различающиеся по цвету и составу прослойки толщиной 0,05–0,50 м из зелёной (материковой?) глины, серого, серо-зелёного и серо-жёлтого суглинка со значительными включениями пепла, золы, угольков, печины, известковой крошки, кусков гипса, обломков штукатурки (?), многочисленных фрагментов керамики, створок морских раковин и морской травы (камки).

К северо-востоку от предполагаемого центра под насыпью зольного холма (№ 395) на глубине около 1 м от дневной поверхности была обнаружена горловина ямы № 394. Устье её (как в юго-восточных илуратских зольниках и яме № 1 на западном склоне китейского «холма») обложено камнями, горло закрыто округлой каменной крышкой. Яма имеет грушевидную форму при глубине около 3 м. Нижняя половина была заполнена мелкодисперсным серым суглинком. Дном ямы служил подтесанный пласт мягкого белого материкового известняка, над которым в разрезе читалась тонкая прослойка зеленоватой глины. Почти по всей площади дно было покрыто слоем золы и пепла, встречались и угольки. После расчистки в нём были обнаружены четыре небольшие овальные лунки (размером 0,05–0,07 м и глубиной 0,03–0,05 м).

Верхняя половина ямы (примерно на 1 м) не была заполнена грунтом. Находки в заполнении нижней части: ручка чернолакового сосуда с просверленным отверстием, морская раковина (гребешок) с отверстием (подвеска?), фрагмент дна сероглиняного рыбного блюда с темным покрытием и следами сажи, фрагмент стенки красноглиняной амфоры с граффито и небольшой (козий или овечий) астрагал с процарапанным граффито в виде «ёлочки» – оснований для её датировки не дают [*Хршановский* 2020, 132–133]. К тому же невозможно установить, являются ли упомянутые артефакты приношениями, совершенными во время ритуала, или они попали в яму с осыпью из стен.

Однако по заключению палеозоолога А. К. Каспарова (ИИМК РАН) и палеоорнитолога А. В. Пантелеева (ЗИН РАН), в яме были представлены почти все животные и птицы, встречавшиеся ранее в слоях зольника на валу № 1 и вокруг него: лошадь, корова, овца или коза, свинья, собака, птицы (домашняя курица и утиные), дельфин и рыбы. «Не хватает» лишь костей благородного оленя, кабана, лисицы, барсука, зайца-русака, а также клешней краба [*Захаренков, Хршановский* 2025б, 323–325]. Это свидетельствует в пользу того, что яма и перекрывающий её зольник, по всей вероятности, образуют единый комплекс, имеющий не бытовой, а ритуальный характер.

В 2022 г. в северо-западной части раскопа на глубине 0,3–0,4 м от дневной поверхности был открыт ещё один зольник (№ 396), близкий по конструкции, но меньшего размера. Длина его в широтном направлении по стратиграфии северного борта раскопа – около 6 м. Он раскопан на глубину до 1 м от дневной поверхности. Стратиграфия в целом не отличается от зольника № 395. Их синхронность и принадлежность к одному комплексу сомнений не вызывает. Соответственно, все происходящие отсюда многочисленные артефакты и костные остатки могут считаться приношениями, сопутствовавшими неким неоднократно производившимся обрядам. Среди находок около 26 тысяч фрагментов амфорной, черно- и краснолаковой, чёрнолощёной, красно-, светло- и сероглиняной кружальной керамики, лепных сосудов, терракотовые

статуэтки, светильники, пряслица, грузила, медные монеты, обломки стеклянных сосудов, костяные изделия. Хронологическая «вилка» найденного в нестратифицируемом слое материала очень широка: от IV в. до н. э. до середины VI в. н. э., но подавляющее большинство находок датируется второй половиной IV–V в. н. э. Таким образом, terminus post qem первоначально совершавшихся в раскопе XLVII обрядов по преобладающим датируемым находкам – IV в. н. э., вероятнее, его вторая половина.

Самые ранние зольники в Мирмекии и в Китее появляются одновременно, во второй половине V в. до н. э. Некоторые исследователи предполагают, что начавшееся с этого времени распространение зольников на Боспоре было связано с расширением и углублением контактов с варварами, которое привело к переплетению греческой и местных культовых традиций, сложением своеобразного религиозного синкретизма [*Бутягин*, *Виноградов* 2006, 36; *Виноградов* 1992, 113; *Масленников* 2007, 444–445]. Со временем зольники получают очень широкое распространение, причем не только в городах, но и на хоре, в усадьбах или возле них. В первые века новой эры они известны «практически около всех поселений» [*Масленников* 2007, 407].

Зольникам посвящён большой раздел в монографии А. А. Масленикова «Сельские святилища Европейского Боспора». Помимо панорамного и, одновременно, детального обзора всех известных к тому времени зольных холмов от Черноморского побережья через весь Керченский полуостров к Крымскому Приазовью, автор выходит за изначально определённые географические пределы, более или менее подробно описывая зольники возле городищ Центрального и Юго-Западного Крыма, на хоре Херсонеса и в Ольвийском регионе, в Северо-Западном Причерноморье. Собранный материал позволил ему в заключение сделать несколько важных для понимания этого феномена выводов и сформулировать вопросы, не утратившие своей актуальности.

Первый вопрос, на который должен ответить каждый исследователь, – что, собственно, является предметом его изучения. Для Масленникова «зольники» – это «…многофункциональные (универсальные) объекты, которые в разной степени или периодически служили и утилитарным, хозяйственным (сбор мусора, печной золы, в том числе и как удобрения, сожжение некоторых отходов) и сакральным целям» [*Масленников* 2007, 454]. Есть и иные интерпретации «зольников»: и как простых «мусорных свалок» [*Бутягин* 2002; 2004; 2005], и как изначально «ритуальных комплексов» [*Гайдукевич* 1965, 1987; *Молева* 2002; *Носова* 2007; *Виноградов* 1992; 2018, *Шауб* 2010]. Как нам представляется, это противоречие может быть разрешено, если задуматься над проблемой «мусорологии», которую в своё время сформулировала Л.В Носова: «…было ли восприятие этого “мусора” древними аналогично нашему?» [*Носова* 2007, 75, прим. 52]. Позже эту мысль развил И. Ю. Шауб: «…То, что выглядит помойкой по современным представлениям, отнюдь не являлось таковой в древности: даже зола и кости принесенных в жертву животных считались собственностью бога» [*Шауб* 2010, 166]. Обычная вещь, помещенная в сакральный контекст, обретала в нём новое символическое значение [*Байбурин* 1981, 215 сл.; *Тульпе, Хршановский* 2004, 242–248; *Тульпе* 2012, 44–57].

Помимо общих суждений, об особом, небытовом характере зольников свидетельствуют многие признаки. Они имеют свои конструктивные особенности, совершенно избыточные для свалки в нашем понимании: сложную стратиграфию насыпи

с зольными прослойками и включениями печины, алтари и впускные захоронения животных (прежде всего собак и, возможно, даже людей), терракотовые статуэтки, выровненные или даже вымощенные площадки в основании насыпи, каменные ограждения-крепиды на поверхности.

Фависсы под зольниками и часто встречающиеся ямы в насыпях или непосредственной близости от них могут быть не «хозяйственными» [*Гайдукевич* 1958, 138; *Катцова* 2022, 56–58], а ритуальными – *ботросами*, составляющими единый комплекс с холмами. Ямы и *фависсы* были, скорее всего, связаны с хтоническими культами и, соответственно, были предназначены для приношений богам подземного мира, а сами холмы – для приношений верхним, небесным [*Масленников* 2007, 421, 454–455].

Хронология и топография боспорских зольников пока позволяют сделать только осторожные предварительные выводы. Судя по Мирмекию и Китею, можно предположить, что в эллинистическую эпоху зольные холмы располагались только внутри городов и некоторых поселений. В римское время они получают гораздо более широкое распространение и становятся «характерной деталью топографии и близлежащего ландшафта большинства городищ» [*Масленников* 2007, 441]. В первые века новой эры продолжает функционировать зольник в Китее, появляется «Восточный зольник» в Мирмекии, но подавляющее большинство их выходит за крепостные стены или за «околицу». Пока не установлена корреляция между количеством зольников, их размерами и типом поселения и его площадью. В некоторых случаях расположение зольников на высоких (насыпных) холмах, тянущихся вдоль крепостных стен (как в Китее и Илурате), кажется нецелесообразным с военной точки зрения. Отсюда предположение о том, что помимо прочих, они выполняли некие охранно-магические функции [*Горончаровский* 2010, 497; *Виноградов* 2018, 106].

Вопрос о генезисе зольных холмов возник сразу же после начала их исследования. В. Ф. Гайдукевич находил аналогии в Греции и связывал их появление на Боспоре с эллинской традицией [*Гайдукевич* 1965, 34–36; 1987, 95–97]. «Греческий след» и почитание греческих богов, прежде всего, видит в китейском зольнике и Н. В. Молева [*Молева* 2002, 74–106], хотя и отмечает, что «сама идея святилища, воплощенная в зольном алтаре, была в равной степени близка и греческому, и варварскому населению…» [*Молева* 2002, 22]. Признавая, что ионийским грекам, основавшим большинство колоний в Северном Причерноморье, была знакома традиция сооружения зольных алтарей, И. Ю. Шауб даже в слое IV–III вв. до н. э. китейского зольника видит многочисленные черты варварского ритуала [*Шауб* 2010, 162–164], как и В. И. Денисова в слоях раннеэллинистического мирмекийского [*Денисова* 1981, 110–112]. А. А. Масленников не исключает влияния местной варварской традиции в распространении зольников, но не считает возможным ограничиваться ею. По его мнению, в разные периоды влияние это было разным, но особенно заметным во времена позднескифской культуры [*Масленников* 2007, 444–445, 455]. При этом чрезвычайно перспективной представляется его мысль об общих индоевропейских корнях греков и скифов, которая ведёт к поиску недостающих промежуточных звеньев в традициях родственного варварского населения, обитавшего в то время в Крыму, у которого «…зольники связывались с земледельческим культом, почитанием огня и домашнего очага» [*Бутягин*, *Виноградов* 2006, 36].

Проблеме соотношения варварского и греческого в боспорских зольниках специальную статью посвятил И. Ю. Шауб [2010, 160–167]. Следом за В. И. Денисовой [1981, 107–108, 110–112] и Ю. А. Виноградовым [1987, 176, прим. 39; 1992, 113] он рассматривает боспорские зольники как явление синкретическое и в поисках генезиса их варварской составляющей обращается к материалам раскопок зольников «белогрудовского типа», распространенных от эпохи поздней бронзы до раннескифского времени (с XVI по IV вв. до н. э.) на территории от Северных Балкан до Левобережья Днепра [*Березанская* 1987, 118]. Шауб приводит мнение исследовательницы эпохи бронзы С. С. Березанской о том, что традиция сооружения зольников восходит ещё к носителям энеолитических культур Триполья-Кукутени [*Березанская* 1987, 120]. Что же касается ближайшей аналогии, то явное сходство, которое он, следом за И. П. Русановой [*Русанова* 1997, 162], усматривает между зольниками лесостепи скифского и позднескифского времени и боспорскими, позволяет ему сделать вывод о том, что «последние <…> возникли под воздействием автохтонной культовой традиции» [*Шауб* 2010, 165].

Подводя итог наблюдений за составом насыпи зольных холмов, А. А. Масленников с оговоркой об их слабой в целом изученности отмечает, что при известной общности персонажей (иконографических образов и иных находок) всё же удаётся проследить некоторые отличия «в консистенции и составе грунта, присутствии тех или иных органических включений, доли (процента) различных типов и форм керамики, наличия или отсутствия некоторых категорий находок вообще. И в ещё большей степени – содержания граффити и терракот, а также ритуальных захоронений» [*Масленников* 2007, 455]. Что касается вещевых находок, захоронений или костных остатков людей и животных – это дело археологов, антропологов и палеозоологов. Но в приведенной цитате есть упоминание консистенции и состава грунта, составляющего насыпь зольника, и органических включений в него. Это направление исследований, требующее совместной работы археологов и почвоведов, представляется чрезвычайно перспективным для античной археологии. Об этом можно судить по уже имеющемуся опыту и недавно опубликованным результатам сравнительного почвоведческого анализа зольников эпохи бронзы на Южном Урале.

Палеопочвоведами было установлено, что «…по данным ряда естественно-научных анализов, золистый грунт является результатом преобразования (перегнивания) большого количества органической массы растительного происхождения. Таким образом, традиционное название «зольники», по крайней мере в ряде случаев, можно использовать лишь условно» [*Куприянова* 2024, 98], и поэтому слово «зольник» до полного выяснения его состава предлагается писать в кавычках.

Образцы культурного слоя из разного археологического контекста (верхних слоев поселения, с территории за стенами построек и из зольника) различались по своим физико-химическим свойствам: в зольнике было зафиксировано пониженное содержание фосфатов и, кроме того, материал культурного слоя «зольника» «…не подвергался воздействию огня и представляет собой не только остатки костровой золы, а антропогенно преобразованную обогащенную карбонатами породу, возможно, принесенную извне в результате какой-то деятельности» [*Алаева, Каширская, Плеханова* 2022, 28].

Под «зольником» как археологическим памятником предлагается понимать лишь отдельно локализованные археологические объекты большой площади, сопутствующие

поселениям бронзового века, связанные с белогрудовской, сабатиновской, ирменской и другими культурами, которые были широко распространены в Причерноморье, Западной Сибири, Алтае. Сочетание в мощном культурном слое «зольника» следов бытовой и ритуальной деятельности свидетельствует «об особом восприятии этих объектов древним населением» [*Куприянова, Дисаенко* 2025, 244–245].

Из всего вышесказанного не следует, что опыт палеопочвоведческого анализа зольников эпохи бронзы и полученные выводы могут быть механически перенесены на античные зольники вообще и боспорские в частности. «…Более перспективным…» – пишет исследовательница зольников бронзового века – «…кажется изучение этого феномена в локальных геохронологических рамках, с последующим выходом на более широкие параллели» [*Куприянова* 2024, 99].

Следуя её совету, было бы чрезвычайно интересно и перспективно использовать отработанные физико-химические методы для определения состава насыпей боспорских зольников, что возможно позволит точнее понять и их функциональное назначение.

Список литературы

А*лаева* И. П., *Каширская* Н. Н., *Плеханова* Л. Н. 2022. Некоторые свойства культурных слоев поселений бронзового века степной зоны Челябинской области // Геоархеология и археологическая минералогия – 2022. Материалы IX Всероссийской научной конф. Миасс–Челябинск, 24–30.

Б*айбурин* А. К. 1981. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л., 215–226.

Березанская С. С. 1987. Еще раз о Белогрудовских зольниках // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докладов конф. М., 117–120.

Бутягин А. М. 2002. Новые исследования раннего мирмекийского зольника // БФ: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 90–94.

Бутягин А. М. 2004. Дом под мирмекийскими зольниками // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 126–131.

Бутягин А. М. 2005. К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // БФ: Проблема соотношения письменных и археологичеких источников. СПб., 101–107.

Бутягин А. М., *Виноградов* Ю. А. 2006. Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб., 79.

В*иноградов* Ю. А. 1992. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 99–120.

Виноградов Ю. А. 1987. В. Ф. Гайдукевич и исследование Мирмекия // Ф. В. Гайдукевич. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 172–179.

Виноградов Ю. А. 2018. Илурат священный // БИ. XXXVII, 103–110.

Г*айдукевич* В. Ф. 1950. Боспорский город Илурат // СА. XIII, 173–204.

Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 58, 9–148.

Гайдукевич В. Ф. 1965. Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. 103, 28–37.

Гайдукевич В. Ф. 1987. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 181.

Горончаровский В. А. 1987. Исследование городища и некрополя Илурата // АО за 1985 г. М., 320–321.

Горончаровский. В. А. 2002. Илуратские богини // БФ: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 167–171.

Горончаровский В. А. 2010. Археологическое изучение Илурата // П. Дюбрюкс Собрание сочинений. Т. 1. Тексты. СПб., 486–500.

Грицек Е. В. 2013. Эллинистический Мирмекий. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. СПб., 30.

Д*енисова* В. И. 1981. Коропластика Боспора. Л., 171.

Дюбрюкс П. 2010. Собрание сочинений. Т. I–II. СПб.: I – 728; II – 310.

З*ахаренков* Н. В., *Хршановский* В. А. 2025а. Археологические реалии Илуратского плато на планах Поля Дюбрюкса и двести лет спустя // БФ: Экспорт/импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства. СПб., 725–745.

З*ахаренков* Н. В., *Хршановский* В. А. 2025б. Погребальные и ритуальные комплексы на валу № 1 в юго-западном предместье Китея // ДБ. 30, 213–228.

К*атцова* А. В. 2019. Зольник античного городища Китей. Археологические исследования 2016 года // Археологический сборник. 42. Материалы и исследования по археологии Евразии. СПб., 187–207.

Катцова А. В. 2022. Западный склон Китейского зольника: к вопросу об использовании насыпи в позднеантичное время // Археология и история Боспора. Сб. материалов международной … конф. К 195-летию Керченского музея древностей. Симферополь, 54–60.

Куприянова Е. В., *Дисаенко* А. А. 2025. К вопросу об использовании термина «зольник» в археологических исследованиях памятников бронзового века (на материалах Южного Зауралья) // Уфимский археологический вестник. 25/2, 236–255.

М*асленников* А. А., 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. М., 564.

Молева Н. В. 2002. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 135.

*Молев*а Н. В. 2017. Часть I. Sacra Kytaia // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Нижний Новгород, 23–76.

Н*осова* Л. В. 2007. Об античных зольниках, или, «применяя античную терминологию, дошедшую к нам через Павсания», эсхарах Северного Причерноморья // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. СПб., 69–79.

П*леханова* Л. Н. 2024. Проблема изучения почв с культурными слоями-зольниками // Всероссийская научная конф., посвященная 120-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР В. А. Ковды. Почва как компонент биосферы: актуальные проблемы в условиях изменений климата. Материалы. Пущино, 85–87.

Р*усанова* И. П. 1997. Культовые зольники скифского времени // МАИЭТ. VI, 160–172.

Т*ульпе* И. А. 2012. Мифология. Искусство. Религия. СПб., 320.

Тульпе И. А., *Хршановский* В. А. 2004. Погребально-поминальная обрядность как религиоведческий источник (по материалам археологических раскопок некрополей малых городов европейского Боспора) // Труды Государственного музея истории религии. 4. СПб., 239–253.

Ш*ауб* И. Ю. 2010. Варварское и греческое в зольниках городов Боспора // Записки ИИМК РАН. 5, 160–168.

Summary

N. V. Zakharenkov, M. A. Simonova, V. A. Khrshanovsky
Ash-hills in the Bosporus (New materials and old questions)

This article is devoted to one of the most controversial archaeological sites in the Bosporus, ashpits, in terms of their origin and purpose. It presents data on the results of recent studies of the ash hills of Myrmekion, Kytaion, and Ilurat, supplementing the section "Bosporan Ash-hills" in A.A. Maslennikov's book "Rural Sanctuaries of the European Bosporus," published almost twenty years ago. Even small-scale excavations in recent decades have yielded new information that advances our understanding of the functional purpose of ash-hills, the reasons for their appearance and widespread distribution in the Bosporus in the first centuries AD, and their genesis—the possible influence of ash-hills from the forest-steppe of the Scythian and Late Scythian periods and their deeper roots dating back to the Bronze Age. The article devotes special attention to the problem of the composition of the Bronze Age ash mounds and their paleopedological analysis, the unexpected results of which may also become the key to unraveling the mystery of ancient, in particular, Bosporan ash ash hills.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.123-134

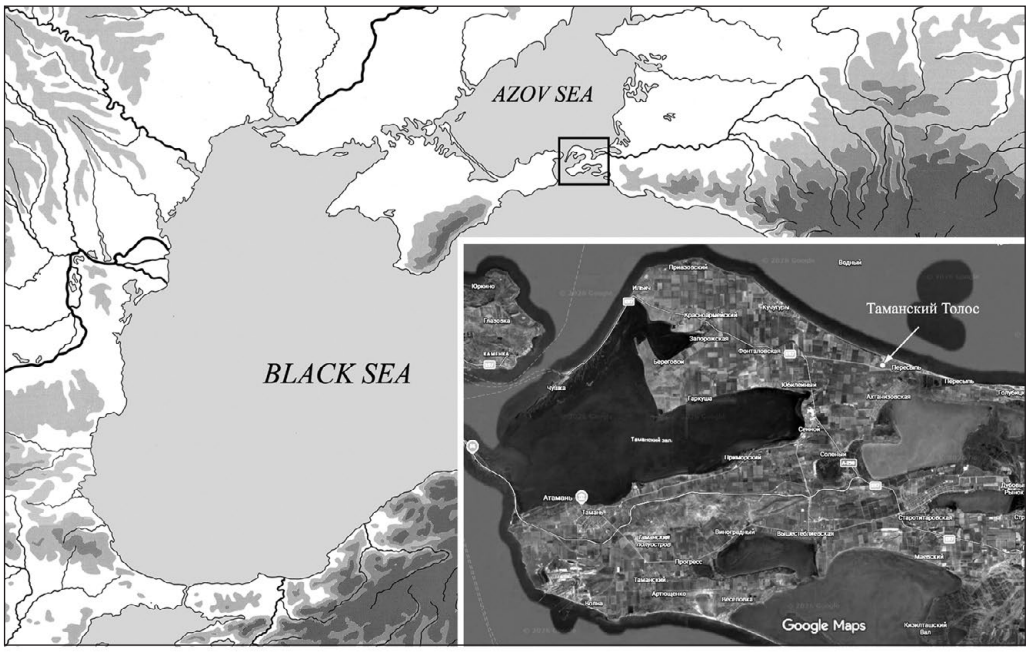
Е. В. Захаров, Г. А. Ломтадзе
(Государственный Исторический музей, г. Москва)

Клад боспорских бронзовых монет первой четверти III в. до н. э., найденный при раскопках Таманского толоса в 1973 г. (СН XI, 70)

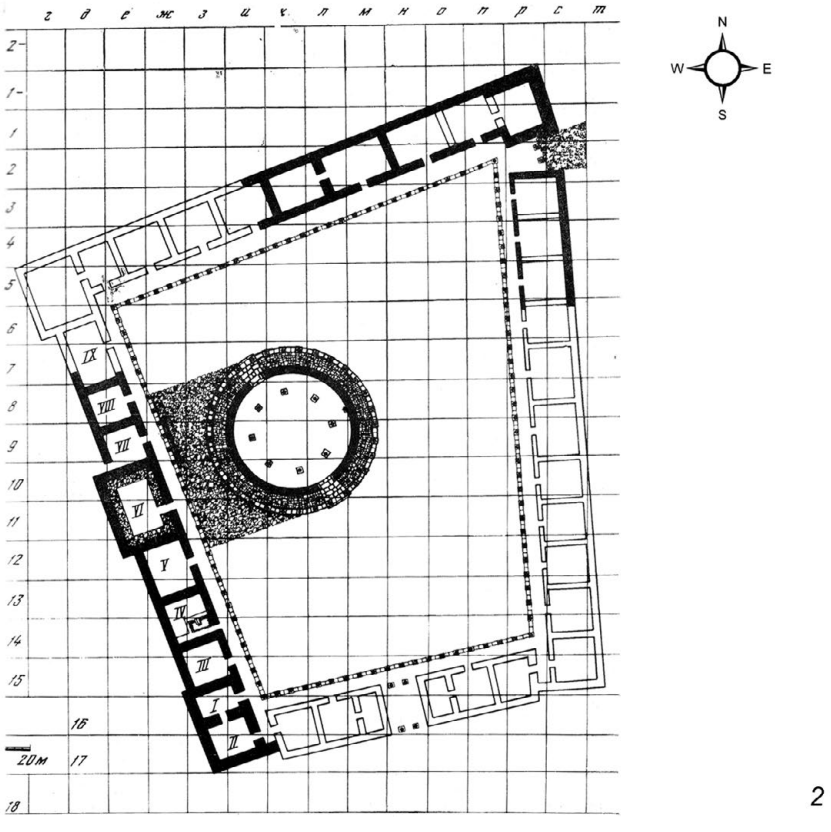
Материалы раскопок одного из интереснейших памятников Азиатского Боспора – Таманского толоса – до настоящего времени опубликованы лишь частично. Значительное количество находок и контекстов требуют подробного изучения на современном уровне. Монография Н. И. Сокольского, нашедшего и по большей части раскопавшего этот комплекс, была издана его супругой Н. П. Сорокиной уже после смерти исследователя [*Сокольский* 1976]. Это, к сожалению, предопределило некоторую суммарность в описаниях находок, и, тем более, контекстов в которых они были обнаружены[1].

Как известно, активные раскопки данного памятника начались в связи со строительством в начале 1970-х гг. федеральной автотрассы Темрюк – Порт Кавказ [*Паромов* 2025, 98]. Это обусловило срочность и масштабы работ, а также то, что памятник был практически полностью уничтожен при строительстве. Раскопки проводились с 1971 по 1973 гг. Таманской археологической экспедицией первоначально под руководством Н. И. Сокольского (рис. 1). К сожалению, в 1972 г. Н. И. Сокольский заболел и в следующем году умер. Работа в архивах показала, что отчет был сдан только за один – 1971 г. О раскопках 1972 г. не сохранилось не только отчета, но и сведений о взятом Открытом листе. В завершающем 1973 г. Открытый лист был выдан С. А. Беляеву, который отчет не сдал. Учитывая то, что личный архив Н. И. Сокольского не сохранился, можно констатировать отсутствие документации на большую часть раскопок этого уникального памятника. Единственными источниками для изучения материалов Таманского толоса остаются немногочисленные статьи [*Сокольский и др.* 1972; *Сокольский* 1973; 1976; *Сорокина* 1984] и коллекция находок, хранящаяся в Историческом музее. Надо отметить, что материалы этого памятника и связанной с ним резиденции Хрисалиска постепенно издаются [*Lomtadze, Zhuravlev* 2020; *Журавлев, Ломтадзе* 2022; *Егорова, Ломтадзе* 2025], но в большинстве случаев, определение условий находок и связи их со строительными остатками и слоями вызывает определенную сложность.

[1] Это, конечно же, нисколько не умаляет заслугу Нины Петровны, собравшей и опубликовавшей весь доступный ей материал.

1

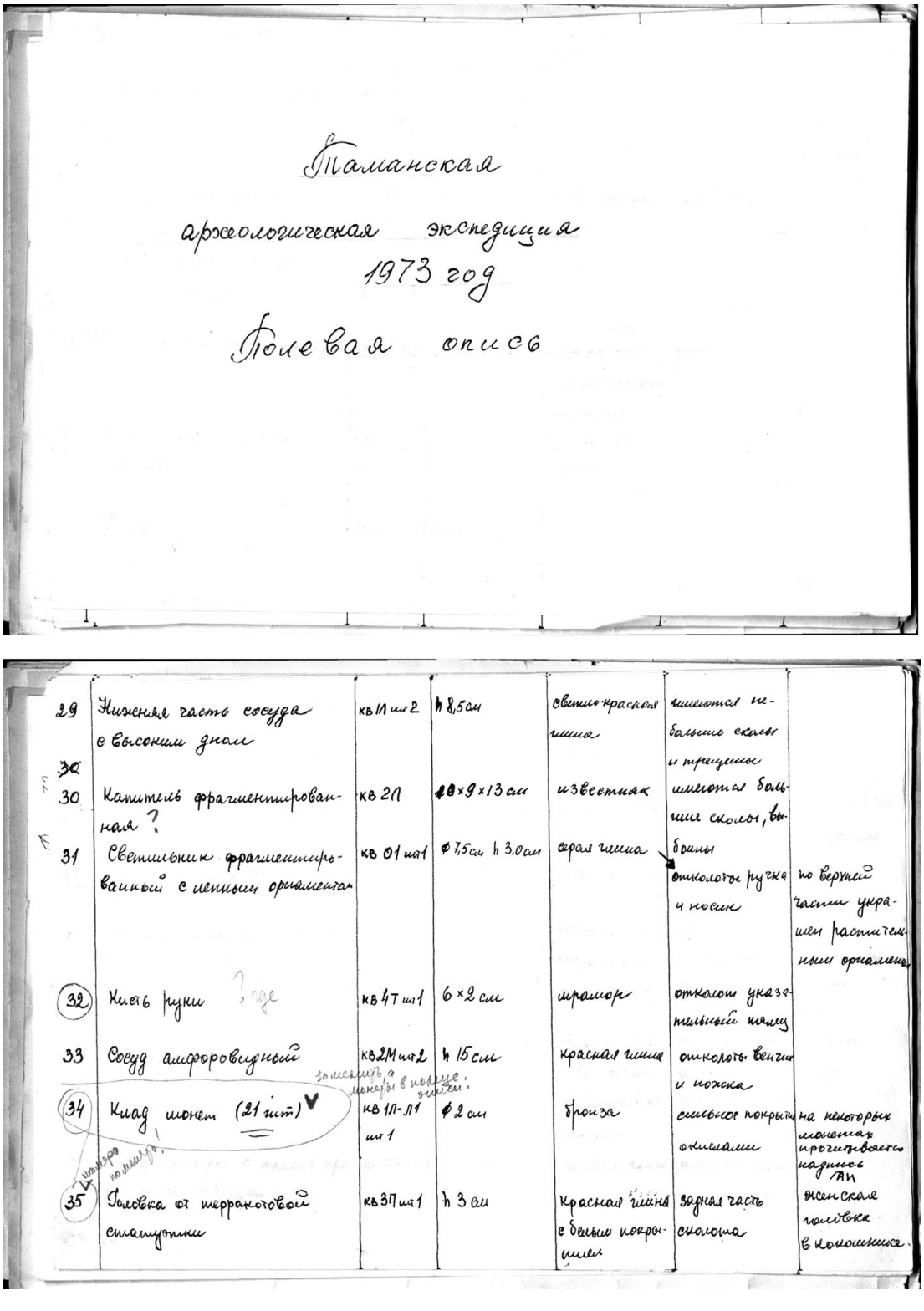
2

Рис. 1. *1*. Таманский толос на карте Таманского полуострова;
2. Реконструкция Таманского толоса (по: *Сокольский* 1976, рис. 6)

В данной статье речь пойдет о небольшом монетном кладе, найденном в 1973 г. [*Сокольский* 1976, 120, № 62–82]. Он состоял из 21 медной монеты (оп. Б 1763/774/1–21). Если говорить об обстоятельствах его находки то надо отметить, что единственная сохранившаяся информация – это запись в описи С. А. Беляева, переданной в Исторической музей (рис. 2) и рабочие материалы К. В. Голенко, который атрибутировал эти монеты вместе с другими нумизматическими находками из раскопок 1971–1973 гг., по-видимому, сразу после их обнаружения. В отделе археологических памятников Исторического музея хранится его рукописная записка с указанием места и времени находки, квадрата и штыка, а также определение монет клада со ссылкой на каталог П. О. Бурачкова [*Бурачков* 1884]. В дальнейшем эти данные без указания полевого шифра для монет комплекса были опубликованы в качестве приложения в посмертной монографии Н. И. Сокольского [*Сокольский* 1976, 120] и в таком виде вошли в историографию [*Терещенко* 2013, 335]. Итак, клад был обнаружен в квадрате Л1 при расчистке кладки северной стены перистиля комплекса толоса (рис. 3). Вызывает вопрос то обстоятельство, что, судя по шифру, он был найден уже на 1 штыке. Единственным объяснением этого может быть характер работ. Часто при охранных раскопках верхние слои (в данном случае пахотные) снимались техникой, а археологи «вступали в дело» при обнаружении объектов и культурных слоев.

К. В. Голенко выделил в составе клада два типа пантикапейских медных монет: «голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками с изображением звезды и горит [*Бурачков* 1884, табл. XX. *72*; *Сокольский* 1976, 120, А], а также «голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» [*Бурачков* 1884, табл. XX. *73–74*; *Сокольский* 1976, 120, Д]. Часть их была перечеканена на монетах предыдущего типа без надчеканок [*Бурачков* 1884, табл. XX. *70*; *Сокольский* 1976, В], другая – с надчеканками [*Бурачков* 1884, табл. XX. *75–78*; *Сокольский* 1976, 120, С]. Монеты первого типа были датированы автором публикации первой – началом второй четверти III в. до н. э., второго – второй четвертью III в. до н. э., что должно определять дату тезаврации клада.

Изучение нами отреставрированных монет комплекса (рис. 4) показало, что в действительности они все относятся к одному типу с изображением на лицевой стороне головы безбородого сатира в плющевом венке влево, на оборотной – лука и стрелы, повернутой вправо, под ней легенда – ΠΑΝ [*Бурачков* 1884, табл. XX. *73–78*; *Шелов* 1956, 217, № 65, 67, табл. VI. *65, 67*; *Анохин* 1986, 141, № 133, табл. 4. *133*]. Шесть из них (рис. 4. *1–6*) отчеканены на новых монетных заготовках, пять из которых имеют относительно ровный край, а на ребре одной находятся следы отделенных литников (рис. 4. *2*). Большую часть клада, 15 экземпляров, составляют монеты, перечеканенные из выпуска типа «голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ», снабженного надчеканками с изображением на одной стороне звезды, на другой – горита (рис. 4. *7–21*). Их вес и размер немного больше, чем у монет, изготовленных на новых заготовках, что, впрочем, уже отмечалось исследователями. Масса 15 перечеканенных экземпляров находится в пределах 5,02–7,8 г (среднее арифметическое значение 6,4 г), размер изменяется от 19 до 22 мм. Вес шести монет, отчеканенных на новых заготовках, составляет 4,41–6,25 г (среднее арифметическое значение 5,03 г), размер 17–20 мм. Системность в соотношении осей лицевой и оборотной сторон отсутствует. Большинство монет

Таманская

археологическая экспедиция

1973 год

Полевая опись

29	Нижняя часть сосуда с высоким дном	кв II шт 2	h 8,5 см	светло-красная глина	имеются небольшие сколы и трещины	
~~30~~						
30	Капитель фрагментированная ?	кв 2Л	10×9×13 см	известняк	имеются большие сколы, выбоины	
31	Светильник фрагментированный с лепным орнаментом	кв 01 шт 1	ф 7,5 см h 3,0 см	серая глина	отколоты ручка и носик	по верхней части украшен расписным орнаментом
32	Кисть руки ? где	кв 4Т шт 1	6×2 см	мрамор	откалом указательный палец	
33	Сосуд амфоровидный	кв 2М шт 2	h 15 см	красная глина	отколоты венчик и ножка	
34	Клад монет (21 шт) ✓	кв 1П-Л1 шт 1	ф 2 см	бронза	сильное покрытие окислами	на некоторых монетах прочитывается надпись АН
35	Головка от терракотовой статуэтки	кв 3П шт 1	h 3 см	Красная глина с белым покрытием	задняя часть сколота	эллинская головка в коллекцию

Рис. 2. *1–2.* Листы из описи С. А. Беляева, хранящиеся в Историческом музее

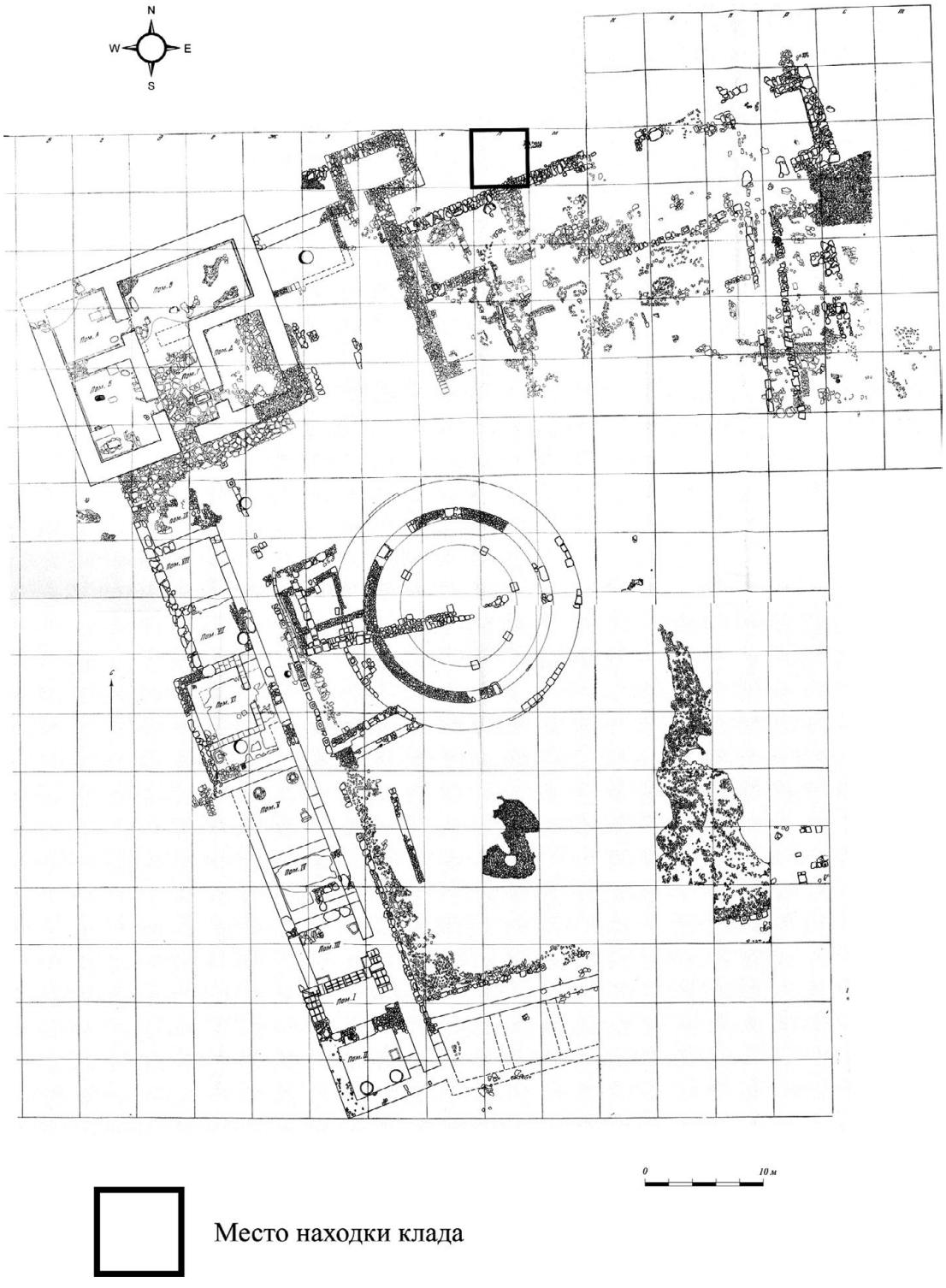

Рис. 3. План архитектурных остатков Таманского толоса
(по: *Сокольский* 1976, рис. 5) с выделенным участком находки клада

Рис. 4. Монеты из клада, найденного при раскопках Таманского толоса в 1973 г. (натуральная величина)

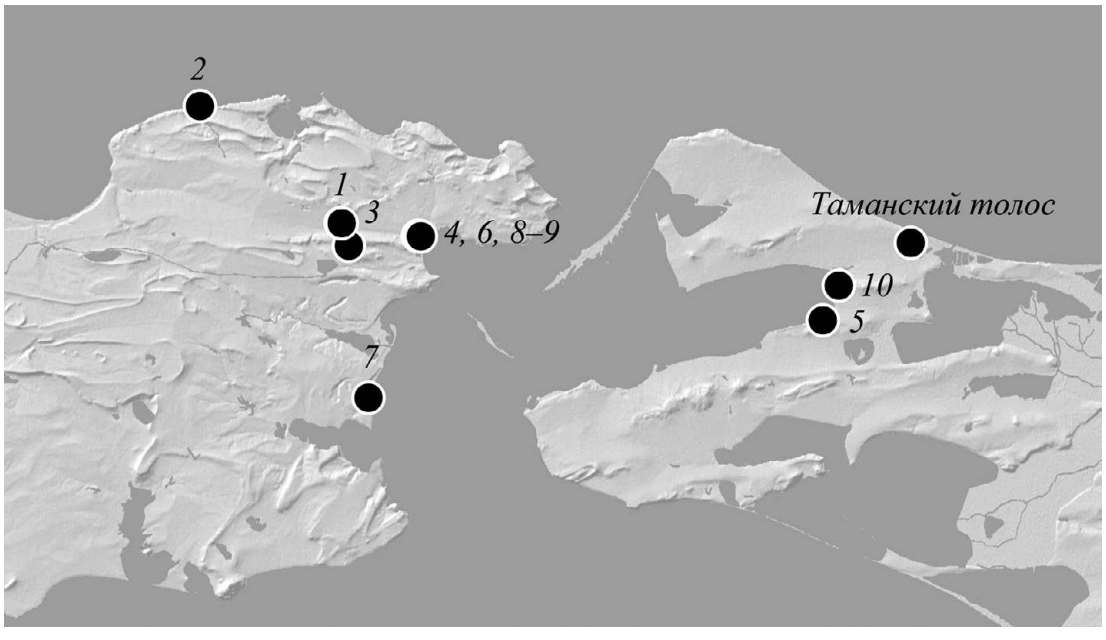

Рис. 5. Карта кладов боспорских медных монет первой четверти III в. до н. э.

рассматриваемого клада имеют хорошую сохранность, что может свидетельствовать об их сравнительно недолгом пребывании в обращении.

Монеты указанного типа выпускались в Пантикапее в начале денежного кризиса на Боспоре, который характеризуется значительно возросшей интенсивностью монетной чеканки, что демонстрируют отчасти описанные выше перечеканенные экземпляры. Большинством нумизматов они датируются первой половиной III в. до н. э. Такая точка зрения была предложена А. Н. Зографом [*Зограф* 1951, 177–178] и поддержана Д. Б. Шеловым [*Шелов* 1956, 108–109]. К. В. Голенко, как было сказано, датировал монеты рассматриваемого типа второй четвертью III в. до н. э. [*Голенко* 1970, 23, № 4]. Сейчас это мнение разделяет С. А. Коваленко [*Коваленко* 2011, 40–41]. Первой четвертью III в. до н. э. датируют данные выпуски М. Г. Абрамзон, а также А. Е. Терещенко [*Терещенко* 2013, 334].

Публикуемый нумизматический комплекс относится к третьей подгруппе боспорских кладов монет периода денежного кризиса, выделенной М. Г. Абрамзоном и Н. А. Фроловой. Всего к этому периоду денежного обращения Боспора относится 81 клад, что составляет больше половины (57%) всех эллинистических депозитов. Комплекс из Таманского толоса характеризует третий этап кризиса, датируемый исследователями временем около 300–275 г. до н. э. [*Абрамзон, Фролова* 2007–2008, 34–35]. Для структуры кладов этого времени, по наблюдениям нумизматов, характерно не только наличие выпусков типа «голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками, но и появление перечеканенных и изготовленных на новых заготовках тяжелых монет типа «голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ». Сегодня, помимо публикуемого, известно 10 кладов монет этого времени, найденных в Восточном Крыму и на Таманском полуострове (СН XI, 64–74, таблица 1, рис. 5).

Таблица 1. Клады боспорских монет 300–275 гг. до н. э.

№ п/п	Место и дата находки	Кол-во монет	Монетный тип	Ссылка
1	Манитра, 2018 г.	24	«Голова бородатого сатира вправо – протома грифона влево, ΠΑΝ» «Голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками «Голова бородатого сатира влево – голова быка в три четверти влево» «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ»	CH XI, 74
2	Генеральское Западное, 1999 г.	370	«Голова бородатого сатира влево – голова быка в три четверти влево» (?) «Голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками (?) «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» (перечеканка)	CH XI, 72
3	Манитра, 2018 г.	62	«Голова бородатого сатира влево – голова быка в три четверти влево» «Голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками	CH XI, 73
4	Керчь, 1869 г.	Около 200	«Голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» «Голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ»	CH XI, 64
5	Окрестности Сенной, 1879 г.	Около 100	«Голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ»	CH XI, 68
6	Керчь, 1879 г.	?	«Голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ»	CH XI, 65
7	Нимфей, 1951 г.	5	«Голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» (перечеканка)	CH XI, 69
8	Керчь, 1879 г.	17	«Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» (перечеканка)	CH XI, 66
9	Керчь, 1910 г.	15	«Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» (перечеканка)	CH XI, 67
10	Юбилейный 1, 1991 г.	35	«Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» «Голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» (перечеканка)	CH XI, 71

Половина из перечисленных в таблице 1 кладов представляют собой небольшие комплексы, содержавшие от 5 до 35 монет, скорее всего, составлявшие содержимое кошельков или небольших шкатулок (табл. 1: 1, 7–10). Четыре клада имеют значительно бóльший размер. Они состоят из 62–370 монет (табл. 1: 2–5). Важно отметить, что аналогичные по составу публикуемому кладу комплексы также невелики и состоят из 15–35 монет (табл. 1: 8–10).

М.Г. Абрамзон в своем недавнем исследовании денежного обращения хоры Боспора определяет рассматриваемый клад как «строительный» и отмечает, что он не может характеризовать полностью «реальную картину денежного обращения», так как представляет собой «выборку из обращения монет определенного номинала» [*Абрамзон* 2025, 82]. С этим можно согласиться лишь отчасти. Клад действительно из-за своего небольшого размера не может отразить целиком структуру денежного обращения региона первой половины III в. до н. э. Между тем сходство его состава с другими нумизматическими комплексами этого времени позволяет ожидать, что он характеризует определенную часть денежной массы, находившейся в обороте в определенный период, из которой были выбраны монеты, сформировавшие рассматриваемый депозит. Это обстоятельство тем более важно в связи с изучением М.Г. Абрамзоном всего комплекса нумизматических находок из раскопок Таманского толоса и резиденции Хрисалиска, и пересмотра с современной точки зрения датировок монет, предложенных К.В. Голенко. В монографии Н.И. Сокольского было отмечено, что древнейшие нумизматические находки с памятника датируются второй четвертью III в. до н. э. [*Сокольский* 1976, 8]. Наблюдения М.Г. Абрамзона показали, что это не так. Самые ранние монеты относятся к тому же типу, что и экземпляры из публикуемого депозита, «голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ». Они составляют 10% от общего количества всех найденных монет, не считая экземпляров из клада (6 монет из 61) [*Абрамзон* 2025, 82].

Необходимо также отметить точное наблюдение М.Г. Абрамзона об особой близости нумизматического комплекса из Таманского толоса и клада, обнаруженного в ходе раскопок усадьбы Юбилейный 1 (СН XI, 71). Действительно, их объединяет практически идентичная композиция и схожий контекст находки.

Клад боспорских монет с Юбилейного 1 в 1991 г. был обнаружен под северной стеной дома, ниже ее основания [*Фролова, Савостина* 1998, 142]. В него входили 35 медных монет Пантикапея типа: «голова безбородого сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ». Большая часть экземпляров была изготовлена из перечеканенных монет типа «голова безбородого сатира влево – голова льва влево, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками с изображением звезды и горита, по меньшей мере четыре монеты отчеканены на новых монетных заготовках[2]. Контекст находки клада позволил Н.А. Фроловой и Е.А. Савостиной поставить вопрос о характере клада, причине его тезаврации и о том, что он мог быть строительной жертвой.

Использование монет в качестве вотивных приношений при закладке здания было широко распространено в разных культурах, начиная с момента появления первых

[2] Монеты представлены в постоянной экспозиции ГМИИ им. А.С. Пушкина, что позволило нам их подробно изучить.

монет в Лидии и древнегреческих полисах Малой Азии в третьей четверти VII в. до н. э. Древнейший известный клад монет, определяющий эту дату, был найден в фундаменте храма Артемиды в Эфесе и является классическим примером использования монет в качестве строительной жертвы [*Kerschner, Konuk* 2020]. Характерным признаком такого нумизматического объекта является его находка в основании стены, в заполнении субструкции либо внутри кладки между камнями первых рядов. С этой точки зрения стратиграфический контекст находки клада из усадьбы Юбилейный 1 позволяет с большой долей уверенности отнести его к категории «строительных».

Описанные выше обстоятельства находки публикуемого клада позволяют предположить, что перед нами такая же строительная жертва. Данное обстоятельство и отмеченное наблюдение М.Г. Абрамзона о дате древнейших нумизматических находок являются основанием для отнесения возведения монументальных строений Таманского толоса ко времени не ранее первой четверти III в. до н. э. и не позднее середины этого столетия, когда из денежного обращения практически исчезают тяжелые монеты публикуемого типа.

Каталог монет из клада, найденного при раскопках Таманского толоса в 1973 г. (СН XI, 70)[3]

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.
О.с. Лук и стрела вправо, внизу ΠΑΝ.
Шелов 1956, 217, № 65, 67, табл. VI. *65, 67*; *Анохин* 1986, 141, № 133, табл. 4. *133*.

№ п/п	Инв. №. Оп. Б	Вес, г	Размер, мм	С.о., ч.	Ссылка	Перечеканка из типа Шелов 1956, № 62
1	1763/774/20	4,41	17–18,5	11	*Шелов* 1956, № 65	
2	1763/774/6	4,42	18–19	6	*Шелов* 1956, № 65	
3	1763/774/8	4,44	19–19,5	8	*Шелов* 1956, № 65	
4	1763/774/16	4,96	20	1	*Шелов* 1956, № 65	
5	1763/774/15	5,68	19–20	1	*Шелов* 1956, № 65	
6	1763/774/12	6,25	19,5–20	8	*Шелов* 1956, № 65	
7	1763/774/5	5,02	20–21	1	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – звезда, о.с. – горит
8	1763/774/4	5,2	20–20,5	7	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – горит, о.с. – звезда
9	1763/774/14	5,55	20,5–21	12	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – звезда
10	1763/774/13	6	19–20	5	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – звезда
11	1763/774/11	6,03	19,5–20,5	11	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: о.с. – звезда
12	1763/774/17	6,26	20–21	2	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – звезда, о.с. – горит
13	1763/774/2	6,29	19–20	?	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: о.с. – звезда
14	1763/774/7	6,31	19–19,5	5	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – горит, о.с. – звезда
15	1763/774/3	6,39	19–20	5	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: о.с. – звезда
16	1763/774/1	6,44	21–22	4	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – звезда, о.с. – горит

[3] Номера каталога соответствуют номерам фотографий монет на рисунке 4.

№ п/п	Инв. №. Оп. Б	Вес, г	Размер, мм	С.о., ч.	Ссылка	Перечеканка из типа Шелов 1956, № 62
17	1763/774/18	6,49	20,5–21	12	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – звезда, о.с. – горит
18	1763/774/19	7,25	20–20,2	5	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – горит, о.с. – звезда
19	1763/774/21	7,36	20–21	2	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – звезда (?)
20	1763/774/9	7,67	21–22	5	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – горит, о.с. – звезда
21	1763/774/10	7,8	19–21	12	*Шелов* 1956, № 67	Перечеканена: л.с. – звезда

Список литературы

А*брамзон* М.Г. 2025. Денежное обращение на хоре Боспора в эпоху эллинизма (Археометрия Причерноморья. 11). СПб., 224.

Абрамзон М.Г., *Фролова* Н.А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.) (БИ. Suppl. 2). Симферополь–Керчь, 872.

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 183.

Б*урачков* П.О. 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 289.

Г*оленко* К.В. 1970. К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э. // НЭ. VIII, 17–23.

Е*горова* Т.В., *Ломтадзе* Г.А. 2025. Ранние материалы из раскопок поселения Румынский 1 (Таманский толос и резиденция Хрисалиска) в коллекции Исторического музея // БФ: Экспорт/импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства. СПб., 686–697.

Ж*уравлев* Д.В., *Ломтадзе* Г.А. 2022. Столовая посуда и светильники из Резиденции Хрисалиска // ДБ. 27, 59–100.

З*ограф* А.Н. 1951 Античные монеты (МИА. 16). М.–Л., 262.

К*оваленко* С.А. 2011. Монеты из раскопок Пантикапея 1976 и 1978–1991 гг. // НЭ. XVIII, 39–61.

С*окольский* Н.И., *Беляев* С.А., *Десятчиков* Ю.М., *Николаева* Э.Я., *Сорокина* Н.П. 1972. Раскопки городища у поселка «За Родину» // АО 1971, 147–149.

Сокольский Н.И. 1973. Архитектурный ансамбль на Таманском полуострове // АО 1972, 145–146.

Сокольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 128.

Сорокина Н.П. 1984. Поселение у поселка «За Родину» // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). М., 86.

Т*ерещенко* А. Е. 2013. Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV – конца III вв. до н. э. // ДБ. 17, 325–344.

П*аромов Я. М.* 2025. Таманский полуостров. 1. Северо-западная часть («Киммерийский остров») (Археологическая карта России). М., 383.

Ф*ролова* Н. А., *Савостина* Е. А. 1998. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1, 140–155.

Ш*елов* Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 221.

K*erschner* M., *Konuk* K. 2020. Electrum Coins and Their Archaeological Context: The Case of the Artemision of Ephesus // White Gold. Studies in Early Electrum Coinage. New York–Jerusalem, 83–190.

L*omtadze* G., *Zhuravlev* D. 2020 Fine Ware from the House of Chrysaliskos (Taman Peninsula, Black Sea Region) // Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Proceedings of the 3rd Conference of IARPotHP. Kaštela, June 2017, 1st – 4th. Wien, 533–554.

Summary

E. Zakharov, G. Lomtadze
A hoard of Bosporan bronze coins of the first quarter of the 3rd century BC from the excavations of Taman Tholos in 1973

The article republishes a coin hoard discovered in 1973 during excavations of a settlement near the village of "Za Rodinu". It contained 21 bronze Bosporan coins. The hoard was discovered in square L1 under the northern wall of the tholos complex's peristyle.

A study of the coins in the complex revealed that they all belong to a single type, depicting on the obverse the head of a beardless satyr wearing an ivy wreath, facing left, and on the reverse a bow and arrow facing right, with the legend ΠΑΝ beneath it. Coins of this type were issued in Panticapaeum at the beginning of the monetary crisis in the Bosporus. The published numismatic complex belongs to the third subgroup of Bosporan coin hoards of the monetary crisis period, identified by M. G. Abramzon and N. A. Frolova. The Taman Tholos complex characterizes the third stage of the crisis, dated by researchers to around 300–275 BC.

Similar hoard of the Bosporan coins was discovered during excavations at the Yubileiny 1 estate in 1991, beneath the northern wall of the building. It included 35 bronze coins of Panticapaeum of the "head of a beardless satyr facing left, bow and arrow, ΠΑΝ" type. The context of the hoard's discovery led N. A. Frolova and E. A. Savostina to speculate that it could have been a foundation deposit. The circumstances of the discovery of the hoard from the Taman Tholos, described here, and the surviving archival materials suggest that this is a similar construction offering. This circumstance allows us to date the construction of the monumental structures of the Taman Tholos no later than the first quarter of the 3rd century BC.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.135-164

А. В. Ковальчук
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Коллекция керамических клейм с поселения на м. Зюк (Зенонов Херсонес)[1]

Городище на м. Зюк находится в 16 км к северо-западу от Керчи, на северо-восточной части относительно небольшого, но ярко выраженного мыса, который является самой северной точкой Керченского п-ова (https://www.archmap.ru № 96). Оно известно с конца XIX века [*Дирин* 1896] и обычно отождествляется с «городком» Зенонов Херсонес Клавдия Птолемея.

Поселение площадью около 0,9 га занимает крайнюю, скалистую, северо-восточную часть мыса, и ограничена с юга небольшим валом и рвом [*Масленников* 1992, 124]. Рельеф памятника сложный, с выступающими скальными выходами, крутыми береговыми обрывами, сильно нарушенный ямами выборки камня XIX века [*Дирин* 1896, 121] и окопами Великой Отечественной войны. Все эти особенности отразились на стратиграфии и сохранности культурных напластований и строительных остатков.

Раскопки поселения (на площади около 2900 м^2) проводились Восточно-Крымской археологической экспедицией Института Археологии РАН под рук. А. А. Масленникова в 1978–1984 годах[2]. Основные участки работ располагались в юго-восточной, центральной и северо-западной частях городища. Древнейшие находки представлены целыми и фрагментированными каменными топорами и кремнёвыми орудиями, которые относятся ещё к эпохе средней бронзы [*Масленников* 1992, 125–127, рис. 5], в античное же время мыс был заселен примерно с середины первой четверти V в. до н. э., хотя есть отдельные фрагменты амфор и расписной посуды, датирующиеся второй половиной VI – началом V в. до н. э. [*Абрамов, Масленников* 1983, 247; 1992, 141; *Масленников, Розов* 1990, 66]. Строений V–IV в. до н. э. почти не сохранилось. Наиболее мощный (9,5–10 м) и насыщенный находками слой классического периода был открыт в районе юго-восточного берегового обрыва (раскоп «Берег»), он представляет собой долговременный зольно-мусорный сброс.

[1] Статья подготовлена в рамках работы по плановой теме «Античность и раннее средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции (№ НИОКТР 126011315524-1).

[2] Автор приносит благодарность А. А. Масленникову за предоставленную возможность работать с материалами раскопок и всяческое содействия при написании данной статьи.

Примерно в конце первой трети III в. до н. э. в юго-восточной части поселение было обнесено мощной (3,2 м толщиной) оборонительной стеной, за которой располагались кварталы жилой застройки эллинистического периода. На остальной части городища (раскоп «Город») были открыты преимущественно строения и горизонты от рубежа эр до третьей четверти VI в. н. э., времени, когда поселение прекращает существование [*Масленников* 1992, 142–144, 150, 167].

Основные категории находок – расписная керамика, монеты, архитектурные детали и фрагменты надписей, граффити и дипинти, терракоты, – опубликованы и подчёркивают особый статус этого самого долговременного и сложного поселенческого объекта Крымского Приазовья.

Коллекция керамических клейм с мыса Зюк относительно невелика и насчитывает 262 клейма на амфорах и два – на боспорской черепице[3]. Она никогда не была объектом специального исследования. Большая часть этого материала происходит из зольного сброса, что ограничивает возможности ее использования для датировки отдельных археологических объектов и памятника в целом.

Гераклейские клейма (34 экз.) частично попали в издание одноименной коллекции Керченского музея [*Федосеев* 2016, № 1, 2, 38, 387, 451, 461, 780, 1064, 1065, 1104, 1133, 1198, 1414, 1418, 1560, 1586, 1787, 1821, 1825, 1908, 2011, 2064, 2127, 2159. 2253, 2319, 2347, 2359, 2557, 2713, 2714, 2715, 2716], еще несколько штампов (14 экз.) были сфотографированы среди материалов Генеральского-Западного и опубликованы онлайн (https://stampsofbosphorus.ru/№ 903–908, 910–913, 1387–1389). Самый ранний хиосский оттиск упоминается в обобщающей статье о городище [*Масленников* 1992, 127, рис. 6. *6*]. Несколько фасосских клейм (7 экз.) из раскопок за 1980 и 1981 гг. И. Гарлан видел в Москве и включил в свой каталог [*Garlan* 1999, № 118, 129, 166, 173, 526, 676, 698]. Впоследствии клейма из него были перенесены в онлайн базу фасосских оттисков (https://thaso.efa.gr/id. 58, 69, 106, 113, 415, 565, 587). Наконец, две находки попали в каталог косских штампов с сельских памятников Крымского Приазовья [*Ковальчук* 2025, 284, № 32, 33].

Таким образом, в разных изданиях опубликовано не более 20% от всего материала. Коллекция керамических клейм с мыса Зюк хранится в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике (ВКИКМЗ)[4]. К сожалению, часть из них (85 экз.[5]) обнаружить в фондах так и не удалось, поэтому их чтение и восстановление проводилось по старым черно-белым фотографиям и данным описи индивидуальных находок.

За последние несколько лет удалось произвести съемку и опубликовать на сайте https://stampsofbosphorus.ru/коллекции керамических клейм с большинства сельских поселений Крымского Приазовья (Чокракский мыс, Полянка, Крутой берег, Бакланья скала, Генеральское Западное, Пустынный берег III, Сююрташ), в связи с чем в нашем распоряжении оказалась весьма представительная база данных, позволяющая нам

[3] По свидетельству А. А. Масленникова, клеймами с мыса Зюк занимались А. С. Голенцов и Н. Ф. Федосеев. Их публикации на эту тему нам неизвестны, датировки и чтения клейм в описях отсутствуют

[4] Автор приносит благодарность Н. В. Быковской за возможность работы с этой коллекцией и Е. В. Болонкиной, взявший на себя труд по подбору материла и проверке инвентарных номеров.

[5] Не были найдены, главным образом, клейма за 1981 г., очевидно, переданные в своё время А. С. Голенцову. Судьба их неизвестна. Несмотря на это, всем им в каталоге был присвоен шифр НВФ

сравнивать набор центров-импортеров и партий товаров и судить о торговых связях памятников Азовского побережья между собой.

Отличительной чертой рассматриваемого собрания является наличие оттисков первой трети IV в. до н. э. (Гераклея, Синопа, Фасос, Менда) и поздних родосских клейм I в. до н. э., которые отсутствуют на других Приазовских поселениях.

В целом, керамические клейма распределяются по центрам производства амфорной тары следующим образом:

Гераклея	124
Синопа	73
Родос	24 (с лагиносами)
Фасос	13
Хиос	6
Аканф	4
Книд	4
Менда	3
Херсонес	3
Кос	2
Неизв. центр	6
Боспор, черепица	2
Всего	264 (экз.)

Хронологически оттиски распределяются следующим образом. Два самых ранних клейма относятся к концу VI – началу V в. до н. э. (Хиос, кат. № 235–236), есть несколько оттисков конца V – начала IV в. до н. э. (Гераклея, кат. № 1, 31, Менда кат. № 249–251). Импорт вина в это период на поселение был случайным[6]. Регулярные поставки продукции в амфорах начинаются только с 90-х гг. IV в. до н. э., 390 по 365 гг. до н. э. основными центрами-импортерами были Гераклея и Фасос. В последующий период до последней четверти IV в. до н. э. к ним добавляется небольшой процент продукции Аканфа (кат. № 241–244). После 330 г. до н. э. ситуация меняется: на смену прежним поставщикам вина приходит Синопа[7], есть небольшое количество клейм Книда и Херсонеса. После середины III в. до н. э. общее поступление товаров в амфорах постепенно снижается. Среди центров-импортеров упомянем Синопу, Родос, Кос и Херсонес. Самые поздние родосские оттиски относятся к 107–88/86 гг. до н. э. (кат. № 212–214). Клейма римского времени отсутствуют.

Отметим также особенности распределения материала по раскопам. Все гераклейские, хиосские, мендейские, аканфские, книдские и фасосские[8] клейма, датирующиеся в пределах конца VI – начала III в. до н. э. происходят с раскопов «Берег» и «Стена». Самые ранние штампы с раскопа «Город» относятся ко времени после 280 г. до н. э. (кат. № 234, 138, 140, 141, 142, 146, 151, 153, 155, 156). Отсюда же («поздний» зольник) происходит подавляющая часть родосских штампов. Эти данные согласуются с датой

[6] Отметим отсутствие анэпиграфных фасосских клейм.

[7] Гераклейские клейма VMГ представлены двумя оттисками, клейма ПФГ отсутствуют. На период с 340 по 250 гг. до н. э. приходится три фасосских клейма

[8] За исключением позднего клейма кат. № 234

возведения оборонительной стены и хронологией раскопанных городских кварталов в центральной части памятника [*Масленников* 1992, 142–144].

Если предположить, что наличие одинаковых штампов свидетельствует о принадлежности сосудов к одной и той же торговой партии, которая могла доставляться на корабле на разные памятники побережья или поступать с мыса Зюк дальше вглубь полуострова, то отметим следующие совпадения.

Наибольшее число клейм одинаковых штампов фиксируется на рассматриваемом городище и усадебном комплексе Генеральское Западное (25 совпадений, кат. № 21, 22, 25, 26, 62, 67, 70, 71, 72, 80, 81, 90, 98, 99, 102, 103, 104, 108, 129, 137, 143, 144, 158, 196, 228, 229, 230, 247). Причем эти совпадения относятся ко всему периоду с конца V по середину III в. до н. э., что говорит о постоянных торговых связях между этими двумя пунктами.

Торговые связи с другими поселениями Караларского побережья фиксируются лишь эпизодически. Для периода с конца V по начало IV в. до н. э. – с поселением Чокракский мыс (2 экз., кат. № 9, 49) и Сююрташ (кат. № 21, 22); для первой половины IV в. до н. э. – с «Генеральским-Западным, юго-западный склон» (кат. № 84, 100) и Бакланья скала (кат. № 99). В первой половине III в. до н. э. какие-то контакты были с усадьбой Бакланья скала (кат. № 140, 144, 147, 148, 149, 150), с поселениями «Крутой берег» (кат. № 144) и «Полянка» (кат. № 151). Во второй половине столетия редкие связи сохраняются с городищами Сююрташ (кат. № 171, 172, 178) и Полянка (кат. № 151).

КАТАЛОГ

ЧАСТЬ 1. ГЕРАКЛЕЯ[9]

Клейма в каталоге распределены по центрам производства, которые располагаются в соответствии с количеством находок. Внутри этих блоков оттиски приведены в хронологической и алфавитной последовательности, что продиктовано стремлением понять распределение материала по отдельным периодам.

Для каждого клейма приводится указание на год находки, полевой шифр, номер полевой описи, место хранения, инвентарные номера.

Сокращения:

ВКИКМЗ – Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник

КП – Книга поступлений

ККК – Керчь. Клейменная керамика

НВФ – Научно-вспомогательный фонд

Шифры, выделенные курсивом, взяты из монографии Федосеева [*Федосеев* 2016].

Система скобок:

[] – восстановление несохранившейся части легенды

() дополнение сокращения

{} – ошибочно написанные резчиков буквы

< > – восстановление правильно написанных букв

[9] Каталог из-за большого объема будет опубликован в двух частях: первая включает клейма Гераклеи, вторая – остальных центров (Синопа, Родос, Фасос, Хиос, Аканф и др.).

Конец V – начало IV в. до н. э. [*Кац* 2007, 429, РФГ]

Ἀγάθων

1 Ἀγάθ-
ωνος

1977 г. (ВКИКМЗ, КП-6497, ККК-8968)

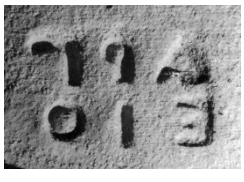
Аналогия: IosPE III № 1201-1205 (Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Порфмий); Федосеев 2016, 216, № 2009-2010 (Нимфей, Порфмий); Кац, 2015, № 2214 (Семибратнее)

Публикация: Федосеев 2016, 216, № 2011

Примечание: происхождение клейма с поселения на м. Зюк, вероятно, ошибочно. В описи такой оттиск не значится.

Ἀργεῖος

2-4 Ἀργ-
είο

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 84 (ВКИКМЗ, НВФ); 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 24, оп. № 99 (ВКИКМЗ, НВФ); 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 29, оп. № 257 (ВКИКМЗ, НВФ)

Аналогия: IosPE III № 1238-1249 (Тира, Ольвия, Керкинтила, курган Кара-Киат); Федосеев 2016, 219, № 2037-2039 (Мирмекий, Героевка, Китей)

Ἀριστίππος

5 Ἀρι[στί-]
ππο

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 22, оп. № 34 (ВКИКМЗ, НВФ)

Аналогия: Федосеев 2016, 220, № 2043-2045 (Пантикапей, Китей)

6-7 Ἀριστίπ-
πο

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 26, оп. № 156 (ВКИКМЗ, НВФ); 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 26, оп. № 166 (ВКИКМЗ, НВФ)

Аналогия: IosPE III № 1269-1271 (Пантикапей, Елизаветовское, Семибратнее); Федосеев 2016, 220, № 2048-2053 (Салачик, Китей)

8 Ἀρίσ[τι-]
ππο[ς]

1979 г., раскоп Берег, кв. 15б, шт. 13, оп. № 312 (ВКИКМЗ, КП-45311, ККК-10809)
Аналогия: Федосеев 2016, 220, № 2047 (Пантикапей)
Публикация: Федосеев 2016, 221, № 2064, Федосеев читает Ἀρίστ-| ωνος, неверно указан 1980 год

Ἀρχέλας

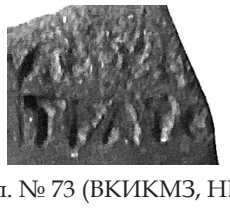
9 Ἀρχ-
έλα

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 74 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1300-1346 (Тира, Ольвия, Керкинитида, Херсонес, Пантикапей, Мирмекий); Федосеев 2016, 222, № 2070-2089 (Китей, Нимфей, Мирмекий, Пантикапей, мыс Чокрак)

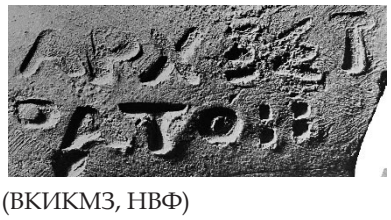
Ἀρχεστράτος I

10 [Ἀρχεσ-]
τράτο

1983 г., раскоп Берег, случайная находка, оп. № 73 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1347 (Ольвия, Керкинитида); Федосеев 2016, 223, № 2098-2101 (Китей, Пантикапей)

11 Ἀρχεστ-
ράτο четыре точки

1984 г., раскоп Город, кв. 5, шт. 2, оп. № 288 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: новый штамп

Ἀφαιστίων

12 Ἀφαι[σ-]
τίων

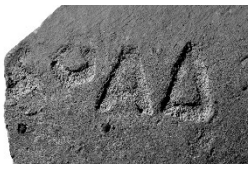

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 88 (ВКИКМЗ, НВФ)

Аналогия: IosPE III № 1358-1362 (Каменское городище, Феодосия, Фанагория); Федосеев 2016, 223, № 2102-2112 (Китей, Мирмекий, Пантикапей, Порфмий)

Δᾶος

13 Δᾶος
retro

1979 г., раскоп Берег, кв. 15б, шт. 10, оп. № 285 (ВКИКМЗ, КП-45312, ККК-10810)
Аналогия: IosPE III № 1394-1397 (Сазоновка, Парфений); Федосеев 2016, 228, № 2154-2161 (Пантикапей, Китей, Нимфей)
Публикация: Федосеев 2016, 228, № 2159, неверно указан 1980 год

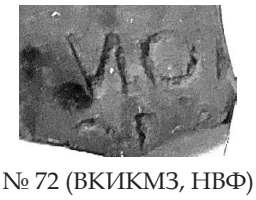
14 Δᾶ(ος)? или Σ[]?
retro

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 30, оп. № 274 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечание: чтение клейма и его датировка неясна. Помещено в эту группу предположительно

Διονύσιος

15 [Δι]ον-
[υ]σίο
retro

1983 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 2, оп. № 72 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 229, № 2180-2181 (Китей, Нимфей)

16 Διο[ν-]
υ[σίο]
retro

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 142 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 229, № 2178 (Мирмекий)

Εὐρύδαμος

17 [Εὐρυ-]
[δ]άμο

1983 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 1, оп. № 76 (ВКИКМЗ, НВФ)

Аналогия: IosPE III № 1534-1556 (Ольвия, Керкинитида, Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Елизаветовское городище, Таманский п-ов); Федосеев 2016, 235, № 2276-2285 (Китей, Порфмий, Мирмекий, Бондаренково, Заветное 5)

18 Εὐρυδ-
άμο

1981 г., раскоп Берег, кв. 17а, шт. 16, оп. № 60 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1563-1569 (Керкинитида, Феодосия, Нимфей, Ушколка на Днепре); Федосеев 2016, 235, № 2286-2295 (Китей, Золотое, Порфмий)

Θεόξενος

19 Θεο[ξ-]
ένο

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 127 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1640-1644 (Тира, Ольвия); Федосеев 2016, 240, № 2339-2343 (Мирмекий, Пантикапей, Героевка)

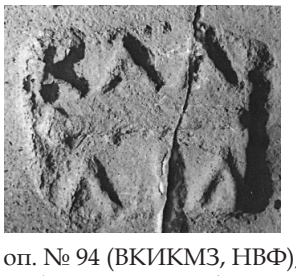
Καλλίας

20 Κα[λ-]
λία
начало в нижней строке,
бустрофедон

1979 г., раскоп Берег, кв. 15, шт. 14, оп. № 126 (ВКИКМЗ, КП-45327, ККК-10825)
Публикация: Федосеев 2016, 242, № 2359, неверно указан 1980 год

21-22 Καλ-
палица вправо
λία

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 24, оп. № 94 (ВКИКМЗ, НВФ);
1983 г., раскоп Берег, кв. 15-16а, шт. 5, оп. № 69 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1671-1690 (Ольвия, Керкинитида, Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Фанагория); Федосеев 2016, 242, № 2360-2377 (Китей, Нимфей, Мирмекий, Генеральское-Западное); https://stampsofbosphorus.ru/ № 888 (Сююрташ)

Ὄνασος

23-24 [Ὀ]νάσ[ο]

1981 г., раскоп Берег, кв. 17а, шт. 19, оп. № 73 (ВКИКМЗ, НВФ); 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 146 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1760-1772 (Марицыно, Ольвия, Херсонес, Нимфей, Пантикапей, Мирмекий); Федосеев 2016, 247, № 2415-2419 (Нимфей, Мирмекий, Героевка)

Σιλανός

25-26 [Σ]ιλά-
νο

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 29, оп. № 259 (ВКИКМЗ, НВФ); 1983 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 1, оп. № 71(ВКИКМЗ, НВФ) – м. б. другой штамп
Аналогия: IosPE III № 1813-1822 (Феодосия, Порфмий, Никоний, Херсонес, Ольвия, Керкинитида); Федосеев 2016, 250, № 2438-2443 (Китей, Нимфей, Генеральское-Западное)

Στασίχορος

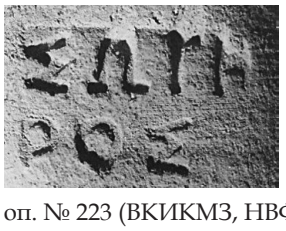
27 Στ[ασι-]
палица
[χόρο]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 86 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечание: предположительное восстановление, штамп неясен

Σωτήρ I

28 Σωτῆ-
ρος

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 28, оп. № 223 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1878-1880 (Ольвия, Феодосия, Пантикапей); Федосеев 2016, 253, № 2504-2509 (Мирмекий, Нимфей, Китей)

29-30 τή[ρ]
Σω-
снизу вверх, retro

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 21, оп. № 26 (ВКИКМЗ, НВФ); 1981 г., раскоп Берег, кв. 17а, шт. 16, оп. № 66 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1871-1877 (Ольвия, Тиритака, Пантикапей); Федосеев 2016, 254, № 2510-2522 (Пантикапей, Китей, Салачик, Мысовое, Нимфей)

Τιμάσανδρος

31 Τιμασάνδρο
по кругу, в центре звезда

1980 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 27. оп. № 91 (ВКИКМЗ, КП-64314, ККК-12007).
Аналогия: Федосеев 2016, 254, № 2526

Ὠφελίων

32 [Ὠ]φε-
[λίωνος]

1979 г., раскоп Берег, кв. 15, шт. 12, оп. № 289 (ВКИКМЗ, КП-45326, ККК-10824)
Публикация: Федосеев 2016, 258, № 2557
Примечание: сомнительное чтение

390-е гг. до н. э. [*Кац* 2007, 429, I МГ]
Магистратские клейма

Ἀριστοκλῆς

33 ἐπ᾽ Ἀρ[ι-]
στο[κλέος]
[]?

1983 г., раскоп Берег, кв. 15-16а, б, шт. 4, оп. № 74 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: штамп неясен

34 [Ἀρι]στο-
[κλῆ]ς Δ[ι-]
[ονυσίο]

1979 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 16, оп. № 271 (ВКИКМЗ, КП-45319, ККК-10817)
Аналогия: IosPE III № 539-542 (Ольвия, Каменское городище)
Публикация: Федосеев 2016, 126, № 1064; Колесников, 2023, 243, № 1064.
Федосеева читает Ἀριστο-/ κλῆς Κ-/ όα палица

35 [Ἀρ]ιστοκ[λῆς]
[Εὐ]ρυδά[μο]

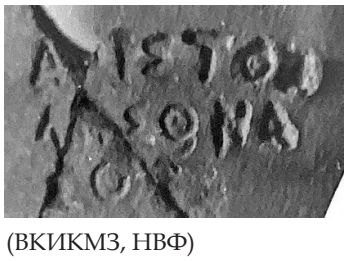
1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 30, оп. № 279 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 543-544 (Керкинитида, Феодосия)

36 [Θ]εοξέν-
ο Ἀριστο-
[κ]λέο[ς]

1980 г., раскоп Берег, кв. 16а, шт. 17, оп. № 97 (ВКИКМЗ, КП-64315, ККК-12008)
Аналогия: Федосеев 2016, 170, № 1559-1564 (Южно-Чурубашское, Порфмий, Китей)
Публикация: Федосеев 2016, 170, № 1560

37 Ἀ[ρ]ιστοκ-
λ[ῆ]ς Ὀνά-
σο

1983 г., раскоп Берег, кв. 16б, шт. 3, оп. № 75 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 555-557 (Ольвия, Пантикапей, Мирмекий)

38 [Ἀριστο]κλῆ-
[ς Πυρων]ίδα

1983 г., раскоп Берег, кв. 15а-16аб, шт. 1, оп. № 78 (ВКИКМЗ, КП-103227, ККК-13439)
Аналогия: IosPE III № 558-560 (Керкинитида, Мирмекий, Порфмий)
Публикация: Федосеев 2016, 127, № 1065; Колесников 2023, 243, № 1065. Федоссеев читает Ἀριστο-/ κλῆς Κ-/ όα палица.

ΘΕ(---)

39 Εὐκ
Θε(---)
retro

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 24, оп. № 122 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечания: ΘΕ перпендикулярно другой строке, возможно также чтение Εὐκ[λείων] Θε[ομ(ένεος)]

ΙΑ(---)

40 Δαμα-
τρίο Ἰα(---)

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 29, оп. № 241 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 622-632 (Марицыно, Ольвия, Пантикапей); Федосеев 2016, 138, № 1153-1168 (Нимфей, Мирмекий, Китей, Тиритака, Феодосия)

41 Εὐπ[άνων]
ἐ[φ᾽ Ἰα(---)]
retro

1980 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 19, оп. № 31 (ВКИКМЗ, КП-64307, ККК-12000)
Аналогия: IosPE III № 622-632 (Марицыно, Ольвия, Пантикапей); Федосеев 2016, 68, № 385-388 (Пантикапей, Китей)
Публикация: Федосеев 2016, 68, № 387. Неверно указан 1980 год и № 19 описи

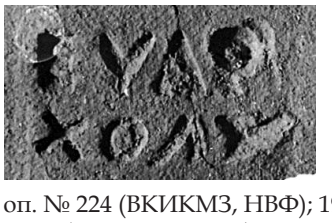
ΛΥ(---)

42 Διονυ-
σίο. Λ[υ(---)]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 30, оп. № 280 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 700-703 (Марицыно, Пантикапей)

43-44 **Εὐάρ-**
χο. Λυ(---)

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 29, оп. № 224 (ВКИКМЗ, НВФ); 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 193 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 748 (Пантикапей)

45 [Τε]λέσ-
[τα. Λυ(---)]
ретроградная сигма

1980 г., раскоп Берег, кв. 17а-18а, зачистка пола, оп. № 89 (ВКИКМЗ, КП-64313, ККК-12006)
Аналогия: Федосеев 2016, 210, № 1955

Публикация: Федосеев 2016, 277, № 2714; Колесников 2023, 262, № 2714 читает Τελέσ-/ τα Λ[]

Примечание: восстановление и датировка сделаны по аналогии с клеймом IosPE № 1116 с легендой Τελέσ-/ τα. Πα. Ретроградная сигма

46 [Π]υθοδ-
ότο Λυ(---)

1981 г., раскоп Берег, кв. 17а, шт. 18, оп. № 78 (ВКИКМЗ, НВФ)

Аналогия: IosPE III № 1063-1064 (Ольвия, Феодосия); Федосеев 2016, 199, № 1859-1860 (Китей, Мирмекий)

Ὀρθεσίλας

47 ‘Ορθε- [Ἀ]ργ-
σίλα [ε]ίο

1979 г., раскоп Берег, кв. 16, шт. 19, оп. № 191 (ВКИКМЗ, КП-45323, ККК-10821)

Аналогия: Федосеев 2016, 195, № 1824 (Пантикапей)

Публикация: Федосеев 2016, 195, № 1825. У Федосеева неверно указан 1980 год, цветок рядом с клеймом отсутствует

Примечание: наложено два штемпеля рядом, перпендикулярно друг другу, рядом - дипинто Е

48 Ὀνάσο
Ὀρθε-
σίλα

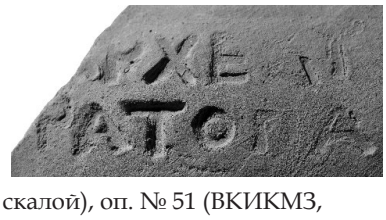

1979 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 15, оп. № 242 (ВКИКМЗ, КП-45308, ККК-10806)

Публикация: Федосеев 2016, 194, № 1821. У Федосеева неверно указан 1980 год

ΠΑ(---)

49 [Ἀ]ρχεστ-
ράτο Πα(---)

1980 г., раскоп Берег, кв. 17а-18а, шт. 9 (под скалой), оп. № 51 (ВКИКМЗ, КП-64310, ККК-12003)

Аналогия: Федосеев 2016, 131, № 1105 (мыс Чокрак)

Публикация: Федосеев 2016, 131, № 1104

50 [Εὐ]ά[ρ-]
χο Πα(---)

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 28, оп. № 211 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 755-763 (Ольвия, Каменское городище, Херсонес, Пантикапей); Федосеев 2016, 1389-1394 (Пантикапей, Китей)
Примечание: возможно, в нижней строке стоит По

51 П[ορο]
Πα(---)

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 26, оп. № 165 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Кац 2015, № 2206 (Семибратнее); Федосеев 2016, 198, № 1856 (Китей)

PA(---)?

52 Πυ(---)
Ρα(---)
в круге

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 134 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечание: относительно датировки и имени магистрата ср. Федосеев 2016, 199, № 1858

IEN(---)? ΛEY(---)?

53 IEM?
Ἀρχεσ-
τράτ[ο]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 22, оп. № 37 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечание: два штампа, имя Архестрата как у Федосеева 2016, 223, № 2098-2101 (Китей, Пантикапей). Имя магистрата неясно.

Магистрат неясен

54 [Διονυ-]
σίο. []

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 196 (ВКИКМЗ, НВФ)

55 Διον[υ-]
σίο. Δ[ίο]?

1983 г., раскоп Город, кв. К6, прокоп, оп. № 64 (ВКИКМЗ, НВФ)

Фабрикантские клейма

Ἀρτώνδας

56 [Ἀ]ρτώ-
ν<ι>δα

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 24, оп. № 104 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 222, № 2066

Διονύσιος

57 [Δι]ο-
νυσ-
[ίο]
треугольное

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 28, оп. № 220 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 231, № 2202-2206 (Китей, Пантикапей)

380–370-е гг. до н. э. [*Кац* 2007, 429, II МГ]
Магистратские клейма

Αἰθήρ

58 Δα[μοφῶν]
ἐπ’[Αἰθέρος]

1979 г., раскоп Берег, кв. 15б, шт. 14, оп. № 315 (ВКИКМЗ, КП-45316, ККК-10814)
Аналогия: Федосеев 2016, 41, № 35-37 (Китей, Мирмекий)
Публикация: Федосеев 2016, 41, № 38

Ἀλκέτας

59 [Ἀγάθω]ν
[ἐπ]ὶ Ἀλκέτα

1981 г., раскоп Берег, кв. 16б-17б, шт. 21-22, оп. № 67 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 44, № 80-84 (Нимфей, Мирмекий, Порфмий)

60 Ἀγάθων
ἐπὶ Ἀλκέτα

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 130 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 44, № 85-90 (Нимфей, Китей, Мирмекий, Порфмий)

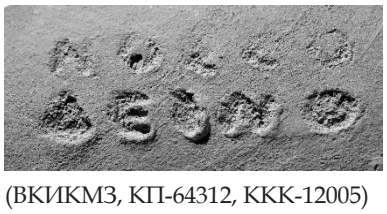
61 Μαλία
Ἀλκέτ[α]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 29, оп. № 253 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 947, 948, 948а (Пантикапей); Федосеев 2016, 181, № 1682-1684 (Пантикапей, Мирмекий, Нимфей)

Δεινόμαχος

62 Νόσσο
Δεινο(μάχου)

1980 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 25, оп. № 87 (ВКИКМЗ, КП-64312, ККК-12005)
Аналогия: IosPE III № 1015-1018 (Мирмекий, Фанагория); Федосеев, 2016, 191, № 1782-1793 (Генеральское-Западное, Пантикапей, Китей, Нимфей, Мирмекий)
Публикация: Федосеев 2016, 191, № 1787

Εὐγετίων

63 [Πασιά]δα
ἐπ’ Εὐγετ(ίωνος)
retro

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 28, оп. № 230 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 66, № 354 (Китей)

Керкίνος

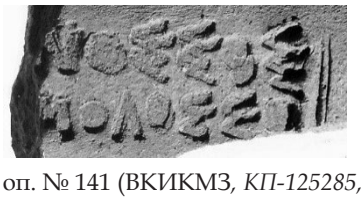
64 палица вверх
Δέ(ρ)κετ[ος]
[ἐπὶ Κερκίνο]
треугольное, retro

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 29, оп. № 271 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 248, 248α, 249 (Ольвия, Пантикапей); Федосеев 2016, 77, № 494 (Нимфей)

Μολοσσός

65 Νόσσος
Μολοσσῦ

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 141 (ВКИКМЗ, *КП-125285, KKK-15410*)
Аналогия: IosPE III № 1026; Федосеев 2016, 1800-1806 (Китей, Нимфей).
Публикация: Федосеев 2016, 1806. У Федосеева клеймо ошибочно отнесено к поселению Генеральское-Западное
Примечание: наложено со сдвигом штемпеля вверх

Στύφων

66 [Ἀρι]στίππος
[ἐπὶ Σ]τύφωνος

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 85 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 406 (Пантикапей); Федосеев 2016, 105, № 825-831 (Китей, Пантикапей, Мирмекий)

Фабрикантские клейма

Δέξιππος

67 [Δεξί]πο
[гроздь] лист

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 24, оп. № 96 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 228, № 2163 (Генеральское-Западное)

Δέρκετος

68 Δερκ[έ]
палица
τος

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 21, оп. № 42 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: новый штамп?

Ἡρακλείδας

69 Ἡρακ-
[λ]έδα

1979 г., раскоп Берег, кв. 12, шт. 13, оп. № 183 (ВКИКМЗ, КП-45325, ККК-10823);
Аналогия: Федосеев 2016, 238, № 2317-2322 (Нимфей, Мирмекий, Салачик)
Публикация: Федосеев 2016, 238, № 2320

Φίλων

70 Φίλ[ων]

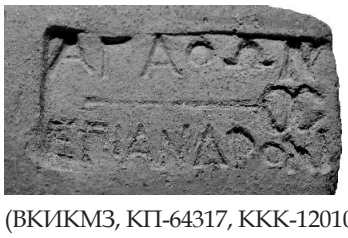

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 192 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1910-1912 (Пантикапей, Мирмекий); Федосеев 2016, 256, № 2543-2546 (Андреевка Западная, Генеральское-Западное, Китей)

360-350-е гг. до н. э. [*Кац* 2007, 429, III МГ]
Магистратские клейма

Ἀνδρόνικος

71-72 Ἀγάθων
ἐπὶ Ἀνδρονί(κου)

1980 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 23, оп. № 141 (ВКИКМЗ, КП-64317, ККК-12010);
1983 г., раскоп Берег, кв. 16б, шт. 3, оп. № 70 (ВКИКМЗ, НВФ).
Аналогия: Федосеев 2016, 47, № 135-137 (Китей, Генеральское-Западное)
Публикация: Федосеев 2016, 47, № 134

Εὐθύρρης

73 [Σατυρίς(κο)]
[гроздь]
[Εὐθύρρ]η(ς)

1979 г., раскоп Берег, кв. 16, шт. 14, оп. № 139 (ВКИКМЗ, КП-45322, ККК-10820)
Аналогия: IospE III № 1195; Федосеев 2016, 200, № 1869-1872 (Порфмий, Мирмекий)

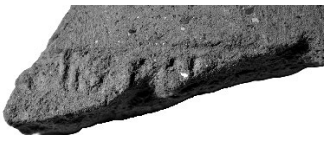
Καλλίας

74-75 [ἐπὶ Κ]αλλί[α]
[Διο]νυσίο

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 75 (ВКИКМЗ, НВФ); 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 21, оп. № 24 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 71, № 422 (Мирмекий).

76 [ἐπ]ὶ Καλλία
[]

1979 г., раскоп Берег, кв. 15, шт. 14, оп. № 128 (ВКИКМЗ, КП-45317, ККК-10815)
Публикация: Федосеев 2016, 73, № 451. У Федосеева неверно указан 1980 год.

Καρακύδης

77 Δα[μοφῶν]
[ἐπὶ Καρα-]
[κύδε]ος
вокруг грозди

1979 г., раскоп Берег, кв. 15б, шт. 10, оп. № 284 (ВКИКМЗ, КП-45320, ККК-10818)
Аналогия: Федосеев 2016, 74, № 455-458 (Героевка II, Китей, Мирмекий)
Публикация: Федосеев 2016, 74, № 461. У Федосеева неверно указан 1980 год, легенда прочитана как Δέξιππος ἐπὶ Καρακύδε]ος вокруг грозди

78 [ἐπὶ Καρακύδε]ος
[]ας
вокруг грозди

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 64 (ВКИКМЗ, НВФ)

Λύκων

79 [Τυ]δεύς
[ἐπὶ] Λύκω(νος)

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 22, оп. № 36 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE № 319 (Пантикапей); Федосеев 2016, 88, № 644-649 (Пантикапей, Тиритака, Мирмекий)

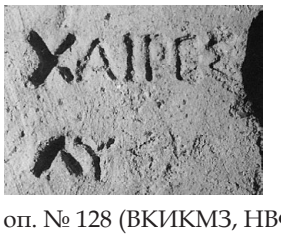
Λυσίθεος

80 [Εὔπ]ορος
гроздь влево
[Λυσιθ]έ(ο)

1979 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 16, оп. № 264 (ВКИКМЗ, КП-45314, ККК-10812)
Аналогия: IosPE № 319 (Пантикапей); Федосеев, 2016, 157, № 1411-1416 (Пантикапей, Китей, Генеральское-Западное)
Публикация: Федосеев 2016, 157, № 1414

81 Χαίρέσ[ιος]
[гроздь влево]
Λυσι[θέ(ο)]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 128 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 213, № 1983-1984 (Генеральское-Западное, Мирмекий)

Σκύθας

82 [Ἄτ]της
гроздь
ἐπὶ Σκύ(θα)

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 135 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: новый штамп?

83 []
Σκύθ[α]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 21, оп. № 7 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечания: имя фабриканта неясно

84 [Σ]κύθας
гроздь влево
[Μα]λάκων

1980 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 19, оп. № 32 (ВКИКМЗ, КП-64308, ККК-12001)
Аналогия: IosPE III № 1091-1092 (Пантикапей); Федосеев 2016, 205, № 1907-1911 (Генеральское ю-з склон, Пантикапей, Героевка II)
Публикация: Федосеев 2016, 205, № 1908

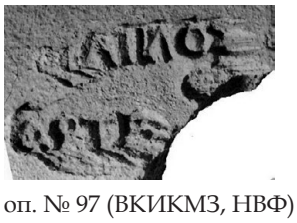
85 []ο
Σκύ[θα]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 24, оп. № 121 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечания: имя фабриканта неясно

Φιλῖνος

86 Φιλῖνος
Ἀρτε(---) гроздь

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 24, оп. № 97 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: IosPE III № 1120 (Елизаветовское); Федосеев 2016, 211, № 1960 (Китей)
Публикация: https://stampsofbosphorus.ru № 1387; Федосеев 2016, 211, № 1959

87 Εὐπ[ορος]
гроздь влево
Φιλῖνος

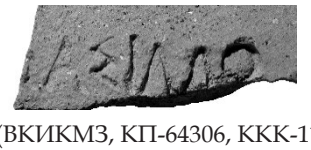

1979 г., раскоп Берег, кв. 14, шт. 16, оп. № 270 (ВКИКМЗ, КП-45309, ККК-10807)
Публикация: Федосеев 2016, 157, № 1418; Колесников 2023, 248-249, № 1418

конец 350–330-е гг. до н. э. [*Кац* 2007, 429, IV МГ]
Магистратские клейма

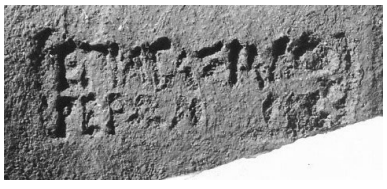
Ἀγασίλλος

88 [ἐπὶ Ἀγ]ασίλλο
канфар вправо
[Ἡρακλείδα]

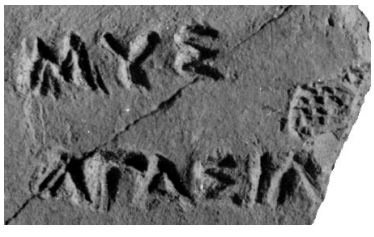
1980 г., раскоп Берег, кв. 17а, шт. 6, оп. № 30 (ВКИКМЗ, КП-64306, ККК-11999)
Аналогия: Федосеев, 2016, 38, № 3 (Китей)
Публикация: Федосеев 2016, 38, № 2. У Федосеева ошибка в номере описи (№ 6)

89 ἐπὶ Ἀγασίλλο
канфар
Γέρων

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 210 (ВКИКМЗ, *КП-125287, KKK-15412*)
Публикация: Федосеев 2016, 38, № 1

90 Μῦς
гроздь
Ἀγασ[ιλ(---)]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 189 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 186. № 1741-1743 (Генеральское-Западное)

Ἀμφίτας

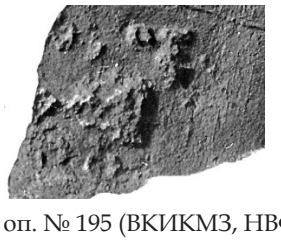
91 [Ἡρακλ]ίδα
[Ἀμ гроздь φίτ(α)]
retro

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 29, оп. № 79 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 162, № 1449 (Героевка II)

Ἀπολλώνιος I

92 [Ἀπολλώ]νιος
канфар?
[]по?

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 195 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечание: предположительное чтение

Δαμάτριος

93 Βοτά[χο]
Δαμα[τρίο]

1979 г., раскоп Берег, кв. 15б, шт. 14, оп. № 375 (ВКИКМЗ, КП-45313, KKK-10811)
Публикация: Федосеев 2016, 135, № 1133. У Федосеева вставлена другая фотография, неверно указан 1980 год

Εὐρυφῶν

94-96 Εὐρ полумесяц и овал (глаз) вписаны в В

1979 г., раскоп Берег, кв. 15б, шт. 14, оп. № 313 (ВКИКМЗ, КП-45318, ККК-10816);
1979 г., раскоп Берег, кв. 15б, шт. 13, оп. № 314 (ВКИКМЗ, КП-45315, ККК-10813);
1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 194 (ВКИКМЗ, НВФ)
Публикация: Федосеев 2016, 224, № 2127, 2715 (не восстановлен). У Федосеева неверно указан 1980 год

Ἡρακλείδας

97 [Σα]τυρί[σ(κου)]
[кратер] Ἡρακ[λε(---)]

1981 г., раскоп Берег, кв. 16а, шт. 18-19, оп. № 47 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 201, № 1873-1874 (Мирмекий, Китей)

Θεώνιχος

98 Θεώ[ν(ιχος)]
лист
Α[ἰσιμι(---)]

1979 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 17, оп. № 275 (ВКИКМЗ, КП-45310, ККК-10808)
Аналогия: Федосеев 2016, 171, № 1585-1589 (Китей, Генеральское-Западное); https://stampsofbosphorus.ru/ № 1815, 2275 (Генеральское-Западное)
Публикация: Федосеев 2016, 171, № 1586. У Федосеева неверно указан 1980 год

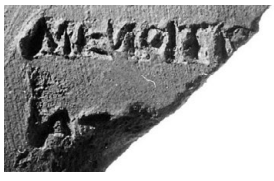
99 [Ἡρακλεί(δας)]
палица
Θε[ώνιχος]

1979 г., раскоп Берег, кв. 15, шт. 14, оп. № 125 (ВКИКМЗ, КП-45324, ККК-10822)
Аналогия: Федосеев 2016, 164, № 1475-1478 (Пантикапей, Генеральское-Западное, Бакланья скала)
Публикация: Федосеев 2016, 241, № 2348; Колесников 2023, 258, № 2348. У Федосеева ошибочно указан 1980 год, чтение ΘΕΥ/ Τ, в указателе по памятникам неверно приведен № 2347

Μενοίτιος

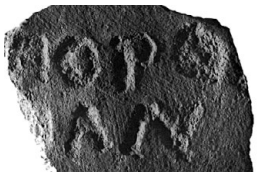
100 Μενοίτιο[ς]
[канфар]
Ἀ[πολλώνιος]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 139 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 183, № 1693-1696 (Мирмекий, Генеральское ю-з склон)
Примечание: ν ретроградная

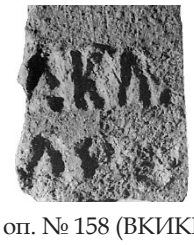
Σιλανός

101 [Εὔπ]ορος
[Σιλ]αν(ός)

1981 г., раскоп Берег, кв. 15а, 16аб, 17а, шт. 26, оп. № 155 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 157, № 1417 (Ближнее 1)

102 [Ἡρ]ακλε[ίδας]
[Σιλα]νός [гроздь]

№ 77

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 26, оп. № 158 (ВКИКМЗ, НВФ); 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 77 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 167, № 1520-1521 (Генеральское-Западное)

103 [Ἰστιεί]ου ἐ-
[πὶ Σιλ]ηνο

1980 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 22, оп. № 53 (ВКИКМЗ, КП-64311, ККК-12004)
Аналогия: Федосеев 2016, 100, № 778-781 (Китей, Генеральское-Западное)
Публикация: Федосеев 2016, 100, № 780

Σπίνταρος

104 [Βοσ]τρ[ύ(χο)]
палица
[Σπι]νθ(άρο)

1980 г., раскоп Берег, кв. 14а, шт. 22, оп. № 50 (ВКИКМЗ, КП-64309, ККК-12002)
Аналогия: Федосеев 2016, 141, № 1124-1127 (Мирмекий, Генеральское-Западное)

Публикация: Федосеев 2016, 141, № 1198; Колесников 2023, 244, № 1124-1126

105 Σπινθά(ρο)
палица
Ἡρακλε(---)

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 29, оп. № 229 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 207, № 1920 (Порфмий)
Публикация: https://stampsofbosphorus.ru/ № 1389; Федосеев 2016, 207, № 1919. У Федосеева неверно указан 1980 год и поселение Генеральское-Западное

Имя магистрата не восстановлено

106 [Ἀστ]έας
виноградная гроздь
[]ος

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 26, оп. № 157 (ВКИКМЗ, НВФ)

Фабрикантские клейма

Ἡρακλ(ε)ίδας

107 Ἡρ сосуд α
κλ ίδα
retro

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 20, оп. № 28 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: новый штамп

320–300-е гг. до н. э. [*Кац* 2007, 429, V МГ]
Магистратские клейма

Ἀπολλώνιος 2

108 [Ἀρί]στώ[νο(ς)]
[ἐπὶ Ἀπολλω(νίου)]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 29, оп. № 256 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 52, № 180-188 (Южно-Чурубашское, Генеральское-Западное, Мирмекий, Пантикапей)

Κρόνιος

109 Διονυσίο
ἐπὶ Κρονίο

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 20, оп. № 44 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогия: Федосеев 2016, 80, № 535-537 (Китей, хора Феодосии)

Анэпиграфные

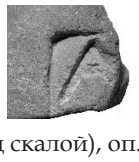
110 пальметта

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 129 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечание: ср. Федосеев 2016, 260, № 2593-2595

Неопределенные

111 Ἀ[]
[]

1980 г., раскоп Берег, кв. 17а-18а, шт. 17 (под скалой), оп. № 103 (ВКИКМЗ, КП-64316, ККК-12009)
Публикация: Федосеев 2016, 277, № 2713
Примечания: следы желтой краски

112 ἐπ[ι]
[]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 24, оп. № 103 (ВКИКМЗ, КП-64316, ККК-12009)

113 Δ[]
ἐπ[ι]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 20, оп. № 6 (ВКИКМЗ, НВФ)

114 []ει
крестовидное?

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 21, оп. № 20 (ВКИКМЗ, НВФ)

115 М[]
ἐπ Ἀ[]
retro

1981 г., раскоп Берег, бровка между кв. 15-16, оп. № 23 (ВКИКМЗ, НВФ)

116 []ος
виноградная гроздь?
[]ος?

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 87 (ВКИКМЗ, НВФ)

117 Κα[]
[]συν[]?
крестовидное

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 28, оп. № 221 (ВКИКМЗ, НВФ)

118 []
[]ιος

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 29, оп. № 264 (ВКИКМЗ, НВФ)

119 []
Ἀ[]

1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб, шт. 30, оп. № 275 (ВКИКМЗ, НВФ)

120 []ο Ἀρι-
[]

1983 г., раскоп Берег, кв. 16б, шт. 2, оп. № 77 (ВКИКМЗ, НВФ)

Клейма, фотографии которых не найдены

121-124 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 23, оп. № 90; 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 25, оп. № 140; 1981 г., раскоп Берег, оп. № 151; 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 194; 1981 г., раскоп Берег, кв. 15-16аб-17а, шт. 27, оп. № 199

Список литературы

А*брамов* А. П., *Масленников* А. А. 1991. Амфоры V в. до н. э. из раскопок поселения на мысе Зюк // СА. 3, 234–249.

Б*олонкина* Е. В., *Ефремов* Н. В., *Колесников* А. Б. 2019. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда // АМА. 19, 274–317.

Д*ирин* А. А. 1896. Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 19, 121–131.

Е*фремов* Н. В., *Колесников* А. Б., *Болонкина* Е. В. 2023. Керамические клейма Книда с эмблемой «нос корабля» (хронологическая группа 1б) // АМА. 21, 281–336.

К*ац* В. И. 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 234.

Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище. Саратов, 180.

Керамические клейма Северного Причерноморья. URL: http://stampsofbosphorus.ru

Ковальчук А. В. 2025. Косские клейма с сельских поселений Крымского Приазовья // ДБ. 30, 266–288.

Колесников А. Б. 2023. Каталог керамических клейм Гераклеи Понтийской из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (часть I) // Stratum plus. 6, 229–385.

М*асленников* А. А. 1978. Отчет Восточно-Крымской экспедиции в 1978 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 6942, 6942а.

Масленников А. А. 1979. Отчет Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 7708.

Масленников А. А. 1980. Отчет о работе Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР в 1980 году // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 7709.

Масленников А. А. 1981. Отчет о раскопках Восточно-Крымской экспедиции в 1981 году // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 8411.

Масленников А. А. 1982. Отчет ИА РАН о раскопках Восточно-крымской экспедиции ИА РАН СССР в 1982 году // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 9167.

Масленников А. А. 1983. Полевой отчет о работе Восточно-крымской археологической экспедиции Института Археологии АН СССР за 1983 год // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 8988.

Масленников А. А. 1984. Отчет Восточно-крымской археологической экспедиции Института Археологии АН СССР за 1984 год // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 10358.

Масленников А. А. 1992. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 120–173.

Масленников А. А., *Розов* В. Н. Расписная керамика с мыса Зюк // КСИА. 197, 66–72.

П*ридик* Е.М., *Граков* Б.Н. 1957. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae III (IosPE III) // Научный Архив ИА РАН. Р-2 № 2179, 2180 (Гераклея), № 2189–2198 (Синопа), № 2174 (Аканф).

Придик Е.М. 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 191.

Ф*едосеев* Н.Ф. 1998. Керамические клейма из раскопок поселения «Бакланья Скала» в Восточном Крыму // ДБ. 1, 253–270.

Федосеев Н.Ф. 2004. О керамических клеймах, «сравнительных объемах импорта» и поселении «Бакланья скала» // ДБ. 7, 366–403.

Федосеев Н.Ф. 2016. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Т. II. Керчь, 319.

Федосеев Н.Ф. 2017. Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сб. научных трудов. Симферополь, 169–250.

A*vram* A., *Conovici* N. 2021. Les timbres amphoriques. 3. Rhodos (Histria. VIII). Bucarest, 314.

B*on* A.-M., *Bon* A., *Grace* V. 1957. Les timbres amphoriques de Thasos (Études thasiennes. 4). Paris, 542.

C*anarache* V. 1957. Importul amforelor stampilate la Istria (Biblioteca istorică. 1). Bucureşti, 446.

Centre Alexandrin d'Étude des Amphores. Corpus des matrices des timbres des éponymes et fabricants rhodiens. URL: http://amphoralex.org/

*Conovic*i N. 1998. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (Touilles timbrées comprises) (Histria. VIII. Corpus international des timbres amphoriques. Fasc. 3). Bucarest, 206.

F*edoseev* N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 27–48.

G*arlan* Y. 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protophasiens et Thasiens ancienes (Études Thasiennes. XVIII). Paris, 335.

T*hasian Amphora Stamps online*. URL: https://thaso.efa.gr/

Summary

A.V. Koval'chuk
A collection of ceramic stamps from a settlement at Cape Zyuk (Zenon's Chersonesos)

The article publishes a collection of ceramic stamps from the settlement at Cape Zyuk, excavated in 1978–1984 by an expedition of the Institute of Archaeology of RAS under the

direction of Dr. A. A. Maslennikov. The settlement at Cape Zyuk differs from other rural settlements of Azov Sea region in the time of its establishment, the duration of its existence, and certain categories of the finds. These features are also reflected in the assortment of ceramic stamps.

The collection includes stamps dating to the first third of the 4th century BCE (Heraclea Pontica, Sinope, Thasos, and Mende), as well as late Rhodian stamps of the 1st century BCE, which are absent from other rural sites in the region. There are also several Chian stamps from the late 6th century BCE.

In total, 262 amphora stamps and two stamps on Bosporan roof tiles originate from Cape Zyuk. Due to the considerable quantity of the material, it will be published in two parts. The first part includes the stamps of Heraclea Pontica, while the second will present stamps from other centers (Sinope, Rhodes, Thasos, Chios, Akanthos, Knidos, Mende, Chersonesos and others).

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.165-183

В. Кожокару
(Институт археологии Яссы Румынской академии)

Эвергетизм в Боспорском царстве: легитимация власти между полисом, монархией и Империей

Современная историография античного эвергетизма опирается на модель, выработанную на материале автономных полисов материковой Греции и Малой Азии. В рамках этой парадигмы благодеяние понимается как институционализированная форма социального обмена между отдельным гражданином и полисным коллективом. Оно санкционируется органами власти – советом и народным собранием – и закрепляется системой публичных почестей с чётко регламентированными формами [*Veyne* 1976 (ср. 1990); *Gauthier* 1985; *Quaß* 1993; ср. *Cojocaru* 2025, 41–47 и 101–107]. В этом понимании эвергетизм тесно связан с политическим участием, конкуренцией элит и формированием гражданской идеологии.

Однако классическая модель отражает прежде всего опыт автономного полиса и не является универсальной. В монархических контекстах, таких как Боспор Киммерийский, эвергетизм приобретал особые формы: личная инициатива и публичное признание сосуществовали с волей монарха, формируя уникальный баланс между личной властью, династической политикой и социальным обменом. Эпиграфические памятники Боспорского царства демонстрируют, что эвергетизм был активным элементом символической коммуникации, формировавшей представления о власти, статусе и социальной иерархии.

В Понтийском регионе, где население было этнически и культурно разнообразным, эвергетизм проявлялся иначе, чем в автономных полисах материковой Греции. Здесь он развивался как многослойная практика, органично интегрированная в социальные, культурные и политические структуры. Благодеяния – строительство храмов, финансирование общественных и культовых сооружений, поддержка культурных мероприятий и предоставление привилегий – одновременно выполняли функции социального интегратора, культурного посредника и инструмента политической легитимации. Центральную роль играли династы: их щедрость укрепляла авторитет и обеспечивала признание со стороны городских сообществ, превращая каждый акт благодеяния в символическое и политически значимое событие[1].

[1] В качестве иллюстративных примеров эвергетизма правителей в Причерноморье можно назвать боспорского царя Эвмела (Diod. 20.25.1–2) или фракийских династов Мопсис, Тарутинос, Медистас, Котис и Садалас (IGBulg I² 307), среди прочих возможных случаев. Сравнение с диадохами, приведённое *Gauthier*1985, 43, не

Боспорские свидетельства показывают, что эвергетизм мог функционировать вне классической схемы «гражданин – полис», сохраняя ключевые характеристики: асимметричный обмен, публичность, символическую фиксацию заслуг и ожидание ответной лояльности. Основным субъектом становилась монархическая власть, тогда как городские общины, религиозные и профессиональные союзы, а также внешние полисы[2] играли второстепенную роль, придавая эвергетизму иерархический и надполисный характер.

Особое значение боспорского опыта заключается в его связи с легитимацией власти. Царская благотворительность оформлялась языком греческой эвэргетической традиции, адаптируясь к местным реалиям, эллинистической монархической идеологии и, в римскую эпоху, имперскому контексту. Такое сочетание универсальных форм и локальных практик укрепляло социальную стабильность, интегрировало различные слои общества и служило ключевым механизмом политической коммуникации.

Таким образом, Боспорское царство следует рассматривать как региональную модель трансформации греческого эвергетизма в условиях долговременной монархии и многоэтнического общества. Здесь эвергетизм не является вторичным или маргинальным явлением. Он выступает как центральный инструмент социальной интеграции, символического обмена и политической коммуникации, отражая взаимодействие монарха, элит и городских сообществ.[3]

1. Институциональные рамки боспорского эвергетизма

1.1. *Ограниченность декретной практики и пределы полисной автономии.*

Для городов Боспорского царства была характерна существенно ограниченная автономия гражданских институтов, что сдерживало формирование устойчивой практики издания почётных декретов, сопоставимой с таковой в других понтийских полисах. В отличие от Ольвии, Херсонеса и ряда западнопонтийских городов, где сформировался обширный и институционально оформленный эпиграфический корпус, на Боспоре

учитывает ранние связи западнопонтийских и севернопонтийских городов с династами внутреннего региона, включая статус боспорских городов при Спартокидах. Эвергетизм последователей Александра в регионе Понта Эвксинского зафиксирован слабо; *Ameling – Bringmann – Schmidt Dounas* 1995 отмечают лишь четыре случая, представляющих первых двух Птолемеев: с. 271, KNr. 239 (Византия); с. 278, KNr. 243 (Гераклея Понтика); с. 278–279, KNr. 244 (Синопа); с. 426, KNr. 356 (Синопа). Эти примеры служат для сравнения и иллюстрации того, как эвергетизм проявлялся в различных частях Причерноморья, показывая, что боспорские монархи и фракийские династы выполняли функции аналогичные практике диадохов, тем самым компенсируя их слабое присутствие в регионе.

[2] Под «внешними полисами» подразумеваются города-государства, такие как Афины, которые признавали боспорские благодеяния как форму внешней легитимации. Афинские почётные декреты в честь Спартокидов показывают, как щедрость боспорских династов адаптировалась к полисной традиции, выступая инструментом дипломатического и символического признания (см. раздел 3).

[3] В Боспорском царстве щедрость монарха объединяла экономическую поддержку, защиту и институционализацию эвэргетической практики, выступая одним из ключевых механизмов политической легитимации. В этом контексте династия адаптировала традиционные полисные инструменты, прежде всего проксению, используя их для предоставления привилегий иностранцам и укрепления собственного престижа. В отличие от боспорской монархической модели, в причерноморских городах, не находившихся под устойчивой царской властью инициативу по обеспечению общественных нужд – особенно в кризисные периоды – брали на себя состоятельные граждане, действовавшие как «спасители» общины.

известно лишь немногим более двадцати документов данного типа. Эти памятники фиксируют меры почётного характера в отношении иноземцев и отражают практику, при которой боспорские династы и их сыновья предоставляли почитаемым лицам ателею и/или право проксении с сопутствующими привилегиями [*Cojocaru* 2016, 91–100, № 70–91; ср. *Cojocaru* 2025, 340].

С достаточным основанием эти надписи могут быть отнесены к категории почётных декретов, хотя их содержание и форма свидетельствуют о специфике политико-институционального устройства Боспорского государства [*Латышев* 1892; *Жебелев* 1930; *Гайдукевич* 1949 (ср. 1971); *Блаватская* 1959; *Масленников* 1981; *Шелов-Коведяев* 1985; *Rostowzew* 1993; *Молев* 1997; *Сапрыкин* 2002; *Яйленко* 2010; *Завойкин* 2013][4]. Ранние «декреты» фиксируют не решения городского коллектива, а прежде всего акты царской инициативы. Формально тексты заимствуют язык полисной дипломатии, однако по социальной логике они отражают вертикальную модель распределения почестей: субъектом признания выступает монархическая власть, а не демос или совет. Важно отметить, что подобный сдвиг не означает исчезновения эвергетизма как такового, а свидетельствует о трансформации его институциональных механизмов.

В боспорских документах отсутствуют указания на народное собрание как инициатора решения, процедуры обсуждения или голосования. Также ослаблена процедурная фиксация логики взаимного обмена «дар – контрдар» (δόσις – ἀπόδοσις), характерная для классического гражданского эвергетизма. Почесть предстает не как результат коллективного признания, а как элемент царского благоволения, встроенный в иерархическую систему царской власти. Совет и народное собрание выполняли эпизодические или символические функции, не являясь полноценными центрами принятия решений.

Следовательно, редкость почётных декретов[5] по сравнению с другими причерноморскими городами не может рассматриваться как показатель слабости эвергетической практики. Она отражает перераспределение её форм и каналов репрезентации. В Боспорском царстве эвергетизм сохраняет своё существование, теряя лишь «декретную оболочку», характерную для автономного полиса, и проявляется через разнообразные эпиграфические жанры – надписи на постаментах статуй, вотивные посвящения, царские письма и строительные надписи. Это позволяет интерпретировать соответствующие надписи как инструмент публичной репрезентации, посредством которого элиты

[4] При всей обширности историографии, посвящённой лапидарным надписям и формам гражданской репрезентации в городах Боспорского царства, обращение к ней в данном контексте оказывается неизбежно селективным. Вопрос о допустимости квалификации боспорских проксений как почётных декретов может быть корректно поставлен лишь в рамках исследований, рассматривающих политико-институциональное устройство Боспора и связанную с ним эпиграфическую практику в системной и диахронической перспективе. В этом отношении историографическими ориентирами остаются труды В.В. Латышева, М.И. Ростовцева и С.А. Жебелева, во многом определившие дальнейшие направления интерпретации истории Боспорского государства, концептуальные обобщения В.Ф. Гайдукевича, исследования Т.В. Блаватской, А.А. Масленникова и Е.А. Молева, посвящённые социально-политическим структурам и населению Боспора, а также работы Ф.В. Шелова-Коведяева, В.П. Яйленко, С.Ю. Сапрыкина и А.А. Завойкина, в которых институциональная специфика Боспорского царства и формы её отражения в эпиграфических памятниках получили наиболее полное освещение.

[5] За исключением упомянутых выше проксенических декретов и некоторых документов из Танаиса, о которых речь пойдёт ниже, известны лишь фрагменты двух почётных декретов, обнаруженных в Пантикапее. Один из них, вероятно, представляет собой «блуждающий камень», повторно использованный в качестве погребальной стелы. Для более широкого контекста и указания на первоисточники см. *Cojocaru* 2025, 341.

транслировали нормативные модели поведения и легитимировали собственное положение в социальной структуре полиса.

1.2. *Танаис как локальная реконфигурация полисной модели*.

Пример Танаиса демонстрирует как даже при ограниченной автономии городских институтов могла проявляться локальная коллективная инициатива. Во II в. до н. э. здесь фиксируются признаки собственного гражданского эвергетизма, которые выделяют танаисскую ситуацию на фоне более ранних боспорских моделей. Положение города на периферии относительно царского двора в Пантикапее, а также сложная социальная и этническая структура способствовали более активному функционированию местных коллективных институтов.

Эпиграфический материал Танаиса содержит фрагменты почётных декретов [SEG 45, 1020, 1021 и 1023; 58, 782 и 784; 59, 861], где инициаторами награждения выступают коллективные субъекты – народное собрание и члены религиозных ассоциации (θιασῖται)[6]. Это демонстрирует сохранение представлений о коллективном санкционировании заслуг и возможности публичного признания благодеяний от имени городской общины.

Формулы и терминология текстов позволяют реконструировать их семантическое и институциональное поле. Упоминания о венчании золотым венком, возможности установки статуи «по решению народа», а также эпитеты φιλάγαθος и, вероятно, νεωκόρος свидетельствуют о сознательном воспроизведении общеэллинского языка почестей. Даже при неполном перечне оказанных почестей факт их декретирования от имени коллективных субъектов принципиально отличает танаисские документы от ранних боспорских практик, где решения исходили исключительно от царской власти.

В итоге, Танаис выступает своеобразным «окном», позволяющим увидеть, как эвергетизм функционировал при относительном институциональном ослаблении монархической власти. Здесь логика «заслуга 666 публичное признание» проявляется более прозрачно и городской коллектив вновь становится носителем символического капитала и субъектом публичной памяти. Однако речь не идёт о полном восстановлении классической полисной модели. Танаисский опыт представляет собой локальную и частичную адаптацию полисных форм в рамках общей политической структуры Боспорского царства. При этом важно подчеркнуть, что данная «полисная риторика» в Танаисе имеет ограниченные хронологические рамки (преимущественно II–I вв. до н. э.) и не свидетельствует о восстановлении классической автономии. Скорее речь идёт о конъюнктурной и ограниченной по времени переадаптации полисного языка в условиях ослабленного, но не отменённого царского контроля.

Институциональные ограничения полисных органов в Боспорском царстве не приводят к исчезновению эвергетизма, а лишь смещают его формы и носителей. Если декрет как процедурный механизм оказывается маргинализированным, его место занимает иная система фиксации заслуг – визуальная, монументальная и персонализированная. Именно к анализу этих альтернативных форм репрезентации эвергетизма обращается следующая часть исследования.

[6] Что касается ассоциаций в городах Боспора, см. *Завойкина* 2013; ср. *Harland* 2014, 14–39; *Pázsint* 2022, 102–124.

2. *Tituli honorarii* и монументальная репрезентация власти

2.1. *Монумент вместо декрета: визуальная легитимация царской власти.*

В отличие от фрагментарной и институционально слабой практики почётных декретов, рассмотренной выше, *tituli honorarii* или надписи на постаментах статуй формируют в Боспорском царстве непрерывную, многоуровневую традицию, охватывающую период от второй половины IV в. до н. э. до начала IV в. н. э. Этот корпус источников следует рассматривать как основное и наиболее репрезентативное выражение боспорского эвергетизма [*Cojocaru* 2025, 342–355].

Ранние документы, например фрагмент почётной надписи из Мирмекия конца IV – начала III вв. до н. э. (КБН 869), демонстрируют сохранение общеэллинского языка почестей и концепта ἀρετή как основания публичного признания заслуг. Однако начиная с III в. до н. э. центр тяжести эвергетической репрезентации смещается от коллективных субъектов к фигуре царя и членов династии.

Ярким примером служит статуя, воздвигнутая в честь Парисада II между 284/3 и ок. 250 до н. э. [*Белова* 1984 = SEG 34, 755], открывающая длинную серию царских почётных монументов. В отличие от почётных декретов, эти надписи не предполагают санкции полисных институтов или обсуждения на народном собрании. Они отражают вертикальную модель эвергетизма: благодеяния исходят от субъекта высшего статуса, при этом сохраняется эллинская публичная форма репрезентации.

Переход от декрета к монументу не следует интерпретировать как редукцию эвергетизма, а как его адаптацию к иной политической конфигурации власти. Он отражает особенности политической системы Боспора: полисные институты были ограничены функционально, тогда как монархическая власть обладала ресурсами и символическим капиталом для значимых эвергетических актов. С конца IV в. до н. э. статуарные надписи становятся главным носителем эвергетического дискурса, обеспечивая публичную видимость, укрепление династического авторитета и интеграцию разнообразных социальных слоёв царства.

2.2. *Царь как эвергет* par excellence*: идеология, практика и символический язык.*

С эллинистической эпохи и особенно в римский период боспорский царь предстает в эпиграфике как эвергет *par excellence*, олицетворяя ключевые функции благодетеля по отношению к городам и населению. Это выражается в устойчивом наборе титулов и эпитетов: σωτήρ, εὐεργέτης, κτίστης и д.

Эти эпитеты не только отражают реальные благодеяния, но и выполняют конструктивную функцию, формируя нормативные ожидания лояльности и признания. Каждый коррелирует с реальными действиями царя, зафиксированными в эпиграфике и историческом контексте. Савромат I неоднократно именуется σωτήρ и εὐεργέτης в связи с военными победами и защитой границ, отражёнными в посвящениях трофеев и статуарных надписях[7]. В Горгиппии, например, царь выступает как εὐεργέτης τῆς πατρίδος,

[7] См. *Cojocaru* 2025, 346–347: Савромат I был почтён многочисленными монументами как «спаситель» и «благодетель», что отражает его престиж и признание в Боспорском царстве. Надписи из Пантикапея, Фанагории и Горгиппии упоминают его титулы, военные подвиги и участие в общественных и оборонительных проектах, включая посвящения статуй и трофеев победы.

финансируя оборонительные работы и расширяя городские стены [*Блаватская* 1951; *Болтунова* 1959, 101–105; ср. КБН 1122].

Особое место занимают письма Аспурга 16 г. н. э. [*Heinen* 1999 = SEG 46, 940], в которых благодеяния царя приобретают юридическое и экономическое измерение: подтверждение гражданских прав, защита наследственного законодательства, налоговые льготы. Здесь эвергетизм выходит за рамки символической репрезентации, становясь инструментом практического управления и стабилизации отношений между монархом и городами[8]. Царское письмо в данном контексте выступает не только формой эвергетического благодеяния, но и как особый юридико-нормативный инструмент, предназначенный для стабилизации правовых отношений в условиях плюралистического правопорядка. Тем самым оно занимает промежуточное положение между актом благодеяния, арбитражным решением и нормативной фиксацией допустимых практик.

Таким образом, царский эвергетизм сочетает символическое и нормативное измерение: закрепляет права, формирует ожидания лояльности и интегрирует социальные слои. Одновременно он выполняет системную функцию: благодеяние становится формой управления, а публичная щедрость – способом интеграции сообществ и репрезентации власти.

В совокупности боспорский эвергетизм демонстрирует близость к эллинистическим монархическим моделям Восточного Средиземноморья, но при этом сохраняет полисный язык и формы эпиграфической репрезентации, придавая практике гибридный и адаптивный характер. Царь здесь выступает не только как источник власти, но и как универсальный благодетель: σωτήρ, εὐεργέτης, κτίστης, πατὴρ πατρίδος. Эти и другие эпитеты подкреплены конкретными практиками – оборонительными работами, восстановлением городов, налоговыми льготами и юридическими гарантиями.

Следует, однако, различать прямой царский эвергетизм и формы эвергетической практики, осуществляемые не самим царём, а через его представителей и агентов. В последнем случае речь идёт не об автономной инициативе негосударственных акторов, а об «опосредованном эвергетизме», легитимность которого производна от царской власти и встроена в её символическую и институциональную вертикаль.

2.3. *Ранний монархический эвергетизм: царь Эвмел.*

После рассмотрения наиболее показательных проявлений зрелого царского эвергетизма логично обратиться к раннему монархическому прецеденту – политике царя Эвмела, заложившего основы регионального понимания царя как благодетеля и гаранта безопасности [*Braund* 2005; ср. *Cojocaru* 2025, 112–113].

Политика Эвмела (309–304/3 гг. до н. э.) демонстрирует ранний пример монархического эвергетизма, выходящего за рамки местных полисных структур. Он систематически поддерживал византийцев, синопцев и другие греческие общины Понта, действуя как один из первых региональных «гарантов безопасности» в Причерноморье.

[8] Рескрипты Аспурга вписываются в традицию эллинистических царских писем, в которых сочетались авторитет и благодеяние, при этом они отражают адаптацию этой практики в римском контексте. Царская переписка эллинистической эпохи подробно рассмотрена в *Welles* 1934. Современный анализ отношений между полисами и царями через письма и декреты, а также механизмов официальной коммуникации в этот период представлен в *Ceccarelli* 2013, 297–330. Для более широкой перспективы государственной переписки в античном мире см. *Radner* 2014; Ceccarelli, *Doering*, *Fögen*, *Gildenhard* 2018.

Эпизод с приёмом тысячи беженцев во время осады Каллатии Лисимахом[9] показывает сочетание гуманитарной, демографической и экономической стратегии: предоставление земли и разрешение на основание поселения укрепляли периферийные зоны царства. Военные кампании против гениохов и тавров способствовали стабилизации торговых путей и усилению доверия участников понтийской торговли. Эвергетизм царя приобретает надполисный характер, объединяя гуманитарную помощь, военную защиту и символическую репрезентацию власти.

В этом контексте Эвмел может рассматриваться как предтеча более поздней политики Митридата VI Евпатора[10]: он впервые систематически использует эвэргетическую практику как инструмент региональной интеграции и легитимации монархии за пределами границ Боспорского царства.

2.4. *Эвергетизм без декрета: сохранение логики «дар – контрдар».*

Принципиально важно, что большинство нецарских эвэргетических актов фиксируется без формальных почётных декретов. Однако отсутствие «декретной оболочки» не отменяет самой логики эвергетизма. Формулы типа ἐκ τῶν ἰδίων, τειμῆς χάριν, εὐξάμενος, σωτὴρ καὶ εὐεργέτης ясно указывают на сохранение классического механизма символического обмена.

Боспорский материал подтверждает, что эвергетизм, прежде всего, является социальной практикой, а не совокупностью строго регламентированных процедур. Даже при отсутствии народных собраний и формальных декретов эвэргетическая коммуникация продолжает функционировать, адаптируясь к монархическому и многоуровневому характеру власти.

Одновременно, эвэргетическая функция боспорской монархии не исчерпывалась внутренней интеграцией царства. С самого начала она была ориентирована и вовне – на признание со стороны греческих полисов, обладавших собственным языком почестей и легитимации. Именно в этом контексте особое значение приобретает афинский материал, позволяющий проследить, каким образом боспорские цари переводили свою благодетельную практику в коды классического полиса.

3. Афины и Спартокиды: эвергетизм как язык внешней легитимации

Функционирование боспорского эвергетизма как инструмента внешнеполитической легитимации особенно наглядно проявляется в афинских почётных декретах в честь представителей династии Спартокидов. Эти документы позволяют проследить, каким образом монархическая власть Боспора переводила собственные практики благодеяния в язык классического полиса, признанный и понятный, при этом сохраняя асимметричный характер отношений. В данном контексте эпиграфический материал следует рассматривать как корпус источников, фиксирующих конкретные практики публичного самоописания и социального взаимодействия, а не абстрактные концепты.

---

[9] См. *Avram* 2022, 21, 53–54 и 287, с ссылками на предыдущую литературу.

[10] Для всестороннего рассмотрения Митридата, его Понтийского царства и Черноморской державы, см. *Højte* 2009; ср.: *Молев* 1976 и 1995; *Heinen* 1996; *Bugh* 2014.

Так, декрет 347/6 г. до н. э. в честь Спартока и Парисада, сыновей Левкона (IG II³ 1, 298; ср. Syll.³ 206; *Müller* 2010, 361–363, № 4), прямо называет их ἄνδρες ἀγαθοί, подчёркивая не только личные качества династов, но и преемственность их политики по обеспечению Афин зерном – ключевым ресурсом для выживания и стабильности полиса. Эвергетизм здесь трактуется как долговременное обязательство, передаваемое по династической линии, а не как разовый акт щедрости[11].

Ритуализованные формы почестей – венчание золотыми венками на Великих Панафинеях, публичная прокламация заслуг, фиксация памяти через стелу рядом с декретами в честь Сатира и Левкона – интегрируют боспорских династов в сакрально-политическое пространство Афин. Особое значение имеет согласие Спартока и Парисада посвятить венки Афине Полиаде: этот жест переводит личное признание в сферу коллективной религиозной памяти, усиливая символический капитал династов.

Практическое измерение эвергетизма также закреплено: афиняне гарантируют оперативное выполнение просьб династов, включая предоставление моряков и административную поддержку. Так формируется классическая схема «благодеяние – признание – ответная готовность к услугам», но применённая не к частному гражданину, а к наследственным правителям внешнего государства [ср. *Cojocaru* 2025, 390–393].

Декрет 285/4 г. до н. э. в честь царя Спартока III демонстрирует дальнейшее развитие этой логики [IG II³ 1, 870; ср. Syll.³ 370; *Граков* 1939, № 4; *Müller* 2010, 366–369; *Lambert* 2020, 85–88].[12] Здесь эвергетизм выходит за рамки экономической пользы и приобретает ярко выраженное идеологическое измерение. Спарток представлен как наследник особой οἰκειότης – «близости, почти родства» – по отношению к афинскому демосу. Эта формула принципиально важна: она обозначает не союз равных и не подчинённую клиентелу, а символическое включение монарха в моральное пространство полиса.

Дар в 15 000 медимнов зерна, преподнесённый после возвращения Афинами своей цитадели, становится не просто актом щедрости, а осознанным политическим жестом, синхронизированным с ключевым моментом афинской истории. В ответ демос венчает царя золотым венком, воздвигает его статуи в агоре и, возможно, в Пирее, а также принимает на себя обязательство оказания военной помощи в случае угрозы его власти. Эвергетизм превращается в форму символически оформленного союза, закреплённого публичной памятью и ритуалом.

Афинские декреты в честь Спартокидов показывают, что боспорский царский эвергетизм был изначально ориентирован не только на внутреннюю интеграцию царства, но и на внешнее признание в мире греческих полисов. Принятие полисом демократического типа монархов как εὐεργέται и ἄνδρες ἀγαθοί свидетельствует о высокой адаптив-

[11] Документ представляет собой важную страницу в отношениях между Афинами и Боспорским царством, главным мотивом которых выступали торговые интересы. В этом контексте к нему примыкает ряд литературных свидетельств, в частности у Демосфена (Dem. 20. 29–32), Страбона (Strab. VII. 4, 7) и Динарха (Din. 1. 43). Комментарий к данной надписи породил исключительно обширную современную историографию; в качестве примера можно указать лишь несколько более поздних работ: *Osborne* 1983, 41–44; *Gauthier* 1985, 156–157; *Шелов-Коведяев* 1985, 136–137; *Quaß* 1993, 41 (ср. 230–231 и 235); *Lawton* 1995, 98–99, № 35; *Lambert* 2020, 88–91 и 96. Для отношений между Афинами и Северным Причерноморьем в VII–II вв. до н. э. см. также *Брашинский* 1963.

[12] Среди более подробных и более поздних комментариев к документу целесообразно в этом контексте упомянуть только *Heinen* 2005 и *Lambert* 2020, 88–100. Ср. *Cojocaru* 2025, 395–397.

ности эвэргетического языка, способного преодолевать институциональные различия между полисом и монархией.

В этом контексте Афины выступают не просто адресатом боспорской щедрости, а своеобразным «сертификатором эллинизма» династии. Признание со стороны демоса становится ресурсом легитимации, который Спартокиды могли использовать как внутри Боспора, так и в более широком эллинистическом мире. Афинские почётные декреты тем самым представляют собой важнейшее свидетельство того, что эвергетизм в боспорском исполнении функционировал как универсальный дипломатический язык, соединяющий монархическую власть с полисной традицией.

Афины выступают не как единственный, но как наиболее престижный и символически нагруженный центр верификации эллинистической идентичности боспорских эвергетов, задавая канон признания, который, однако, мог воспроизводиться и в иных общеэллинских пространствах.

4. Трансрегиональная непрерывность эвергетической практики

Цель настоящего раздела – показать, что эвергетическая практика боспорских элит сохраняла структурную устойчивость и адаптивность при включении в трансрегиональные и сакральные сети эллинистического мира. Примеры, связанные с Афинами, не исчерпывают спектр внешнего эвергетизма Боспорского царства. В эллинистическую эпоху представители боспорских городов и династической элиты активно включаются в более широкие панэллинские сети, центрами которых становятся крупные святилища Эгейского мира. Особое место среди них занимает Делос – важный религиозный и торговый узел, где формировались устойчивые формы институционализированной взаимности между полисами и внешними акторами.

Ярким примером служит декрет второй половины III в. до н. э. в честь Койрана из Пантикапея (*IG* XI 4, 609; ср. *Граков* 1939, № 21), которому делосский Совет и народное собрание предоставили проксению для него и его потомков, а также статус официального благодетеля святилища. Комплекс привилегий – освобождение от налогов, право приобретения недвижимости, προεδρία на состязаниях, приоритетный доступ к Совету и Экклесии – свидетельствует о том, что Койран воспринимался как экономически и дипломатически значимая фигура. В отличие от династических почестей, здесь эвергетизм опирается не на монархический статус, а на персональную полезность и посредническую роль, что позволяет говорить о нединастическом эвергетизме, укоренённом в торговых и сакральных связях [ср. *Cojocaru* 2025, 397–398].

Подобные случаи указывают на то, что негосударственный эвергетизм на Боспоре был не только индивидуальной стратегией самопрезентации, но и механизмом накопления и трансляции престижа в рамках семейных и родственных сетей. Эвергетический акт в этом контексте приобретает измерение социальной памяти и межпоколенческой легитимации. Возможная идентичность делосского Койрана с лицом, упомянутым в пантикапейской надписи времени Парисада I (*КБН* 11), указывает на семейную преемственность таких контактов и демонстрирует, что эвэргетическая активность выходцев из Боспора выходила за рамки царского дома. Аналогичные процессы фиксируются

и в других панэллинских центрах. Массовые присвоения проксении понтийцам в III в. до н. э., особенно в Дельфах, Делосе и Оропе, показывают, что святилища функционировали как инфраструктура трансрегиональной интеграции, где религиозная преданность, экономическая активность и дипломатическое посредничество формировали единый комплекс.

Дельфийские декреты, упоминающие теоров из Каллатиса, Херсонеса, Ольвии и Боспора (*FD* III 3/2, 207; ср. *Граков* 1939, № 12), а также более поздние почести в адрес Парисада III и царицы Камасарии (Syll.[3] 439; ср. *Граков* 1939, № 15), свидетельствуют о долговременной вовлечённости боспорских элит в сакральное пространство Эллады. Посвящения в Дидимах и на Делосе вплоть до I в. до н. э. подтверждают, что религиозный эвергетизм оставался ключевым каналом репрезентации и признания даже при изменении политического ландшафта. Следовательно, панэллинские святилища выступали не только религиозными центрами, но и институциональной инфраструктурой эвэргетической коммуникации.

Особенно показательно развитие этой традиции в римский период. Несмотря на превращение боспорских правителей в клиентельных царей Рима, они не отказались от моделей символического обмена, выработанных в эллинистическую эпоху, а адаптировали их к новым условиям. Эвергетизм продолжал служить языком публичной легитимации, связывая локальную монархическую традицию с имперскими формами почестей.

Так, во II–III вв. н. э. представители боспорской династии по-прежнему выступают как εὐεργέται за пределами собственного царства. Тиберий Юлий Савромат, потомок царского рода, сын царя Рескупорида, друг императора и римлян, пожизненный жрец августов, «благодетель отечества» и ктитор, был удостоен статуи ассоциацией юношей в Никее (*КБН* 44; ср. *IOSPE* II 39; *IGR* I 883). Тиберий Юлий Рескупорид, сын Савромата, друг императора и римского народа, был почтён статуей, воздвигнутой городом Прусиада-на-Гипии в знак признания его благодетельной деятельности. Монумент установлен в 520 г. местной эры (223 г. н. э.), 1-го числа месяца Диос, через посредство послов Марка Аврелия Марциана Амейния и Аврелия Филиппиана (*КБН* 55; ср. *IOSPE* II 43; *IGR* I 888).

В итоге, прослеживается выразительная структурная непрерывность эвэргетической практики – от классической и эллинистической эпохи до римского господства. Меняются политические рамки и титулатура, но сохраняется логика обмена благодеяний, почестей и публичной памяти. Эвергетизм остаётся универсальным языком, позволяющим боспорским элитам – как царям, так и частным лицам – интегрироваться в различные политические и сакральные пространства Средиземноморья, не теряя собственной идентичности и символического капитала.

5. Эвергетизм и Рим: клиентела, легитимация и символическая лояльность

Если рассмотренные выше формы трансрегионального эвергетизма развиваются в рамках эллинистической традиции – в мире полисов и святилищ, – то включение Рима радикально меняет масштаб и структуру символического обмена. В условиях

имперской иерархии эвергетизм перестаёт быть преимущественно горизонтальным механизмом взаимного признания и приобретает выраженно вертикальный характер.

Особое значение в боспорском эвергетизме приобретает его тесная связь с Римской империей, что ярко отражается в корпусе *tituli honorarii*, посвящённых римским императорам и членам их семей [ср. *Cojocaru* 2025, 343–350]. Уже в эпоху Динамии и Августа формируется устойчивая практика воздвижения статуй императору как «спасителю» и «благодетелю», сопровождаемая подчеркнутыми формулами универсальной власти и космического господства[13].

В дальнейшем эта традиция получает систематическое развитие: Веспасиан, Адриан, Каракалла и другие императоры фигурируют в боспорских надписях как адресаты почестей, по структуре и языку сходных с *оммажами*, оказываемыми самим боспорским царям. Боспорские правители при этом подчёркивают свой статус φίλοι τοῦ αὐτοκράτορος καὶ τοῦ Ῥωμαίων δήμου или φιλορώμαιοι, одновременно включая города и членов городской элиты, титул которых σεβαστόγνωστοι свидетельствует о их особом статусе и лояльности императору, в систему имперской клиентелы. Вышеупомянутые формулы следует рассматривать не как простые титулы, а как элементы ритуализированного политического языка, широко распространённого в городах Малой Азии и восточных провинциях Римской империи. В боспорском контексте они приобретают дополнительное значение: служат средством внешней легитимации династической власти, компенсируя отсутствие республиканских или демократических механизмов внутренней санкции[14].

Интеграция римских императоров в боспорский почётный дискурс формирует своеобразную «вертикаль благодеяний»: император выступает как высший благодетель, царь – его клиент и посредник, а города и коллективы – адресаты и участники обмена. Данная система не предполагает односторонней пассивности нижестоящих акторов, оставляя пространство для локальной интерпретации, символического участия и ограниченной инициативы городских и корпоративных коллективов. Тем самым эвергетизм функционирует как цепочка легитимации, а не как простая клиентельная зависимость.

Такая конструкция создаёт универсальный язык политической коммуникации, одинаково понятный как местным сообществам, так и имперскому центру. Титулы вроде φιλορώμαιος, σεβαστόγνωστος и др. нельзя рассматривать как простое внешнее заимствование; они демонстрируют органическое развитие боспорской эвэргетической практики, адаптированной к иерархии имперской власти и служащей инструментом закрепления статуса и лояльности династов и городской элиты. Именно благодаря такой символической системе эта вертикаль сохраняет связность на всех уровнях – от локального до имперского, формируя устойчивый и универсально понятный язык власти, социального обмена и политической коммуникации. Таким образом, эвергетизм обеспечивает символическую связность всей конструкции, от локального до имперского уровня, создавая устойчивый и универсально понятный язык власти и лояльности.

---

[13] См. *КБН* 38, стр. 2–3: τὸν ἑαυτῆς | [σ]ωτῆρα καὶ εὐεργέτην; ср. *КБН* 1046, стр. 2–3: τὸν <π>άσης γῆς καὶ | [πάσης] θαλάσσης ἄ[ρχ]οντα.

[14] В связи со значением титула φιλορώμαιος и других эпитетов – φιλόκαισαρ, πατὴρ πατρίδος, φιλόπατρις, ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν и т.д.,– релевантных в контексте дипломатических отношений между боспорскими царями и Римом, см.: *Blavatsky* 1956; *Heinen* 1996; 2008; *Millar* 1996, 167–173. Ср.: *Блаватский* 1985; *Функ* 1992.

6. Нецарский эвергетизм: элиты, военные и коллективы как носители публичной щедрости

До сих пор в центре анализа находились, прежде всего, фигуры монархов и внешние контексты их легитимации. Однако эвэргетическая практика в Боспорском царстве не исчерпывалась царской щедростью. Существенную роль в ней играли представители элит и коллективы, выступавшие в качестве локальных эвэргетов и формировавшие собственные режимы публичной памяти.

Особую эвристическую ценность для понимания боспорского эвергетизма представляет корпус надписей, фиксирующих благодеяния, исходящие не от царей, а от представителей различных слоёв элиты и организованных коллективов [ср. *Cojocaru* 2025, 350–352]. Этот материал позволяет выйти за рамки монархоцентричной перспективы и реконструировать многоуровневую социальную ткань эвэргетических практик, в которой участвовали:

- царские наместники и администраторы (ἐπὶ τῆς νήσου, ἐπὶ τῆς βασιλείας);
- военачальники (χιλίαρχοι, λοχαγοί);
- жрецы и культовые служители;
- члены религиозных ассоциаций (θιασῖται);
- представители провинциальных и межрегиональных элит.

Эти фигуры выступают посредниками в рамках опосредованного эвергетизма между царской властью и городскими коллективами, транслируя монархическую идеологию через локальные акты щедрости.

6.1. *Административная и военная элита как эвэргеты.*

В условиях Боспорского царства значительная часть нецарского эвергетизма сосредотачивалась в руках лиц, занимавших административные и военные должности, напрямую связанные с царской властью. Эти фигуры обладали не только материальными ресурсами, но и символическим капиталом, позволяющим им выступать посредниками между монархом и городскими сообществами.

Показателен случай Неокла, бывшего наместника Горгиппии, для которого его сын Мойродор воздвиг почётную надпись и статую как «отцу и благодетелю» (*КБН* 1119 А; [ср. *Ельницкий* 1949; *Heinen* 2006, 42–46]). Уникальность этого комплекса – обнаружение и статуи, и надписи – подчёркивает высокую степень институционализации эвэргетической практики в Боспоре и не имеет прямых аналогий в других понтийских регионах. Здесь благодеяние воспринимается не как частный акт, а как социально значимое действие, достойное публичной фиксации и долговременной памяти.

Аналогичную функцию выполняют надписи, в которых военачальники – χιλίαρχοι и λοχαγοί (например, *КБН* 36 и 58) – восстанавливают или возводят общественные сооружения ἐκ τῶν ἰδίων, возвращая их «родине» (τῇ πατρίδι). Эти формулы воспроизводят классическую эвэргетическую логику взаимности: личные затраты трансформируются в общественное признание, а лояльность к царской власти не исключает ориентации на благо городской общины.

Такие примеры показывают, что эвергетизм на Боспоре не был монополией царя. Наместники, военачальники и высокопоставленные администраторы активно участво-

вали в финансировании общественных и культовых проектов. Их благодеяния, как правило, осуществлялись «из собственных средств», но символически встраивались в систему царской власти. Такие фигуры выступают посредниками между центром и городами, транслируя монархическую идеологию через локальные акты щедрости. Эвергетизм здесь выполняет функцию социального «клея», связывающего разные уровни власти.

6.2. *Военная заслуга и гражданская интеграция: наёмники Фанагории.*

Решение Совета и народного собрания Фанагории о предоставлении гражданства наёмникам представляет собой редкий и показательный пример расширения эвэргетического дискурса на военные коллективы негражданского происхождения [*Vinogradov, Wörrle* 1992 = *SEG* 41, 625]. В отличие от классической полисной модели, где наёмники обычно оставались вне корпуса πολιτεία, фанагорийский декрет фиксирует их полную и немедленную интеграцию в гражданский коллектив.

Набор предоставленных привилегий – освобождение от налогов, повинностей и обязанностей по размещению войск – указывает на восприятие этих лиц не как временного военного ресурса, а как устойчивого элемента городской общины. При этом сохранение военной обязанности в случае всеобщей мобилизации подчёркивает условный характер гражданских прав, встроенных в структуру царской власти.

Формула ἔκπλους καὶ εἴσπλους, заимствованная, вероятно, из проксенического языка, демонстрирует адаптацию полисных дипломатических клише к внутренним потребностям Боспорского царства. Даже если практическая ценность этого права была ограниченной, его символическое значение заключалось в признании лояльности и полезности наёмников, что соответствует общей логике боспорского эвергетизма как системы поощрения и интеграции [ср. *Cojocaru* 2025, 185–186].

В итоге, фанагорийский декрет иллюстрирует, как в условиях монархии эвергетизм мог служить инструментом не только внешней, но и внутренней социальной консолидации, расширяя границы гражданского сообщества и укрепляя контроль над стратегически важными городами.

6.3. *Военачальник как носитель монархической доблести: стратег Савромата II.*

Погребальный энкомий стратегу царя Савромата II (*SEG* 55, 862; 62, 525; 63, 605) иллюстрирует зрелый образец эллинистическо-римской риторики власти. Военные доблести героя органично вписываются в идеологию монархического эвергетизма: стратег выступает не автономным носителем ἀρετή, а воплощением царского благоволения [ср. *Cojocaru* 2025, 233–234].

Упоминание римского императора (καῖσαρ) подчёркивает многоуровневую легитимацию: одобрение имперского центра усиливает престиж боспорской элиты и подтверждает правильность выбора царя. Риторические образы – сравнение с Гераклом, метафора бурного потока, подчёркивание умеренности – сакрализуют фигуру стратега, делая его образцом правящего военного. Эвергетизм в данном случае проявляется не столько в материальных дарах, сколько в публичном признании, почестях и включении деяний героя в коллективную память царства.

Таким образом, в римскую эпоху боспорский эвергетизм охватывал не только царей, но и высшую военную элиту, служа механизмом воспроизводства лояльности, социальной иерархии и политической стабильности.

6.4. *Коллективные формы эвергетизма: религиозные ассоциации.*

Не менее значимо участие религиозных коллективов в эвэргетической коммуникации. *Θίασοι* из Пантикапея, Танаиса и других городов неоднократно выступают субъектами, оказывающими почести благодетелям – венчание, воздвижение надписей, посвящение статуй. Они берут на себя функции, которые в автономных полисах обычно принадлежали совету и народному собранию.

Особое внимание заслуживают надписи, связанные с восстановлением портиков и культовых сооружений (например, *Bongarde-Levine*, *Kochelenko*, *Kouznetsov* 2006, 268, № 1 = *SEG* 56, 933), где инициаторами или координаторами работ выступают лица с разным этническим и социальным бэкграундом. Эти документы подтверждают живучесть эвэргетической практики и демонстрируют многоэтничный характер боспорских элит, вовлечённых в финансирование общественных проектов.

Религиозные союзы, профессиональные корпорации и этнически смешанные группы берут на себя функции, утраченные классическими полисными институтами: чествуют благодетелей, координируют строительство и реставрацию, формируют собственные режимы памяти. Участие носителей негреческих имён и традиций свидетельствует о включающем характере боспорской модели: эвергетизм становится универсальным языком социальной интеграции в многоэтничном обществе.

Заключение: Боспор как альтернативная модель античного эвергетизма

Анализ эпиграфических источников ясно показывает, что эвергетизм в Боспорском царстве невозможно оценивать исключительно по количеству сохранившихся декретов. Его истинное значение раскрывается через комплекс свидетельств, включающих развитую титулатуру, строительные и статуарные надписи, царские письма, официальные культовые и частные вотивные посвящения.

Боспор демонстрирует, что эвергетизм способен эффективно функционировать вне демократического полиса, в условиях устойчивой монархической власти, в многоэтничной социальной среде и в тесной связке с имперской системой клиентелы. Это позволяет рассматривать Боспор не как периферию греческой культуры, а как один из ключевых регионов для изучения трансформаций эвергетизма в пограничных обществах античного мира. Здесь эллинистическая традиция публичной щедрости не только сохраняется, но и творчески переосмысливается, адаптируясь к новым политическим и социальным условиям и интегрируясь в долговременную систему власти и коммуникации.

Боспорский эвергетизм проявляется как универсальный язык публичной легитимации и символического признания, а не как институционально фиксированная процедура. Локальные и нецарские акты щедрости – от активности наместников и военачальников до действий жрецов, ассоциаций и провинциальных элит – демонстрируют сохранение логики «дар – контрдар» (δόσις – ἀπόδοσις) даже при отсутствии формальных декретов. Таким образом, эвергетизм предстает прежде всего как социальная практика и механизм интеграции, связывающий царскую власть, городские коллективы и многоэтнические элиты.

Включение римских императоров в боспорский почётный дискурс формирует многоуровневую «вертикаль благодеяний», где император выступает высшим благодете-

лем, царь – его клиент и посредник, а города и коллективы – участники обмена. Формулы φιλορώμαιος, φίλος τοῦ αὐτοκράτορος или σεβαστόγνωστος не следует рассматривать как внешние заимствования: они являются органичным продолжением боспорской модели эвэргетической коммуникации.

Сопоставление с Афинами, Ольвией и другими полисами выявляет пределы афиноцентричной модели эвергетизма, не отрицая её эвристической ценности для иных политических контекстов. В отличие от автономных полисов, где благодеяния часто санкционировались коллективными институтами, в Боспоре при монархической власти и ограниченной городской автономии формируется новая структура представления эвергетизма: от декретов – к монументам, от коллективного решения – к публичной фиксации благодеяний. Это не редукция, а адаптация феномена к иной политической и социальной реальности.

Таким образом, Боспорское царство предстает как полноценная альтернативная модель античного эвергетизма. Здесь греческая традиция публичной щедрости сохраняется, переосмысливается и интегрируется в монархическую систему, многоэтническую социальную структуру и имперскую иерархию. Боспорский материал обладает исключительным сравнительным и эвристическим потенциалом и может рассматриваться как ключевой в исследованиях античного эвергетизма, а не как периферийное отклонение от условно «классической» нормы.

Боспорская модель может быть продуктивно сопоставлена с другими пограничными монархиями эллинистического и римского мира, что открывает перспективы для дальнейших сравнительных исследований.

Приложение. Эвергетизм в Боспорском царстве: схематизированная модель легитимации

Уровень	Субъекты и титулы	Благодеяния	Признание	Функция легитимации
I. Имперский	Римский император: σωτὴρ καὶ εὐεργέτης, ὁ πάσης γῆς καὶ πάσης θαλάσσης ἄρχων	Санкция царской власти; признание династической легитимности; гарантия внешней безопасности при включении царства в имперскую систему клиентелы	*Tituli honorarii*; статуи; формулы лояльности; интеграция в локальный эвэргетический дискурс; ритуализированная демонстрация верности и символической зависимости	Высшая символическая и наддинастическая легитимация боспорской монархии в рамках имперской иерархии власти
II. Монархический	Боспорский царь: σωτήρ, εὐεργέτης, κτίστης, πατὴρ πατρίδος	Военная защита; финансирование оборонительных и общественных сооружений; восстановление и основание городов; налоговые льготы и экономические привилегии; юридические гарантии и подтверждение гражданских прав	*Tituli honorarii*; статуи; публичная фиксация заслуг в городском пространстве; включение в локальные и панэллинские эвэргетические дискурсы	Производство и воспроизводство царской власти через асимметричный обмен благодеяний и публичного признания

Уровень	Субъекты и титулы	Благодеяния	Признание	Функция легитимации
III. Делегированный	Царская администрация: στρατηγοί, χιλίαρχοι, λοχαγοί, ἐπὶ τῆς νήσου, ἐπὶ τῆς βασιλείας	Финансирование общественных и культовых сооружений ἐκ τῶν ἰδίων; восстановление городских укреплений и инфраструктуры; посредничество между царской властью и городскими коллективами; практическая реализация царских благодеяний на локальном уровне	Публичные почётные надписи; воздвижение статуй и мемориальных монументов; погребальные надписи с акцентом на военную и гражданскую доблесть; фиксация личной заслуги как проявления царского благоволения; включение в локальную и династическую публичную память	Подтверждение царской власти через делегированный эвергетизм и публичную репрезентацию лояльности
IV. Городской	Городские коллективы: δῆμος, βουλή, θιασῖται	Эпизодическое участие в решениях о публичных почестях; воздвижение статуй; организация венчаний; финансирование культовых сооружений; участие в восстановлении портиков и храмов	Закрепление репутации как носителей коллективной инициативы и символического капитала через участие в декретах, постановку статуй, венчание венками, надписи, религиозные и гражданские ритуалы; признание их роли в санкционировании почестей, фиксации коллективных решений и интеграции в городскую социальную сеть	Воспроизводство вертикальной модели царской или элитной власти в условиях ограниченной полисной автономии; закрепление норм и практик, обеспечивающих стабильность и согласованность публичных решений
V. Социально-военно-статусный	Наёмники, переселенцы, военные отряды, союзные племена	Защита территории; участие в военных кампаниях; освоение новых земель; содействие восстановлению городов	Присвоение гражданства; налоговые льготы; выдача почётных прав и званий; включение в локальные и царские списки заслуг	Интеграция через права и привилегии; закрепление социальной иерархии и военной лояльности; укрепление вертикальной модели власти через условное признание заслуг
VI. Панэллинский	Афины, Делос, Дельфы, Дидимы и другие панэллинские центры	Предоставление проксений и других почестей; организация культовых праздников и посвящений в панэллинских святилищах; посредничество в управлении религиозными и общественными делами для укрепления связей между Боспорским царством и полисами Эллады	Официальное признание значимости панэллинских центров; щедрые дары; закрепление их роли в межполисных и трансрегиональных дипломатических сетях; подтверждение их статуса в сакральном пространстве Эллады	Символическая интеграция Боспорского царства и его элиты в пан-эллинскую культурно-религиозную сеть; укрепление внешней легитимности и престижа правителя или династии; формирование долговременного дипломатического капитала на трансрегиональной арене

Список литературы

Б*елова* Н. С. 1984. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н. э. // ВДИ. 2, 78–86.

Блаватская Т. В. 1951. Строительная надпись из Горгиппии // ВДИ. 2, 117–119.

Блаватская Т. В. 1959. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. (Северное Причерноморье в античную эпоху. 10). М., 158.

Блаватский В. Д. 1985. О культе римских императоров на Боспоре // В. Д. Блаватский. Античная археология и история. М., 191–195.

Болтунова А. И. 1959. Надписи Боспора (заметки и публикации) // ВДИ. 4, 92–110.

Брашинский И. Б. 1963. Афины и Северное Причерноморье в VII–II вв. до н. э. М., 174

Г*айдукевич* В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л., 623.

Граков Б. Н. 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 3, 231–315.

Е*льницкий* Л. А. 1949. Подпись под статуей из Анапы // ВДИ. 4, 132–136.

Ж*ебелев* С. А. 1930. Возникновение Боспорского государства // ИАН. Отд. гум. наук. 7 (10), 799–820.

З*авойкин* А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь, 589.

Завойкина Н. В. 2013. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 288.

Л*атышев* В. В. 1892. Краткий очерк истории Боспорского царства // ИТУАК. 17, 1–66.

М*асленников* А. А. 1981. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 128.

Молев Е. А. 1976. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 76.

Молев Е. А. 1995. Властитель Понта. Нижний Новгород, 144.

Молев Е. А. 1997. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 120.

С*апрыкин* С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 271.

Ф*унк* Б. 1992. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 74–93, 264.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 1985. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 г. М., 5–187.

Я*йленко* В. П. 2010. Тысячелетний Боспорский рейх: история и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 740.

A*meling* W., *Bringmann* K., *Schmidt-Dounas* B. 1995. von K. Bringmann und H. von Steuben (Hrsg.), Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer, Teil 1: Zeugnisse und Kommentare. Berlin, 592.

Avram A. 2022. Le Pont-Euxin antique: histoire, épigraphie, archéologie. Genève, 700.

B*lavatsky* V. D. 1956. Le culte des empereurs romains au Bosphore // Chevallier R. (ed.), Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à André Piganiol. Vol. III. Paris, 1541–1545.

Bongarde-Levine G., *Kochelenko* G., *Kouznetsov* V. 2006: Fouilles de Phanagorie: nouveaux documents archéologiques et épigraphiques du Bosphore // CRAI 2006 (janvier-mars), 255–292.

Braund D. 2005. Reflections on Eumelus' Black Sea region // Kacharava D. et alii (eds.), Pont-Euxin et polis. Polis hellenis et polis barbaron. Besançon, 99–112.

Bugh G. R. 2014. Mithridates the Great and the Freedom of the Greeks // V. Cojocaru, A. Coşkun, M. Dana (eds.), Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods. Cluj-Napoca, 383–395.

C*eccarelli* P. 2013. Ancient Greek Letter Writing: A Cultural History (600 BC – 150 AD), Oxford–New York, XVIII + 435.

Ceccarelli P., *Doering* L., *Fögen* Th., *Gildenhard* I. (eds.) 2018. Letters and Communities, Studies in the Socio-Political Dimensions of Ancient Epistolography. Oxford, VIII + 373.

Cojocaru V. 2016. Instituția proxeniei în spațiul pontic / Die Proxenie im Schwarzmeerraum. Cluj-Napoca, 338.

Cojocaru V. 2025. Cetățile grecești pontice și binefăcătorii lor / Die pontischen griechischen Städte und ihre Wohltäter. Cluj-Napoca, 738.

G*ajdukevič* V. F. 1971. Das Bosporanische Reich, zweite, neubearbeitete und wesentlich erweiterte Auflage in deutscher Sprache mit den Ergebnissen der archäologischen Untersuchungen von 1949 bis 1966. Berlin–Amsterdam, 604.

Gauthier Ph. 1985. Les cités grecques et leurs bienfaiteurs. Contributions à l'histoire des institutions. Athènes–Paris, X + 236.

H*arland* Ph. A. 2014. Greco-Roman Associations: Texts, Translations and Commentary. II. North Coast of the Black Sea, Asia Minor. Berlin, XXX + 564.

Heinen H. 1996. Mithradates VI. Eupator und die Völker des nördlichen Schwarzmeerraums // HBA. 18, 151–165.

Heinen H. 1999. Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos (AE 1994, 1538): übersehene Berichtungsvorschläge Günther Klaffenbachs und weitere Beobachtungen // ZPE. 124, 133–142.

Heinen H. 2005. Athenische Ehren für Spartokos III. (IG II^2 653) // Cojocaru V. (ed.), Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iaşi, 109–125.

Heinen H. 2008. Romfreunde und Kaiserpriester am Kimmerischen Bosporus. Zu neuen Inschriften aus Phanagoreia // Coşkun A. (ed.), Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. – 1. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt am Main, 189–208.

Højte J. M. (ed.) 2009. Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Aarhus, 376.

L*ambert* S. D. 2020. Attic inscriptions in UK Collections. British Museum. Decrees of the Council and Assembly, open access publication (электронный ресурс; URL: https://www.atticinscriptions.com/papers/aiuk-42/; дата обращения: 05.01.2026).

Lawton C. L. 1995. Attic Document Reliefs Art and Politics in Ancient Athens. Oxford, 190.

M*illar* F. 1996. Emperors, Kings and Subjects: The Politics of Two-Level Sovereignty // SCI. 15, 159–173.

Müller Chr. 2010. D'Olbia à Tanaïs. Territoires et réseaux d'échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique. Bordeaux, 453.

O*sborne* M. J. 1983. Naturalization in Athens. Vol. III–IV. Bruxelles, 249.

P*ázsint* A.-I. 2022. Private Associations in the Pontic Greek Cities (6th Century BC – 3rd Century AD). Leiden et alii, XX + 387.

Q*uaß* F. 1993. Die Honoratorenschicht in den Städten des griechischen Ostens. Untersuchungen zur politischen und sozialen Entwicklung in hellenistischer und römischer Zeit. Stuttgart, 451.

R*adner* K. (ed.) 2014. State Correspondence in the Ancient World, from New Kingdom Egypt to the Roman Empire. Oxford, XIV + 306.

R*ostowzew* M.I. 1993. Skythien und der Bosporus. Bd. II: Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes / auf der Grundlage der russischen Edition von V.Ju. Zuev, übers. und hrsg. von H. Heinen. Stuttgart, VIII + 263.

V*eyne* P. 1976. Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. Paris, 800.

Veyne P. 1990. Bread and Circuses: Historical Sociology and Political Pluralism. London, XXIII + 492.

Vinogradov Ju.G., *Wörrle* M. 1992. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. 22, 159–170.

W*elles* C.B. 1934. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 405.

Summary

Victor Cojocaru

Euergetism in the Bosporan Kingdom:
Legitimising Power Between Polis, Monarchy, and Empire

This article provides a critical summarising commentary and conceptual reworking of the epigraphic sources of the Bosporan Kingdom, as presented in the author's recent monograph 'The Pontic Greek Cities and Their Benefactors' (*Cojocaru* 2025). It focuses on honorific, dedicatory, and memorial inscriptions as key instruments for the formation and transmission of political and social ideas within the kingdom's distinctive monarchical and multi-ethnic context. By analysing the formulas employed in the inscriptions themselves and the public contexts in which they were displayed, the article identifies consistent patterns of symbolic communication among monarchs, urban elites, and various social groups, as well as the mechanisms through which authority and social prestige were legitimised. The study demonstrates that Bosporan epigraphy not only reflects political realities but also actively participates in their construction, producing a hybrid discourse that combines Greek polis traditions with monarchical and transregional practices. Particular attention is given to euergetism as a multi-layered system of public benefaction, social integration, and political legitimisation within the kingdom.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.184-195

А. М. Корженков*, А. А. Малышев**
(Институт физики земли РАН, г. Москва;*
*** Институт археологии РАН, г. Москва)*

Сейсмогенные воздействия на монументальные погребальные сооружения могильника Родники в Анапско-Натухаевской долине[1]

Формирование рельефа на западной оконечности Кавказского хребта – полуострове Абрау – связано с масштабными тектоническими процессами на Черноморском побережье: мощные палео- и исторические землетрясения около 9–10 баллов привели к образованию Цемесской бухты и в целом сформировали береговую линию, по своим очертаниям близкой современной [*Вязкова* 2009, 11–12].

В результате исследований, проведенных в последние десятилетия [*Рогожин, Овсюченко, Лутиков и др.* 2014; *Рогожин*, *Горбатиков*, *Степанова и др.* 2020, 48–65] выяснено, что тектонические напряжения на Западном Кавказе реализуются разрывными смещениями в зонах активных тектонических нарушений продольной (вдоль простирания Кавказа) и поперечной ориентировки, в особенности, в узлах их пересечения (рис. 1). Оценки магнитуды известной сейсмической истории не превышают M=5,7±0,5 [*Ананьин,* 1977]. Однако многочисленные палеосейсмологические данные свидетельствуют о том, что на протяжении позднего голоцена здесь происходили более сильные землетрясения.

Археологическими изысканиями получены уникальные данные не только об освоении человеком сейсмогенного ландшафта полуострова, но и о событиях, связанных с тектоническими процессами в регионе за последние тысячелетия. В научный оборот введены результаты комплексных работ, которые выявили мощное сейсмогенное воздействия на бытовые и фортификационные сооружения эпохи античности и раннего средневековья на памятниках полуострова Абрау. В частности, рассмотрено значение полеосейсмического фактора в формировании антропогенного ландшафта в устье Лобановой щели [*Вязкова* 1999, 57; *Овсюченко, Корженков, Быхалова, Ларьков* 2024, 16–23]. Выявлены серии сейсмотектонических смещений на фортификационных сооружениях Раевского городища, которое, как оказалось, расположено в очаговых зонах этих земле-

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Культуры и культурные общности Циркумпонтийской зоны и прилегающих областей в эпоху палеометалла и раннем железном веке: контакты, традиции и инновации. (№ НИОКТР 126011315523-4)», а также в рамках государственной тематики ИФЗ РАН и при ее финансовой поддержке.

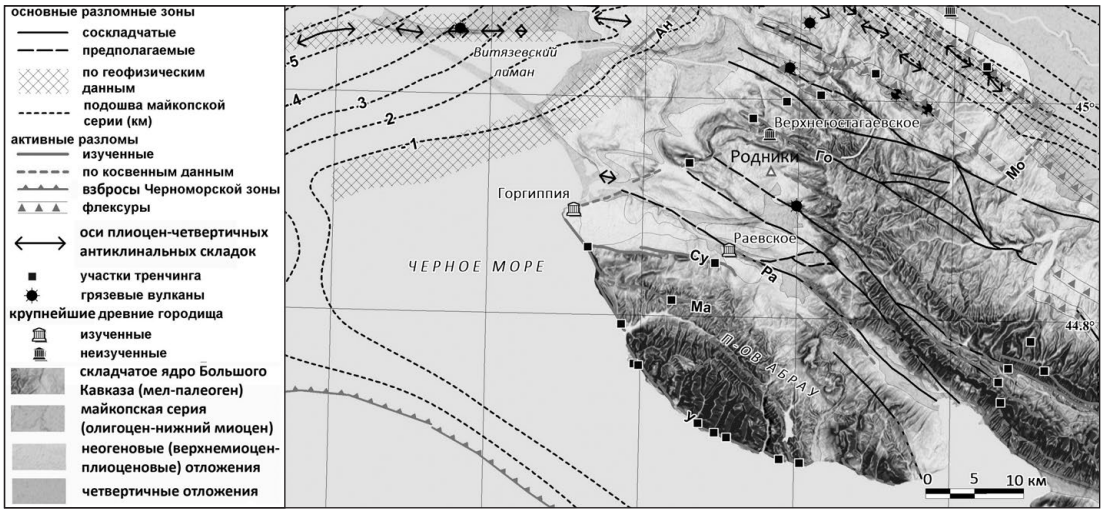

Рис. 1. Тектоническая схема западного погружения Большого Кавказа. Составлена А. Н. Овсюченко с использованием данных: [*Рогожин*, *Овсюченко*, *Лутиков*, *Собисевич*, *Собисевич*, *Горбатиков* 2014; *Рогожин*, *Горбатиков*, *Степанова* и др. 2020, 48–65]. Активные разломы с изученными следами позднеголоценовых смещений: У – Утришский, Ма –Марфовский, Су – Супсехский, Ра – Раевский; Го – Гостагаевский, Ан – Анапский. Треугольником обозначено местоположение могильника Родники

трясений [*Овсюченко*, *Корженков*, *Малышев и др.* 2023, 75–108]. Проявления сейсмической активности отмечены при исследованиях башнеобразного сооружения раннеримского времени на поселении Дубки [*Малышев*, *Корженков* 2024, 15–40].

Полученные при раскопках Горгиппии материалы позволили датировать одно из землетрясений началом I в. до н. э. [*Корженков, Новичихин, Овсюченко, Рангелов и др.* 2019, 15–33]. Вероятно, в результате сейсмической деформации на рубеже эр произошел подъем уровня подземных вод, что привело к отказу от подвальных помещений в последующем строительном периоде [*Новичихин, Корженков, Овсюченко* 2020, 259–287].

Мощные сейсмогенные деформации претерпели монументальные бытовые и фортификационные сооружения Верхнегостагаевского городища. Местная интенсивность сейсмических колебаний во время исторического землетрясения на городище составляла I_l = VIII–IX баллов по шкале MSK-64 [*Малышев*, *Клемешов*, *Корженков и др.* 2025, 81–91].

В 1987 г. в 3,7 км ССЗ ст-цы Натухаевской в лесном массиве А. В. Дмитриевым был обследован сильно разрушенный курганный могильник. В подъемном материале встречены амфоры с «рюмкообразными» ножками и другая античная керамика IV в. до н. э., а также остатки трупосожжений XIII в. [*Дмитриев* 1989, 2–3, рис. 129–137]. В 2013 г. площадь могильника была осмотрена сотрудниками Новороссийской археологической экспедиции ИА РАН, собрана небольшая коллекция подъемного материала, среди которого куски спекшегося кольчужного защитного доспеха. Наличие многочисленных курганных насыпей не подтвердилось[2], а открытые древности оказались связанными

[2] В начале 1990-х памятник был поставлен на учет как «Курганная группа 43 насыпи».

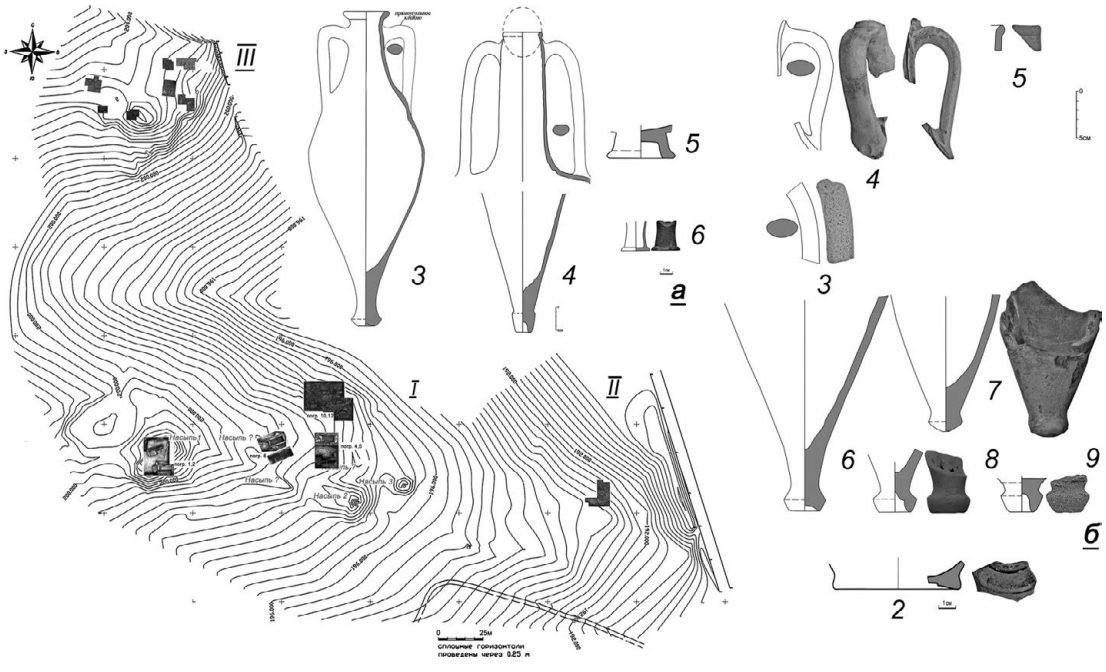

Рис. 2. Могильник Родники. Тополан: *I* – Родники-1; *II* – Родники-2; *III* – Родники-3. Керамические комплексы: *а* – из склепов; *б* – из каменных ящиков

с грунтовым некрополем V–IV вв. до н. э. Поэтому данный памятник получил другое название – «Родники». Археологические разведки в окрестностях, которым сопутствовала топосъемка, выявили еще два участка могильника [*Малышев, Горланов, Дрыга и др.*, 220–234] (рис. 2).

Некоторые результаты этих исследований были оперативно введены в научный оборот [*Малышев, Грешников, Васильев* 2015, 125–136]. Предлагаемая публикация посвящена выявленным на данном могильнике следам воздействия сейсмогенного характера. Различные по конструкции гробницы располагались вдоль ориентированного широтно отрога на протяжении ок. 150 м[3]. Несмотря на значительный (ок. 4 м) перепад высот в восточном направлении, в исследованных сооружениях отмечены последствия значительных деформационных воздействий в меридиональном направлении.

Монументальные сооружения с боковым входом (протосклепы).

В поле курганообразной насыпи двухметровой высоты и диаметром 30–40 м, расположенной в наиболее возвышенной, западной части могильника (рис. 2. *I*), обнаружены руины каменных гробниц, сложенных из типичных для известных в этом регионе дольменных конструкций массивных плит (*Сизов* 1889, 60–64). Их поверхность имеют следы

[3] Последствия сейсмической активности обнаружены и на, к сожалению, хуже сохранившихся и не отличающимися таким разнообразием, как на ОАН Родниках-1, погребальных сооружениях других участках могильника (Родники-1, 2),

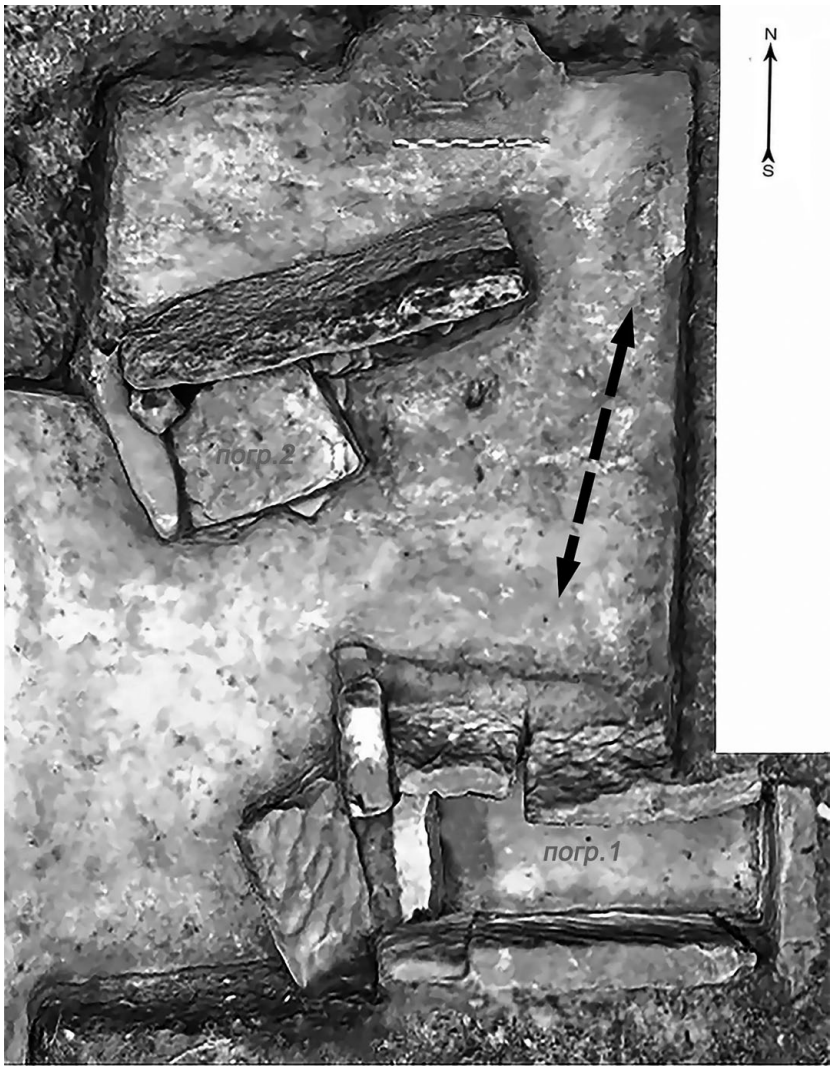

Рис. 3. Погребальные сооружения могильника Родники-1: погребения 1, 2. Деформации в каменных плитах возникли при динамическом воздействии, направленном вдоль оси ССВ-ЮЮЗ (показано стрелкой)

(ребра) грубой отески[4], которые ориентированы в диагональном направлении. Плиты перекрытия утрачены.

Первое монументальное погребальное сооружение (погр. 1; рис. 2. *I*; 3) прямоугольной формы (2,8×1,2 м) с широтной ориентацией было сложено из массивных (толщ. – до 0,2 м) плит песчаника. Торцовая восточная стенка, образованная одной плитой размером 1,2×0,96×0,24 м, перекрывает края продольных. Доступ в камеру размером 2,2×0,86 м устроен с противоположной, западной стороны. Входной проём обозначен массивным

[4] Своеобразная ребристая фактура, которая, возможно, является результатом грубой оттески поверхности плит топором-молотом.

блоком порогового камня, уложенного между двумя короткими продольными плитами. С наружной стороны они образуют небольшое «преддверие», изначально перекрытое большой (1,06×0,72×0,2 м), разбитой, видимо, еще в древности, прямоугольной плитой.

В 2,8 м к северо-северо-западу от погребения 1, расчищен край массивной ориентированной по оси ВСВ-ЗЮЗ плиты песчаника (1,21×1,1×0,1 м) неправильной формы. Стоявшая почти вертикально с небольшим наклоном к югу, эта плита, по-видимому, являлась северной продольной стеной другого столь же солидного погребального сооружения (погр. 2; рис. 2. *I*; 3). На ее внешней стороне прослежены следы откалывания: меридионально ориентированные борозды. С юга к этой плите прилегают небольшие необработанные блоки (0,4×0,38 м и 0,2×0,24 м), вероятно, забутовка основания. От южной продольной стены гробницы сохранилась большая (1,06×0,88×0,16 м) горизонтально лежащая плита. Обнаруженный рядом с ней блок можно интерпретировать, как пороговый камень.

Северная плита северного ящика имеет ВСВ простирание и наклон на ЮЮВ. Он мог возникнуть в следствии сейсмических колебаний от источника, находившегося к ЮЮВ от ящика. Наклон на юг и последующий раскол северной стены южного ящика (погр. 1; рис. 3), а также разворот восточной отколотой части против часовой стрелки свидетельствуют о приходе сейсмических колебаний с ЮЮЗ направления. Наклон южной части западной плиты в ящике 1 на запад вызван раскалыванием этой плиты вследствие субмеридионального сжатия.

Ниже по склону в непосредственной близости от широтной оси (водораздел) (рис. 2. *I*) доследованы еще три крупных склеповых сооружения.

Для одного из них (погр. 4; рис. 2. *I*; 4. *а*) в материковой скале был вырублен небольшой котлован. После установки массивных плит стен, образовавшиеся с внешней стороны пустоты были забутованы крупными скальными обломками. Внутри камеры обнаружен обломок плиты перекрытия (1×1,5 м).

Северную продольную стену образовывала плита неправильной формы (2,72×1,2×0,2 м), причем более узкая, западная её часть расколота и слегка сдвинута внутрь камеры. Плита противоположной, южной стены изготовлена из более мягкого, сильно расслоившегося известняка, близка по очертаниям, но меньших (2,02×1,1×0,2 м) размеров. На поверхности этих плит заметны продольные следы отески. На плите (1,04×1,0×0,2 м) из песчаника восточной стены изнутри также имелись следы грубой отёски. По высоте она на 0,2 м ниже северной и одной высоты с южной стенкой ящика.

С западной стороны между продольными стенами уложен использованный как пороговый камень блок размером 1,06×0,38×0,46 м. На нем расчищена плита меньшего (0,84×0,18 м) размера, которая явно была связана с конструкции преддверия.

Каменный ящик сохранился довольно хорошо. Смещению подверглась лишь юго-западная плита. Она несколько развернулась против часовой стрелки вокруг вертикальной оси, что привело к излому в ее юго-западной части и «раскрытию» на границе со смежной (перпендикулярной) плитой в северо-западной части гробницы. Такая деформация могла возникнуть, если источник волн сжатия или ударных подвижек располагался к ЮЗ от неё.

В пяти метрах южнее вышеописанного склепа на поверхности обнаружены две сложившихся торцами массивных плиты, ориентированных широтно. При их расчистке

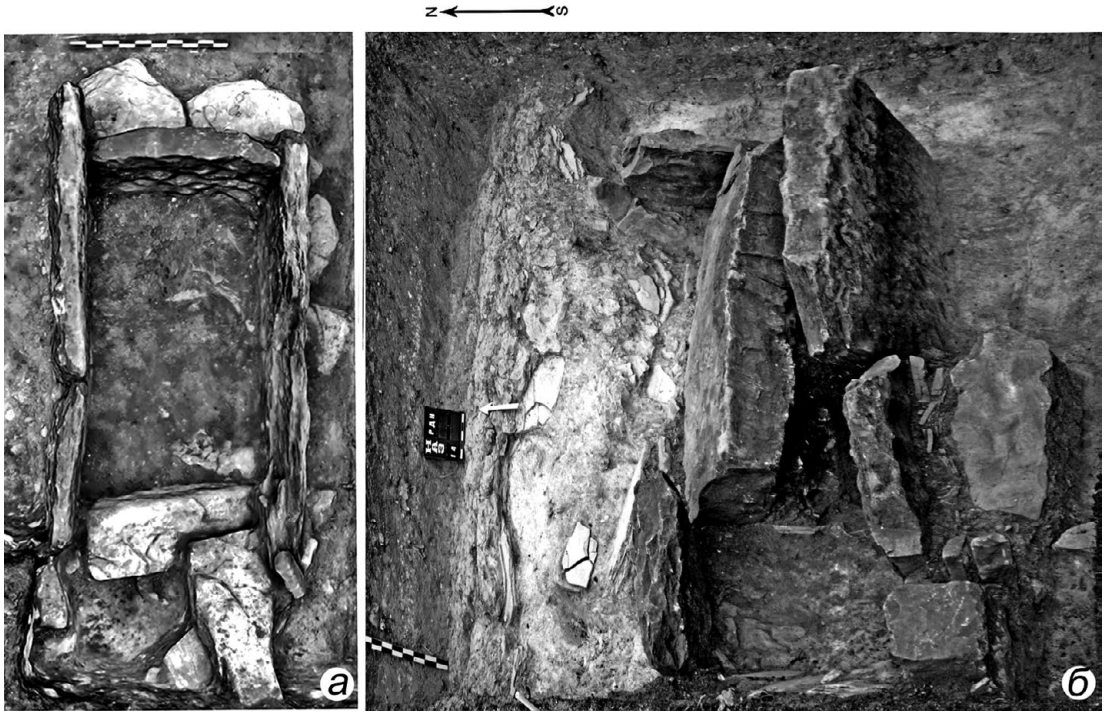

Рис. 4. Погребальные сооружения могильника Родники-1: погребения 4 (*а*) и 5 (*б*). Расколы субширотных плит вследствие динамического воздействия, направленного вдоль оси СЗ-ЮВ

выявлены остатки ещё одной гробницы размером 1,5×3 м, перед возведением которого в мягких породах скального материка также был вырублен небольшой котлован (погр. 5; рис. 2. *I*; 4. *б*) [5]. После установки плит стен, образовавшиеся с внешней стороны пустоты были забутованы поставленными на ложок крупными скальными обломками.

Плита северной стенки гробницы (2,04×1,14×0,28 м) зафиксирована со значительным креном, так что верхний край уперся в верхний край южной стены. На внутренней поверхности её прослежены трассы от инструмента, помощью которого плита была добыта из скальной породы и прошла первичную обработку. Узкие и глубокие борозды длиной 1–1,8 м были ориентированы меридионально или продольно. Внешняя сторона, судя по характерным гребням, обработана топором-молотом. Следы Аналогичные следы в виде довольно глубоких взамопараллельных бороздок с сантиметровым шагом присутствовали и на верхней кромке плиты этой стены.

Плита южной стены оказалась расколота на две части, причем более массивная (1,6×1,08×0,2 м) восточная находилась в вертикальном положении. Меньшая же (0,85×1,0×0,2 м) западная, несмотря на забутовку большими скальными обломками, смещена в юго-западном направлении и слегка накренилась. Отмечен значительный (0,28 м) перепад высот между уровнями верхних кромок северной и южной плит.

[5] Скальный гребень выявлен в северной части раскопа.

Поперечная восточная стена была образована плитой, которая сохранилась в виде обломка треугольной формы, размером 0,8×0,58×0,16 м. Причем, если ее южный торец стыкуется с внутренней поверхностью южной стены, то внутренняя поверхность восточной плиты перекрывает восточный торец северной стены. Таким образом, размер ограниченной стенами погребальной камеры 1×2 м. С запада к ней примыкают остатки входа с преддверием, которые явно смещены в юго-западном направлении. По всей видимости, с севера преддверие было ограничено прямоугольной плитой (0,64×0,5×0,28 м), а с юга – западной частью южной стены. Не исключено, что эту функцию «порога» выполнял стоящий в настоящее время вертикально блок, размером 0,35×0,35×0,8 м. Такие значительные деформации продольных плит каменного ящика однозначно свидетельствуют о сильных динамические воздействиях, направленных перпендикулярно их простиранию, то есть, вдоль меридиональной оси.

Особо отметим более совершенные конструктивные решения следующего (№ 6) погребального сооружения размером 1,2×3,4 м (рис. 2. *I*; 5). Продольная северная стена состояла из плиты 2,92×1,1×0,14 м. Тщательно обработана была только её внутренняя поверхность. При этом западная часть этой плиты несколько уже восточной. На восточном торце выбрана четверть для соединения с поперечной стенкой. В 0,6 м от противоположного торца на внутренней поверхности для западной стенки вырезан паз. В 0,7 м от северо-восточного угла плиту прорезает поперечная трещина. Противоположная ей южная плита (2,1×1,0×0,24 м), также обработана с внутренней стороны. По-видимому, сквозная трещина зафиксирована в области крепления с попереченой плитой западной стенки. Верхние кромки образующих каменный ящик плит находятся на одном уровне. Если поперечная, восточная плита (0,92×1,08×0,16 м) соединена с торцом продольных благодаря выборкам в «четверть», то западная плита (0,9×0,6×0,16 м), как уже отмечалась выше, могла передвигаться вверх и вниз в специальных пазах, вырезанных в продольных плитах. Выступающие на 0,6 м, наружу продольные плиты образуют своеобразное преддверие. В гробнице смещению подверглась лишь юго-восточная плита. Она несколько развернулась против часовой стрелки вокруг вертикальной оси, что привело к излому в ее юго-западной части и к раскрытию на границе со смежной (перпендикулярной) плитой в северо-восточной части. Такая деформация могла возникнуть, если источник волн сжатия или ударных подвижек располагался к ЮВ от ящика.

С этими комплексами связан важный для датировки бытования склепов керамический материал. Тарная керамика представлена амфорой Фасоса раннебиконической серии (рис. 2. *а, 3*) конца V – первой четверти IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 66, табл. 41. *5–7*] и хиосской амфорой с небольшой «колпачковой» ножкой (рис. 2. *а, 4*) первой трети/четверти IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 21–22, табл. 12. *1–3*]. Близок по дате кольцевой поддон чернолаковой чаши (скифос) (рис. 2. *а, 5*) – середина IV в. до н. э. [*Sparkes, Talkott* 1970, no. 561].

Об использовании этих погребальных сооружений позднее, в эллинистическую эпоху (III–II вв. до н. э.) свидетельствуют ножка керамического флакона (погр. 5; рис. 2. *а, 6*) и золотые амфоровидные подвески [*Мордвинцева* 2010, 285, № 237; *Малышев, Грешников, Васильев* 2015, 131, рис. 4].

По-видимому, под влиянием античных погребальных традиций в этот период на полуострове Абрау получают распространение гробницы с короткими дромосами

Рис. 5. Погребальные сооружения могильника Родники-1: погребение 6. Деформации в продольных плитах возникли при динамической воздействии, направленном субмеридионально

в узкой, торцевой части прямоугольной камеры. Подобную эволюцию претерпели и каменные ящики Крымского п-ова, которые обычно связывают с негреческим, в основном со скифским населением [*Ольховский* 1991, 46–49, 137; *Масленников* 1995, 60–62]. Близкие по конструкции погребальные сооружения IV–III вв. до н. э., названные А. А. Масленниковым «протосклепами» [*Масленников* 1995, 44], открыты в курганных и грунтовых могильниках Восточного Крыма.

Погребальные конструкции в вид каменных ящиков.

В северо-восточной части могильника Родники-1, 100 м от курганообразной насыпи, под которой обнаружены гробницы 1 и 2, исследовано семь погребальных комплексов (погр. 7–13) участка «каменного некрополя» площадью 76 м^2 (рис. 2. *I*; 6. *а*).

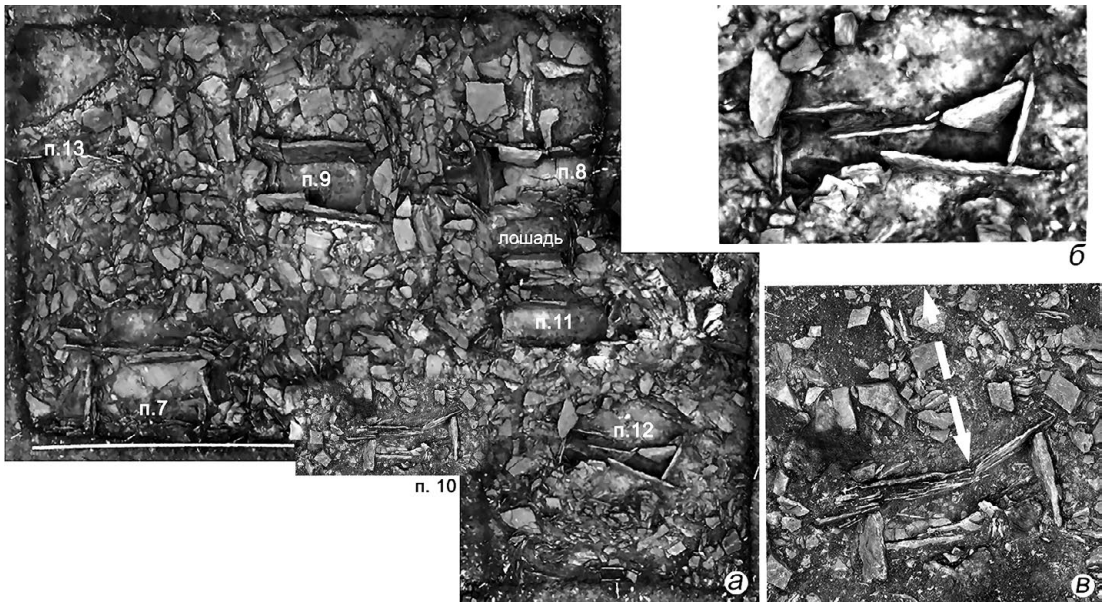

Рис. 6. Участок могильника Родники-1 с каменными ящиками (*а*): погребения 10 (*б*) и 12 (*в*). Широтные стены ящиков повреждены вследствие сильного сейсмического воздействия, направленного субмеридионально

В отличие от вышеописанных склепов они построены из менее прочных известняковых плит толщиной 5–10 см, а доступ в эти гробницы осуществлялся сверху. Однако ни одно из них не сохранило плит перекрытия, фрагментарно уцелели и стенки. Захоронения совершались на древней дневной поверхности. В настоящее же время этот горизонт перекрыт тонким слоем лесной почвы. Практически все гробницы были ограблены, а затем долгое время подвергались воздействию эрозивных процессов и склоновой деформации, поэтому об изначальных контурах каменных ящиков можно говорить только предположительно. С внешней стороны их стенки были укреплены кольцом из крупных камней. На других могильниках этого региона (Лобанова щель, у хут. Рассвет) это были кольцеобразные кладки, которая возводилась над плитами перекрытия [*Дмитриев, Малышев* 1999, рис. 24].

Большая часть обнаруженных в горизонте могильника и в заполнении гробниц профильных частей керамики принадлежат разновидностям хиосских прямогорлых амфор конца V – первой половины IV в. до н.э. (рис. 2. *б, 7*, *8*, *9*) варианта IV-B [*Монахов* 2003, 19–20. табл. 9. *4*, *5*] и «протоколпачковых» (рис. 2. *6*) варианта V-A [*Монахов* 2003, 20–21, табл. 10. *5–8*]. К IV– началу III в. до н.э. могут быть отнесены ручка синопской амфоры (рис. 2. *б, 3*) и поддон чернолаковой солонки (рис. 2. *б, 2*) [*Rotroff* 2006, nos.1055, 1056, 1058].

Ориентированный широтно первый каменный ящик (1,6×0,5×0,5 м) был обложен мелкими и средними камнями (погр. 10; рис. 2. *I*; 6. *в*). Он сгруппирован в одной меридиональной полосе с расположенным в 3 м севернее погребением 9. Фрагменты продольной южной стены в виде двух (?) расслоившихся плит известняка втиснуты в полуторараметровое пространство между двумя поперечными и имеют значительный крен

внутрь камеры стенками. Северная стенка длиной 2,5 м состояла также из расслоившейся, практически необработанной плиты. Как и южная, она испытала мощную продольную деформацию, в результате чего образовалась поперечная трещина и небольшой крен внутрь камеры. В неё упираются торцы плит двух поперечных стен. Восточная, длиной около 0,9 м, стояла почти вертикально, тогда как западная (0,7 м) имела крен внутрь камеры. Каменный ящик сильно разрушен. Тем не менее видно, что обе субширотные стены (с азимутом простирания в ВСВ румбах) имеют излом и изгиб к югу в своей центральной части. Это свидетельствует о расположения источника сейсмического воздействия к ЮЮВ от погребального сооружения.

Кромлех следующей гробницы (погр. 12; рис. 2. *I*; 6. *б*) пристроен к расположенному севернее погребению 8. Захоронение в ориентированном широтно каменном ящике размером ок. 2×1 м полностью разграблено. Его северная продольная стена сохранилась фрагментарно, *in situ* – её западная часть из двух плит (1×0,5×0,1 и 0,8×0,4×0,1 м). Зафиксировано несколько обломков, возможно, изначально единой плиты южной продольной стены. На момент обследования, в вертикальном положении сохранились плиты, удерживаемые поперечными стенками ящика. Средняя часть стенки (0,8×0,4×0,08 м) зафиксирована упавшей в камеру. Гораздо лучше сохранились поперечные стены ящика, представленные крупными (0,65×0,3×0,1 м; 0,75×0,3×0,1 м) монолитными плитами. Их торцы упирались в продольные стенки гробницы. Плита восточной стены имела заметный крен внутрь. Гробница подверглась сильной деформацией; особенно стены/плиты широтного простирания. Они сдвинулись в направлении друг к другу, что возможно при сильно субмеридиональном сжатии. Учитывая, что при исследовании всех вышеописанных каменных ящиков источник сейсмических колебаний располагался к югу от могильника, и в данном случае он был тот же.

Таким образом, мы можем предположить, что источником сейсмических подвижек/колебаний был сейсмоактивный разлом, находившийся к ЮЮЗ от могильника. Учитывая, что стены каменных ящиков были частично вкопаны в грунт, местная сейсмическая интенсивность подвижек колебаний была Il = VIII–IX баллов по шкале MSK-64. Последующие палеосейсмологические исследования на разломных зонах с помощью тренчинга помогут не только выявить источник этих сейсмических воздействий, но и воссоздать историю сейсмической активности в Анапско-Натухаевской долине в антропогенный период.

Список литературы

В*язкова* О. Е. 2009. Роль природно-географического фактора в формировании антропогенного ландшафта на полуострове Абрау // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 11–18.

Дмитриев А. В. 1989. Отчет об археологических исследованиях в зоне оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза Краснодарского края в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12836.

Дмитриев А. В., *Малышев* А. А. 1999. Могильник VI–II вв. до н. э. в устье Лобановой Щели // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. 5, 17–52.

К*орженков* А. М., *Новичихин* А. М., *Овсюченко* А. Н., *Рангелов* Б. К., *Рогожин* Е. А., *Димитров* О. В., *Ларьков* А. С., *Лю* Ц. 2019. Поиск следов сильных древних землетрясений на Западном Кавказе: Археосейсмологические исследования в древней Горгиппии // Геофизические процессы и биосфера. 18/4, 15–33.

М*алышев* А. А., *Грешников* Э. А., *Васильев* А. Л. 2015. Погребальные сооружения эпохи эллинизма горгиппийской хоры // КСИА. 241, 125–136.

Малышев А. А., *Горланов* С. С., *Дрыга* Д. О., *Мочалов* А. В. 2023. Могильник Родники: топография и археология // КСИА. 270, 220–234.

Малышев А. А., *Корженков* А. М. 2024. Архитектурные особенности и стратиграфия // Поселение Дубки: опыт комплексного анализа. М., 15–40.

Малышев А. А., *Клемешов* А. С., *Корженков* А. М., *Овсюченко* А. Н., *Ларьков* А. С., *Едемский* Д. Е. 2025. Комплексное исследование монументальных сооружений Верхнегостагаевского городища // Архитектурная археология. 7, 81–91.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва–Саратов, 350.

Мордвинцева В. И., Хачатурова В. И., Юрченко Т. В. 2010. Предметы торевтики и ювелирные украшения Кубани // Сокровища Древней Кубани. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. 4. Симферополь, 9–50.

Н*овичихин* А. М., *Корженков* А. М., *Овсюченко* А. Н. 2020. Археосейсмологические исследования на территории археологического заповедника «Горгиппия» в 2019 г. // ДБ. 25, 259–287.

О*всюченко* А. Н., *Корженков* А. М., *Малышев* А. А., *Едемский* Д. Е., *Бутанаев* Ю. В., *Ларьков* А. С., *Андреева* Н. В. 2023. Сейсмические деформации на античном городище Раевское и сейсмотектоника Северо-Западного Кавказа // Геофизические процессы и биосфера. 22/2, 75–108.

Овсюченко А. Н., *Корженков* А. М., *Быхалова* О. Н., *Ларьков* А. С. 2024. Исследования следов сильных землетрясений в районе устья Лобановой щели (Западный Кавказ, п-ов Абрау) // Наземные и морские экосистемы Северо-Западного Кавказа: история, состояние, охрана. Научные труды государственного природного заповедника Утриш. 6. Анапа, 16–23.

Р*огожин* Е. А., *Овсюченко* А. Н. *Лутиков* А. И., *Собисевич* А. Л., *Горбатиков* А. В. 2014. Эндогенные опасности Большого Кавказа. М., 256.

Рогожин Е. А., *Горбатиков* А. В., *Степанова* М. Ю., *Харазова* Ю. В., *Сысолин* А. И., *Андреева* Н. В., *Погребченко* В. В., *Червинчук* С. Ю., *Чэнь* Ц., *Лю* Ц., *Овсюченко* А. Н., *Ларьков* А. С. 2020. Глубинное строение северо-западного окончания Кавказа по новым геолого-геофизическим данным // Физика Земли. 6, 48–65.

С*изов* В.И. 1889. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии (Материалы по археологии Кавказа. II). М., 183.

R*otroff* S.I. 2006. Hellenistic Pottery: The Plain Wares (The Athenian Agora. XXXIII). Princeton, 480.

S*parces* B.A., *Talcott* L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, 472.

Summary

A.M. Korzhenkov, A.A. Malyshev

Seismic impacts on monumental burial structures at the Rodniki burial ground in the Anapa-Natukhaevskaya Valley

As a result of archaeological research, unique data has been obtained not only on the development of the peninsula's seismogenic landscape in the historical era, but also on events related to tectonic processes in the region over the past millennia. The article considers the seismogenic effects identified on the monumental structures (crypts and stone boxes) of the Rodniki-1 burial ground of the Early Iron Age. It is noted that, despite the significant (approx. 4 m) height difference in the eastern direction, the consequences of significant deformation effects in the meridional direction were noted in the studied structures. Summarizing the obtained archeoseismological data, it is suggested that the source of the seismic movements/vibrations was a seismically active fault located south of the burial ground. Considering that the walls of the stone boxes were partially dug into the ground, the local seismic intensity of seismic movements and vibrations was Il = VIII-IX points on the MSK-64 scale.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.196-213

А. А. Масленников
(ИА РАН, г. Москва)

Два вопроса к одному имени[1]

Династическая история античного Боспора всегда привлекала внимание исследователей. Больше того, в силу состояния наших источников (античная письменная традиция, нумизматика и эпиграфика) это одна из наиболее разработанных в отечественном боспороведении тем, хотя, конечно, и в ней немало белых пятен и спорных моментов. Из специалистов, чьи изыскания в данной области увидели свет последние четверть века, назовём, прежде всего, В. П. Яйленко, С. Ю. Сапрыкина, А. А. Завойкина, Н. В. Завойкину, Ю. Г. Виноградова, Ю. А. Виноградова, М. Г. Абрамзона, И. Е. Сурикова. Касались её так или иначе и другие современные отечественные и не только (Д. Браунд) историки и археологи, не говоря уж об их маститых (и не очень) предшественниках. Кроме того, эта тема напрямую связана с одной из ведущих проблем отечественного антиковедения: соотношение местно-варварского и местно-античного в боспорской элите и в других слоях населения, а равно и всех областях жизни этого государственного образования. То есть, степени их (прежде всего, элиты) иранизации, романизации или, что особенно популярно, – сарматизации. При этом общеизвестно, что у представителей правивших на Боспоре династий встречаются личные имена эллинского, иранского (персидского) и фракийского происхождения. Не обошлось и без латинских, но это уже, как признак необходимого в императорскую эпоху сервилизма. Разумеется, все понимают, что это вовсе не обязательно означало соответствующего происхождения членов этих высокостатусных корпоративных групп и даже, хотя это и более вероятно, их «родоначальников»[2]. В остальном же можно только констатировать или предполагать наличие тех или иных «кровей». В этой связи как бы особняком стоит одно имя – явно производное от этникона. Мы имеем в виду личное имя – «Савромат». Если быть точным, то главную часть составного имени, данную, скорее всего, «по рождению» (см. ниже). Вообще же их, Савроматов, на боспорском

[1] Статья подготовлена в рамках работы по плановой теме «Античность и раннее средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции (№ НИОКТР 126011315524-1).

[2] Кем был некий Археанакт и тем более Спарток I – предмет споров. Асандр – очевидно, местный знатный грек. С середины же III в. н. э. … всё возможно. Исключение, естественно, все Митридатиды: «потомки Ахемена».

престоле эпиграфически и нумизматически зафиксировано трое. Но речь, естественно, пойдёт о первом из них. Последующие – уже отражали родственную преемственность. Напомним: полностью и, что характерно, уже «по первому разу» упоминания (*КБН* 42; от 93 г. н. э.) оно звучит так: «…происходящий от предков царей, Тиберий Юлий Савромат, друг Цезаря (Цезарей?), друг римлян, благочестивый и пр., и пр.» (см. ссылку на все соответствующие надписи: *КБН*, стр. 842).

Итак, нас интересует ответ на два взаимосвязанных вопроса, которыми, кажется, ранее особенно глубоко не задавались: почему именно «**Савромат**», а не **«**Сармат» и **почему «**Савромат»?

Появление такого имени в титулатуре четвёртой (третьей?) боспорской династии на первый взгляд, как уже констатировалось всеми и давно, как будто бы естественно для северопричерноморского региона рубежа эр и позднее, когда здесь среди варварского окружения господствовали племенные союзы, в настоящее время отождествляемые с савроматской и сарматскими культурами. При этом «савроматы» и «сарматы» – как бы собирательный термин, общий этникон, своего рода продукт греко-римской «учёности» и/или бытовой практики общения. Наподобие, например, куда более известных славян, германцев, галлов и т. п., у каждого, входившего в эти обширные территориально-культурные общности, «племени» (этноса) были свои самоназвания[3], время от времени менявшаяся территория обитания, история, менталитет и иные особенности (вспомним знаменитые: «Gallia est omnis divisa…»).

Знакомство же местных (и не только) греков с этой (условно нескифской, но ираноязычной) частью соседнего и более отдалённого варварского миров, по-видимому, началось примерно столетие спустя после основания большинства античных поселений рассматриваемого региона (апойкий, а затем полисов). Но как бы непосредственным оно стало, очевидно, где-то с эллинистической эпохи. То есть после того, как на сопредельном с местными античными центрами пространстве произошла смена «этно-доминантов»: сарматы (савроматы?) вытеснили скифов[4]. Впрочем, относительно только что сказанного имеются и иные представления: боспорские греки, по крайней мере в Среднем Прикубанье и Восточном Приазовье, уже с самого начала, имели дело с некоей непрерывной локальной (Предкавказье) савромато-сарматской этнокультурной традицией[5].

Как уже давно было подмечено, этноним «сарматы» фиксируется в античной эпиграфической и литературной традиции несколько позднее нежели «савроматы». При этом ещё раз оговоримся, что оба данных «самоназвания» дошли до нас через греков, а потом – римлян. Как и когда, в отличие от скифов («сколоты» – Herod. IV, 6), называли

[3] Их наименования для первых – «савромат» – не известны, зато для вторых – напротив: роксоланы, аорсы, сираки, аланы, языги и н. др.

[4] Не будем конкретизировать время этих «перемен» и тем более – ход событий: на сей счёт среди специалистов, прежде всего археологов, существовала и существует «разноголосица» мнений, получившая отражение в весьма пространном количестве публикаций.

[5] Происхождение культуры населения сарматского времени степного Предкавказья, включая Прикубанье, связано с носителями савроматской культуры Волго-Донья (*Березин, Малашев* 2026, в печати). С такой точкой зренипя любезно ознакомил меня один из ведущих современных сарматологов В. Ю. Малашев, которому автор выражает искреннюю благодарность.

в целом, а не по «племенам», они себя сами – нам точно не известно. Но не исключено, что также или близко к этому.

Так или иначе, но этноним «савроматы», да и они сами, согласно традиционным представлениям, предшествуют появлению нашего героя почти на половину тысячелетия. Иными словами, Савромат I (годы царствования 93/94–123/124 гг. н. э.) правил тогда, когда, казалось бы, *савроматы* давно «сошли с исторической арены», а его современниками были «разного рода» *сарматы* (в данном случае не важно, являлись ли они новым этно-образованием или этапом развития прежнего, споры о чём вот уже век ведутся среди сарматологов).

Так почему же для имени отпрыска тогдашнего боспорского правившего дома (сын царя Рескупорида I), да ещё будущего царя был выбран именно этот, вроде бы явно архаичный варварский этноним? Ни «Скиф», ни «Сармат», ни «Меот», ни «Синд», ни, в конце концов, «Сирак», «Аорс» или «Алан»? Хотя повод для этого вполне мог представиться (см. ниже)? Кстати, никто из Спартокидов, как известно, подобного рода имени или прозвища не носил. А ведь они столетиями контактировали со своими соседями! При этом наверняка имели место и договоры, и брачные союзы, и военные победы/поражения… Пожалуй, лишь один Аспург – прадед нашего «героя» – исключение, да и то, по-прежнему, идут споры (думаю, нет нужды приводить соответствующие ссылки на работы коллег – их много): что или кто первичен/первично этноним или личное имя. Иными словами, кто такие «аспургиане»?

Между тем, если быть точными, имена Скиф, Сармат, как и Синд/Синдок вполне себе засвидетельствованы в рядовой боспорской ономастике, но … только со второй половины II в. н. э.!? (см. соотв. документы в КБН, а также: [*Завойкина* 2021, 84–85])[6]. А первое из них, как все знают, – так даже и в Афинах. Но при всём том, личного имени «Савромат», кроме, разумеется, царского, в этом же «собрании», да и в прочих литературных и эпиграфических текстах не встречено (о единственном исключении будет упомянуто ниже). Казалось бы, обозначенный только что «архаизм» – налицо…

Но так ли это было на самом деле, вернее, ко времени появления на свет сына царя Рескупорида, внука царя Котиса, правнука Аспурга и праправнука Асандра? Точная дата рождения Савромата I нам не известна. Теоретически это могло произойти в конце правления императора Нерона или что-то около этого. Так или иначе, но надо полагать, что к 93 г. н. э. это уже был вполне взрослый человек, чтобы после смерти отца обойтись без «престолоблюстителя» или регента. По крайней мере, он был достаточно опытным и сведущим, чтобы перед этим (где-то в 80-х годах) «благодаря личной доблести и счастью», победить неких варваров (алан) [*КБН* 45; *Сапрыкин* 2005, 46, 57–60] и успешно пройти инаугурацию у такого непростого и подозрительного («мнительного» – Svet. Dom. XIV, 4), особенно в последние годы правления, императора, как Домициан. Кстати, что тогда мешало новому царю если не при рождении, то в честь своей первой победы или побед принять на римский манер имя: «Алан/Аланик/Аланский», Псехан/Псеханик/Псеханский и т. п. или, наконец, «Сармат/Сарматик/Сарматский»,

[6] Должно при этом оговориться, что после 1964 г. с Боспора происходят сотни новых лапидарных памятников, отражённых во множестве публикаций. Как же было бы хорошо, если бы кто-то из эпиграфистов взял на себя труд собрать их воедино, скажем, во второй том КБН.

а не «Савромат/Савроматский»? После такого отступления вернёмся, собственно, к нашему первому вопросу.

Итак, почему же именно: «Савромат»? Может быть, в отличие от современных представлений никакой разницы между «сарматами» и «савроматами» во второй половине I в. н. э. на Боспоре не видели, по крайней мере в обыденной практике употребления этого этнонима? И всё дело лишь в любви к архаизмам по «торжественным случаям»? То есть, правомерно ли нам полагать, что «савромат» и «сармат» тождественны или же всё-таки это «две большие разницы»?

Специальная, главным образом, отечественная литература о савроматской и сарматских археологических культурах – что называется, безбрежна. Ограничимся здесь упоминанием (да простят нас прочие авторы – савромато/сарматологи), пожалуй, лишь нескольких самых основательных, как нам кажется, и относительно недавних обобщающих публикаций [*Скрипкин* 2017; 2019; 2021].

Вопрос этот, как уже отмечалось, одолевал исследователей соответствующих археологических древностей с тех пор, как они, вообще, были выделены М.И. Ростовцевым [*Чибиров* 2024, 123–173]. И обращения при этом к античным письменным свидетельствам было естественным, многократным, с разной степенью глубины, но завершались подчас различными (особенно в зависимости от научно-территориальной специализации того или иного из них) выводами. И тем не менее, полагаем, будет не бесполезным кратко сделать это ещё раз и не выборочно, а как бы «на всём протяжении» нашего свода античных авторов, от самого первого их упоминания, до раннего средневековья.

Разумеется, не будучи специалистом в области анализа древних текстов, филологом или лингвистом, автор не претендует на какое-то собственное, новое видение того или иного источника. Тем не менее, учтём в каждом конкретном случае/примере не только время и цели его создания, жанр (поэмы/стихи, землеописания, исторические изложения, письма, панегирики, хроники, сборники новелл «по случаю» и т. п.) но, по возможности, биографические данные авторов и некие общелитературные закономерности и особенности этих работ. Так, общеизвестно, что наиболее достоверные сведения вообще собирались обычно в периоды «первознакомства» с тем или иным регионом как греков, так и римлян или тогда, когда этот регион в силу каких-то причин оказывался в центре их внимания (масштабные и долговременные войны, крупные политические события, массовые переселения, катастрофические явления природы, и т. п.). В последствии, особенно в позднеантичное время, эти сведения, порой «слово в слово» кочевали от одного автора к другому, а реальные этнические самоназвания по традиции заменялись давно принятыми обиходными (например, все готы и даже славяне – «скифы»). Известно также, что местные имена, в том числе и этнонимы, могли в греко-латинской передаче искажаться, переходить со временем от одного к другим родственным «племенам», как бы наслаиваться друг на друга, путаться при цитировании и т. д. Наконец, ещё раз оговоримся, что подобные экскурсы с той или иной степенью детализации неоднократно предпринимались ранее. Касательно нашей темы, из относительно недавних и наиболее глубоких по анализу источников публикаций назовём помимо упомянутых работ А.С. Скрипкина основательную статью безвременно ушедшего С.Р. Тохтасьева [2005] и целую серию работ В.П. Яйленко по топонимике и этнонимии Боспора и Северного Причерноморья.

Итак, принято считать, что первым савроматов назвал в своём «скифском рассказе» Геродот, опираясь на сведения никак не позже конца VI – первой половины V вв. до н. э.[7]

Если очень кратко, то савроматы, согласно Геродоту, обитали за рекой Танаисом на пространствах в 15 дней пути; их язык – схожий со скифским, но всё-таки особенный; образ жизни также примерно одинаковый; между ними имели место разного рода контакты, в том числе военные и матримониальные (Hdt., IV. 6, 21, 57, 102, 110–117, 119–120, 122–123, 128, 136). Никаких «сарматов» у Геродота мы не находим.

Затем, вспомним трактат Псевдо-Гиппократа (460–377 гг. до н. э.), где савроматы как «скифский народ» упомянуты уже в Европе и (?) вокруг Меотиды (V. 24).

Скилак Кариандский (Псевдо-Скилак), живший примерно во второй половине IV в. до н. э., в своём «Перипле» сообщал о некоем народе «сирматы», обитавшем за скифами на границе Европы и Азии (река Танаис). Но следом (за этой рекой) помещает и собственно савроматов, «первый народ в Азии на Понте» (?), а за ними – меотов и синдов. При этом именно савроматы традиционно названы им «женоуправляемыми». Кто такие сирматы, кем они приходятся савроматам и почему последние помещаются не на Меотиде, а на Понте? Бог весть. Но не исключено, что это и есть первое упоминание собственно сарматов [*Тохтасьев* 2005, 292–295].

Феофраст (372–287 гг. до н. э.) знает «Скифию» и «Сарматию» как некие части суши. Значит ли это, что термин (или этнос?) «сарматы» стал уже превалировать? А вот Аполлоний Родосский чуть ранее отзывается вновь о савроматах, как о враждебном «народе». Довольно много лет спустя об известном историкам договоре 179 г. до н. э. понтийского царя Фарнака I с Гаталом «сарматским царём» сообщает Полибий, современник этих событий.

Далее перечислим тех авторов, которых можно отнести к кругу историков митридатовского времени. Кстати, благодаря некоторым из них, мы имеем отголоски сведений от несколько более ранних сочинителей (Эфор, Эвдокс, Эратосфен, Артемидор Эфесский и н. др.).

Итак, Скимн Хиосский (Пс.-Скимн) (конец II – начало I в. до н. э.) называет, со ссылкой на Эфора, савроматов самыми славными среди номадов. Но почти сразу затем повторяет, что за Танаисом – границей Европы и Азии, первыми на пространстве в 2000 стадий живут сарматы, а за ними, со слов Деметрия, «меотское племя» язаматов или, согласно всё тому же Эфору, савроматов. И легендарные амазонки соединяются здесь с ними, а не со скифами. Не будем вдаваться в споры относительно этнокультурной принадлежности язаматов, как ранее – сирматов. Отметим, что если это перечисление отражает какие-то реалии этногеографии, то, быть может, сарматы – это пограничные с греками савроматы, а прочие (например, в Среднем Прикубанье) – так и остались пока с прежним названием.

Николай Дамасский и Исигон Никейский (I в. до н. э.) сообщают о савроматах одну и ту же байку: дескать, они через каждые три дня наедаются до пресыщения. Диодор

[7] Здесь и далее мы пользуемся известным сводом В. В. Латышева – SC., в полной мере отдавая себе отчет, что существуют и иные варианты «рукописей», переводов и т. п. При этом позволим себе лишь соответствующие упоминания, без комментариев и конкретных ссылок, полагая, что всякий желающий может самостоятельно справиться относительно любого заинтересовавшего его автора, текста или эпизода, тем более что общая критическая оценка всего северопричерноморского античного литературного наследия была сделана ещё сто лет назад [*Ростовцев* 1925, 3–25] и изменилась не столь уж существенно.

Сицилийский знает савроматов у реки Танаис, но также сообщает о некоей особе, выданной замуж за царя сарматов, «которых некоторые называют скифами». В его известной новелле о конце Великой Скифии фигурируют только сарматы.

Сарматов упоминает и придворный врач Митридата Диоскорид. «Перевалив» через известный хронологический рубеж, укажем Филона Александрийского, писавшего о племенах сарматов и скифов. Ему в своей «Иудейской войне» вторит Иосиф Флавий: «Те из скифов, которые зовутся сарматами… переправились через реку Истр». Событие это (победа над варварами римского военачальника Рубрия Галла) произошло в правление Веспасиана. Чуть ранее он (Иосиф) характеризует аланов как часть скифов, живущих вокруг Танаиса и Меотиды. То есть, его сведения как бы эклектичны и даже противоречивы. А всё это – начало второй половины I в. н. э.

Прежде чем перечислять далее, вернёмся к монументальному труду Страбона. Он, что называется, всё к рубежу эр подытожил. Савроматы («племя за Евксинским Понтом») упоминаются им 8 раз, а сарматы («кочевое племя за Меотидой») – 7. Кроме того, он сообщает ценные подробности относительно некоторых из савромато-сарматских племён (сираки, аорсы, роксоланы). Для нас в данном контексте важны два других эпизода. Трактовка первого (Strab. XII. 3, 26) как бы неоднозначна; либо автор вообще не делал различия между савроматами и сарматами, либо, наоборот, отличал их, наравне со скифами.[8] Второй – пространное рассуждение Страбона в одиннадцатой книге (XI. 6, 2) относительно своих «информационных» предшественников. Упомянув о «скифах или сарматах», обитавших к западу от Каспийского моря, он сообщает: «Старинные греческие историки называли все северные народы общим именем скифов или кельто-скифов. Однако ещё более древние историки установили различия между ними, называя племена, жившие над Понтом Евксинским, Истром и Адриатическим морем гиперборейцами, савроматами и аримаспами» (пер. Г. А. Стратановского) Примерно тоже находим и в переводе В. В. Латышева (SC. С. 148–149). Кого именно из этих историков он имел в виду – не ясно, но, скорее всего, Геродота. Главное же – создаётся впечатление, что «савроматы» – это старинное, предшествовавшее наименование современных ему (Страбону) сарматов. По-видимому, это так и было, хотя соответствующая традиция бытовала ещё весьма долго (см. ниже). Впрочем, Страбон, как известно, очень сложный, компилятивный автор, так что вопрос о соотношении у него савроматов и сарматов требует отдельного анализа.

Особо отметим «Борисфенитскую речь» Диона Хрисостома (конец I в. н.э). И, прежде всего, потому, что она, в отличие от остальных «кабинетных штудий», содержала непосредственные, живые наблюдения, являясь своего рода, «корреспонденцией с мест». Итак, в окрестностях Ольвии им упомянуты укрепления, принадлежавшие супруге царя савроматов. Да и его здешний герой – Каллистрат «многих савроматов, говорят, убил». Нет основания не верить точности словопередачи очевидца: данный этноним вполне себе бытовал в указанном месте и в указанное время.

[8] «Однако он (Гомер) не мог бы обойти названия “скифы”, “савроматы” или “сарматы”, если бы они действительно так назывались у греков…» (Страбон. География. М. 1994, перевод Г. А. Стратановского). Или у В. В. Латышева: «…умалчивая о Скифах или Савроматах, или Сарматах, если бы они действительно уже в то время так назывались у Еллинов…» (SC, стр. 159).

Резкая активизация римской внешней политики и военной активности при Траяне не могла не отразиться в соответствующей греко-латинской письменной традиции. Примеры тому: «Землеописание» Дионисия и «Перипл Понта Эвксинского» Аррина Флавия, современников Траяна и Адриана. Правда, в последнем (в отличие от приписываемого ему более позднего сочинения) интересующего нас материала нет. Зато в первом – имеется («Танаис течёт через землю савроматов в Скифию и в Меотийское озеро», но к северу и востоку от Истра среди прочих племён называет неких «саматов» и «храбрых алан», а вблизи Меотиды живут «сами меоты и савроматские племена, с которыми соседят синды») (SC. C. 178. 181, 183. Перев. И. П. Цветкова). И что интересно, Евсевий (XII в. н. э.) в своих комментариях к Дионисию поправляет его текст: «Саматы, то есть, сарматы. Первая форма произошла вследствие выпадения неизменяемого "р"» (SC. C. 194. Перев. И. П. Цветкова). (Может быть, нечто подобное имело место и с разбираемыми нами этнонимами? То есть, по законам развития языка?).

Впрочем, в других сочинениях Арриана («Анабасис Александра» и «Тактика») Александр Великий воюет с савроматами и языгами на Истре (335 г. до н. э.), а также обозначены «савроматы и скифы» и «аланский и савроматский манер…» соответственно.

Уже при Марке Аврелии Клавдий Птолемей окончательно и надолго вводит понятия Европейской и Азиатской Сарматий и помещает на западном берегу Меотиды язигов и роксолан.

Примерно тогда же Аппиан в «Митридатовых войнах» писал о сарматах как союзниках этого царя, а также – в том же качестве, но в другом месте – и о савроматах. Кроме того, пояснял, что «царские язиги происходят из числа савроматов. Но при этом (в 47 г. до н. э.), «…Фарнак в Крыму собрал скифов и сарматов».

У Лукиана (II в. н. э.) в его «Токсариде или о дружбе» (самый ранний исторический роман в истории – своего рода «Сказка о царе Салтане») один из героев попадает в плен в схватке с савроматами. А вот известная героиня новеллы Полиена (почти современник Лукиана) Амага была женой Мидосакка, царя сарматов.

Павсаний в «Описании Эллады» упоминает «сарматский панцирь» среди приношений в святилище Асклепия. А грамматик Элий Гиродиан (опять-таки время Марка Аврелия) знает только «Сарматию» и сарматов.

Клавдий Гален и Клавдий Элиан (конец II – начало III в. н. э.) вновь «вспомнили» о савроматах («меоты и савроматы употребляют просо»).

В хронике Диона Кассия (III в. н. э.) находим, что ещё в 15 г. до н. э. Гай Луций помогал Ремиталку – дяде и опекуну детей Котиса (Фракия) – победить и отбросить за Истр савроматов.

Геродиан в своей «История империи после Марка» устами Максимина сообщает о «савроматах, всякий раз умоляющих о мире». А это уже, напомним, III в. н. э.

Авторы следующего века относительно нашего «предмета» вызывают по понятным причинам (реальные сарматы или савроматы к этому времени как бы сходят с исторической арены, в целом уступая место аланам, готам и, наконец, гуннам) меньшего доверия. Однако их «эпизоды» из прошлого небезынтересны. Так, Евсевий знает сарматов и даже греко-сарматов и сообщает, что император Тиберий «покорил далматов и сарматов», а Траян «принял под своё покровительство савроматов и боспорян». И в прочих

местах его текста присутствуют то сарматы, то савроматы, и даже встречается личное имя «Сармат» – единственный случай во всей рассматриваемой античной письменной традиции. Правда, не в одном контексте с Северным Причерноморьем.

Либаний (IV в. н. э.) сообщает, как бы мимоходом, что при императоре Юлиане савроматы (в очередной раз) перешли Истр. Фемистий, почти его современник, несколько раз употребляет этот же этноним, но уже во времена императора Феодосия. Более поздними грекоязычными авторами можно в принципе пренебречь: этно-политическая картина мира в позднеантичное время так изменилась, что старые привычные термины (все варвары – «скифы» и т. п.) уже не соответствовали, как справедливо отмечалось многими, реалиям или же просто мы имеем дело с многократными повторами. Пожалуй, упомянем только Зосима («Новая история»), Стефана Византийского и, естественно, Псевдо-Арриана («Перипл…») (V – начало VI вв. н. э.). Первый, повествуя об эпохе Константина, несколько раз называет савроматов, в том числе живущих у Меотиды, и даже их царя Равсимода. Второй – знает неких «савроматов» в связи с легендами об амазонках, а также сарматов и страну Сарматию. Это важно для нас, поскольку данный автор в целом ряде случаев ссылается на фактически не дошедшее до нас сочинение Гекатея Милетского. Псевдо-Арриан же повторяет почти дословно ссылку Псевдо-Скимна на Эфора относительно сарматов у Танаиса, живущих на пространстве в 2000 стадий, и неких язаматов, которых тот называл савроматами.

Латиноязычные авторы, при всех высказанных выше оговорках, заслуживают, естественно, несколько большего доверия, ибо хоть как-то отражают соответствующую этноситуацию, имевшую место по ходу римской военно-политической и экономической экспансии в интересующую нас часть античной Ойкумены. Разумеется, в основном это относится к ранним и относительно ранним из них (не ранее рубежа эр) (ни Цезарь, ни Цицерон в своём обширном литературном наследии ни савроматов, ни сарматов не упоминают).

Кажется, впервые они присутствуют на «Карте Агриппы» и в «Деяниях Августа» («…нашу дружбу просили через послов бастарны, скифы, цари сарматов, живущих по эту сторону реки Танаид и за ней…»). Помпей Трог (современник Тита Ливия), в изложении Юстина, сообщает, что Митридат Евпатор просил помощи у сарматов. А Овидий, будучи в ссылке почти в тоже время, уже как о «соседях» писал то о савроматах, то о сарматском народе и сарматском побережье, то о сарматских стрелах, а то снова – о савроматах, переправляющихся через Истр, или савроматах и гетах на Сарматском море. Подчеркнём, Овидий – ещё один из очень немногих – был очевидцем того, о чём писал и вряд ли путал эти этнонимы, если… между ними были принципиальные различия [*Подосинов* 1985, 103–136]. Более вероятно оба эти названия в «обыденной практике» обозначали одно и то же.

В «Хорографии» Помпония Мелы (около середины I в. н. э.) этноним савроматы встречается три раза, а сарматы – пять. Причем, первые состоят из разных «народностей», живущих по Танаису, а вторые – это, как будто бы те (родственные им), что расселились к этому времени на пространствах от этой реки до реки Истра.

Данному автору, чуть погодя, вторит и Сенека (Дунай разграничивает римлян и «нестриженных» сарматов с их царём). Тогда же «сарматов», «сарматские войны» и «сарматские воды» перечисляет и придворный поэт Лукан.

Плиний Старший (29–79 гг. н. э.) также вроде как склонен савроматами считать тех кочевников, которые обитают, так сказать, на своей родине, вокруг Меотиды, а сарматами – тех, кто западнее, до Истра. Но при этом какие-то сарматы (екатерриты) живут у него где-то на Кавказе, причем «за ними» – опять савроматы, к которым «…бежал Митридат при императоре Клавдии, который рассказывал…» (Вот вам и первоисточник?). А рассказывал он, судя по Тациту (см. ниже), о сираках и аорсах – вроде бы как сарматских «царствах», впервые именно так упомянутых Страбоном примерно за полвека до войны Рима и Котиса против Митридата Понтийского. Вот и подтверждение слов самого Плиния: «…сарматы или по-гречески – савроматы» (NH. IV, 80) (А вот и прекрасный пример тождественности этих двух этнонимов!). Правда, как мы видели выше, грекоязычные авторы почти что постоянно использовали оба наименования этих кочевых (?) варваров.

Ещё один поэт второй половины – конца I в. н. э. Флакк упомянул о сарматских «штанах», «огромном копье», «береге сарматского Понта» и даже о том, что известный остров Певка (Ахиллий, Белый, Змеиный) «назван именем сарматской (?) нимфы…».

Марциал (42–102 гг. н. э.) называет сармат «сытыми кровью коня», а «Истр – сарматским», приводя этот этноним ещё пару раз. Но единожды вспомнил и савроматов.

Стаций (приблизительно то же время) употреблял словосочетание «сарматские зимы», но тут же пишет: «…С какой стремительностью направляет своё длинное копьё савромат». В Схолиях же к Стацию находим: «Савроматы», стало быть он (Ювенал?) называет (так) «сарматов». Действительно, у Ювенала мы встречаем дважды именно этот этноним.

Знаменитый Тацит употребляет только название «сарматы»: два раза в «Анналах», два – «Истории» и один – в «Германии». Это уже начало II в. н. э., хотя он повествует о событиях I в. н. э. При этом, ещё раз подчеркнём, что он по долгу службы [*Кнабе* 1981, 54, 64–76; *Дуров* 2020, 423–425] был неплохо осведомлён об этнических реалиях восточных соседей Боспора. Два раза упомянут «сармат» у его современника Светония. А вот их не менее известный коллега Плиний Младший трижды в своих письмах Траяну приводит имя нашего «героя» Савромата I.

Воспоминания о столкновении римлян с сарматами мы находим и в хронике ещё одного автора первой половины II в. н. э. – Флора. Странному сообщению о том, что сарматы якобы наедаются «за раз» на три дня мы обязаны Авлу Геллию (середина – вторая половина II в. н. э.). (Очевидно у него и вышеупомянутого греко-язычного автора явно был некий общий «первоисточник».) Знает сарматов и Туртуллиан.

«Землеописание» Солина (первая половина III в. н. э.) содержит «воспоминание» о том, что «живущие в Азии (?) савроматы, которые в своё время “дали приют” Митридату» (очевидно Боспорскому), происходят от мидян.

Сарматы, сарматские племена, сарматские походы фигурируют в панегириках Максимиану и Констанцию (конец III в. н. э.), а также в составленной примерно на рубеже этого и следующего веков «Истории Августов» (жизнеописания Адриана и Марка Аврелия).

Авзоний (IV в. н. э.) называет в своих эпиграммах и речах как савроматов, так и сарматов. А вот писавший «о знаменитостях» и «цезарях» несколько позднее его Секст Ав-

релий Виктор приводит названия только сармат. Евтропий (вторая половина того же века) сообщает информацию о походе Домициана против сарматов и о том, что Траян «привёл в подданство» царей савроматов и боспорцев. Примерно к тому же времени относится и труд Аммиана Марцелина, где содержится, помимо уже явно архаичной («За Танаидом … живут савроматы») и относительно более свежая информация: «Истр… течёт мимо земли савроматов, простирающейся до реки Танаид». Кроме того, отметим, как бы непосредственно касающееся нас: «Царь персов Сапор… чтобы вероломство не миновало ничего непорочного, изгнал (некоего) Савромака (Sauromace), которого римские власти назначили правителем Иберии». (Савромат, Савромак, Савмак… любопытно, не правда ли?)

Из числа ещё более поздних авторов остановимся только на компилятивной хронике П. Оросия (начало V в. н. э.). Помимо «сарматского океана» он упомянул о дако-сарматах в эпоху Августа, войне и победе Адриана над савроматами, восстании сарматов при Марке Аврелии, победе над ними же Константина и подготовке к войне с сарматами Валентиниана.

Чем-то подобным, причём с повторами, является и «Сокращённая хроника» Тирона Проспера (Аквитанского) (первая половина V в. н. э.). Вот несколько выдержек из неё, касающихся нашей темы. «Тиберий Цезарь привёл в римское подданство далматов и сарматов». Несколько позднее «велась война с савроматами». Ещё позднее – «квады и сарматы заняли Паннонию» и «Римляне победили готов в стране сарматов».

Грамматик Присциан (вторая половина V – начало VI в. н. э.) в стихотворной форме повторяет старинное: «Танаид, оставив землю савроматов, течёт…». Но пишет также как о сарматах, так и вновь о «свирепых савроматах». И сарматов, и савроматов мы находим и в относящемся к тому же времени «Землеописании» Юлия Гонория. Встречаются оба этникона и у ещё нескольких церковных писателей позднеантичного и раннесредневекового времени, но всё это уже как бы «вторично», а то и «третично» и новой информации тут нет.

Такое угасание достоверности с сохранением и повтором нередко самых архаичных сведений можно отнести, как уже неоднократно указывалось, в значительной степени почти ко всей античной письменной традиции, касающейся этногеографии Северного Причерноморья. Для нас в данном случае важно устойчивое не противопоставление, а со-употребление обоих этнонимов на протяжении очень длительного времени. Или, лучше сказать, почти со времени их появления. Они определённо не сменяют друг друга, а существуют как бы параллельно. Но при этом мы не знаем примера, когда оба эти названия (кроме как, возможно, у Страбона – см. выше) «стоят рядом», как перечисления (…савроматы, и сарматы, и…). Отличия же одних от других, вероятно, надо искать не столько в территориальных перемещениях или сложении новых родственных «этносов», сколько в разночтениях и временных внутриязыковых традициях и переменах, закреплённых на письме и в произношении (обыденной речи).

Что же касается собственно имени «Савромат», то оно, исходя из всего вышесказанного, вовсе не представляется вычурно архаичным и неадекватным времени. Наоборот, как-то даже «торжественно-традиционным», правильным, соответствующим высокому статусу и т. п. Хотя… Впрочем, приведём обо всём, только что написанном, и другие

мнения, высказанные не античными авторами и даже не современными археологами. Прежде всего, оговоримся, что к этимологии интересующих нас названий (этнонимов) лингвисты-классики обращались неоднократно. Остановимся только на относительно недавних изысканиях и высказываниях.

Так, О. Н. Трубачёв допускал, что название (этноним) сарматы это или более поздняя форма «савроматы», или это вообще разные, хотя и этимологически тождественные названия разных «народов», сменявших друг друга [*Трубачёв* 1999, 271].

Более определённое и даже категоричное суждение: «При всём сходстве названий они (савроматы и сарматы. – *А. М.*), скорее всего, имеют разное происхождение и по-разному этимологизируются на основе иранской лексики и превращение первого во второе лингвистически маловероятно». – находим в статье Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского [1984, 59].

Специально занимавшейся этой темой С. Р. Тохтасьев [2005, 291–306] отмечал «путаницу» в этих названиях в античной литературной традиции, вызванную целым рядом причин и предполагал, что в данном случае название одного племени могло перейти на группу родственных племён. С какого-то времени (Псевдо-Скилак), античные авторы (или их часть) вообще отождествляли оба эти этникона и народа [*там же*, 295–299]. Слияние же указанных терминов происходит около II в. до н. э. При этом С. Р. Тохтасьев справедливо оговаривался, что современная археологическая наука такое тождество категорически отвергает, исходя из очевидных различий в материальной культуре. Что же касается лингвистического аспекта, то сарматы в этом плане – более поздняя стадия развития иранских языков [*там же*, 299–300].

Наконец, В. П. Яйленко любезно напомнил мне, что изменения в передачи имён (этнонимов) савроматы/сарматы у греко-латинских авторов, пожалуй, впервые специально рассматривал ещё Л. Згуста [*Zgusta* 1955, 24–25]. Кроме того, форма «sauromatai» в полном соответствии с хронологией античной письменной традиции (см. выше) действительно была изначальной, поскольку она содержала полный иранский дифтонг «au», который в разных иранских языках впоследствии сокращался до «a» (sarmatai) или «u» (surmatai =Ps.-Scym., 860) [*Эдельман* 1986, 73]. Сам Валерий Петрович относительно недавно посвятил этой же теме довольно пространное «эссе» в одной из своих статей. Суть кратко сводилась к следующему. Оба рассматриваемых этникона в античной литературной традиции взаимно сосуществуют, поэтому, скорее всего, не связаны друг с другом [*Яйленко* 2015, 430]; все предложенные до сих пор этимологии обоих слов неубедительны или, по крайней мере, вызывают возражения; в основе этнонима «сармат» лежит местная (Нижний Дон, Приазовье) индоарийская гидронимика; последние – это ираноязычные (с IV в. до н. э.) пришельцы, «позаимствовавшее» (видоизменив? – *А. М.*) это название у некоего («савроматы»?) местного индоарийского населения [*Яйленко* 2015, 431–432]. Впрочем, к настоящему времени, этот маститый исследователь, по его словам: «…склонен сдать эту свою догадку в архив, потому что грамматический строй имени сармат вполне иранский. Первичная форма, безусловно, была sauromatai… Таким образом, исходную основу этнонима можно восстановить как saurama-, она оформлена иран. суффиксом множ. числа -ta; но что именно означает сия основа, не вполне ясно, так как возможны варианты» (Из письма В. П. автору.)

Иных точек зрения по этой проблематике мне пока не известно.

Обратимся, теперь ко второму вопросу: почему это имя вообще появилось в династической антропонимике Боспора первых веков н. э. (т. е. почему «Савромат»)? Отчасти выше об этом уже писалось. Касались его (вопроса) до нас и другие историки.

Прежде всего, или, лучше сказать, полагаем, что это не столько и даже вовсе не проявление некоей «сарматизации» боспорской династии (как справедливо заметила вновь Н. В. Завойкина [2021, 79]), сколько ещё одно проявление проримского сервилизма, в целом характерного для правящей элиты Боспора именно I–II вв. н. э. Вспомним традиционное «тронное» имя почти всех его представителей – «Тиберии Юлии». Что мы ещё имеем в виду? А так называемые *агномены* – почетные прибавления к именам высшей (точнее, правящей) римской знати, ставшие практически обязательными для императоров первой и отчасти второй династий эпохи принципата: Германик, а также (единожды) Британик[9]. Как известно, впервые прозвище/титул (*когномен*) «Германик» (Germanicus) в 9 г. до н. э. был присвоен посмертно Друзу Старшему, отцу более известного Германика (Германика Юлия Цезаря Клавдиана), в честь его (отца) побед в Германии в 11 г. до н. э. Для сына оно, как почётное, стало уже основным именем (*praenomen*). Затем мы находим его у всех следующих императоров династии Юлиев Клавдиев: Гай Юлий Цезарь Август Германик – Калигула, Тиберий Клавдий Нерон Германик – Клавдий, Клавдий Цезарь Август Германик – Нерон, Клавдий Тиберий Германик Британик – Британик, сын императора Клавдия от третьего брака. Последний – в честь римских побед в Британии, случившихся как раз после его рождения. Очевидно, по причине несчастной судьбы сына Клавдия или ввиду отсутствия сына-наследника у Домициана (а у того повод тоже был, и не малый – см. Тацит: «Агрикола»), позднее это имя именно в такой форме никем не использовалось. Все последующие (в других династиях) императорские *агномены* – это почётные титулы, но не личные имена: Домициан – «Германский», Траян – «Германский, Дакийский, Парфянский, и т. п. Например: Imperator Caesar Divi Nervae Filius Nerva Traianus Optimus Augustus Germanicus Dacicus Parthicus, Pontifex Maximus, Tribuniciae potestatis XXI, Imperator XIII, Consul VI, Pater Patriae, а Марк Аврелий – помимо прочих, ещё и «Сарматский» (Sarmaticus). Бытовала такая практика и в следующем веке.

Аналогично обстоит дело и с личным именем нашего героя. Не «Сарматский/Савроматский», как можно было бы ожидать в случае соответствующих причин/побед, а именно «Савромат» (Sauromates). То есть, как бы в духе династии именно Юлиев Клавдиев и, не исключено, боспорской традиции (Аспург?). Случайно ли это?

Напомним, Тиберий Юлий Савромат начал править, по крайней мере, уже не в юном возрасте при «позднем» Домициане, а затем царствовал при Траяне и даже, в конце своей жизни, при Адриане. То есть около 30 лет. Можно предположить, что он появился на свет, как уже указано было выше, незадолго до воцарения своего отца, Рескупорида I (II?) (68/69–91/92 гг. н. э.) или немного позднее. Самая на сегодняшний день ранняя надпись от имени Савромата относится к 93 г. н. э. (*КБН* 42). В ней он сообщает о постановке статуи (?) своему отцу и «благодетелю». Отметим, что, несмотря на ссылку

[9] Наверное, впервые на этом обстоятельстве недавно «заострила внимание» Н. В. Завойкина [2021, 79].

на своё и отца «происхождение от предков царей», сам Савромат царём тут не назван. То ли отец на этот момент был ещё жив, то ли, что более вероятно, только что умер, то ли новый правитель Боспора ещё не был утверждён Римом в качестве царя (за него к Домициану, возможно, именно для этого и ездило, как мы знаем, важное доверенное лицо – герой энкомия [*Сапрыкин* 2005, 45–78]). А раз так, то он теоретически вряд ли успел до 92/93 гг. н. э. совершить те военные подвиги, которые послужили бы основанием для появления столь примечательного личного имени[10]. Потом – да, его правление было хоть и не простым, но в целом вполне себе успешным и даже порой победоносным. Этапы военной и, в меньшей степени, дипломатической «составляющих» жизненного пути этого, очевидно, весьма достойного боспорского правителя нам более или менее (ведь о поражениях, как правило, не сообщается…) известны благодаря данным эпиграфики и отчасти нумизматики. Посвящены им и относительно недавние исследования и обобщения наших уважаемых коллег [см.: *Saprykin* 2000, 47–52; *Сапрыкин* 2005, 45–81; *Виноградов, Горончаровский* 2009, 272–277; *Яйленко* 2010а, 310–327; 2010б, 497–503; *Сапрыкин, Парфёнов* 2012, 163–182].

Так или иначе, но дошедшие до нас надписи Савромата I относятся к разным годам, но только после 97 г. н. э. (*КБН* 43) они содержат царский титул, а вот имя Савромат – всегда. Для нас важно, что уже будучи царём он немало успешно (о неуспешных, естественно, мы не знаем, хотя следы разрушений предположительно этого же времени на Азиатском Боспоре вроде бы как фиксируются[11]) повоевал и со скифами, и с некими псеханами, возможно, с аланами и… мало ли кем ещё. Но собственно «савроматы/сарматы», как некое «обобщение», как это имело место в соответствующей римской практике[12], в этих реляциях отсутствуют. Впрочем, не упомянуты они и в надписях других боспорских царей. По крайней мере пока таких текстов в нашем распоряжении нет. Одно время предполагалось, что у него, Савромата, сложились непростые отношения с Траяном [*Толстиков* 1992, 54]. Хотя, судя по письмам Плиния Младшего, они были скорее даже доверительными (Plin. Sec. Epist. X, 63, 64, 67). Высказывалось мнение, что вследствие возросшей внешней опасности именно при нём возникла система укреплённых городищ и валов на Таманском п-ове и в Крыму. Но даже если это и не так, то значительное внимание фортификации (подновлению укреплений), безусловно, им уделялось [*КБН* 1045, 1048, 1122, 1254; *Ростовцев* 1918, 161; *Виноградов*, *Горончаровский* 2009, 275–276; *Бонин* 2022, 58–60]. Насколько велика вероятность участия его (пусть и не персонального) в войнах Траяна на Дунае и тем более в Парфянском походе, не ясно. В любом случае, всё вышеперечисленное было уже потом, в бытность его царём «всего Боспора» и даже «вспомнившего», что он ещё и «потомок Посейдона и Геракла» (*КБН* 1048). (Какая уж тут «сарматизация»?)

[10] Хотя, всякое возможно, но, как правило, не все были столь одарёнными и счастливыми сызмальства, как Александр Великий…

[11] Из недавних соответствующих ссылок укажем: [Завойкина 2021, 78–79]. Но есть мнение, что следы военных действий следует датировать уже временем правления преемников Савромата I [*Бонин* 2022, 58–59]

[12] Римские командиры в Британии и Германии успешно воевали во славу своих императоров не со всем населением этих стран, а с конкретными племенами или союзами племён. Другое дело сами императоры – с Дакией, Парфией. Это были целые государства или протогосударства, т. е., нечто «единое».

Может быть, в появлении такого имени «повинен» был его отец [*Виноградов, Горончаровский* 2009, 273; *Завойкина* 2021, 79]? Отец его – Рескупорид I (II?), очевидно, родился где-то в самом начале правления Котиса, вероятно, до аннексии Фракийского царства при Клавдии (т. е. до 46 г. н. э.)[13]. Насколько нам известно, ему, особенно в конце царствования, тоже «улыбнулось военное счастье» [*Виноградов, Горончаровский* 2009, 273–274; *Сапрыкин* 2005, 45 сл.]. Полагают, что это была победа над аланами в 80-х годах I века н. э. И с ними даже связывают следы разрушений и пожаров в городах и на хоре Азиатского Боспора [*Сапрыкин* 2005, 57–59], что, впрочем, в настоящее время, как будто бы, как только что отмечалось, не находит хронологического подтверждения [*Бонин* 2022, 58–59]. Так или иначе, но аланы – «племя» сарматское, и савроматами нигде в источниках не названы. Случайно ли – не ясно. Даже если это и была некая эпохальная победа, то могут возразить: «Ведь не со всеми же савроматами/сарматами "оптом" (Котис и Рескупорид) воевали столь успешно, что посчитали нужным зафиксировать это в имени наследника». И враги, и союзники из их числа носили, как мы знаем по Тациту, совершенно конкретные наименования: аорсы и сираки, а также роксоланы, аланы, может быть, псеханы и пр. Поэтому конкретный *агномен* был бы более актуален. Но заметим, что согласно римской практике Юлиев Клавдиев (а с неё, очевидно, и брался пример), «этнические» *когномены/агномены* это не столько упоминание побеждённых или подчинённых народов (т. е. своего рода прилагательные) сколько – соответствующих стран, территорий. И тогда в нашем случае можно было бы ожидать: «Sauromaticus». И торжественно, и в духе времени, и в память о важном, может быть даже судьбоносном для династии противнике/союзнике, и… с очевидной претензией на «царя царей»…

В этой же связи не исключён и вариант с дедом, Котисом I (годы царствования 45/46–67/68 гг. н. э.), куда более известного нам благодаря «Анналам» Тацита. Началу собственного правления он обязан… своему предательству, а также римлянам и союзным сарматам (савроматам?) – аорсам. А в конце, несмотря на вовремя проявленное «подобострастие» (*КБН* № 41; 58 г. н. э.), он, как полагают, «утратил доверие» Нерона, и, может быть, был вынужден, как он уже это делал, искать поддержки у местных варваров, продолжая вместе с тем (на всякий случай) «отдавать должное» и Риму (сохраняя для династии наследственное имя «Тиберий Юлий»). Мысль эта тоже не нова, но подтверждения пока не получила. В любом случае, ещё раз: непонятно почему внуку дали имя именно «Савромат», а не «Аорс», «Алан» или как-то ещё, но более конкретное, определённое. Хотя выше, мы только что этого касались.

Помимо военных побед среди таких причин можно предположить некие матримониальные союзы, например, брак деда или отца с соответствующей (савромато-сарматского круга) варварской «принцессой». Ну, скажем, из племени аорсов, как известно, союзников Котиса в войне с его братом Митридатом. Вновь напомним, что полный титул отца Савромата начинается «Потомка царей, великого царя Тиберия Юлия Рескупорида, сына царя Котиса и царицы Эвники (?) …». (*КБН* №№ 1047, 1118). Евника, если такое восстановление текста верно, – имя вполне себе греческое. Но ведь и имя царя

[13] В противном случае давать будущему правителю «тронное» имя фракийских династов было бы как-то не кстати. Хотя…

аорсов – Евнон (Tac. Ann. XII, 19), как ни странно, но тоже. И … как похожи! А вдруг … Евника его (Евнона) дочь или внучка? И тогда… Ничего ни «тогда». Она – внучка Динамии, а сам Котис – сын Аспурга (*КБН* № 42). То есть, по мужской линии тоже внук Динамии! И тогда они родственники…!?

Итак, кто была женой Рескупорида и матерью нашего героя мы пока не знаем. Но в честь этого союза, в духе некой, не исключено, элитарной традиции (нечто своего рода: «comme il faut») первенец и получил столь необычное, как бы архаичное, но вместе с тем торжественно правильное (?) имя. Тогда, с учётом всего только что сказанного, встаёт вопрос: а не означало ли оно (имя) чего-то кроме упоминания этноса? В таком случае, вольно-невольно, мы вновь обращаемся к этимологии, где, как уже было сказано, единого мнения не наблюдается.

Например, вариант с прозвищем, данным в детстве за какие-то специфические черты характера, внешности или пристрастия (стрельбе из лука или к одеждам черного цвета), а то и просто по любви: «saura» – славный, солнечный, ясный, лучезарный; «mata» – учение [см.: *Тохтасьев* 2005, 294]. Напомним, согласно В. И. Абаеву [1949, 184], этимологию названия «савроматы», а следовательно и личного имени можно трактовать как «одетые в чёрное». (На память сразу приходят «меланхлены» Геродота и борисфениты Диона Хрисостома, в подражание «одному из скифских племён» одетые во всё черное.) Но другие иранисты предлагают «перевод»: «стрелки из лука», «лучники» [*Тохтасьев* 2005, 294–296]. Что для позднеэллинистического и римского времени выглядит как бы неким анахронизмом. Ведь принято, и не без оснований, считать, что основу сарматской военной мощи составляли не лучники, а копьеносцы, в том числе катафрактарии [*Нефёдкин* 2011, 160–169]. Но то – сарматы. А вот стадиально более ранние кочевники (скифы и савроматы?) действительно в основном славились как конные стрелки.

Или, в этой же связи, ещё один «вариант». Не исключено, что так («савроматы» в греческой передаче) изначально именовалась у индоиранцев каста воинов-лучников, так сказать, аристократия, высшее сословие. (Должно признать, что автор не силён в соответствующей теме и литературе. А последняя – наличествует.) Однако при всём этом, не будем забывать, что вообще-то, согласно ранней античной традиции (Геродот, Псевдо-Скилак, см. также об этом: [*Трубачёв* 1999, 271]), савроматы – «женоуправляемый» народ. А посему, такое личное имя, вроде бы как-то не к лицу будущему воителю, герою… Но это так, к слову. А вот: «*первый в касте воинов*» – чем плохо? Нечто вроде: «лучший из всадников», «воитель», «славный витязь», «победоносный конник», «герой», будущий «святой «Георгий» в конце концов[14]. (Кстати, рано и весьма почитаемый у осетин христианский святой [*Абаев* 1960,19].) И очень даже к лицу будущему «царю-царей» и … с претензией на сопредельное признание… Хотя, конечно, в любом случае всё только что сказанное как-то очень зыбко, почти не доказуемо… Не случайно эти и другие вари-

[14] Прямо так и напрашивается стихотворение Мао Цзэдуна:
«Кто этот герой
на лихом коне?
Это наш Пен…» (маршал Пен Дехуай).
Но, вообще, если серьёзно, то культ бога-всадника – совершенно особая и очень ёмкая тема.

анты этимологий обоих этнонимов, как мы отмечали выше, были в своё время критически разобраны В. П. Яйленко [*Яйленко* 2015, 430–431]. Иных же пока не появилось.

Итак, получаем: савроматы и сарматы – в плане литературной традиции это одна и та же этническая общность, естественно, не остававшаяся на протяжении нескольких веков неизменной в плане развития экономики, демографии, социальной структуры, племенной организации и территории. Но при этом она сохранила некое языковое и, вероятно, ментальное, если не единство, то сходство, что и фиксировалось большинством античных авторов. Разница названий объяснялась либо тем, что одно из них было самоназванием (савроматы), а другое – данным соседями (греками). Либо – второе из них (сарматы) несколько искажённое, изменившееся (по законам развития языка – выпадение гласных и т. п.) произношение первого. Так или иначе, но исконно правильным, чистым, престижным в среде местной (боспорской) элиты, видимо, очень долго считалось именное название «савроматы» и, соответственно, имя важной персоны было «Савромат» (Sauromates).

Почти несомненно, оно было присвоено наследнику Рескупорида очень рано (при рождении), может быть, в честь какого-то особенно важного обстоятельства/события, в котором фигурировали савроматы/сарматы. Но не исключены, в том числе исходя из этимологии, и иные варианты. Более вероятно, это было сделано отцом Савромата, но, возможно, ещё и при жизни деда. В любом случае, ответ на второй из поставленных вопросов остаётся «туманным». Так или иначе, но для утверждений о сарматизации (варваризации) правившей на Боспоре династии, начиная с Савромата I, серьёзных оснований, на наш взгляд, нет.

Список литературы

А*баев* В. И. 1949. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М., 610.

Абаев В. И. 1960 Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.,18–20.

Б*ерезин* Я. Б., *Малашев* В. Ю. 2026. Памятники предкавказских степей второй половины IV в. до н. э. – первой половины/середины I в. н. э.: культурная атрибуция // Материалы XII Международной научной конф. «Проблемы культурогенеза савроматской и сарматских культур». Владикавказ, в печати.

Бонин А. В. 2022. Хора Боспора в I в. до – середине II вв. н. э. // РА. 4, 51–62.

В*иноградов* Ю. А., *Горончаровский* В. А. 2009. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., 352.

Г*рантовский* Э. А., *Раевский* Д. С. 1984. О проиранском и индоарийском населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. М., 47–66.

Дуров В. С. 2022. История римской литературы. СПб., 608.

Завойкина Н. В. 2021. Представители сармато-аланского мира в городах Азиатского Боспора (II–III вв. н. э.) // Hyanis. 3. 72–96.

Кнабе Г. С. 1981. Тацит. Время, жизнь, книги. М., 206.

Нефёдкин А. К. 2011. Военное дело сарматов и аланов. СПб., 304.

Подосинов А. В. 1985. Произведения Овидия, как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 288.

Ростовцев М. И. 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 190.

Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое рассмотрение памятников литературных и археологических. Л., 621.

Сапрыкин С. Ю. 1998. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1. 191–205.

Сапрыкин С. Ю. 2005. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II вв. н. э. // ВДИ. 2, 45–81.

Сапрыкин С. Ю., *Парфёнов* В. Н. 2012. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомий из Пантикапея: Домициан или Коммод? // ВДИ. 1. 163–182.

Скрипкин А. С. 2017. Сарматы. Волгоград, 293.

Скрипкин А. С. 2019. К дискуссии о причине гибели Скифии // Нижневолжский археологический вестник. 18/2. Волгоград, 8–24.

Скрипкин А. С. 2021. К определению содержания этнонимов «савроматы» и «сарматы» // Нижневолжский археологический вестник. 20/1. Волгоград, 82–102.

Смирнов К. Ф. 1964. Савроматы. М., 379.

Тохтасьев С. Р. 2005. Sauromatae – Surmatae – Sarmatae // Херсонесский сборник. XIV. Севастополь, 291–306.

Толстиков В. П. 1992. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Сообщения ГМИИ. 10, 41–65.

Трубачёв О. Н. 1999. Indoarica в Северном Причерноморье. Этимология. М., 320.

Чибиров А. Л. 2024. Академик М. И. Ростовцев: открытие скифо-сарматского мира. Владикавказ. 226.

Эдельман Д. 1986. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 280.

Яйленко В. П. 2010а. Поход Савромата I против псеханов на азиатском Боспоре // В. П. Яйленко. Тысячелетний Боспорский Рейх. М., 310–327.

Яйленко В. П. 2010б. Надписи времени Савромата I // В. П. Яйленко. Тысячелетний Боспорский Рейх. М., 497–503.

Яйленко В. П. 2015. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 19, 386–458.

Saprykin S. 2000. Le roi Sauromace I – er du Bosphore Cimmerien // Les sites arche'ologiques en Crime'e et au Caucase Durant l'antiquite' tardive et le haut moven-age (Colloquia Pontica. V.5). Leiden–Boston–Köln, 47–52.

Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 468.

Summary

A. A. Maslennikov
Two questions about one name

The Sauromatians and Sarmatians are one and the same ethnonym and, to some extent, territorial community, as recorded by ancient authors. The difference in names was explained either by the fact that one was a self-designation (Sauromatians), while the other was given by neighbors (Greeks, Romans). Or the second (Sarmatians) was a somewhat distorted, altered pronunciation of the first (according to the laws of language development—the replacement of a diphthong with a vowel, etc.). The personal name "Sauromatians" was apparently considered the original, correct, pure, and prestigious name among the local (Bosporan) elite. This, in addition to imitating the first Roman emperors, was reflected in the personal name (cognomen) of one of the representatives of the dynasty that ruled the Bosporus in the second half of the 1st century AD – Tiberius Julius Sauromates

This obviously took place already at his birth, due to some important, not necessarily military, circumstance/event involving the Sauromates/Sarmatians, neighboring the Bosporus. Given the ambiguous etymology of the word "Sauromates," the most preferable interpretation in this case is the one interpreting it as a sign of belonging to the highest ancient caste—the warrior-archer caste. One way or another, none of this is evidence of Sarmatization (barbarization) of the rulers of the Bosporus, beginning with Sauromates I.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.214-222

Е. А. Молев (†), Н. В. Молева
(г. Нижний Новгород)

Закладные жертвы в фортификационных сооружениях боспорского города Китея

Боспорский город Китей, будучи основан на южных рубежах Боспорского государства во второй половине V в. до н. э., играл важную роль в его обороне. С середины IV в. до н. э. он являлся мощной крепостью и сохранял это назначение до середины VI в. н. э., т. е. на протяжении тысячи лет. Возведение крепостных стен вокруг города началось уже в первой половине IV в. до н. э. Они защищали его с северной стороны, где проходила сухопутная граница со скифскими племенами. Эта стена была укреплена, по крайней мере, двумя квадратными башнями, фланкировавшими городские ворота [*Молев* 2010, 32–35; *Молев, Молева* 2020, 47–48]. Немного позже, в середине – второй половине IV в. до н. э. была возведена восточная крепостная стена, также укрепленная башнями. Во II в. до н. э. осуществлялось строительство западной крепостной стены и башни. С I в. до н. э. по III в. н. э. городская оборонительная система неоднократно достраивалась и ремонтировалась, а после IV в. стала постепенно приходить в упадок. Однако крепость продолжала существовать до середины VI в. и в ней, вероятно, находился небольшой византийский гарнизон [*Молев* 2010, 39–41].

Развалины этих сооружений достаточно хорошо были заметны в первой половине XIX века, что позволило П. Дюбрюксу составить план крепостных стен и башен (почему-то круглых) с предполагаемым проходом в северной стене [*Тункина* 2002, рис. 56]. Последующие раскопки в целом подтвердили правильность этого плана, однако многие частности с ним не совпали. В 1928 г. Ю. Ю. Марти был предложен уточненный план крепости Китея на основе археологических разведок. Схема, весьма условно наметившая очертания городских стен (без башен), была предложена Н. С. Беловой, проводившей небольшие охранные раскопки в Китее в 1957 г. [*Молев* 2010, 11–15]. На всех этих планах отсутствовали указания на укрепления в южной части города со стороны моря. Однако следует заметить, что высокий берег в этой части Китея за многие десятилетия сильно обрушился.

Раскопками 1973–2017 гг. под руководством Е. А. Молева были открыты фундаменты двойных панцирных стен, ограждавших город с севера и востока, толщина которых изначально составляла 3,2 м, а после перестроек и ремонтов достигла 4,5 м. В западной части городища была частично открыта стена толщиной 3,4 м. Исследованы также остатки четырех прямоугольных башен, укреплявших все три стены, и обнаружен въезд

в город, фланкированный двумя башнями, о котором только что упоминалось [*Молев* 2002, 297–312; *Молев* 2010, 35, рис. 37].

Городские фортификационные сооружения Китея не только были призваны защищать население от вражеских набегов, но и выполняли роль сакральной маркировки его пространства. В мировосприятии древних греков крепостные стены полиса обозначали границу космоса и хаоса [*Андреев* 1995, 29]. Под первым подразумевалась упорядоченная человеком городская жизнь, под вторым – мир природных стихий и варварства, враждебных людям. Считалось, что ограждение городского пространства стенами и башнями было необходимым, но еще недостаточным для безопасности городов. В религиозных представлениях древних существовало множество сил, преимущественно хтонического происхождения, угрожавших прочности городских укреплений. Среди них главными были землетрясения, периодически случавшиеся на Боспоре. Известно землетрясение V в. до н. э. [*Худяк* 1962, 48–49], разрушившее святилище Деметры в Нимфее. Дион Кассий сообщает о сильнейшем землетрясении, разрушившим боспорские города (*Dion Cass*. XXXVII. 11, 4). Археологическими и сейсмологическими исследованиями выявлены сильные разрушения в результате землетрясения III в. до н. э. в Пантикапее и Нимфее [*Толстиков* 1999, 74–75]. На памятниках первых веков н. э. также обнаружены следы сейсмических разрушений: городище Артезиан в первые десятилетия I в. н. э. [*Винокуров* 2015, 62–67] и во второй половине III в. н. э. [Винокуров 2024, 102]. А. А. Никонов считал сейсмический потенциал Крымского региона весьма значительным [*Никонов* 2000, 61–62]. Следы сильной сейсмической активности имеют место и в крепостных стенах Китея; именно с ними связаны строительные и ремонтные работы I в. до н. э. – III в. н. э. [*Молев, Корженков, Ларьков, Мараханов* 2016, 373–375].

Не случайно жителями города и строителями оборонительных сооружений предпринимался целый ряд мер, призванных обеспечить крепости защиту богов не только от варварских племен, но и от колебаний земли. Такими богами могли быть владыка подземного царства Плутон, Зевс – Громовержец, Оградитель, Сотер, т. е. покровитель и спаситель городов и их оборонительных сооружений. Именно поэтому в святилище, примыкавшем к восточной крепостной стене, было найдено полное граффито с посвящением Зевсу IV в. до н. э.: ΔΙΩΙ [*Молев, Молева* 2016, 166]. Сакральное значение фортификации Китея подчеркивалось и другими религиозными комплексами, вблизи оборонительных стен и башен. Это два святилища у восточной [*Молев, Молева* 2015а. 272–274] и западной [Молев, Молева 2015, 53–55] крепостных стен, функционировавшие с IV в. до н. э. по IV в. н. э. с таким набором находок, как алтари, граффити, терракоты, монеты и пр. Следует также отметить небольшую ритуальную площадку, располагавшуюся с внешней стороны северной крепостной стены, между городскими воротами и выходной калиткой. Она представляла собой алтарь, сложенный из 7 плит известняка, положенных плашмя; под большой центральной плитой находилось зольное пятно, а в нем – фрагменты терракоты, канфара и амфоры IV–III вв. до н. э. [*Молева* 2020, 99, № 70]. Все эти объекты были призваны усилить божественную защиту оборонительным стенам города. В них отправлялись культы преимущественно хтонических богов.

Общеизвестно: взаимодействие человека и божества происходит через жертвоприношение. Для древнего человека этот ритуал был главной формой общения с богами,

обращения к ним с мольбами и просьбами. В строительной практике при возведении общественных и религиозных сооружений применялись так называемые «закладные жертвы». Такая сакральная составляющая достаточно ярко прослеживается и в оборонительных постройках Китея. Также жертвоприношения осуществлялись в самом начале строительных работ, и тогда их следы находят в цоколях стен и башен. Вместе с тем, они фиксируются при больших перестройках и ремонтах в более позднее время, что служит доказательством их большого смыслового значения. Они были призваны умилостивить хтонических богов, колебателей земли, а также – божественных покровителей города. Кроме того, они должны были обеспечить прочность самих оборонительных сооружений. Такие жертвы довольно разнообразны: это монеты, антропоморфные изваяния, алтари, терракотовые статуэтки, помещенные в кладках, а также – ритуальные жертвоприношения собак, вернее, их голов.

Обратимся к последним. Все случаи таких сакральных действий относятся ко времени возведения крепостных стен и башен. Они размещались прямо на камнях их цоколей. В восточной линии обороны таковые относятся к IV в. до н. э. (IV раскоп), в западной – ко II в. до н. э. (I раскоп) [*Молева* 2002, 121], что свидетельствует об устойчивости этого обряда. Особенностью собачьих жертвоприношений является обычай декапитации (отсечения голов). Такой тип жертвы можно объяснить принципом pars pro toto – часть вместо целого. В жертву приносились те части животного, которые в наибольшей степени его олицетворяли. В связи с этим внимания заслуживают остатки костей собак, найденных в святилищах, примыкавших к восточной и западной крепостным стенам. В ранние периоды их бытования, относящиеся к IV–III вв. до н. э., среди находок костей домашних животных содержались и собачьи челюсти [*Молева* 2002, 122].

Культовая практика принесения в жертву собак при возведении крепостных стен и башен, а также при строительстве значимых общественных сооружений известна и в других боспорских городах. Такой ритуал был прослежен в Порфмии, где в основании северо-западной башни III в. до н. э. находился скелет собаки [*Вахтина* 2008, 56]. В Фанагории также была сделана интересная находка, связанная с собаками: в цокольной части большого общественного здания конца VI – первой четверти V в. до н. э. были обнаружены две лепные глиняные фигурки собак, помещенные в кладку в качестве закладной жертвы [*Завойкин* 2007, 42–43]. Аналогичные примеры известны в Нимфее [*Худяк* 1962, 48–49], в Приазовье [*Емец, Масленников* 1991, 112–114], на поселении Юбилейный I [*Фролова Н. А., Савостина Е. А.* 1998, 149–151]. Заметим, что А. А. Завойкин, Е. А. Савостина и М. Ю. Вахтина также считали эти ритуальные захоронения собак закладными жертвами.

Собаки в религиозных представлениях древних греков и боспорян обладали многими функциями: они, прежде всего, являлись охранниками и защитниками человека, но, вместе с тем, как хищники, принадлежали дикой природе. Еще они были тесно связаны с хтоническим миром [*Молева* 2002, 115]. Очевидно, что жертвоприношения собак в фортификационных и культовых сооружениях обеспечивало в представлениях боспорян присутствие верных стражей и защитников города, а также было призвано умилостивить богов – колебателей земли, придав крепостным стенам дополнительную защиту [*Молева* 2002, 122; *Завойкин* 2007, 49–50].

Весьма показательными являются случаи употребления монет при закладке крепостных стен и башен. Судя по многочисленным находкам, монеты часто служили вотивными приношениями богам в китейских святилищах. Такие подношения считались весьма ценными: монетами не разбрасывались – на территории жилых кварталов на городище их найдено единицы. В кладках, чаще всего в цоколях крепостных стен, они оказывались не случайно.

Всего таких примеров известно десять. В цоколе западной крепостной стены были обнаружены четыре монеты, сложенные «столбиком» (вероятно, они изначально находились в мешочке): это пантикапейские тетрахалки конца IV в. до н. э. Кроме того, шесть штук были найдены в цоколях двух воротных башен северной стены и в основании вымостки между ними, ведущей в центр города. Эти монеты относятся к разным периодам строительных работ. Самые ранние – пантикапейские тетрахалки 314–310 гг. до н. э. К концу III–II вв. до н. э. относятся три пантикапейских дихалка. Кроме того, были найдены пантикапейский тетрахалк 90–80 гг. до н. э. и обол Махара 80–70 гг. до н. э. [*Молев* 2018, 125–127]. Одна монета осталась неопределимой. Даты этих монет дают возможность более точно представить время возведения оборонительных сооружений города, а также периоды их реконструкции и ремонта [*Молев* 2017, 196].

Еще одним видом закладных жертв в крепостных стенах Китея являются антропоморфные изваяния, использованные в основаниях кладок первых веков н. э. Таких случаев (изваяний) три. Одно из них (погрудное) было обнаружено в составе вымостки между двумя привратными башнями. По своим очертаниям оно ближе всего к памятникам III–II вв. до н. э. [*Молева* 2012, 46, 7 тип] и является единственным почти синхронным времени ремонта башен и вымостки во II в. до н. э. Два других антропоморфных изваяния довольно грубых очертаний были найдены при раскопках западной и восточной крепостных стен; они входили в составы завалов, образовавшихся в результате их разрушения. Один антропоморф с широкой головой, резко переходящей в маленькие плечи (западная стена) был найден среди артефактов I–II вв. н. э. [*Молев, Мол*ева 2022, 378, № 13]. Само же изваяние можно датировать II в. до н. э. Последний антропоморф с квадратной головой, на лицевой части которой обозначены глаза и нос, изначально датируется III–II вв. до н. э. [*Молев, Молева* 2022, 378, № 14; *Молева* 2012, 46, 9 тип]. Он происходит из восточной крепостной стены. Вероятнее всего, эти антропоморфные изваяния были принесены на стройку с территории некрополя эллинистического периода [*Молева* 2019, 398].

Отметим, что на Боспоре известно полтора десятка случаев обнаружения антропоморфных изваяний и их голов в цоколях крепостных сооружений. Наиболее показательными являются первые находки, сделанные ещё в 30-х годах XX в. в Тиритаке. Это мужская и женская антропоморфные стелы, положенные «лицом вниз» в основание крепостной стены V в. до н. э. [*Книпович, Славин* 1941, 38–39]. Тот факт, что эти изваяния принадлежали эпохе бронзы (Кеми-обинская культура), т. е. были памятниками варварского происхождения, для боспорских греков принципиального значения не имел [*Молева* 2012, 175, рис. 2; *Зинько* 2015, 138]. В этих стелах была важна их антропоморфная конфигурация. Еще одно изваяние было обнаружено в перекрытии подземного хода, ведшего от крепостных стен Тиритаки к ручью за переделами города. Этот ход был построен

в IV–III вв. до н. э. *[Марти* 1941, 25]. Впоследствии подобные памятники были найдены в кладке юго-восточной башни IV на Илурате [*Кубланов* 1971, 85], в составе крепиды западной башни на городище «Белинское» [*Молева, Кучеревская* 2016, 212, № 185], в цоколе подпорной крепостной стены в Мирмекии [*Молева, Кучеревская* 2016, 76, № 49], в забутовке цоколя крепости на Таманском полуострове неподалеку от Кеп [*Сокольский* 1963, 26–27]. Традиция использования антропоморфов при строительстве городских укреплений имела место и в Херсонесе. Там зафиксированы 20 таких примеров [*Щеглов* 1968, 214–218].

Обряд использования антропоморфных изваяний в кладках крепостных стен имеет свои особенности. Во всех без исключения случаях заметно настойчивое стремление сохранить форму таких памятников. Казалось бы: отбей «голову» и получишь удобный для строительства известняковый блок. Но этого никогда не делалось. Памятники могли быть подтесаны сбоку, но очертания человеческой фигуры соблюдалась. Иногда могли использовать только головы антропоморфов (вспомним те случаи, когда в жертву приносились только головы собак). Кроме того, такие изваяния всегда помещались в кладки «лицом вниз», плашмя. Совершенно очевидно, что антропоморфная форма имела важное значение в религиозном сознании боспорян. Они являлись сильными апотропеями – оберегами. Будучи первоначально связанными с хтоническим миром некрополей, такие памятники, помещенные в кладки оборонительных сооружений в качестве закладных жертв, были призваны охранять крепость от военных напастей и колебаний земли силой ушедших в подземный мир предков. Может быть, этот обряд являлся далеким отзвуком древней традиции человеческих жертвоприношений при закладке городских стен и башен. Отсюда тщательно сохраняемая при строительстве антропоморфная форма.

В первые века н. э., уже при ремонте и перестройке оборонительной системы Китея, в кладках крепостных стен появляются алтари, которые также могли иметь значение закладных жертвоприношений. Все они использованы повторно и попали в кладки, скорее всего, из святилищ у восточной и западной крепостных стен, а также из Центрального городского святилища (II раскоп, Зольник). Всего таких находок девять. Из них четыре относятся к привратным башням в северной оборонительной стене. Два были обнаружены в кладке восточной привратной башни. Они прямоугольные, один – с профилированным карнизом и по слою датируются II–I вв. до н. э. – это время восстановительных работ. Сами алтари, естественно, могли быть более ранними и в данном случае использованы повторно [*Молева* 2020, № 8, 62]. Еще два алтаря, прямоугольный и кубовидный, присутствовали в кладке западной привратной башни, возведенной в последний период ремонтных работ в крепости в III–IV вв. н. э. Вероятно, они также были использованы повторно [*Молева* 2020, № 15, 59]. Еще три алтаря (один прямоугольный, один круглый с углублением и дисковидный) обнаружены в каменном завале, образовавшимся вследствие разрушения башни «И» на западной линии обороны. Прямоугольный – связан с верхнем слоем III–IV вв. н. э. Два, круглый и дисковидный, относятся ко времени строительства крепостной стены и башни: середина – вторая половина II в. до н. э. [*Молева* 2020, № 16, 34, 48]. Кроме того, в кладке западной крепостной стены обнаружен прямоугольный алтарь, также использованный повторно [*Молева* 2020, № 17]. Один алтарь, прямоугольный с круглым углублением, был найден в каменном завале,

образованном разрушением кладки III–IV вв. н. э. [*Молева* 2020, № 27]. Таким образом, примечательно, что почти все вышеозначенные алтари размещались не в цоколях, а в кладках стен и башен во время сравнительно поздних реставрационных и ремонтных работ. Форма этих алтарей, чаще всего в виде известняковых блоков, была удобна для строительства. Однако хочется предположить, что эти алтари были использованы не по назначению не случайно, а были размещены во всех трех линиях обороны с определенными целями культового характера и могли служить в качестве закладной жертвы. При этом все они использованы повторно и относились первоначально к более раннему времени. Среди них есть те, которые датируются эллинистическим периодом (круглый, дисковидный, прямоугольный с круглым углублением), а также более поздние – I–II вв. н. э. (прямоугольные с соответствующими углублениями). Все они отличаются некоторой небрежностью обработки камня: казалось, их изготовители стремились сохранить природную структуру материала. А. С. Русяева, отмечая неоднократные случаи нахождения подобных алтарей в Ольвии, называет их «примитивными», но приводит примеры обнаружения таковых в Ионии, в частности, в Милете [*Русяева* 2006, 60–65].

Еще один вид закладных жертв в фортификационных постройках Китея представлен четырьмя фрагментированными терракотовыми статуэтками [*Молев, Молева* 2016, № 4, 99, 100, 101]. Три из них изображали женские фигуры, от которых сохранились вертикальные и диагональные драпировки хитонов. Они относятся к эллинистическому времени: вторая половина IV–II вв. до н. э. Одна – часть подвесной ноги, слегка согнутой в колене от глиняной марионетки II–III вв. н. э. (дата – по слою). Одна (№ 4) была помещена в кладку башни «И» (западная крепостная стена), построенной во II в. до н. э. Сам же фрагмент, вероятно, принадлежит более ранней терракоте. Три остальные были найдены в разные годы при исследовании северной крепостной стены и привратных башен. Две (№ 100, 101) принадлежали кладкам достройки первых веков н. э. и были использованы повторно. И лишь одна статуэтка, сохранившаяся почти полностью (отбита голова), была обнаружена в основании кладки северной стены. Она надежно датируется по слою и по особенностям исполнения IV в. до н. э. (№ 99). Именно эта терракота позволяет сделать некоторые выводы относительно ее культовой принадлежности. Она представляет молодую женщину в высоко подпоясанном хитоне; левой, согнутой в локте рукой она придерживает гиматий; в правой, опущенной книзу руке держит тимпан. Вероятнее всего, это или сама Кибела, которую на Боспоре называли Великая Мать, Ма, или ее жрица. Культ этой богини был тесно связан с поклонением силам дикой природы и присутствие её изображения в качестве закладной жертвы кажется вполне уместным.

Обычай помещать терракоты в кладки зданий общественного и сакрального предназначения характерен для Центрального китейского святилища (Зольник), начиная с IV в. до н. э. Особенно часто фрагменты терракот IV–III вв. до н. э. использовались в качестве закладных жертв в постройках II в. н. э. (помещение В, Г, II раскоп). Вероятнее всего, они находились при рытье фундаментов для этих построек и не выбрасывались, а размещались в кладках. Терракотовые статуэтки сами по себе имели культовое назначение, служа вотивами. Будучи помещены в кладки, они были призваны обеспечить им божественную защиту. Примером этого служат три протомы женского божества, най-

денные в основании кладки № 61 IV в. до н. э. [*Молев, Молева* 2022, 236, № 25, 28, 29] и три фрагмента терракот из помещения «В», построенного во II в. н. э. Сами же терракоты относятся к IV–III вв. до н. э. [*Молев, Молева* 2022, каталог терракот, № 54, 55, 56]. Ещё четыре фрагмента терракот присутствовали в кладках помещения «Г» тоже II в. н. э. Сами же статуэтки, видимо, датируются III–II вв. до н. э. [*Молев, Молева* 2022, каталог терракот, № 57, 58, 59, 60]. Уже упоминался случай помещения двух терракот в цоколе общественного здания в Фанагории конца VI – начала V в. до н. э. [*Завойкин* 2007, 42]. В стенах обычных жилых домов такие закладки не встречаются. В этой связи совершенно очевидной становится роль этих статуэток, даже их фрагментов, как апотропеев, дающих дополнительную защиту таким постройкам.

Подводя итог нашему исследованию, отметим следующее. Все существующие границы боспорского города Китея, обнесенные крепостными стенами с башнями с севера, востока и запада получали дополнительную, божественную защиту. Она выражалась в организации святилищ, примыкающих к восточной и западной линиям обороны, а также – в различного рода закладных жертвах, помещенных в кладку стен и башен. Также пожертвования были весьма разнообразны, но несли в себе ярко выраженный религиозный и даже магический смысл. Они могли быть в виде ритуальных жертвоприношений собак (чаще их голов), монет, антропоморфных изваяний, алтарей, терракотовых статуэток. Ритуалы, связанные с закладкой таких жертв в цоколи и стены оборонительных сооружений, совершались как при начале строительства, так и при ремонте и перестройке фортификационных сооружений. Все эти предметы были призваны усилить безопасность города и его жителей при военных набегах и таких грозных и опасных явлениях как землетрясения, нередко случавшиеся на Европейском Боспоре.

Список литературы

А*ндреев* Ю. В. 1995. Укрепления в архитектурно-пространственной структуре раннего полиса // Фортификация в древности и средневековье. Материалы методического семинара ИИМК РАН. Памяти И. Н. Хлюпина. СПб., 29–31

В*ахтина* М. Ю. 2008. Порфмий – укрепленное поселение греков у переправы через Киммерийский Боспор // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Militaria (Боспорские чтения IX). Керчь, 51–59

Винокуров Н. И. 2015. Новые свидетельства палеосейсмической активности в первые века нашей эры (по материалам раскопок городища Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Географическая среда и социум (Боспорские чтения. XVI), 60–74.

Винокуров Н. И. 2024. Землетрясение второй половины III в. н. э. и новый жертвенник хтоническим богам на городище Артезиан // ДБ. 29, 87–121.

Е*мец* И. А., *Масленников* А. А. 1991. Культовые захоронения животных на позднеантичных поселениях Боспора // Реконструкция древних верований: источник, метод, цель. СПб., 112–122.

З*авойкин* А. А. 2007. О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества. 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Нижний Новгород, 42–54.

Зинько В. Н. 2015. Городские стены позднеэллинистической Тиритаки // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 137–140.

К*ниповичТ. Н., Славин* Л. М. 1941. Раскопки юго-западной части Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса (МИА. 4). М.–Л., 37–60.

Кубланов М. М. 1971. Исследования некрополя Илурата // КСИА. 128, 75–85.

М*арти* Ю. Ю. 1941. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // Археологические памятники Боспора и Херсонеса (МИА. 4). М.–Л., 11–25.

Молев Е. А. 2002. Система обороны Китея // БИ. II, 297–312.

Молев Е. А. 2010. Боспорский город Китей (БИ. Suppl. 6). Симферополь–Керчь. 315.

Молев Е. А. 2017. Особенности оборонительной системы боспорского города Китея (по материалам раскопок 1971–2012 гг.) // Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. Warszawa, 193–199.

Молев Е. А. 2018. Монеты из раскопок Китея как источник информации о боспорском социуме в период античности // Stratum plus. 6, 125–134.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2015. Святилище у западной крепостной стены Боспорского города Китея // Иресиона. Античный мир и его наследие. 4. Сб. трудов к 50-летию профессора Н. Н. Болгова. Белгород, 53–60.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2015а. Святилище у восточной крепостной стены в боспорском городе Китее // Археологія і давня історія України. 1. Київ, 272–278.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2016. Боспорский город Китей. Ч. II (БИ. Suppl. 15). Симферополь–Керчь, 451.

Молев Е. А., *Корженков* А. М., *Ларьков* А. С., *Мараханов* А. В. 2016. Следы сильных землетрясений в крепостных стенах античного города Китей, Керченский полуостров // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола 22–25 ноября 2016 г. СПб., 372–382.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2020. Фортификация боспорского города Китея как территориальная и сакральная маркировка его пространства // Пространства историй и истории пространств. Нижний Новгород, 47–55.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2022. Боспорский город Китей. Ч. III. Нижний Новгород, 453.

Молева Н. В. 2002. Жертвоприношения собак в фортификационных сооружениях античного Китея // Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 121–123.

Молева Н. В. 2002. Собака в религиозных представлениях боспорян // Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 113–116.

Молева Н. В. 2012. Боспорские антропоморфные изваяния. Нижний Новгород. 178.

Молева Н. В. 2019. Итоги исследования фортификации боспорского города Китея: сакральный аспект // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Основные итоги и преспективы исследований (Боспорские чтения XX). Симферополь–Керчь, 394–404.

Молева Н. В. 2020. Алтари и сопутствующие им сакральные объекты из Китея. Нижний Новгород, 129.

Молева Н. В., *Кучеревская* Н. Л. 2016. Антропоморфные изваяния (Лапидарная коллекция. Т. V). Керчь, 252

Н*иконов* А. А. 2000. Сейсмический потенциал Крымского региона: сопоставление региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. 7, 52–62.

Р*усяева* А. С. 2008. Строительные остатки алтарей // Древнейший теменос Ольвии Понтийской (МАИЭТ. Suppl. 2). Симферополь, 53–74.

С*окольский* Н. И. Отчет о раскопках городища и некрополя Кеп в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 2733, 42.

Т*олстиков* В. П. 1999. К проблеме землетрясения III в. до н. э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей. Материалы международной конф., посвященной 60-летию Нимфейской экспедиции и 70-летия Н. Л. Грач. СПб., 72–75.

Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 676.

Х*удяк* М. М. 1962. Из истории Нимфея. Л., 1963.

Ф*ролова* Н. А., *Савостина* Е. А. 1998. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1, 149–151.

Щ*еглов* А. Н. Херсонеські антропоморфні стели з врізними зображеннями // Археологія. XXI, 214–221.

Summary

E. A. Molev (†), N. V. Moleva
Building sacrifices in fortifications of Bosporan city Kytaion

The article by N.V. Moleva and E.A. Molev is devoted to the study of the sacrifice ceremony, which were placed in the masonry of the defensive structures of the Bosporan city Kytaion. As a result of excavations of such monuments, which lasted from 1971 to 2017, it was found out that coins, anthropomorphic sculptures, terracotta figurines, and altars were used as mortgage sacrifices. In addition, dog sacrifices took place. This rite was stable and continued from the 4th century BC – the 3rd century AD. The building sacrifices were intended to give the city divine protection, as well as to protect the fortifications from the devastating effects of earthquakes. All such rituals were mainly dedicated to the Chthonic gods.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.223-244

Н. И. Сударев*, А. В. Иванов**
(Институт археологии РАН, г. Москва;*
** ООО КубаньАрхСпас, г. Краснодар)*

Грунтовые склепы Боспора[1]

Грунтовые склепы хорошо известны в некрополях Боспора. Они типологически относятся к камерным гробницам. Это особая форма погребальных сооружений, в которых тело усопшего помещалось в отдельную камеру, построенную из камня, дерева или других материалов, либо устроенную в скале или в земле. Такие гробницы, могли служить для нескольких последовательных захоронений и встречаются в широком географическом охвате в разных культурах с глубокой древности. Что касается собственно грунтовых склепов, то уже в самом их названии звучит указание на то, где эти погребальные конструкции сооружались. В земле, с уровня дневной поверхности выкапывалась входная яма, часто со ступеньками в торцевой стене. В дальней от ступеней стенке сооружалась камера, отделенная от входной ямы узким входом-дромосом. Сама конструкция склепа позволяла совершать в нем подзахоронения. В отличие от катакомб, представляющих собой индивидуальные погребения, совершенные в один акт, грунтовые склепы являются многоразовым подземным «хранилищем», местом для семейных или родовых захоронений. В этом смысле, этот как археологический объект может характеризоваться как открытый комплекс. После погребения дромос закрывался преградой – камнем, сырцом или керамидой, но при этом входная яма не засыпалась. Вероятнее всего, её устье имело временное деревянное, либо другое простейшее перекрытие. Для очередного захоронения склеп открывался, костяки упокоившихся ранее, а также сопровождающий их инвентарь сдвигались в сторону, освобождая место для следующего погребенного. Таким образом, грунтовые склепы в древности функционировали как усыпальницы для погребения членов одного сообщества, скорее всего объединённых генеалогическими связями [*Иванов, Кононов* 2024, 92].

Теме боспорских грунтовых склепов посвящена достаточно большая литература [*Абрамова* 1982, 9; *Даньшин* 1992, 72–76; *Масленников* 1982, 37; 1990, 27–35; *Ольховский* 1991; *Савостина* 1981; 1984; и т. д.]. На землях Боспорского государства такие склепы начинают сооружать еще в IV в. до н. э. Но широко распространились они в III–I вв. до н. э. и позд-

[1] Работа выполнена в рамках темы «Античность и Раннее Средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции» (№ НИОКТР 126011315524-1).

нее, поскольку продолжают сооружаться на протяжении всего римского периода, о чем наглядно свидетельствуют некрополи Азиатского Боспора [*Ворошилова* 2018; *Лимберис, Марченко* 2010, 160, 162, рис. 5–7]. Считается, что этот тип могильного сооружения генетически связан с погребальными памятниками Малой Азии и Греции [*Сударев* 2005, 113, 114]. Впрочем, отдельно этот вопрос серьезно никогда не рассматривался. Сейчас новые данные позволяют вернуться к теме происхождения боспорских грунтовых склепов и осветить её на более высоком уровне.

В основе нашего исследования лежат материалы некрополя Виноградный 7. На настоящее время это один из самых крупных некрополей Азиатского Боспора. Всего в нем было исследовано не менее 758 погребений V–I вв. до н. э. [*Сударев, Иванов* 2025, 234; *Сударев, Кашаев* 2025, 240]. Типологическое разнообразие погребений и хронологическая широта некрополя дают возможность проследить консервативные черты погребального обряда и наоборот, наметить различные новшества и изменения погребальной практики, чего не всегда удается осуществить на других некрополях Боспора. Здесь было раскопано и 55 грунтовых склепов. В настоящее время эта самая большая выборка таких сооружений эллинистического времени на Боспоре[2], что и обусловило построение нашей работы вокруг погребальных комплексов именно этого памятника.

Хронологически в некрополе Виноградный 7 грунтовые склепы распределяются следующим образом: к IV в. до н. э. относится одно погребение, к концу IV – первой половине III в. до н. э. – 3, III в. до н. э. – 7, III–II вв. до н. э. – 20, II в. до н. э. – 15, II–I вв. до н. э. – 3, I в. до н. э. – 2. Широко, в рамках III–I вв. до н. э. датируются два погребения в склепах, и не датируются (отнесены к IV–I вв. до н. э. условно) еще два 2 погребения.

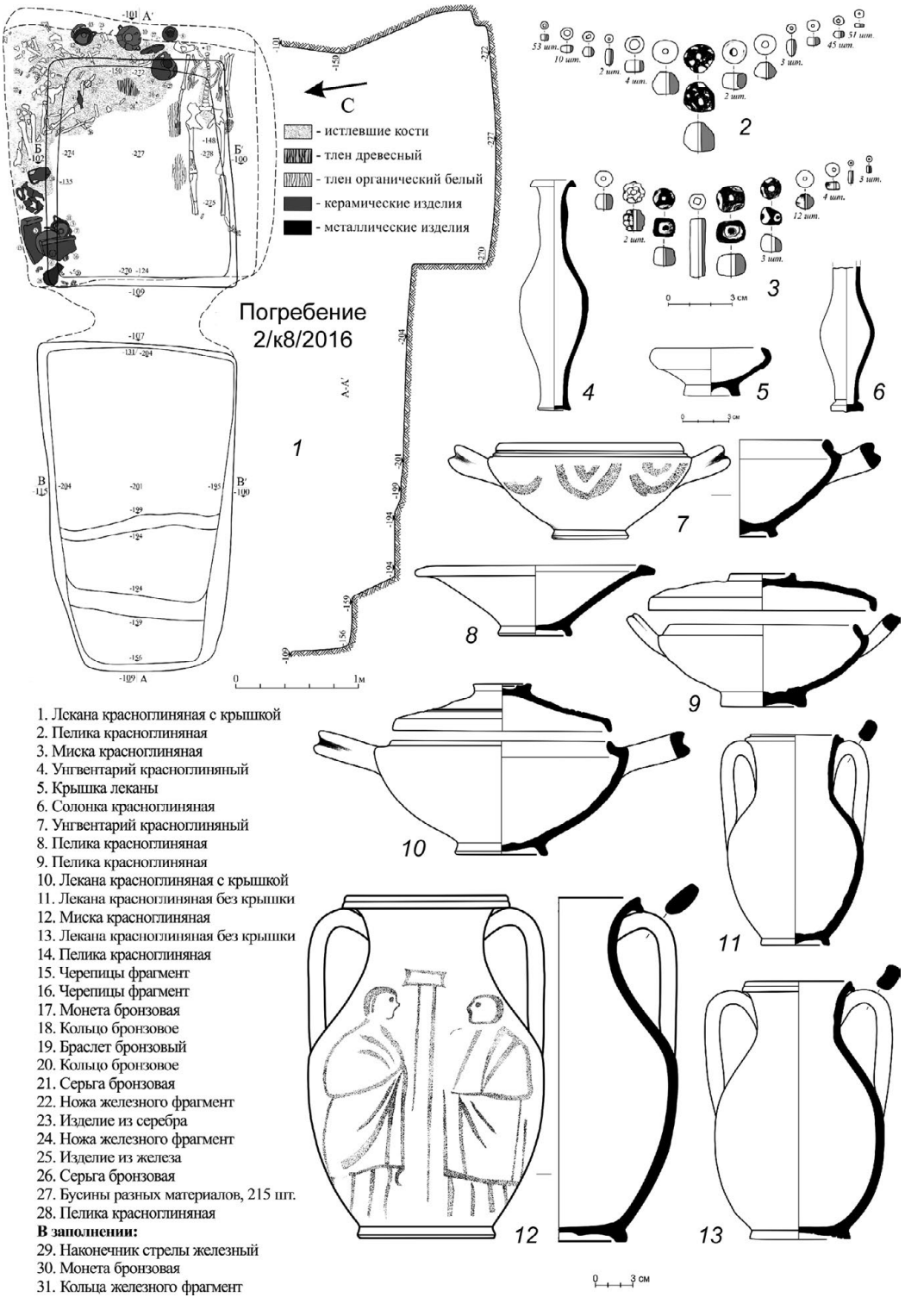
Е. А. Савостина, в своей диссертации выделяет два класса грунтовых склепов: класс IV (длина камеры больше ширины) и класс V (ширина больше длины). По её классификации все склепы некрополя Виноградный 7 относятся к IV классу [*Савостина* 1984, 34, рис. 23]. По типологии одного из авторов этих строк [*Сударев* 2005, 113–114], в некрополе Виноградный 7 можно выделить две основные группы склепов (тип VII, варианты 1 и 2). Впрочем, материалы, полученные нами в результате изучения этих гробниц, позволяют говорить о том, что типов и их вариантов было больше. Остановимся на этом подробнее.

Тип VII вариант 1 (VII/1). Склепы с квадратной или подпрямоугольной камерой с вытянутой в длину входной ямой, дно которой наклонено ко входу в дромос и, как правило, оформлено в виде ступеней[3] (рис. 1). Дромос[4] сравнительно узкий и невысокий,

[2] К 2005 г. на территории Боспора в целом было зафиксировано 75 склепов. С тех пор их количество увеличилось, однако на разных территориях по-разному. Несмотря на большие охранные работы в Восточном Крыму, новых аналогичных сооружений эллинистического времени практически не выявлено. Несколько иная картина на Азиатском Боспоре. В связи с масштабными хоздоговорными работами были исследованы несколько новых некрополей (Вышестеблиевская 14, 16, Белый 3, 4, Волна 1, 6, Панагия 1, Тиздар и т. д.) и на большинстве из них выявлены погребения в грунтовых склепах. Кроме того, были продолжены раскопки и на известных ранее некрополях, и они также дали небольшое количество погребений в аналогичных конструкциях. Таким образом, количество новых (после 2005 г.) находок грунтовых склепов на всех некрополях Азиатского Боспора (около 56) лишь немного превышает количество таких сооружений, исследованных на одном некрополе – Виноградный 7.

[3] Склепы такой профилировки относятся к типу X по типологии В. С. Ольховского [1991, 215].

[4] По нашей терминологии – небольшой коридор-лаз между камерой и входной ямой. Е. А. Савостина «дромосом» называет входную яму, а коридор между камерой и входной ямой «сужением перед входом». Н. П. Сорокина называет такие коридоры «продромосом» [*Савостина* 1984, 36].

1. Лекана красноглиняная с крышкой
2. Пелика красноглиняная
3. Миска красноглиняная
4. Унгвентарий красноглиняный
5. Крышка леканы
6. Солонка красноглиняная
7. Унгвентарий красноглиняный
8. Пелика красноглиняная
9. Пелика красноглиняная
10. Лекана красноглиняная с крышкой
11. Лекана красноглиняная без крышки
12. Миска красноглиняная
13. Лекана красноглиняная без крышки
14. Пелика красноглиняная
15. Черепицы фрагмент
16. Черепицы фрагмент
17. Монета бронзовая
18. Кольцо бронзовое
19. Браслет бронзовый
20. Кольцо бронзовое
21. Серьга бронзовая
22. Ножа железного фрагмент
23. Изделие из серебра
24. Ножа железного фрагмент
25. Изделие из железа
26. Серьга бронзовая
27. Бусины разных материалов, 215 шт.
28. Пелика красноглиняная

В заполнении:

29. Наконечник стрелы железный
30. Монета бронзовая
31. Кольца железного фрагмент

Рис. 1. Грунтовый склеп Тип VII вариант 1. Некрополь Виноградный 7. Захоронение 2/к.8/2016 и его погребальный инвентарь

во всех случаях короткий; пол камеры находится ниже уровня пола дромоса. Заклад мог быть из сырца, соленов или отсутствовать. Свод в погребальных камерах, как правило, не сохранялся, однако можно предположить, что он был сводчатым. Такая форма объясняется, скорее всего, естественными причинами: плотностью и прочностью грунта, в котором сооружался склеп. В большинстве[5] склепов совершено два и более захоронений. Главным образом, склепы варианта VII/1 относятся к III – началу II в. до н. э. Таких захоронений 10. Три склепа датируются II в. до н. э., два – II – началом I в. до н. э., два – I в. до н. э., один датируется широко – III–I вв. до н. э.

Данный вариант может быть разделен на подварианты по признаку «наличия/отсутствия» дополнительных конструкций – лежанок. К *подварианту «a»* (VII/1a) варианта 1 типа VII относятся грунтовые склепы, не имеющие дополнительных конструкций.

Подвариант «b» (VII/1b). В склепе 37/к6/2016 с правой стороны камеры находилась лежанка. Здесь был захоронен лишь один человек[6]. В склепе 21/2015 было три лежанки, расположенные вдоль стенок погребальной камеры, на которых лежали погребенные, еще один – был положен в проходе. Напротив входа, в стене рядом с лежанкой устроена небольшая ниша. В склепах 77/2016, 81/к6/2016[7] и 4/к8/1993[8] лежанки располагались у левой или у правой длинной стенки, а также у дальней от входа торцевой стенки[9]. Эти склепы датируются III в. до н. э. Однако строительство склепа 21/2015 может отнесено скорее к концу III в. до н. э., а его использование – к концу III – первой половине II вв. до н. э. [*Трейстер* 2024, 26–27].

Тип VII вариант 2 (VII/2). К следующему варианту гробниц некрополя Виноградный 7 относятся грунтовые склепы, которые имеют небольшую входную яму трапециевидной или подквадратной формы с почти отвесными стенками[10] (рис. 2). Пол входной ямы ровный или имеющий слабовыраженный наклон в сторону дромоса. В склепе

[5] Кроме № 34/2016.

[6] Это одно из немногих погребений в грунтовых склепах данного некрополя, в котором единственное погребение. Оно датируется III в. до н. э. В погребении встречена монета с надчеканкой, которая датируется 284–275 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, № 130] и кувшин с витой ручкой. Такие кувшины имеют довольно широкую хронологию (от второй половины III до начала I в. до н. э.), но самый близкий по форме сосуд найден в погребении с монетой первой половины III в. до н. э. [*Марченко* 1956, 107, рис. 2. 4].

[7] В погребении 81/к6/2016 помимо стандартного для III века набора вещей встречен аттический чернолаковый унгвентарий конца IV – первой половины III в. до н. э. Данный сосуд относится к типу B по типологии С. Другу [*Drougou*, 1991. P. 114–115], типу I по типологии А. Георгиаду [*Georgiadou*, 2005, 59–60. Abb. 11] или ко второй группе по типологии З. Котицы [*Κωτίτσα* 2014, 410, πίν. 141, 4–5]. Все они датируют концом IV – началом III в. до н. э., однако З. Котица уточняет, что эта группа, появившись в самом конце IV в. до н. э. (по монетам – 302–297 гг. до н. э.), доживает до второй четверти III в. до н. э. (по совместным с монетами находкам, до 280–272 гг. до н. э.) [*Κωτίτσα* 2014, 409–410]. Погребение 4/к8/1993 также по набору инветаря и монетам датируется концом IV – первой половиной III в.до н. э. (*Лимберис, Марченко* 1997, 48–50), погребение 77/2016 по находке двух пелик и двух лекан, аналогичных по форме и росписи пеликам и лекане из погребения 4/к8/1993 датируется тем же временем (*Лимберис, Марченко* 1997, 48, рис. II, 2–3,5).

[8] Все три склепа имеют одинаковые параметры (форма, размеры, конструктивные детали, их расположение и т. д.), датировку и, вероятно, выполнены одной строительной бригадой.

[9] При увеличении выборки данный подвариант следует разделить еще на несколько: «Лежанка справа», «Лежанка слева», «Лежанки по двум сторонам» и «Лежанки по трем сторонам». Кроме того, в склепах присутствуют и другие элементы. Например, в камере склепа № 22/2015 – приступка сделана с противоположной от входа стороны, на ней покоятся головы обоих погребенных. Этот признак встречается неоднократно и в разных типах склепов. В настоящий момент мы его не выделяем в отдельный, однако не исключаем этого в будущем.

[10] По типологии В. С. Ольховского данные склепы относятся к типу II/2/а [*Ольховский* 1991, 215].

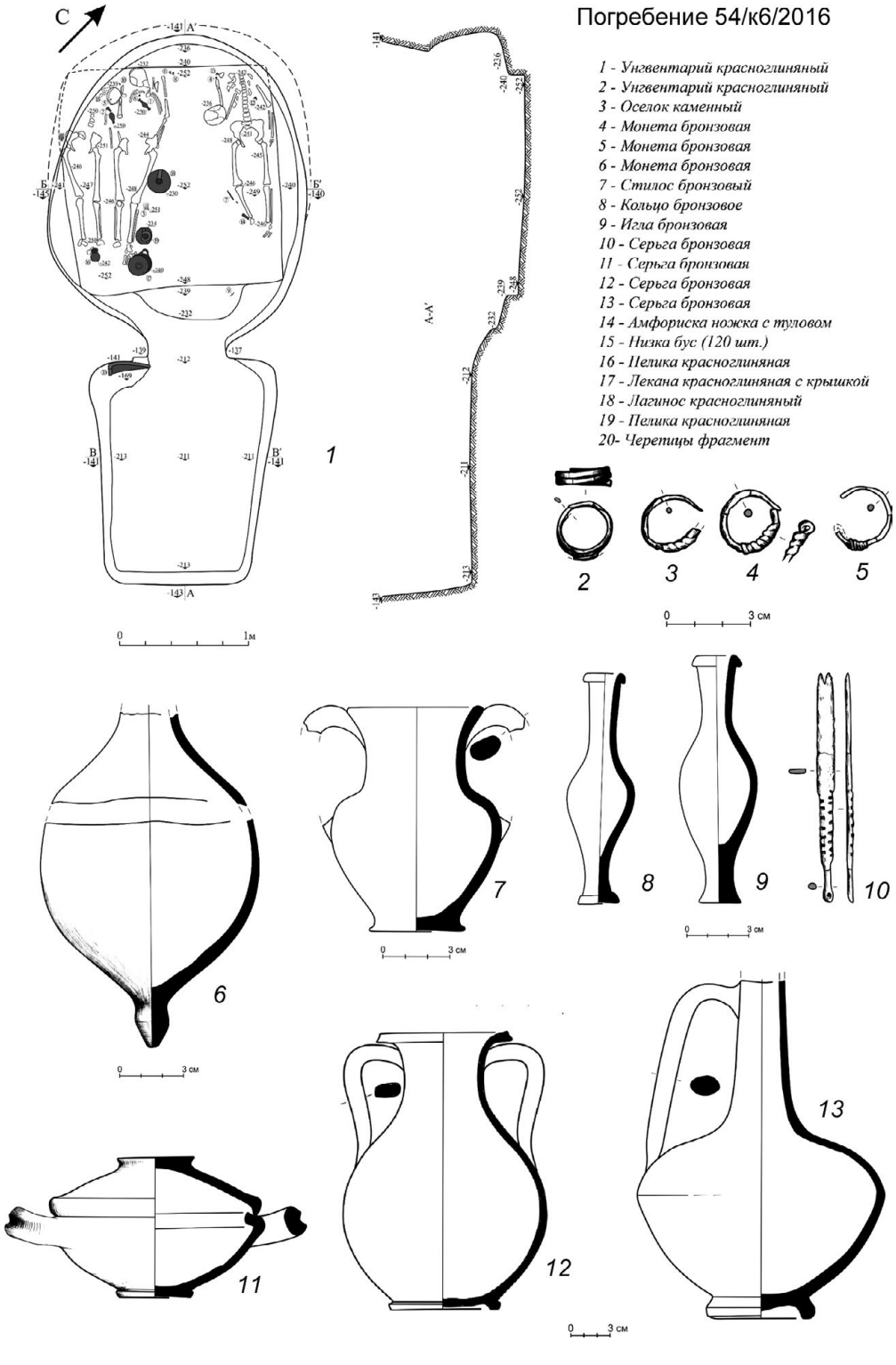

Рис. 2. Грунтовый склеп Тип VII вариант 2. Некрополь Виноградный 7. Захоронение 54/к.6/2016 и его погребальный инвентарь

6/к5/2016 дальняя от входа сторона входной ямы имела небольшую наклонную приступку (остатки ступеньки?). На устьях входных ям многих склепов этого варианта отмечаются небольшие ступени-заплечики. Дромос более длинный, чем у склепов предыдущего варианта. Пол входной ямы находится на одном уровне или ниже уровня пола в дромосе. Вход в погребальную камеру обычно закрыт сырцовым кирпичом, реже – камнем или соленом[11]. В нескольких случаях заклады входа в камеру не были выявлены. Камеру от дромоса отделяла ступенька; пол камеры был всегда ниже уровня дромоса. Погребальная камера была овальной, трапециевидной или подквадратной в плане формы со скругленными углами. Потолок, как и в предыдущем варианте, сводчатый. Каждый склеп содержал два и более захоронения. Склепы варианта VII/2 датируются следующим образом: 5 погребений относятся к III в. до н. э., 9 датируются III – началом II в. до н. э., 13 – II в. до н. э., 4 относятся ко II – началу I в. до н. э.

Все склепы данного варианта в некрополе Виноградный 7 относятся к подварианту VII/2а. Они не имеют внутренних конструкций за исключением небольших полочек в камере на противоположной от входа стороне, на которой иногда устанавливается инвентарь, но чаще располагаются головы умерших.

По материалам некрополя Виноградный 7 можно выделить еще один вариант грунтовых склепов тип VII вариант 3 (VII/3). Их всего два (47к6/2016 и 115/2016) (рис. 3). Они находятся в разных частях некрополя, их форма и размеры практически идентичны. Оба сооружения ориентированы по линии запад–восток, в обоих случаях входная яма расположена с запада. Камера этих склепов прямоугольная. В склепе 47к6/2016 входная яма длинная и узкая (около 60 см). Во втором склепе яма имела выраженную ступеньку у погребальной камеры. В обоих случаях ямы смещены вправо от центральной оси склепа. Склеп 47к6/2016 выложен по дну слоем сырца. Стеки камеры были обмазаны тонким слоем (0,03 м) зеленой глины. Второй склеп не имел такой обмазки и сырца на полу. Вход в камеру в обоих случаях заложен сырцовым кирпичом. В камерах находилось более одного покойника[12].

Погребение 115/2016 имеет надежные «хроноиндикаторы» (рис. 3. *5–10*). Основанием для датировки служат три арибаллических сетчатых лекифа группы Буласа первой – третьей четверти IV в. до н. э. [*Цокур и др.* 2022, 92]. Также среди инвентаря склепа находились четыре лекифа с пальметтами. Три из них относятся к мастерской I.3 по типологии Зои Котицы [*Κωτίτσα* 2019, 215–216, εικ. 1γ]. Мастерская работала в 340–315 гг. до н. э. Еще один лекиф соотносится с мастерской I.2 [*Κωτίτσα* 2019, 214–215, εικ. 1β], которая работала в 340–310 гг. до н. э. Таким образом, нам представляется наиболее обоснованная датировка этого погребения 330–310 гг. до н. э. Вероятно, этим же временем датируется и погребение 47к6/2016. В нем встречено два унгвентария (рис. 3. *14*, *15*), которые относятся к последней трети IV в. до н. э. [*Цокур и др.* 2022, 100; *Сударев и др.* 2024, 428].

При изучении склепов варианта VII/3 было подмечено то, что их планиграфия повторяет один из типов сырцовых склепов. В частности, она практически идентична

[11] Например, склеп 69/к8/2016 имел заклад из крупных кусков соленов и сырца.

[12] Из-за сохранности костей и ограбления в обоих случаях установить точное число погребенных невозможно, но не менее двух костяков.

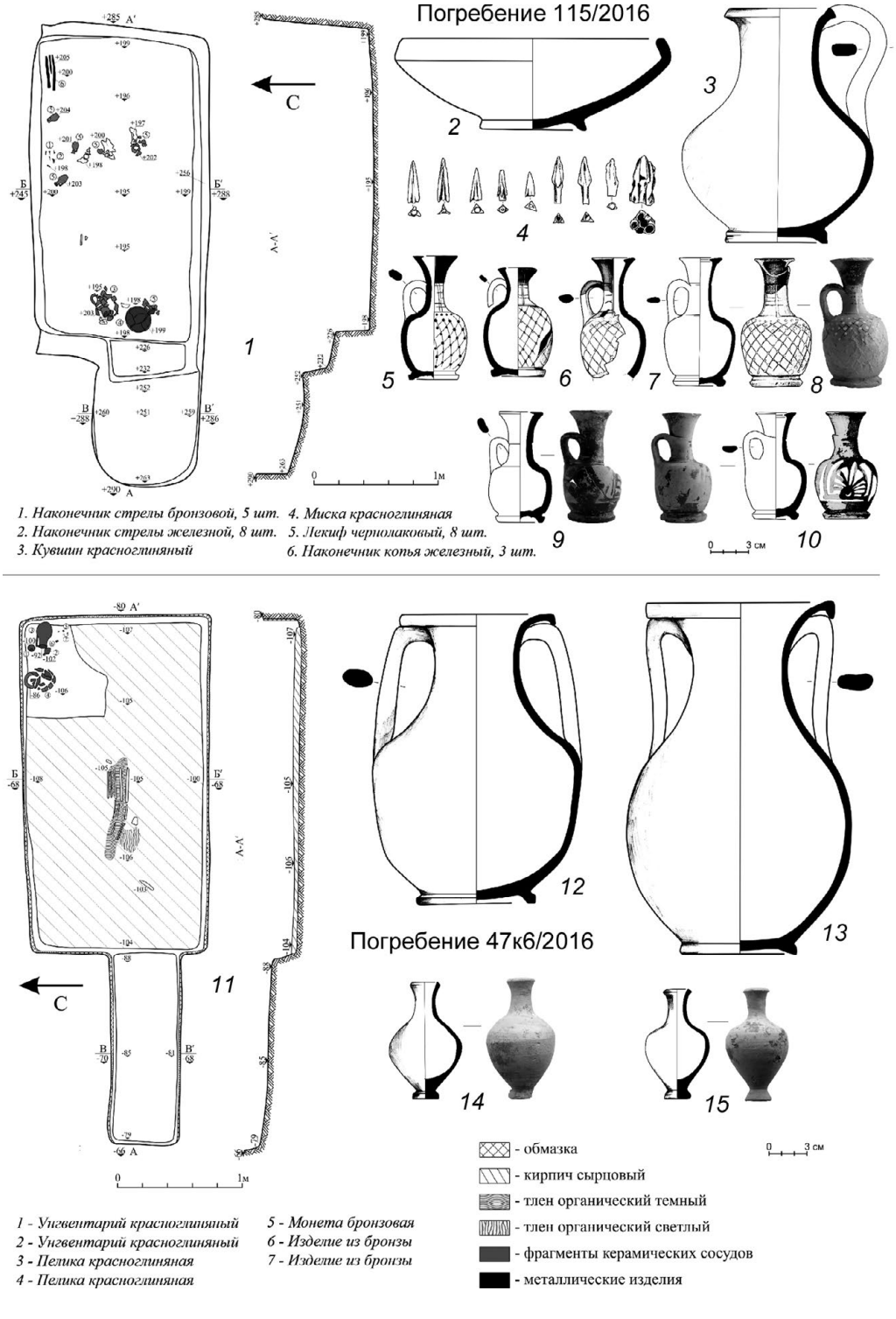

Рис. 3. Грунтовые склепы Тип VII вариант 3. Некрополь Виноградный 7.
1–10 – захоронение 115/2016 и его погребальный инвентарь;
11–15 – захоронение 47/к.6/2016 и его погребальный инвентарь

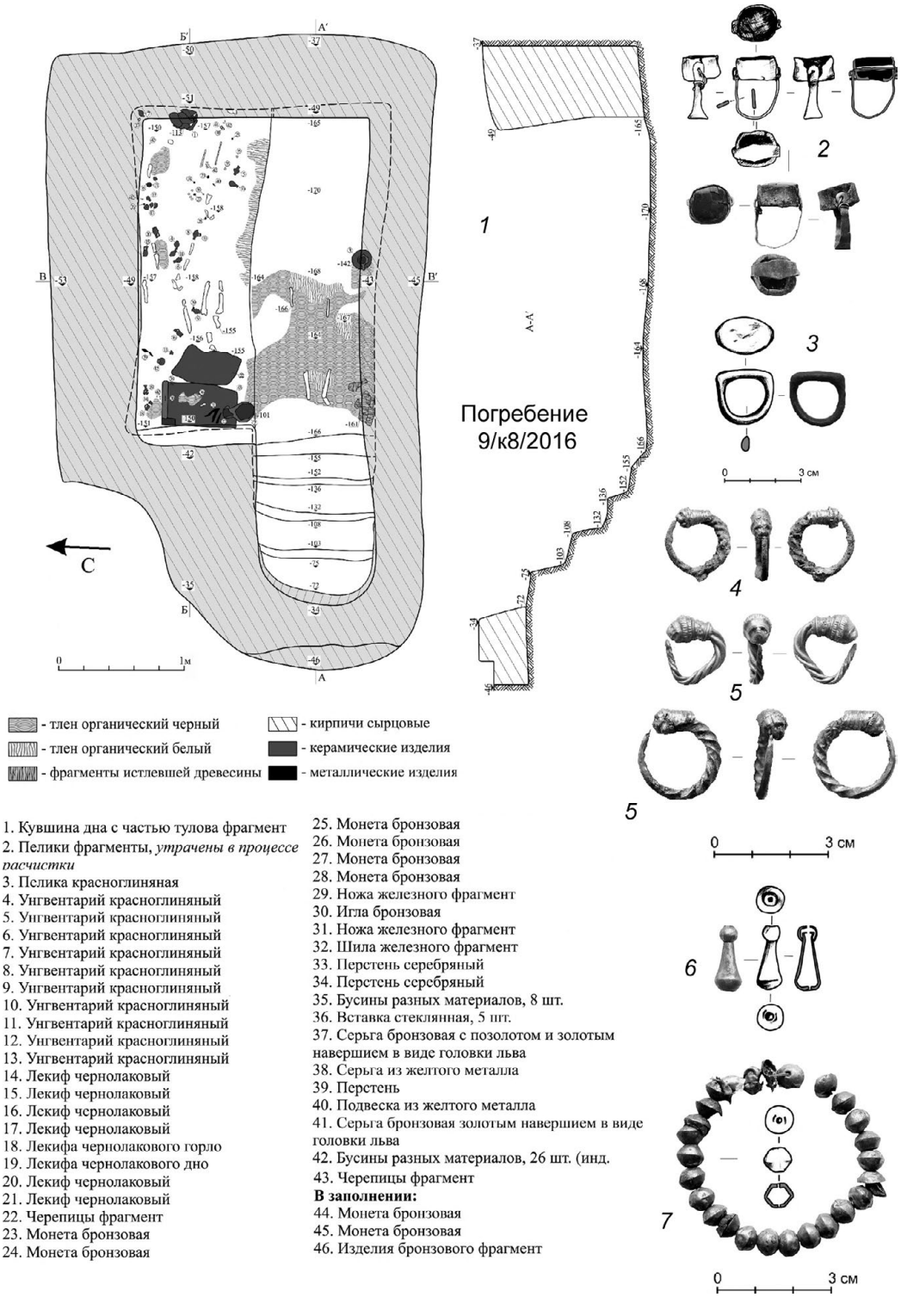
планигафии сырцового склепа 9/к8/2016 (рис. 4. *1*). Форма, внутренние размеры, расположение входа этого склепа аналогичны этим характеристикам склепов варианта VII/3. Единственное, но важное его отличие в том, что стенки данного склепа были обложены сырцовым кирпичом.

Склеп 9/к8/2016 имел прямоугольную в плане камеру со входом, расположенным с правой стороны, и с наклонные ступеньки в сторону камеры. О характере перекрытия судить сложно, его следов не сохранилось. Внутри камеры с левой стороны находилась лежанка. На ней зафиксированы остатки не менее трех погребенных. Наиболее позднее захоронение было совершено напротив лежанки, в проходе у входа в камеру. По инвентарю склеп можно датировать последней третью IV в. до н. э. (рис. 4; 5). В нем встречены унгвентарии и пелика, аналогичные найденным в склепе 47/к6/2016, арибаллические лекифы с пальметами, которые датируются тем же временем, что и лекифы из погребения 115/2016. Один из них происходит из той же мастерской, другой – из мастерской II.10 [*Κωτίτσα* 2019, 218, 221, εικ. 2η, 4] и датируется 325–310 гг. до н. э., третий – из мастерской II.6 [*Κωτίτσα* 2019, 218–219, εικ. 2δ] 330–320 гг. до н. э., а еще два – из мастерской II.8, 325–315 гг. до н. э. [*Κωτίτσα* 2019, 218, 220, εικ. 2στ].

Наблюдение над материалами IV в. до н. э. некрополя Виноградный 7 устанавливают следующую закономерность (рис. 6). В первой половине – третьей четверти IV в. до н. э. все сырцовые гробницы некрополя конструктивно представляют собой сырцовые ящики. Для них более характерны индивидуальные и парные погребения [об этом подробнее см.: *Иванов, Сударев* 2023, 191–204]. Однако где-то в 30-х гг. появляется тип гробниц с входом с западной стороны погребальной конструкции (32/15, 16/к6/2016, 4/к8/2016). В этих комплексах он пока представляет собой не отдельный элемент конструкции, а ступени, сооруженные в западной стенке сырцовой гробницы. Здесь появляются регулярные многократные захоронения. Затем, в последней четверти IV в. до н. э. наблюдаем сырцовый склеп 9/к8/2016, с оформленным смещенным вправо от общей оси склепа входом. На самом деле склеп этой конструкции не единственный. Такую же планиграфическую схему имеет еще один сырцовый склеп – 33/16 [*Сударев* 2017, рис. 4. 2; *Кашаев, Сударев* 2020, рис. 9][13]. На следующем этапе, практически в тот же период сооружается склеп 47/к6/2016, уже грунтовый, с абсолютно такой же планировкой, ориентировкой и размерами внутреннего пространства. От предыдущего его отличает то, что стены были обмазаны тонким слоем глины, призванной имитировать сырцовую стену (не обложены сырцом, как в предыдущем случае). В то же время обустраивается еще один (115/2016), также абсолютно схожий, но без каких-либо обмазок. Оба последних склепа были полностью вырезаны в плотном материковом грунте.

Начиная с III в. до н. э. строятся «классические» грунтовые склепы вариантов VII/1 и VII/2. Вероятно, наиболее ранними из них были склепы подварианта VII/1b, с вырезанными в полу углублениями, формирующими внутреннее пространство с лежанками вдоль стенок камеры. В этом плане внутреннее пространство таких склепов ничем не отличается от сырцовых склепов предыдущего времени.

[13] Этими двумя склепами информация о данном типе погребальных сооружений не ограничивается. Аналогичный склеп с останками 11 человек был раскопан в ближайшей округе некрополя Виноградного 7 – в кургане 2, исследованном на поселении Виноградный Северо-восточный 2 [*Карпов, Сударев* 2017, 81, 82, рис. 12, 13].

1. Кувшина дна с частью тулова фрагмент
2. Пелики фрагменты, *утрачены в процессе расчистки*
3. Пелика красноглиняная
4. Унгвентарий красноглиняный
5. Унгвентарий красноглиняный
6. Унгвентарий красноглиняный
7. Унгвентарий красноглиняный
8. Унгвентарий красноглиняный
9. Унгвентарий красноглиняный
10. Унгвентарий красноглиняный
11. Унгвентарий красноглиняный
12. Унгвентарий красноглиняный
13. Унгвентарий красноглиняный
14. Лекиф чернолаковый
15. Лекиф чернолаковый
16. Лекиф чернолаковый
17. Лекиф чернолаковый
18. Лекифа чернолакового горло
19. Лекифа чернолакового дно
20. Лекиф чернолаковый
21. Лекиф чернолаковый
22. Черепицы фрагмент
23. Монета бронзовая
24. Монета бронзовая
25. Монета бронзовая
26. Монета бронзовая
27. Монета бронзовая
28. Монета бронзовая
29. Ножа железного фрагмент
30. Игла бронзовая
31. Ножа железного фрагмент
32. Шила железного фрагмент
33. Перстень серебряный
34. Перстень серебряный
35. Бусины разных материалов, 8 шт.
36. Вставка стеклянная, 5 шт.
37. Серьга бронзовая с позолотом и золотым навершием в виде головки льва
38. Серьга из желтого металла
39. Перстень
40. Подвеска из желтого металла
41. Серьга бронзовая золотым навершием в виде головки льва
42. Бусины разных материалов, 26 шт. (инд.
43. Черепицы фрагмент

В заполнении:

44. Монета бронзовая
45. Монета бронзовая
46. Изделия бронзового фрагмент

Рис. 4. Некрополь Виноградный 7. Сырцовый склеп. Захоронение 9/к8/2016 и его погребальный инвентарь

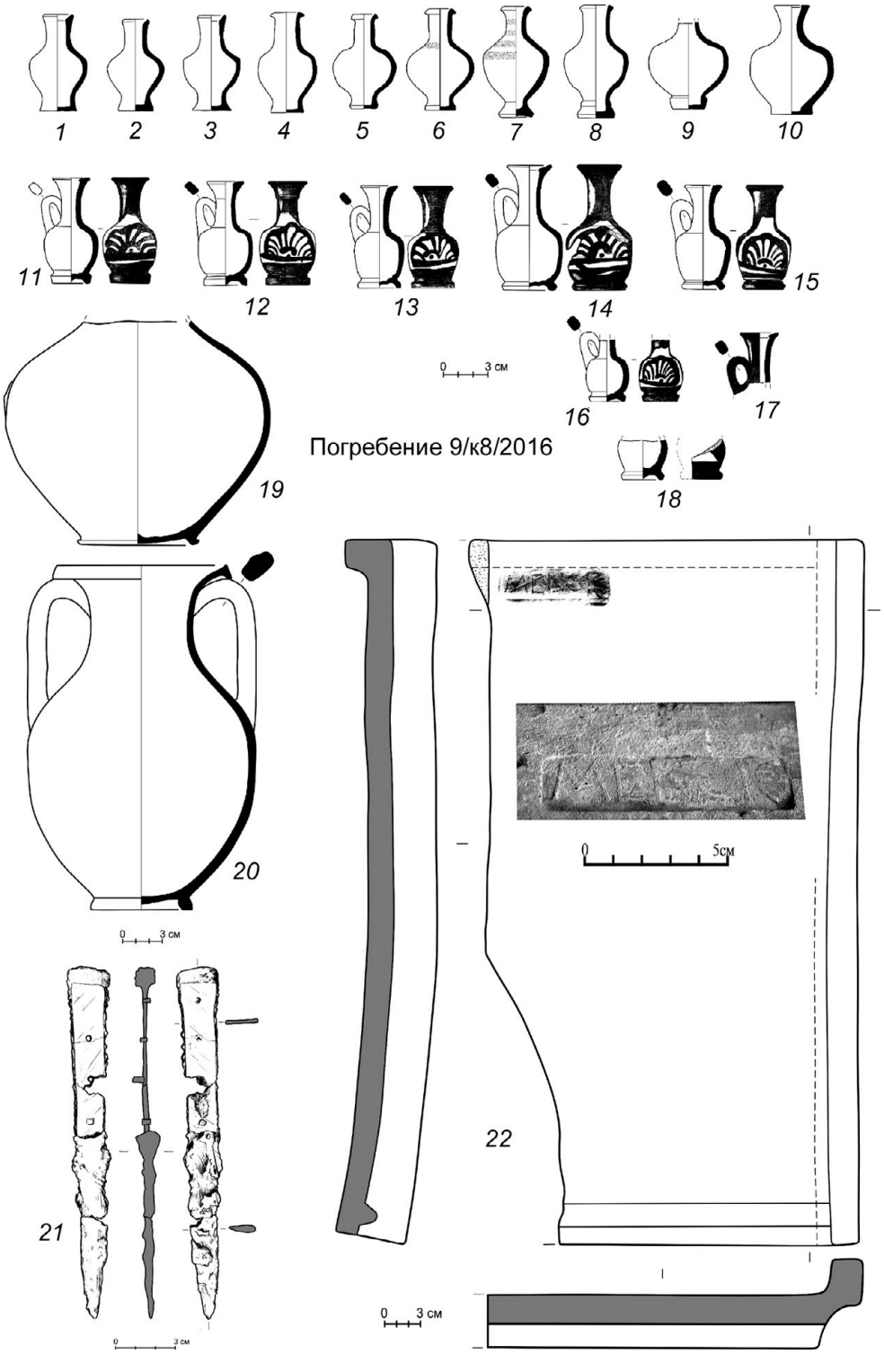

Рис. 5. Некрополь Виноградный 7. Погребальный инвентарь сырцового склепа 9/к8/2016 (продолжение)

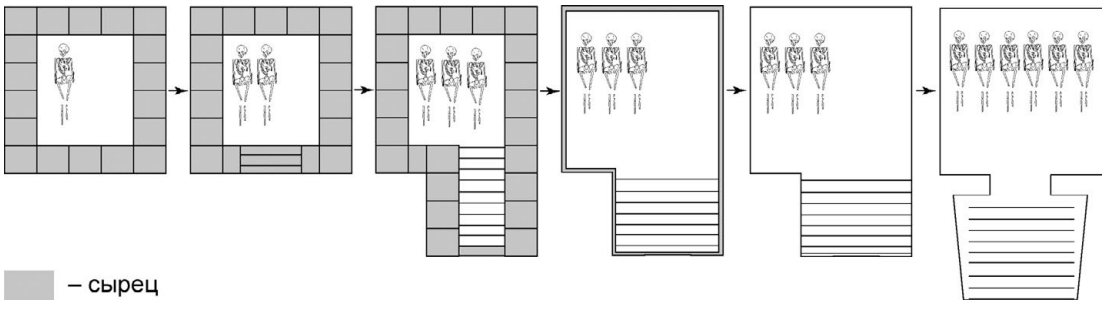

Рис. 6. Этапы развития погребальной конструкции:
от сырцовых гробниц к грунтовым склепам

Таким образом, погребения Виноградного 1 наглядно демонстрируют, что прототипами грунтовых склепов выступают сырцовые гробницы. Именно в последней трети IV в. до н. э. появляются семейные сырцовые склепы с входами и с многократными захоронениями. В них становятся обычными полы разного уровня, формирующие пространство гробницы и предполагающие лежанки. Количество погребенных могло достигать 10 и более человек, а время активного функционирования гробницы – несколько десятилетий [*Кашаев, Сударев* 2020, 30; *Карпов, Сударев* 2017, 81, 82, рис. 12, 13]. Иначе говоря, уже в этих сооружениях мы видим многие элементы, характерные для грунтовых склепов. Аналогичная ситуация складывается и на других боспорских некрополях в целом.

Ранние склепы известны по раскопам В. В. Шкорпила в некрополе Пантикапея[14] [*Шкорпил* 1911, 69–72; *Ростовцев* 1925, 200–201]. Среди погребений этой группы следует отметить погребения № 9, 10, 12/1908 с арибаллическими сетчатыми лекифами, лекифами с пальметами, пеликой Мастера Амазонок, датировка которых не выходит за рамки второй половины IV в. до н. э. [*Сударев* и др. 2024, 428–429]. Но особого интереса в связи с изучением грунтовых склепов Виноградного 7 заслуживают две чуть более поздние гробницы из этой же группы. Одна (№ 11) датируется по монетам [*Абрамзон и др.* 2025, 130; *Анохин* 1986, № 124] временем около 315–300 гг. до н. э., а вторая (№ 13) – по акварельным пеликам, аналогичным сосуду из хорошо датированного комплекса Виноградного 4/к8/1993 (см. выше), и чернолаковой ойнохое[15] – самым концом IV в. до н. э. Но самое примечательное в этих гробницах – их форма. Это их пропорции, размеры, а также смещенный вправо дромос, те же, что и склепах варианта VII/3 некрополя Виноградный 7. Близка и датировка этих сооружений, хотя склепы Виноградного 7 в целом чуть более ранние[16].

[14] Несмотря на то, что со времени написания М. И. Ростовцевым [1925, 199–200] монументального труда прошел век, и датировка некоторых предметов из некрополя Пантикапея уточнилась, можно с уверенностью говорить, что в целом картина не изменилась. Так, пелики Мастера Амазонок, сетчатые и арибаллические лекифы с пальметами, леканы с изображением женских голов и в настоящее время датируются в основном последней третью IV в. до н. э., а некоторые предметы и чуть более ранним временем [*Сударев и др*. 2024, 428–429].

[15] Ойнохоя с каннелированным туловом, подтреугольной в сечении ручкой с шипом у верхнего её корня и росписью West Slope на горле – лавровая гирлянда, нанесенная жидкой глиной и краской [*Шкорпил* 1911, 71, рис. 10]. Данная ойнохоя настолько похожа на ойнохою из ГМИИ им. Пушкина, что, вероятно, является той же или происходящей из одной торговой партии. Она датируется концом IV века до н. э. [*Егорова* 2017, 62, № 101].

[16] Исходя из этого можно предположить, что в Пантикапее в последней трети IV в. до н. э. работала бригада строителей склепов. В тот же период они возвели несколько сооружений на территории некрополя Виноград-

В настоящее время в некрополе Пантикапея можно выделить не менее 45 грунтовых склепов IV–III вв. до н. э., причем часть из них датируется в пределах последней трети IV в. до н. э. [*Ростовцев* 1925, 199–200; *Сударев* 2005, 111; 2010, 437]. Выделить более поздние склепы II–I веков довольно сложно, так как археологический материал этого времени только по описаниям XIX – начала XX в. определить не всегда возможно. Остается лишь сослаться на мнение Г. А. Цветаевой, что и во II в. до н. э. продолжала существовать традиция строительства грунтовых склепов [*Цветаева* 1951, 73]. О типе погребальной конструкции склепов сведений недостаточно по тем же причинам. Следует обратить внимание на тот факт, что, по мнению М. И. Ростовцева (а он опирался на данные В. В. Шкорпила), эллинистические склепы Пантикапея лежанок не имели [*Ростовцев* 1925, 182, 200].

В некрополе Нимфея известно три эллинистических грунтовых склепа [*Силантьева* 1959, 103, № 107, 108]. Один их них датируется последней третью IV в. до н. э., второй, вероятно, был построен тогда же, но использован заново в III в. н. э. [*Силантьева* 1959, 103]. К сожалению, об их конструкции сказать что-либо сложно, кроме того, что один был вырыт в глинистом слое, а второй – сооружен под слоем рыхлого известняка, который и служил его сводом. Аналогично был устроен и склеп, совсем недавно исследованный на территории некрополя Нимфея[17]. Время его сооружения точно не устанавливается, но конструктивно он относится к варианту VII/2. В некрополе Китея среди большого количества раскопанных склепов римского времени есть только один, полностью разграбленный, который датируется условно IV–III вв. до н. э. [*Хршановский* 1994, 266]. Интересно, что его входная яма со ступенями была немного смещена относительно оси, однако не вправо, как в склепах варианта VII/3, а влево.

О других грунтовых склепах эллинистического времени в некрополях Европейского Боспора, пока неизвестно.

Совсем иная картина в некрополях Азиатского Боспора. В некрополе Фанагории известно в настоящее время около 20 склепов позднеэллинистического времени, но основная часть их пока не опубликована. В некрополе Кеп подобные сооружения появляются уже в последней трети IV в. до н. э.[18] [*Сударев* 2005, 111]. Всего таких гробниц

ный 7 и практически сразу применили новые знания в Пантикапее. Вне зависимости от того, насколько наша догадка верна, подобные совпадения вряд ли случайны.

[17] Благодарим Бейлина Д. В. за любезную консультацию.

[18] П. 1 к.16/1968 [*Сокольский* 1968, 66–68]. Склеп был полностью разграблен, однако во входной яме найдены три амфоры – хиосская «колпачковая» и мендейские, и чернолаковый кубковидный скифос рядом с небольшим дромосом. Рядом в *эсхаре*, обложенной сырцовым кирпичом – лекиф группы Буласа. В самой погребальной камере кроме нескольких обломков трубчатых костей и стенок амфор никакого материала не было. Дромос между входной ямой и камерой был заложен сырцовым кирпичом. Следует так же отметить, что одна из стенок входной ямы была так же обложена ими. Кроме того, в своих дневниках о раскопках данного погребения (02.08.1968), Н. П. Сорокина упоминает наличие сырцовых кирпичей и при описании погребальной камеры, отмечая: «Сырцовые кирпичи сделаны из серой ломкой глины. Они оплыли и имели вид сплошной полосы шириной до 0,3 м. Прослеживались только в верхнем горизонте» (Личный архив Н. П. Сорокиной). Далее она дает глубины выявления сооружения, сырцов и т. д., из чего мы можем сделать вывод, что сырцы по всему периметру прослеживались на глубину до 0,3 м. Так же в своем дневнике она приводит план этого погребения, на котором также указывает полосу глины по периметру. Пространство в камере было полностью ограблено и перекопано. Исходя из описания мы можем предположить, что это, возможно, был сырцовый склеп с входом и лежанками по длинным и дальней от входа стороне. В то же время, важной деталью является наличие между входной ямой и камерой небольшого коридорчика-дромоса, что характерно именно для грунтовых склепов.

9, и они относятся к вариантам VII/1, и VII/2 приблизительно в равной пропорции (4/5). Следует отметить, что лишь один из склепов варианта VII/1 имеет две лежанки по длинным сторонам, однако датируется он II – началом I в. до н. э.

В некрополе Пересыпи (так наз. «Тирамба») известно 5 склепов эллинистического времени [*Блаватский* 1953, 154–155; *Коровина* 1968, 75; 1987, 22–23]. Три датируются III в. до н. э. (№ 17, 78, 130), один – II–I (№ 140) и ещё один (№ 2/1951– широко, в пределах всего периода. Все они относятся к варианту VII/2. Наиболее интересна гробница № 17 с лежанкой с левой стороны, на которой был размещен погребенный (второй располагался правее, на полу склепа). В некрополе Гермонассы до сих пор, несмотря на большие работы 2008–2012 гг., известно только два грунтовых склепа [*Шкорпил* 1916, № 66/3, 67/4/1912]. По монетам и инвентарю они датируются последними десятилетиями IV – первыми десятилетиями III в. до н. э. Судя по описанию, в них не было лежанок, и они относились к варианту VII/2.

В некрополе у мыса Тузла известно три грунтовых склепа интересующего нас периода. Два относятся к варианту VII/2 без лежанок. Один (№ 169/124), по мнению Н.П. Сорокиной [1957, 28–29], был возведен в конце III в. до н. э. и использовался до I в. до н. э. Второй (№ 50/2005) по инвентарю и монете датируется концом IV–III в. до н. э.

Наиболее интересен третий склеп (148/103). Он был выкопан в грунте, камера же была обложена сырцовым кирпичом. Судя по инвентарю и монетам, он использовался с последней четверти IV по середину III в. до н. э. [*Сорокина* 1957, 28] и, вероятно, относился к тому же типу, что и склеп № 9/к8/2016 из некрополя Виноградный 7.

Два склепа известны также в некрополе у мыса Панагия [*Шкорпил* 1914, № 199/17 и 222/40]. Оба относились к варианту VII/2 без лежанок и датируются III–II вв. до н. э.

Кратко остановимся на новых, в большинстве своем еще не опубликованных объектах.

Три грунтовых склепа были исследованы рядом с Таманским толосом в некрополе у кургана Тиздар [*Иванов, Кононов* 2024, 85–99]. Все относятся к подварианту VII/1b (с лежанками) и использовались со второй половины III по вторую половину II в. до н. э. Все лежанки имеют «П»-образную форму за счет траншеи, прокопанной посередине погребальной камеры.

Два грунтовых склепа было раскопано близ поселения Вышестеблиевская 16А, расположенного приблизительно в 3 км к востоку от поселения Виноградный 7 [*Соловьев* 2016, 193–197, рис. 26–28]. Оба относятся к варианту VII/2 (без лежанок) и датируются III–II вв. до н. э.

Большой некрополь (Белый 3–4) в 2021 г. был исследован А.П. Магиря-Кирсановой к северо-востоку от хут. Белый, рядом с древней переправой через пойму Кубани [*Поротов, Сударев* 2025, 177–181]. В нем выявлено около 30 погребений, которые датируются от эпохи поздней бронзы до первых веков н.э. Из них из них 11 совершены в склепах варианта VII/2 без лежанок III–I вв. до н. э.[19]

Крупный некрополь был исследован недавно А.В. Горошниковым между некрополями Волна 1 и некрополем у мыса Панагия (х. Кротенко) около бывшего хут. Корецкого

[19] Отчет находится в стадии написания. Благодарим Анну Магиря-Кирсанову за любезную консультацию и возможность ознакомиться с материалом.

(Панагия 1). Он активно грабился в XIX в., о чем у нас сохранилась информация [*Соколов* 1919, 47]. Во время работ в 2024 г. тут было исследовано 9 почти полностью ограбленных склепов. Все они относятся к варианту VII/1. В двух из них выявлены лежанки: в одном случае – по двум сторонам и в одном – с одной (слева). Их датировка – III–II вв. до н. э.[20]

В некрополе Артющенко 2, несмотря на большое количество исследованных погребений VI–II вв. до н. э. [*Кашаев, Сударев* 2024, 3–22], до последнего времени грунтовых склепов выявлено не было. Только в 2023 и 2024 гг. были обнаружены два склепа. Оба – подварианта VII/1b (с лежанками), оба использовались весь II в. до н. э[21].

Отдельно следует остановиться на некрополе Волна 1 и связанном с ним некрополе Волна 6. Здесь исследовано 17 грунтовых склепов, из которых опубликовано два [*Цокур и др.* 2022, 53–58; *Сударев и др.* 2024, 420–439; *Shvedchikova et al.* 2025, 500]. Одиннадцать погребений совершены в склепах варианта VII/2 без лежанок. Из них восемь датируются III в. до н. э. и три – II в. до н. э. Три погребения относятся к варианту VII/1. Из них два не имеют лежанок и датируются первой половиной III в. до н. э. [*Егорова и др.* 2025, 313–329]. Еще один склеп, но с лежанкой, расположенной слева – датируется II в. до н. э.

В некрополе Волна 1 также присутствуют сырцовые склепы, аналогичные гробницам Виноградного 7. Первый (625) имел обкладку сырцовым кирпичом. Вход в погребальную камеру склепа расположен по центру. К сожалению, это погребение полностью разграблено и датировать его можно только в пределах даты данного участка раскопа (IV–III вв. до н. э.). Второй склеп (631) сохранился лучше. Его камера также была выложена сырцовым кирпичом, а вход находился справа, как и у склепов 9/к8/2016 варианта VII/3 из некрополя Виноградного 7. Данное погребение датируется последней третью IV – первой четвертью III в. до н. э. [*Shvedchikova et al.* 2025, 500].

Если подвести краткий итог данному каталогу, то видим, что наиболее ранние грунтовые склепы Боспора продолжают традицию сырцовых гробниц с многократными захоронениями. Сырцовые склепы и склепы варианта VII/3 кроме некрополя Виноградный 7 в конце IV – начале III в. до н. э. сооружаются в Кепах, в Виноградном Северо-Восточном 2 и в Пантикапее. В последней четверти IV в. до н. э. такие склепы появляются в некрополе у мыса Тузла, в тот же период они сооружаются и на некрополе Волна 1.

Склепы варианта VII/1 и варианта VII/2 появляются на Боспоре практически одновременно – в самом конце IV – начале III в. до н. э. Однако и в данном случае необходимо отметить, что более простой вариант VII/2 чуть раньше, уже в конце IV в. до н. э., тогда как наиболее ранние склепы варианта VII/1 – только в начале III в. до н. э. Оба варианта сосуществуют вплоть до конца эллинистического периода[22]. Постепенно количество склепов первого варианта уменьшается, а второго – увеличивается. Лежанки появляются еще в склепах варианта VII/3 в последней четверти IV в. до н. э. (продолжая традицию разноуровневых сырцовых гробниц), но более они распространены, начиная с III в. до н. э. в склепах первого варианта. В склепах второго варианта зафиксирован только один пример использования лежанок (№ 17 у пос. Пересыпь),

[20] Благодарим А. В. Горошникова за любезную консультацию.

[21] Благодарим С. В. Кашаева за любезные консультации

[22] И продолжают сосуществовать и далее, но это тема отдельного исследования.

который датируется III в. до н. э. Изредка лежанки встречаются и позднее – во II и первой половине I в. до н. э., но их количество на протяжении всего периода остается небольшим.

В связи со всем вышеизложенным, возникает вопрос о происхождении этого типа погребальных сооружений. В целом в среде антиковедов устоялось мнение об эллинском происхождении данных сооружений [*Ростовцев* 1925, 163; *Сударев* 2005, 113–114].

По мнению В. В. Шкорпила [1914а, 509], которое поддержал М. И. Ростовцев, говоря о происхождении боспорских склепов, следует сосредоточиться на Амисе, где такие сооружения были хорошо известны [*Ростовцев* 1925, 163]. К сожалению, долгое время склепы Амиса были практически не изученными и оставались на периферии внимания исследователей. И лишь относительно недавно вышел ряд работ посвященных этому памятнику [*Şirin* 2024, 75–76; 2025, 3–68; 2025a, 39; *Şirin, Kolağasıoğlu* 2016, 70–80; *Akyüz* 2013, 33–50; *Ünan* 2010 и т. д.], что дало возможность ознакомиться с материалами Амиса.

Действительно, подобных гробниц как в самом Амисе, так и в его округе очень много. Наиболее полная сводка таких погребений в настоящее время принадлежит Седару Унану [*Ünan* 2010]. В ней он рассматривает гробницы региона Самсун с эпохи бронзы до IV в. н. э. и предлагает их типологию. Если посмотреть на приведенные им таблицы погребений, можно увидеть практически все то, что широко встречаем и на Боспоре [*Ünan* 2010, lev. XXXIV–XXXVIII, XL и т. д.]. Однако самой сложной проблемой для С. Унана является датировка таких погребений, так как абсолютное большинство из них ограблены или использовались не один раз. Поэтому он специально отмечает уникальность находки одной такой не разграбленной могилы именно для датировки аналогичных сооружений. По его мнению, расцвет строительства склепов приходится на эллинистический период, начиная с вхождения Амиса в державу Митридата I Ктиста в 302 г. до н. э. и особенно при его преемниках, в частности Митридате VI [*Ünan* 2010, 26, 55–59].

Орхан Альпер Сирин сам раскопавший несколько грунтовых склепов Амиса и специально занимавшийся их изучением [*Şirin* 2025, 31–68; 2025a, 1–39; *Şirin, Kolağasıoğlu* 2016, 70–80] в своей книге «Древний Амис и район его некрополя» посвящает этим сооружениям небольшую главу [*Şirin* 2024, 75–76]. Он пишет, что подобные гробницы использовались с IV в. до н. э. по IV в. н. э., неоднократно переиспользовались, и тотально грабились. О. А. Сирин ссылается на те же редкие находки из неограбленных могил, что и С. Унан и отмечает, что наивысшего пика строительство таких гробниц достигает в эллинистический период. Прототипами данных сооружений он считает гробницы классического времени и ссылается на единственную исследованную такую гробницу [*Akyüz* 2013, 35–38]. Угур Акюз, опубликовавший этот склеп посвятил свою работу не столько ей, сколько найденным неподалеку от входа стелам, которые он датирует классическим временем. В заключении он высказывает предположение, что рядом находилось поселение архаического – классического времени Энета (город, предшествовавший Амису), а там, где находился курган Чакалджа-Карадоган, где были найдены гробница (и стелы рядом) мог располагаться его некрополь [*Akyüz* 2013, 38]. Как мы понимаем, это довольно шаткая основа для датировки полностью ограбленной гробницы и делать выводы о том, что аналогичные гробницы возникают в округе современного Самсуна именно в этот период пока преждевременно.

Мы уже не раз обращались в своих исследованиях к камерным могилам и писали, что они известны во всем Средиземноморье с Микенского времени. Более того, иногда они вновь использовались в эпоху архаики – классики [*Сударев* 2010, 439; *Сударев, Иванов* 2025а, 334–352]. Они известны в Киренаике [*Cherstich* 2024, 61–62], на Родосе [*Jacopi* 1931, 10, 18–68] и в Македонии [*Καραβασιλειάδου* 2020, 81, 86–88, 467, πίν. 1.] с архаического – классического времени. Однако наибольшее распространение по всему региону они получают, начиная с эпохи эллинизма, в том числе и в тех местах, где они были известны ранее. Новый всплеск популярности таких погребальных сооружений мы наблюдаем в Кирене, на Родосе, камерные гробницы появляются в Милете, Мирине, Александрии, и, как мы уже отмечали, в Амисе и т. д. [*Cherstich* 2024, 67–77; *Hermann* 1888, 8–11, *Jacopi* 1932, 120–124, 128, 144, 148, 161; *Pottier, Reinach* 1887, 67–68; *Özdemir, Çekilmez* 2020, 255–260; *Forbeck* 1998, 204, taf. 100; *Breccia* 1912, 19–20; *Πατσιαδά* 2013, 51–55, 72–79, 210–231].

Чуть раньше, чем на Боспоре, в пределах второй трети IV в. до н. э. камерные погребальные сооружения появляются в Ольвии [*Козуб* 1974, 15–16]. Начиная со второй половины столетия склепы, становятся в ольвийском некрополе и на ее хоре массовым явлением [*Паровић-Пешикан* 1974, 37–38; *Снытко* 2013, 93–95][23]. По мнению М. Парович-Пешикан, появление в Ольвии грунтовых склепов связано в первую очередь с ее тесными экономическими и политическими связями с Малой Азией и Восточным Средиземноморьем.

Впрочем, независимо от того, насколько широко распространены склепы за пределами Боспора, мы не считаем эту погребальную традицию привнесенной извне, из других регионов греческой ойкумены, и не связываем ее с каким-либо переселением. Думать именно так нам позволяют прямые археологические данные. На примере некрополя Виноградный 7 прослеживается четкий генетически связанный между собой типологический ряд – от сырцовых гробниц, до грунтовых склепов (рис. 6). Важнейшее значение имеет тот факт, что раскопками зафиксированы все без исключения этапы изменения погребальной конструкции. Этот переход без сомнения характеризуется как последовательный и подтверждается хронологией комплексов. В целом, подобное можно наблюдать и на других некрополях Боспора. В таком случае, в отличие, скажем, от подбойных могил, традиция которых на Боспоре представлена в уже сложившемся виде [*Сударев, Иванов* 2025, 345], формирование грунтовых склепов происходила в рамках местной погребальной архитектуры, и корни имеет в местной среде.

Начиная с того момента, когда греки заселяют территории вокруг Боспора Киммерийского, и вплоть до второй половины IV в. до н. э. в погребальном обряде на всех некрополях доминируют индивидуальные погребения. Парные или коллективные погребения встречаются значительно реже. При этом регулярные многократные захоронения и склеповые конструкции на протяжении этого временного отрезка неизвестны. Поскольку отправной точкой вектора развития склепов, как показано выше, являются сырцовые ящики, мы сосредоточимся на этом типе захоронений.

На Боспоре сырцовые могилы появляются с VI в. до н. э. В аспекте погребального обряда мужских захоронений, сырцовая конструкция при сооружении могилы несет

[23] Наиболее ранние грунтовые склепы на некрополях хоры появляются только во второй половине IV в. до н. э. Большинство их относится к последней четверти IV – первой половине III вв. до н. э.

в себе смысловую нагрузку, связанную в первую очередь с идеей дома для героя – «героона» [*Иванов, Сударев* 2023, 208]. Именно в сырцовых гробницах мы наблюдаем устойчивые элементы воинского комплекса: мечи, наконечники копий и стрел. Реже встречается и защитное вооружение – шлемы и панцири. Обязательными для этих комплексов являются сосуды для питья, амфоры, применительно к V в. до н. э. в эту категорию входят киафы. Например, на Азиатском Боспоре только с сырцовыми могилами связаны захоронения коней и конская упряжь. Практика захоронений в сырцовых ящиках с таким набором сохраняется практически без изменений до второй половины IV в. до н. э.

С 30-х гг. этого столетия, появляется тип сырцовых гробниц со входом. О том, что концепция погребения меняется, и с этого моменты гробницы являются склепами, говорит практика регулярных многократных захоронений, совершенных в этих могилах. Одновременно в склепах «исчезают» амфоры. Сосуды для питья и элементы вооружения, положенные с первыми покойными, в последующих захоронениях в склепах постепенно «исчезают». И в последующем, и сосуды для питья и оружие в эллинистических грунтовых склепах встречаются редко.

Таким образом, за трансформацией погребальной конструкции и распространением коллективных захоронений, можно наблюдать серьезное изменение погребального обряда, являющегося одной из наиболее консервативных сфер жизнедеятельности человеческого общества. Греки в рамках общины неоднократно и искренне меняли свои предпочтения в отношении обряда [*Snodgrass* 1971, 144, 146]. Но в любом случае эти перемены имели под собой серьезные основания, обусловленные сменой политических и идеологических представлений, религиозных представлений, переменой в мировоззренческой модели. Если рассматривать вопрос с этой точки зрения, то сырцовые гробницы из «героона», места обитания умершего героя и предка-основателя рода, постепенно превращаясь в семейные гробницы, своего рода οἶκος в νεκρόπολις, домохозяйство в городе мёртвых [подробнее см.: *Сударев и др.* 2024, 433–425], демонстрируют какие-то глубокие изменения, происходившие внутри боспорского общества. По какой причине была изжита концепция «героя», и в погребальном обряде на передней план выносится идея семьи, с чем связаны перемены мировоззренческих представлений боспорского общества – тема уже следующих исследований.

Список литературы

А*брамзон* М. Г., *Сударев* Н. И., *Сурков* А. В. 2025. Монеты из раскопок античной усадьбы Верхнее Джемете II на хоре Горгиппии // КСИА. 277, 113–135.

Абрамова М. П., 1982. Катакомбные и склеповые погребения юга Восточной Европы. (Середина I тысячелетия до н. э. – первые века н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. (Труды ГИМ. 54). М., 9–19.

Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 184.

Б*лаватский* В. Д. 1953. Второй год работ Синдской экспедиции // КСИИМК. 51, 149–155.

В*орошилова* О. М. 2018. О склепах Фанагории 1–5 вв. н. э. // Материалы по археологии и истории Фанагории. 4 (Фанагория. 7). М., 56–76.

Д*аньшин* Д. И., 1992. Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. Дисс. … канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2515.

Е*горова* Т. В. 2017. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Научный каталог. М., 144.

Егорова Т. В., *Сударев* Н. И., *Берлизов* А. Н. 2025. Миниатюрные миски и солонки в погребальном обряде некрополя Волна 1 // Stratum plus. 3, 13–329.

И*ванов* А. В., *Кононов* В. Ю. 2024. Эллинистические погребения из раскопок кургана на горе Тиздар на Таманском полуострове // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века. Сб. статей памяти О. В. Шарова. (Материалы спасательных археологических исследований. 34). М., 85–99.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2023. Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике древней Греции и на Боспоре // ДБ. 28, 178–217.

К*арпов* Д. А., *Сударев* Н. И. 2017. Виноградный северо-восточный 2, Виноградный северо-восточный 3, курганная группа (10 насыпей) (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. (Материалы спасательных археологических исследований. 19). М., 74–87.

Кашаев С. В., *Сударев* Н. И. 2020. Традиция погребения в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко 2 и Виноградный 7 // БИ. 40, 26–46.

Кашаев С. В., *Сударев* Н. И. 2024. К вопросу о времени возникновения поселения Артющенко-2 // БИ. 49, 3–22.

Козуб Ю. І. 1974. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Киев, 184.

Коровина А. К. 1968. Тирамба (городище и некрополь) итог археологических работ экспедиции государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // Сообщения ГМИИ. IV, 54–84.

*Коровин*а А. К. 1987. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // Сообщения ГМИИ. VIII, 3–70.

Л*имберис* Н. Ю., *Марченко* И. И. 1997. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар, 46–57.

Л*имберис* Н. Ю., *Марченко* И. И. 2010. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // ΣΥΜΒΟΛΑ. 1. Москва–Киев, 152–163.

М*асленников* А. А. 1982. Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков нашей эры // СА. 1, 33–43.

Масленников А. А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 230.

Марченко И. Д. 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 57, 102–127.

О*льховский* В. С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 256.

П*арович-Пешикан* М. 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 218.

Поротов А. В., *Сударев* Н. И. 2025. Палеогеографические условия изменений поселенческой ситуации на территории Таманского полуострова в раннем железном веке // Актуальные проблемы палеогеографии плейстоцена и голоцена. Материалы Всероссийской конф. «Марковские чтения 2025 года». М., 177–181.

Р*остовцев* М. И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 622.

С*авостина* Е. А. 1981. О земляных склепах Боспора // Тез. докладов научной сессии по итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1980 год. М., 27–29

Савостина Е. А. 1984. Боспорские склепы. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. М.

Силантьева Л. Ф. 1959. Некрополь Нимфея // МИА. 69, 4–107.

Снытко И. А. 2013. Погребальные сооружения сельских некрополей Ольвии в контексте древнегреческой ритуальной практики населения Нижнего Побужья позднеархаической, классической и эллинистической эпох (VI–III вв. до н. э.) // АВ. 19, 91–104.

Сокольский Н. И. 1968А. Отчет о работах Таманской Археологической экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН Р-1, № 3710.

Соловьев С. Л. 2016. Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив (из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 6, 185–201.

Соколов В. В. 1919. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 56, 39–59.

Сорокина Н. П. 1957. Тузлинский некрополь. М., 64.

Сударев Н. И. 2005. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник. Дисс. … канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2739.

Сударев Н. И. 2010. Религия. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. II. М., 418–472.

Сударев Н. И. 2017. Погребения некрополя Виноградный 7 // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 (Материалы спасательных археологических исследований. 19). М., 182–189.

Сударев Н. И., *Иванов* А. В. 2025. Об одной особенности погребального обряда некрополя Виноградный 7 на Тамани // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты (Боспорские чтения. XXVI). М., 234–239.

Сударев Н. И., *Иванов* А. В. 2025а. Подбои на Боспоре // Материалы и исследования по археологии Кубани. 8. Краснодар, 334–352

Сударев Н. И., *Кашаев* С. В. 2025. Подбойные погребения в некрополях Виноградный 7 и Артющенко 2 // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты (Боспорские чтения. XXVI). М., 240–246.

Сударев Н. И., *Шведчикова* Т. Ю., *Мимоход* Р. А., *Сапрыкина* И. А. 2024. Предварительные результаты комплексного анализа коллективного погребения 631 античного некрополя Волна 1 // КСИА. 276, 420–439.

Х*ршановский* В. А. 1994. Раскопки некрополя Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь, 262–266.

Ц*ветаев*а Г. А. 1951. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 19, 63–86.

Цокур И. В., *Сударев* Н. И., *Шаров* О. В. 2022. Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове (Материалы спасательных археологических исследований. 30). Ч. I. М., 399.

Ш*корпил* В. В. 1911. Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи въ 1908 г. // ИАК. 40, 62–91.

Шкорпил В. В. 1914. Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи и па Таманскомъ полуостровѣ въ 1911 г. // ИАК. 56, 1–74.

Шкорпил В. В. 1914а. Катакомбы на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы. Приложеніе // М. Ростовцевъ. Античная декоративная живопись на Югѣ Россіи. СПб., 508–509.

Шкорпил В. В. 1916. Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи, на Таманскомъ полуострове и въ Алуштѣ въ 1912 году // ИАК. 60, 7–35

A*kyüz* U. 2013. Samsun-Kurupelit'de Ele Geçen Bir Grup Mezar Steli ve Çakalca-Karadoğan Höyük Üzerine Bir İnceleme // Kubaba. 10 (22), 33–50.

B*reccia* E. 1912. La Necropoli di Sciatbi (Catalogue General des Antiquités Égyptiennes. (Musée D' Alexandrie). Caire. 1, 212.

C*herstich* L. 2024 The Southern Necropolis of Cyrene. Oxford, 502.

D*rougou* S. 1991. Hellenistic pottery from Macedonia. Thessaloniki, 177.

F*orbeck* E. 1998. Die Nekropolen von Milet: Die Grabungen 1901 bis 1909 und die Arbeiten der Jahre 1993 bis 1996. Bochum, 452.

G*eorgiadou* A. 2005. Totenkult and elische Grabkeamik spatklassischer und hellenistischer Zeit. Thessaloniki, 340.

H*ermann*. P. 1888. Das Gräberfeld von Marion auf Cypren. Berlin, 66.

J*acobi* G. 1932. La Necropoli di Poniamo (Calchi) // Clara Rhodos. II, 117–164.

Καραβασιλειάδου Ζ. 2020. Ταφικά τοπία και τελετές στην αρχαία Μακεδονία. Θεσσαλονίκη, 829.

Κωτίτσα Ζ. 2014. Τυπολογία, χρονολόγηση και χρήση μυροδοχείων Ενδείξεις από τη βόρεια Πιερία // Η΄ Επιστημονικη Συναντηση για την Ελληνιστικη Κεραμικη. Ιωαννινα 5–9 Μαΐου 2009. Πρακτικα. Αθηνα, 407–424.

Κωτίτσα Ζ. 2019. Εργαστήρια και χρονολόγηση των αρυβαλλοειδών ληκύθων με ανθέμιο από το βόρειο νεκροταφείο της Πύδνας // Τῷ διδασκάλῳ. Τιμητικός τόμος για τον καθηγητή Ιωάννη Ακαμάτη. Θεσσαλονίκη, 209–223.

Ö*zdemir* E., *Çekilmez* M. 2020. Myrina Antik Kenti Nekropolü, Mezar Tipleri ve Ölü Gömme Gelenekleri // Aliağa ve Çevresi. International Symposium on Aliağa and Its Territory – Aiolis Region-Archaeology and Interdisciplinary Researches. İzmir, 243–278.

Π*ατσιαδά* Β. 2013. Μνημειώδες Ταφικό Συγκρότημα στη Νεκρόπολη της Ρόδου: Συμβολή στη μελέτη της ελληνιστικής ταφικής αρχιτεκτονικής (Ροδοσ. ΙΙΙ). Ροδοσ–Αθηνα, 418.

P*ottier* E., *Reinach* S. 1887. La necropole de Myrina. Paris, 640.

S*hvedchikova* T., *Saprykina* I., *Sudarev* N. 2025. Crypt 631 from Volna-1 necropolis: complex approach to the analysis of Greek–barbarian relations in early Hellenistic period in the Bosporus // 31st EAA Annual Meeting (Belgrade Virtual, 2025). Abstract Book. Belgrade, 500.

Şirin O. A. 2024. Amisos Antik Kenti ve Nekropol Alani. Samsun, 127.

Şirin O. A. 2025. Amisos Nekropolünden Yer Alti Kaya Mezari Örnekleri Ve Mezar Buluntularinin Değerlendirilmesi // Troy Museum Journal. 3, 31–68.

Snodgrass A. M. 1971. The Dark Age of Greece. An archaeological survey of the eleventh to the eighth centuries BC. Edinburgh, 456.

Şirin, O. A. 2025a. Amisos Nekropolünden Yeraltı Kaya Mezarlarına Yeni Örnekler ve Bu Örnekler Işığında Mezarların İşaretleyicileri Üzerine Bir Değerlendirme // Amasya Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi (ASOBİD). 10 (17), 1–39.

Şirin O. A., Kolağasıoğlu M. 2016. Antik Amisos Kenti'nden bir yer altı odalı mezar örneği // Bütünşehir Kent Kültür Dergisi. 2/12, 70–80.

Ü*nan,* S. 2010. Samsun ve Çevresi Mezar Tipleri ve Ölü Gömme Adetleri (MÖ III. Bin-MS IV Yüzyıl). Basılmamış Yüksek Lisans Tezi. Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Protohistorya ve Önasya Arkeolojisi ABD, Kütahya, 491.

Summary

N. I. Sudarev, A. V. Ivanov

Underground Chamber Tombs of the Bosporus

This article is devoted to the Bosporan underground chamber tombs (underground vaults) of the 6th–1st centuries BC. Our study is based on materials from the Vinogradny 7 necropolis. Currently, this is one of the largest necropolises in the Asian Bosporan region. In total, at least 758 burials from the 5th–1st centuries BC have been excavated there. Fifty-five underground chamber tombs have been excavated here. Currently, this is the largest sample of such structures from the Hellenistic period in the Bosporan region.

As a result of studying this type of burial structures in the Vinogradny 7 necropolis, it was possible to trace the line of their development from tombs built from mud bricks to the classic underground chamber tombs of the Bosporus. Observation of the materials from the 4th century BC necropolis of Vinogradny 7 establishes the following pattern. In the first half – third quarter of the 4th century BC, all the mudbrick tombs of the necropolis were structurally made of mudbrick cist. They are characterized by individual and paired burials. However, somewhere around the 30s of the 4th century BC, a type of tomb with an entrance on the western side of the burial structure appeared. In these complexes it is represented by steps built into the western wall of a mud-brick tomb. Regular multiple burials appear here. Then, in the last quarter of the 4th century BC, we observe mudbrick tombs with an entrance shifted to the right of the general axis of the tomb. At the next stage, practically during the same period, underground vaults were constructed, with absolutely the same layout, orientation and dimensions of the internal space. These chamber tombs were cut entirely into the dense clay subsoil. Beginning in the 3rd century BC, "classical" underground vaults (chamber tombs) were built.

A similar situation is developing at some other necropolises of Bosporus.

Thus, the transformation of the burial structure and the spread of collective burials can be seen as a significant change in the burial rite, which is one of the most conservative spheres of human society. If we look at the issue from this point of view, then the mud-brick tombs, from the "heroon", the dwelling place of the deceased hero and the ancestor-founder of the family, gradually turning into family tombs (a kind of οἶκος in νεκρόπολις, a household in the city of the dead), demonstrate some profound changes that took place within the Bosporan society.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.245-261

А. А. Супренков
(Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь)

Поселение Сююрташ в Крымском Приазовье. Общие результаты работ 2010–2025 гг.

Поселение Сююрташ[1] – крупнейшее и, пожалуй, наиболее изученное среди городищ т. н. «тёмного периода» боспорской истории известных в Восточном Крыму. Этот памятник традиционно считался эталонным среди поселений «нового типа», сменивших многочисленные неукреплённые селища и яркие, но немногочисленные усадебные комплексы IV–III вв. до н. э. Данное явление стало отражением экономического кризиса, постигшего экономику Боспора в III–II вв. до н. э., что является общепринятой точкой зрения в отечественной историографии [*Гайдукевич* 1949, 78; *Кругликова* 1975, 98]. Городище площадью около 1,5 га, расположенное к востоку от с. Золотое и непосредственно к северу от урочища Сююрташ и одноименной бывшей татарской деревни (рис. 1, 2), было выявлено и отчасти раскопано И. Т. Кругликовой в 50-е годы прошлого столетия [*Кругликова* 1975, 99], а в 1989–1992 гг. А. А. Масленниковым была изучена его западная часть на площади около 2000 кв. м [*Масленников* 1998, 90–100]. Оба эти исследователя отмечали внушительность оборонительных стен городища при скромном облике как прочих построек, так и находок.

С 2010 г. автором ведутся раскопки восточной части памятника (рис. 3). Их площадь на сегодняшний день превысила 2600 кв. м. Отметим, что 15 лет исследований – это немалый срок для работ на сельском поселении и недавно в небольшой статье была изложена история этих работ [*Супренков* 2025, 334–340]. Сегодня мы уделим внимание самым общим сведениям о полученных результатах.

До начала раскопок *дневная поверхность* этой части городища была задернована и имела общий уклон к северу, что отражало естественный рельеф местности и сказалось на топографии выявленных построек. Местами на ней выделялись верхние части камней отдельных стен. В целом *стратиграфия* раскопа несложная, представленная всего двумя основными слоями. Так, почти повсеместно присутствовал слой ***1*** – плотная, светло-коричневая супесь, насыщенная местами сплошными завалами камней. Более

[1] Официальное название памятника археологии согласно учётной документации – Золотое Восточное (Сююрташ 1). В связи с тем, что в течении последних нескольких лет исследования проводились и на расположенном рядом поселении Золотое Восточное в бухте (рис. 2), в новейших работах мы используем короткое название.

Рис. 1. Поселение Сюрташ. на географической карте

Рис. 2. Поселения Сюрташ и Золотое Восточное в бухте на аэрофотографии. Вид с юго-запада

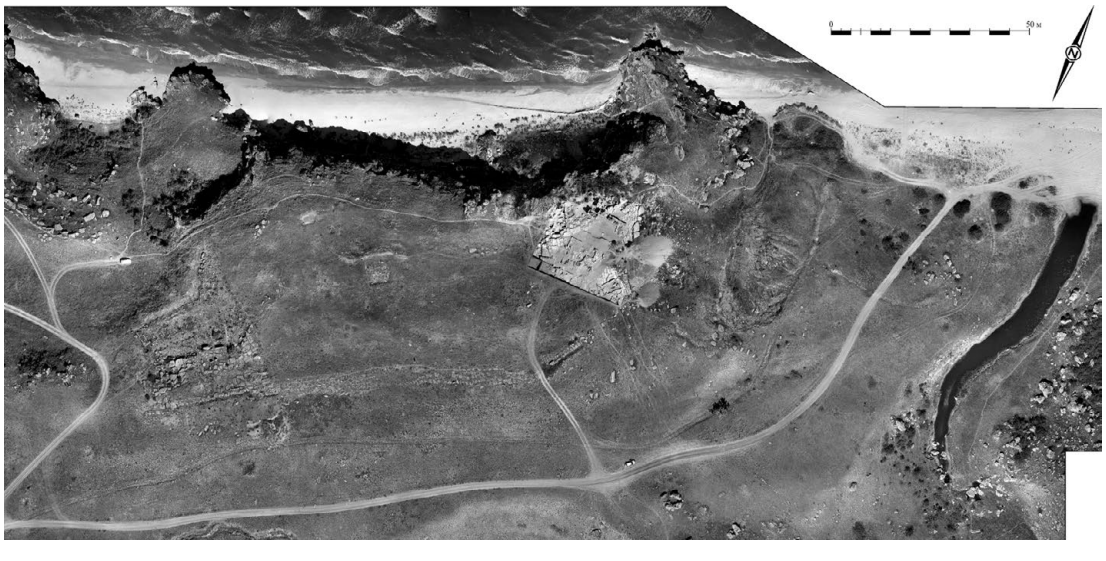

Рис. 3. Общий вид на поселение с юга с ситуационным расположением западного и восточного раскопов. Фото М. Жуковского. 2015 г.

ранний и подстилающий его слой **2** – светло-серая, слегка золистая супесь, залегающая на материке на большей части раскопанной площади. В отдельных местах выделялся слой ***3*** – серая, рыхлая, золистая супесь, содержавшая многочисленные фрагменты керамики и раковины мидий – предположительно остатки некоего зольника, который перекрыл отдельные постройки городища в поздний период его функционирования. Общая же мощность культурных напластований на раскопе невелика (около 1 м), но на отдельных участках достигала 2,5 м.

Касательно всех выявленных *построек* отметим, что застройка здесь осуществлялась в основном на территории, где между двумя практически параллельными скальными выступами, ориентированными север–юг, имела место впадина, заполненная материковым песком, в который и заглублялись основания стен. Все строения можно условно разделить на несколько групп по их назначению (рис. 4).

В течение всех лет раскопки последовательно велись по направлению север–юг, поэтому, придерживаясь хронологии исследований, скажем прежде всего о северных прибрежных строениях *оборонительного* назначения. Это выразительная стена № 1, ставшая, пожалуй, наиболее ярким архитектурным объектом на нашем участке памятника (рис. 5). Поскольку подробное описание этой постройки публиковалось нами ранее [*Супренков* 2013, 243–248], приведём её самые общие параметры. Протяжённость стены достигала 18 м при ширине до 3,3 м и сохранившейся высоте до 2 м. Примерно в центре конструкции располагался вымощенный проход шириной около 2 м. Стена не имела продолжения ни на западе, ни на востоке, что многократно заставляло автора сомневаться в её оборонительном назначении. Однако раскопки последних лет вроде бы позволили нам разрешить эти сомнения. На сегодняшний день уже открыта значительная часть другой фундаментальной юго-восточной оборонительной стены городища № 52. Она раскопана на протяжнии более 20 м (рис. 6). Ширина её 2,5–2,8 м. В высоту она в целом сохранилась в один, максимум два ряда кладки. На единственном участке раскопа 2023 г. нам удалось проследить до пяти рядов по внутреннему фасу (рис. 7). Здесь высота превышала 1 м. Характер кладки на этом участке схож с кладкой стены № 1 – поверх нескольких рядов средних известковых камней уложены крупные плиты. Это позволяет нам предположить, что и северная стена по изначальному замыслу строителей являлась частью оборонительной системы, восточная часть которой по каким-то причинам не сохранилась.

Постройки предположительно *общественного* назначения выявлялись в основном также на северном участке в течение первых лет раскопок[2]. Они располагались к югу, востоку и западу от стены № 1. Непосредственно к югу было раскопано большое (10×4 м) огороженное пространство – помещение 2, стены которого не смыкались (рис. 8). В северной и южной стенах имелся разрыв, расположенный примерно напротив упомянутого прохода в стене № 1. В северном проёме находилась большая (7×2 м) овальная яма. В её заполнении была найдена почти целая терракотовая статуэтка Кибелы, а также фрагменты ещё одной статуэтки. Похожая яма, но меньших размеров, находилась и в 5 м к северу. К югу от помещения № 2 располагался участок частично огороженного

[2] Подробное описание этих построек: [*Супренков* 2014, 376–397].

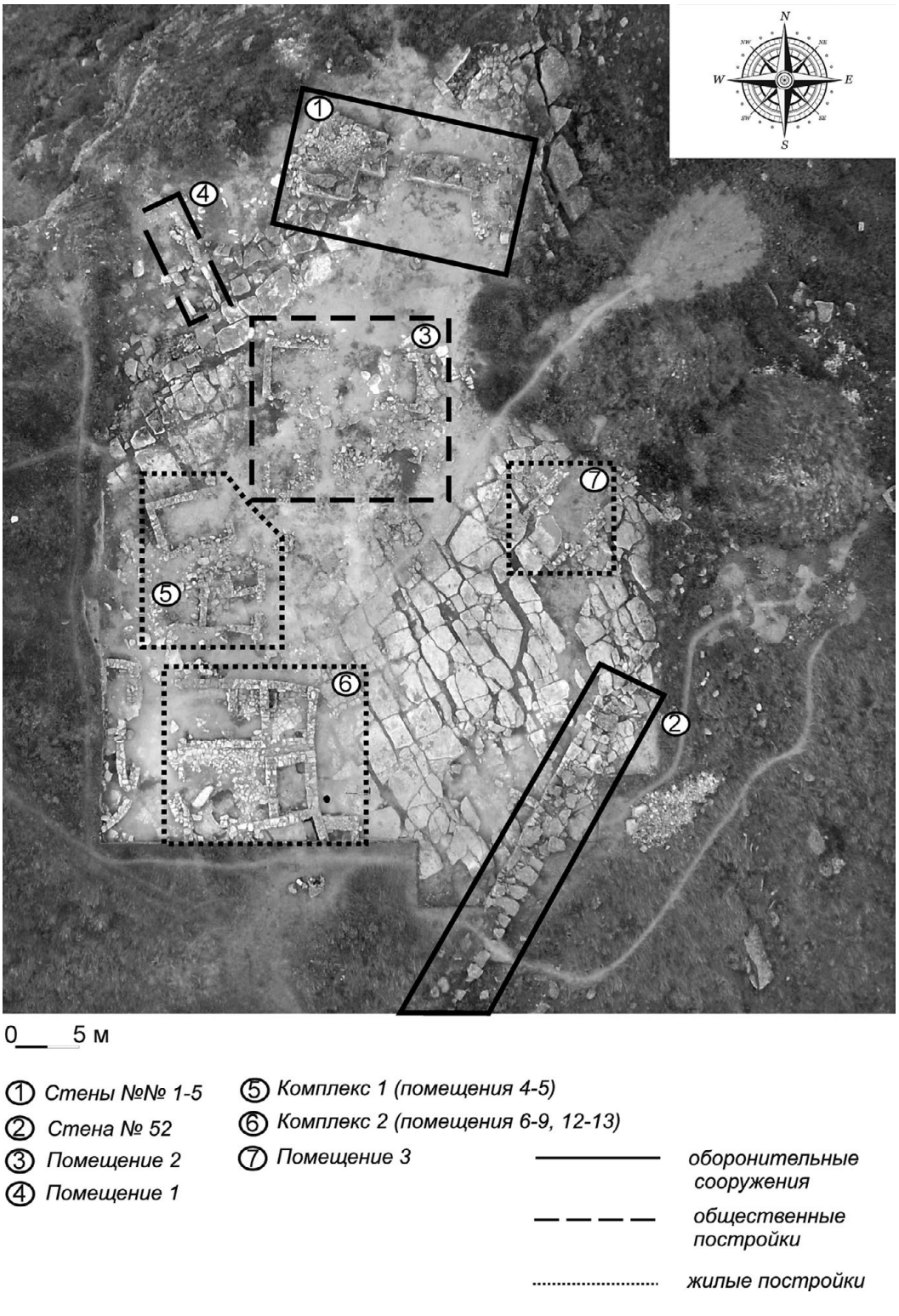

Рис. 4. Раскоп «Восточный». Ситуационный план построек. Фото автора. 2022 г.

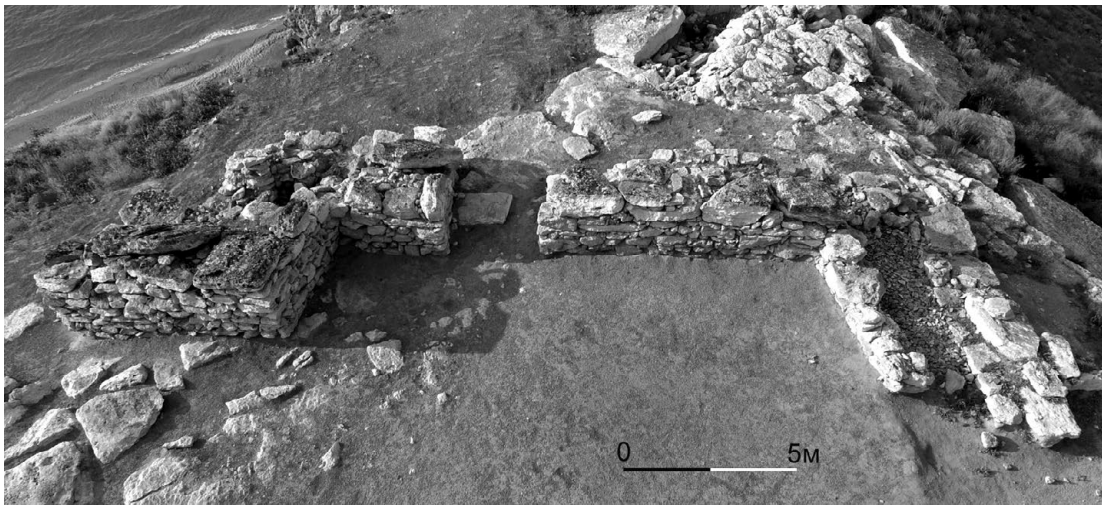

Рис. 5. Стена № 1. Общий вид с юга

Рис. 6. Стена № 52. Общий вид с северо-востока

Рис. 7. Стена № 52. северо-западный фас

пространства с вымосткой и крупной (5×5 м в горловине) ямой неясного назначения. В 10 м к юго-западу от стены № 1 было исследовано необычное помещение № 1, вытянутое с юго-востока на северо-запад (10×3 м) и состоявшее из двух разноуровневых частей (примитивная винодельня?). Верхняя юго-восточная – была огорожена стенами из подработанных известковых плит, поставленных на ребро, нижняя – из средних камней. К его восточной стене в нижнем горизонте была пристроена конструкция из нескольких смыкавшихся ям, условно названная ранее алтарём. Уверенно интерпретировать назначение вышеописанного подквадратного в плане огороженного пространства с аморфными ямами и узкого двухсоставного помещения затруднительно. Ранее нами высказывались предположения о возможном сакральном назначении этих строений [*Супренков* 2014, 390–396]. Памятуя о чрезвычайной сложности выделения сельских святилищ среди прочих построек [*Масленников* 2007, 3–4], мы не отказываемся полностью от этой интерпретации, называя, однако, в более поздних работах такие объекты общественно-сакральными [*Супренков, Прокопенко, Требухина* 2019, 256–262].

Жилые постройки на исследованном участке поселения были представлены в основном двумя строительными комплексами. Комплекс № 1 (рис. 8), раскопанный в 2014–2017 гг., состоял и из двух помещений (4 и 5) с небольшим общим частично вымощенным двором. Помещение 4, было размерами 5,5 м с севера на юг и 5 м с запада

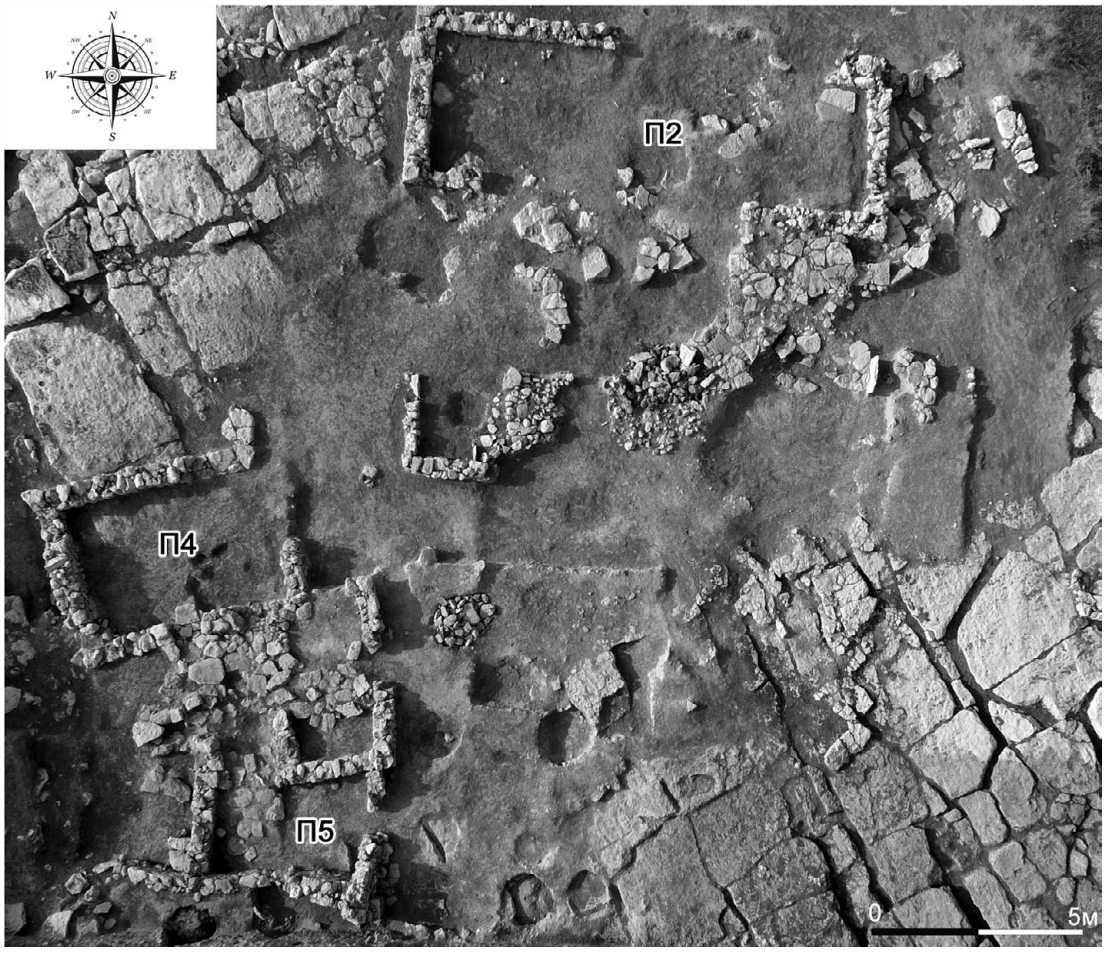

Рис. 8. Помещение к югу от стены № 1 и комплекс № 1. Вид с юга

на восток. Его пол был глинобитным и относительным ровным, хотя и имел небольшой уклон к востоку. Во внутренней части помещения, к востоку от порога, был устроен очаг. Он состоял из плоской известковой плиты размерами 0,5×0,5×0,15 м, поставленной на ребро и заглубленной в материковый песок. Вокруг плиты было расчищено полукруглое углубление размерами 1,2 м с запада на восток и 0,9 м с севера на юг и глубиной до 0,2 м, заполненное углём, золой и кусками прокалённой печины. Само пространство внутри помещения содержало грунт золисто-мусорных отложений. В нём был найден фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом, датирующимся 268 г. до н. э.[3], а также массовый материал, представленный венчиком книдской амфоры, фрагментами родосских и синопских амфор, краем чернолаковой миски, донцем краснолаковой и буролаковой мисок, красноглиняной посудой: фрагментом горла кувшина с верхней частью ручки, венчиком лагиноса, ножкой унгвентария, краями рыбных блюд и тарелки, а также лепной посудой и костями животных.

[3] Определение клейм Н. Ф. Федосеева, позднее – А. В. Ковальчук.

Отдельно отбирались находки и с уровня пола помещения 4. Это три ручки синопских амфор, ручка красноглиняного и сероглиняного кувшинов, около сотни стенок сосудов, фрагмент нижней части чернолаковой чашки, венчик красноглиняного кувшина, два венчика лепных горшков, стенки лепных сосудов и кости животных.

К югу от прохода и восточной части помещения 4 был расположен вымощенный дворик размерами 4,8 м с запада на восток и 3,4 м с севера на юг. Поверхность его была относительно горизонтальной и сложена из крупных (1×0,6; 1×0,5 м) и средних (0,4×0,3×0,2 м; 0,35×0,25×0,25 м) известковых камней. С востока это пространство было ограничено стеной, состоявшей из двух частей длиной около 5 м. Весьма вероятно, что изначально она служила внешней, восточной стеной ещё какого-то помещения, примыкавшего к юго-восточному углу помещения 4. Впоследствии оно, вероятно, было разобрано, а пол был замощён. На вымостке двора было найдено рыболовное грузило из амфорной ручки, а также массовый материал (ручка родосской амфоры, обломки красноглиняных кувшинов, кости животных).

Непосредственно к югу от этого двора было раскопано помещение 5. Его размеры изнутри составляли 3,8×2,2 м. Западная часть на пространстве 2,6×1,2 м была тщательно вымощена крупными (0,7×0,6; 0,6×0,4 м) и средними (0,4×0,3; 0,4×0,25 м) плоскими известковыми камнями. Пол в восточной части помещения была глинобитным. Позднее помещение было перекрыто золистым слоем 3, в котором (в границе помещения) были найдены профильные части и стенки синопских и родосских амфор, края буролаковой и красноглиняной мисок, донце рыбного блюда, фрагменты лепных сосудов, кости животных.

В восточной части помещения на уровне пола расчищена круглая столбовая ямка диаметром 0,25 м и глубиной 0,1 м, заполненная тёмно-серой обожженной супесью с золой и мелкими кусочками угля.

На небольшом участке к западу от помещения 5 открыты два «очага», пристроенные к его стенам. Южный был сформирован плоским камнем размерами 0,8×0,6×0,2 м, поставленным на ребро, который огораживал пространство между углами стен. Северный очаг был образован камнем размерами 0,7×0,5×0,2 м, прислонённым к западной стене помещения в 1 м к югу от его северного края. Пространство внутри очагов было в нижнем горизонте заполнено золой, обгорелым грунтом и фрагментами угля.

Предположительно помещения 4 и 5 с двором формировали дом, который характеризовался небольшими комнатами с лёгкой «нечерепичной» кровлей на столбовых опорах и очагами, в одном случае внутри помещения (4), в другом снаружи (5) [*Супренков,* 2018, 134–142].

Следующий комплекс № 2 (рис. 9) был нами исследован в период с 2018 по 2022 гг. Он находился южнее комплекса № 1 и мог быть более поздним, слои золы, перекрывшие первый, могли сформироваться в процессе жизнедеятельности на втором, хотя могли образоваться и позднее. Раскопанный комплекс был практически квадратным в плане со стороной 11 м. Его северная часть состояла из помещения 7 на востоке, размерами 3,5 м с севера на юг и 2,8 м с запада на восток. В его северо-западном углу располагалось отдельное небольшое огороженное пространство – помещение 8, пристроенное к западной стене и отделённое на востоке перегородкой из нескольких плоских

Рис. 9. Комплекс № 2. Вид с юга

камней, поставленных на ребро. Западный сегмент северной части комплекса представлял собой двор размерами 6,5 м с запада на восток и 4 м с севера на юг – помещение 9. Восточный участок двора шириной 1 м был вымощен и отделён в северной части перегородкой длиной 1,6 м, выполненной в несколько нетипичной для поселения кладке из плоских камней, поставленных на ребро, формирующих панцири, и забутовки посередине. Отделённое этой перегородкой пространство – помещение 6, также было вымощенным. На юге помещения 6 и 9 не отделялись друг от друга стенами.

Южная часть комплекса была представлена большим вымощенным двором (помещение 13) на западе и помещением 12 на востоке. Двор, был практически квадратным со сторонами 6,5 м. Помещение 12 отличалось более высоким качеством стен, чем прочие постройки комплекса. Опишем его подробнее.

Оно было прямоугольным в плане: длиной (изнутри) 3,75 м с севера на юг и шириной 2,75 м. Формирующие его стены были толщиной в среднем около 0,8 м. Вход в помещение шириной примерно 0,8 м находился с запада по центру. Пол был глинобитным с небольшим уклоном к югу. В его центральной части находилось углубление диметром не более 0,1 м, обложенное мелкими камнями (столбовая ямка?). В южной же

была расчищена придонная часть прямоугольной печи размером 1,4×0,8 м. Вокруг неё были выявлены многочисленные куски печины, угли, пепел, стенки амфор и несколько необожжённых глиняных грузил (заготовок) и лепной светильник достаточно редкой формы. На полу помещения подобраны две бусины, два венчика красноглиняных сосудов и несколько амфорных стенок, а в слое его заполнения – полный профиль красноглиняной тарелки и керамическое пирамидальное грузило. Массовый же материал представлен обломками гераклейской, родосской и синопской амфор, фрагментами красноглиняных лутерия, миски и унгвентария, обломками лепных сосудов. Из индивидуальных находках из комплекса № 2 назовём лепной горшок, красноглиняную тарелку, фрагмент терракотовой статуэтки, а также два кусочка «мегарских чаш».

Совокупность всех полученных сведений относительно данного комплекса позволяет предположить, что расположенное в его юго-восточной части помещение 12 могло служить гончарной мастерской для изготовления необходимых в хозяйстве простых предметов, в частности ткацких (?) грузил. Находившееся к северу от него помещение 7 могло быть жилищем с неким хозяйственным пространством в северо-западном углу и очагом в юго-восточном. А постройки к западу от обоих помещений являлись двором, разделенным на участки, возможно, разной функциональности [*Супренков* 2023, 118–127].

Говоря о других строениях, укажем на отдельно стоящее помещение № 3 на востоке раскопа. Постройка размерами приблизительно 4×5 м была воздвигнута к западу от оборонительной стены на небольшом участке материкового песка посреди скального выхода. При зачистке «пола» этого помещения были найдены профильные части и стенки синопских и родосских амфор, а также край чернолаковой чашки. Интерпретировать его как жилое или хозяйственное затруднительно.

С определённой степенью допущения к комплексу № 2 можно отнести и зернохранилище, выявленное непосредственно к востоку– яму 60. Горловина её диаметром 0,65 м была перекрыта овальной известковой крышкой, что определило её почти полое состояние. Её глубина составила 2 м. Размеры ровного, обмазанного глиной дна 1,7×1,3 м. Кроме нескольких кусков печины, стенок сосудов и костей животных находок в яме не было. Объём же её составлял 1,52 куб. м или 1 520 литров что соответствует 1,17 тонн зерна.

Всего же углублённых в материк ям, на нашем раскопе было выявлено несколько десятков [*Супренков, Топоривская* 2019, 525–542]. К наиболее распространённому их типу относились обычные хозяйственно-мусорные ямы, характерные для сельских поселений. Их параметры в среднем были близки к метровым (диаметр горловины/дна, и глубина составляли около 1 м). К другому типу ям принадлежали поздние объекты, прорезавшие зольник на западном участке раскопа. Они отличались большей глубиной (до 2 м) и трапециевидной в сечении формой, существенно расширяясь книзу. Относительные узкие горловины и широкие (до 2-х метров в диаметре) донья обеспечивали значительную вместимость этих ям, а также возможность их лёгкого перекрытия, что позволяет интерпретировать их как зернохранилища. К ещё одному типу относились объекты с широкими аморфными горловинами и небольшой глубины, а также сложносоставная глубокая яма к востоку от помещения 1, о которых мы писали выше. И наконец, в ходе раскопок было выявлено множество небольших ямок, в основном заполненных золой. В ряде случае они могли быть столбовыми, но некоторые, возможно, служили небольшими кострищами.

Данные стратиграфии говорят о том, что исследованные постройки относились к нескольким строительным периодам. Прежде всего, отметим, что западная часть основания северной стены № 1 перекрывала горловину ямы. Это косвенно может свидетельствовать о том, то какая-то хозяйственная деятельность на плато городища могла вестись ещё до возведения оборонительных стен. Ситуационное расположение комплексов № 1 и 2, а также следы перестроек на разных каменных постройках говорят об определённой строительной эволюции во внутренней застройке. Возникновение зольника в западной части раскопа определённо маркирует новый этап бытования городища. Причем слои золы перекрыли значительную часть строений, включая и участок северной оборонительной стены. Наконец, ямы, выкопанные в этом зольнике, определённо соответствуют позднейшему для этой части поселения строительному этапу, равно как и несколько отдельно стоявших на культурном слое явно поздних стен. К сожалению, точного хронологического разделения вышеуказанных периодов проследить не удалось из-за малого числа узко датирующихся закрытых комплексов. Тем не менее, изложим некоторые предположения по этому вопросу[4], которые помимо только что сказанного, базировались на достаточно многочисленных (около 700 коллекционных артефактов; рис. 10)[5] и несколько тысяч единиц массового материала. Основой же для наших хронологических построений служила коллекция клейм на ручках синопских и родосских амфор, типология которых на сегодняшний день достаточно хорошо разработана[6]. В неё вошли 265 синопских и 62 родосских прочитанных и определённых клейма (табл. 1). Среди синопских клейм только единичные экземпляры относились к концу IV – первой четверти III в. до н. э., а также – к первой четверти II в. до н. э. В промежутке между ними они распределились следующим образом: 57% клейм относились ко второй четверти III в. до н. э., 30% к третьей четверти и 10% к последней. Среди родосских клейм единичные экземпляры датировались первой половиной III в. до н. э. и I в. до н. э. Распределение же большинства было следующим: третья четверть III в. до н. э. – 8,8%, последняя четверть – 16,8%, первая четверть II в. до н. э. – 11,2%, вторая – 8,8%, третья – 29,6%, последняя – 19,2%. Данное соотношение приблизительно соответствует общей динамике развития сельских поселений III–I вв. до н. э., выделяемой нашими предшественниками: пик их развития со второй четверти до середины III в. до н. э. и постепенное «затухание», начиная с начала II в. до н. э. и до последней четверти этого столетия [*Масленников*, 2020, 86].

Рассмотрим теперь распределение датирующего материала по годам раскопок (табл. 2)[7]. С определённой степенью условности это соответствует времени исследования той или иной группы построек. Так на период 2010–2014 гг. пришлось изучение

[4] См.: *Супренков* 2014, 525–542; *Супренков, Прокопенко, Топоривская* 2017, 256–260; *Супренков, Ковальчук* 2023, 210–220.

[5] Формат данной статьи не предусматривает публикации изображений значительного числа археологических артефактов. В связи с этим мы отдали предпочтения новейшим находкам, полученным в ходе работ 2025 г. и нигде не публиковавшимся ранее.

[6] Николай Фёдорович Федосеев подчёркивал «рабочий» характер своих датировок. В планы исследователя входила последующая ревизия коллекции клейм Сюрташа. Увы, им не суждено было осуществиться, и мы пользуемся имеющимися данными.

[7] Здесь мы исключили материал 2023 и 2025 гг. За эти два сезона нами было найдено только три амфорных клейма.

Таблица 1[8]

Таблица 2

северной группы строений, 2015–2017 гг. – раскопки комплекса № 1 и помещения 3 и 2018–2022 гг. – исследования комплекса № 2. Соотношение амфорных клейм по этим трём периодам следующее:

На основании этих данных мы вроде бы можем констатировать устойчивое сокращение количества более раннего материала и рост позднего в процессе продвижения

[8] В левых колонках – количество, в нижних – гг. до н. э., в таблице 2 верхняя снизу – гг. раскопок.

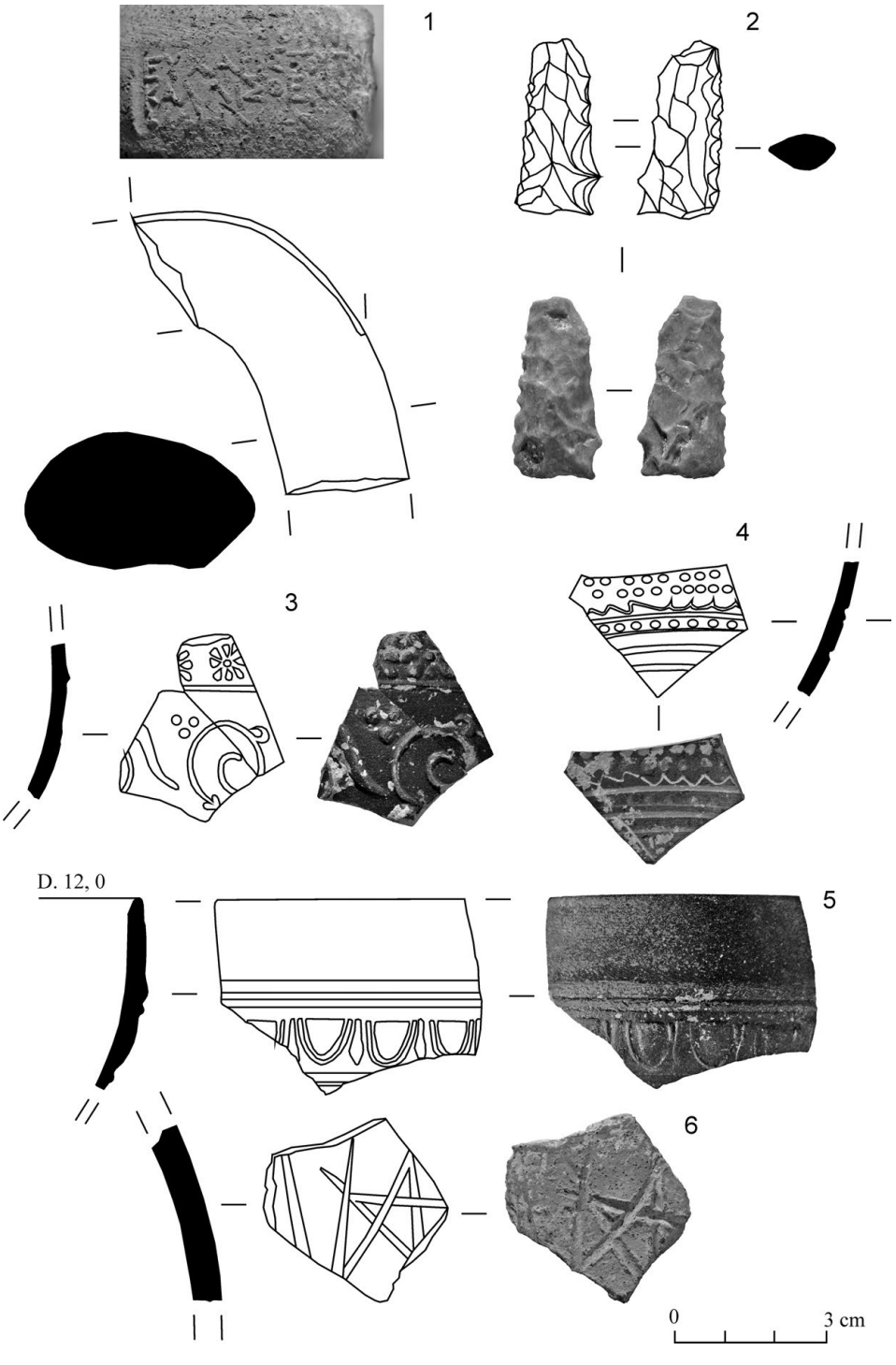

Рис. 10. Находки, раскоп 2025 г.: *1* – клеймо на ручке синопской амфоры, середина 30-х гг. III в. до н. э. [*Кац* 2015, 36, № 1176; *Кац* 2007, 435, VI МГ, № 20]; *2* – наконечник кремневого ножа; *3* – стенка «мегарской чаши»; *4* – стенка чернолакового сосуда с росписью; *5* – венчик «мегарской чаши»; *6* – граффито на стенке амфоры

раскопа в южном направлении практически для каждой хронологической колонки. Т. е. наши стратиграфические наблюдения как будто подтверждаются и данными хронологии: строительное развитие восточной части городища происходило как бы в направле-

дата до н.э. / период работ	275–250	250–225	225–200	200–175	175–150	150–125	125–100
2010-2014	58%	26%	11,2%	0,8%	1,2%	1,2%	–
2015-2017	35,5%	32,8%	10,8%	4,8%	2,8%	11,5%	4%
2018-2022	14%	36,4%	17,2%	5,2%	5,6%	13,6%	5,6%

нии с севера на юг. Общая же хронология восточной части поселения, согласно нашим сведениям, – вторая четверть III – конец II в. до н. э.

Все вышеприведённое позволяет сделать несколько предварительных общих выводов. Прежде всего, отметим малую заселённость исследованного нами участка поселения. Площадь, раскопанная в восточной части городища, примерно соответствует 1/6 его части. На всём этом пространстве было выявлено только два жилых комплекса, условно говоря, предназначенных для двух семей и то, возможно, живших не единовременно. Самый простой подсчёт говорит о том, что при аналогичной (что, судя по раскопкам в западной части городища, вовсе не очевидно) плотности застройки на Сюрташе могло проживать не более 15–20 семей, что составляет примерно 100–120 человек, включая женщин, стариков и детей. Это население, во-первых, едва ли могло самостоятельно противостоять сколько-нибудь существенной военной угрозе (каждый десятый – воин, т. е. в строй могло стать человек 10–12), а во-вторых, – мало вероятно, чтобы близкое к этому число «рабочих рук» было способно возвести по собственной инициативе и только собственными силами мощнейшие оборонительные стены по всему периметру плато [*Масленников* 2017, 210–221]. Сомнения эти, однако, не исчезнут, если даже эту цифру увеличить вдвое, втрое и даже вчетверо…[9]. Вероятнее всего, возникновение сюрташского городища произошло в рамках какого-то общего (общегосударственного) плана освоения (восстановления?) территории Крымского Приазовья.

Хронология поселения говорит о том, что оно появилось либо вскоре после запустения усадьбы Генеральское Западное и его поселений-«сателлитов» в Приазовье [*Масленников* 2010, 54–124], либо же ещё в процессе завершающейся жизнедеятельности на них. Т. е. вопрос о наличии прямой преемственности в этапах освоения этих территорий, поставленный в современных работах по рассматриваемому региону и историческому периоду [*Масленников* 2020, 81], остаётся открытым. При этом не очевидно, что выбор нового участка для заселения был продиктован только соображениями безопасности, хотя таковые явно и имели место. Не исключено, что появление данного, а также почти синхронных ему и относительно близких городищ («Полянка» и «Крутой берег») могло быть вызвано и экономическими причинами, например, сменой хозяйственной

[9] С учётом того, что общая протяжённость оборонительной линии (стен) городища была не меньше 200–220 м, число её взрослых защитников-воинов не только в 10–12, но и в 50 человек никак нельзя признать достаточным. Конечно, «в крайнем случае» на стены взбирались все, кто мог, но…

специализации и необходимостью освоения новых земельных угодий. Очевидно, что обитатели городища Сююрташ, как и прежнее население Приазовья, продолжали заниматься землепашеством и получали импортные товары, хотя разнообразие и качество их существенно редуцировались по сравнению с предыдущей эпохой. Так или иначе, но городище на плато в урочище Сююрташ оставалось обитаемо около 150 лет и было покинуто без явных следов военной катастрофы, скорее всего, под влиянием обще-боспорских событий конца II в. до н. э.

Список литературы

Г*айдукевич* В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л, 623.

К*ац* В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. XVIII. Симферополь–Керчь, 480.

Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище. Саратов, 480.

Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 300.

М*асленников* А. А. 1998. Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 304.

Масленников. А. А. 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 564.

Масленников А. А. 2010. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников (ДБ. Suppl. III/1). М., 243.

Масленников А. А. 2017. Нищета и мощь фортификации // Пивнічне Причорномор`я за античнщі доби. На пошану С. Д. Крижицького. Київ, 210–221

Масленников А. А. 2020. Хора Боспора в III–II вв. до н. э. // РА. 1, 76–89.

С*упренков* А. А. 2013. Особенности формирования сакрального пространства на укреплённых сельских поселениях Восточного Крыма эпохи позднего эллинизма (на примере городища Золотое Восточное) // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрёстке. СПб., 243–248.

Супренков А. А. 2014. К хронологии восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы хронологии (Боспорские чтения. XV). Керчь, 386–392.

Супренков А. А. 2014. Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ ВКАЭ в 2010–2013) // ДБ. 18, 376–397.

Супренков А. А. 2018. Жилые постройки на поселении Золотое Восточное, исследованные в 2015–2016 гг. // Таврические студии. 16. Симферополь, 134–142.

Супренков А. А. 2023. Работы на городище Сююрташ в Крымском Приазовье в 2018–2022 гг. Исследования ремесленно-жилого комплекса № 2. Некоторые аналогии и предварительные итоги // Археология и история Боспора. VI. Симферополь, 118–127.

Супренков А. А. 2025. Раскопки на городище Сююрташ в 2010–2024 гг. Краткий историографический и хронологический очерк // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории. Севастополь, 334–340.

Супренков А. А., *Прокопенко* С. Н., *Топоривская* М. А. 2017. Снова к хронологии эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ на раскопе «Восточный» в 2010–2017 гг.) // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 256–260.

Супренков А. А., *Топоривская* М. А. 2019. Углублённые постройки северо-восточной части городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ 2010–2018 гг.) // ДБ. 24, 525–542.

Супренков А. А., *Прокопенко* С. Н., *Требухина* Н. Ю. 2019. Городище Золотое Восточное в крымском Приазовье: краткие результаты работ 2010–2018 гг. // Античные реликвии Херсонеса. Открытия, находки теории. Севастополь, 256–262.

Супренков А. А., *Ковальчук* А. В. 2023. Городище Сююрташ в Крымском Приазовье. Краткая археологическая характеристика восточной части памятника по результатам работ 2010–2022 гг., вопросы импорта и хронологии // Международные отношения в бассейне Чёрного моря. Античное и средневековое время. Материалы XIII всероссийской научной конф. Ростов-на-Дону–Таганрог, 210–220.

Summary

S. A. Suprenkov

**The settlement of Syuyurtash in the Crimean Azov region.
General results of work from 2010 to 2025**

This article presents the results of the author's excavations at the Syuyurtash settlement in the Crimean Azov region from 2010 to 2025. This settlement is one of the reference monuments of the III-II centuries BC, the period of the Bosporan history least sanctified in written sources. Over 15 years of research, buildings belonging to several types of purpose and several conventional chronological periods were excavated in the eastern part of the site. A brief description of these buildings is presented, along with a general chronological overview of the archaeological material obtained. Several conclusions are offered regarding the evolution of the development of the eastern part of the settlement, as well as specific hypotheses regarding its role in the land management system of the region of interest during the late Hellenistic period.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.262-280

И. Е. Суриков
(Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

К новой дискуссии об эллинизме: несколько слов в связи с позицией С. Ю. Сапрыкина

В 2024 году один из опытнейших отечественных антиковедов С. Ю. Сапрыкин, заведующий кафедрой истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова, автор множества исследований, среди которых мы особо выделили бы уникальный, не имеющий аналогий в мировой историографии по широте охвата материала компендиум «Древнее Причерноморье» [*Сапрыкин* 2018], опубликовал две довольно большие статьи [*Сапрыкин* 2024а; 2024б], которыми он фактически он вступил в ведущуюся у нас ныне очередную дискуссию об эллинизме. Поскольку один из участников дискуссии – пишущий эти строки и, соответственно, его фамилия неоднократно фигурирует на страницах вышеуказанных работ С. Ю. Сапрыкина, причем, как правило, в критически-полемическом контексте, возникла потребность, как говорится, ответить оппоненту, чтобы, насколько возможно, снять некоторые недоразумения. Поскольку одна из двух его статей [*Сапрыкин* 2024а] увидела свет именно в «Древностях Боспора», в этот ежегодник нам представилось наиболее естественным направить и свое «ответное слово», тем более что вторая статья С. Ю. Сапрыкина вышла в тематическом сборнике, а не в периодическом издании, что исключает продолжение дебатов «на том же поле».

Прежде всего – несколько слов (для тех, кто «не в курсе») касательно самой дискуссии, о которой идет речь. Вести ее отсчет, видимо, следует от статьи [*Габелко* 2009], но наиболее интенсивный характер споры приобрели в конце 2010-х и начале 2020-х гг. до н. э., когда в них принял участие целый ряд коллег: вновь О. Л. Габелко [*Габелко* 2018], И. А. Ладынин [*Ладынин* 2018], А. С. Балахванцев [*Балахванцев* 2020]. Следует сказать, что поводом для их выступлений послужили некоторые идеи об эллинизме, высказанные ранее нами – спорадически, в разных местах (в наибольшей степени – в: [*Суриков* 2014, 96–117; 2015, 19–68]) и без какой-либо мысли о том, что они вообще вызовут дискуссию. Поскольку, однако, таковая все-таки последовала, нам пришлось высказаться несколько раз [*Суриков* 2022а; 2023], в сущности, для того, чтобы прояснить и раскрыть подробнее собственную позицию, поскольку ее первоначальная формулировка, будучи несколько конспективной и эссеистичной (в чем, разумеется, есть наша вина: мы, повторим, не рассчитывали на дискуссию), дала почву для некоторых не вполне согласных с нашим мнением толкований.

Результаты дискуссии (хотя о результатах, наверное, говорить пока преждевременно, коль скоро обсуждение проблемы продолжается) С. Ю. Сапрыкин резюмирует следующим образом, разложив всё «по пунктам» (просим прощения за пространную цитату – она, видимо, необходима): «1) Период, предшествующий эллинизму (IV в. до н. э.), получивший название предэллинизм или протоэллинизм, можно охарактеризовать как путь "от гражданина к подданному". Предэллинизм предшествует эллинизму, к нему относится *все, что было в Греции ранее эллинизма* (курсив наш. – *И. С.*), а протоэллинизм – это первая фаза или начало эллинизма, когда делались первые шаги в становлении эллинизма. 2) Кризис полиса, характерный для Греции первой половины – третьей четверти IV в. до н. э., и предэллинизм – это два параллельных процесса. Понятие "предэллинизм" следует заменить на термин "постклассика", *то есть "поздняя классика"* (курсив наш. – *И. С.*), что соответствует кризису полиса как явлению, когда на Востоке и в Греции сложились предпосылки эллинизма – интенсивная внутренняя миграция, культурный синтез, подъем производства, выравнивание уровня социально-экономического развития, что можно расценивать как эволюцию восточного общества. 3) Эллинизм следует искать в векторе полисного развития Эллады, он представляет собой пример "оскудения греческого духа", регресс, упадок культуры, утрату прежних цивилизационных позиций эпохи расцвета полисов в V–IV вв. до н. э. На смену гуманистической культуре эпохи классики при эллинизме пришли гигантомахия (С. Ю. Сапрыкин явно хотел сказать «гигантомания». – *И. С.*) и экстенсивное развитие общества, а эллинистическая монархия ликвидировала полисную демократию. 4) В результате в Элладе и Македонии произошла рецепция восточной деспотии, хотя широкого восточного влияния там не ощущалось, вследствие чего синтез греческого и восточного там отсутствовал. 5) Многие явления в эллинистическом мире были прогрессивными, негатив представляли войны, заговоры, узурпация власти, политические убийства. 6) Для эллинизма не свойствен упадок греческой цивилизации, он напрямую связан с Македонией, что позволяет обозначить его как "монархическо-полисную эпоху", поскольку полис перестал быть конструктивной особенностью греческой цивилизации и на передовые позиции выдвинулась монархия. 7) Специфика эллинизма – это сочетание хронологического, территориального, сущностного критериев в условиях синтеза греко-македонского и варварских (восточных) элементов» [*Сапрыкин* 2024а, 372–373].

Как видим, здесь перечислены в произвольном порядке положения, принадлежащие различным участникам дискуссии и не только не складывающиеся в целостную картину, но и подчас прямо противоречащие друг другу (а такие противоречия естественны, поскольку идет спор). Например, вначале сказано, что эллинизм представляет собой «регресс, упадок культуры, утрату прежних цивилизационных позиций эпохи расцвета полисов» (это ближе к нашим взглядам), а чуть ниже – что «для эллинизма не свойствен упадок греческой цивилизации» (это ближе к взглядам О. Л. Габелко). Полагаем, что С. Ю. Сапрыкин намеренно осуществил подобную контаминацию, применяя прием reductio ad absurdum. Вот, дескать, какая чепуха получается у этой молодежи («молодежи» этой – под 60, кому-то и за 60).

В число наших «выводов» введены даже тезисы, которые на самом деле не только не разделяет никто из вышеперечисленных ученых, но и в принципе никто не может

разделять ввиду их заведомой абсурдности. Например, обратим внимание на те места, которые мы в цитате выделили курсивом. К предэллинизму относится «все, что было в Греции ранее эллинизма», – сказано там. Что же, и «темные века», и архаика тоже относятся к предэллинизму, представляют собой его подготовку, так сказать? Это уже похоже на какой-то «эллинистический фетишизм», когда абсолютно всё рассматривается sub specie Hellenismi. Помнится, в советское время иногда писали, что подлинная история человечества начинается только в 1917 году, а до того была предыстория. Так и здесь выходит нечто похожее. Касательно второго места, выделенного курсивом, заметим: «постклассика» и «поздняя классика» – отнюдь не одно и то же, между этими понятиями никак нельзя ставить знак равенства. Поздняя классика – это, по определению, последняя часть классической эпохи (обычно говорят о IV в. до н. э., но более точным будет выразиться так: 404–338 гг. до н. э.). А постклассика – это, опять же по определению, то, что начинается уже *после* классической эпохи.

С. Ю. Сапрыкин в своих статьях полемизирует со всеми остальными участниками дискуссии, предлагая им свои возражения по различным сюжетам. На то его полное право, но не можем не указать, что любая полемика должна вестись прежде всего корректно. Имеем в виду даже не тон и манеру выражения: они могут быть сколь угодно острыми и категоричными. Хотим сказать только о необходимости корректного изложения взглядов тех, с кем идет спор: вряд ли стоит приписывать им то, чего они не утверждали. Мы не будем рассматривать здесь то, как С. Ю. Сапрыкин излагает точки зрения О. Л. Габелко, И. А. Ладынина, А. С. Балахванцева: они, если пожелают, могут сделать это сами. А автор этих строк будет отвечать за себя.

И что же мы здесь обнаруживаем? Поскольку данный материал увидит свет на страницах «Древностей Боспора», первый пример, который мы приведем, будет относиться именно к боспорскому региону. С. Ю. Сапрыкин пишет: «Невозможно представить, что Боспорское государство в этот период (в IV в. до н. э. – *И. С.*) являлось протоэллинистическим образованием и даже, как полагает И. Е. Суриков, эллинистическим государством на первой ступени эллинизма [*Суриков* 2023, 92–107]» [*Сапрыкин* 2024а, 376]. Мы, признаться, были крайне удивлены, прочитав это, поскольку никогда так не полагали и не полагаем. Ссылка приведена на [*Суриков* 2023][1], однако каждый может убедиться, что в этой нашей статье Боспорское государство вообще не упоминается. А что мы говорили о нем в схожих контекстах в других работах? Напомним.

«…В период поздней классики, когда греческий мир в целом переживал кризис, Боспор стал одним из самых сильных и богатых эллинских государств, которое, в отличие от державы Дионисия, успешно выдержало проверку временем и вступило в эпоху эллинизма, а затем просуществовало, несмотря на многочисленные внешние и внутренние трудности, еще много веков, вплоть до конца античности… В любом случае, Боспор IV в. до н. э. был уникальным, нетипичным явлением для греческого мира этого времени» [*Суриков* 2011, 43]. «В свете всего этого и следует решать вопрос о том, имел ли место предэллинизм на Боспоре. Шло ли в данном регионе в IV в. до н. э. движение “от гражданина к подданному”? Совершенно бесспорно, что шло, и едва ли не более бурными темпами,

[1] Аналогичная формулировка нашей точки зрения: [*Сапрыкин* 2024б, 201], но там – без ссылки.

чем в самой Греции… Общий вывод представляется нам настолько напрашивающимся, что мы не видим даже смысла эксплицитно его формулировать» [*Суриков* 2014, 116–117].

Теперь же, коль скоро возникла потребность в этой самой эксплицитной формулировке, так и выразимся: из сказанного в только что приведенной цитате должно быть ясно, что мы писали в связи с Боспорским государством в IV в. до н. э. именно о *предэллинизме*, а не об «эллинизме». И тут мы как раз ничего нового не предложили. О протоэллинизме на Боспоре говорил еще В. Д. Блаватский [*Блаватский* 1985, 109–132], имея в виду как раз то, что, может быть, несколько уместнее называть именно предэллинизмом[2]. Далее, сицилийскую державу Дионисия Старшего традиционно характеризуют как предэллинистическое образование [наприм., см: *Фролов* 1989, 253–260], а несомненная типологическая близость боспорской и сицилийской держав налицо, она неоднократно отмечалась в литературе (сошлемся хотя бы на фундаментальную монографию А. А. Завойкина [*Завойкин* 2013, 434–456]). И уж если является оправданным дискурс о предэллинизме применительно к державе Дионисия, которая оказалась тупиковым явлением, тем более уместен он будет применительно к державе Спартокидов, которая в тупик не зашла, а в конечном счете органично встроилась в систему эллинизма.

Укажем еще один вопрос, по которому то, что мы говорили, оказалось не вполне верно понятым. «Фактически имела место рецепция восточной деспотии греками – результат прошедшего в социальной психологии процесса, который мы обозначаем формулировкой “от гражданина к подданному” и за которым признаем особо важную роль в складывании предпосылок эллинизма», – этот цитата из одной из наших статей [*Суриков* 2022а, 52]. Вот что отвечает на это С. Ю. Сапрыкин: «Положение о рецепции *Македонией* (курсив наш. – *И. С.*) восточной деспотии тоже ошибочно… Утверждения… о рецепции восточной деспотии *македонскими монархами* (курсив наш. – *И. С.*) надо рассматривать как неприемлемые» [*Сапрыкин* 2024а, 377]. В другой статье он излагает нашу точку зрения так: «Греки склонились перед новыми реалиями, даже не пытаясь изменить сложившийся порядок, в результате чего *в Элладе* (курсив наш. – *И. С.*) произошла рецепция восточной деспотии… *В Македонии* (курсив наш. – *И. С.*) произошла рецепция восточной деспотии» [*Сапрыкин* 2024б, 188]. Из этого исходит и его дальнейшая критика: «Положение же о рецепции Македонией восточной деспотии вообще ошибочно… Филипп II и Александр Великий не могли укреплять монархию по примеру восточной деспотии, которую в те годы олицетворяли Ахемениды. Наоборот, идея Филиппа II и Александра о походе против Персии под лозунгом отмщения за поругание эллинских святынь вызвало одобрение греческих полисов… На этом лозунге, помимо прочих факторов, держались Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и союз Македонии с Элладой. Данное обстоятельство исключало любой рецидив “ахеменидофилии” и тем более рецепцию ненавистной эллинам восточной деспотии» [Сапрыкин 2024б, 188–189].

Позвольте, но где же это у нас сказано о рецепции восточной деспотии «в Македонии» или, тем более, «в Элладе»? Ни мы и, думается, никто не мог бы позволить себе столь абсурдных утверждений. В Элладе (т. е. в полисном мире Греции) эпохи эллинизма не было никаких

[2] Вообще говоря, употреблять ли термины «предэллинизм» и «протоэллинизм» как синонимы или же находить между ними различия – это скорее не вопрос принципа, а вопрос вкусов, тот есть спор о словах. Другое дело, какое наполнение вкладывать в *оба* этих понятия. Часто имеют в виду пресловутый греко-варварский синтез. Честно говоря, в IV в. до н. э. мы этого синтеза не видим ни на Боспоре, ни на Сицилии.

монархий, кроме тираний, а греческая тирания не имеет ничего общего с восточной деспотией. Македонская монархия эллинистического времени (в частности, при Антигонидах), тоже, как всем прекрасно известно, отнюдь не напоминает восточную деспотию, она сохранила немало черт преемственности с македонской же монархией периода классики.

Разумеется, мы имели в виду две главные эллинистические монархии – птолемеевскую и селевкидскую, те два государства, которые называют порой странами «классического эллинизма», поскольку в них принципы этой системы воплотились с наибольшей полнотой. Вот там действительно имела место рецепция восточной деспотии (в которой монарх стоит даже выше закона), причем, как мы опять же писали, «деспотии подчас в ее худшем воплощении: многие цари позднего эллинизма производят впечатление каких-то дегенератов, погрязших в чудовищных и бессмысленных жестокостях» [*Суриков* 2022а, 52]. Ясно, что речь шла именно о поздних Селевкидах и поздних Птолемеях – фигурах воистину презренных, в то время как македонская династия Антигонидов до конца давала вполне достойных, энергичных правителей.

Отдельно коснемся вопроса о позиции Филиппа II и Александра Великого в связи с данным сюжетом. Точнее, не позиции, а позиций, что следует специально подчеркнуть, поскольку С. Ю. Сапрыкин, как можно видеть из вышеприведенных цитат, ставит фактически знак равенства между политическими линиями этих двух деятелей, утверждая, что оба они «не могли укреплять монархию по примеру восточной деспотии, которую в те годы олицетворяли Ахемениды», что оба они проводили политику Коринфского конгресса. Применительно к Филиппу II это, безусловно, является верным: он был, собственно, автором этой политики и инициатором созыва конгресса [*Фролов* 1974], действительно проходившего под антиперсидскими лозунгами. Филиппу пресловутая «ахеменидофилия» была чужда, и его еще нельзя назвать представителем идеологии восточной деспотии (однако известно, что шаги по своему обожествлению он явно предпринимал [*Badian* 1996, 11–13]; впрочем, персидские цари как раз не обожествлялись).

Совсем другое дело – Александр. Начинал он борьбу против Ахеменидов, безусловно, как освободитель от ига чужеземной монархии эллинских полисов Малой Азии, в которых вводились демократии [*Маринович* 1993, 155–198]. Но потом всё в корне изменилось. Александр последнего периода своего царствования – это какой-то даже утрированный восточный деспот, подвергающий, например, мучениям, а потом и казни племянника собственного учителя, за то, что тот позволял себе критически высказываться о введении царем при дворе церемонии проскинезы. А принципы Коринфского конгресса сын Филиппа II, созвавшего его, просто растоптал. Всё это вещи очевидные и общеизвестные, нам даже несколько неудобно (но приходится) их повторять.

То, что делал Александр, – это именно рецепция восточной деспотии (не в Македонии, не в Греции, а в целом в создаваемом эллинистическом мире), и назвать это как-либо иначе невозможно. Некоторые из пришедших ему на смену династий продолжали тот же курс, – прежде всего, напомним, Птолемеи и Селевкиды, а как раз об Антигонидах этого не скажешь.

Рассмотрим еще один пассаж С. Ю. Сапрыкина, в котором наши взгляды представлены неверно. Речь заходит о кризисе IV в. до н. э. в Греции и, в частности, в Афинах. Вот что пишет наш оппонент: «Сам тезис об упадке Афин в IV–II вв. до н. э. спорен. Он

восходит к популярной (уже давно не только не популярной, но и, можно сказать, опровергнутой и отвергнутой. – *И. С.*) в историографии точки зрения, что кризис полиса был вызван обезземеливанием крестьянства (демоса), что обострило классовую борьбу и привело к разложению полисных структур. Социальная дифференциация способствовала слиянию крестьянства и ремесленников в единый класс (дается ссылка на одну из ранних работ К. Моссе. – *И. С.*). Этот квазимарксистский постулат, популярный, в том числе и у отечественных исследователей, почему-то приглянулся И. Е. Сурикову, отстаивающему идею об упадке полисной системы в Греции до и при эллинизме, хотя прежде он заявлял себя «противником "марксистских концепций"» [*Сапрыкин* 2024б, 191]; схожие формулировки – в [*Сапрыкин* 2024а, 374], но без упоминания нашего имени.

Категорически возражаем против приписывания нам точки зрения, не только нам совершенно чуждой[3], но и специально критиковавшейся нами, – якобы кризис IV в. до н. э. в Афинах следует понимать как экономический упадок. Вот уж чего не было, того не было. Придется опять заниматься самоцитированием – а как еще доказать, что твои взгляды представлены превратно и даже, можно сказать, вывернуты наизнанку?

«…Представляется не вполне правомерным считать (как это часто делается), что корни кризиса классического полиса лежали в экономической сфере… В целом вряд ли можно говорить о том, что общее благосостояние греческих полисов было в IV в. до н. э. существенно ниже, чем в предшествующем столетии, характеризующемся как "золотой век Эллады". Возникавшие экономические проблемы в большинстве случаев достаточно успешно разрешались… Афины IV в. до н. э. никак нельзя было назвать бедным полисом… Как говорится, на жизнь хватало. А между тем расходы не уменьшались, а только увеличивались. Так, в начале IV в. до н. э. появилась новая, ранее не существовавшая расходная статья – оплата гражданам посещения народных собраний» [*Суриков* 2011, 16–17].

На самом деле, если вдуматься, ситуация даже поразительна. Хрестоматийным является мнение, согласно которому на протяжении большей части V в. до н. э. – а именно с момента возникновения Афинской архэ до Пелопоннесской войны, в ходе которой эта симмахия распалась, – процветание демократических Афин зиждилось на форосе, взимаемом с союзников. Благодаря ему афиняне могли себе позволить – помимо поддержания обороноспособности государства на должном уровне – и все прелести реального народоправства, включая мистофорию (жалованье должностным лицам), которой не было больше ни в одном полисе [*Finley* 1973, 173], и строительную программу Перикла, украсившую город шедеврами искусства, и т. д., и т. п. На самом деле механизм причинно-следственных связей между форосом и благосостоянием Афин несколько сложнее, чем его обычно (и несколько прямолинейно) трактуют (см. к вопросу: [*Суриков* 2008, 23–24]). Напрямую форос не шел ни на мистофорию, ни на строительство; но за его счет полностью закрывалась бюджетная статья «Военные расходы», чем высвобождались огромные суммы на другие расходные статьи.

Но дело в другом: в IV в. до н. э., когда уже не было ни Архэ, ни фороса, стабильно сохранялась вся система мистофории (к которой даже добавилась, повторим, плата

[3] Это точка зрения, которой придерживалась К. Моссе (см. прежде всего [*Mossé* 1962]), да и то только до определенного момента, а ее более поздние работы (например: [*Mossé* 1995]) написаны с существенно иных позиций.

участникам народных собраний). Далее, при Ликурге (336–324 гг. до н. э. была реализована строительная программа, сопоставимая по масштабу с Перикловой. И при всём при том вооруженные силы тоже отнюдь не находились в небрежении. В 324 г. до н. э. доки Пирея вмещали 360 триер, 50 тетрер и 7 пентер [*Bosworth* 2003, 14]. Такого флота *не было* у афинян в пресловутый «золотой век Перикла»!

Как же такое удавалось? Ответ, чаще всего предлагаемый в современной историографии (и нам тоже представляющийся наиболее корректным), таков: Афины научились контролировать свои финансы – заботиться об увеличении доходов и при необходимости об ограничении расходов. В V в. до н. э. благодаря форосу, этому в буквальном смысле слова «серебряному дождю», даже не приходилось думать о средствах пополнения бюджета, не говоря уже о его планировании, можно было жить сегодняшним днем [*Leppin* 1995, 557]: денег хватало всегда и на всё, и их подчас просто-таки растранжиривали впустую [*Townsend* 2003, 100].

В новых условиях пришлось прекратить это делать и начать, как говорится, жить по средствам. В плане доходов принялись за изыскание внутренних ресурсов: на территории афинского полиса таковых еще хватало. Только в IV в. до н. э. начала по-настоящему развиваться сельскохозяйственная инфраструктура аттической хоры [*Lohmann* 1995]; стала несравненно более интенсивной, чем прежде, разработка Лаврийских серебряных рудников (в результате чего к началу следующего столетия их истощили).

Что касается расходования средств, в IV в. до н. э. в Афинах впервые появились ответственные финансовые магистратуры. Прежде всего упомянем коллегию заведующих теориконом (οἱ ἐπὶ τὸ θεωρικόν), то есть «зрелищным фондом», который в действительности был значительно шире по функциям, чем предполагает его наименование. Из него «осуществлялось финансирование практически всех отраслей экономики государства» [*Цымбал* 2015, 22]. Применительно к должности заведующего теориконом кардинально нарушались два базовых принципа афинской магистратуры: принцип равноправной коллегиальности и принцип годичного срока. Οἱ ἐπὶ τὸ θεωρικόν избирались не на год, как было в норме, а на четыре года (!), «от Панафиней до Панафиней», как пишет Аристотель (Arist. Ath. pol. 43. 1; имеются в виду Великие Панафинеи). Кроме того, случалось, что эти полномочия вручались одному человеку, а если даже избиралась коллегия, то кто-то один из ее числа резко выделялся среди остальных, на практике руководя всеми делами фонда. Именно такой была ситуация с выдающимся финансистом 350-х гг. до н. э. Евбулом.

Теорикон не был единственным государственным финансовым фондом; в известной мере конкурирующим с ним институтом являлся военный, или воинский, фонд. Заведующий данной организацией назывался «казначеем воинских сумм» – ὁ ταμίας τῶν στρατιωτικῶν (Arist. Ath. pol. 43. 1). Он также избирался на срок в четыре года («от Панафиней до Панафиней»). Кроме того, данное должностное лицо, как видим, эксплицитно было sine collegis. Высшим проявлением наблюдаемой здесь тенденции стало создание в 330-х гг. до н. э. по инициативе одного из ведущих афинских политиков, Ликурга, поста верховного распорядителя финансами. Строго говоря, данная должность (о проблемах, связанных с ней, см.: [*Lewis* 2002, 212–230]), которую сам же Ликург сразу и занял, официально называлась, судя по всему, ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει, что можно понимать просто как «отвечающий за управление». Она объединила в себе главенство над отдельными ранее

существовавшими денежными фондами (как военный и зрелищный). Эту «супермагистратуру» занимал один гражданин, sine collegis, избранный путем голосования и занимал ее в течение четырех лет, – правда, без права переизбрания (или, во всяком случае, без права немедленного переизбрания – здесь полной ясности нет).

Новые институты, о которых было только что сказано, совершенно справедливо ставятся в контекст кризиса полиса [*Цымбал* 2015, passim]. А коль скоро речь идет о кризисной эпохе, резонно замечание одного из исследователей: «Теперь, когда времена были трудными, управление финансами государства могло превратиться в управление самим государством» [*Schaps* 2004, 137]. В случае с Ликургом именно так и получилось, он едва ли не достиг на определенное время такого положения в Афинах, какое занимал веком ранее Перикл. Налицо отклонение от клисфеновских демократических принципов – но, значит, сама жизнь потребовала такого отклонения. В условиях, когда к финансам нельзя уже было относиться с прежней беспечностью, стало считаться, что лучше передать их в ведение специалистов, чем оставлять их под контролем демоса, народного собрания, которое далеко не всегда с должной ответственностью подходило к делу, подчас руководствуясь сиюминутными побуждениями. Безусловно, учреждение новых должностей оказало позитивное влияние на бюджетную политику [*Leppin* 1995].

Этот экскурс потребовался для того, чтобы продемонстрировать, насколько неверным ходом было приписывать автору этих строк утверждение о якобы имевшем месте в Афинах IV в. до н. э. экономическом упадке. «Обезземеливания демоса в Аттике не было», – пишет С. Ю. Сапрыкин [*Сапрыкин* 2024а, 374]. Совершенно верно, не было. Он ссылается в данной связи на [*Fine* 1951], а можно было бы сослаться также на [*Finley* 1952], где данный тезис обоснован еще убедительнее, да и на целый ряд других работ, ставших уже классическими.

Вообще говоря, перед теми, кто ищет корни эллинизма в экономике, встает нелегкая задача – интерпретировать в подобном ключе ситуацию в Афинах и в полисной Греции в целом в контексте предэллинизма (складывания предпосылок эллинизма), то есть объяснить кризисный характер этой ситуации[4]. Поскольку применительно именно к экономической жизни говорить о кризисе, как было показано выше, вроде бы не приходится (во всяком случае, если трактовать кризис как упадок, а есть ведь и выдвинутая Я. Печиркой теория «кризиса роста» [*Pečírka* 1976][5]), то остается два варианта: либо отрицать

[4] С. Ю. Сапрыкин склонен ставить знак равенства между понятиями «предэллинизм» и «кризис полиса». Он в связи с этим делает нам замечание: «Он (И. Е. Суриков. – *И. С.*) явно путается в понятиях, поскольку положения его концепции подчас противоречат друг другу. Неясно, каким образом кризис полиса мог отличаться от предэллинизма, если он имел место именно тогда, когда в Элладе… установился предэллинизм» [*Сапрыкин* 2024б, 188]. И действительно, мы писали, что в IV в. до н. э. «комплекс процессов и событий… был в полном смысле слова двойственным. С одной стороны, следует говорить о кризисе классического полиса, с другой – о формировании феномена предэллинизма. Иными словами, главное содержание обозначенного исторического периода – именно некая двуединая ситуация» [*Суриков* 2015, 64]. Решительно не понимаем, где здесь противоречие, в котором нас уличает С. Ю. Сапрыкин. Одновременно шли два процесса (а что, разве такого не бывает, и в какой-то данный отрезок времени может идти только один процесс?!), первый из которых завершал классическую эпоху древнегреческой истории, а второй готовил следующую, эллинистическую.

[5] Казалось бы, всем хороша теория Печирки, делающая акцент не на негативные, а на позитивные стороны процесса (кризис был, упадка же не было, а даже совсем наоборот), но у нее есть фатальный недостаток, как показано в [*Davies* 1995] (работе, содержащей очень ценный концептуальный обзор историографии вопроса): подобный подход не позволяет объяснить конечное подчинение греческих полисов Македонии, то есть историческое поражение полисного мира.

«кризис IV века» совсем (как, например, в [*Eder* 1995]), либо поступать так, как поступает С. Ю. Сапрыкин. А как поступает он… – вот это мы как раз сейчас и рассмотрим.

По его мнению (в целом, повторим, верному), представления об экономическом упадке Афин в IV в. до н. э. преувеличены, этот полис в основном сохранил свое благосостояние. Правда, один тезис, приводимый исследователем в данном контексте, необходимо опровергнуть. В статье [*Сапрыкин* 2024а, 374] он сформулирован так: «В Афинах, например, стабилизация положения в IV в. до н. э. была ускорена благодаря высокому уровню жизни населения, так как еще в V в. до н. э. Афинская морская держава добилась социальной и политической стабильности». Несколько иначе – в другой работе [*Сапрыкин* 2024б, 191]: «Стабильности афинскому обществу в IV в. до н. э. придавало и то, что еще в V в. до н. э. Афинская морская держава сумела добиться процветания всех слоев населения, что гарантировало сохранение элементов социальной и политической стабильности даже после поражения Афин в Пелопоннесской войне».

Следует подчеркнуть: то, что было сделано на ниве достижения процветания и стабильности в период Архэ (причем сделано, между прочим, за счет беззастенчивой эксплуатации афинянами своих зависимых союзников – таких же эллинов, как и они сами), практически начисто уничтожила Пелопоннесская война, чего не учитывает С. Ю. Сапрыкин. До нее финансовые накопления на государственном уровне были колоссальны, средства ни одного другого полиса даже отдалено не могли сравниться с афинскими. Одно время в казнохранилищах на Акрополе лежало 9700 талантов (τριακοσίων ἀποδέοντα μύρια, Thuc. II. 13. 3). Затем, правда, очень крупные суммы были потрачены на строительную программу Перикла. Но и за всем тем в 431 г. до н. э. оставалось еще «6000 талантов серебра чеканной монетой» (ἀργυρίου ἐπισήμου ἑξακισχιλίων ταλάντων), и эти цифры, приводимые Фукидидом (Thuc. II. 13. 3), должны быть верны, поскольку взяты из отчета самого Перикла перед согражданами.

И от всех богатств к концу войны не осталось ровным счетом ничего. В ее последние годы казна была совершенно пуста; форос больше не поступал, а ставшего частичной заменой ему таможенного сбора в Геллеспонте не хватало даже на военные расходы. Лейтмотивом через труды греческих историков, повествующих о завершающем периоде конфликта, проходят постоянные усилия стратегов раздобыть хоть сколько-нибудь денег – откуда угодно и какими угодно способами. Свидетельствами полного бюджетного краха являются две меры, хорошо известные нумизматам, – святотатственная переплавка золотых статуй Ники из сокровищницы Парфенона для чеканки монет из полученного металла, а потом, когда иссяк и этот источник, – беспрецедентный выпуск бронзовых драхм.

Так обстояли дела на уровне государственных финансов. Но не иначе было и на частном уровне. Весьма показателен пассаж Лисия, ярко рисующих динамику крупных афинский состояний между V в. до н. э. и началом следующего столетия: «Вот, например, Исхомах: при его жизни все думали, что у него больше семидесяти талантов, как я слышал; а по смерти его два сына при дележе не получили и по десяти талантов каждый. У Стефана, Фаллова сына, как говорили, было больше пятидесяти талантов, а по смерти его состояние оказалось лишь около одиннадцати талантов. Далее, у Никия имущества, как предполагали, было не меньше, чем на сто талантов, и большая часть его была будто бы в наличных деньгах; а Никерат (сын Никия. – *И. С.*) перед казнью сам

говорил, что серебра и золота он не оставляет, а имущество, оставленное им сыну, стоило не больше четырнадцати талантов. Далее, Каллий, Гиппоников сын, в ближайшее время по смерти отца считался самым богатым человеком в Элладе, и, говорят, дед оценил свое состояние в двести талантов, а теперь его имущество не ценится в два таланта» (Lys. XIX. 46–48). Таким образом, и здесь налицо обнищание.

Так обстояло дело с процветанием. А со стабильностью, достигнутой во времена Афинской архэ? Она тоже была совершенно подорвана Пелопоннесской войной – точнее, не столько ею самой, сколько внутриполитическими процессами, имевшими место в связи с ней. Речь идет о жесточайшем кризисе демократии, которая в своей крайней, постперикловой форме, проявившей себя в «эру демагогов», оказалась неэффективной [*Osborne* 2003, 257] и на театрах боевых действий шла от неудачи к неудаче. В результате впервые появилась мощная олигархическая оппозиция, каковой не существовало в Афинах вплоть до провала Сицилийской экспедиции [*Badian* 1995, 81]. На смену стабильности пришла череда смут, что особенно заметно по контрасту. Ранее, с момента возникновения демократии в 507 г. до н. э. и вплоть до 411 г. до н. э. в афинском полисе не было ни одного государственного переворота, ни даже попытки такового. Но всё изменилось чуть ли ни в один момент: после длившегося 96 лет периода спокойного развития за десятилетие 411–401 гг. до н. э. имели место целых семь переворотов (перечень см.: [*Суриков* 2022б, 220–222]). В 404–403 гг. до н. э. дошло до полномасштабной гражданской войны, когда граждане лили кровь друг друга.

В IV в. до н. э. вновь восстановилась стабильность. На протяжении примерно 80 лет вновь не встречаем ни одного государственного переворота. Да и когда демократия в 322 г. до н. э. была вновь уничтожена, это произошло не в силу внутренних предпосылок, как в период Пелопоннесской войны, а под внешним диктатом со стороны Македонии [*Lehmann* 1995]. Но эта новая стабильность отнюдь не была унаследована от периода Архэ (как считает С. Ю. Сапрыкин), континуитета тут нет. Она была утрачена, а затем возвращена – возвращена прежде всего благодаря такой мудрой мере, как амнистия 403 г. до н. э.[6], основанной на принципе μὴ μνησικακεῖν («не мстить», см. [*Natalicchio* 1997]).

[6] Это, безусловно, самая знаменитая из всех афинских амнистий. Да и не только афинских, да и вообще из всех имевших место в античности; уже Цицерон прославил ее как Atheniensium vetus exemplum (Cic. Phil. I. 1. 1). Это выражение даже вынесено в заголовок одной из статей о рассматриваемой амнистии [*Scheibelreiter* 2013]. Естественно, об этой амнистии существует немалая литература. Посвященные событию работы имеют разную направленность; одни из них содержат детальный фактологический, сугубо позитивистский анализ всех нюансов, связанных с заключением соглашения о примирении, с его формулировками и т. п. (например: [*Loening* 1987]), в других обращение к теме амнистии служит поводом для широких обобщений историко-культурного характера (например: [*Loraux* 1997]). Два последних по времени исследования монографического формата написаны с противоположных друг другу позиций. Автор одного из них [*Carawan* 2013] демонстрирует подход к интерпретации афинской амнистии, который можно охарактеризовать как прагматический: имел место просто «контракт» между двумя сторонами («городской» и «пирейской», т. е., соответственно, приверженцами олигархии и сторонниками демократии), имевший целью восстановление мира и стабильности в государстве. Ни на какие моральные принципы договоренность не опиралась и, более того, впоследствии она не столь-то уж и строго соблюдалась. Автор второй монографии [*Joyce* 2022] на протяжении всего своего труда решительно полемизирует с этой точкой зрения и противопоставляет ей собственный подход, который, пожалуй, мы назвали бы «романтическим»: амнистия 403 г. до н. э. являлась делом отнюдь не прагматики, а глубокого этико-политического принципа, ее целью было восстановление законности после того, как произошло ее грубое попрание репрессивным режимом «Тридцати тиранов». Имел место акт доброй воли, а главное – принятое сторонами решение затем неукоснительно ими соблюдалось. Этот последний тезис, однако, совершенно противоречит фактам, как мы демонстрируем в [*Суриков* 2025].

Но вернемся к тому, как С. Ю. Сапрыкин видит общую ситуацию в Греции IV в. до н. э. Его позиция такова: кризис все-таки имел место, но он был преодолен еще до начала эллинизма. Приведем соответствующие цитаты. «Рост ремесла и торговли, появление новых экономически развитых центров коммерции, банковского дела и морской торговли позволили полисам Балканской Греции и Эгеиды преодолеть кризис» [*Сапрыкин* 2024а, 374]. «Таким образом полисный строй в Греции в IV в. до н. э., пережив некоторый упадок, вышел из кризиса, вступив в новый этап развития, вызванный созданием союзов и борьбой с Македонией, завершившейся установлением протектората македонских царей над Элладой» [*Сапрыкин* 2024а, 375]. «Полис в Греции преодолел кризис и получил стимул к дальнейшему развитию вследствие подъема экономики и встраивания в систему "полис + Македония"» [*Сапрыкин* 2024а, 378]. «Греческий полис, сохранившись и поправив свое пошатнувшееся положение благодаря подъему экономики и своему включению в новые реалии македонского господства, вместе с войском Александра пришел на Восток» [*Сапрыкин* 2024б, 203].

Кажется, подобная интерпретация процессов, происходивших на интересующем нас хронологическом отрезке, нам еще не встречалась (ближе всего она стоит к интерпретации Печирки, но все-таки не совпадает с ней). Итак, кризис полиса был преодолен еще до того, как началась борьба греческого мира с Македонией? Поразмыслим о том, могло ли такое быть. Само понятие «кризис» пришло в социальные науки из медицины, в которой кризисом, как известно, именуется переломная стадия в развитии болезни, когда решается вопрос: она ли победит организм или организм победит ее? В первом случае наступает либо (при наихудшем варианте) летальный исход, либо, во всяком случае, резкое ослабление организма, который остается больным. Во втором случае происходит выздоровление, то есть организм возвращается в свое нормальное состояние.

Если на момент начала македонской экспансии в Греции кризис полиса завершился, так сказать, в положительную сторону, то получается, что Филиппу II противостояли уже здоровые полисы. Почему же тогда они потерпели поражение? Выше, в примечании 5, аналогичный вопрос ставился в связи с теорией Печирки, которая, как там же и было сказано, ответа на этот вопрос не дает. Не имеем мы ответа и в данном случае.

У С. Ю. Сапрыкина вырисовывается несколько благостная картина системы «полис + Македония». Система предполагает нечто органичное, симбиоз своих элементов. В данном случае симбиоза между двумя сторонами процесса как раз и не было. То, что имело место, – это насильственное подчинение, которому подвергла одна из двух сторон (Македония) вторую (полисный греческий мир), причем последняя упорно, хотя и безуспешно, сопротивлялась. Кстати, в одной из рассматриваемых работ С. Ю. Сапрыкина читаем следующее: «Полисы Греции, признав господство Македонии, подчинились македонским царям и их ставленникам, превратившись, по сути, в составную часть Македонской монархии… Македонские цари считались гегемонами полисов, объединившихся в рамках Коринфского конгресса. Одним из главных условий этого союза было сохранение свободы и политии греческих государств, что не предусматривало их полного поглощения Македонией, хотя македонское господство тяготило эллинов» [*Сапрыкин* 2024а, 378–379]. Почему же оно тяготило эллинов, если, как сказано чуть

ниже в той же работе, «включение полисов в македонскую систему управления… было выгодно обеим сторонам» [*Сапрыкин* 2024а, 379]?

Просматривается, кстати, определенное внутреннее противоречие во взглядах нашего уважаемого оппонента. Все-таки превратились полисы «в составную часть Македонской монархии» или же не произошло «их полного поглощения Македонией»? Здесь следует различать два этапа процесса, о которых говорилось и выше: Филипп II, следуя принципам Коринфского конгресса, поставил себя по отношению к полисам в положение гегемона, не вмешивающегося в их внутренние дела. Сын же его вел себя с полисами уже не как гегемон, а как властелин (что продемонстрировали его указы об обожествлении, о возвращении изгнанников и т. п.), и именно эту традицию унаследовали его преемники. Только Деметрий Полиоркет в 300-е гг. до н. э. попытался было (неясно, насколько искренне) вернуться к линии Коринфского конгресса; но и он, когда стал царем Македонии, перешел на традиционный «командно-административный курс».

И если греки еще были готовы мириться с политикой Филиппа, которая оставляла им хотя бы номинальную свободу, то против политики последующих эллинистических правителей они постоянно боролись, хотя вряд ли не понимали, что ввиду явного неравенства сил эта борьба всегда обречена на поражение и что, более того, каждый ее новый виток приводит не к улучшению, а к ухудшению их, греков, положения. Так оно и бывало: афиняне, например, после Ламийской войны получили унизительный македонский гарнизон в Пирей, а после Хремонидовой войны – еще один гарнизон, теперь уже в сам город. Отчаянное и безнадежное сопротивление эллинов носило просто-таки какой-то иррациональный характер; оно выглядит бессознательной реакцией организма, любой ценой отторгающего инородное тело. Перед нами именно ситуация решительного отторжения, а вовсе не взаимовыгодного сотрудничества[7].

Итак, Македония покорила полисный мир. Последний проиграл, что уже с безусловностью говорит о нем не как о здоровом, а как о больном, кризисном обществе. Кризис IV в. до н. э. не был преодолен – хотя в экономике дела действительно наладились (в этом, как читатель мог убедиться, мы совершенно солидарны с С. Ю. Сапрыкиным).

[7] С. Ю. Сапрыкин, стремясь примирить полисное начало с новыми реалиями македонского господства, пишет: «В условиях деградации и распада традиционных полисных симмахий… поднять значение полиса могла только Македония» [*Сапрыкин* 2024б, 196]. В высшей степени сомнительно, чтобы поднять значение полиса мог тот регион греческого мира, в котором полисные принципы были представлены едва ли не в наименьшей степени (да и сам факт легитимной монархии, существовавшей на протяжении нескольких веков, совершенно блокировал их развитие). Да, случается, что говорят о македонских полисах применительно к классической эпохе. Например, в общем каталоге полисов, составленном в Копенгагене под руководством М. Хансена, есть глава о Македонии, написанная М. Хадзопулосом [*Hatzopoulos* 2004]. Но следует учитывать, что в рамках проекта Хансена термин πόλις понимается в двух смыслах – урбанистическом и политическом, т. е. как городской центр и как государственное образование [*Hansen* 2004, 43–44]. В контексте данной дискуссии (да и не только) важно лишь второе из этих пониманий, поскольку, если называть полисом любой город, когнитивная ценность самого термина становится нулевой. И автор последней по времени монографии о феномене полиса Дж. Ма настойчиво подчеркивает, независимая государственность (stateness and autonomy) должна лежать «в основе любого определения полиса» [*Ma* 2024, 17]. Македонские же полисы полисами в этом, политическом, смысле как раз не являлись, и структуры, свойственные независимому полису, в них отсутствовали. Помнится, в свое время на одном научном мероприятии, в ходе дискуссии после доклада Ю. Н. Кузьмина, лучшего у нас знатока античной Македонии, автор этих слов задал ему вопрос: фиксируют ли источники где-нибудь в Македонии наличие полисных структур? В ответ нам был назван Амфиполь. Но Амфиполь – случай особый: на тот момент, когда этот город (афинская колония, основанная в V в. до н. э.) был включен в Македонское царство, он, естественно, уже обладал развитыми полисными структурами.

Дело в том, что сам кризис имел не экономические, а политические истоки, как нам и раньше доводилось писать [*Суриков* 2011, 19]. Возвращаемся к этому вопросу, поскольку С. Ю. Сапрыкиным отстаивается «концепция А. Б. Рановича, восходящая к построениям В. С. Сергеева, рассматривавшего эллинизм (и, соответственно, все вопросы, связанные с его предпосылками. – *И. С.*) с позиций социально-экономических отношений» [*Сапрыкин* 2024а, 371]. Сравнивая ее с концепцией К. К. Зельина, С. Ю. Сапрыкин пишет: «…Концепция В. С. Сергеева/А. Б. Рановича больше соответствует сущности эллинизма, поэтому характеристика ее как "однодневной вульгарно-марксистской концепции" (И. Е. Суриков) противоречит *истинному пониманию исторического процесса* (курсив наш. – *И. С.*)» [*Сапрыкин* 2024а, 384].

Знакомым советским духом, духом «единственно верного учения», будто бы открывшего это самое «истинное понимание исторического процесса», повеяло на нас от слов, выделенных в цитате курсивом. Сам С. Ю. Сапрыкин от марксизма отмежевывается (он считает, в частности, что популярности концепции Сергеева – Рановича повредило «использование в ней марксистских постулатов», в т. ч. «базис и надстройка» [*Сапрыкин* 2024а, 371]), но нам так и осталось не вполне ясным, чем же, собственно, его взгляды отличаются от марксистских. Вот что пишет он в одном месте своей статьи: «Это являлось основой политической *надстройки* (курсив наш. – *И. С.*), а на социальной и экономической *базе* (курсив наш. – *И. С.*) – царском, полисном, общинном, храмовом землевладении – выстраивались синтез культур и взаимодействие Востока и Запада…» [*Сапрыкин* 2024а, 384]. Да, вместо «базис» сказано «база», но разве это что-нибудь принципиально меняет? Смысл один и тот же: экономика первична, а всё остальное, будь то политика или культура, вторично по отношению к ней.

Еще несколько подтверждающих цитат. «Развитие экономики приводило к изменениям в области идеологии, религии и культуры» [*Сапрыкин* 2024б, 194]. И вот, конечно, наиболее показательная формулировка: «Политика – это концентрированное выражение экономики, а власть определяется состоянием экономических отношений, от которых зависит общественная жизнь [*Сапрыкин* 2024а, 379]. В формулировке о «концентрированном выражении» каждый легко распознает известный афоризм Ленина. При СССР ссылка на суждение кого-либо из классиков марксизма считалась вполне достаточным доказательством в пользу того или иного тезиса. Но времена эти прошли, и желательно бы не ограничиваться мантрой о том, что экономика определяет политику, а объяснить конкретный механизм, посредством которого она ее определяет. Нам ясно, например, как может политика определять экономику: скажем, парламент или правительство – органы политические – принимают некий правовой акт, который имеет содержание, имеющее отношение к экономике, и, соответственно, когда начинает действовать – что-то меняется в экономической жизни.

А вот как экономика влияет на политику? Как это происходит в капиталистических, индустриальных обществах – прекрасно показано в той же марксистской теории, которая, собственно, и имела в виду именно эти общества: крупные капиталисты, пользуясь своим богатством, лоббируют собственные интересы в органах власти, «проталкивая» нужные им решения. Но совсем иначе обстояли дела в социумах докапиталистических, доиндустриальных. Это прекрасно известно, как минимум, со времен выхода в 1944 г.

«Великой трансформации» К. Поланьи [*Polanyi* 1944]. Античные социумы, разумеется, принадлежат к доиндустриальным. И совершенно справедливо крупнейшие представители современной западной историографии, занимавшиеся экономическими отношениями в классической античности [*Finley* 1973, passim; *Austin*, *Vidal-Naquet* 1977, 8 ff.; *Snodgrass* 123 ff.], подчеркивают, что экономика в то время не играла той определяющей, «базисной» роли, каковую она играет при капитализме, что она вообще не представляла собой отдельной сферы бытия, а была тесно, неразрывно связана с остальными сторонами жизни общества и государства, укоренена в них. Гораздо бóльшая, ключевая роль принадлежала политике, являвшейся своеобразным «стержнем» полиса [*Murray* 1990, 19]; скорее уж именно она определяла экономику.

Совершенно непонятно, зачем нужно делать шаг назад – от Поланьи к Марксу: наука будет развиваться только в том случае, если она движется вперед, а не в противоположном направлении. Применительно же конкретно к эллинизму необходимо сделать еще следующую оговорку. Из всех эпох древнегреческой истории эллинистическая имела, так сказать, наименее органичное и наиболее искусственное происхождение. Поясним, о чем идет речь. Классическая эпоха закономерно и логично выросла из архаической, стала результатом шедших на протяжении последней процессов, а среди этих процессов были и такие, которые имели экономический характер. Стало быть, здесь экономические факторы сыграли определенную (хотя и не определяющую) роль в эволюции общества.

А рождение эллинизма к экономике вообще не имеет отношения. Эллинизм – продукт волевого и чисто политического решения македонских царей совершить поход на Персидскую державу. Думается, что и это, помимо прочего, имел в виду К. К. Зельин, давая свое гениальное определение эллинизма как *конкретно-исторического* явления [*Зельин* 1947, 146]. Если классическая эпоха была в целом детерминирована архаической (то есть естественным образом выросла из нее), то эллинистическая не была детерминирована классической.

Здесь мы приведем цитату из И. А. Ладынина, который схожую мысль выразил несколько иными словами: «По-видимому, справедливо связывать закономерности развития эллинского мира с эволюцией полиса. В ее рамках на определенном этапе были закономерны кризис полиса, т. е. утрата им способности нести нагрузку независимого государства, а затем его преодоление, т. е. конституирование надполисных структур, которые приняли на себя эту нагрузку. Термин “эллинизм” фактически относится к тому варианту конституирования этих структур, который реально осуществился вследствие завоеваний и деятельности Александра Великого, *при том, что сами эти события жестко детерминированы не были* (курсив наш. – *И. С.*). Наступление эллинизма закономерно в том смысле, что в эволюции древнегреческого общества был закономерен этап преодоления кризиса полиса, конкретно-исторической формой которого стала обозначаемая данным термином совокупность явлений; при этом *предпочтительная реализация среди возможного спектра таких форм именно этой не была закономерна и предопределена* (курсив наш. – *И. С.*)» [*Ладынин* 2018, 200].

Действительно, поскольку кризис полиса был объективной данностью, и он однозначно воспринимался современниками событий как нечто весьма негативное,

вполне закономерны были чаяния эллинов о его преодолении, а вот реализованы они потенциально могли быть разными путями, не только тем, который реально имел место.

А что же потом? С. Ю. Сапрыкин указывает на успехи эллинистической экономики [*Сапрыкин* 2024б, 207], на то, что в эту эпоху происходил экономический подъем, благосостояние возрастало и т. п. Удивляться этому не приходится, учитывая, какие неимоверные денежные суммы оказались в руках греческих завоевателей в результате ограбления покоренного Востока. Достаточно вспомнить все эти десятки тысяч талантов из ахеменидских сокровищниц, оказавшиеся теперь в распоряжении Александра, а потом – его преемников. Показательно другое: на что эти средства употреблялись. Здесь как раз очень ярко заметен контраст между ментальностями античного эллина и современного homo economicus, который, разумеется, инвестировал бы такие приобретения в развитие хозяйства. А вот одна из «инвестиций» Александра – подробно описанное Диодором (Diod. XVII. 115) погребальное сооружение для похорон внезапно скончавшегося Гефестиона. Судя по всему, это был подлинный шедевр искусства, некое подобие многоступенчатого зиккурата из ценнейших материалов, украшенное многочисленными статуями, рельефами и т. п. Длину каждой стороны постройки у основания Диодор определяет в стадий; это не так-то намного меньше, чем у великой пирамиды Хеопса (230 м). Но последняя-то была построена, чтобы стоять тысячелетия (и стоит до сих пор), а памятник Гефестиона – чтобы буквально через несколько дней *сжечь* его. В целом похороны обошлись более чем в 12 тысяч талантов (Diod. XVII. 115. 5) – деньги, брошенные даже не на ветер, а прямо в огонь. Может ли быть более яркая иллюстрация того, сколь малое место в умах тогдашних людей занимали экономические мотивации?

С. Ю. Сапрыкин настолько хочет заставить идти политику вслед экономики, что у него, например, читаем: «Централизация управления в государствах эллинистического мира, подпитывавшаяся наличием царского землевладения и порожденного им монархического правления…» [*Сапрыкин* 2024а, 380]. Не будем приводить фразу до конца, это не принципиально. Лишь обратим внимание на то, что на самом деле всё, разумеется, обстояло наоборот: царское землевладение[8] порождалось монархическим правлением.

Резюмируем. Эллинизм создали политические факторы. В дальнейшем его специфику определяли также факторы культурного, цивилизационного характера. В области экономики эллинизм ничего особенно уникального не дал. Она продолжала развиваться в основном прежними путями – в «старой Греции» путем использования имеющихся ресурсов, скудных и всё скудеющих от года к году, а на Востоке – за счет интенсифицирующейся эксплуатации туземного крестьянства. Никакого экономического (или какого-либо иного) прорыва эллинистическое общество не предложило; более того, оно в лице своих правителей довольно-таки бездарно разбазарило доставшееся ему достояние, на внешнеполитической арене проиграло всё, что только можно было проиграть, и бесславно сошло со сцены, явив собой историческую неудачу.

[8] С. Ю. Сапрыкин, подчеркивая важность экономической стороны эллинизма, много говорит о формах собственности, о землевладении. Строго говоря, это не экономические, а правовые категории, но не будем чрезмерно придирчивы.

Список литературы

Б*алахванцев* А. С. 2020. Споры об эллинизме // Восток (Oriens). 4, 21–31.

Блаватский В. Д. 1985. Античная археология и история. М., 279.

Г*абелко* О. Л. 2009. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // О. Л. Габелко (ред.), Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 173–183.

Габелко О. Л. 2018. Полемические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма // О. Л. Габелко, А. В. Махлаюк и А. А. Синицын (ред.), ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова. СПб., 180–190.

З*авойкин* А. А. 2013. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь, 592.

Зельин К. К. 1947. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 4, 145–156.

Л*адынин* И. А. 2018. Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадиальность и закономерность или историческая конкретность и случайность? // Диалог со временем. 65, 185–206.

М*аринович* Л. П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 287.

С*апрыкин* С. Ю. 2018. Древнее Причерноморье. М.–СПб., 743.

Сапрыкин С. Ю. 2024а. Эллинизм как социально-экономическое явление // ДБ. 29, 369–390.

Сапрыкин С. Ю. 2024б. Проблемы эллинизма: дискуссия 1953 г. в МГУ и новые подходы к изучению эллинистической цивилизации в отечественной науке // Кафедра истории древнего мира Исторического факультета МГУ (1934–2024 гг.). М., 182–223.

Суриков И. Е. 2008. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 384.

Суриков И. Е. 2011. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 328.

Суриков И. Е. 2014. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // А. В. Подосинов, О. Л. Габелко (ред.), Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства (Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год). М., 76–122.

Суриков И. Е. 2015. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 392.

Суриков И. Е. 2022а. О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2, 44–60.

Суриков И. Е. 2022б. Афины в периоды смут и в периоды стабильности: некоторые компаративные наблюдения // Ф. А. Михайловский (ред.), Древний мир: история и археология. М., 218–228

Суриков И. Е. 2023. Вновь к «спорам об эллинизме» // ПИФК. 1, 92–107.

Суриков И. Е. 2025. Внутриполитический конфликт в Афинах конца V в. до н. э. и амнистии как средство его разрешения // Т. Н. Джаксон (ред.), Пути и способы разрешения конфликтов (Древнейшие государства Восточной Европы. 2025 год). М., 9–27.

Ф*ролов* Э. Д. 1974. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1, 45–62.

Фролов Э. Д. 1989: Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // И. С. Свенцицкая (ред.), История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. М., 245–260.

Ц*ымбал* О. Г. 2015. Финансовые реформы в Афинах IV в. до н. э. (К проблеме кризиса греческого полиса). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 26.

A*ustin* M. M., *Vidal-Naquet* P. 1977. Economic and Social History of Ancient Greece. Berkeley, 397.

B*adian* E. 1995. The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC // W. Eder (Hrsg.), Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 79–106.

Badian E. 1996. Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme // A. Small (ed.), Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. Papers Presented at a Conference Held in the University of Alberta on April 13–15, 1994 to Celebrate the 65th Anniversary of D. Fishwick. Ann Arbor, 11–26.

Bosworth B. 2003. Why did Athens Lose the Lamian War? // O. Palagia, S. V. Tracy (eds.), The Macedonians in Athens 322–229 B. C. Proceedings of an International Conference Held at the University of Athens, May 24–26, 2001. Oxford, 14–22.

C*arawan* E. 2013. The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxford, IX, 310.

D*avies* J. K. 1995. The Fourth Century Crisis: What Crisis? // W. Eder (Hrsg.), Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 29–36.

E*der* W. 1995. Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Krise oder Vollendung? // W. Eder (Hrsg.), Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 11–28.

F*ine J. V. A.* Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens. Princeton, 232.

Finley M. I. 1952. Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500–200 B. C.: The Horos-Inscriptions. New Brunswick, XII, 332.

Finley M. I. 1973. The Ancient Economy. Berkeley, 222.

H*ansen* M. H. 2004. Introduction // M. H. Hansen, T. H. Nielsen (eds.), An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford, 1–153.

Hatzopoulos M. 2004. Makedonia // M. H. Hansen, T. H. Nielsen (eds.), An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford, 794–809.

J*oyce* C.J. 2022. Amnesty and Reconciliation in Late Fifth-Century Athens: The Rule of Law under Restored Democracy. Edinburgh, XI, 259.

L*ehmann* G.A. 1995. Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr // W. Eder (Hrsg.), Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 139–150.

Leppin H. 1995. Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v. Chr. // W. Eder (Hrsg.), Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 557–571.

Lewis D.M. 2002. Selected Papers in Greek and Near Eastern History. Cambridge, XII, 418.

Loening T.C. 1987. The Reconciliation Agreement of 403/2 B.C. in Athens. Stuttgart, 166.

Lohmann H. 1995. Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v.Chr.: Festungswesen, Bergbau und Siedlungen // W. Eder (Hrsg.), Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 515–548.

Loraux N. 1997. La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes. Paris, 291.

M*a* J. 2024. Polis: A New History of the Ancient Greek City-State from the Early Iron Age to the End of Antiquity. Princeton, XVIII, 713.

Mossé C. 1962. La fin de la démocratie athénienne. Paris, 495.

Mossé C. 1995. La classe politique à Athènes au IVème siècle // W. Eder (Hrsg.), Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart, 67–77.

Murray O. 1990. Cities of Reason // O. Murray, S. Price (eds.), The Greek City: From Homer to Alexander. Oxford, 1–25.

N*atalicchio* A. 1997. "Μὴ μνησικακεῖν": l'amnistia // S. Settis (ed.), I Greci: Storia, cultura, arte, società. Vol. 2. II. Torino, 1305–1322.

O*sborne* R. 2003. Changing the Discourse // K.A. Morgan (ed.), Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece. Austin, 251–272.

P*ečírka* J. 1976. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B.C. // Eirene. 14, 5–29.

Polanyi K. 1944. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of our Time. New York, 323.

S*chaps* D.M. 2004. The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, XVII, 293.

Scheibelreiter P. 2013. *Atheniensium vetus exemplum*: Zum Paradigma einer antiken Amnestie // K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof (Hrsg.), Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike. Wien, 95–126.

Snodgrass A. 1981. Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley, 236.

T*ownsend* R.F. 2003. The Philippeion and Fourth-Century Athenian Architecture // O. Palagia, S.V. Tracy (eds.), The Macedonians in Athens 322–229 B.C.: Proceedings of an International Conference Held at the University of Athens, May 24–26, 2001. Oxford, 93–101.

Summary

I. E. Surikov
Towards a new discussion on Hellenism:
several words in connection with S. Y. Saprykin's position

In several recent articles, S.Y. Saprykin offered his views on the Hellenistic society. The author of the present article argues against some points of his conception, particularly against exaggeration by that scholar of economic factors in the emergence of Hellenism.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.281-297

М. Ю. Трейстер
(Независимый исследователь, г. Бонн)

Золотое ожерелье с подвесками из Северной могилы кургана Огуз

В Северной могиле скифского кургана Огуз, которая изначально датировалась ок. 330–310 гг. до н. э. [*Boltrik, Fialko* 1991, 129], а в настоящее время относится к еще более раннему периоду, ок. 350–340 гг. до н. э. [*Полин* 2014, 484] или 330–320 гг. до н. э. (*Болтрик, Фіалко* 2024, 292–293], женское погребение которой связывают с боспорской принцессой, вышедшей замуж за скифского царя, предположительно сына Атея [*Болтрик, Фіалко* 1995, 10–11; 2024, 298, 455; *Boltrik, Fialko* 2007, 275], среди прочих ювелирных украшений было найдено одно заслуживающее пристального внимания ожерелье.

Оно образовано 84 спаянными их двух половинок бусинами. Разделители имеют форму двойных цветков лотоса с напаянными в центре пятилепестковыми розеттами с шариком зерни, с подвесками в форме крылатых женских фигурок и с двойными рубчатыми пронизями, припаянными к оборотной стороне. Центральная подвески ожерелья представляет собой объемную женскую головку во фригийском колпаке (рис. 1) [*Boltrik, Fialko* 1991, 128, Taf. 13 внизу; 2007, 272, Abb. 4; *Cat. Rimini* 1995, 91–92, no. 76; *Cat. Milan* 1995, 190, no. 30; *Cat. San Antonio* 1999, 220–221, no. 101; *Трейстер* 2005, 508; *Болтрик, Фіалко* 2024, 222–223, рис. 147. *1–2*; 226–227, рис. 152. *1*; 228, 229, рис. 153. *2*; 389, № 211; 391, № 216; 393, № 220].

С точки зрения композиции ожерелья из бус с разделителями в виде двойных цветков лотоса, с подвесками и с центральной подвеской – ближайшей параллелью является ожерелье из кургана Карагодеуашх (рис. 2) [*Лаппо-Данилевский, Мальмберг* 1894, 27, № 23; 36, табл. IV. *1–2*; *Deppert-Lippitz* 1985, 166–168, Abb. 116; *Galanina, Grach* 1986, fig. 254; *Kat. Hamburg* 1993, 138–139, Nr. 68; *Русяева* 1994, 106–107, рис. 2. *3–4*; *Despini* 1996, 155, fig. 141; 247; *Анфимов* 2011, 166–167; *Алексеев* 2012, 236–237; *Вахтина* 2016, 26–27, рис. 2. *9*], датирующегося не позднее второй – начала третьей четверти IV в. до н. э. [*Полин* 2014, 468].

Бусы

Бусы имеют биконическую форму со сглаженным ребром, отверстия обрамлены напаянными гладкими колечками. Подобные бусы входят в состав ожерелий из гробниц 4 и 5 кургана Большая Близница [*Williams, Ogden* 1994, 182, no. 117; *Уильямс, Огден* 1995, 182, № 117; *Калашник* 2014, 150–151].

Рис. 1. Курган Огуз. Северная могила, раскопки Ю.В. Болтрика, 1986 г. Золотое ожерелье: *1* – центральная подвеска; *2* – разделители с подвесками; *3* – центральная часть ожерелья, общий вид (по: *Болтрик, Фіалко* 2024, 391, 393). Киев, Институт археологии НАН Украины, инв. № 3-891–1009

1

2

Рис. 2. Курган Карагодеуашх, раскопки Е. Д. Фелицына 1888 г. Золотое ожерелье: *1* – центральная часть ожерелья; *2* – общий вид. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, инв. № 2492/2

Ожерелье с разделителями в форме двойного цветка лотоса с напаянной в центре розеттой

Разделители в форме двойного цветка лотоса с напаянной в центре розеттой (рис. 1, *2*) использовались в ожерельях, датирующихся в рамках рубежа V–IV вв. и первой половины IV в. до н. э., хотя встречались и в погребениях более позднего времени, в частности из Карагодеуашха (рис. 2) [*Полин* 2014, 467–468] последней трети IV в. до н. э. [*Miller* 1979, 24] и ок. 330 г. до н. э. (Омолион в Фессалии [*Despini* 1996, 247]). Соответственно, есть все основания считать, что такие ожерелья изготовлялись вряд ли позднее середины – начала третьей четверти IV в. до н. э.

За исключением редких находок, происходящих предположительно из Южной Италии (Тарент?) [*Miller* 1979, pl. 5b; *Deppert-Lippitz* 1985, 166, Taf. XI; *Pfrommer* 1986, 60–61, 68, Taf. 21. *2*; *Williams* 1988, 77, pl. 31. *3–4*; *Williams, Ogden* 1994, 204–205, no. 135 с датировкой 350–330 гг. до н. э.; *Уильямс, Огден* 1995, 204–205, № 135; *Despini* 1996, 152–253, figs. 138–139; 246] и Фессалии (Омолион, гробница А: ожерелье с основными элементами в форме трехслойных розетт с амфоровидными подвесками [*Miller* 1979, 10–12, J2, pl. 4; *Pfrommer* 1986, 67; *Despini* 1996, 154, fig. 140; 246], большинство находок ожерелий с подобными разделителями происходит из Северного Причерноморья (см. в целом о генезисе этого мотива [*Pfrommer* 1986, 65–69]).

Ожерелья из погребений конца V – рубежа V–IV вв. до н. э.:

– из гробницы № 4/1868 некрополя Нимфея [*Vickers* 1979, 41–42, pl. 11. *a–b*; 2002, 36, 37, pl. 12; *Higgins* 1980, 129, pl. 27b; *Deppert-Lippitz* 1985, 144–145, Abb. 93; *Despini* 1996, 151, fig. 137; 246; *Cat. London* 2017, 288–289, no. 198];

– из погребения № 83 кургана на Темир-Горе [*Яковенко* 1977, 142, рис. 2, *1*; *Miller* 1979, 11, pl. 5, *a*; *Вахтина* 2017, 400];

– из каменной гробницы, открытой А. Е. Люценко в 1854 г. на северном склоне г. Митридат [*Miller* 1979, 11, pl. 5. *c*; *Williams, Ogden* 1994, 152–153, no. 94; *Уильямс, Огден* 1995, 152–153, № 94; *Kalashnik* 2004, 86, fig. 16; *Cat. Los Angeles* 2007, 150–151, no. 57; *Калашник* 2014, 78–79]

образованы двойными розеттами с желудями (Нимфей) или желудями и подвесками в форме буковых орешков (Темир Гора) или зерновидными подвесками (Пантикапей) на колечках, которые чередуются с двойными цветками лотоса, в первом случае с маленькими гладкими зерновидными подвесками, во втором – с подвесками в виде масок Ахелоя. У ожерелья из Пантикапея сохранились окончания, украшенные филигранными пальметтами.

Ожерелье из погребения кургана Карагодеуашх середины – начала третьей четверти IV в. до н. э. образовано бусинами с крупными зерновидными подвесками. К разделителям крепятся мелкие зерновидные подвески. Центральной элемент – припаянная к бусине подвеска в форме головки быка с дополнительной крупной зерновидной подвеской (рис. 2) [*Лаппо-Данилевский, Мальмберг* 1894, 27, № 23; 36, табл. IV. *1–2*; *Deppert-Lippitz* 1985, 166–168, Abb. 116; *Galanina, Grach* 1986, fig. 254; *Pfrommer* 1986, 66, Taf. 21. *1*; *Kat. Hamburg* 1993, 138–139, Nr. 68; *Русяева* 1994, 106–107, рис. 2. *3–4*; *Despini* 1996, 155, fig. 141; 247; *Анфимов* 2011, 166–167; *Алексеев* 2012, 236–237; *Вахтина* 2016, 26–27, рис. 2. *9*].

Бляшка от конской узды, отштампованная в матрице с подобным декором, происходит из гробницы № 2 Бабиной Могилы (конь № 1) [*Cat. San Antonio* 1999, 295–296, no. 149; *Мозолевский, Полин* 2005, 120, 136–137, № 95, табл. 8. *1*; *Трейстер* 2005, 508].

Двойные рубчатые пронизи, припаянные к оборотной стороне, находят параллели на ожерелье из Омолиона [*Miller* 1979, 10–12, J2, pl. 4f]. Не исключено, что и другие упомянутые выше ожерелье на обороте также имели аналогичную конструкцию – ни их изображения, ни описания никогда не публиковались.

Подвески разделителей

Ни у одного ожерелья, за исключением находки в кургане Карагодеуашх (рис. 2), разделители не имеют дополнительных подвесок. В случае ожерелья из кургана Огуз 34 целые и две фрагментированные малые подвески выполнены в форме женских фигурок с обнаженной верхней частью тулова и серповидными крыльями, завернутыми вверх (нижняя часть тулова имеет коническую форму со наклонными валиками) (рис. 1. *2*, *3*; 3. *2*) [*Boltrik, Fialko* 1991, 128, Taf. 13 внизу; *Cat. Rimini* 1995, 91–92, no. 76; *Cat. Milan* 1995, 190, no. 30; *Cat. San Antonio* 1999, 220–221, no. 101; *Болтрик, Фіалко* 2024, 222–223, рис. 147. *1*; 228, 229, рис. 153. *2*; 393, № 220]. Эти изображения часто определяют как изображение змееногой богини [*Болтрик, Фіалко* 2024, 222], хотя обычно последние внизу раздваивались и были оформлены завитками [*Трейстер* 2009а, 425–426]. Другой вариант женских фигур с серповидными крыльями изображался с вертикальными нижними конечностями как сирены на бронзовых греческих сосудах V – первой половины IV в. до н. э., прежде всего, кальпидах [*Diehl* 1964, 34–39], но также ситечках, лутериях и других формах, известных, в том числе, и по находкам из датированных комплексов Северного Причерноморья (см. подробно [Трейстер 2009а, 426]).

В случае с подвесками ожерелья из кургана Огуз нижняя часть фигур явно трактована как туловище насекомого, или, скорее пчелы. Ближайшие параллели такому синкретическому образу мы встречаем на тисненных изображениях прямоугольных подвесок ожерелья с Родоса, в том числе из некрополя Камира второй половины или конца VII в. до н. э., а также с Мелоса (рис. 3. *1*) [*Reichel* 1942, Taf. 13, Nr. 80; *Laffineur* 1978, 228, no. 192]; они могли предположительно изготавливаться в мастерской на Мелосе [*Higgins* 1980, 115, 117]. Эти изображения связывают с нимфой Мелиссой [*Greifenhagen* 1970, 29, Taf. 9, 6; 10, 1; *Laffineur* 1978, 51–54, 193, nos. 6, 7; 201, nos. 46, 47; 229, nos. 194, 195; pls. II. *2*, *3*; VI. *7*; X. *3*; XXII. *4*; *Higgins* 1980, 115, 117, pl. 20f; *Despini* 1996, 145, fig. 132; 244–245; *Pülz* 2009, 28, 38, 60; *Cat. Paris* 2014, 270, no. 115; *Mazet* 2019, 142, 143, figs. 9, 10]. Также назывались и девы жрицы в Эфесском Артемисионе [*Larson* 1995, 355]. Более хронологические близкие примеры датируются последней третью (четвертью) IV в. до н. э. – это золотые подвески ожерелья из Феодосии (рис. 4. *3*) [*Deppert-Lippitz* 1985, 10, 171, Abb. 120; *Уильямс, Огден* 1995, 266–267, № 201; *Despini* 1996, 164–165, fig. 153; 250; *Тункина* 2011, 203–204, № 2; 207, рис. 238; *Калашник* 2014, 198–199] и серег предположительно из Западной Малой Азии (рис. 4. *2*) [*Williams*, *Ogden* 1994, 120–121, no. 70; *Уильямс, Огден* 1995, 120–121, № 70; *Despini* 1996, 107, fig. 82, 229] и из Мадита (рис. 4, *1*) [*Williams, Ogden* 1994, 110–111, no. 63; *Уильямс, Огден* 1995, 110–111, № 63], которые отличаются отсутствием крыльев.

Таким образом подвески с изображением женщины-пчелы ожерелья из Огуза (рис. 3. *2*) обнаруживают значительно большую связь с архаическими изображениями на ювелирных изделиях VII в. до н. э. с о. Родос, нежели с современными – с Боспора и из Малой Азии.

Рис. 3. Изображения женщины-пчелы: *1* – электровые бляшки из некрополя Камира на о. Родос. Британский музей, инв. GR1860.4-123.4; *2* – разделители с подвесками ожерелья из Северной могилы кургана Огуз. Киев, Институт археологии НАН Украины, инв. № 3-975–1008

Центральная подвеска ожерелья

Подвески ожерелий в форме объемных женских головок редки (подобные подвески серег и окончания цепочек я здесь не рассматриваю). К ним относятся помимо подвесок упомянутого выше ожерелья из Южной Италии (Тарент?) [*Miller* 1979, pl. 5b; *Pfrommer* 1986, 60–61, 68, Taf. 21. 2; *Williams* 1988, 77, pl. 31. *3–4*; *Williams, Ogden* 1994, 204–205, no. 135 (с датировкой 350–330 гг. до н. э.); *Уильямс, Огден* 1995, 204–205, № 135; *Despini* 1996, 152–253, figs. 138–139; 246], золотые подвески из Рокканова [*Deppert-Lippitz* 1985, 140, Abb. 89], из гробницы начала III в. до н. э. в Неа Филадельфии [*Cat. Thessaloniki* 2007, 102, no. 4]. Две подвески в форме женских головок украшают ожерелье из золотых и сердоликовых бус в собрании П. Каннелопулоса [*Laffineur* 1980, 392–393, no. 75, fig. 80].

Рис. 4. Золотые украшения с подвесками с фигурами женщин-пчел без рук:
1 – серьги, происходящие предположительно из Мадита. Фонд Роджерса, 1906 г., инв. № 06.1217.11–12; *2* – серьги, происходящие предположительно из Западной Малой Азии. Фонд Роджерса, 1948 г., инв. № 48.11.2–3; *3* – ожерелье (деталь). Феодосия. Курган № 1. Раскопки И. К. Айвазовского, 1853 г., инв. № Ф.2. *1, 2* – Нью-Йорк, Музей Метрополитен, *3* – Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

Односторонние подвески в виде женской головки происходят из Ольвии [*Pharmakowsky* 1913, 198, Abb. 39, *5*; *Русяева* 1994, 104–105 рис. 1. *2*], предположительно из Пантикапея (2 экз. в Лувре [*de Ridder* 1924, 42, no. 499; 47, no. 560, pl. XI; https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010256944 https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010256974]; очень близкая подвеска имеется и в Британском музее: 1934.1115.4; Р. Хиггинс относил ее к «южнорусскому типу» [*Higgins* 1980, XXI, 130, pl. 25d]) и из кургана у Великой Белозерки [*Kat. Schleswig* 1991, 321, Nr. 130; *Kat. Wien* 1993, 159–161, Nr. 40; *Русяева* 1994, 104–106 рис. 1. *4*, *5*; *Cat. Milan* 1995, 191, no. 36; *Cat. San Antonio* 1999, 212–213, no. 95]. До сих пор не опубликованы подвески в форме женских головок: серебряная – из Ольвии [ГЭ, инв. Ол. 17646: *Kat. Bonn* 1997, 150], а золотая – из Феодосии [ГЭ, инв. Ф.19: *Kat. Bonn* 1997, 150]. Р. Хиггинс определял такие подвески как „a South Russian Greek speciality" [*Higgins* 1980, 130].

Центральная подвеска ожерелья из кургана Огуз представляет собой объемную спаянную из двух половинок золотую головку высотой 0,9 см с петлей вверху. Женская головка с овальным лицом с прямым носом, миндалевидными глазами, лбом, обрамленным прядями волос. На голове – фригийский колпак с загнутой вперед верхней частью, тремя поперечными складками на затылке, треугольным выступом в центре и два длинными по бокам сзади. На головном уборе напаяны маленькие округлые касты из рубчатой проволоки – два над лбом, два на уровне ушей и два на уровне концах шапочки. На шее напаяна рубчатая проволока, имитирующая ожерелье (рис. 1. *1*) [*Boltrik, Fialko* 1991, 128, Taf. 13 внизу; *Cat. Rimini* 1995, 91–92, no. 76; *Cat. Milan* 1995, 190, no. 30; *Cat. San Antonio* 1999, 220–221, no. 101; *Трейстер* 2005, 508; *Болтрик, Фіалко* 2024, 222–223, рис. 147. *2*; 226–227, рис. 152. *1*; 228; 391, № 216]. Авторы раскопок описывают ее просто как «женскую головку», а головной убор не связывают с фригийским колпаком, хотя это определение и его связь с изображением амазонок уже неоднократно отмечалась ранее – изображения женских головок во фригийских колпаках с наибольшей вероятностью указывают на то, что на бляшках представлены головки амазонок [*Cat. San Antonio* 1999, 220–221, no. 101; *Трейстер* 2005, 508]. В таких головных уборах амазонки представлены еще в краснофигурной вазописи, особенно часто на т.н. керченских вазах, найденных на Боспоре [*LIMC* VII, 1994, s.v. Penthesileia (E. Berger), 298–300; *Fornasier*, *Burg* 2013, 207–210, Abb. 56, 57; *Langner* 2013, 221–257, Abb. 58–68, 72–77; *Sturm* 2017; *Петракова, Ягги* 2017, 100–125; *Петракова* 2020, 278–289], на западном фронтоне храма Асклепия в Эпидавре V в. до н. э. [*Yalouris* 1992, 53, Nr. 113, Taf. 42e], а также на произведениях торевтики IV в. до н. э.: бронзовых фаларах из кургана Большая Близница [*Treister* 2004, 195–223] и бронзовых наплечниках кирас: в собрании Античного музея Базеля и коллекции Людвига, предположительно из Турции [*Aitken* 1982, 58–60, pl. 10. *1*: конец IV в. до н. э.; *Cahn* 1989, 24–25, W 15: конец IV – начало III в. до н. э.; *LIMC* VII, 1994, s.v. Penthesileia (E. Berger), 303, no. 58d: ок. 340 г. до н. э.; *Schwarzmaier* 1997, 20, Anm. 103], изображающих схватки греков с амазонками. Мы наблюдаем их и на фигурах аримаспов на золотом калафе из кургана Большая Близница, который датируют в рамках последней четверти IV в. до н. э. [*Artamonov* 1970, Taf. 284–285, 291–294; *Galanina*, *Grach* 1986, figs. 226–228; *Уильямс, Оден* 1995, 268–269, № 203; *Трейстер* 2010, 551, рис. 24; *Фиалко* 2010, 165, рис. 20; *Meyer* 2013, 353, no. BI.2; *Калашник* 2014, 156–161][1].

[1] Ср. другие мнения о том, что здесь изображены не аримаспы, а амазонки [*Скржинская* 2004, 252–253; *Фиалко* 2010, 165)].

В качестве близкой параллели упомянем также фронтальное изображение голов на бронзовой пластине наплечника панциря неизвестного происхождения, хранящейся в Бостоне, которое отождествляют с образом царицы амазонок Пентесилеи и относят к раннеэллинистической эпохе (рис. 5. *2*) [: *Vermeule* 1987, 34, fig. 6; *Vermeule, Comstock* 1988, 94, no. 119; *Schwarzmaier* 1997, 18, 20, Anm. 106; 143: ок. 270 г. до н. э.; *LIMC* VII, 1994, s. v. Penthesileia (E. Berger), 303, no. 58e: ок. 340 г. до н. э.] и на серебряной чаше с углублениями для яиц из клада в Патерно в Сицилии ок. 300 г. до н. э. (рис. 5. *3*, *4*) [*Platz-Horster* 2003, 227–228, Nr. 7, Taf. 32. *1–2*; *Niemeyer, Schwarzmaier* 2021, 65–66, Nr. 18]. Подобные изображения представлены на серебряных с позолотой бляшках (рис. 5. *1*) из того же набора конской узды в Бабиной Могиле, в котором были найдены бляшки с изображением двойного цветка лотоса [*Cat. San Antonio* 1999, 294–295, no. 148; *Treister* 2001, 194, fig. 94; *Мозолевский, Полин* 2005, 120, 138, № 109, табл. 8. *2*; *Трейстер* 2005, 508].

Женские головки в подобного типа шлемах представлены в форме золотых кувшинов-ритонов из клада в Панагюрище [*Ončev* 1956, 138–142, Taf. XII–XIV; *Simon* 1960, 24–26, Taf. II. *1–3*; *Венедиков* 1961, 12–14, рис. 17–21, 24; *Маразов* 1978, 93–100; *Cat. Saint Louis* 1998, 142–143, nos. 68–70; *Kat. Bonn* 2004, 227–228, Nr. 233g–i; *Китов* 2006, 72–81, рис. 75–93; *Cat. Paris* 2006, 164–165, no. 64; 176–179, nos. 70–71; *Kat. Basel* 2007, 205–206. Nr. 137g–i; *Valeva* 2008, 23–24, figs. 43–45; *Cat. Paris* 2015, 228–229, nos. 190–192; *Fraser* 2023, 218–219, figs. 213–215], который датируется большинством исследователей в рамках конца IV – начала III вв. до н. э. (см. обзор различных датировок [*Стоянов* 2004, 23–25]), причем не только по стилю изображений, но и по весовым надписям, обозначенным как в персидских дариках, так и в аттических драхмах [*Cahn* 1960, 26–29].

Круглые касты из рубчатой проволоки на подвеске из Огуза (рис. 1. *1*), которые вероятнее всего служили для эмалевых вставок находят параллели на золотой серьге в форме сидящего на постаменте сфинкса из погребения в Старшем Трехбратнем кургане [*Galanina, Grach* 1986, fig. 245; *Kat. Wien* 1993, 182–185, Nr. 52; *Cat. San Antonio* 1999, 214–215, no. 96; *Лоренц, Трейстер* 2008, 21–22, № 14 с литературой; *Трейстер* 2008, 112–113, табл. 57, 106; *Kat. Leoben* 2009, 174–175, Nr. 49; *Болтрик, Фіалко* 2024, 216–217, рис. 142. *2*]. Заметим в этой связи находки аналогичных серег из раскопок К. Айвазовского курганного некрополя Феодосии 1853 г. [*Deppert-Lippitz* 1985, 171, Abb. 120 (справа вверху); *Pfrommer* 1990, 288 FK 169, Taf. 5. *4*; *Трейстер* 2008, табл. 106; *Болтрик, Фіалко* 2024, 216–217, рис. 142. *3*] и в рассматриваемом погребении кургана Огуз [*Boltrik, Fialko* 1991, 128, Taf. 15; 2007, 272, Abb. 5; *Cat. Rimini* 1995, 92, no. 77; *Клочко* 2018, 120; *Клочко et al*. 2021, 104; *Болтрик, Фіалко* 2024, 216–217, рис. 142. *1*; 394–395, № 223].

Выводы

Ожерелье из женского погребения в Северной могиле кургана Огуз, связываемого с так наз. боспорской принцессой, относится к очень редкому для середины – третьей четверти IV в. до н. э. типу, ближайшая параллель которому по составу происходит из кургана Карагодеуашх, и которое, весьма вероятно, было изготовлено в боспорской ювелирной мастерской. Особенностью этого ожерелья являются формы подвесок: как к разделителям, так и к центральной подвеске ожерелья.

1

2

3

4

Рис. 5. Украшения, детали доспеха и чаша с изображением голов Амазонок:
1 – серебряные с позолотой бляшки из кургана Бабина Могила. Киев, Институт археологии НАН Украины, инв. № КП-IV-262/1–2; *2* – наплечник кирасы. Бостон, Музей изящных искусств, Фонд Франка Б. Бемиса, инв. № 1986.242a-b;
3, 4 – серебряная чаша для яиц из клада в Патерно, Сицилия. Деталь и общий вид. Берлин, Античное собрание, инв. № 30481

Подвески разделителей, вопреки общепринятому мнению, изображают не змееногую богиню или сирену, а синкретический образ женщины-пчелы, вероятно нимфы Мелиссы. Ближайшие параллели и прототипы изображению подвесок представлены на подвесках ожерелий с Родоса и Мелоса второй половины VII в. до н. э., т. е. изготовленные за 300 лет до ожерелья из Огуза. Никаких более близких прототипов мы не знаем. Более близкие хронологические примеры изображений синкретического образа женщины-пчелы, которые датируются последней третью (четвертью) IV в. до н. э. и происходят как с Боспора, так и предположительно из Западной Малой Азии, отличаются отсутствием крыльев.

Подвески ожерелий в форме объемных женских головок редки – большинство известных примеров происходит с территории Боспора и из Ольвии, а близкие аналогии, изображающие женскую головку во фригийском колпаке, которую можно связывать с изображением Амазонки, вообще не известны.

Единственно возможное объяснение связи между изображениями женщины-пчелы и Амазонки – коннотация и амазонок [*Bammer* 1976, 91–102; *Fleischer* 2002, 185–216; 2013, 259–264; *Langner* 2014, 120–124], и пчел [*Pülz* 2009, 167–170] с культом эфесской Артемиды [*Picard* 1940, 270–284; *Skarmintzos* 2017, 269–272], многочисленные соски которой напоминают туловища пчел, а распространение образа пчелы как в монетной чеканке, так и ювелирном деле Эфеса нельзя не отметить. Если это так, а никакого другого объяснения такой связи нет, то нельзя исключать и определенную связь символики ожерелья с культом эфесской Артемиды, который в том числе получил распространение и на Боспоре Киммерийском, также и в IV в. до н. э. [*КБН* 6а, 11, 1114; *Ehrhardt* 1983, 155; *Скржинская* 2010, 62; Быковская 2021, 13]. Косвенно эта связь подтверждается напаянной фигуркой пчелы на щитке в форме розетты одной из золотых серег с подвесками в форме сидящей на лани Артемиды из некрополя Нимфея [*Hadaczek* 1903, 40, fig. 74; *Силантьева* 1959, 7, рис. 2. *2*; *Hoffmann, Davidson* 1965, 83, fig. 12f; *Williams, Ogden* 1994, 173, no. 110; *Уильямс, Огден* 1995, 173, № 110: 325–300 гг. до н. э., *Kat. Bonn* 1997, 136, Nr. 48; *Cat. Los Angeles* 2007, 232, no. 132; *Трейстер* 2009б, 71, № 5, рис. 2, *5*; *Калашник* 2014, 68–71: вторая четверть IV в. до н. э.].

Список литературы

А*лексеев* А. Ю. 2012. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 272.

Анфимов Н. В. 2011. Древнее золото Кубани / The Kuban's Ancient Gold. 2е. изд. Краснодар, 264.

Б*олтрик* Ю. В., *Фіалко* О. Є. 1995. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н. е. // Археологія. 2, 3–13.

Болтрик Ю. В., *Фіалко* О. Є. 2024. Курган Огуз. Могила одного з останніх царів Скіфії. Київ, 560.

Быковская А. В. 2021. Культ Артемиды на Боспоре: универсальные черты и локальные особенности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 20/8, 9–22. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-8-9-22

Вахтина М. Ю. 2016. Об украшениях из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Таврические студии. 10, 24–31.

Вахтина М. Ю. 2017. Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // БИ. XXXV, 389–410.

Венедиков И. 1961. Панагюрското златно съкровище. София, 76.

К*алашник* Ю. П. 2014. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб., 278.

Китов Г. 2006. Панагюрското съкровище. Варна, 125.

Клочко Л. С. 2018: Образ сфінкса в декорі скіфського вбрання // Археологія і давня історія України. 2, 119–130.

Клочко Л. С., *Білан* Ю. О., *Березова* С. А., *Величко* Є. О. 2021. *Сережки у* костюмах мешканців Скіфії (з колекції Музею історичних коштовносте України). Київ, 172.

Л*аппо-Данилевский* А., *Мальмберг* В. 1894. Древности Южной России. Курган Карагодеуашх (Материалы по археологии России. 13). СПб., 192.

Лоренц А., Т*рейстер* М. Ю. 2008. Каталог комплексов и находок // М. Трейстер (ред.), Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь–Бонн, 13–60.

М*аразов* И. 1978. *Ритоните в древна Тракия*. София, 178.

Мозолевский Б. Н., *Полин* С. В. 2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 624.

П*етракова* А. Е. 2020. «Exotische Utopien einer fernen Welt»: два краснофигурных кратера с редким изображением грифономахии из раскопок Северного Причерноморья // Археологические вести. 29, 278–290.

Петракова А., *Ягги* О. 2017. Амазонки на аттических краснофигурных вазах из Северного Причерноморья: к вопросу о понимании изображений // БИ. XXXV, 100–125.

Полин С. В. 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине (Курганы Украины. 3). Киев, 776.

Р*усяева* М. В. 1994. Золоті прикраси у вигляді голови Гери // Археологія. 1, 104–109.

С*илантьева* П. Ф. 1959. Некрополь Нимфея // В. Ф. Гайдукевич (ред.), Некрополи боспорских городов (МИА. 69). М., Л., 5–107.

Скржинская М. В. 2004. Амазонки и аримаспы в античной литературе и изображениях на памятниках искусства из Северного Причерноморья // Материалы восьмых чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII». СПб., 247–254.

Скржинская М. В. 2010. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 464.

Стоянов Т. 2004. Панагюрското съкровище – изобразителна програма и принадлежност // Д. Агре, Г. Китов (ред.), Панагюрското съкровище и тракийската култура. Доклади от Втори международен симпозиум – Панагюрище, 8–9 септември 1999 г. София, 11–30.

Т*рейстер* М. Ю. 2005. Об изделиях торевтики из скифского кургана Бабина Могила // Б. Н. Мозолевский, С. В. Полин. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 502–512.

Трейстер М. Ю. 2008. Изделия из бронзы, кости и украшения // М. Трейстер (ред.), Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь, Бонн, 105–122.

Трейстер М. Ю. 2009а. Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могилы // ДБ. 13, 414–460.

Трейстер М. Ю. 2009б. Серьга с подвеской в виде скульптурной фигурки Эрота из Гаймановой Могилы // Л. В. Строкова, Л. С. Клочко, С. А. Березова (ред.), Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – пошдяд крізь віки», 10–12 листопала 2008 р. Київ, 70–80.

Трейстер М. Ю. 2010. Ювелирное дело и торевтика // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. II. М., 534–598.

Тункина И. В. 2011. Открытие Феодосии. 1771–1871. Киев, 240.

У*ильямс* Д., *Огден* Д. 1995. Греческое *золото.* Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н. э. СПб., 272.

Ф*иалко* Е. Е. 2010. Амазонки в памятниках античного искусства // БИ. XXIV, 152–192.

Я*ковенко* Э. В. 1977. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // А. И. Тереножкин (ред.), Скифы и сарматы. Киев, 140–145.

А*itken* B. T. 1982. A New Cheekpiece // AntK. 25, 58–61.

Artamonov M. I. 1970. Goldschatz der Skythen in der Eremitage. Prag, 154.

В*ammer* A. 1976. Amazonen und das Artemision von Ephesos // Revue archéologique. Nouvelle série. 1, 91–102.

Boltrik Ju. V., *Fialko* E. E. 1991. Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 18, 107–129.

Boltrik Ju. V., *Fialko* E. E. 2007. Der Fürstenkurgan von Oguz // H. Parzinger (Hrsg.), Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München–Berlin–London–New York, 268–275.

С*ahn* D. 1989. Waffen und Zaumzeug: Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig. Basel, 107.

Cahn H. 1960. Die Gewichte der Goldgefäße // AntK. 3, 26–29.

Cat. London 2017. St John Simpson, Pankova S. (eds.), The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia. London, 368.

Cat. Los Angeles 2007. Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 307.

Cat. Milan 1995. M. G. Curletti (ed.), Tesori delle Steppe. Cimmeri, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari. Milano, 210.

Cat. Paris 2006. L'or des Thraces. Trésors de Bulgarie. Musée Jacquemart-André. Gand, 191.

Cat. Paris 2014. A. Coulié, M. Filimonos-Tsopotou (eds.), Rhodes, une île grecque aux portes de l'Orient XVe – Ve siècle avant J.-C. Paris, Musée du Louvre, du 14 novembre 2014 au 9 février 2015. Paris, 359.

Cat. Paris 2015. J.-L. Martinez (ed.), L'épopée des rois thraces – Des guerres médiques aux invasions celtes, 479–278 av. J.-C. Paris, 399.

Cat. Rimini 1995. Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995. Milano, 250.

Cat. Saint Louis 1998. I. Marazov (ed.), Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria. New York, 256.

Cat. San Antonio 1999. E. D. Reeder (ed.). Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. New York, 352.

Cat. Thessaloniki 2007. D. Grammenos (ed.), Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης. Thessaloniki, 338.

Cat. Toledo 1977. Oliver A.Jr. Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, 175.

Couchev D. 1956. Der Goldschatz von Panagjurište // Svoboda B., Couchev D. Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 117–172.

D*eppert-Lippitz* B. 1985. Griechischer Goldschmuck. Mainz, 322.

De Ridder A. 1924. Catalogue sommaire des bijoux antiques. Musée national du Louvre. Département des Antiquités grecques et romaines. Paris, 219.

Despini Ai. 1996. Greek Art. Ancient Gold Jewellery. Athens, 292.

Diehl E. 1964. Die Hydria. Formgeschichte und Verwendung im Kult des Altertums. Mainz, 252.

E*hrhardt* N. 1983. Milet und seine Kolonien vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt a. M., 588.

F*leischer* R. 2002. Die Amazonen und das Asyl des Artemisions von Ephesos // Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts. 117, 185–216.

F*leischer* R. 2013. Die Amazonen und das Asyl des Artemisions von Ephesos // Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Berlin, 259–264.

Fornasier J., *Burg* J. N. 2013. Der Amazonenmythos in der Kunst griechischer Schwarzmeerstädte // Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Berlin, 185–220.

Fraser J. 2023. Thracian Gold: The Panagyurishte Treasure // Fraser J., Llewellyn-Jones L., Bishop-Wright H. C. Luxury and Power. Persia to Greece. London, 214–221.

G*alanina* L., *Grach* N. 1986. Scythian Art. Leningrad, 184.

Greifenhagen A. 1970–1975. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I–II. Berlin, 100; 140.

H*adaczek* K. 1903. Der Ohrschmuck der Griechen und der Etrusker (Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien. 14/1). Wien, 84.

Higgins R. A. 1980. Greek and Roman Jewellery. 2nd ed. London, 243.

Hoffmann H., *Davidson* P. F. 1965. Greek Gold: Jewelry from the Age of Alexander. Mainz, 311.

K*alashnik* Yu. 2004. Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage. Zwolle, 127.

Kat. Basel 2007. I. Zanoni (Hrsg.), Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker. Basel, 268.

Kat. Bonn 1997. L. Barkova, Ju. Kalašnik (Hrsg.), Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 268.

Kat. Bonn 2004. Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus. Mainz, 384.

Kat. Hamburg 1993. R. Busch (Hrsg.), Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg. Neumünster, 264.

Kat. Leoben 2009. W. Seipel (Hrsg.), Das Gold der Steppe – Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs. Wien, 318.

Kat. Schleswig 1991. R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel (Hrsg.), Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 439.

Kat. Wien 1993. W. Seipel (Hrsg.), Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien. Wien, 433.

L*affineur* R. 1978. L'orfèvrerie rhodienne orientalisante (École française d'Athènes, Travaux et memoires. Fasc. XXI). Paris, 266.

Laffineur R. 1980. Collection Paul Canellopoulos (XV). Bijoux en or grecs et romains // BCH. 104, 345–457.

Langner M. 2013. Amazonen auf Kertscher Vasen Wechselnde Blickwinkel auf ein populäres Bildmotiv // Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Berlin, 221–257.

Langner M. 2014. Amazonen als Einwanderinnen. Ursprung, Konstruktion und Dekonstruktion mythischer Verwandtschaft in Athen und Ephesos // A.-B. Renger, I. Toral-Niehoff (Hrsg.), Genealogie und Migrationsmythen im antiken Mittelmeerraum und auf der Arabischen Halbinsel (Berlin Studies in the Ancient World. 29). Berlin, 103–133.

Larson J. 1995. The Corycian Nymphs and the Bee Maidens of the Homeric Hymn to Hermes // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 36/4, 341–357.

M*azet* C. 2019. Rhodian Orientalizing Jewellery in 19th-Century Collecting Europe // S. Shierup (ed.), Documenting Ancient Rhodes: Archaeological Expeditions and Rhodian Antiquities (Gösta Enbom Monographs. 6). Aarhus, 133–144.

Meyer C. 2013. Greco-Scythian Art & the Birth of Eurasia. Oxford, 431.

Miller S. 1979. Two Groups of Thessalian Gold (University of California publications. Classical studies. 18). Berkeley–Los Angeles, 78.

N*iemeyer* B., *Schwarzmaier* A. 2021. Silber aus zwei Jahrtausenden in der berliner Antikensammlung. Regensburg, 232.

P*frommer* M. 1986. Ein orientalisches Motiv in der griechischen Schmuckkunst – Zu einem vergoldeten Kettenglied aus Ton in Milet // Istanbuller Mitteilungen. 36, 59–76.

Pfrommer M. 1990. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks (Istanbuller Forschungen. 37). Tübingen, 470.

Pharmakowsky B. 1913. Archäologische Funde im Jahre 1912. Rußland // Archäologischer Anzeiger, 178–234.

Picard C. 1940. L'Éphésia, les Amazones et les Abeilles // Revue des Études Anciennes. 42 (Mélanges d'études anciennes offerts à Georges Radet), 270–284.

Pülz A. M. 2009. Die Goldfunde aus dem Artemision von Ephesos (Forschungen in Ephesos. 12/5). Wien, 376.

R*eichel* W. 1942. Griechisches Goldrelief. Berlin, 62.

S*chwarzmaier* A. 1997. Griechische Klappspiegel (Athenische Mitteilungen. Beih. 18). Berlin, 374.

Simon E. 1960. Der Goldschatz von Panagjurište – eine Schöpfung der Alexanderzeit // AntK. 3, 3–26.

Skarmintzos S. 2017. The cult of Artemis in Ephesus and the possible explanation of the bee symbol // J. Popielska-Grzybowska, J. Iwaszczuk (eds.), Thinking Symbols Interdisciplinary Studies (Acta Archaeologica Pultuskiensia. VI). Pułtusk, 269–272.

Sturm R. 2017. Amazonen in der antiken Vasenmalerei. Die Bedeutung des Bildmotivs der kriegerischen Frau in der alten Töpferkunst (Studien zur Geschichtsforschung des Altertums. 33). Hamburg, 180.

T*reister* M. 2001. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Colloquia Pontica. 8). Leiden–Köln–Boston, 649.

Treister M. 2004. The Theme of Amazonomachia in the Late Classical Toreutics (to the phalerae from Bol'shaya Bliznitsa) // C.J. Tuplin (ed.), Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology (Colloquia Pontica. 9). Leiden–Boston–Cologne, 195–223.

V*ermeule* C.C. 1987. The God Apollo, a Ceremonial Table with Griffins, and a Votive Basin // The J. Paul Getty Museum Journal. 15, 27–34.

Vermeule C.C., *Comstock* M. 1988. Sculpture in Stone and Bronze. Additions to the Collections of Greek, Etruscan, and Roman Art 1971–1988. Boston, 132.

Vickers M. 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 56.

Vickers M. 2002. Scythian and Thracian Antiquities. Oxford, 80.

W*illiams* D. 1988. Three Groups of Fourth Century South Italian Jewellery in the British Museum // Römische Mitteilungen. 95, 75–95.

Williams D., Ogden J. 1994. Greek Gold. Jewellery of the Classical Period. London, 256.

Y*alouris* N. 1992. Die Skulpturen des Asklepiostempels in Epidauros (Antike Plastik. 21). München, 164.

Summary

M.Yu. Treister
Gold necklace with pendants from the North tomb of Oguz burial mound

The article is devoted to the publication of a gold necklace from a female burial in the North tomb of the Scythian burial mound of Oguz, associated with the so-called Bosporan princess, which belongs to a type very rare example for the mid- to third quarter of the 4th century BC. The closest parallel to it comes from the Karagodeuashkh burial mound, and it was most likely made in a Bosporan jewellery workshop. A distinctive feature of this necklace is the shape of the pendants: both the dividers and the central pendant.

The pendants of the dividers, contrary to the popular belief, depict not a snake-legged goddess or a siren, but a syncretic image of a bee woman, probably the nymph Melissa. The closest parallels and prototypes to the pendants are found on the necklaces from Rhodes and Melos dating to the second half of the 7th century BC, thus made 300 years before the Oguz necklace. We are aware of no closer prototypes. More recent examples of syncretic depictions of the bee-woman, dating to the last third (quarter) of the fourth century BC and originating

both from the Cimmerian Bosporus and presumably from Western Asia Minor, are distinguished by the absence of wings.

Necklace pendants in the shape of three-dimensional female heads are rare – most known examples come from the Cimmerian Bosporus and Olbia, and close analogies depicting a female head in a Phrygian cap, which could be associated with the image of an Amazon, are completely unknown.

The only possible explanation for the connection between the depictions of the bee-woman and the Amazon is the connotation of both the Amazons and bees with the cult of Ephesian Artemis. Since there is no other explanation for this connection, it cannot be ruled out that the necklace's symbolism is linked to the cult of Artemis at Ephesus, which was spread to the Cimmerian Bosporus, also in the 4th century BC. This connection is indirectly confirmed by the soldered figurine of a bee on the rosette-shaped bezel of one of the gold earrings with pendants in the shape of Artemis seated on a doe from the Nymphaion necropolis.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.298-313

Ф. В. Шелов-Коведяев
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва)

De titulis Bosporanis et viciniis X

122–127. **Об эпиграфических находках из раскопок в урочище Стрелка 2**. В прошлом выпуске Древностей Боспора А. П. Бехтер опубликовала серию граффити, найденных на названном поселении в сезоны 2012–2016 годов [*Бехтер* 2025, 40–47].

122. Под № 1 [*там же*, 41] представлено буквосочетание ΧΑΛ на стенке амфоры, в интерпретации которого издатель колеблется между аббревиатурами (1) начинающихся на этот слог имён и (2) содержимого сосуда. В последнем случае она ссылается на мнение С. Ю. Сапрыкина [*Сапрыкин, Масленников* 2007, 131, № 679], который в поиске лексем, подходящих к рассматриваемому им сюжету, не учёл в достаточной степени реалистичности их приемлемости для «малых» эпиграфических текстов.

В результате А. П. Бехтер напрасно не отдаёт предпочтения своей ономастической интерпретации. Ведь упомянутое ею ЛИ Χαλκιδεύς известно не только на Боспоре, но и наиболее распространено среди именных инлаутов на Χαλ~ по всему эллинскому миру (см. LGPN I, II, IIIA, IV, VA). Кроме же него заслуживают внимания также весьма популярные Χάλκις/Χαλκίς (см. LGPN II, IIIAB, IV) и встречающиеся в Ольвии Χαλαις, а во Фракии – Χάλης (см. LGPN IV: очевидно, идентичные в произношении).

123. Там же [*Бехтер* 2025, 41–43, № 2] публикуется банальное цифровое обозначение на амфоре – Α (*альфа*, единица) – партии товара, неисчислимое количество раз встречающееся в аналогичной позиции по всей греческой ойкумене. Приводимые же издательницей надуманные реконструкции её предшественников – ἀ(μπέλιος), ἀ(μφορεύς), ἄ(ριστος) – ставят вопрос об ответственности тех за работу с эпиграфическими материалами.

124. Там же [*Бехтер* 2025, 43, № 4] (рис. 1. *1*) говорится об отсутствующей на самом деле вертикальной черте «с небрежно прочерченной короткой горизонтальной линией». В действительности т. н. «вертикаль» имеет явный изгиб, сверху и снизу уходящий в излом (в него же упирается и весьма ясно начертанная горизонталь): что позволяет видеть тут *тету*, а следующие за нею графемы считать лигатурой *ипсилона* с одной из букв с вертикальной ножкой (*гаммы*, *дзеты*, *йоты*, *ро*, *тау*; *кси*, *фи*, *пси* в силу особенностей их графики здесь менее вероятны), что может дать начало антропонимов типа Θύϊος, Θυΐων и т. п. (см. LGPN).

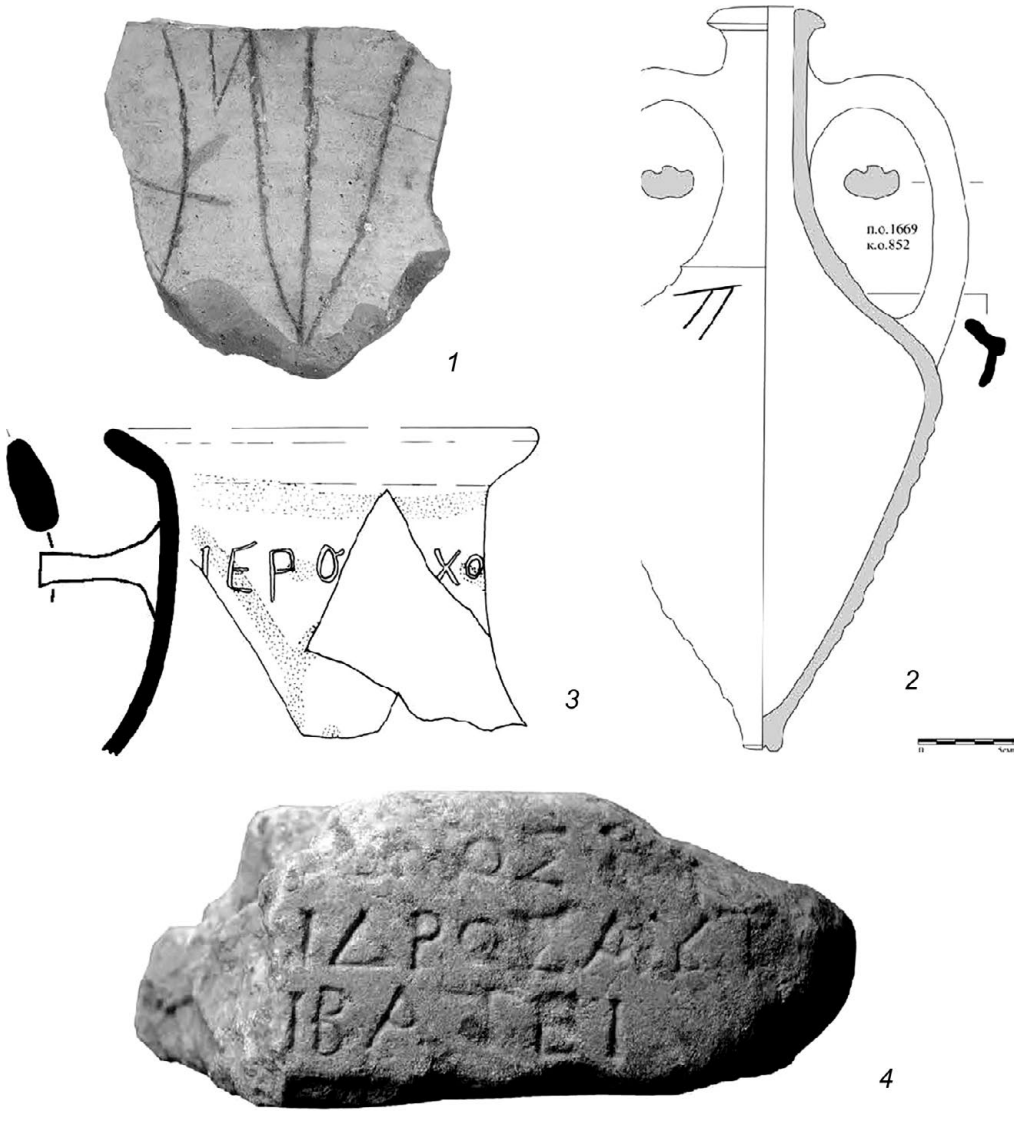

Рис. 1. Надписи № 124, 128–130: *1*. Монограмма имени (по: А.П. Бехтер, 2025); *2*. Пометы на амфоре (по: А.В. Бонин, 2025); *3*. Имя (?) на эллинистическом сосуде (по: Т.В. Егорова, С.М. Ильяшенко, 2025); *4*. Вотив из Фанагории (по: Н.В. Завойкина, 2022)

Из-за множественности вариантов чтения, сделать определённый выбор между ними не представляется возможным. Нельзя также игнорировать и дифферент в виде «птички», расположенный между предполагаемыми *тетой* и лигатурой, который может быть модификацией значка, обозначающего половину чего-либо [ср. *Бехтер* 2025, 43, № 2].

125–126. Там же [*Бехтер* 2025, 43–44, № 6 и 8] многократные вертикальные насечки суть обычные цифровые обозначения (ср. верное их понимание [*Бехтер* 2025, 43, № 5]).

127. Там же [*Бехтер* 2025, 45–46, № 13], рассуждая о представленном на Боспоре имени Θάγυς, А.П. Бехтер упускает из виду вероятность фиксации либо однокоренного

ему ЛИ, либо АН, начинающегося на Θαλ~, как в граффито, происходящем из раннеклассических слоёв Гермонассы [ср. *Шелов-Коведяев* 2019, 215], что заставляет её отдать небесспорное предпочтение антропонимам, «стартующим» на Ἀγ~/Ἄγ~. К тому же соответствующие инлауты ограничены у неё, почему-то, только Ἄγ~/Ἄγ~.

128. **О пометах на амфоре римского времени**. В тридцатом же выпуске Древностей Боспора А. В. Бонин [*Бонин* 2025, 58; 60, рис. 10] (рис. 1. *2*) издал светлоглиняную амфору типа D (по Д. Б. Шелову) с дипинто ‹, похожим на знак половины и граффито, напоминающим вновь появляющуюся в эпоху Домината графику *альфы*.

129. **Об имени (?) на сосуде эллинистического времени**. В том же томе Т. В. Егорова и С. М. Ильяшенко [*Егорова, Ильяшенко* 2025, 130, рис. 5] (рис. 1. *3*) опубликовали граффито на горле кувшина: ΙΕΡΟ[…]ΧΟ. Коли прорисовка верна (фотография отсутствует), и лакуна, как следует из рисунка, скрала, действительно, три литеры, то отсюда можно получить новое имя на Ἱερο~ (ЛИ с таким зачином – масса) с тем же суффиксальным расширением, что показывает пара Ἄσανδρος/Ἀσάνδροχος (см. КБН), например: Ἱεροθέοχος *et sim* (к имени Ἱερόθεος см. LGPN).

130. **О вотиве из Фанагории**. В 2022 году Н. В. Завойкина [*Завойкина* 2022, 109–111, № 1] издала базу статуи (рис. 1. *4*), надпись на которой она прочитала так:

[ϑεῷ δεῖνι Φιλ]ῖνος Σ - - -
[- 5/6 -, Μένα]νδρος Αὐτ-
[ονόμου, Πάτε]ι<ς> Βάτει *vac*.

Комментарий. В начале стк. 1 перед *йотой* надо отметить остатки *лямбды* или *альфы* (λ либо α)[1], а в конце строки перед *сигмой* – *йоту*. В финале стк. 2 заметен приподнятый над строкой, как и в прочих случаях, *омикрон*. После обширного (в 2–3 знака) vacat в стк. 3 наличествует, по-видимому, верхний уголок *эпсилона*, который может относиться к началу датировки надписи или имени божества. Если же последнее, как предполагает публикатор, находилось в начале стк. 1, то должны быть уточнены объёмы лакун в стк. 2–3: не может быть так, чтобы перед остатками первой графемы в стк. 1 пропали 17–18 литер, а в стк. 2–3 – по 9–10.

Поскольку же правый край постамента явно не сохранился, не будет недопустимым предположить, что текст был больше, чем представляется Н. В. Завойкиной. Вертикаль в начале стк. 3 может принадлежать не только *йоте*, но и *ню* (перекладина которой, как можно судить по стк. 2, касается её правой опоры чуть выше её нижнего конца). Исходя из сказанного, надо принять, что число имён посвятителей было больше, а строки – длиннее, чем в предложенном издателем варианте.

В остальном прекрасная фотография служит блестящим примером того, *как* современные средства фиксации способны вытягивать из сколов на камне то, чего на нём нет и в помине. Ведь в изломе начала стк. 3 при желании можно нафантазировать *мю*, которой там не может быть просто потому, что уровень скола находится здесь значительно ниже эпиграфического поля.

В итоге более точной мне видится следующая реконструкция:

[1] *Курсивом* в греческом я помечаю травмированные буквы.

[- - -τῷ δεῖνι (17)- - -]Αἶνος Ἰσ[- - - - - - - - - - -]
[- - - - - - -(17)- - - - - -]νδρος Αὐτο[- - - - - - - - -]
[- - - - - - -(17)- - - - - -]ν Βάτει νvv ἔ[τει (?) κτλ.]

App. crit. Стк. 1 Αἶνος: см. LGPN; стк. 3 vel ἐ[ν τῷ ἔτει].

131. **О благодарственной надписи из Фанагории**. Там же [*Завойкина* 2022, 111–112, № 2] Н. В. Завойкина (рис. 2. *1*) опубликовала список имён. Его предваряет остаток *ню*, который может принадлежать окончанию слов εὐχαριστήριο]ν, εὐχή]ν или ἀνέθεσα]ν/ἀνέθηκα]ν.

Очевидно, выше стояло имя божества – адресата приношения. В стк. 2 читается Ἀλέξανδρος (а не Ἀλέσανδρος, как прочла издательница: *кси* начертана зигзагом). В стк. 5 видна *сигма* окончания одного имени и слог Σω, относящийся к следующему. Первый знак стк. 6 – обычный *омикрон* (ср. его форму в стк. 3: за опору *омеги* тут был принят скол на камне), а не *омега* (ср. стк. 5): вероятно, тут фигурировал АН Ἀπ]ολ[λώνιος *vel sim*.

132. **О датирующей формуле царя Рескупорида**. Тогда же (рис. 2. *2*) Н. В. Завойкина [*Завойкина* 2022, 114–117, № 4] ввела в оборот надпись, которую реконструировала следующим образом:

[Βασιλεύοντος β]ασιλέ[ως Τιβερίου]
[Ἰουλίου Ῥησκου]πόριδ[ος, υἱοῦ μεγάλου βασιλέως]
[Σαυρομάτου, φι]λοκα[ίσαρος καὶ φιλορωμαίου]
[εὐσεβοῦς, ἔτους] διφ΄ μη[νὸς τοῦ δεῖνος] - - - - - - - - -
[- - - - - - ὁ δῆμος] Ἀγριππέ[ων] - - - - - - - - - - - -

Всё бы ничего (кроме странноватой локализации прочерков *за* квадратными скобками), но, если конечные лакуны в стк. 2–3 гармонируют между собою (21 (20 с учётом *йот*) и 20 (18) м. б.), а в началах всех строк они примерно равны (что указывает на правильный выбор дополнений), то конечная лакуна в конце стк. 1 (при одинаковом размере знаков) выходит у издателя в два (!) раза меньше – 10 (9) литер, – чем в стк. 2–3, что невозможно в принципе.

Это недоразумение легко разрешается добавлением, по аналогии с КБН 953.3, к титулу Рескупорида элемента μέγας, что даёт: [βασιλεύοντος β]ασιλέ[ως μεγάλου Τιβερίου]. Разница лакун в соседних строках в 2–4 знака уже вполне нормальна.

133. **О строительной надписи из Фанагории**. Там же Н. В. Завойкина [*Завойкина* 2022, 117–120, № 5] издала плиту (рис. 2. *3*), текст на которой восстановила так:

[ἐκ βασιλέων βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησ]-
κο[ύποριs, φιλοκαίσαρ καὶ φιλορώμαιος]
2 εὐσεβὴ[ς, (sic!) *καταφθαρέντα πολέμῳ τὰ τείχη ἀνεσκευάσεν* (sic!)]
καὶ τοὺς λιθ[ολογημάτους (sic!) *οἰκοδόμησεν* περὶ τοὺς πύρ]-
4 γους ἐκ θ[εμελίων διὰ ἐπιμελείας *τοῦ δεῖνος* - - - - - -]
ρεν[- - - ἐν τῷ ... ἔτει καὶ μηνὶ τῷ δεῖνι ...]

Здесь та же беда, что и в предыдущем случае. Если стк. 2–3 (и их лакуны) хоть как-то соответствуют друг другу: общая длина – 43 (42,5 с учётом *йоты*) и 42 (40) м. б.; лакуны – 37 (36,5) и 32 (31) соответственно, то стк. 1 резко с ними контрастирует, показывая

Рис. 2. Надписи № 131, 132, 133. *1*. Благодарственная надпись из Фанагории (по: Н.В. Завойкина, 2022); *2*. Датирующая формула Рескупорида (по: Н.В. Завойкина, 2022); *3*. Строительная надпись из Фанагории (по: Н.В. Завойкина, 2022)

общую длину в 30 (27) букв, а лакуну в 28 (25). При том, что последняя, судя по линии излома камня, должна быть гораздо больше следующих за ней утрат.

Картину усугубляют многочисленные ошибки в греческом языке: в стк. 2 – тупое ударение вместо острого перед знаком препинания и ударение на втором (вместо третьего) слоге от конца в последнем слове; в стк. 3 – невозможное τοὺς λιθολογημάτους: τὸ λιθολόγημα «фундамент из необработанного камня» – слово среднего рода, дающее в аккузативе множественного числа τὰ λιθολογήματα. К тому же не рассмотрено, если речь идёт о защитном поясе из необработанных камней (хотя это нетипично, поэтому возможны и иные варианты реконструкции) у основания башен, прилагательное двух окончаний λιθολόγητος, -ον (LSJ Suppl. s. v.) «построенный из необработанных камней».

Ежели же дополнение сткк. 0–2 Ῥησ]|κο[ύπορις φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος]|εὐσεβή[ς верно, то объём лакун не должен значительно превышать: в стк. 2 – 24-х знаков, а в стк. 3 – 19-ти. При этом, судя по чётко видным в стк. 5 PE*NT* (от *may* сохранилась левая половина горизонтали), форма причастия καταφθαρέντα (*et sim*.) должна быть перенесена туда.

В результате я получаю следующее:

№	длина строки	текст	лакуна
	24 (23,5)	[ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων μέγας]	
	26 (24,5)	[βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησ]-	
1	32 (29)	κο [ύπορις φιλοκαίσαρ καὶ φιλορώμαιος,]	30 (27)
	28 (27)	εὐσεβή [ς, τὰ τείχη καὶ τοὺς πύργους]	22 (21)
	31 (28,5)	καὶ τοὺς λιθ [ίνους προμάχους περὶ πύρ]-	21 (19,5)
	27 (26,5)	γους ἐκ θ [εμελίων πολέμῳ καταφθα]-	20 (19,5)
5		ρέντ [α ἀνοικοδόμησεν κτλ.]	

App. crit. Меньшее количество букв в полностью пропавших начальных строках может быть объяснено тем, что там располагался титул царя (ср. КБН и документ, следующий ниже под № 134). В остальном размер строк и лакун вполне гармоничны. Стк. 3: к προμάχους ср. [*Maier* 1959, Nr. 65.9]; стк. 4: *vel* χρόνῳ.

Перевод: «Происходящий от царственных предков великий царь Тиберий Юлий Рес) ку (порид друг Цезаря и друг римлян) благо (честивый стены и башни) и кам (енные защитные пояса вокруг ба)шен на свои с (редства, разрушен)ные (войной/временем восстановил и т. д.)».

Выходит чтение, вполне подходящее и по содержанию, и по формулам, и по формальным основаниям, и по историческому контексту правлению Рескупорида III (210/11–226/7 гг. от Р. Х.).

134. **О посвящении царя Эвпатора**. Точный расчёт длины строк и лакун неизменно приносит блестящий результат. Это доказывает публикация Н. В. Завойкиной [*Завойкина* 2024, 188–189, № 1] надписи боспорского царя Эвпатора.

Поскольку там на более крупный шрифт стк. 1 приходится примерно на четверть больше литер в стк. 2, то чтение издательницы: [βασιλεύοντος] βασιλέως | [Τιβερίου Ἰουλίου Ε]ὐπάτορος φιλο |[καίσαρος κτλ.] – <u>*абсолютно оправдано*</u>.

135. **Об эпитафии (случайной находке в окру́ге Фанагории)**. Тогда же Н. В. Завойкина [*Завойкина* 2024, 190–194, № 2] опубликовала надгробие, любопытное размером штрафа (50 тысяч золотых) за осквернение могилы. Она прочла его:

- - - - - [τ]ὴν στή-
λην Αφασα<ι> γυνῇ
αὐτοῦ μνήμης
χάριν. ἐάν τις ἐπι-
βουλεύσῃ, ἀποτεί-
σει τῷ βασιλεῖ χρυ-
σῶν μυριάδες πέν-
τε
ἐν τῷ ΑΛΧ
Αὐδ<υ>ναίου Α΄

Она посчитала, что это эпитафия, поставленная неизвестным своей жене. Для этого ей потребовалось читать в стк. 2 дативы, предполагая в *nomen* пропуск *iota adscriptum*.

На самом деле, это памятник, который поставила своему мужу, – чьё ЛИ не сохранилось, – Афаса (им. пад.), его жена. А за необычную в это время *iota adscriptum* после *эты* в слове γυνή, Н. В. Завойкина приняла одно из вертикальных повреждений камня, присутствующих на нём в финалах всех строк (да и между ними).

136. **Об имени на щитке золотого перстня**. Там же [*Завойкина* 2024, 195–197, № 3] Н. В. Завойкина переиздала артефакт, опубликованный ранее С. Р. Тохтасьевым [*Тохтасьев* 2015, 204] (рис. 3. *1*). Тот прочитал *Νεογοα<ι>ου ψυχή. Исследовательница же предложила – Νεομόδου ψυχή.

В реальности после NEO ясно читаются *ро* и *йота*. Выходит: Νεοριόδου ψυχή. Подробное, с аналогиями, обоснование чтения см.: [*Шелов-Коведяев* 2025, 293–295].

137. **О граффити из курганной группы мкрн. «Солдатская слободка» в Керчи**. Только что [*Кононов, Кононова* 2025, 297, 298, рис. 6] была опубликована подборка граффити, объединяемых одной буквой *тау*, расположенной на вместилищах ряда солонок и чаш [*там же*, 298, рис. 6. *3*, *4*, *6*, *7*]. В одном случае литеру сопровождает звёздочка.

Вместе с ними найдена миска [*там же*, 298, рис. 6. *5*], на (насколько можно судить по прорисовке) внутренней стороне обода поддона которой нанесено, как считают издатели, – ΜΑΛΥΒΨ (рис. 3. *2*). Если в наличии не очередное производное (Μαλυβ) от малоазийского Μάλης (ср. LGPN Vc – Μαλλία, Μάλλιος, Μάλλος) и не Lallname типа Λάλαξ, Λάλα/Λάλλα, Λαλάς, Λάλος, Λάλων, Λαλλᾶς, Λαλλῆς, Λαλλίς (LGPN, *passim*) в сопровождении всё той же, принятой за *пси*, звёздочки, то это (что мне представляется предпочтительным) абракадабра – оберег.

138. **Снова о культе Аполлона Врача в Северном Причерноморье**. В 2022 году В. Г. Лазаренко издал большую [*Лазаренко* 2022, 20–72] статью на названную тему в связи с граффити из Пантикапея [*там же*, 45]. К сожалению, ему осталось неизвестно моё специальное исследование данного вопроса [*Шелов-Коведяев* 2019а, 216–224], и в итоге он всецело увлёкся поисками варварских (фракийских, главным образом) корней верования.

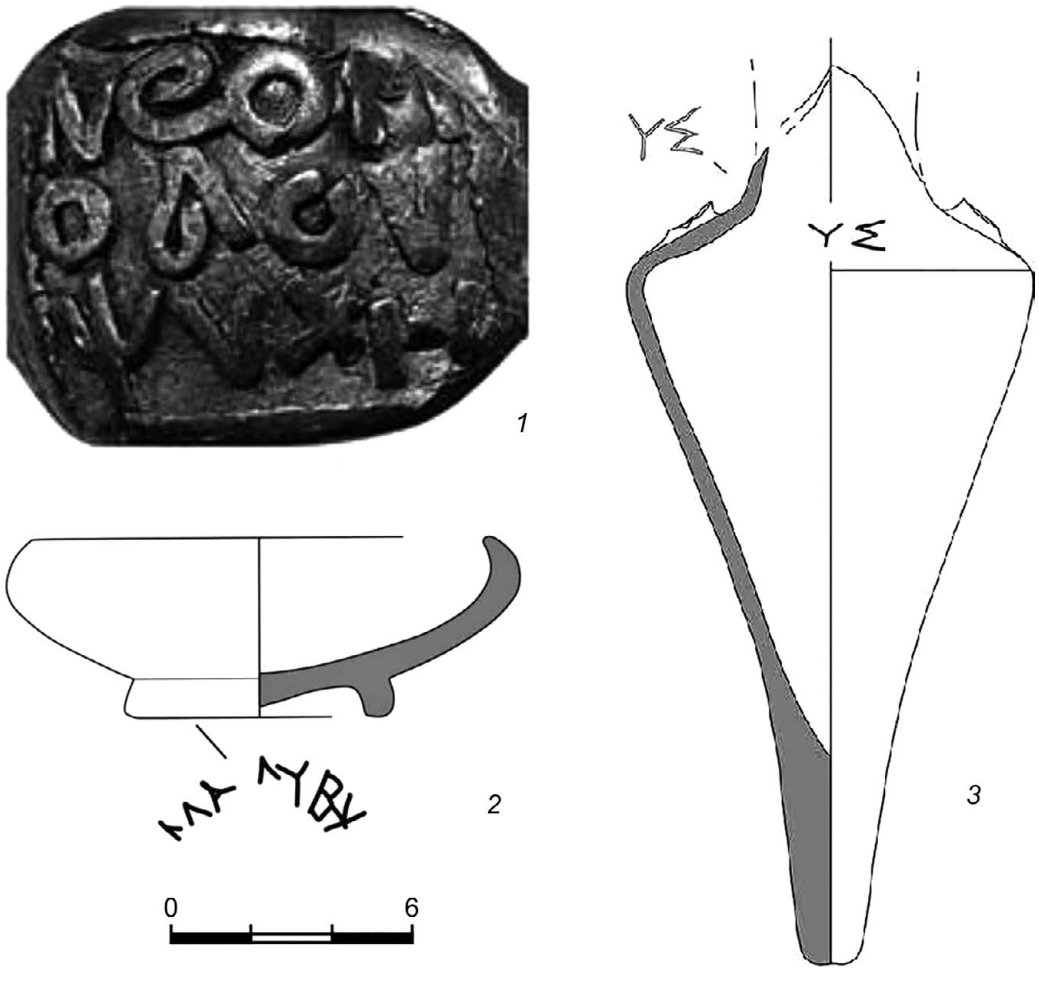

Рис. 3. Надписи № 136, 137, 139: *1*. Перстень Неориода (по: Ф. В. Шелов-Коведяев, 2025); *2*. Магическая надпись (по: В. Ю. Кононов, С. А. Кононова, 2025); *3*. Имя Ὕσ(τατος) (по: Г. А. Ломтадзе, С. В. Ольховский, 2025)

Не отрицая гипотетической возможности омофонной переклички эпиклезы божества с некими местными культами, я хотел бы ещё раз обратить внимание на то, что умножение сущностей обычно уводит в сторону от правильного понимания предмета. И понастаивать, что намного проще полагать, что Аполлон далеко не случайно был с опережением дан новой волне милетских колонистов именно *Врачевателем* – божеством, к которому сугубо в этом качестве следовало им обращаться за решением возникающих у них проблем.

Ведь хорошо известно, что новые переселенцы первоначально находились в неравных условиях с первопоселенцами, из-за чего между ними возникали конфликты. А уврачёвывать можно (и нужно) не только телесные, а и социальные недуги.

139. **О граффито из подводных раскопок у мыса Ак-Бурун**. В прошлом году Г. А. Ломтадзе и С. В. Ольховский [*Ломтадзе, Ольховский* 2025, 329, рис. 4. *7*] издали граффито ΥΣ

на плечике лесбосской амфоры (рис. 3. *3*). Если отбросить неуместные, в силу происхождения керамического носителя, дорийские (см. LGPN IIIa) и варварские (южно-малоазийские – см. LGPN Vb) антропонимы, то наиболее логичным для тары с острова Лесбос представляется встречающееся на островах Эгейского моря (см. LGPN I) ЛИ Ὕστατος (ср. русское «поскрёбыш») – как имя отправителя товара.

140. **О дате энкомия из Пантикапея**. Недавно В. В. Панченко [*Панченко* 2025, 201–208] вернулся к вопросу о датировке laudatio funebris, впервые опубликованной post mortem Ю. Г. Виноградова [*Виноградов, Шестаков* 2005, 42–44]. Изучив многочисленные письменные, нумизматические и археологические источники, он принимает предложенную первоиздателями и поддержанную С. Ю. Сапрыкиным [*Сапрыкин* 2005, 45–81; *Сапрыкин, Парфёнов* 2012, 163–182] датировку временем правления Савромата I (93–123 гг. от Р. Х.).

Вывод совершенно справедливый. Попутно В. В. Панченко аргументированно развенчивает умозрительные конструкции Г. Бауэрсока и К. Джоунза [*Bowersock, Jones* 2006, 117–128] об эпохе Савромата II (173–210 гг.) и фантазию А. И. Иванчика [*Иванчик* 2013, 59–77] о Савромате III (229–231 гг.).

141. **О жертвенном столе из раскопок городища Артезиан**. В 2025 году С. Ю. Сапрыкин [*Сапрыкин, Винокуров* 2025, 391–410] опубликовал *по фотографии* (что совершенно недопустимо при отсутствии у издателя главного на все времена навыка – достаточной *насмотренности* надписей), как он выражается, стол-трапезу (у него выходит кентавр вроде «масло масляное»). Точнее же надо говорить о большом орнаментированном фрагменте жертвенного стола. Неоднократно проведённые мною *очные* ознакомления с этим предметом не выявили ничего, кроме следов работы каменщика его инструментами.

Тем не менее, Сергей Юрьевич вычитал из технических отметин какие-то, якобы, «надписи» – да ещё «раннюю» и «позднюю» [*Сапрыкин, Винокуров* 2025, 397–410]. Мне остаётся только повторить, что *ничего подобного на крышке стола и в помине нет*. А потому «чтения» и сделанные из них «исторические выводы» суть не более, чем вводящие читателя в заблуждение иллюзии публикатора. Увы, в науку оказалась вброшена (не без опоры ли на искусственный интеллект?) крайне опасная, вредная и неумелая поделка.

142. **О надписи на плите с тамгами**. Тогда же и там же [*Сапрыкин, Винокуров* 2025, 411–416] С. Ю. Сапрыкин «перечитал», весьма небрежно цитируя вашего покорного слугу и попутно приписывая (что легко установить путём сличения текстов) себе мои выводы: изученную мною *de visu* и опубликованную [*Шелов-Коведяев* 2023, 79–89] строительную надпись, оставленную группой лиц с царевичем Савроматом во главе.

Излишне повторять, что сам памятник он ни разу не видел, целиком передоверившись современным технологиям фотографии, которые способны превратить изъяны камня в подобие графем. (Создаётся впечатление, что, стремясь поразить читателя своей осведомлённостью, он не всегда понимает, о чём пишет: в самом деле, при чём тут некие «лучи», – эффективные лишь при работе с деревом, металлом или палимпсестом, – 3D модели и т. п. для нашей надписи?). А оттого ни его «прочтение», ни сделанные на его основе умозаключения не имеют ни никакого отношения к реальности, ни смысла, ни значения.

143. **О возможно новой огласовке известного на Боспоре имени**. В позапрошлом году А. А. Супренков [*Супренков* 2024, 173; 179, рис. 4. *1*] ввёл в оборот найденный в Нимфее

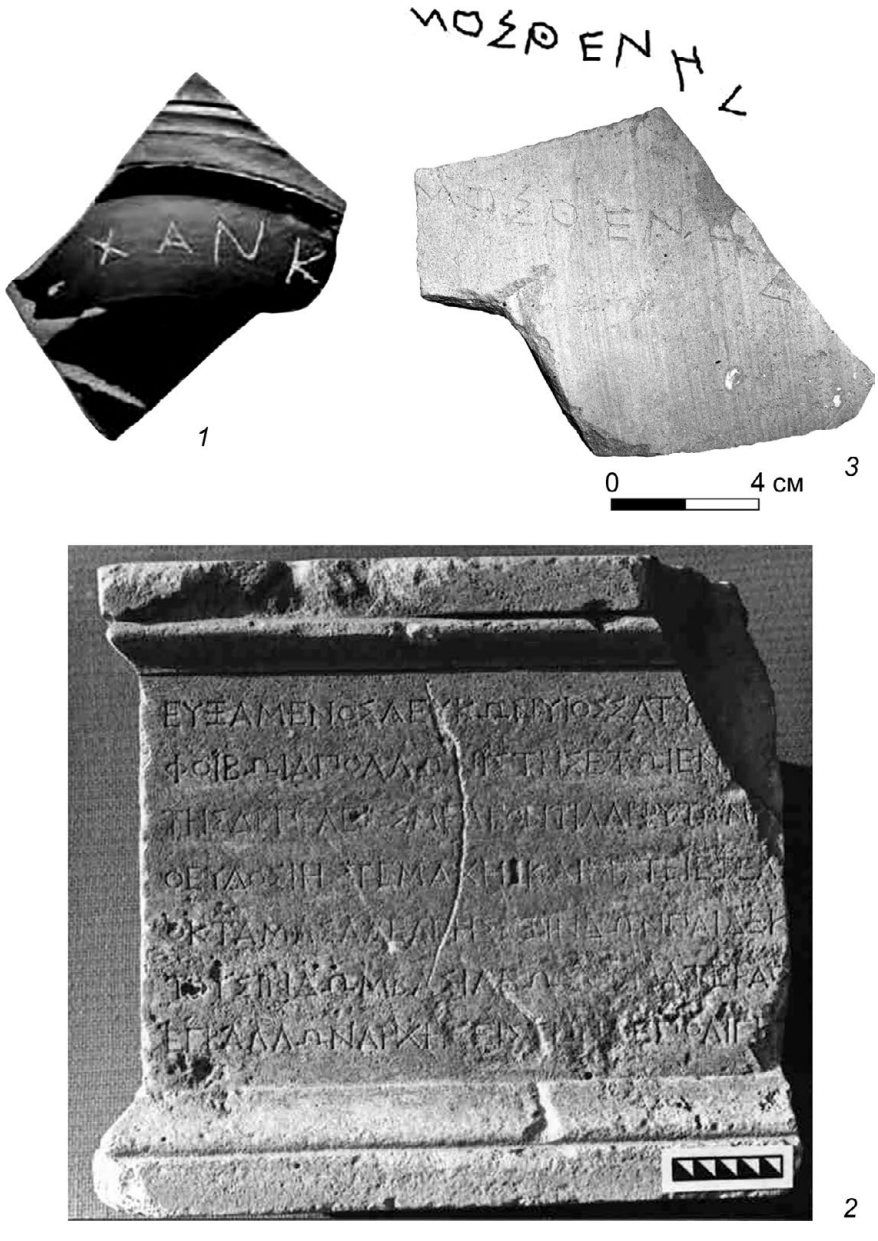

Рис. 4. Надписи № 143, 145, 146: *1*. Граффито Ханики (по: А. А. Супренков, 2024); *2*. Вотив Левкона из Лабриса (по: С. Р. Тохтасьев, 2004); *3*. Имя Демосфен (по: Н. Б. Чурекова, 2025)

фрагмент чернолакового аттического килика 430–420 гг. до Р. Х. с частично сохранившимся на внешней стороне донца граффито ΧΑΝΚ[-] (см. мой рис. 4. *1*). В этой связи вспоминается женское имя Χανίκα из пантикапейского надгробия (КБН 442) I в. от Р. Х.

Учитывая уже начавшийся на заре христианской эры и активнее шедший на эллинской периферии процесс *итацизма*, вполне возможно, что исходная форма этого АН была – Χανύκα. Тогда Нимфей дарит нам, благодаря названию литеры N

в древнегреческом – *ню*, – классический пример abbreviated Writing [*Wachter* 1991, 49–80], где Χανκ[-] следует читать как Χαν(ύ)κ[ας/ης].

144. Ещё раз о понимании формы ἄρχων в титулатуре боспорских Спартокидов. В своей статье 2004 года С. Р. Тохтасьев [*Тохтасьев* 2004, 150–151, прим. 26], сердито полемизируя со мной, утверждал, что я довожу правильную позицию Ю. Г. Виноградова о значении ἄρχων «боспорских надписей» до (цитата) абсурда, поскольку предлагаю переводить его как «правящий» или «правитель». Используя эпиграфику в качестве сырья для лингвистических выкладок и приведя в этой связи ситуативную подборку ряда надписей Боспора и за его пределами, он сначала постулирует, что в причастии ἄρχων в конечном итоге заключён субстантив ὁ ἄρχων, как в βασιλεύων – ὁ βασιλεύς.

Но взглянем на проблему исторически: ведь «архонт» – сугубо научный конструкт Нового времени, позволяющий избежать многословных определений. Так кто такой ὁ ἄρχων в классических античных демократиях, к примеру, афинской? Избранный на год полисный магистрат (мы бы сейчас сказали: муниципальный администратор). А кто есть магистрат, magistratus (то же и administrator), исходя из семантики латинского языка? Правильно, – начальник, управленец. То есть, – правящий, правитель. Всё понятно и не допускает разночтений. Можно бы поставить точку. Таковы реалии.

Однако С. Р. Тохтасьева увлёк сугубо филологический подход. А потому он запутался сам и запутал всех, когда написал, что ἄρχων «формально остаётся причастием при любой трактовке» (то есть, всё ж таки, не ὁ ἄρχων? – *Ф.Ш-К.*), а перевод «правитель», пусть и недостаточно терминологичен (почему – не объясняется), но удобен (только что утверждалось, что абсурден!) как общее обозначение (выходит чистейший *оксюморон*: «правитель» не подходит потому, что … удобен). И, наконец, неожиданно признал, что ἄρχων Σικελίας применительно к Дионисию Старшему значит «предводитель Сицилии», а ἄρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης – «предводитель живущих там эллинов».

И чем «предводитель» лучше «правителя»? Ничем. Тому же Дионисию в ипостаси ἄρχων Σικελίας метафорически, но, исходя из размера его державы, вполне подходит и определение «правитель Сицилии». Ведь ἄρχων Перисад в КБН 113 признаётся же С. Р. Тохтасьевым [*Тохтасьев* 2004, 150, прим. 25] *правителем* от Кавказских до Таврических гор, а Павсаний в качестве ἄρχων Ἑλλάδος – вождём [*Тохтасьев* 2004, 152] или предводителем [*Тохтасьев* 2004, прим. 28] Эллады. Для полноты картины сюда нужно добавить и КБН 1046, где Динамия называет своего благодетеля императора Августа ἄρχων всей земли и всего моря (натурально, – *правителем*).

Наконец, Сергей Ремирович сделал ничем не предвещавшийся вывод, что наиболее подходящим остаётся, несмотря на, как он сам отмечает, *неуместные полисные* коннотации, перевод «архонт» [*Тохтасьев* 2004, 150–151, прим. 26]. Вот и пойми: то «правитель» удобен, то чем-то лучше «предводитель», то снова «архонт». И тут же он [*Тохтасьев* 2004, 157] вовсе уж странно, не пожалев тех своих читателей, кто недостаточно владеют древнегреческим языком, именует Левкона надписи Теопропида Мегаклова из Нимфея архонтом всей Синдики, дандариев и псессов!

Впрочем, данный итог нужен ему, чтобы обосновать свою реконструкцию посвятительной надписи Левкона с Семибратнего городища, где он, совершив очередной разворот, предложил читать в ст. 3–4 В[οσπόρῡ ἄρχων]/Θεοδοσίης τε как деепричастный оборот

«правя Боспором и Феодосией». Чем окончательно выбил почву из-под своих предыдущих утверждений. Ибо раз деепричастие – «правя», то причастие же – «правящий»!

Из тезисов С. Р. Тохтасьева со всею очевидностью следует только одно: перевод ἄρχων «архонт», как раз, никуда не годится. А вот «правящий», «правитель», на худой конец – «предводитель» или «вождь», – наоборот, абсолютно правилен.

145. **О посвящении Левкона из Лабриса** (рис. 4. *2*). Тогда же [*Тохтасьев* 2004, 144–156] С. Р. Тохтасьеву не удалось сделать выбор между своими крайними оценками понимания вотива Аполлону Фебу на постаменте его несохранившейся статуи с Семибратнего городища. Он то настаивает на своём приоритете всегда и во всём, то [*Тохтасьев* 2004, 146] робеет хорошо обоснованных Ю. Г. Виноградовым и им самим дополнений двух последних строк. То признаёт сочинение неизвестного автора за малым не шедевром [*Тохтасьев* 2004, 147 и прим. 11; 148; 152; 155], то (нередко на одной и той же странице) отказывает ему в достаточной искушённости [*Тохтасьев* 2004, 147 и прим. 14; 154, прим. 38; 155]. То настаивает, что в конце стк. 2 после предлога ἐν может быть только *лямбда* [*Тохтасьев* 2004, 145–146] (хотя на камне остался лишь обрывок нижнего окончания наклонной линии), то пишет, что это могла бы быть и *мю* [*Тохтасьев* 2004, 147] от датива мн. ч. ЭН меотов, который он отвергает под предлогом того, что синдов никогда не числили среди меотских племён.

До Левконова посвящения так оно и было. Но вот *в эпиграфике* появилась возможность филиации двух этнонимов. И, наверное, не стоило бы горячиться. Ведь нам не дано знать лучше местного сочинителя, *как* пользоваться номенклатурой названий боспорских туземцев. Тем более, что в поэзии переносные значения – обычное дело (да и матримониальные связи синдов и меотов нашли своё отражение в письменной традиции). Впрочем, меоты – лишь одна из возможностей, для меня не основная.

Один из вариантов реконструкции Ю. Г. Виноградовым конца первого стиха – Σάτυρ᾽ εἰκόνα τήνδε – голым росчерком пера (ср. об элизии [*Schwyzer* 1977, 395, 397, 398, 401–404, особенно 403]) отправляется в невозможную элизию [*Тохтасьев* 2004, 146]. Но не придаётся значения бросающемуся в глаза *hiatus* в дополнении Βοσπόρῡ ἄρχων [*Тохтасьев* 2004, 145].

Меня он успел в одной и той же сноске как обвинить в незнании элементарной терминологии, так и процитировать мой текст, из которого следует, что она мне известна [*Тохтасьев* 2004, 147, прим. 11]. То жёстко указывает, что только согласный после ἐν создаёт позицию [*Тохтасьев* 2004, 146], то признаёт возможность продления ἐν в εἰν [*Тохтасьев* 2004, 147, прим. 11] и, в конце концов, соглашается с тем, что и знаменитые мастера древнегреческой поэзии могли *ad hoc* чередовать в одном и том же слове количество слога [*Тохтасьев* 2004, 149, прим. 21].

В результате большинство его претензий ко многим первоначальным предложениям Ю. Г. Виноградова не могут устоять. Так, дополнение Юрием Германовичем стк. 3 – В[οσπόρῡ ἐχθροὺς] (я предпочитаю иную лексему того же значения) реабилитируется добавлением союза τ᾽ после ἐξελ[άσας] в стк. 4. К тому же оно лучше соответствует известной из других источников обстановке на Боспоре в правление Левкона. А страдающее формализмом В[οσπόρῡ ἄρχων] С. Р. Тохтасьева (такого рода заимствования совсем иного типа формул не имеют параллелей в эпиграфике) вряд ли может быть

и *исторически* оправдано. В самом деле, *зачем и кому* нужно было тирану сообщать самоочевидное: что он в то время правил Боспором и Феодосией? Другое дело – датировки вотивов его подданных. Но: тут – иной случай.

Возражения же против реконструкции ἐν Ἀ[σίηι] снимаются обычным, известным с Гомера, продлением ἐν → εἰν. А оборот μάχηι καὶ κράτει надо понимать как ἓν διὰ δίς и переводить соответственно.

Поэтому я считаю обоснованным базирующееся на интуициях Ю. Г. Виноградова чтение, сохранившее информацию об утверждении Левкона на Азиатском Боспоре:

Εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ'[εἰκόνα τήνδε?]
Φοίβωι Ἀπόλλωνι στῆσε τῶι ἐν Ἀ[σίηι]
τῆς δε πόλεως μεδέοντι Λαβρυτῶμ, Β[οσπόρῶ δύσνους]
Θευδοσίης τε μάχηι καὶ κράτει ἐξελ[άσας τ']
Ὀκταμασάδεα γῆς ἐΞίνδων παῖδ' Ἐκ[αταίῶ?]
τοῦ Σίνδωμ βασιλέως, ὃς πατέρα ο[ἰκηΐης?]
ἐγβάλλων ἀρχῆς εἰς τήνδε πόλιγ κ[ατέθρεξεν?]

App. crit. Ст. 1: *vel* Σατυρ[ῶ τοδ' ἄγαλμα]; ст. 2: ἐν при скандировании стиха продлевается в εἰν; ст. 3: *vel* δυσμενοὺς – возможность субстантивирования прилагательного δύσνους подтверждается аналогией использования δυσμενής в качестве имени существительного (LSJ s. v.: применение последнего в данном случае создало бы проблему для гекзаметра, чего при несохранившемся тексте лучше избежать); кроме того, упоминание злоумышлявших против династии полностью соответствует боспорской действительности в правление Сатира и начальные годы Левкона: достаточно вспомнить известное из источников базирование антиспартокидовской оппозиции в Феодосии.

Перевод: «Исполнив обет, Левкон сын Сатира поставил (вот эту статую) Фебу Аполлону в А(зии) – покровителю сего полиса лабритян, – изгнав военной силой (злоумышленников) из Б(оспора) и Феодосии, а из земли синдов Октамасада сына Гек(атея), царя синдов, который, лишая отца (его) власти, н(апал) на сей город».

Окончание стихотворения (последний пентаметр или ещё дистихи), завершающее или продолжающее рассказ о деяниях Левкона, могло находится на снесённой плугом правой грани базы.

146. **Об имени Демосфена из раскопок на Тамани**. Недавно Н. Б. Чурекова [*Чурекова* 2025, 286; 292, рис. 3. *4*] опубликовала обломок амфоры с граффито Δη]μοσθένης (рис. 4. *3*). Благодаря её любезности, я осмотрел артефакт и подтверждаю её чтение. Остракон для остракизма в данном случае исключён в силу характера поселения и его удалённости от Гермонассы.

Очевидно, это имя отправителя товара. Несмотря на документированные античной традицией связи знаменитого оратора с Боспором, перед нами его тёзка: ведь комплекс ямы № 15, откуда происходит фрагмент, датируется третьей четвертью V в. до Р. Х. Однако примечателен сам благородный характер имени, показывающий наличие аристократических связей «археанактидовского» или раннеспартокидовского Боспора.

147. **О керченских новоделах**. В 2024 году С. А. Шестаков [*Шестаков* 2024, 165–174] издал интересную подборку плакеток (часть из них – с неумелыми надписями), изготовленных

керченским мастером на рубеже XIX–XX веков в духе, по определению публикатора, исторической этнографии. Коллекция и особенно выводы автора по её поводу поучительны как его предостережение (за которое ему надо быть благодарным) от производства и распространения разного рода фальшивок, да и доверчивого отношения к ним.

148. **О времени нанесения тамг**. В прошлом году С. А. Яценко [*Яценко* 2025, 319–321] выпустил небольшую заметку о тамгах на каменных плитах из Пантикапея. Он пришёл к выводу, что в большинстве случаев знаки ставились одновременно с нанесением надписей. Это наблюдение важно для понимания особенностей памятника, обсуждавшегося под № 142.

Список литературы

Б*ехтер* А. П. 2025. Эпиграфические материалы из раскопок поселения Стрелка 2 в 2012–2016 гг. // ДБ. 30, 40–47.

Бонин А. В. 2025. Новый винодельческий комплекс на Ильичевском поселении // ДБ. 30, 48–61.

Е*горова* Т. В., *Ильяшенко* С. М. 2025. Новые данные о «Западном пригороде» Танаиса // ДБ. 30, 124–148.

З*авойкина* Н. В. 2022. Новые надписи из раскопок Фанагории // Hyanis. 4, 107–122.

Завойкина Н. В. 2024. Новые материалы по истории Фанагории первых веков н. э. // Hyanis. 6, 187–198.

И*ванчик* А. И. 2013. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 1, 59–77.

К*ононов* В. Ю., *Кононова* С. А. 2025 Курганная группа на юго-западной окраине мкрн. «Солдатская слободка» в г. Керчи (предварительный обзор по итогам раскопок 2022 г.) // ДБ. 30, 289–322.

Л*азаренко* В. Г. 2022. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск решений. Часть 3. Культовое предназначение монет-стрелок. Раздел 2. Какова природа Аполлона Врача, и к какому культу надлежит отнести монеты-стрелки (монеты-копья) // Новый Гермес. XIV/1, 20–72.

Ломтадзе Г. А., *Ольховский* С. В. 2025. Амфорная тара второй половины VI–V вв. до н. э. из подводных раскопок у мыса Ак Бурун // ДБ. 30, 323–331.

П*анченко* В. В. 2025. К вопросу о херсонесско-боспорских отношениях конца I в. н. э. – первой трети II в. н. э. в свете данных энкомия из Пантикапея // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 201–208.

С*апрыкин* С. Ю. 2005. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II вв. н. э. // ВДИ. 2, 45–81.

Сапрыкин С. Ю., *Масленников* А. А. 2007. Граффити и дипинти из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье // ДБ. 28, 142–165.

Сапрыкин С. Ю., *Парфёнов* В. Н. 2012. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? // ВДИ. 1, 163–182.

Сапрыкин С. Ю., *Винокуров* Н. И. 2025. Стол-трапеза и греческие надписи из поселения Артезиан на Европейском Боспоре // ДБ. 30, 391–421.

Супренков А. А. 2024. Раскопки на юго-западном пригороде Нимфея в 2022 г. Хронология археологического материала // Археология и история Боспора. Сб. научных статей Всероссийской научно-практической конференции к 150-летию со дня рождения Ю. Ю. Марти. Симферополь, 172–182.

Т*охтасьев* С. Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 3, 144–180.

Тохтасьев С. Р. 2015. Надписи на перстнях, содержащие слова ΧΑΡΑ и ΨΥΧΗ // Золото Фанагории (Фанагория. Результаты археологических исследований. 2.). М., 202–207.

Ч*урекова* Н. Б. 2025. Комплексы с амфорами позднеархаического и раннеклассического времени с Поселения-3 у станицы Тамань // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты (Боспорские чтения. XXVI). М., 284–292.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 2019. Остраконы Азиатского Боспора // Stratum Plus. 6, 211–219.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2019а. Аполлон ΙΗΤΡΟΣ и Артемида Пифийская: О двух культах милетских апойкий Причерноморья // МАСП. 14, 216–224.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2023. Новое имя в сарматской династии Боспора? // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 79–89.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2025. Об имени на одном из золотых перстней из Фанагории // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты (Боспорские чтения. XXVI). М., 293–295.

Шестаков С. А. 2024. Резные поделки из камня // Археология и история Боспора. Результаты новейших исследований памятников Боспорского царства. Симферополь, 165–174.

Я*ценко* С. А. 2025. Сарматы в боспорской столице: коллекция тамг на каменных плитах // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 319–321.

B*owersock* G. W., *Jones* C. P. 2006. A new Inscription from Panticapaeum // ZPE. 156, 117–128.

M*aier* F. G. Griechische Mauerbauinschriften. Teil. 1. Heidelberg, 1959.

S*chwyzer* E. 1977. Griechische Grammatik. 5, unveränd. Aufl. 1. Bd. München.

W*achter* R. 1991. Abbreviated Writing // Kadmos. XXX, 49–80.

Summary

F. V. Shelov-Kovedyayev

De titulis Bosporanis et viciniis X

The paper continues a series of notes on previously published Bosporan inscriptions. This time, a lot of attention is paid to onomastics (Nos. 122, 124, 127, 129, 131, 135–137, 139, 143, 146), including new names, and all kinds of marks on ceramics (Nos. 123, 125–126, 128). Readings of a number of inscriptions from the Phanagoria (No. 130–136) are traditionally corrected. In a number of notes related to S.Y. Saprykin (No. 123, 141–142), the question of professionalism and responsibility of the publisher and interpreter of stones is sharply raised. In No. 124 is proposed to read the name Θύϊος, Θυΐων, etc. In No. 127 – to consider the reading of PN, starting with Θαλ~, and in No. 128 – Ἱεροθέοχος. On the flap of the Golden ring of Phanagoria, it is preferable to read – Νεοριόδου ψυχή, and in No. 139 – Ὕσ(τατος). The name of Demosthenes (No. 146) on one of the ancient amphorae from the Taman' district shows the aristocratic relations of the early Bosporus. The graffiti XANK[-] obviously gives an example of «abbreviated Writing» of Χαν(ύ)κ[ας/ης]. It is logical to supplement the dating by the year of the reign of King Rhescuporides (No. 132) with the element μεγάλου. The correct restoration of the building inscription of King Rhescuporides III (No. 133) should be as follows: [ὁ ἐκ προγόνων βασιλέων μέγας]/ [βασιλεὺς Τιβέριος Ἰούλιος Ῥησ]-/ κο[ύποριϛ φιλοκαίσαρ καὶ φιλορώμαιος,]/ εὐσεβή[ϛ, τὰ τείχη καὶ τοὺς πύργους]/ καὶ τοὺς λιθ[ίνους προμάχους περὶ πύρ]-/ γους ἐκ θ[εμελίων πολέμῳ καταφθα]-/ ρέντ[α ἀνοικοδόμησεν κτλ.]. The correct calculation of the string length and gaps by the publisher is noted in No. 134. No. 135 is an epitaph given by wife to her deceased husband. No. 137 (ΜΑΛΥΒΨ) is most likely a defensive magical abracadabra. No. 138 draws attention to the fact that Apollo in the image of Ἰητρός should be understood precisely as a healer, called upon to cure some social ills. No. 140 supports the dating of the famous encomium from Panticapaeum to the time of the reign of King Sauromates I. Nos. 141–142 shows the inadmissibility of S.Y. Saprykin's drawing from photographs the entities that do not exist in reality (cf. No. 130). In this regard, the correct conclusions about the unacceptability of fakes are supported (No. 147). No. 144 shows that S.R. Tokhtasyev's confused argumentation leads him away from a correct understanding of the form ἄρχων in the titulature of the Bosporan Spartokids as the participle «ruling». No. 145 provides the correct reading of the well-known Leucon votive from Labrys. No. 148 draws attention to the important conclusion of S.A. Yatsenko about the synchronicity of the application of Greek inscriptions and Sarmatian tamgas.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.314-335

В. П. Яйленко
(независимый исследователь, г. Москва)

Намогильные стелы с рельефами I в. до н. э. – II в. н. э. с некрополя Кыз-аул в Восточном Крыму: необычный для Боспора изобразительный ряд и геометрическая абстракция авангарда

С предуведомлением о своем глубочайшем респекте к Керченскому музею (ныне ВКИКМЗ), заслуженно празднующему 200-летие[1].

В разные годы на Кыз-аульском некрополе найдено 7 анэпиграфных надгробий первых веков н. э., из них 6 с рельефами, среди которых 1 типовой для боспорской кладбищенской скульптуры, 1 необычный, ориентированный на вотивы «фракийского Героса», 5 из числа так называемых антропоморфов; один из них статуарный и совсем примитивный, таких много на Боспоре, а 4 рельефа составляют совершенно необычную группу работы одного мастера, который исповедовал абстрактно-геометрический художественный язык[2].

I. Изобразительные рельефы

1. Типовой рельеф, найденный С. С. Бессоновой.

Данные о рельефе изложены в «Дневнике археологических обследований и разведок» С. С. Бессоновой, хранящемся в архиве Киевского историко-археологического

[1] В этом музее я состоялся как эпиграфист – в 1970-х пересмотрел около 4 сотен камней с надписями для уточнения их текстологии, конечным результатом стала книга «Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э.» (М., 2010, 739 с.). Подробно написал об этом в кн. «Боспорские чтения» (М., 2026), посвященной юбилею музея. Но еще раньше, в 1965 г., сделал в музее первые шаги как искусствовед, разъясню это обстоятельство. В 1966 г. я окончил истфак МГУ по двум специальностям – история изобразительного искусства и история древнего мира. Как искусствовед написал дипломную работу «Керченская церковь Иоанна Предтечи в контексте средневизантийской архитектуры». Тогда церковь принадлежала музею (в частности, в ее приделе середины XIX в. располагался лапидарий, в котором я дневал, а бывало и ночевал в 1970-х). Дирекция музея любезно разрешила мне обследовать церковь, я даже заложил в интерьере на стене шурф. Свой служебный путь закончил в 2001–2013 гг. профессором факультета искусств МГУ, где читал годовые лекционные курсы по искусству древнего мира, Византии и западноевропейского XIX в.

[2] Идея издать надписи и рельефы с некрополя Кыз-аул принадлежит Д. В. Бейлину (см. здесь следующую статью В. П. Яйленко, Д. В. Бейлина). Из его, также П. П. Гецко, А. А. Труфанова, И. В. Рукавишниковой, раскопок происходят найденная в 2019 г. стела с рельефом фракийского типа (рис. 1. *1*а – его фото фрагмента стелы) и в 2024 г. стела с антропоморфным рельефом (рис. 3. *1*). Чрезвычайная ему благодарность. Огромную помощь в работе с рельефами оказала мне Н. Л. Кучеревская, любезно приславшая ряд фотографий и выкопировки из своих книг-каталогов, где они изданы с выходными данными. Сердечная ей благодарность. Анализирую рельеф № 2 археологически, торсы № 1–4 также с искусствоведческой точки зрения.

Рис. 1. Рельеф фракийского типа: *1* – фото Н. Л. Кучеревской (из фондов ВКИКМЗ); *1а* – фото Д. В. Бейлина

музея. Оттуда В. Н. Корпусова [1980, 145] извлекла следующее описание этого известнякового надгробия: «Оно сильно выветрено, разбито на две части, верхняя часть стелы не сохранилась. Размеры: 110×40×13 см. Надгробие прямоугольное с выступом (19×26 см) у основания для крепления плиты на пьедестале. В нижней части выступа просверлено два узких круглых отверстия глубиной 4 см, расстояние между ними 16 см. На стеле в неглубокой рамке изображена сидящая в кресле женщина, повернутая вправо. На ее голове – остроконечный убор, под ноги поставлена скамеечка. За женской фигурой стоит служанка с пиксидой. Сюжет рельефа известен на Боспоре; композиционно описываемый рельеф близок к стеле Феофилы, жены Мокка, датируемой II в. н. э.»[3]. Тогда стела хранилась в Киевском историко-археологическом музее.

2. Рельеф типа «фракийского всадника» с уникальным изображением супружеской четы поздних крымских скифов.

Стела известняковая, трехчастная – верх трактован в виде антаблемента, под ним рельеф, а нижняя часть, скорее всего с надписью, утрачена, общие размеры 85×62×20 см (рис. 1. *1*, *1а*). Найдена в 2019 г. раскопками Д. В. Бейлина, П. П. Гецко сотоварищи на некрополе, хранится в лапидарии ВКИКМЗ, инв. КЛ-2930. Верхняя часть мыслится антаблементом ордерной эдикулы, она состоит из карниза, ограниченного снизу валиком, под ним следует фриз с тремя розетками, он продолжается и на боковых сторонах стелы, тут по одной розетке (на левой стороне часть фриза и розетка утрачены). Подобного рода обработка верха стелы характерна для надгробных памятников, в том числе боспорских, она имитирует намогильную эдикулу. Это указывает на надгробный характер стелы, так

[3] Стела Феофилы – это КБН-альбом, 933.

что под рельефом определенно была начертана эпитафия. Рельеф выемчатый, справа и слева бордюры; поскольку задние ноги лошади сохранились наполовину, снизу утрата рельефа незначительна. Изображены конь со всадником, стремительно движущийся вправо, у левой филенки стоящая фронтально женская фигура. Всадник дан в сильном развороте вправо, на нем штаны, кафтан, поверх которого надет кожаный нагрудный панцирь[4]; на плечах повязан плащ, развивающийся за спиной на ветру от быстрого бега коня. Правая рука всадника с мечом сильно отнесена назад кверху; лицо частью сбито, но видны его шевелюра, борода, на голове войлочный конусовидно удлиненный колпак.

Хотя нижняя часть задних ног коня не сохранилась, без сомнения, они упираются в землю позади женской фигуры (изображения боспорских всадников на стелах показывают, что тут как раз и заканчивался низ рельефа); передняя пара ног поднята на скаку, голова приподнята. Меж крупом коня и левым бордюром стелы втиснута фигура стоящей в рост женщины, наглухо задрапированная в хитон крупной шерстяной вязки. По контрасту голова ее трактована мягко – миловидное округлое лицо, волосы средней длины ниспадают на плечи. Стоит она прямо, но голову склонила книзу, и понятно, что к земле, в которой упокоился всадник; как увидим далее, ее супруг, так что уточним – голова ее горестно склонена, и добавим, с легким поворотом влево, в его сторону. Правая рука прижата к груди, которая не выразительна, так что женщина молода, в левой руке ритон для поминального возлияния. Это оригинальное свойство Кыз-аульского рельефа, ибо на боспорских всаднических стелах у женщин нет ритона, либо иного сосуда для питья или возлияния. Ритон или чаша для питья/возлияния в женской руке присущи изображениям всадников кочевых народов на изделиях из курганов – на ритоне из Мерджан близ Анапы, на диадеме из Карагодеуашха в Прикубанье, бляшках из Куль-Обы, Чертомлыка и др., также склепа Анфестерия в Пантикапее [*Емец* 2002, 70–81, лит.; *Яйленко* 2020, 158–160, лит.]. На боспорских всаднических рельефах все женщины сидят, лишь одна стоит[5].

О больших художественных достоинствах Кыз-аульского рельефа речи нет – он того же посредственного исполнения, как и основная масса боспорской кладбищенской скульптуры. Но он чрезвычайно интересен тем, что не вписывается в ее обычную схему всаднических изображений с женщиной. Проще сказать, что у него нет почти ничего, что свойственно таким боспорским рельефам[6]. Две новации мы уже отметили (женщина стоит, в руке ее ритон), но главное, что сразу бросается в глаза – ярко выраженный динамизм движения коня и всадника. Из 83 изображений всадников КБН-альбома на 71 конь спокойно стоит[7], еще в 14 движение только обозначено – поднята

[4] Ср. тяжелый металлический панцирь, как у парфянского катафрактария, на надгробной стеле Трифона из Танаиса: КБН-альбом, 1238, II в. н. э.

[5] КБН-альбом, 614: справа от коня стоит жена, слева слуга, надпись: «Ка[лли?]ген да Хармосина, прощайте» (Пантикапей, I–II в. н. э.). Происхождение композиции неясно, необходим отдельный анализ.

[6] См. общую характеристику боспорских всаднических рельефов [*Масленников* 1990, 135 сл.]. Литература (М. И. Ростовцев, Н. Н. Британова, П. Д. Диатроптов, С. М. Крыкин и др.) об их происхождении, в том числе о соотношении их с фракийской, греческой и прочими традициями [*Щемелев* 2015, 206; *Емец* 2002, 70 сл.].

[7] № 78, 83, 84, 145, 267, 278, 307, 328, 332, 349, 352, 380, 384, 393, 408, 414, 423, 430, 438, 450, 453, 464, 478, 489, 490, 496, 502, 524, 528, 529, 539, 578, 584, 586,598, 612, 640, 651–653, 659, 679, 685, 689, 694, 699, 705, 738, 846, 882, 893,905, 906, 908, 830, 932, 960, 963, 1012, 1025, 1032, 1057, 1077, 1078, 1085, 1086, 1088, 1095, 1197, 1223, 1259. После издания КБН-альбома (2004 г.) был найден еще ряд рельефов со всадниками, в Артезиане, Горгиппии и др., но они нисколько не меняют общую картину, поэтому ограничиваемся этим обширным сводом иллюстраций.

передняя нога[8]. И лишь на 3 рельефах конь скачет/летит – КБН-альбом 491, 996, 1238 (все три I–II вв. н. э., Пантикапей, Фанагория, Танаис)[9]. Мотивацию такой композиции у авторов сих трех рельефов надо выяснять, но это задача не данной статьи, поскольку происхождение динамичного движения в Кыз-аульском рельефе определенно – оно позаимствовано с бесчисленных изображений так наз. «фракийского всадника» (он же «фракийский Герос», т. е. герой) на посвятительных рельефах Фракии римского времени. Здесь представлена картина, обратная боспорской: на сотнях рельефов конь мчится слева направо, часто по диагонали, реже изображается стоящий конь, обычно это адорация перед алтарем [*Michailov* 1958, № 534, 543 etc.][10]. Если на трех упомянутых динамичных боспорских рельефах пространство раздвинуто для движения, то фракийские всадники, как и Кыз-аульский, втиснуты в очень тесные рамки – пара задних ног упирается в левый бордюр, пара передних в правый [*ibid*., № 501, 531–533 etc.]. При этом динамизм картины непременно подчеркнут, как и у нас, развевающимся плащом всадника. Родство композиции становится бесспорным ввиду частого присутствия одной-двух женских фигур на фракийских рельефах[11]. Но там они нелогично стоят у правого края, кони упираются в них, чем гасится их движение; лишь в редких случаях женская фигура расположена слева от коня или одна женщина показана слева, вторая справа [*ibid*., № 753, 758]. И только на одном боспорском рельефе со всадником, как сказано, изображена стоящая женщина, остальные по-домашнему сидят. Из надписей на упомянутых фракийских рельефах явствует, что лишь три женские фигуры – изображения богинь Гигиеи, Афродиты, Артемиды [*ibid*., № 544, 569, 758], остальные – жены всадников, их мужья-то и поставили в святилищах «фракийского Героя» да названных богинь свои вотивы[12]. Это подтверждает, что и женщина Кыз-аульского рельефа – супруга всадника, но, как сказано, оформление верха стелы в виде фронтона намогильной эдикулы указывает на его надгробный характер.

Попытаемся выяснить, где Кыз-аульский мастер мог познакомиться с фракийскими рельефами «всадника Героя». На Боспоре фракийских памятников разного рода немного, они связаны с пребыванием солдат-фракийцев из римских вексилляций во II–III вв. н. э.[13] В их числе есть и рельеф с фракийским всадником, он неплохо

[8] № 294, 313, 370, 374, 514, 522, 537, 558, 597, 602,614, 809, 1000, 1080.

[9] На найденном в Нимфее весьма разрушенном надгробном рельефе всадник изображен с плеткой в поднятой правой руке, но, по справедливому заключению издательницы, неясно, стоит конь или движется; из фрагментарной надписи I–II в. н. э. явствует, что имя-отчество его греческое [*Павличенко* 2010/11, 405 сл. и рис. на с. 406], так что это произведение боспорской всаднической традиции на рельефах.

[10] Есть два корпуса изображений всадника [*Kazarov* 1938; *Gočeva*, *Oppermann* 1979; 1981; 1984], но для наших целей вполне достаточно фотографий и надписей в эпиграфическом корпусе Г. Михаилова. Надписи важны для понимания существа этих рельефов, в частности, позволяют избежать распространенного, но ошибочного мнения, что изображенные на рельефах женщины – богини, а всадник непременно Герос. Далее покажем, что на рельефах с одной женщиной это в основном супружеские пары.

[11] [*Michailov* 1958, № 530, 544, 545, 569, 578, 587, 750, 753, 757, 758; 1961, № 975, 977, 978, 1056, 1102, 1226, 1307, 1324, 1389, 1399, 1404, 1408, 1409, 1435, 1438–1441, 1534, 1540, 1542]. Характеристика части их [*Яйленко* 2010, 346–347].

[12] [*Michailov* 1958, № 1324]: «Тит Флавий Закудес при жизни себе посвятил и супруге» (т. е. посвятил за себя и супругу); № 1389: рельеф поставила по обету женщина по имени Анатрона; 1409: Александр посвятил «за себя и жену»; 1534: Флавий Сейт посвятил «вместе с женой и сыном».

[13] Мы собрали их [*Яйленко* 2017, 873–875]. О фракийских солдатах на Артезиане [*Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014, 142, 146, 158, 159].

исполнен, но представлен в статичном положении [*Яйленко* 2017, 871–873]. В Херсонесе, где фракийские отряды стояли тогда же, есть несколько рельефов с фракийским всадником, тоже статичным[14], но можно предположить, что Кыз-аульский мастер все же имел возможность познакомиться там и с динамичной версией рельефов такого типа. Догадку подкрепляет принадлежность Кыз-аульского всадника к поздним крымским скифам, на что указывает его колпак – конусовидный и удлиненный. На боспорских надгробных рельефах все мужи, в том числе пешие воины и всадники, отправляются в мир иной с непокрытой головой (это общегреческая традиция)[15]. Головной убор той формы, что у Кыз-аульского всадника, представлен на известных рельефах с одиночным и парными изображениями скифов I в. до н. э. – II в. н. э. из Неаполя Скифского [*Шульц* 1946, 45–47, рис. 20–22]. По этой аналогии относим Кыз-аульский рельеф к этому же времени. Под стать негреческому головному убору Кыз-аульского всадника и одеяние его молодой супруги. Выше мы определили его хитоном крупной шерстяной вязки по той причине, что мастер разработал ткань широкими полосами, которые обвивают по наклонной фигуру женщины от плеч донизу. На боспорских рельефах такой разработки женского одеяния нет[16]. Поскольку муж ее крымский скиф, логично думать, что и ее необычная для боспорских женщин одежда крымско-скифская. Как раз на позднескифском могильнике около с. Марьино в Западном Крыму найден рельеф с изображением всадника и женщины (рис. 2. *1*), датируемый II–III в. н. э. [*Шульц* 1963, 3–10]. Рельеф исполнен примитивно, это самоделка, вовсе не сравнимая с Кыз-аульским, и П. Н. Шульц правомерно искал параллели ему в изображениях фракийского всадника, тоже самодельных в основной своей массе. На Марьинском рельефе большая накидка и платье скифской женщины разработаны широкими полосами, он надгробный, как и Кыз-аульский, на что указывает надпись на нем: «Ямах, сын Сомаха, прощай» [*Яйленко* 2027, § 2][17]. Таким образом, принадлежность всадника и его жены

[14] [*Щеглов* 1969, 135–141, 153–156, 161 сл.; *Завойкина* 2011, 304–305]. Фракийский по происхождению и рельеф с Чайки с изображением всадника да женщины у алтаря; различие лишь в левой ориентации всадника, нечастой на фракийских рельефах (его характеристика и лит. [*Яйленко* 2020, 162–163]). Уж вовсе примитивен по исполнению скифский рельеф из Западного Крыма, у с. Поповки, с изображением всадника-охотника и двух женщин, которые изображены настолько плохо, что невозможно определить, кто они такие. Издавший рельеф П. Н. Шульц [1966, 280] напрасно счел их фантастическими существами, «сиренами»,– это крайне неумело исполненные женщины фракийских рельефов со всадником. Он счел его сарматским, но стилистически они вполне вписываются в череду столь же примитивных намогильных рельефов поздних скифов Крыма (о них [*Мелюкова* 1989, 134, 358, табл. 53]).

[15] Есть лишь одно необъяснимое исключение на пантикапейской стеле КБН 673 II в. н. э. с изображением семейной пары: на голове преклонных лет мужчины войлочный конусовидный колпак, его не видевший камня В. В. Латышев (IOSPE II, addenda, 94 *primus*) назвал пилосом (πῖλος, греческий головной убор). Это недоразумение, проще видеть на его голове войлочный шлем; ср. такой же конусовидной формы шлем на Трифоне (КБН 1238), где он явно металлический, поскольку оснащен всадник как катафрактарий.

[16] Лишь в двух случаях показан хитон крупной шерстяной вязки. Один на уже упомянутом уникальном всадническом рельефе КБН 614 со стоящей женщиной; может быть, и она, хоть с греческим именем Хармосина, крымская скифянка по происхождению. Другой случай – на рельефе КБН-альбом, 553 (I в. н. э., Пантикапей), но здесь вязка вертикальная и узкая, лишь плащ, ниспадающий с плеч, показан относительно широкими полосами вязки. И сей рельеф совершенно не ординарного боспорского типа – это поясное и крупномасштабное изображение женщины, данное в таком высоком рельефе, что она будто высовывается из рамки; левым локтем опирается на каменный алтарь, с другой стороны – мелкая фигурка служанки. Крупная вязка и хитонов туземных матрон на рельефе из святилища Генеральского Восточного [*Масленников* 2007, 132].

[17] На поселении Козырка близ Ольвии найден частично фрагментированный известняковый рельеф с изображением всадника вправо и мелкой женской фигуркой (ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913, 100–101). Это со-

Рис. 2. *1* – Рельеф из с. Марьино (фото [*Шульц* 1963, 4]); *2* – торс 1982 г.; *3* – торс 2005 г.; *4* – Торс 2006 г. (*2–4* – фото Н.Л. Кучеревской; из фондов ВКИКМЗ)

на Кыз-аульском рельефе к поздним крымским скифам определённа и можно заключить, что в числе насельников «Кыз-аульского городка» в I в. до н. э. – II в. н. э. (дата рельефа) были выходцы из этой иранской этнической среды.

Как видно, в оформлении стелы как архитектурной эдикулы Кыз-аульский мастер следовал за умельцами кладбищенской скульптуры Боспора, но только этим и ограничена связь его с боспорской и шире – общегреческой традицией, во всем остальном его изобразительный язык и инородный, и неоднородный. Главное в нем – сильный динамизм бега коня да разворота всадника, причем эта динамика как бы нарочито втиснута в крайне ограниченное бордюрами лицевое поле; столь же существенно присутствие стоящей женщины, – все это, как показано выше, заимствовано с вотивных рельефов фракийских всадников. Другая традиция крымско-скифская – головной убор всадника, стоящая женщина, разработка ее одеяния, ритон в руке. Из этих трех традиций и складывается неповторимая оригинальность рассмотренного Кыз-аульского рельефа.

II. Рельефы с «супрематическими» торсами, их эстетика. Семантика антропоморфа

В разные годы на Кыз-аульском некрополе найдено 5 анэпиграфных надгробий из числа так наз. антропоморфов. Четыре опубликовала Н. В. Молева [2012, 135–138], одно круглое (в скульптурном смысле, т. е. типа статуи), 3 рельефные. Круглое по исполнению примитивно; оно округло и по форме – объемно круглая голова положена прямо на круглый в сечении корпус (плечи, грудь). Издатель хорошо уловила наглядную фаллическую сущность этого «бюста» (отсюда явствует его мужской пол) [*Молева* 2012, 135, № 79][18]. Напротив, рельефные торсы (ниже, № 1–4) при всей своей простоте исполнены мастеровито и с чувством формы, что вводит их в число произведений пусть примитивного, но искусства.

1. Торс 1982 г. (рис. 2. *2*).

Из описаний [*Молева* 2012, 138, № 82; *Молева, Кучеревская* 2016, № 165], с нашими добавлениями. Прямоугольная плита из желтоватого мелкопористого известняка 70×35×8 см (инв. № КЛ-1633). Склеена из 2 фрагментов, целая, лишь справа вверху чуток оббита, лицевая поверхность повреждена сколами, потерта. Камень обработан тщательно, особенно на лицевой стороне (шлифовка). Верх округлый, внизу шип для вставки в постамент. Всю плоскость этой небольшой плиты занимает выемчатый неглубокий рельеф с изображением торса, по бокам и сверху оставлен бордюр, он сильно сбит. Голова круглая, покоится на длинной прямой шее, поставленной на узкую полоску прямых плеч, которые отделены от шипа небольшой горизонтальной выемкой. Из раскопок Кыз-аульского некрополя О. Д. Чевелёва 1982 г., найдена в перекрытии могилы № 61 I в. н. э.

всем примитивная поделка, не имеющий никакого отношения к ольвийской художественной традиции. Так как в третьей четверти I в. н. э. Ольвия выпускала золото от имени «царя Фарзоя», которого считали правителем крымских скифов или сармат [*Карышковский* 1988, 115], можно связывать сей рельеф с этой этнической средой. Имя Фарзой иранское [*Justi* 1895, 98].

[18] Ввиду полной примитивности не помещаем его в нижеследующую подборку.

2. Торс 2005 г. (*рис.* 2. *3*).

Из описаний [*Молева* 2012, 137, № 81; *Молева, Кучеревская* 2016, 190, № 163], с нашими добавлениями. Плита прямоугольная, известняковая, крупнопористая, с шипом для крепления в постамент, 89×36×10 см (инв. № КЛ-2349). Склеена из 2 фрагментов, полной сохранности, на поверхности потертости, сколы. Верхнюю половину плиты занимает плоский выемчатый рельеф, по бокам и сверху оставлен бордюр; изображена уплощенная по бокам голова на прямой шее; нижняя половина плиты оставлена без изображения, она естественно мыслится корпусом тела[19]. Случайная находка на Кыз-аульском некрополе, поставлена на учет в 2005 г.

3. Торс 2006 г. (рис. 2. *4*).

Из описаний [*Молева* 2012, 136, № 80; *Молева, Кучеревская* 2016, 191, № 164], с нашими добавлениями. Плита целая, прямоугольная, известняковая, крупнопористая, со скругленными верхними углами, в левом нижнем углу маленькая подрубка, имитирующая шип, 127×58×16,5 см (инв. № КЛ-2348). Камень хорошо обработан спереди и по бокам, оборотная сторона менее тщательно. Верхние 2/3 плиты занимает плоский выемчатый рельеф, по бокам и сверху оставлен бордюр; изображена уплощенная почти квадратная голова на прямой, высокой шее; нижняя треть плиты оставлена без изображения, она естественно мыслится корпусом тела. Случайная находка на Кыз-аульском некрополе, в 2006 г. передал во ВКИКМЗ Б. И. Бабич.

4. Торс 2024 г. (рис. 3. *1*).

Раскопки 2024 г. на некрополе, надгробная стела с этим рельефом найдена в склепе № 12 вместе со стелой сына Асатиса (о ней и о склепе см. статью В. П. Яйленко, Д. В. Бейлина в этом томе, раздел III, 1), обе стелы были вмонтированы в пол склепа. Это прямоугольная известняковая плита, обломана снизу, поверхность тщательно обработана, 93×50/54×12 см[20]. Изображение помещено внутри рамки-эдикулы, увенчанной треугольным фронтоном. Рельеф выемчатый, с изображением круглой головы на тонкой высокой шее. Плечи прямые, левое немного ниже правого.

5. Художественная аналитика торсов № 1–4.

Переходя к анализу этих четырех рельефов, прежде всего отметим их стилистическое и техническое единство (три стелы целые, № 4 обломана снизу). Все сделаны из плит местного известняка, более или менее близки по параметрам, одна и та же выемчатая техника рельефов, т. е. по абрису изображения известняк выбирается, одинаково оставлен бордюр по бокам и сверху. Выборка делается на верхней половине плиты или двух третях верха. Так как поверхность торсов и чистой поверхности плиты под ними заподлицо, чистая мыслится продолжением торса, его корпусом (исключая № 1). Близки

[19] В скульптуре, строго говоря, торсом называется изображение корпуса человеческого тела без конечностей и головы. Но, к примеру, «Шагающего» Огюста Родена называют торсом, хотя у него есть ноги. У наших изваяний есть голова, но нет рук да ног, поэтому можно называть их торсами.

[20] Н. Л. Кучеревская любезно прислала мне копию инвентарной карточки этой стелы, из которой заимствую выходные данные.

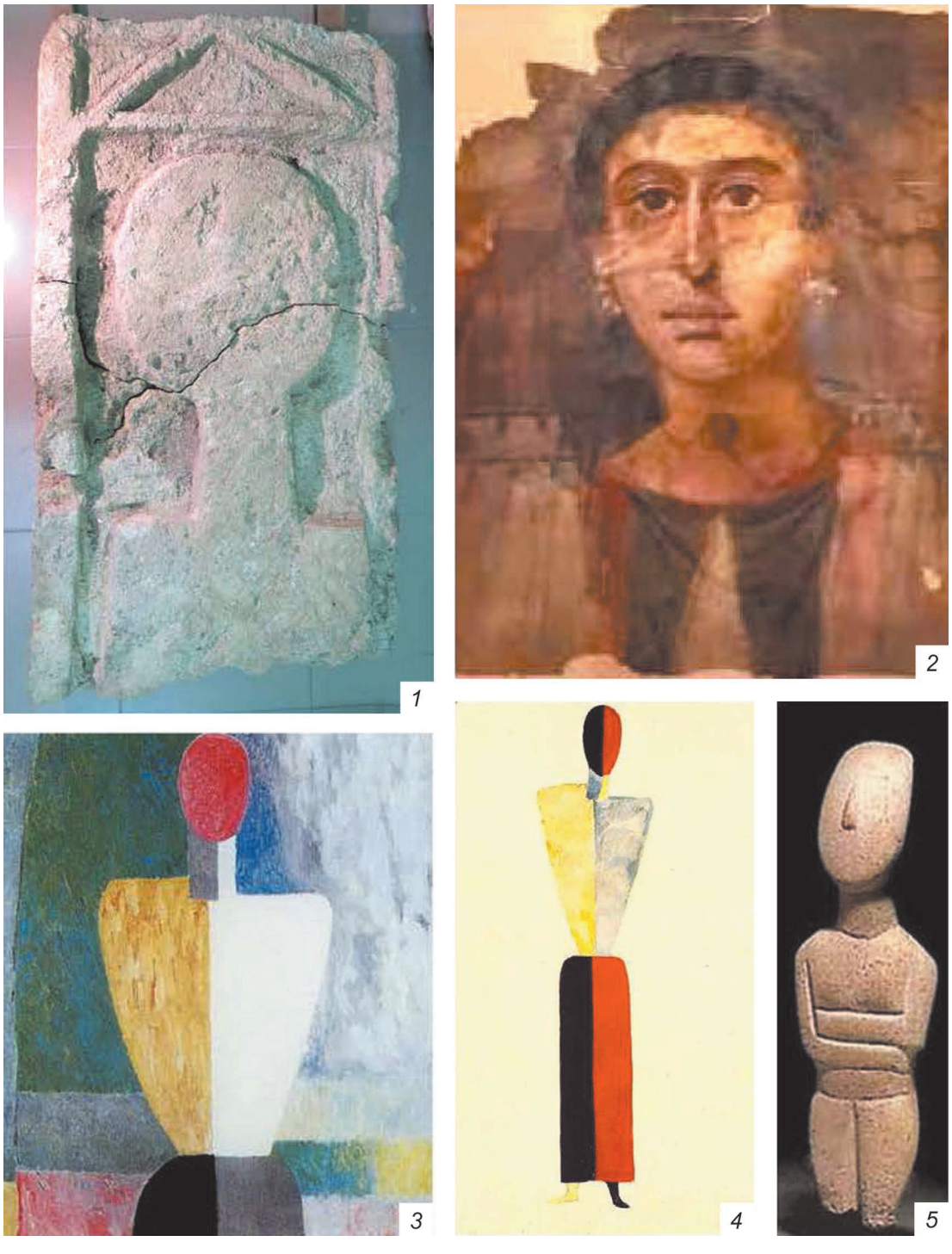

Рис. 3. *1* – Торс 2019 г. (фото Н.Л. Кучеревской; из фондов ВКИКМЗ); *2* – портрет девушки, I–III в. н. э. (Каир, Египетский музей; фото Instagram); *3* – К.С. Малевич. Девушка на белом фоне, 1928–1932 (ГРМ); *4* – К.С. Малевич. Торс, 1929 (ГРМ); *5* – типовая кикладская статуэтка, мрамор

торсы и стилистически: они плоскостны – даны в низком рельефе, фигуративно едины: крупная круглая голова дана одним лишь абрисом, без какой-либо разработки реальных деталей, посажена на высокую шею, та в свою очередь покоится на узких, в ширину стелы, плечах.

Коротко говоря, сходство стилистики торсов конкретизируется тем, что горизонтали плеч и вертикали высоких шей представлены на всех рельефах; кроме того, у торсов 1982 и 2024 гг. головы одинаково округлы. Иные очертания присущи лишь головам торсов 2005 и 2006 гг. – у первого она овальная, у второго обозначена прямыми боковыми линиями.

Ввиду указанного единства изготовление всех 4 стел можно приписать одному мастеру, тем самым время их создания ограничено, скажем, 1–2 десятилетиями. Но вопрос о датировке их непрост. Для примера: как сказано, стелу с торсом № 6 Н. В. Молева, Н. Л. Кучеревская отнесли в каталоге к I–III вв. н. э., а ранее Н. В. Молева [2012, 138] датировала ее III в. до н. э. Полагаем, обе датировки не вполне точны. Мы располагаем двумя зацепками для хронологии, обе дают дату ante quem. Во-первых, стела № 1 найдена в перекрытии могилы I в. н. э. с монетой Домициана (81–96 гг. н. э.), следовательно, сделана до этого времени. Во-вторых, стела № 4 найдена в склепе № XII вместе с эпитафией сына Асатиса, обе вторично употреблены для вымостки склепа. Он грабленый, материал заполнения остался только в костнице – обломки стеклянных сосудов да бусины. Его дату post quem дает время надписи на стеле сына Асатиса – по письму она I в. н. э. [*Яйленко, Бейлин* 2026, § I, 1], так что склеп или того же столетия или II в. н. э. Следовательно, стела № 4 не позднее I–II вв. н. э., это тоже дата ante quem. В соответствии с указанными датировками стел № 1, 4, тем самым и стел № 2, 3, все они сделаны не позднее I в. н. э. Что до нижней даты, то ее дает общая хронология некрополя Кыз-аул: редкие захоронения относятся к I в. до н. э., остальные к первым векам н. э., главным образом, I–II вв. н. э. [*Гайдукевич* 1959, 188]. О. Д. Чевелёв [1985, 84], вскрыв 47 могил, датировал их II в. до н. э. – II/III вв. н. э. Могилу, в которой найден торс № 3, он счел эллинистической (с. 85), т. е. II–I в. до н. э. Раскопки последних лет (Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова, П. П. Гецко, А. А. Труфанов) дали материал только I–II вв. н. э. Суммируя эти данные, заключаем, что некрополь функционировал главным образом в I–II вв. н. э., отчасти в I в. до н. э., так что торсы произведены в I в. н. э., самое раннее, в I в. до н. э.

Техника выемчатого рельефа с антропоморфным изображением фиксируется на Европейском Боспоре наряду с Кыз-аулом лишь в ближних городах Китее да Нимфее, а из дальних в Осовинах [*Молева* 2012, № 22–26, 30, 77, 78, 91, 92]. Частью они самодельные грубые поделки, но в основном рублены и шлифованы каменотесом. Из числа правильных очертаний можно отметить предварительно очерченную циркулем круглую голову на стеле из Нимфея и проведенные по линейке прямые очертания тела на другой оттуда же [*ibid*., № 24–25]. Вообще, немало антропоморфов сделано качественно, так что вопросы построения их формы заслуживают искусствоведческого анализа в специальной статье. И на круглых (в скульптурном смысле) антропоморфах, и на рельефах головы посажены на плечи, либо на короткую шею, исключение составляет круглое изваяние из Китея [*ibid*., № 74], близкое Кыз-аульскому торсу № 2: голова слегка приплюснута, покоится на подвышенной шее. На этом фоне, не говоря уж о всей массе

примитивных поделок, Кыз-аульские торсы выделяются геометрической правильностью, четкостью очертаний головы, плеч и чрезмерной высотой шеи, это мастеровитая работа, соединенная с полетом фантазии. Мы имеем дело с опознаваемыми по своей индивидуальности произведениями мастера, потому и определили их изделиями примитивного искусства. Удлиненная шея служит здесь авторским маркером, таким же, как, например, на портретах Амедео Модильяни 1910-х гг. или картинах Казимира Малевича 1928–1932 гг. (о них далее).

Внутри группы композиционно выделяются две пары – № 1 и 4, № 2 и 3. Первая пара более совершенна по исполнению, здесь немало заранее просчитанных параметров. У плиты с торсом № 1 ширина камня в половину высоты – 70×35; изображение занимает 2/3 высоты и почти всю ширину (за вычетом тонких боковых филенок), эти параметры зрительно порождают впечатление едва ли не натуральной величины фигуры, как бы втиснутой в узкое, ограниченное тонкими филенками поле плиты (см. рис. 2. *2*). Голова почти правильно округла, шея в половину ее ширины, высота шеи + ее ширина соответствуют высоте головы. Ширина ее правого плеча равна ширине шеи, левое плечо зауженно, иллюзорно порождая легкий поворот фигуры в одну или другую сторону. Это плечо горизонтально, тогда как другое чуток опущено по диагонали, чем усиливается впечатление поворота фигуры вправо (влево от зрителя). Высота плеч минимальна, их отделяет от нижней части стелы узкая горизонтальная выборка поверхности камня. Три части плиты по высоте равны – (1) голова, (2) плечи + горизонтальная выборка, (3) низ камня. Эти просчитанные параметры придают единство образу, пропорционально перевязывая его телесные части друг с другом, гармонично соотнося с размерами плиты. В то же время отсутствие разделки лица реальными деталями придает массивность голове, ей под стать шея преувеличенных пропорций, и обе массы покоятся на тонкой полоске плеч; но эта нелогичность соотношения сообщает композиции не столько неуравновешенность, сколько некоторую подвижность основания бюста, тем самым, можно предположить, легкое колебание уходящей жизни. Это дает мне основание пофантазировать по поводу облика реальной женщины за сею погребальной маской: она могла быть, к примеру, такой, как на примерно равных по величине портретах Антонии, Беатрис Хастингс, «Толстушке» Амедео Модильяни (все ок. 1914–1915 гг.) – с таким же округлым лицом, удлиненной шеей, данными в самом общем виде глазами, носом, ртом [*Гарсиа Гальянд* 2006, 46, 49–51, 62].

Стела № 4 самая элегантная из всех антропоморфов Боспора. Она обломана на уровне 2/3 груди, но вряд ли корпус тела да филенки продолжались далеко вниз: ее высота 93 см, а у самой высокой в группе, целиком сохранной стеле № 3 высота 127 см. Поэтому скорее всего фигура № 4 была бюстом, как и № 1. Стела решена в виде надгробной эдикулы – в верхней части показан ее треугольный фронтон, филенки как бы образуют торцы стен сооружения. Тело узкое, несомненно женское. Просчитанность пропорций его частей не выявляется, но они вполне воплощены автором на глаз. Голова дана овалом, слегка сплющенным по бокам, шея под нею высокая, но тонкая, это придает солидную массивность голове, которую увеличивает и нарочитая узость плеч. Тонкие детали выдают композиционное мастерство автора рельефа: шея примыкает к голове не посередине, а слегка смещена вправо от зрителя, плечи одинаково узки, так

что шея посажена на них естественно, однако даны они не в линию, но левое слегка опущено относительно правого. Более того, левое плечо касается филенки, а правое отделено от филенки цезурой. Отмеченные детали сообщают образу некоторую подвижность, тем самым жизнеподобие. Женщина предстает зрителю как бы отраженной в зеркале или, лучше сказать, глядящей на зрителя из-за рамок другого мира, это свойство многих отменных фаюмских погребальных портретов позднеэллинистического и римского времени (для наглядности изложенного прилагаем портрет молодой женщины – рис. 3. *2*).

Вторая пара торсов исполнена попроще (обе сохранились целиком). Бóльшая часть лицевого поля торса № 2 оставлена необработанной, по причине чего материал, камень, довлеет над изображением; плита № 3 изначально была крива слева и заужена книзу, вследствие чего излюбленные прямые линии, которыми резчик построил изображение и тут, диссонируют с ее неправильными очертаниями. Стела № 2 в полной мере выказывает отмеченную выше композиционную особенность: поверхность торсов и чистой поверхности плиты под ними сделаны заподлицо, поэтому чистая часть мыслится продолжением торса, его корпусом (исключая № 1). Голова и шея торса № 2 аналогичны изображенным на торсе № 1, чем лишний раз подтверждается принадлежность их одному мастеру; примыкает к ним по этим элементам и № 4. Напротив, голова да шея торса № 3 решены чисто геометрически – и шея прямая и голова по бокам спрямлена, лишь сверху она слегка округла, чем немного сглаживается геометрический ригоризм изображения в целом. Между тем прямые линии шеи да головы мало уместны именно на этой плите, изначально кривой, это явный просчет автора – он не сумел ловко вписать изображение в плиту неровного формата. Может быть, это одна из первых его работ, далее дело пошло мастеровитей, о чем свидетельствуют 3 остальных торса. Вполне можно приписать ему же и круглое (в скульптурном смысле, типа статуи) изваяние из ближнего к Кыз-аулу Китея, голова, шея, плечи которого в чистом виде сходны с торсом № 1. И в самом Китее можно выделить работы одного резчика – его фирменным маркером являются птичкообразные плечи, диагонально спускающиеся от края к шее [*Молева* 2012, № 22, 25–26, 28–29].

Как сказано, отличительный маркер Кыз-аульского мастера – умеренно или весьма удлиненная шея, представленная на всех 4 торсах да на его же антропоморфе из Китея. В истории изобразительного искусства утрированные шеи широко свойственны европейской готике XII–XIV вв., затем авангарду 1910-х – 1920-х гг. и последующим модернистским стилям, в классическом же искусстве это редкость, как, например, на фреске Пьеро де ла Франческа «Посещение Соломона царицей Савской» (Ареццо, церковь св. Франциска, 1466 г.). И в греческом искусстве геометрического да античного времени они встречаются редко, для экспрессии образов, по преимуществу в малых формах – вазописи, терракоте[21]; в большой скульптуре весьма редки, употребляются в позднем эллинизме для подчеркивания физической силы образов богов, правителей, спортсменов, и обязательно при хорошо тренированном теле (напр. [*Smith* 2001, fig. 79, 227, 309; *Pollitt* 2004, 74, 252]). Совпадение узуса преувеличенной шеи в мелкой пластике и вазописи геометрического периода Греции, с одной стороны[22], и в каменной пластике

[21] Напр. [*Канараке* 1969, 46, 87, 98, 100, 101, 108 и сл.; *Boardman* 2007, 22–23, 114, 140, 193, 196].

[22] [*Boardman* 1996, 36–37, 39–40, 43–45, 60, 63, 65, fig. 18–19, 20, 24, 26, 28, 46, 49, 51].

Кыз-аульского мастера, с другой, не случайно. Исследуя семантику геометрического искусства, Вильгельм Воррингер выявил его трансцендентный, т. е. иррациональный, потусторонний, характер и заключил: «трансцендентное искусство стремится к дезорганизации органического <т. е. реального> …, что привело его к застывшей линии, к мертвым кристаллическим формам». Утрированные шеи Кыз-аульских рельефов, трансцендентных по своему существу – они погребальные, да геометрических по стилистике, как раз и есть продукт дезорганизации реальных форм (подробно поведем речь о наблюдениях В. Воррингера в следующем параграфе). Иначе говоря, такие шеи – следствие исповедуемого Кыз-аульским мастером геометризма изображений умерших людей на стелах, ставившихся на их могилах (на вставку их в намогильные постаменты указывают шипы на стелах № 1–2 и псевдо-шип на № 3).

Небезынтересно выяснить пол изображенных торсов. Один, № 4, уже определен по очень узким плечам – это женщина. Такие же, как у нее, овальные очертания голов торсов № 1, 2, весьма напоминающие короткую женскую стрижку, да их тоже узкие плечи скорее всего указывают, что и они женщины. Напротив, почти прямоугольная, лишь сверху чуть округлая голова торса № 3, да еще при общей брутальности изображения, скорее принадлежит мужчине. А высокая его шея этому не помеха, ибо она и в геометрическом искусстве Греции свойственна в основном мужским образам, и в авангарде (тут меньше, чем женщинам), например, у А. Модильяни (портрет художника Хаима Сутина, Жана Кокто и др. [*Гарсиа Гальянд* 2006, 19, 66, 75, 107]), К. Малевича (Торс в желтой рубашке, Крестьянин, Двое и пр., 1928–1932 гг.).

Охарактеризуем и художественный язык Кыз-аульских торсов. Выдающийся теоретик западноевропейского классического искусства Генрих Вёльфлин сформулировал основные категории построения формы в нем. По признаку противопоставления это такие пары: линейность – живописность, плоскостность – глубина, замкнутость – открытость, множественность – единство, ясность – неясность [*Wölfflin* 1917, 20–242; *Вельфлин* 1930, 17–265]. Он установил важный принцип единства категорий формального языка: если в произведении живописи или скульптуры присутствует какой-либо из левых признаков, то и все остальные будут тоже из этого ряда, если же правый, то и все другие таковы. Раскроем составляющие элементы языка Кыз-аульских торсов, исходя из намеченных категорий. Он откровенно геометрический, сиречь линейный, следовательно, ему присущи также плоскостность, замкнутость, множественность, ясность. Свойства линейности – графичность, хорошая светотень, четкость контуров, совпадение их и формы торса. Свойства плоскостности: фигуры разворачиваются параллельно лицевому полю стелы, они фронтальны и очерчены четким контуром. Замкнутость порождается отчетливой выраженностью горизонталей и вертикалей, симметрией элементов, заполнение фигурами определено лицевой площадью стелы. Множественность может характеризоваться разбросанностью или наоборот, как в случае с нашими торсами, бедностью деталей, она организуется целостностью изображения, равномерным распределением ясности. Наконец, сама ясность – это отчетливый силуэт изображения, его линии служат прояснению формы, светотень имеет подчиненное значение, она способствует раскрытию формы и композиции в целом; и самое важное: ясность сцены порождается четкой композицией и выделением главного мотива, – так и в наших торсах.

Полную противоположность художественному языку Кыз-аульских торсов составляет язык рельефа с позднескифского рельефа II–III вв. н. э. из Марьино (рис. 2. *1*). Он живописен, пластичен за счет рассеянности светотени, эту рассеянность порождают многочисленные складки одеяний женщины и всадника; также изображения объемны благодаря светотеневой лепке (разницу меж линейным и живописным языком наглядно показывают наши рис. 3. *1* и 3. *2* – геометрический торс № 4 и живописный фаюмский портрет). Глубину композиции порождает диагональное расположение фигур всадника и стоящей женщины, они асимметричны и в то же время соподчинены. Единство изображенной сцены достигается объединением слагаемых элементов; фигуры всадника и женщины сами по себе выразительны и цельны, но в то же время составляют две части целого. Наконец, присутствует главный мотив – участвующий в бою и погибший в нем всадник, этому главному мотиву подчинено все остальное, так что можно сказать, в изображенной сцене присутствует один главный эффект.

6. Имманентная семантика погребального антропоморфа.

Говоря о Кыз-аульских торсах, я потому обращаюсь к картинам А. Модильяни, К. Малевича, далее и к эгейским «идолицам», что мастера всех их исповедуют эстетику примитивизма. Эстетическое и семантическое существо геометрического примитивизма, в рамках которого созданы также исследуемые Кыз-аульские торсы, вскрыл Вильгельм Воррингер, о книге которого далее поведем речь. Об этом же и трактат Казимира Малевича «Беспредметный мир», коснусь и его. Формально Кыз-аульским торсам и другим удовлетворительным по технике изготовления боспорским антропоморфам более или менее близки супрематические мужские да женские фигуры картин К. Малевича 1928–1932 гг., они по сути тоже антропоморфы, так как лишены каких-либо правильных, реальных человеческих черт, только абрисы, это бездушные манекены (рис. 3. *3*, *4*). Всякие антропоморфы тоже бездушны, даже те немногие, на лицах которых схематически показаны глаза, нос, рот [*Молева* 2012, 172–174, № 1–11]. Это природа антропоморфа как типа надгробного памятника. Но что стоит за ней, в чем его сущность? Очевидно лишь то, что связанный с конкретным умершим человеком, он предстает обезличенной его ипостасью. Найти ответ на поставленный вопрос, поскольку он по существу своему трансцендентный, не просто. Чтобы обрести хоть какую-то почву под ногами, начнем с небольшой статистики – полезно подсчитать количественное соотношение на Боспоре антропоморфов и греческих эпитафий. Читатель сразу мне не поверит, но может сам убедиться по КБН: в основном умирали жители Пантикапея – с учетом новых находок ок. 720 надгробных надписей[23], тогда как жители остального Боспора в массе «бессмертны» – с новыми находками всего ок. 180 эпитафий. Причина столь неожиданного соотношения надгробий в столичном городе царства и на остальной его территории определенно лежит в степени аккультурации – столица была средоточием высоко просвещенной, рациональной эллинской культуры, тогда как население малых городов и весей прозябало в вопросах философии жизни да смерти на уровне полуварварства-полуэллинства.

[23] Включать надо надгробия, надписи фиасов, стихотворные эпитафии.

Антропоморфы распространены на некрополях малых городов да селений, а в столице их всего несколько, поэтому методически правильно для решения нашей задачи соотнести их число с эпитафиями хоры. Всего на Боспоре по каталогу лапидария ВКИКМЗ Н. В. Молевой и Н. Л. Кучеревской числятся 214 антропоморфов, выведя из них десяток пантикапейских, получим соотношение ~ 200 к ~180! Совсем неожиданный результат по хоре и малым городам: мало того, что эпитафии своим умершим там ставят редко, еще и предпочитают отмечать могилы их безымянными антропоморфами. И причина вовсе не в дороговизне изготовления эпитафии или отсутствии мастеров[24]. Тут самое время вспомнить, что антропонимика этой территории почти наполовину негреческая [*Яйленко* 2027, § 5] так что соотношение примерно такое же. Посему логично увязывать узус тут антропоморфов по большей части с варварской средой[25]. Столь же логичны и поиски их семантического существа в погребальных представлениях нестоличного негреческого населения Боспора.

Как сказано, связанный с конкретным умершим человеком, антропоморф предстает его обезличенной ипостасью. Эта преднамеренная обезличенность покойника, полагаем, может быть связана с представлением ряда религий о суде в загробном мире, который вершится над всяким, прибывшим туда. Наиболее известная мифологема такого рода – египетский суд Осириса, обряд проверки дел да помыслов покойников детально прописан там в «Книге мертвых». Поскольку часть населения «Кыз-аульского городка» да Крыма в целом была индоарийского происхождения, следует упомянуть, что судил покойников и древнеиндийский Яма; он изображался с петлей в руке, которой извлекал душу из тела умершего (она имела вид человечка), и уже в своей подземной обители, порой в присутствии других богов, вершил суд над ним [*Яйленко* 2027, § 2]. Выявление греховности/праведности умершего присутствует и в иранской религии (значительную часть населения хоры да малых городов первых веков н. э. составляли иранцы) [*ibid*., § 5; *Яйленко, Бейлин* 2026, § 1, 1а]. Понятие благого, чистого от греха (vohu-, arta-) ключевое в авестийских представлениях о посмертной судьбе: человек благой (= зороастрийской) веры чист помыслами, словами и делами, на четвертый день после смерти благородная красавица-дева отводит его душу в рай, в Дом хвалы (славы, сокровища, вознаграждения – garō dəmānē), мыслящийся царством «бесконечного света» Ахурамазды. По раннесредневековому пехлевийскому трактату «Арта Вираз намаг», та прекрасная дева олицетворяет праведные слова, дела и мысли покойного [*Акишев* 2003, 228]. Но и праведная душа проходит по мосту (броду) Чинват в рай через дверь между землей и небом, именуемую «огонь Варахран», т. е. через огненное испытание и очищение. На хоре Боспора проживало и греческое, и варварское население, как на Кыз-ауле, где мы видим иранцев, индоариев да греков, также тех, кто исповедовали египетские загробные представления (дипинто с Кыз-аульского некрополя – имя

[24] И дело не в деньгах – для того и другого известняковая плита в наличии, а вырезать надпись не проблема – на хоре найдено множество граффити [*Сапрыкин., Масленников* 2007], еще больше в малых городах, так что более или менее грамотных для самостоятельного изготовления эпитафии повсюду было достаточно.

[25] Есть дюжина антропоморфов с греческими эпитафиями [*Молева* 2012, 50–58], в них 16 греческих, 6 негреческих ЛИ. Цифры малы для обобщений, но ясно, что некоторая часть антропоморфов была в употреблении и у греков хоры да малых городов.

покровительницы мертвых Исиды на горшке с напутственной пищей из могилы) [*Яйленко, Бейлин* 2026, § III, 01][26]. Тем самым в их погребальных представлениях наверняка присутствовала вера в загробный суд над покойником, и мы вправе предполагать, что страхом пред судом богов могла быть обусловлена обезличенность их антропоморфов: перед богами некто безымянный да безличный, поэтому суд не состоится. Напротив, у просвещенных греков представление о суде Радаманта, Эака да Миноса было отнесено в глубокую мифологическую древность, в историческое же время его не было, потому мы имеем бесчисленное множество греческих эпитафий конкретных людей от архаики до поздней античности. Иначе говоря, отсутствие у греков веры в загробный суд породило в массовом масштабе индивидуальную эпитафию названного по имени-отчеству покойника.

Разумеется, представление о загробном суде и страх перед ним не единственная причина возникновения у населения малых городов и хоры Боспора антропоморфа как надгробного памятника покойнику. Далее мы выявим еще одну по рассмотрении принципов формообразования Кыз-аульских торсов, здесь же обратим внимание на необычное свойство некоторых терракотовых статуэток из сельских святилищ Керченского п-ова. Как положено, там их много и основная масса являет собой обычные типы греческих терракот – привычные по форме да деталям изображения богов да богинь, функционально связанных с хтоническими да иными культами. Но нам важно отметить ряд встречающихся особенностей: лица некоторых представляют не греческий этнический тип, порой негреческие одеяния, необычный композиционный тип статуэтки или рельефа; все они эллинистического или римского времени[27]. Иной читатель отмахнется – мол, тип лица не аргумент[28]. Но тогда я спрошу: а для чего в святилище на мысе Зюк находилась большая терракотовая статуэтка негроида, отвратительного на вид (сохранилась голова, найдена в зольнике [*Масленников* 2007, 429])? Но если там проживало хоть несколько индоариев (нам известны по именам три индоария на Кыз-ауле, 3 в Тиритаке, 3 в Марьино, также названия ряда городов горного Крыма да европейской части Боспора первых веков н. э.[29]), эта находка объяснима: царство древнеиндийского бога смерти Ямы мыслилось на юге Индостана

[26] Там же, раздел II, 2, граффито № 01.

[27] [*Масленников* 2007]: с. 61, рис. 3 – обломок лица восточного типа; с. 84, рис. 7 – негреческая мужская голова с коническим головным убором (тип Аттиса); с. 119, рис. 5 – композиционно необычный тип статуэтки: бюст богини, крытый огромным клобуком, покоится на алтаре (ее груди нетривиально обрамлены складкой одежды); в указанной автором параллели ей из Тасуново (с. 438, рис. 1) на голове женщины негреческий колпак; этот же необычный тип статуэтки с женским бюстом есть и на с. 438, рис. 3 – ее лицо на удивление безобразно; с. 132 – необычный рельеф с поясным изображением двух женщин с округлыми лицами (они характерны для поднескифских изваяний Крыма, см. у нас рис. 1, 1а), в каждой руке их плод/чаша, рядом мелкие фигурки детей; с. 427, рис. 11 – мужская голова с лицом восточного типа, в клобуке (тип Аттиса). На таблицах указанных страниц рядом с упомянутыми терракотами находятся другие, с вполне греческими типами лиц. Для сравнения: также на найденных в Пантикапее да Ольвии терракотах с изображениями восточных божеств композиции, типы лиц, одежда, атрибуты часто негреческие [*Кобылина* 1978, 58, 66, 74 с рис. 19, 76, 77, 152, 156–159].

[28] На самом деле это не так. В 1980-х я был увлечен историей, ономастикой, искусством Центральной Азии, ежегодно бывал в республиках Средней Азии на разного рода конференциях, ездил по памятникам архитектуры, археологии, участвовал в раскопках. В результате научился различать национальность тамошних людей по лицам, к примеру, в многонаселенной Фергане, где жили узбеки, таджики, киргизы, они вперемежку монголоиды и европеоиды.

[29] О топонимике [*Яйленко* 2013, 116–121; 2017а, 7–10, 14, 18–21, 26–40, 68–70]; об антропонимах [*Яйленко* 2027, § 1–3].

[*Яйленко* 2027, § 2], а там проживало чужеродное негроидное тамильское и дравидийское население. Для индоариев Зюка статуэтка могла олицетворять юг, тем самым царство мертвых[30].

В содержательной стороне антропоморфов присутствует и семантика смерти. В их формообразовании значительную роль играет геометризм: и рельефные их изображения, и круглые (в скульптурном смысле) часто строятся прямыми линиями корпуса, шеи да круглыми или овальными очертаниями голов [*Молева* 2012, рис. на с. 88–90, 92–95 и мн. др.]. В понимании семантики геометрических форм в искусстве большую роль сыграла небольшая книжица Вильгельма Воррингера 1908 г., сразу многократно переизданная, «Абстракция и вчувствование. Трактат о психологии стиля» [*Worringer* 1921]. Исходя из посылки, что абстракция и одухотворенность – два этапа в развитии искусства и что первая свойственна ранним его стадиям, вторую создали греки, он связал абстрактность изображения с потусторонним (в его терминологии «неорганическим»), которое находится за пределами реального мира (в его терминологии «органического»). При этом «трансцендентное искусство стремится к дезорганизации органического …, что привело его к застывшей линии, к мертвым кристаллическим формам». Далее он определенней увязывает абстрактную форму (т. е. геометризм) с потусторонним миром: «тяга к абстракции находит свою красоту в неорганическом, отрицающем жизнь…, соотнесенном в религиозном отношении с чрезвычайно трансцендентальным окрашиванием всех представлений» [*Worringer* 1921, 19–20, 25][31]. Эти положения В. Воррингера вполне применимы к боспорским антропоморфам, раскрывая обусловленность их геометризма связью с потусторонним, что вполне соответствует устанавливаемой по археологическим показаниям их принадлежности к заупокойному культу. Геометрические формы безжизненны, холодны, мертвы, отсюда их частое присутствие на вещах, относящихся к погребальной сфере (яркий образец чего – геометрические дипилонские вазы Аттики). С этим связан и другой аспект абстракции, выявленный Воррингером – трансцендентность, т. е. принадлежность к иному миру на уровне сознания, находящемуся вне опыта. Поскольку погребальный обряд – часть религиозного сознания, в нем подобного рода трансцендентностью «окрашены» все иные представления; это справедливо и в отношении антропоморфов. В анализе В. Воррингера получает объяснение и отмеченная нами плоскостность антропоморфов на боспорских рельефах: он видит в искусстве примитивных народов «стремление избавить отдельный объект внешнего мира … от его зависимости и связи с другими вещами, сделать абсолютным… приближение изображения к плоскости …, ибо трехмерность представляла наибольшее препятствие для понимания объекта как замкнутой материальной индивидуальности» [*Worringer* 1921, 31][32]. Это может означать, что плоскостность рельефов обязана не только техническим приемам местных

[30] Преувеличенно неприятный внешний вид образа, бывает, употребляется в терракоте и даже большой скульптуре эллинистического времени для изображения духов и прочей нечисти на предметах магии (напр. [*Канараке* 1969, 89]) или простолюдинов (например, старухи-торговки [*Smith* 2001, фронтиспис]) и др.

[31] См. полный перевод приведенных текстов Е. А. Фроловой [Эстетика XX века 2007, 543 сл.] и С. С. Ванеяна [2016, 150, 158].

[32] Перевод Е. А. Фроловой [Эстетика XX века 2007, 546].

каменотесов, но и сущности их как погребальных памятников. На обращенность примитивного искусства к прошлому, но уже не в первобытной перспективе, как у В. Воррингера, а и к вчерашнему дню, т. е. на связь с только что прошедшим реальным, указал В. Н. Прокофьев [1983, 18]: «примитив осваивает, хранит, перерабатывает *память близкую* – позавчерашнюю, а то и вчерашнюю»[33]. Таковы и антропоморфы, увековечивающие память о скончавшихся накануне конкретных людях.

Указанные цитаты из книги В. Воррингера я приводил в полном объеме в статье о существе мраморных кикладских статуэток III тыс. до н. э. [*Яйленко* 2019, 24–28][34]. Они тоже связаны с погребальным обрядом, и формально близки боспорским антропоморфам по изображению узких плеч, удлиненных шей да безликости – на их плоских лицах только нос (рис. 3. *5*). По причине безликости и в отношении них я апеллировал к женским торсам К. Малевича на картинах 1928–1932 гг. Супрематизм его полотен предшествующего времени, начиная с 1915 г., как раз и был разновидностью той геометрической абстракции, о которой писал в 1908 г. В. Ворррингер – они являли собой хаотическое смешение геометрических фигур, заполненных блеклым синим, красным, желтым, оранжевым цветом, это были беспредметные композиции из окрашенных плоскостей. Но в 1928–1932 гг. он сменил форму их выражения – облек в контуры схематичных человеческих фигур[35]. Его супрематические конструкции уже не витают в космических высях, а спустились на землю, в мир людей, и статично пребывают в человеческом виде, совсем как кикладские фигурки или боспорские антропоморфы. И идейное существо его искусства осталось прежним – это были не люди, а призраки с человеческими контурами (рис. 3. *3*, *4*). В трактате 1922 г. «Беспредметный мир» он изложил смысловое существо своего супрематизма: передовое искусство пришло «к полной беспредметности …, к пустыне, в которой нет ничего, кроме ощущения пустыни. Художник освободился от всех идей – образов и представлений и проистекающих от них предметов». Освобожденное от реальности искусство стало, по мысли Малевича, миром ощущений, выражаемых через яркие локальные цвета геометрических

[33] Помяну добрым словом Валерия Николаевича. Он читал нам, искусствоведам отделения искусства на истфаке МГУ, годовой лекционный курс о западноевропейском XIX в. Его огромные знания предмета, умение тонко его интерпретировать, человечные личные качества снискали не только наше уважение, но и признание коллег. Увы, он рано умер (1928–1982), но его монографии о Теодоре Жерико, тоже мотыльком явившемся в высоты искусства (1791–1824), Франсиско Гойе, изданный коллегами в1985 г. postumus сборник статей навсегда вписали его имя в летопись истории изобразительного искусства. Не без влияния его трудов и личности я сам читал на факультете искусств МГУ в 2004–2012 гг. годовой, а в 2007–2008 гг. и двухгодовой, курс лекций по искусству западноевропейского «длинного» XIX в. – от Великой французской революции до начала Первой мировой войны, сиречь от классицизма до футуризма. Самой большой своей творческой потерей считаю то, что не нашел тогда времени перевести в книги свои авторские курсы лекций по искусству древнего мира и западноевропейского XIX в.

[34] Тут опубликована сокращенная версия статьи, полный текст любезно разместил на сайте Ярославльского гос. университета Е. С. Данилов (приношу ему свою благодарность): @bosporankingdom Яйленко В. П. Объяснение феномена кикладских идолов через теории искусства XX в. и учение Платона о душе http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3684.

[35] К концу 1920-х в связи с переходом к ускоренному строительству экономики СССР власть изменила свою прежнюю нейтральную позицию по отношению к искусству и стала требовать от мастеров понятности их произведений широким слоям трудового населения. Поскольку заказы исходили от нее, живописцы стали показывать реальную жизнь, с 1928 г. перековался и Малевич – писал крестьян да крестьянок, но при неизменном сохранении своих супрематических идей: геометрические и цветовые абстракции вписаны в абрис мужских да женских фигур.

абстракций. При этом сам переход в такой мир вызывает у художника смятение вследствие растворения привычного мира вещей в некую трансцендентную субстанцию из цвета и очертаний геометрических фигур: «И действительно, этот момент восхождения Искусства всё выше и выше в гору становится с каждым шагом жутким и в то же время лёгким, все дальше и дальше уходили предметы, все глубже и глубже в синеве далей скрывались очертания жизни, а путь Искусства все шел выше и выше и кончился только там, откуда уже исчезли все контуры вещей, все то, что любили и чем жили, не стало образов, не стало представлений и взамен разверзлась пустыня, в которой затерялось сознание, подсознание и представление о пространстве. Пустыня была насыщена пронизывающими волнами беспредметных ощущений. Жутко и мне было расстаться с миром образным, волей и представлением, в котором жил и который воспроизводил и принимал за действительность бытия. Но чувство лёгкости тянуло меня и довело до полной пустыни, которая стала **без-óбразной**, но только ощущением, и это стало содержанием моим… Исчезли формы, которые видим, и в которых заключены образы тех или других ощущений… И может быть, в том виде Искусства, который я называю супрематическим, Искусство пришло вновь к своей **первобытной стадии** чистого ощущения… и лик скрытой сущности ощущений может быть совершенно противоречивым изображению, если, конечно, он совершенно **без-ликий, без-óбразный**, беспредметный» [*Малевич* 1998, 105 сл.].

Мы выделили жирным ключевые для нас в этой цитате понятия «без-ликий, без-óбразный», «первобытная стадия», вполне приложимые к человекоподобным фигурам картин Малевича 1928–1932 гг. и к кикладским «идолицам», и к боспорским антропоморфам, ибо все они без лиц, они не люди, а их плоскостные проекции; поистине, «ни одно произведение, изображающее лик, не изображает человека, оно изображает только маску, через которую протекает то или другое без-óбразное ощущение». Эта безликость, без-óбразность – результат вывода человека (у Малевича Искусства) в Ничто (это понятие он употребил чуть дальше за приведенной цитатой). То же свойственно и кикладской скульптуре и боспорским антропоморфам: в них человек так же выведен в Ничто, ибо они связаны с погребальным обрядом, и доведен до той же степени без-ликости, без-óбразности, поскольку в нем «затерялось сознание, подсознание и представление о пространстве». Это и есть иррациональное содержание и кикладских статуэток, и боспорских антропоморфов, выявляемое из их форм, подтекстовое обоснование построения в них весьма отвлеченных от реальности форм человеческого тела. Коротко говоря, по Малевичу, переход искусства во внемирные сферы обусловливает весьма отвлеченную от реальности образность; соответственно, без-ликость, без-óбразность и кикладских идолов, и боспорских антропоморфов призваны выражать их трансцендентное, загробное предназначение.

Список литературы

А*кишев* А. К. 2003. Лабиринты Арта Вираза // Степная цивилизация Восточной Евразии. 1. Астана, 219–260.

В*анеян* С. С. 2016. Вчувствуя абстракцию // Вестник православного Свято-Тихоновского ун-та. Сер. V. Вып. 1 (21), 123–164.

Вельфлин Г. 1930. Основные понятия истории искусств. М.–Л., 289.

Г*айдукевич* В. Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов // Некрополи боспорских городов (МИА. 69). М.–Л., 154–238.

Гарсиа Гальянд М. С. 2006. Модильяни. М., 128.

Е*мец* И. А. 2002. Греко-варварские взаимовлияния на Боспоре Киммерийском. М., 223.

З*авойкина* Н. В. 2011. Не бог, не царь и не герой… (еще раз о стеле 104 г. из Танаиса, КБН 1259) // Эмбатерион. Сб. статей по искусствознанию, истории, филологии. М., 300–314.

К*анараке* В. 1969. Танагрские маски и статуэтки. Констанца, 190.

Карышковский П. О. 1988. Монеты Ольвии. Киев, 167.

Кобылина М. М. 1978. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 215.

Корпусова В. Н. 1980. Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 141–150.

Кучеревская Н. Л. 2016. Каменная летопись Боспора. Лапидарная коллекция. Каталог. Симферополь, 143.

М*алевич* К. С. 1998. Беспредметный мир // К. С. Малевич. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. М., 105–119.

Масленников А. А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 231

Масленников А. А. 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. М., 562.

Мелюкова А. И. 1989. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 125–145.

Молева Н. В. 2012. Боспорские антропоморфные изваяния. Нижний Новгород, 178.

Молева Н. В., Кучеревская Н. Л. 2016. Антропоморфные изваяния (Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Лапидарная коллекция. V). Керчь–Симферополь, 252.

П*авличенко* Н. А. 2010/11. Неопубликованный боспорский рельеф с изображением всадника // Hyperboreus. 16–17, 405–410.

Прокофьев В. Н. 1983. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительном искусстве) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. М., 6–28.

С*апрыкин* С. Ю., *Винокуров* Н. И., *Белоусов* А. В. 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму // ВДИ. 3, 134–162.

Сапрыкин С. Ю., *Масленников* А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ. Suppl. 1). Симферополь–Керчь, 319.

Ч*евелев* О. Д. 1985. Новые погребения Кызаульского некрополя // КСИА. 182, 84–88.

Шульц П. Н. 1946. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. 12, 44–57.

Шульц П. Н. 1963. Надгробный рельеф из с. Марьино // Сообщения Херсонесского музея. 3, 3–10.

Шульц П. Н. 1966. Надгробный рельеф сарматского круга // Культура античного мира. М., 278–286.

Щ*еглов* А. Н. 1969. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 135–177.

Щемелев А. В. 2015. Феномен фракийского всадника: проблемы историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов. 7/1, 205–209.

Э*стетика* XX века. 2007. Эстетика и история искусства XX века. Хрестоматия. М., 688.

Я*йленко* В. П. 2010. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 739.

Яйленко В. П. 2013. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 347.

Яйленко В. П. 2017. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб., 1023.

Яйленко В. П. 2017а. Топонимика античного Крыма // БИ. XXXV, 3–88.

Яйленко В. П. 2019. Объяснение феномена кикладских идолов через теории искусства XX в. и учение Платона о душе // Археология и художественное видение: исторические контексты. М., 2019, 15–43.

Яйленко В. П. 2020. Женщина в кресле и всадник: интерпретации от М. И. Ростовцева доныне // БФ: Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Ч. 1, 158–168.

Яйленко В. П. 2027. Вопросы этнического состава населения хоры и малых городов Европейского Боспора I–III вв. н. э. по эпиграфическим данным // Рукопись (подготовлена к печати).

Яйленко В. П., *Бейлин* Д. В. 2026. Надписи I–III вв. н. э. с некрополя Кыз-аул на юго-западе Европейского Боспора // ДБ. 31, 338–366.

B*oardman* J. 1996. Greek art. London, 304.

Boardman J. 2007. The history of Greek vases. London, 320.

G*očeva* Z., Oppermann M. 1979, 1981, 1984. Corpus cultus Equitis Thracii. Leiden. Vol. I, 122; II/1, 176; II/2, 142.

J*usti* F. 1895. Iranisches Namenbuch. Marburg, 526.

K*azarov* G. 1938. Denkmäler des thrakisschen Reitergotten in Bulgarien. Budapest, 190.

M*ichailov* G. 1958, 1961. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae. Vol. II, 602; III, 305+ 259 tab.

P*ollitt* J. J. 2004. Art in the Hellenistic age. Cambridge, 329.

S*mith* J. J. 2001. Hellenistic sculpture. London, 287.
W*ölfflin* H. 1917. Kunstgeschichtliche Grundbegriffe. München, 260.
Worringer W. 1921. Abstraktion und Einfühlung. Ein Beitrag zur Stilpsychologie. München, 179.

Summary

V. P. Yailenko

The sepulchral stelae of the I century BC – II century AD with reliefs from Kyz-aul necropolis at the Eastern Crimea: unusual for Bosporus figurative imadge and geometric abstraction of avant-garde art

The Kyz-aul necropolis was functionated at the I century BC – III century AD, mostly at the I–II centuries AD. Six sepulchral stelae with reliefs and without epitaphs come from the recent 50 years digs. The one is unusual for Bosporan cemetery sculpture and resembles the "Thracian Reider Heros" votives, but is sepulchral and depicts the married couple of the late Crimean Scythians. The rest 4 items are anthropomorphic and very individual works of one master, who prefers to curve some geometric human figures. A key to interpret their semantics give a modernistic analysis of the geometric art abstraction by W. Worringer (Abstraktion und Einfühlung, 1908), some suprematisme pictures by K. Malevich (1928–1932) and portraits by A. Modigliani (1914–1920) as examples of primitive avant-garde art.

DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-501-9.336-364

В. П. Яйленко*, Д. В. Бейлин**
(Независимый исследователь, г. Москва;*
*** Институт археологии Крыма РАН, г. Керчь)*

Надписи I–III вв. н. э. с некрополя Кыз-аул на юго-западе Европейского Боспора

Предисловие. Некрополь Кыз-аул[1].

Некрополь у с. Кыз-аул (ныне с. Яковенково) на ЮЗ побережье Керченского полуострова был известен по случайным находкам еще в XIX в. Но первые разведочные раскопки предпринял Керченский археологический музей только в 1930 г., когда были вскрыты 14 могил, в них расчищены 43 взрослых костяка. По их результатам основные характерные черты его выявил В. Ф. Гайдукевич [1959, 207–211]. По устройству могилы плитовые, либо грунтовые, перекрытые каменными плитами. Основной способ захоронения – трупоположение. В каждой плитовой могиле по нескольку индивидов, т. е. они были семейными усыпальницами. Ориентация погребенных устойчивая – головой на юго-восток. Обильный инвентарь позволил установить хронологию могил: преимущественно I–II вв. н. э., но есть и единичные захоронения I в. до н. э., а также III в. н. э. Могила № 4 перекрыта обломком вторично использованного надгробия с эпитафией (КБН 945, о ней поведем речь далее). Результаты шестилетних раскопок некрополя Кыз-Аул О. Д. Чевелёвым (1979–1983, 1985 гг.) (96 могил и три монументальных склепа) были кратко отражены в двух публикациях [*Чевелёв* 1980; 1985]. Установлено, что вдоль морского берега некрополь тянется примерно на 200 м. Для II–I вв. до н. э. характерны преимущественно одиночные погребения в простых грунтовых могилах. С I в. н. э. преобладают плитовые могилы с повторными (от 2 до 12) захоронениями. Во II–I вв. до н. э. покойники ориентированы головой на юг, в I–II вв. н. э. на север, северо-восток, юго-восток и реже на северо-запад. По мнению О. Д. Чевелёва, примерно с рубежа эр произошла смена ориентации, обусловленная некоторыми этническими изменениями в составе населения городка, оставившего сей некрополь. Сам городок неизвестен. Современные исследователи Кыз-аульского некрополя считают, что он ушел под воду, но В. Ф. Гайдукевич [1959, 211] увязывал его с расположенным неподалеку городищем. Ниже, в § 5 мы найдем его название – Αὐμών.

С начала 1990-х по 2012 гг. Кыз-аульский некрополь, как и многие другие на п-ове, подвергся варварскому разграблению. Так, в 1994 г. в одном из отвалов грабитель-

[1] *Авторы с глубоким почтением поздравляют Керченский музей, заслуженно празднующий свое 200-летие.*

ских ям были собраны фрагменты кипарисового саркофага. С 1995 г. (с большими перерывами) исследования некрополя продолжилось экспедицией Керченского музея (а с 2015 по 2018 гг. Института археологии Крыма РАН) под руководством Н. Ф. Федосеева. В 1995 г. проведены охранные раскопки места разрушения погребального комплекса [*Федосеев, Сударев* 2007, 142–145]. Затем исследованы 7 монументальных склепов, около полусотни грунтовых и плитовых могил, отдельные захоронения лошадей и собак. С 2015 г. по настоящее время[2] на площади более 1500 м^2 исследовано более 80 погребений в простых грунтовых могилах, 6 монументальных склепов, погребения лошадей, собак. Все нижеследующие лапидарные надписи и граффити найдены раскопками с 1930 по 2024 г.

I. Новые эпитафии из Кыз-аула

1. Эпитафия сына Асатиса.

В 2024 г. в северной части берегового раскопа был открыт монументальный каменный склеп (№ 12), представляющий собой двухкамерное сооружение с дромосом, сложенное из хорошо обработанных известняковых плит [*Бейлин, Гецко, Рукавишникова* 2025]. Длина склепа 10,5 м, ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Пол обеих камер склепа и дромоса был вымощен плитами. Находки (обломки стеклянных сосудов и бусины) присутствовали только в костнице. Датировка склепа предположительно I в. н. э. В основной погребальной камере у ЮВ стены, в качестве плит пола, лицевой стороной вниз лежали две известняковые надгробные стелы. На углубленном поле вырезано антропоморфное изображение в виде округлой головы на высокой шее (см. о нем статью В. П. Яйленко в этом томе, раздел II, 4). Вторая стела прямоугольной формы была расколота надвое (рис. 1. А, Б; 2.В). Внизу имелся шип для установки в постамент[3]. Высота стелы с шипом 133 см, без шипа ≈112, шир. 45,5, толщ. 16–18 см. Оборотная сторона и боковые грани тщательно обработаны. Верхняя грань оформлена слегка выступающим карнизом (до 1,5 см) и трактована в виде прямоугольного верха фасада намогильной эдикулы с треугольным фронтоном, украшенным пальметтами над его скатами и в середине. Ниже выемчатый прямоугольный (27×33 см) рельеф с профильным изображением всадника на длинноногом коне (рис. 2.В). Фигура всадника сравнительно с конем маленькая. Он одет в кафтан и штаны; ноги едва доходят до грудины животного. В руках держит поводья. Судя по приподнятой голове коня, он их натянул (почти все кони боспорских рельефов стоят, поэтому передние ноги у них прямые). Холка, уши, хвост длинные, корпус крупный (частично срезан), особенно длинны ноги, это нередкая на Боспоре порода[4]. Между его крупом и левым краем рельефа стоит в фас оруженосец ростом с коня. На нём плащ

[2] С 2019 г. руководство полевыми работами осуществляется сотрудниками отдела античной археологии Института археологии Крыма РАН П. П. Гецко и Д. В. Бейлиным.

[3] Хранится в лапидарии ВКИКМЗ, инв. КЛ-2930. Н. Л. Кучеревская любезно прислала копию инвентарной карточки этой стелы, из которой заимствую выходные данные. Там греческий текст почти точен: ΘΑΔΑ [N(M)]AP[OP]AN | ΑΣΑ[Τ]ΕΙΣΟΥ ΧΑΙΡΕ.

[4] Такие же на ряде рельефов I–III вв. н. э.: КБН-альбом, 332, 393, 423, 438, 478, 489, 596, 612 и др. Преобладают же низкорослые лошади.

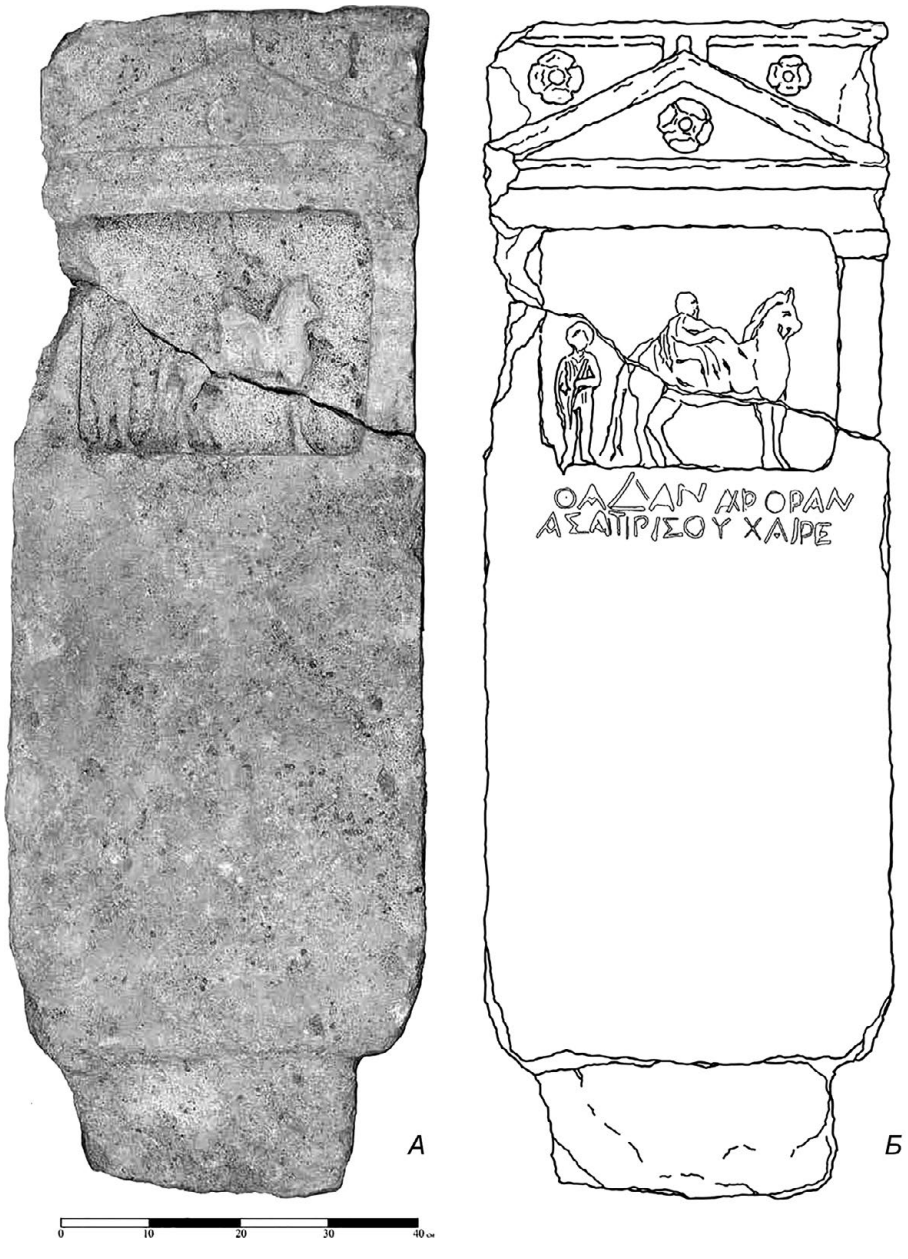

Рис. 1. *А*, *Б* – стела сына Асатиса (фото и прорись Д. В. Бейлина)

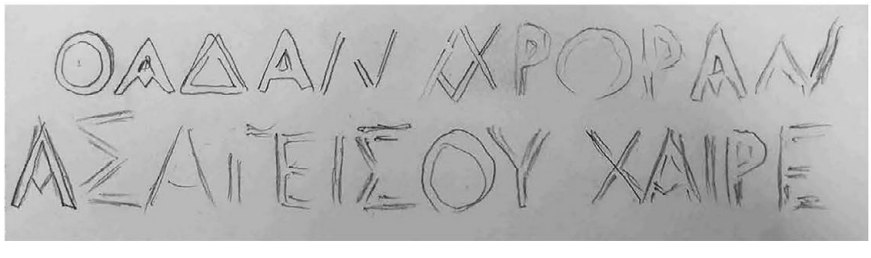
и штаны, голова кудлатая, с большой бородой; в левой руке держит короткий меч. Это мужчина средних лет или даже старше. Всадник же мал, вероятно, подросткового возраста (не случайно у него нет оружия). И при нем, быть может, не столько оруженосец, сколько его «дядька». Он-то и держит меч воспитанника. На боспорских надгробных рельефах I в. до н. э. – III в. н. э. множество изображений всадников (КБН-альбом, 267 сл.). Как правило, конь спокойно стоит, в движении показан редко. Изображения невзрослых наездников единичны. Поэтому надо отдать должное изготовившему эту стелу мастеру:

В

Г

Д

Рис. 2. Фрагменты стелы сына Асатиса, (фото и прорись Д. В. Бейлина):
В – рельеф; *Г* – надпись; *Д* – прорись надписи

он достаточно профессионально решил поставленную перед ним редкую задачу – передать средствами рельефа необычную для боспорской надгробной скульптуры тему увековечения памяти безвременно скончавшегося подростка, которого отец, как увидим далее по его личному имени, предназначал для воинской службы.

Лошадка под стать всаднику– за счет небольшой головы с треугольной мордой да лохматой гривой на укороченной шее она выглядит игрушечной, то есть совсем молода. Обычно у спокойно стоящих коней боспорских рельефов передние ноги прямые, шея располагается по диагонали, морда опущена вниз. У Кыз-аульской лошадки ноги тоже прямые, шея короткая и прямая, морда приподнята, (т. е. всадник натянул поводья, и она остановилась), что порождает картину прерванного движения. Возможно, это символизировало внезапно оборвавшуюся жизнь.

Под рельефом двухстрочная надпись приемлемой сохранности (рис. 1.Б; 2.Г, Д); средняя высота букв 2,2–2,5 см, расстояние между строками 0,9–1,2 см. По простым, спокойным формам букв надпись датируется I в. н. э.[5] В стк. 2 читается патронимик покойного Ἀσατείσου и неизменная для боспорских эпитафий I–III вв. прощальная формула χαῖρε[6]. Личное имя (далее ЛИ) Ἀσατεῖσος авестийское: aša-čiθra- «происходящий от Аши»[7]. Авест. aša- (западноиран. arta-) – один из главных догматов идеологии зороастризма, она олицетворяет мировой порядок, а применительно к человечеству праведность как основание общественных отношений (спектр понятий широк [*Bartholomae* 1904, 229–239]). Олицетворение этих свойств – богиня aša vahišta «праведность», «наилучший распорядок». Она средний член высшей триады иранской мифологии (первый Ахурамазда «мудрый владыка», третий Воху Мана «благая мысль»). По этой причине она бывает первым членом иранских ЛИ (примеры [*Justi* 1895, 42–43; *Gignoux* 1986, 50–51]). Употребление прощальной формулы в ед. числе (χαῖρε) означает, что имя покойного сынка Асатиса занимало всю стк. 1 эпитафии: ΟΑΔΑΝ[Α]ΧΡΟΡΑΝ. Ее первые 5 букв ΟΑΔΑΝ вполне читаемы, следующие две плохой сохранности, остальные различимые буквы переданы на прориси (рис. 2.Д). Видим в ΟΑΔΑΝ др.перс. *vaudana- «хорошего свойства, достойный» (в др.перс. ЛИ vaudana- [*Tavernier* 2007, 342])[8]. Далее читаем [Α]ΧΡΟ = ahura- «владыка» [*Bartholomae* 1904, 293] и ΡΑΝ = rāna- «воин» (в персидском ЛИ * (H)urāna [*Tavernier* 2007, 602]), в целом Ὀαδαν[α]χρόραν из др.перс. *vaudanahurarāna «достойный владыка-воин»[9]. Эпитафия в целом:

---

[5] Это письмо I в. н. э., отчасти и первой половины II в. Самый заметный датирующий признак – наклонные вправо гасты N, такая форма не свойственна надписям I в. до н. э., но нередка в I в. н. э. (КБН 381, 388, 390, 419, 455, 485, 509, 514), отчасти и во второй половине I в. – первой половине II в. (КБН 584, 592, 606, 634, 635, 639). Критические замечания по текстологии, интерпретации всех нижеследующих надписей и статьи в целом следует адресовать В. П. Яйленко. По причине преклонного возраста (86 лет) я давно не выезжаю дальше дачи, поэтому подлинников не видел, работал по фотографиям и прорисям Д. В. Бейлина. Большую помощь в работе оказала мне Н. Л. Кучеревская, которая прислала много своих фотографий, также выкопировки из своих книг-каталогов; чрезвычайно благодарен ей.

[6] Все буквы сохранны, утрачена лишь крышка Т, но справа часть ее видна.

[7] [*Bartholomae* 1904, 240]: aša-čiθra-. Поясним предложенное соответствие. Иран. č передается в греческом через ζ, θι, σ, τ [*Абаев* 1979, 329–330], в нашем случае через τ. Авестийскому θr соответствует др.перс. ç, так что авест. čiθra- «происхождение, род» = др.перс. čiça- того же значения. В эламском čiça- передано в составе персидских ЛИ как zí-iš-šá, в арамейском šš- [*Tavernier* 2007, 154–155]. Поэтому уже давно видели в имени персидского сатрапа при Дарии II и Артаксерксе II Τισσαφέρνης (445–395 гг. до н. э.) иран. čiθra- [*Justi* 1895, 164]. В греческих источниках обычна форма с удвоенной сигмой, но у Полиена есть и Τισαφέρνης [*Pape, Benseler* 1884, 1534; *Justi*, l. c.], это результат упрощения σσ в σ в греческом узусе. Соответственно, также ЛИ Ἀσατεῖσος по норме должно содержать двойную сигму, но в реальном узусе она упростилась до одной. В двухсложных древнеперсидских словах ударение всегда падает на второй от конца слог, поэтому акцентируем Ἀσατεῖσος. Его иран. i в греческом растянуто по обыкновению графики II–III вв. н. э. в ει (примеры [*Zgusta* 1955, 216]; иран. *a* передается в греческом не только как *a*, но также через *o* [*ibid*., 211–212], так что закономерное окончание номинативной формы этого ЛИ – Ἀσατεῖσος.

[8] Поясним ирано-греческие соответствия в паре vaudana- > Ὀαδαν(α). Иран. v передается в греческом по-разному, в том числе через *o*, авест. ao (= др. перс. au) через *a* [*Zgusta* 1955, 214–215, 230; *Абаев* 1979, 329], отсюда vau > οα. На прориси 1д исполнитель напрасно показал внутри начального омикрона точку – на хорошем фото 1г ее нет; вообще омикрон с декоративной точкой внутри встречается в надписях Ольвии, Березани VI–IV вв. до н. э., также в вотиве КБН 1111 от IV в. до н. э. [*Яйленко* 2017, 314, 676–677, 682].

[9] В паре ahura- > [α]χρο иран. *u* по метатезе переместилось за *r*, как, например, в ЛИ из Танаиса Ἀροασιος < aurva- [*Zgusta* 1955, 71–72, 230], при этом, как и в нашем случае, *u* нормально передано через *o*. Авест., др. перс. h может быть сильным, тогда передается через греч. χ, и слабым, которое в греческом обращается густым придыханием или опускается (примеры с ahura- [*Яйленко* 2010, 160–161]). В Кыз-аульской паре ahura- > [α]χρο сильное h, поэтому передано греческим χ, как, например, в ЛИ эпитафии XII в. н. э. из-под Анапы Ὀχωρμάζ=

Ὀαδαν[α]χρόραν | Ἀσα̣τείσου, χαῖρε «Ваданахроран, сын Асатиса, прощай».

У отца теофорное имя, у сына воинское – оба высокие по значению, но это не показатель их аристократического происхождения, таково свойство и рядового иранского антропонимикона. Обратим внимание на сложность имени сына: при том что иранские имена обычно двухосновные, оно образовано из трех основ, каждая из которых присутствует в иранских ЛИ, причем, с древности[10]. Это показатель сохранения в роду Асатиса древних иранских обычаев: проживая в сельской глубинке Боспора, он тем не менее явным образом высоко ставил свое древнее иранство. Поясним это.

ЛИ отца авестийское (aša, čiθra-), сына древнеперсидское (vaudana-, rāna-); ahura может быть тем и другим. Теоним aša в составе ЛИ фигурирует в иранских источниках от легендарного периода иранской истории (например, имя героя времен Кей Хосрова Ашаварзан, он еще и сын Ашакеда [*Justi* 1895, 43]) до раннесредневекового сочинения «Арта Вираз» (имена жрецов Аша, Джамашп Аша, Аша-джи [*ibid*., 42]). Таков хронологический простор и для зороастрийской религии, в которой Аша состояла в главной тройке пантеона: особенного значения зороастрийская церковь добилась при Сасанидах (III–VII вв. н. э.). Следовательно, по этим показателям имена отца и сына вполне могут быть синхронны по узусу времени эпитафии – I в. н. э. Отметим в связи с этим, что в своде ЛИ Северного Причерноморья Л. Згусты львиная доля иранских имен приходится на первые века новой эры, и этимологии большинства их построены на авестийской, лучше сказать младоавестийской, лексике. Иное дело древнеперсидские формы имени сына Асатиса Кыз-аульской эпитафии – это историческая память, апелляция к героической эпохе Ахеменидов VI–IV вв. до н. э., когда персы покорили едва ли не половину ойкумены, владея в том числе также Боспором [*Яйленко* 2004, 55–60; 2010, 7–11; 2027, лит.]. Такая аллюзия особенно важна для воинского имени сына «достойный владыка-воин», в котором Асатис определенно видел будущего героя битв. Однако эта семья этнически не персидская (в таком случае фигурировала бы не Аша, но Арта). Они и не сарматы: для этих полудиких кочевников, оседавших в I–III вв. н. э. на просторах Северного Причерноморья, особенно в Танаисе да Ольвии, именник слишком пафосный. Скорее всего они потомки тех «скифов», которые оставили курганы V–IV вв. до н. э. под Пантикапеем, Нимфеем, на Тамани. Особенно интересно в этом отношении имя Καβαθαξης двух надписей IV в. до н. э. (КБН 1056, 1113) из Гермонассы и с Цукурского лимана, в котором мы опознали иран. Kavāta-xšaya- «Кавата царь», – это местный племенной царек, носивший, тем не менее, имя основателя царской династии иранской легендарной предыстории Кайанидов Kavi Kavāta [*Justi* 1895, 159–160; *Яйленко* 2010, 150]. Разница между временем Кайанидов и таманским Каватой – несколько столетий, но весьма показательно сохранение антропонимии древней иранской традиции на Боспоре у сильно эллинизованных местных иранцев еще в IV в. до н. э. Того же рода сохранение элементов ахеменидской антропонимики VI–IV вв. до н. э. Кыз-аульскими потомками I в. н. э. тех же боспорских «скифов» VI–IV вв. до н. э.

среднеперсидская форма имени Ахурамазды ʻwhrmzd-, ōhrmazd- [*Яйленко* 2021, 474]. Ср. и авест. hu- «хороший» в боспорском ЛИ Хοφαρνος «благой фарн» [*Zgusta* 1955, 170].

[10] Иранские имена бывают трехосновные и даже четырехосновные [*Gignoux* 1986, 219 f.].

Я потому беру в кавычки этноним, что традиционная принадлежность курганов Нимфея, Пантикапея V–IV до н. э. скифам [*Виноградов* 2018, 211 сл., лит.] ставится под сомнение в работах Н. Ф. Федосеева. В новой статье об Ахеменидах на Боспоре [*Яйленко* 2027] приведу персидское имя покойного Ἀρταεννῦ на закладке входного проема кургана под Пантикапеем, это захоронение знатного лица персидского происхождения. В свете данных о протекторате Персии на Боспоре при Дарии Великом он – вероятный персидский официал, может быть, наместник. С другой стороны, по Фирдоуси, Ахемениды происходят от Кайанидов, так что Артаэнн может быть персоной того же ряда, что и таманский Кавата-царь, т. е. царьком тамошних кочевников.

1а. Эпитафия КБН 945 из Кыз-аула и поздние индоарии в Крыму[11].

КБН 945 – семейная эпитафия II в. н. э., текст: Σαγοδα καὶ γυνὴ Ιοδα καὶ μήτηρ Ιβαδα, χαίρετε «Сагода и жена Иода, и мать Ибада, прощайте». Как видно, все ЛИ завершаются одним и тем же формантом -da, ему есть соответствие в древнеиндийском – лексическая морфема -da «дающий, отдающий, наделяющий», fem. -dā (от глагола dā- «давать»). Все ЛИ имеют санскритские этимологии. Σαγοδα = санскр. *çākada «доставляющий силу, помощь, помощника, друга». Последнее значение усматривается и в Ιοδα < санскр. *yudā (yu «товарищ, приятель») «делающая другом». Ἰβαδα – санскритское ЛИ *Vibhādā «делающая сияющим». В эпитафиях I–II в. н. э. КБН 906, 907 из Тиритаки тоже 3 индоарийских ЛИ: Σοαιιστος = санскритское имя Suayçṭavya, Παγας, gen. Παγανος = санскр. bhága «счастье, благополучие» и ЛИ одного из адитьев, небесных богов; Σαβαδα(ς) = др.инд. ЛИ çapathīya. Имена эпитафии с некрополя близ с. Марьино на Тарханкуте имеют наглядные индоарийские корни: у Σωμαχος, по К. Витчаку, в основе имя бога Сомы, у Ἰαμαχος – имя царя подземного мира Ямы. У этой стелы есть рельеф, и сделавший его мастер поставил свою сигнатуру: Νάμαμ = санскр. ЛИ Naman/Namam (с ведического времени поныне). Все эти ЛИ связываю с таврами ЮЗ Крыма и предгорий, у них там представительная индоарийская топонимика [*Яйленко* 2013, 117–121], рассматриваю вопросы их поздней истории.

Антропонимика надписей из малых городов и с хоры Европейского Боспора дает представление об этническом составе их населения I–III вв. н. э. Для этого произвел выборку ЛИ из КБН (без Пантикапея), распределив их по этнолингвистической принадлежности. Итог: греческих 114, аборигенных боспорских 35, иранских 31, индоарийских 7, латинских 6, фракийских 3, египетское 1, интернациональное 1. При 114 греческих ЛИ 80 негреческих, это не паритет, но негреческий элемент весьма большой.

2. Эпитафия из погребения № 26 (раскопки 1980 г.).

Обломок нижней части известняковой надгробной стелы, сохранилась нижняя кромка выемчатого рельефа, изображение утрачено. Под этой кромкой располагалась эпитафия, кажется, двухстрочная. Как положено, стк. 1 начинается именем покойного

[11] Первоначально данная статья была большего объема – в ней были 4 параграфа с материалами об индоарийских ЛИ в эпитафиях КБН 945 из Кыз-аула, 906, 907 из Тиритаки, с позднескифского некрополя близ с. Марьино на Тарханкуте. Из-за слишком большого объема пришлось вывести их в отдельную статью «Этнолингвистическая характеристика населения хоры и малых городов Европейского Боспора I–III вв. н. э. по эпиграфическим данным и место в ней тавров-индоариев», будет опубликована в «Херсонесском сборнике» за 2026 г.

(покойной) Διο –. По подлиннику удалось бы уловить остатки двух строк (на фото они неразличимы, поэтому не прилагаем его).

3. Плита из склепа № 3.

Известняковая плита, найденная раскопками О.Д. Чевелёва 1985 г. (рис. 3. *1*). Судя по фото, она использовалась три раза, в том числе дважды для начертания надписей (эпитафий?), отчего у нее необычная форма (по фото высота ок. 95, ширина вверху ок. 25, внизу ок. 40, после уступа ок. 45 см). Видимо, сначала это была обычная прямоугольная стела с двухстрочной эпитафией (?) в нижней части (так сказать, надпись А), над нею мог быть рельеф. Затем лицевую сторону с рельефом спилили и на образовавшемся поле начертали новую надпись (Б), возможно, в 4 строки. В третий раз сделали спил с левой стороны, округлый в нижней части; возможно, полученный в результате конечной переделки блок с лекальными очертаниями имел какое-то строительное предназначение[12].

II. Ревизия изданных эпиграфических памятников с некрополя

4. Эпитафия Папии.

В двух случаях для перекрытия плитовых могил, отмечает О.Д. Чевелёв [1985, 86], использованы надгробия I в. н. э.; на одном из них рельеф с изображением трех стоящих фигур – женщина в рост и по бокам уменьшенные мужская да женская фигурки, возможно, сын и дочь; под рельефом частично сохранилась стк. 1 эпитафии: ΠΑΠΑ ΜΑΙΣ … (?) [*там же*, 86][13]. Судя по его фото, сохранившиеся буквы переданы точно[14]. По их формам надпись II в. н. э. (рис. 3. *2*). Она была двухстрочной: вполне видна вторая буква стк. 2 – А. Вопреки скепсису Г. Михаилова[15], по фото можно прочесть имя ΠΑΠ[Ι]Α = Πάπ[ι]α[16]. После него следуют буквы ΜΑΙΣ –, это начало ее патронимика, либо имени мужа; во втором случае за ним следовало слово γυνή «жена». На ΜΑΙΣ – начинаются боспорские мужские имена Μαισῶος (КБН 1021, 105 г. н. э.) и Μαίσης (КБН 1037, III в. до н. э.), по времени подходит первое, так что читаем:

Πάπ[ι]α Μαισ[ώου] -- «Папия, Майсоя *дочь/жена*, *прощай*».

5. Надпись с упоминанием переводчика Герака, сына Понтика.

Н.А. Павличенко и Н.Ф. Федосеев [*Pavlichenko, Fedoseev* 2018, 315–336; *Павличенко* 2020, 119–126] добротно издали найденный на некрополе Кыз-аула в 2017 г. фрагмент греческой надписи на мраморной плите (на другой ее стороне часть рельефа) с остатками 7 строк текста (рис. 3. *3*). Надпись датирована 204 г. н. э., она строительная или

[12] Для более основательной интерпретации памятника требуется работа с подлинником.

[13] На берегу моря было найдено еще одно надгробие, оно утрачено [*Корпусова* 1980, 145; *Чевелёв* 1985, 86].

[14] Размеры поля с рельефом: выс. 32,5 см, шир. 29 см.; высота букв: П – 3,8/4,3 см; А – выс. 3,8 см, шир. 3,5 см; Σ – выс. 3 см, шир. 2 см.

[15] Он счел, что на фото читаются лишь буквы ΠΑΠ и ΑΙ (SEG 35. 1985/1988, № 866).

[16] Женское имя Πάπια известно в Вифинии, Ионии и пр. (LGPN VA, 2010, 356). Между второй парой букв ΠΑ выбоина, расстояние незначительное, но дополнить тут Ι можно, поскольку и в следующем слове эта буква близко придвинута к альфе.

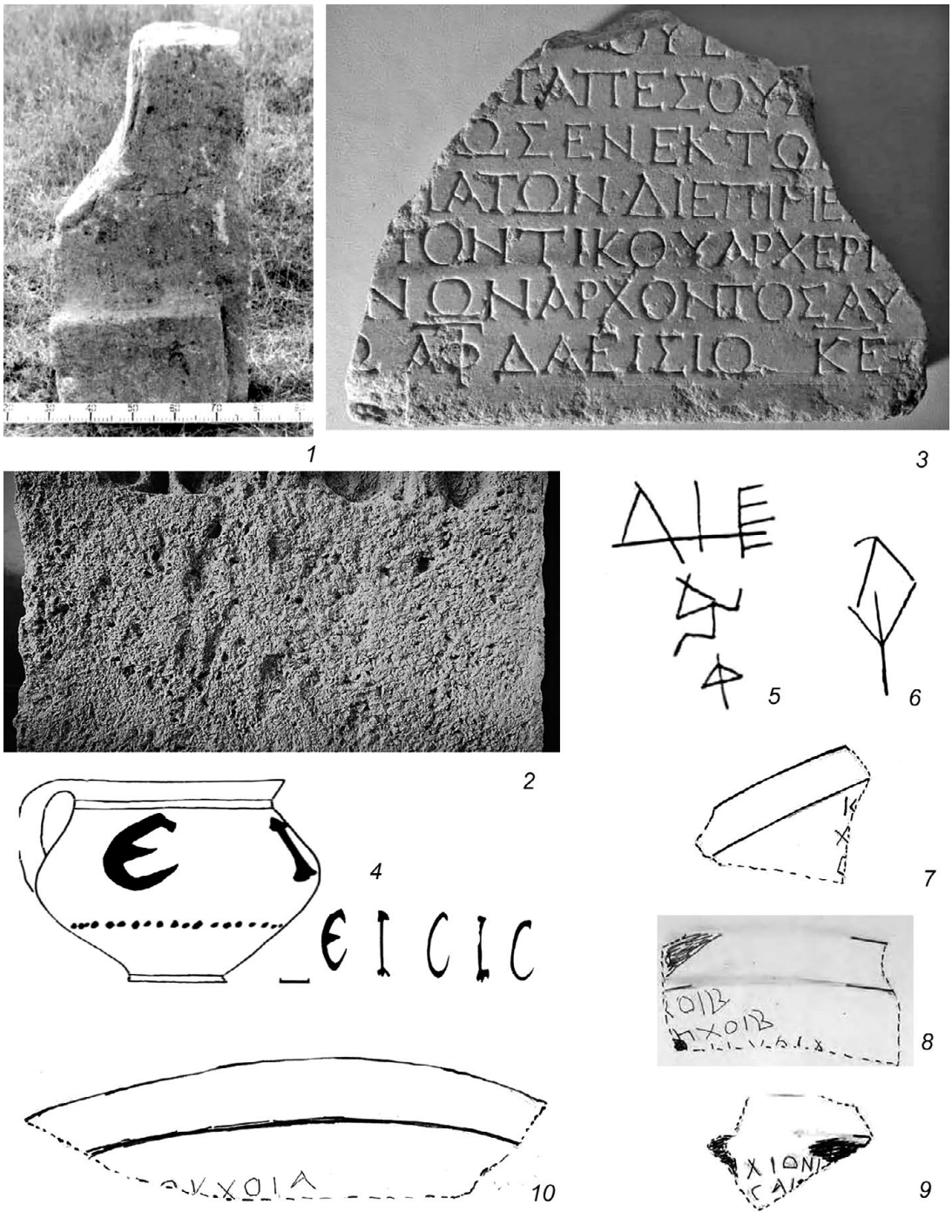

Рис. 3. *1* – Плита из склепа № 3 (фото Д. В. Бейлина); *2* – надпись на стеле Папии (фото Д. В. Бейлина); *3* – строительная надпись с упоминанием переводчика Герака (фото Н. Л. Кучеревской; из фондов ВКИКМЗ); *4* – дипинто с именем Исиды [*Емец, Чевелев* 1995, № 44]; *5* – граффито на дне краснолакового блюда [*Емец, Чевелев* 1995, № 39]; *6* – граффито на стенке краснолаковой тарелки [*Емец, Чевелев* 1995, № 40]; *7–10* – граффити с ингредиентами для возлияния (прорись В. П. Яйленко)

строительно-посвятительная: постройка или что-то иное после разрушения возобновлено неким персонажем, имя которого утрачено (либо корпорацией граждан), при попечении известного нам по КБН 1053 Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов. Текст и перевод Н. А. Павличенко [2020, 123]: [--]ου ε[--|-- κα]ταπεσουσ[--|-- καθιέρ]ωσεν ἐκ τῶ̣[ν ἰδ|ίων ἀναλω]μά̣των δι᾽ἐπιμε[λ|[5] είας Ἡρακᾶ] Ποντικοῦ ἀρχερμ|[ηνέως Ἀλα]νῶν ἄρχοντος αὐ|[λῆς vacat ἐν τῷ̣] αφ΄, Δαεισίῳ κε΄ «[такой-то возобновив] разрушенные [постройки?] на [собственные] средства, посвятил (их) [некоему божеству?] попечением Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов, управляющего царским двором, в 501 году, дня 25 месяца Даисия». Эту интерпретацию оспорил Ф. В. Шелов-Коведяев [2021, 755–766], его текст и перевод: [Ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος τοῦ | …….]λ̣ί̣ο̣υ̣ ἐ̣π̣[ὶ τῆς Θεοδοσί|ας τὴν κ]αταπεσοῦσ[αν εἰκόνα | ἀνενέ]ωσεν ἐκ τῶ̣ν̣ [ἰδίων |[5] ἀναλω]μάτων δι᾽ἐπιμελ̣[είας | Ἡρακᾶ] Π̣οντικοῦ ἀρχερμ[ηνέως | Ἀ λ α] ν ῶ ν ἄρχοντο(ς) Σαυρ[ομά|του ἐν τ]ῷ̣ vac. АФ vac. Δαεισίῳ vac. КЕ «[*Такой-то* сын *такого-то*, внук *имярек*], управляющий [Феодосией, вот этот] разбитый [монумент] восстановил на собственные средства при попечительстве начальника аланских переводчиков Герака, сына Понтика, при архонте Савромате в (год) 501-й, в Даисий 25-го (дня)».

Текст Н. А. Павличенко хорош своей цельностью и строгим следованием только сохранившимся буквам, методически таким и должно быть первоиздание. А последующие ученые могут предлагать разного рода дополнения в поисках более точного текста и содержания. Этим вполне воспользовался Ф. В. Шелов-Коведяев, в тексте которого немало дополнений. Он видел подлинник в Керченском лапидарии и заключил, что правый край плиты, вопреки утверждению издателей, не сохранился (издатели сочли его частично сохранным внизу на уровне двух последних строк). Как ни странно, обе стороны имеют свой резон: правый край действительно не сохранился[17], но текста правее букв РМ и АУ в стк. 5–6 не было. На это указывает диагональный скол после АУ – он таков, что любая третья буква, если б она стояла, была бы частично сохранной; но там чистая поверхность, что возможно только при переносе текста на следующую стк. 7. По этой причине издатели были более точны, распределив реконструируемый текст при условии сохранности правого края. В целом в строках насчитывалось по 19–21 букве (если в строке были 2–3 иоты, то от 18 до 22 букв)[18].

---

[17] Н. Л. Кучеревская по моей просьбе любезно прислала десяток фотографий оборотной стороны фрагмента, в том числе с боковыми краями; структура правого края такая же, как у левого, на нем нет следов полировки мраморной поверхности, так что тот и другой обломаны, но если левый край серьезно обрушен, то справа слегка сколота лишь полированная поверхность боковой грани.

[18] С. Ю. Сапрыкин [2021, 351–354] дал свое чтение стк. 1–3, 6. Он хорошо восстановил в стк. 2 причастие [τὴν κ]αταπεσοῦσ[αν] и справедливо указал на неприемлемость чтения издателем должности Герака ἄρχοντος αὐ[λῆς] – должно быть τοῦ ἐπὶ τῆς αὐλῆς. К сожалению, остальное мало обосновано. В стк. 1 он усмотрел на фото перед ΟΥ буквы Α̣Σ, полагая, что от сигмы сохранилась нижняя горизонталь, и дополнил [-- θι]ά̣σου (?) «фиаса». Однако, это явно случайный эффект фотосъемки, так как черточка касается вплотную следующего омикрона, чего в сей надписи быть не может: все буквы отделены друг от друга бо́льшим или меньшим промежутком; кроме того, она находится над нижней линейкой строки, тогда как все буквы надписи лежат на ней. Его чтение стк. 2–3: [-- τὴν κ]αταπεσοῦσ[αν στή|λην ? ἐνέ]ωσεν «упавшую (стелу?) восстановил». Оно возможно лишь теоретически, ибо наталкивается на чрезвычайную редкость глагола νεόω – в LSJ дано всего 5–6 случаев его употребления, из них в строительном смысле «восстанавливать» лишь 2 примера, причем эпиграфический узус единичный. В стк. 6 он читал ἄρχοντος Αὐρ(ηλίου), т. е. был еще один персонаж – «архонт Аврелий»; это был бы хороший вариант, но для него приходится вставлять впереди связку – (καὶ), что минимизирует его шансы.

Издатели и Ф. В. Шелов-Коведяев справедливо считали на основе остатков эпиграфических формул, что возобновил разрушенную постройку некий персонаж, имя-отчество которого утрачено, тогда как Герак был только попечителем строительства[19]. Н. А. Павличенко логично ограничилась простым упоминанием этого персонажа («такой-то» ее перевода), а у Ф. В. Шелова-Коведяева он «управляющий [Феодосией]», для чего серьезных оснований нет. Вычитав в АРХОΝΤΟΣΑΥ стк. 7 ἄρχοντο(ς) Σαυρ[ομά|του], он счел, что в надписи упоминается боспорский царь Савромат II, но без царского титула – он всего лишь архонт, из чего заключил, что римский император Септимий Север лишил его царского достоинства. К сожалению, с этой операцией маститого эпиграфиста согласиться трудно, ибо для его предположения об опущении одной из двух следующих подряд сигм это непосильно значимые исторические выводы. Напротив, разделяем его и С. Ю. Сапрыкина сомнение в реконструкции Н. А. Павличенко должности Герака ἄρχοντος αὐ[λῆς] «управляющий (царским) двором», ибо, как сказано, сия должность именовалась, как и ряд других, по формуле ὁ ἐπὶ + gen. существительного с артиклем, т. е. ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς (КБН 49, 78 и др.), кроме того, ἄρχων на Боспоре римского времени оставался полисной должностью (примеры на с. 843 КБН). Вместо дополненного ею в стк. 3 [καθιέρ]ωσεν Ф. В. Шелов-Коведяев предложил глагол [ἀνενέ]ωσεν «возобновил», сомнительный своей формой, ибо с приставкой ἀνα- он отложительный: ἀνανεόομαι (LSJ, s. v.).

Считаем ценным его наблюдение, что остаткам стк. 1, показанным издателями как – ου, предшествовали две буквы: – λ̣ι̣ου (сохранились апексы двух наклонных гаст и одной вертикальной). Добавим, что можно читать - - α̣ί̣ο̣υ̣, оно неплохо уложилось бы в [φιλορωμ]α̣ί̣ο̣υ̣ – завершение свойственной строительным надписям эпонимной датировки по правящему царю, в данном случае по Савромату II. Далее должны следовать имя-отчество строителя (имя начиналось бы на Е-), но для указания должности места нет, что снимает сей вариант. Однако в случае, если строителем выступал город, как в КБН 942, этого препятствия не было. В ε̣[--] можно видеть начало причастия, которое должно присутствовать далее в соответствии с формульной последовательностью текста: ἐ̣[πισκευᾶσας] «отремонтировав» или ἐ̣[ξαρτίσας] «отстроив». До него упоминалось имя-отчество ремонтника/строителя и его должность, либо корпус граждан города. Все это явствует из формульной структуры надписи, для выявления которой имеются две зацепки. Одна – ταπεσουσ стк. 2, что издательница логично сочла остатком аористной формы глагола καταπίπτω «разрушать» (в боспорских строительных надписях обычна речь о восстановлении разрушенного архитектурного объекта), а С. Ю. Сапрыкин хорошо реализовал в качестве причастия [κ]α̣ταπεσοῦσ[αν]. Вторая зацепка – формула о расходах из собственных средств плюс остаток глагола: ἐκ τῶ̣[ν ἰδ|ίων ἀναλω]μ̣άτων – ωσεν чтения Н. А. Павличенко. По ее мнению, были разрушены какие-то постройки, и некто восстановил их, посвятив божеству. Ф. В. Шелов-Коведяев отверг разрушение построек (стои, пилона, ворот) и предпочел дополнение слова εἰκών ([τὴν κ]αταπεσοῦσ[αν εἰκόνα | ἀνενέ]ωσεν «[вот этот] разбитый [монумент] восстановил»), которое перевел как «монумент»,

[19] Это обычная практика, запечатленная в строительных надписях Боспора; к примеру, община китейцев выстроила храм на свои средства, а попечителем выступил видный официал Симмах Стратоников (КБН 942); строительные работы по возобновлению разрушенного храма Афродиты предпринял Савромат I, а попечительствовал над ними официал царства, ведавший святынями (КБН 1045).

но следовало бы пояснить, что он имел в виду «скульптурный монумент», ибо εἰκών – это рельеф, либо круглая скульптура (LSJ, s. v., I). Поскольку в ряде боспорских надписей говорится о постановке статуй богов, царей, римских императоров (εἰκών – КБН 840, 1240, ἄγαλμα – 63, 1040, 1134, 1201), но нет речи о статуях иного рода[20], дополнение [τὴν κα]ταπεσοῦσ[αν εἰκόνα] означает разрушение на Боспоре статуи бога, царя, императора, прецедентов чему нет[21]. Поэтому наверняка речь шла о разрушении каких-то архитектурных сооружений. Как сказано, Н. А. Павличенко склонилась к сакральным постройкам (по ее мысли, они посвящены «некоему божеству?»), и это может быть аргументировано, к примеру, ссылкой на реконструкцию Савроматом I обветшавших строений храма Афродиты Апатуры в Гермонассе КБН 1045.

В боспорских строительных надписях ведется речь о возобновлении и сакральных и гражданских построек. Формульная структура надписей, связанных с гражданской архитектурой, хорошо выражена в группе строительных актов Танаиса конца II – первой трети III в. н. э., т. е. времени Кыз-аульской надписи. Это КБН 1241–1252, содержащие указание на возобновление разрушенной городской постройки (башни, ворот, стены, источника) поименованным лицом (лицами), с указанием должности, на собственные средства (так в КБН 1244, 1245, 1247, 1249 + [*Nadel* 1967/8, 80]), при попечении другого лица (лиц), с указанием его/их должности; открываются эти акты эпонимной датировкой по правящему царю, завершаются точной датой по боспорской эре. Обязательны указание на разрушенность объекта в причастной форме (καταφθαρέντα etc.) и 1–2 аористные формы глаголов, говорящие о постройке его или возобновлении, ремонте, как в причастной форме (οἰκοδομήσας, ἐξαρτίσας), так и в личной (ἀνέστησα, ἀπεκατέστησα). В строительных надписях других боспорских центров употребляются также глаголы ἐπισκευάζω, ἀναγείρω и пр. При этом в одних актах глагол, завершающий клаузулу о ремонте/строительстве/возобновлении объекта, стоит после формулы ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων (КБН 45, 1244, 1245, 1247, 1249, 1252, 1257 + [*Nadel* 1967/8, 80]), в 2–3 других после нее. Это строительно-посвятительная надпись 234 г. из Китея КБН 942, община которого соорудила на свои средства храм с прилежащим двором: она его ἐποίησεν ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων (переходим, таким образом, к храмостроению). Того же типа и 1115: храм ἀνήγειρεν Фарнакион ἐ. τ. ἰ. ἀ. (Горгиппия, при Савромате I); может быть, таков и скудный обломок 1214. Данная эпиграфическая конструкция, как видно из 2–3 последних примеров, связана со строительством храма и его архитектурного окружения, так что при ориентации на сей узус понимание Кыз-аульской надписи Н. А. Павличенко как строительно-посвятительной точно[22]. Оно поддерживается и дополненным ею глаголом [καθιέρ]ωσεν, который из числа глаголов на -οω единственно соответствует архитектурной лексике строительных боспорских актов (КБН 39, 41, 1045, 1048, 1237).

[20] Изображения покойных боспорян (εἰκών) упомянуты в стихотворных эпитафиях КБН 113, 139, что неприменимо к Кыз-аульской надписи – она не эпитафия и не стихотворная.

[21] Можно предположить, что причастие вин. падежа [κα]ταπεσοῦσ[αν] «разрушенную» относится к формуле о разрушении от времени (типа χρόνῳ καταφθαρέντα КБН 1242, 1243 и др., χρόνῳ καθηρημένας КБН 1045 etc.), но она относится исключительно к постройкам (см. ниже), не к скульптуре.

[22] За исключением излишней заминки в переводе, где она поставила глагол после формулы о собственных средствах: «на [собственные] средства, посвятил».

Лишь для проверки ее текста альтернативой обратимся к вышеупомянутой первой конструкции, связанной с ремонтом/постройкой гражданского сооружения в городе (портик с картиной – КБН 45, башни, ворота, сте́ны, источник – 1244 и др.), теоретически она равноценно возможна для восстановления Кыз-аульского акта. Exempli gratia остановим внимание на самой обычной городской постройке – стое (о ней в греческих городах [*Wicerley* 1962, 110 f.; *Coulton* 1976]); ее употребительность выражена в многозначности самого термина στοά – это «портик», «крытая галерея», «колоннада», «хлебный склад, магазин» и пр. (LSJ, s. v.). Не станем говорить о крытой галерее для прогулок, но как аграрный, Кыз-аульский городок вполне мог иметь по меньшей мере стою-хлебный склад. Однако с глаголом у такого варианта проблемы. Теоретически можно привлечь νεόω «возобновлять»; с дополнением двух упомянутых причастий текст стк. 1–3 был бы таков: ἐ̣[πισκευ|ᾶσας τὴν[κα]ταπεσοῦσ̣[αν | e. g. στοὰν ἐνέ]ωσεν «*отремонтировав* сию разрушенную *стою, возобновил*». Но глагол этот, как сказано, редкий, так что реконструкция с его участием отпадает. Можно помудрить и с чтением причастия [κα]ταπεσοῦσ̣[αν], но и это обречено на неудачу, и тоже по причине редкого узуса привлекаемого взамен слова[23]. Как видно, серьезной альтернативы реконструированному Н. А. Павличенко глаголу [καθιέρ]ωσεν нет, так что, повторим, ее мнение о строительстве/возобновлении какой-то сакральной постройки точно.

Мы разовьем его при помощи упомянутых остатков стк. 1 – α̣ί̣ο̣υ̣ и дополненного причастия ἐ̣[ξαρτίσ|ας] «отстроив» (см. LSJ, s. v. ἐξαρτίζω I: «окончить строительство»). Материал для реконструкции храмового комплекса дают строительные акты КБН 942 от 234 г. н. э. из Китея и 1045 от 105 г. н. э. из Гермонассы. В первом говорится, что община китейцев (ἡ πατρὶς Κοιτειτῶν) для Бога гремящего «выстроила храм с прилежащим зданием и оградою» (τὸν ναὸν σὺν τοῦ παρακειμένου οἴκου καὶ τοῦ περιαύλου ἐποίησεν) на собственные средства, попечителем выступал официал Юлий Стратоник. В гермонасском акте сообщается о постройке Савроматом I обветшавших (χρόνῳ καθηρημένας) построек храма Афродиты Апатуры: царь [τὰς] περιναΐους στοάς – διεγείρας – καθειέρωσεν «окружающие храм портики -- восстановив, -- посвятил». Здесь находим все элементы, присутствующие или частью дополняемые в Кыз-аульском акте: обветшавший/разрушенный храм (χρόνῳ καθηρημένας ~ [κα]ταπεσοῦσ̣[αν]), причастие со значением «восстановил» (διεγείρας ~ ἐ̣[ξαρτίσας]), строительство на собственные средства, участие эпимелета,

[23] Можно предположительно видеть в – ταπεσουσ – стк. 2 архитектурный термин πεσσός «кубическая масса строения, терраса» (LSJ, s. v. III). У Страбона (XVI. 1, 5) это кубовидные цоколя арок, поддерживающих своды «висячих садов» в Вавилоне, у Прокопия (De aed. I, 1, 37) кубические стереобаты (те же цоколя) под колоннами в интерьере Константинопольской Св. Софии («Посередине храма высятся четыре сделанных человеческими руками постамента, которые называют стереобатами (πεσσοί): два из них обращены на север, два другие – на юг; они стоят друг против друга и совершенно похожи один на другой. И та и другая пара имеет посередине по четыре колонны. Эти постаменты сложены из огромных каменных глыб большой высоты, великолепно подобранных и искусно подогнанных друг к другу. На них поднимаются арки со всех четырех сторон; края их сходятся по двое и крепко приделаны к верху этих постаментов, остальная же часть арки, гордо поднявшись кверху, витает в беспредельной высоте» [ВДИ 1939, 4, 210; пер. С. П. Кондратьева]. Коль речь идет о колоннах, логично увязывать их с городской стоей, существом которой как раз и была колоннада (в том числе при храме, как в КБН 1045). Отсюда предполагаемое в стк. 2–3 чтение: [-- κα]τὰ πεσοὺ[ς τῆς στοᾶς--] «колоннаду *стои* на кубовидных цоколях». Однако вычитыванию слова πεσσός препятствует редкость его употребления; пишем о варианте с ним лишь для того, чтобы оттенить добротность чтения С. Ю. Сапрыкиным и Ф. В. Шеловым-Коведяевым причастия [κα]ταπεσοῦσ̣[αν].

глагол καθιέρωσεν. Приведенные аналогии дают и главное для реконструкции Кыз-аульской надписи – указание на храм и какую-то его часть: [? τὸν ναὸν σὺν τοῦ περιν]ᾳ̣ί̣ο̣υ̣ «храм с обстройкой» (архитектурный термин περιναΐος означает храмовую обстройку: LSJ, s. v.). При всем этом нужно учитывать несопоставимость построек в Гермонассе и Кыз-аульском городке по масштабу. В Гермонассе древний и весьма почитаемый таманскими греками храм Афродиты Апатуры возобновлен Савроматом I в качестве перистиля, т. е. с круговой колоннадой, это богатая постройка. В Китее выстроен более скромный «храм с прилежащим зданием и оградою». А о Кыз-аульском городке мы ничего не знаем, это само по себе свидетельство его незначительности. Посему следует удовлетвориться скромным храмом: [? τὸν ναὸν σὺν τοῦ προν]ᾳ̣ί̣ο̣υ̣[24] «храм с пронаосом» (ср. LSJ, s. v. πρόναος II: προνάϊον, т. е. «пронаос»)[25]. Но при дополнении любого причастия в стк. 1 (ἐ̣[πισκευᾶσας], ἐ̣[ξαρτίσ|ας] и др.), причастие стк. 2 [κα]ταπεσοῦ̣σ̣[αν] уже не может относиться к «храму с пронаосом», так что «разрушенной» была другая постройка. При этом надо учитывать, что дополняемое слово должно быть женского рода и коротким, не более 4–5 букв. Памятуя о [τὰς] περιναΐους στοάς «окружающих храм портиках» храма Афродиты Апатуры, также о сказанном ранее по поводу распространенности стои в городах, можно заключить, что у дополнения необходимого к [κα]ταπεσοῦ̣σ̣[αν] названия постройки στοά нет серьезных конкурентов. Подытоживая, читаем в целом стк. 01–3 так: [-- *θεῷ* (nomen) τὸν ναὸν? | σὺν τοῦ προν]ᾳ̣ί̣ο̣υ̣ ἐ̣[ξαρτίσ|ας καὶ τὴν κα]ταπεσοῦ̣σ̣[αν | ?στοὰν καθιέρ]ωσεν «*такому-то богу* (?) *сей храм с пронаосом отстроив, также эту* разрушенную *стою* (?), посвятил»[26].

Следующий далее текст вполне установлен Н. А. Павличенко, остается неясным лишь упомянутый вопрос об архонте. Поскольку и в римское время на Боспоре это полисная должность – архонты были в Пантикапее, Танаисе, Фанагории-Агриппии, Гермонассе-Кесарее, Горгиппии[27], такова она и в исследуемой надписи. Следовательно, Герак был архонтом Кыз-аульского городка, так что в следующих буквах AY логично видеть его название, точнее произведенное от него обозначение жителей (этникон). Список мелких городков Керченского полуострова дает равеннская «Космография» конца VII – начала VIII в. Среди прочих здесь (IV, 3) упомянуты «Acra, Sanabatin, Asandi, Cita, Ninfa, Abritani, Aumon, Malorossa» [*Подосинов* 2002, 193]. Вполне опознаваемые тут Акра, Китей, Нимфей показывают, что и остальные расположены на черноморском побережье полуострова, либо при нем. Asandi – это Асандрион, несущий имя царя

[24] Здесь ί̣ должно быть с двумя точками сверху – ΐ̣, но в наборе шрифта DotGreek таковой нет.

[25] Предлог σύν употребляется с дативом, но в боспорской эпиграфике I–III вв. н. э. он несколько раз заменен родительным, в том числе в китейском акте [*Доватур* 1965, 829, § 7: 6].

[26] Как сказано, в строительных боспорских надписях нередко указание на разрушенность постройки от времени, лексически оно разнообразно. В актах Танаиса употребительны формулы χρόνῳ καταφθαρέντα (КБН 1242, 1243 и др.), χ. ἠμελημένας (1250), в Гермонассе χ. καθηρημένας (КБН 1045). Причастие Кыз-аульского акта [κα]ταπεσοῦ̣σ̣[αν] по своему значению вполне вписывается в эту парадигму: χ. [κα]ταπεσοῦ̣σ̣[αν] «разрушенную от времени». Женский род этого причастия указывает, что и сама постройка того же рода. Но на Боспоре все постройки с временно́й формулой – мужского рода, лишь одна женского: χ. ἠμελημένην (1250, обстройка источника – κρήνην). К примеру, объектом восстановления могла быть стоя, этот вариант мы уже рассмотрели выше, и отметили, что у него проблема с выбором глагола. Как видно, увязыванию причастия [κα]ταπεσοῦ̣σ̣[αν] с некой другой постройкой альтернативы нет.

[27] КБН 1251: ἄρχων Ταναειτῶν, 1051: ἄρχοντες Ἀγριππέων Καισαρέων, см. о них [*Яйленко* 2010, 286–288, 305].

Асандра городок у Тобечикского озера; лежащий меж ним и Акрой, Санабатис был с VII в. согдийской торговой факторией [*Яйленко* 2025а, 486–487; 2025 б]. Упомянутые после Нимфея Aumon и даже Abritani – подходящие кандидаты на название Кыз-аульского городка, которое начиналось буквами Αὐ-[28]. Топоним Aumon можно грецизировать по типу весьма распространенного в Греции и других областях названия городов Αὐλών, -ῶνος, этникон Αὐλωνῖται [*Pape, Benseler* 1884, 176], т. е. Αὐμών, -ῶνος, этникон Αὐμωνῖται. Отсюда читаем в стк. 6: ἄρχοντος Αὐ[μωνιτῶν?], так что вторая должность Герака, предположительно, «архонт ав*монитян*»[29]. Через 4 года мы снова встречаемся с Гераком, но на другом берегу пролива – в Гермонассе, где он тоже был попечителем сооружения какой-то постройки (КБН 1053 от 208 г. н. э.). Здесь у него лишь должность главного переводчика алан, и понятно, что с переездом в Гермонассу он утратил пост архонта Кыз-аульского городка. Но в новой надписи из Пантикапея [*Сапрыкин* 2024, 334–347; *Шелов-Коведяев* 2025, 473–474] он тоже архонт – как официал высокого ранга был кооптирован в местную коллегию архонтов.

Небезынтересно и само присутствие Герака в Кыз-ауле. Если он исполнял тут свои служебные обязанности главного переводчика алан, то это означало бы пребывание алан в Крыму по меньшей мере с самого начала III в. н. э. Мнение об аланах здесь с этого столетия развивали А. И. Айбабин и Н. И. Храпунов, усматривая сходство погребальных конструкций на ряде могильников Крыма и Северного Кавказа, но она подверглась разрушительной критике [*Казарницкий*, *Строков* 2022, 155 сл., лит.]. Показательно и то, что в списке имен III в. н. э. из недалекой Феодосии КБН 947 присутствуют 9 иранских ЛИ (Ἀρδαρος, Ἀχαιμένης, Ὀμψαλακος, Ραδαμείστος, Φάδσιος, Φαρνάκης, Φαρνακίων, Φίδας, Χωνδιακος), но лишь 2 могут быть аланскими – Φάδσιος, Φίδας [*Zgusta* 1955, 161–163], так что при столь малом их представительстве нет нужды в присутствии поблизости главного переводчика с аланского. Коль работы Гераку в Кыз-аульском городке не было, можно предположить, что он был его уроженцем, потому и принял участие в наблюдении за постройкой храма. Примеры такого рода дает нам современная Керчь: ее славные уроженцы, уехавшие в Москву физик В. Д. Письменный и певец Юрий Богатиков, «сколотив» в 1990-х годах некоторое состояние, выстроили в родном городе по зданию: один – Центр искусств своего имени, другой – здание учрежденного им благотворительного фонда «Деметра». Возможны и иные объяснения. Так, на Боспоре сооружение значимых построек почти обязательно осуществляется при попечительстве крупного официала, это явная литургическая нагрузка к их должностям, но по какому принципу она распределялась между ними, нам неизвестно.

Так же совсем неясно, кто вложил собственные средства в постройку Кыз-аульского храма. С одной стороны, по примеру жителей Китея (ἡ πατρὶς Κοιτειτῶν) это могли

[28] На Боспоре в надписях римского времени засвидетельствована спирантизация β, т. е. переход ее в v, именно лат. v передавалось бетой [*Доватур* 1965, 808, § 2: 3]. Поэтому писаное здесь латиницей название Abritani, могло передаваться на письме по-гречески Αὐριτάνιοι. Но в другой статье [*Яйленко* 2027б] мы признали в нем таврско-индоарийское этническое обозначение автохтонного населения причерноморской части Керченского полуострова, поэтому связываем с Кыз-аульским городком только топоним Aumon.

[29] Напомним, что на камне после AY следует косой скол, и в соответствии с промежутками между буквами ΑΡΧΟΝΤΟΣΑΥ левая мачта Μ должна быть частично видна. Впрочем, это относится и к любой другой букве, так что, повторимся, вряд ли стоит сомневаться, что далее шел перенос в следующую строку.

сделать обитатели Кыз-аульского городка (так сказать, πατρὶς Αὐμωνιτῶν), с другой, в греко-римском мире несть числа примерам частной строительно-благотворительной деятельности. Ввиду отсутствия каких-либо показаний не включаем в реконструируемый текст начала надписи указание на строителя, которое должно находиться здесь. То же и с именем божества, которому посвящен храм. Если в гермонасском акте имя Афродиты следует за глаголом καθειέρωσεν, то в Кыз-аульском акте места для теонима тут нет. Поэтому он упоминался в начальной его части, как в Китейской надписи.

Итого, в утраченной начальной части Кыз-аульского строительно-посвятительного акта находилось следующее: эпонимная датировка по Савромату II (факультативно); обозначение строителя – община жителей или частное лицо (лица), в этом случае с указанием его (их) должности (должностей); имя божества, которому посвящена постройка. Далее в соответствии с изложенным реконструируем надпись следующим образом (в основном это текст Н. А. Павличенко, с добавлением ряда наблюдений Ф. В. Шелова-Коведяева и наших дополнений)[30]:

01 [--*quiddam θεῷ* (nomen) τὸν ναὸν?	«--*некто такому-то богу* (имя) *сей*
1 σὺν τοῦ προν]ᾳ̣ί̣ο̣υ̣ ἐ̣[ξαρτίσ-	*храм (?) с пронаосом отстроив, также*
ας καὶ τὴν κα]ταπεσοῦ̣σ̣[αν	*эту* разрушенную *стою* (?), посвятил
3 στοὰν? καθιέρ]ωσεν ἐκ τῶ̣[ν ἰδί-	из собственных средств, при попечительстве
ων ἀναλω]μ̣άτων, δι’ἐπιμε [λί-	Герака, сына Понтика, главного переводчика
5 ας Ἡρακᾶ] Π̣οντικοῦ, ἀρχερμ̣-	алан, архонта ав*монитян* (?), в 501 году,
[ηνέως Ἀ λ α]ν ῶ ν, ἄρχοντος Αὐ-	месяце Даисии, 25 числа».
7 [μωνιτῶν?, ἐν τ]ῷ̣ αφ΄, Δαεισίῳ κε΄	

III. Изданные и новые граффити, дипинто

Опубликованы 5 граффити и одно дипинто на керамике и прочем из погребений Кыз-аула [*Емец, Чевелев* 1995, 20–23, № 39–44; *Сапрыкин, Масленников* 2007, 143–144, № 735–740]. Рассмотрим их тексты.

01 (рис. 3. *4*). Дипинто по содержанию самое ясное – читается имя Исиды. Имена египетских божеств употреблялись на найденных в Северном Причерноморье погребальных сосудах для праха покойного, обычно они писались краской до обжига сосудов; употреблялись в позднеэллинистическое и римское время. К примеру, горшок с написанным белой краской именем Гермеса найден в могиле на Митридате, стоял в ногах покойного; имеется в виду Гермес-Психопомп, сопровождавший покойника в иной мир [*Соломоник* 1973, 61 сл.; *Яйленко* 2006, 386, лит.][31]. На плечиках найденного в Кыз-аульском склепе одноручного красноглиняного горшка надпись белой краской III в. н. э.: Εἶσις «Исида» [*Емец, Чевелев* 1995, № 44]. Издатели правомерно сослались на статью Э. И. Соломоник [1973] с надписями такого рода, но С. Ю. Сапрыкин

[30] Дополненный под вопросом текст дан в переводе курсивом.

[31] Есть имена богов, нанесенные лаком на киликах да скифосах III–II вв. до н. э. малоазийского производства, но это посвятительные надписи; к примеру, ряд таковых найден в Ольвии [*Штерн* 1901, 22–24]. В указанной статье 2006 г. мы отнесли упомянутую надпись на горшке с именем Гермеса к числу посвятительных, но теперь исправляем свою ошибку: она магическая [*Яйленко* 2027а, раздел I, A, V].

[*Сапрыкин, Масленников* 2007, № 737], странным образом не обращая внимания на это, приписал издателям мнение, будто надпись посвятительная; отметив, что в таком случае теоним должен быть в род. или дат. падеже; сам же безосновательно усмотрел в Εἶσις имя боспорянки, прах которой заключен в сосуде[32]. Со своей стороны добавлю, что в числе функций Исиды было покровительство живым и мертвым – она изображалась распростершей над ними крылья [Egypt 1998, 522; Древний Египет 2005, 134].

02 (рис. 3. *5*). Трехстрочное граффито на внутренней стороне дна краснолакового блюда пергамского производства I в. н. э., по датировке И. А. Емеца, О. Д. Чевелева [1995, № 39]. В стк 1 они прочли буквы ΔΙΕ (?), в стк. 2 неясный знак, может быть, тамга, в стк. 3 буква Ф, смысл надписи, возможно, магический. С. Ю. Сапрыкин усмотрел настолько ошибочный текст, что ограничимся его переводом: «мой истинный справедливый объем – 5 ксестов …» [*Сапрыкин, Масленников* 2007, № 735]. Увы, уважаемый Сергей Юрьевич не задумался, как можно вести речь об объеме жидкости в надписи на блюде, причем целом блюде (оно происходит из склепа); невозможен такой текст даже на черепке, так как в его понимании надпись ведется от имени сосуда. Я же обращу внимание на «лесенку» в стк. 1: такие встречаются на чернолаковых черепках (т. е. во вторичном употреблении) в записях мелких денежных сумм – оболов да халков [*Яйленко* 2022, № 19б, 72а, б, 89–90, 93; 2024, 39, № 18]. В таком контексте начальные буквы ΔΙ предположительно принимаю за сокращение слова дихалк (четверть обола); при 4 (или 5) ступеньках «лесенки» текст стк. 1 таков: δί(χαλκα?) IIII «4 дихалка (?)». В следующей строке определенно монограмма из букв ΔVN, в ней можно усмотреть соответствующее по смыслу строке 1 слово δύναμις «стоимость» (о монетах; Фукидид, Плутарх). Значение буквы Ф в стк. 3 неясно, возможно, инициал личного имени или первая буква названия товара.

03 (рис. 3. *6*). На стенке краснолаковой тарелки I в. н. э. снаружи ромб с черенком. И. А. Емец, О. Д. Чевелев (№ 40) поставили ромб так, что черенок стал горизонталью, но прочли букву Ф, – возможно, инициал владельца. С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников (№ 736) поставили букву черенком вниз, получив ту же Ф. В лапидарной эпиграфике Боспора III в. н. э. хорошо представлена ромбовидная тета, есть и образец фи [*Болтунова, Книпович* 1962, 11]. Обосновано и мнение первоиздателей, что это инициал владельца тарелки.

04–06 (без прорисей). 04. На стенке амфоры IV–VI вв. н. э. буквы λπ, которые И. А. Емец, О. Д. Чевелев (№ 41) приняли за цифру 35 (?), С. Ю. Сапрыкин, А. А. Масленников (№ 738) сочли обозначением емкости «5 лагинов». 05. На другом черепке амфоры I–II вв. н. э. пентаграмма (об этом солярном знаке на керамике Боспора [*Яйленко* 2005, 466–467, № 1]). О надписи на амулетнице «душа Проклиона» поведем речь далее, в разделе IV.

07 (рис. 3. *7–10*). Неизданные граффити. Четыре фрагмента стенок с закраиной от глубокого краснолакового блюда, красный лак есть только на закраине, кое-где стек на стенку. Все 4 обломка не в контакте; на каждой стенке снаружи под закраиной остатки надписи[33]. На фр. 1 (= рис. 3. *7*) трехстрочный текст расположен у правого скола

[32] В этой книге тексты надписей обычно принадлежат С. Ю. Сапрыкину, археологический материал – А. А. Масленникову, поэтому моя критика адресуется первому.

[33] Раскопки О. Д. Чевелева 1982 г. Обломки найдены на полу склепа I с материалами I–III вв. н. э. А. А. Масленников любезно показал мне эти обломки блюда, с них я сделал прорисовки.

черепка, так что это начало, как минимум, трехстрочной надписи, окончание которой составляет фр. 2 (= рис. 3. *8*), он с наиболее сохранившимся текстом. Между этими фрагментами располагается фр. 3 (= рис. 3. *9*), двухстрочная надпись на нем обломана с боков и снизу. На фр. 4 (= рис. 3. *10*) остаток верхней строки граффито, обломанной слева, по содержанию оно принадлежит к предыдущему граффито (т. е. фр. 1–3), но написано отдельно, так что это второе граффито на блюде, тематически связанное с предыдущим. На фр. 1 сохранны первые буквы трех строк, ясно читаются Κ, Χ, нижняя буква частью утрачена, скорее всего это сигма, если ориентироваться на фр. 3, где под Χ она ясно читается.

Двухстрочный текст фр. 3 содержит в стк. 1 dat. χίονι «(со) снегом, (с) талой водой»; в стк. 2, на первый взгляд, окончание аористного инфинитива -σαι, так что общее содержание обеих строк сводилось к какому-то действию со снегом или скорее с талой водой. Однако после вертикали справа у самого скола сохранилась наклонная черточка, и так как она подходит только к каппе, ни к какой другой букве, то именно ее следует усматривать тут, она той же формы, что и на фр. 1 – с усиками, не касающимися вертикали. Отсюда чтение σακ̣-, которое вполне сочетается с χίονι, – это глагол σακκεῖν «процеживать» или σάκ(κ)ος «фильтр из ткани», «волосяное сито», в особенности для вина (LSJ, s. v. σάκκος, II, 2 + Supplement; Hippon. 57; Pollux VI, 19). Текст фрагмента 3 в целом: χίονι -- | σακ̣-, смысл его связан скорее всего с процеживанием вина, смешанного со снегом или с талой водой. Обломки 2 и 4 содержат одно и то же слово или сокращение χοι, после которого следует цифра – α′ (1), β′ (2), δ̣′ (4). Это χοι может быть при цифре сокращением слова χοῖνιξ – меры сыпучих тел, обычно зернового хлеба (= 1,1 л), либо существительным χοή «возлияние умершим» (с переходом η в ι вследствие утраты долготы)[34]. Указанные цифры сочетаются с тем и другим смыслом, обозначая количество хеников или разы возлияний. Первый вариант кажется предпочтительным по той причине, что написание нормативной эты, не перешедшей в ι, представлено в стк. 2 обломка 2. Сокращение слова χοῖνιξ в χοι можно аргументировать частотностью его употребления; так, другое весьма частое обозначение хлебной меры μέδιμνος в граффито III в. до н. э. с хоры Ольвии сокращено до первой буквы [*Яйленко* 2022а, № 234]; мера сухих тел и жидкостей κοτύλη – до κ, κο [*Lang* 1976, 56]; мера объема жидкостей, в особенности вина, χοῦς сокращается в χ, χο, χοῦ [*ibid*.]. Сокращению χοι предшествуют разные слова, от окончаний которых сохранились 1–2 буквы. На фр. 2 в стк. 2 слово оканчивалось буквой *эта*: -η χοι β′, на фр. 4 читается скорее всего окончание род. падежа: -ο̣υ̣ χοι α′.

Итак, в надписи ведется речь о мерах хлеба и процеживании вина, из чего явствует, что ее общий смысл связан с приготовлением пиршественного угощения, либо, скорее, с возлиянием умершим. Так как 1 хеник хлеба был однодневным рационом питания человека, для приготовления пиршественного стола 2–4 хеников маловато. Более вероятна роспись приготовления пищи для возлияния усопшим, чему соответствует нахождение блюда с рассмотренным граффито в склепе на некрополе. Отсюда текст надписи в целом:

[34] На Боспоре этот переход засвидетельствован в надписях I–II вв. н. э. [*Доватур* 1965, с. 800, § 2: 9]. На папирусах он встречается со II–I вв. до н. э. [*Mayser* 1923, 82–84].

Фр. 1, стк. 1–3: κ- | χ- | σ̣-. Фр. 2, стк. 1–3: -- χ̣οι β΄ «-- 2 хеника» | --η χ̣οι β΄ «-- 2 хеника» | -- χ̣οι̣ δ̣΄ «-- 4 хеника». Фр. 3, стк. 1–2: χίονι -- | σακ̣- «--с талой водой – процедить/фильтр --». Фр. 4: -ο̣υ̣ χοι α΄ «-- 1 хеник».

Датировка надписи соответственна материалу I–III в. н. э., найденному в склепе. В стк. 2 обломка 2 представлена уникальная для эпиграфики Северного Причерноморья буква *эта* в важной для датировки надписи папирусной унциальной форме h, которая засвидетельствована с I в. н. э. [*Gardthausen* 1913, Taf. 1, Kol. 12]. Отметим и затейливую форму *беты*, не представленную даже на папирусном письме; отдаленную аналогию по затейливости начертания дает уникальный по письму для эпиграфики Северного Причерноморья наговор с Чайки, тоже на краснолаковом блюде I в. до н. э. – II в. н. э. [*Яйленко* 2021а, 43, рис. 3а, б; 48–49]. Чайкинский наговор – единственный в Северном Причерноморье крупный текст, целиком исполненный папирусным унциалом. Наше граффито из Кыз-аула тоже написано этим унциалом, но характерные формы лишь у *беты* и *эты*, остальные банально ровные, вполне употребительные в боспорской эпиграфике позднеэллинистического и особенно римского времени. Ввиду сказанного датируем его I–II вв. н. э.

IV. Амулетницы

6. Амулетница Калуна.

В 2022 году при расчистке грабительского перекопа, связанного со склепом № 13 (раскоп 2022 «Береговой» [*Гецко, Труфанов* 2023, 95]), в переотложенном грунте найдены предметы погребального инвентаря, среди которых золотая прямоугольная амулетница (1,7×0,5 см) с двумя петельками для пронизи (d каждой 0,3 см). На двух сторонах амулетницы сделано пуантильной техникой по надписи (рис. 4. *1*).

На одной стороне в 3 строки надпись А: Καλοῦ|νος ψυχ|έ «душа Калуна»[35];

На другой стороне надпись Б в одну строку – заклятие: ὄληθι «сгинь!».

Подробно о формуле ψυχή + gen. личного имени на боспорских кольцах см. [*Яйленко* 2027а]. В надписи А резчик сделал правильный перенос по слогам с стк. 1 на стк. 2: Καλοῦ | νος, в результате в конце стк. 1 осталось не заполненным место на 1 букву; а в конце стк. 2 не хватило места для последней буквы слова ψυχή, и он написал ее на крепежном ранте слева: ψυχ|έ. Замена буквы *эта эпсилоном*, обязанная утрате долготы, представлена на папирусном письме уже с III–II вв. до н. э. [*Mayser* 1923, 46–47], на Боспоре же лишь во II в. н. э. [*Доватур* 1965, 800, § 2: 11]. Этим же столетием датируем и амулетницу Калуна. Форма Καλοῦνος – род. падеж распространенного на Боспоре имени Καλοῦς (КБН, с. 877). Обычный его род. падеж Καλοῦ (есть и Καλοῦτος), но в эпитафии I в. н. э. КБН 495 из Пантикапея представлен также gen. Καλοῦνος [*ibid*., 815]. На некрополе Кыз-аула найдена в могиле и нижеследующая амулетница с этой же формулой – «душа Проклиона». Форма ὄληθι «сгинь!» – императив 2 лица ед. числа аориста II глагола ὄλλυμι «губить, уничтожать», aor. «погубить» (как от ἵστημι «ставить» imp. aor. II στῆθι «стань»).

[35] В тезисной заметке [*Яйленко* 2025, 486, № 12] я дал ошибочное чтение: καλὸς νῦς, ψυ[χή] «добрый ум, ду(ша)»; здесь исправляю его.

Рис. 4. *1* – Амулетница Калуса, лицевая и оборотная стороны (фото Д. В. Бейлина); *2* – амулетница Проклиона [*Тохтасьев* 2015, 204] (фото ВКИКМЗ); *3а–3в* – эпитафия тавра Тихона (КБН 114): *а, б* – надписи лицевой и оборотной сторон (прориси В. В. Латышева [1904] с эстампажей В. В. Шкорпила); *в* – надпись на боковой стороне (его же передача текста с них условным шрифтом); *4* – приписка к стеле Гераклида (фото Д. В. Бейлина)

7. Амулетница Проклиона.

В 1983 году на раскопе 7 открыта плитовая могила № 81 с коллективным захоронением (по отчету О. Д. Чевелёва, не менее 10 погребенных). Ее размеры 1,83×0,72 м, ориентирована на З–В, сложена из больших тщательно обработанных плит, а перекрыта тремя массивными грубо обработанными известняковыми плитами. Неплохо сохранился лишь один скелет погребенного индивида. Кости остальных скелетов фрагментированы и перемешаны. В ЮВ части гробницы зафиксировано не менее 8 черепов. У СЗ стенки лежала краснолаковая тарелка, на ней стоял раздавленный стеклянный кувшин. В западном углу на двуручном краснолаковом кубке стояла краснолаковая чашка. Прочие вещи фиксировались по всей площади погребения, в основном в центральной части – различные бусы, детали портупеи, шпилька для волос, игла, фрагменты фибул и перстней из бронзы, билоновый перстень, золотой перстень с утраченной вставкой, к которой с обеих сторон были припаяны стилизованные изображения виноградных гроздей. В целом эти находки из погребения датируются II–III вв. н. э.

В восточной части могилы среди аккуратно сложенных 8 черепов найдена золотая амулетница-шкатулка (рис. 4. *2*) размером 2×0,7 см, заполненная серой (инв. ВКИКМЗ, КП-91440; КМ-4814). Сверху припаяны два ушка, на лицевой стороне сканью выложена двухстрочная надпись. Издали И. А. Емец, О. Д. Чевелёв [1995, 23, № 43]:

Προκλίων|ος ψυχή «душа Проклиона»[36].

В комментарии к надписи с такой же формулой gen. ЛИ + ψυχή из Тиритаки издатели сочли, что наличие в капсуле часто встречающейся в могилах серы, которая имеет очистительное назначение, указывает на связь амулетницы с погребальным культом [*ibid*., 20, № 38]. Добавим: это не только погребальная амулетница, но и оберег: его Проклион носил при жизни, а после смерти положен в могилу для сохранения души; видимо, тогда же его заполнили серой [*Яйленко* 2005, 502, № 27]; о назначении амулетниц [*ibid*., 502–504].

Приложение. О некоторых изданных надписях Пантикапея

8. Историография эпитафии тавра Тихона КБН 114.

Это одна из первых стихотворных эпитафий Боспора и древнейшее упоминание тавров в его эпиграфике, в этом ее историко-культурная ценность. Надпись (рис. 4. *3*) сделана на трех сторонах небольшой известняковой стелы (выс. 61, шир. 23–26, толщ. 9–10 см). Текст лицевой и оборотной сторон неплохой сохранности, по эстампажу В. В. Шкорпила издал его В. В. Латышев [1904, 63–64], прочтя не полностью последнюю строку. Получив отдельно эстампаж с нею, он дал окончательный текст и перевод [*Латышев* 1922, 70–72], принятые в КБН 114: « (*А*) *памятник* Тихона. (*Б*) Под этим памятником лежит муж, для многих желанный, (*В*) родом тавр; имя же его Тихон». Дополнительного исследования текста надписи по подлиннику (Эрмитаж) в дальнейшем не последовало, одно это указывает, что изданием Латышева 1922 г. вопросы текстологии в целом

[36] Издатели и за ними я [*Яйленко* 2025, 486, № 12] ошибочно прочли в имени χ вместо κ, уточнил С. Р. Тохтасьев [2015, 203].

исчерпаны (редакторы SEG III/2, 1929, № 608 в точности воспроизвели его текст, также В. Пек в своем сборнике стихотворных эпитафий 1955 г.). Были предложены лишь две поправки к тексту и одна к переводу, все неудачные. Выдающийся эпиграфист и знаток языка Вильгельм Крёнерт сделал некоторую перестановку слов и направления чтения, что В. В. Латышев [1907, 63–64] назвал «бесцеремонным обращением» с надписью. О. О. Крюгер [1966, 182] заметил по поводу перевода выражения [πολλοῖ]σι π[ο]θ[ει]νός В. В. Латышевым («под этим памятником лежит муж, для многих желанный»): «Не лучше ли перевести “оплакиваемый многими”»? Каких-либо аналогий рецензент не привел, и мы отметили, что в таком случае требуется при ποθεινός слово δακρύοισιν, как у Еврипида (Med. 1221): ποθεινὴ δακρύοισι συμφορά [*Яйленко* 2010, 540]. Авторы LSJ так перевели сей стих: desired by tears, calling for tears «вызывающая слезы», согласно же комментаторам «Медеи» [*Pflugk, Klotz* 1867, 142, ad v. 1210] – per lacrimas deploranda «которую нужно оплакать». Добавим также, что в LSJ дано нормативное значение слова ποθεινός «желанный» и отсутствует смысл «оплакиваемый», но как раз будто для нашего погребального текста авторы словаря указывают: желанный – «особенно о тех, кого нет или утрачен», со ссылкой на Пиндара Ol. X, 87.

Особенно неудачны две последние работы. Д. Браунд [2004, 15–19], обычно vir doctus, невесть с чего усомнился в чтении этнонима тавр, импульсом для чего послужил рассказ Геродота (IV, 103) о враждебном отношении тавров к иноземцам; это странно, поскольку из любого правила всегда бывают исключения, особенно, если речь идет о пограничных с греками таврах. Перейдя от этого общего соображения, Д. Браунд видит две конкретные причины сомневаться в таврском происхождении Тихона – условия находки и состояние текста надписи В. Археологический контекст стелы Тихона покажем далее по дельной статье Г. А. Цветаевой; здесь отметим только его ссылку на безинвентарный характер могилы, при которой находилась стела, – это странно, полагает он, ибо остальные захоронения участка с лекифами и прочей керамикой. Уважаемый английский коллега не знал, что как раз в классических таврских захоронениях (а эпитафия Тихона тоже V в.) керамика, как правило, не входила в погребальный инвентарь [*Крис* 1989, 82], так что, напротив, отсутствие ее при костяке, над рукой которого лежала стела – свидетельство таврской принадлежности могилы. Безосновательны и попытки Д. Браунда поставить под сомнение чтение этнонима тавров в строке В. Он апеллирует к перемене падежа: в 1904 г. В. В. Латышев читал его в дательном падеже мн. числа – Ταύροισι, а в 1922 г. в именительном ед. числа – Ταῦρος[37]. Однако в публикации 1904 г. Латышев (с. 64) отметил плохую сохранность сей строки и не дал ее полного текста, ограничившись показом условным шрифтом сохранившихся букв (см. рис. 4. *3в*), но как раз первые среди них – этноним TAVI OIΣ (от P не сохранилась лишь петелька – вертикаль показана целиком, так что критик неправ, утверждая, что буква целиком восстановлена Латышевым). Получив от В. В. Шкорпила эстампаж сей проблемной строки, Латышев прочел ее целиком, потому и возник именит. падеж: Ταῦρος ἐὼν γενεήν ктл. «родом тавр». Более того, и ранее, возражая В. Крёнерту, который

[37] В ДБ заметка Д. Браунда дана на английском языке и в переводе на русский; в обсуждаемом месте (с. 13 английского текста) в русский перевод (с. 17) вкралось неточное указание на родительный падеж.

прочел πατρός вместо Ταύ[ρ]οισι, В. В. Латышев [1907, 64] отметил, что Ταύ[ρ]οι[σι]ν «читается на камне еще довольно ясно».

В. В. Шкорпил, В. В. Латышев, издатели КБН Д. П. Каллистов, А. И. Доватур согласно датировали эпитафию Тихона V в. до н. э., недавно А. П. Бехтер [2022, 21–22] отнесла ее к VI в., аргументируя это рядом признаков. Два основных, по ее мнению: исписаны все грани стелы – лицевая, оборотная, боковая, на последней текст В дан бустрофедоном. Действительно, размещение надписи на разных плоскостях камня более характерно для VI в. до н. э. (примеры [*Jeffery* 1969, pl. 24, № 1; 25, № 6; 26, № 4; 32, № 2, etc.]), нежели для V в. до н. э. [*ibid*., 160–161, pl. 28, № 19; 34, № 14; 37, № 49 etc.], однако количественное соотношение не настолько критическое, чтобы стать определяющим признаком даты. Более того, в том, что текст покрыл все стороны стелы Тихона датирующего признака и не может быть, поскольку причина не эпиграфическая, а банальная – она мелкая, 61×23/26×9/10 см. Точно так же 6-строчная эпитафия эгинета Гермея размещена на всех четырех сторонах стелы потому, что все они узкие, и датируется она тоже V в. до н. э. [*ibid*., 404 – текст; pl. 17, № 18 – фото]. Итого, в обоих случаях, боспорском и эгинском, распределение надписи по стеле наглядным образом диктуется ее размерами. Что до бустрофедона, то, во-первых, он был в употреблении не только в VI, но и V и даже IV вв. до н. э.[38], во-вторых, на стеле Тихона не собственно бустрофедон, а его имитация – Л. Джеффери, включив сей памятник в свой компендиум, назвала его бустрофедон ложным (мы предпочтем термин псевдо-бустрофедон)[39]. Следующие аргументы А. П. Бехтер – «огромная разница в размере букв (от 3,0 до 19,0 см), невыдержанность линий строк, неустоявшаяся форма букв», все это в совокупности, по ее мнению, указывает на VI в. до н. э. Если бы картина письма надписи этим ограничивалась, она была бы права, но странным образом обошла молчанием присутствие форм букв определенно V в. до н. э. Л. Джеффери датировала эпитафию Тихона второй половиной V в., указав на ровную пропорциональную (flattened) омегу [*ibid*., 368]; подробно она характеризует такую *омегу* ионийских надписей на с. 325 (так как в эпитафии Тихона употреблены долгие гласные, ее надо сравнивать с ионийскими параллелями). Впрочем, примерно такую *омегу* (лапки чуть короче) содержат надписи на двух рельефах с Фасоса ок. 475–465 гг. до н. э. [*ibid*., pl. 58, № 70], поэтому о второй половине V в. до н. э. забудем. Добавим столь же пропорциональное М, такова и аккуратная *сигма* имени Τύχωνος – верхний и нижний усы одинаковой длины и наклона, обе внутренние линии уголка тоже одинаковы по этим параметрам, но они парно меньше внешних линий; все три угла, образуемые этой четырехчастной *сигмой*, одинаково прямые. В сочетании с аккуратным крупным *омикроном* она могло бы отсылать нас, например,

[38] В VI в. бустрофедон в фаворе, в V в. начинает клониться в упадок, последние образцы на Крите в раннем IV в. [*Guarducci* 1987, 29].

[39] Ее описание ложного бустрофедона [*Jeffery* 1969, 49–50]. В. В. Латышев [1904, 64] так описал движение текста В (он состоит из двух строк) по бокам стелы: буквы 1-й строки идут по правому боку снизу вверх через округлое завершение стелы на левую, а вторая строка, начиная от конца 1-й, идет в обратном направлении по левому боку и заканчивается на упомянутом округлом верхе стелы. В. В. Латышев назвал поворот второй строки бустрофедоном, но точнее говорить о ретроградном повороте (направлении) письма. Приведем известный пример – эпитафию ферянина VII в. до н. э. Праксиласа на лицевой стороне стелы: текст начинается на стеле справа внизу, идет до верха, где делает поворот налево и спускается вниз [*Guarducci* 1975, 180].

к письму надгробия примерно первой четверти V в. до н. э. из Массалии [*ibid*., pl. 54, № 2]. Добавим и вовсе не архаическое П, правая вертикаль которой отнюдь не укороченная, как положено в архаике, *альфу* с горизонтальной перекладиной, N слова ἀνήρ, стойки которой чуть-чуть наклонны и правая лишь слегка приподнята относительно левой. Сосредоточившись на архаических признаках, А. П. Бехтер не увидела главного – письмо эпитафии переходное, сочетает в себе признаки и VI и V вв. до н. э. Добавим и *мему* с точкой внутри, не с характерным для архаики перекрестием; *мета* с точкой спорадически появляется в ионике в позднем VI в., но подлинный узус ее в V в. до н. э.[40]

Обозначим переходные формы (см. рис. 4. *3а, б*). По характеру письма эпитафия Тихона скорее VI в., нежели V в. до н. э. (признаки сформулировала А. П. Бехтер, мы их привели). Но по формам букв смесь того и другого столетий, поэтому датировку дают, как и в археологии, позднейшие формы. Перечислим наиболее показательные для хронологии буквы. На одну *альфу* с горизонтальной перекладиной приходятся две с диагональной; на 1 классическую *сигму* имени Τύχωνος приходится одна архаическая в слове σήμα, еще две, неаккуратно писаные, характерны для V в. до н. э. N слова ἀνήρ, как сказано, V в. до н. э., остальные две *ню* архаичны. Усы *эпсилона* только горизонтальные, это свойство V в. до н. э., гармонично писаная буква М того же времени. Резюмируем: по указанным переходным признакам письма эпитафию Тихона следует датировать первой половиной V в. до н. э.

Как видно, ни одна из рассмотренных работ не внесла чего-либо существенно полезного в изучение этой надписи. К счастью, были и дельные. Чтоб не заканчивать на траурной ноте, мы приберегли их для финала. Б. Джентили хорошо ввел эпитафию в процесс общего развития эпиграмматической поэзии VI–V вв. до н. э. в Греции. В развитие мысли, что поначалу стихотворная эпитафия нашла свою идеальную форму в гекзаметре, он привел в числе примеров и надпись Тихона [*Gentili* 1968, 73]. Г. А. Цветаева в работе о грунтовом некрополе Пантикапея VI–V вв. на горе Митридат полезным для нас образом охарактеризовала особенности его участка на южном склоне горы [1951, 67 сл.]. В отличие от обширного участка некрополя на северном склоне южный скромней как по устройству захоронений – нет каменных гробниц, земляные могилы перекрыты досками, не каменными плитами, так и по находкам – отсутствуют ювелирные украшения, оружие. Ряд могил свидетельствует о местном элементе, одна из них сопровождена стелой Тихона. Ее открыл в 1902 г. В. В. Шкорпил: костяк лежал головой на восток, весь пропитан красной краской. Важно наблюдение Г. А. Цветаевой, что элементы местного, т. е. негреческого, погребального обряда представлены тут и в других погребениях: в двух костяки лежат на боку, в третьем он окрашен. По поводу этих особенностей заметим, что как раз у тавров принято и вытянутое положение костяков и скорченное, также восточная ориентация [Археологія УРСР 1971, 171; *Крис* 1989, 82], встречается и окрас костяков. Посему костяк, над рукой которого лежала стела, таврский,

[40] Есть аттическая посвятительная герма младшего Писистрата, датируемая ок. 521–511 гг. до н. э. [*Kirchner* 1948, 11, № 12; Taf. 12; *Meiggs, Lewis* 1969, 19–20; *Jeffery* 1969, 75, pl. 4, № 37]. В ней мы найдем те аккуратно исполненные А, Е, М, которые отметили в эпитафии Тихона. Но датировка сей аттической надписи остается проблемной, ибо эти буквы (по И. Кирхнеру, они даже IV в. до н. э.) никак не согласуются с формами VI–V вв. до н. э. остальных букв аттического алфавита. По этой причине такие авторитеты, как Б. Меритт, А. Раубичек, В. Динсмур, отнесли посвящение к раннему V в. до н. э. (ссылки на литературу даны у Л. Джеффери).

и коль в эпитафии упомянут тавр, единство комплекса очевидно – это захоронение тавра Тихона. Примерно в одно время с ним, по крайней мере в том же V в. до н. э., погребены еще два тавра-скорченника. Это дает основание счесть, что с первой половины V в. до н. э. имело место проникновение отдельных тавров в Пантикапей, – картина, хорошо представленная на Сицилии того же времени. Там были два туземных народа – многочисленные сикулы и малочисленные сиканы (не берем в расчет крохотных элимов). Сикулы принадлежали к италийской языковой группе, как и латиняне, переселились сюда с севера Балкан в XIII–XI вв. до н. э., оттеснив небольшой автохтонный народ сиканов в горную середину острова. Сикулы активно взаимодействовали с прибывавшими сюда с конца VIII в. до н. э. греками, сиканы же, подобно крымским таврам, держались обособленно и враждебно. Тем не менее, отдельные сиканские захоронения на некрополях греческих городов указывают на проникновение туда их некоторых представителей.

9. Приписка на стеле Гераклида.

Т. А. Матковская, С. Р. Тохтасьев [2006, 195–197] издали стелу из Пантикапея с эпитафией II в. н. э. «Гераклид, сын Артемидора, прощай». Под последним словом эпитафии С. Р. Тохтасьев (ему принадлежат тексты надписей и комментарии к ним) прочел приписку: ЕРАΔРЕIАЕ и счел, что она «процарапана, по-видимому, посетителем некрополя, которому, наверное, захотелось исправить безобидные орфографические ошибки в имени покойного, но попытка эта имела самые плачевные результаты». Это фантазия неудачника в эпиграфике, надо искать рациональное объяснение (рис. 4. 4)[41]. Так, возможно прочтение обычного для надгробной надписи имени-отчества покойной: Ἥρα Δρεία «Гера Дриаса (?)»[42]. Если у нее действительно рабский статус, такое чтение может означать, что ее имя было добавлено позднее на стеле хозяина. Подобное встречаем на ольвийском надгробии НО 170: оно поставлено рабской чете с теофорными же именами Дионис да Семела, позднее были добавлены имена еще троих умерших рабов [*Яйленко* 2017, 625–626]. На прилагаемом фото стелы видно, что за последним Е приписки следует буква П, далее заметны следы и других букв, но каких именно, надо разбирать на камне.

[41] В «Боспорских чтениях» XXVI, 2025 г. опубликована заметка А. Е. Кислого об этой приписке «Поверженные античные надгробия у подножья Митридата». Справедливо отвергнув домысел С. Р. Тохтасьева, автор сам пустился во все тяжкие. Буквы РЕIАЕ он счел словом приветствия-прощания, с апелляцией к лексике в словаре ностратического языка В. М. Иллича-Свитыча; если учесть, что ностратическая древность была ок. 10 тысяч лет назад, апелляция к ней безосновательна. Далее автор намешивает иранские, греческие, славянские словеса, не имея понятия, что у них разная этимология.

[42] Ἥρα как личное женское имя и прозвище [*Pape, Benseler* 1884, 461]; в римское время рабам и вскормленникам давали имена богов [*Яйленко* 2017, 625–626], скорее и у этой Геры тот же статус. Мужское имя Δρείας не засвидетельствовано, но теоретически можно возвести его к популярному ЛИ Δρύας, -αντος [*Pape, Benseler* 1884, 324], с переходом υ>ι>ει и на 1 склонение: -ᾱς, gen. -ᾱ. Все это скорее догадки, ибо не исключено и чтение ΔРЕРА, так что требуется проверка по камню.

Список литературы

А*баев* В. И. 1979. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 272–364.

Археологія УРСР 1971 – Археологія Української РСР. 2. Київ, 504.

Б*ейлин* Д. В., *Гецко* П. П., *Рукавишникова* И. В. 2025. Раскопки некрополя «Кыз-Аул» в 2020–2024 гг. // Археология и история Боспора. VII. Симферополь, 40–56.

Бехтер А. П. 2024. Лапидарные шрифты Боспора VI–I вв. до н. э. // История письма от Античности до Нового времени. СПб., 20–64.

Болтунова А. И., *Книпович* Т. Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. III, 3–31.

Браунд Д. 2004. Эпитафия Тихона-тавра (КБН 114): предварительные замечания // ДБ. 7, 15–19.

В*иноградов* Ю. А. 2018. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб., 211–296.

Г*айдукевич* В. Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов // Некрополи боспорских городов. (МИА 69). М.–Л., 154–238.

Гецко П. П., *Труфанов* А. А. 2023. Археологические исследования античного могильника Кыз-Аул в 2022 г. // История и археология Крыма. 19. Симферополь, 94–99.

Д*оватур* А. И. 1965. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН, 797–831.

Древний Египет. Энциклопедия. 2005. М., 478.

Е*мец* И. А., *Чевелев* О. Д. 1995. Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // Эпиграфический вестник. 1, 9–27.

К*азарницкий* А. А., *Строков* А. А. 2022. К вопросу об аланах в Крыму в эпоху Великого переселения народов // МАИАСП. 14, 155–181.

Корпусова В. Н. 1980. Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 141–150.

Крис И. Х. 1989. Культура тавров // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 80–83.

Крюгер О. О. 1966. Рец. на КБН // ВДИ. 2, 176–183.

Л*атышев* В. В. 1904. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 10, 1–91.

Латышев В. В. 1907. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 23, 28–48.

Латышев В. В. 1922. Эпиграфические заметки // ИРАИМК. 2, 65–83.

М*атковская* Т. А., *Тохтасьев* С. Р. 2006. Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. 1. Керчь, 179–210.

П*авличенко* Н. А. 2020. Вторая надпись Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов // Таврические студии. 22, 119–126.

Подосинов А. В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 487.

С*апрыкин* С. Ю. 2021. Epigraphica regni Bosporani. Varia // ДБ. 26, 332–357.

Сапрыкин С. Ю. 2024. Epigraphica regni Bosporani. Ч. 2 // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. 3. Ростов-на-Дону, 340–353.

Сапрыкин С. Ю., *Масленников* А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ. Suppl. 1). Симферополь–Керчь, 319.

Соломоник Э. И. 1963. Надписи на стеле из с. Марьино // Сообщения Херсонесского музея. 3, 10–15.

Соломоник Э. И. 1973. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. 1, 55–77.

Т*охтасьев* С. Р. 2015. Надписи на перстнях, содержащие слова ХАРА и ΨΥΧΗ // Золото Фанагории (Фанагория. 2). М., 201–207.

Ф*едосеев* Н. Ф., *Сударев* Н. И. 2007. Исследования некрополя Кыз-аул // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 142–145.

Ц*ветаева* Г. А. 1951. Грунтовой некрополь Пантикапея // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. 1. (МИА. 19). М., 63–86.

Ч*евелев* О. Д. 1985. Новые погребения Кызаульского некрополя // КСИА. 182, 84–88.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 2021. De titulis Bosporanis et viciniis II, 11. Боспор и Рим в начале III в. н. э. // ВДИ. 3, 755–766.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2025. De titulis Bosporanis et viciniis IX // ДБ. 30, 464–483.

Штерн Э. Р. 1901. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России // ЗООИД. 23, 1–32.

Я*йленко* В. П. 2004. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб., 55–60.

Яйленко В. П. 2005. Магические надписи Боспора // ДБ. 8, 465–514.

Яйленко В. П. 2006. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 9, 340–413.

Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 739.

Яйленко В. П. 2013. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 347.

Яйленко В. П. 2017. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб., 1037.

Яйленко В. П. 2021. Критика критики: о рецензиях на «Тысячелетний Боспорский рейх» и византийский раздел «Истории и эпиграфики Ольвии, Херсонеса и Боспора» // ДБ. 26, 400–447.

Яйленко В. П. 2021а. Оракулы из Ольвии, наговор с Чайки в Западном Крыму // АВ. 33, 41–50.

Яйленко В. П. 2022. Данные архива Одесского археологического музея о граффити Березани и Ольвии // Сайт Саратовского гос. университета: https://www.sgu.ru/struktura/archeology/yaylenko-v-p.

Яйленко В. П. 2022а. Ревизия граффити Боспора, Херсонеса, Ольвии, Березани из публикаций Э. Р. Штерна, И. И. Толстого, ГЛБО, сводов ГАХ, ГОП и др. С. 1–112 // Сайт Саратовского гос. университета: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/08/17/yaylenko_2022_reviziya_na_sayt_sgu1.pdf.

Яйленко В. П. 2024. Граффити ранней Березани с денежными суммами и ratio монетстрелок // Записки ИИМК РАН. 30–31, 32–45.

Яйленко В. П. 2025. Греко-египетские амулеты на Боспоре // БФ: Экспорт/импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства. СПб., 481–490.

Яйленко В. П. 2025а. Согдийские фактории раннесредневекового Боспора как часть великого согдийского торгового пути (по данным топонимики и письменных источников) // ДБ. 30, 484–513.

Яйленко В. П. 2025б. Забытый портовый поселок римского времени Асандрион на Керченском полуострове // Херсонесский сборник. 26 (в печати).

Яйленко В. П. 2027. Ранние Ахемениды и Боспор в свете письменных источников: pro et contra // Рукопись (подготовлена к печати).

Яйленко В. П. 2027a. Magica Bosporana epigraphica suppleta, I–III // ДБ. 32.

B*artholomae* Chr. 1904. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1999 Sp.

C*oulton* J. J. 1976. The architectural development of the Greek stoa. Oxford, 308.

Egypt 1998. The World of the Pharaohs. Cologne, 538.

G*ardthausen* V. 1913. Griechische Palaeographie. Leipzig, 516.

Gentili B. 1968. Epigramma ed elegia // L'épigramme grecque. Entretiens sur l'antiquité classique. 14. Genève, 37–90.

Gignoux Ph. 1986. Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique. Wien, 227.

Guarducci M. 1975. L'epigrafia greca. 3. Roma, 611.

Guarducci M. 1987. L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero. Roma, 561.

J*effery* L. H. 1969. The Local scripts of archaic Greece. Oxford, 416.

Justi F. 1895. Iranisches Namenbuch. Marburg, 526.

K*irchner* J. 1948. Imagines inscriptionum Atticarum. Berlin, 34+54 Taf.

L*ang* M. 1976. Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. XXI). Princeton, 116+62 pls.

M*ayser* E. 1923. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. I. Berlin–Leipzig, 538.

Meiggs R., *Lewis* D. 1969. A Selection of Greek historical inscriptions. Oxford, 308.

N*adel* B. 1967/8. Napis erekcyjny z Tanais // Eos. 57/1, 79–85.

P*ape* W., *Benseler* G. E. 1884. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1710.

Pavlichenko N., Fedoseev N. 2018. A new inscription of Herakas, son of Pontikos, ἀρχερμηνεὺς Ἀλανῶν // Hyperboreus. 24/2, 315–336.

Pflugk, Klotz 1867. Euripidis Medea. Rec. et comm. instruxerunt A. Pflugk et R. Klotz. Lipsiae, 162.

T*avernier* J. 2007. Iranica in the Achaemenid period (ca. 550–330 B. C.). Leuven, 850.

W*ycherley* R. E. 1962. How the Greeks built cities. New York–London, 235.

Z*gusta* L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 467.

Summary

V. P. Yailenko, D. V. Beylin
Inscriptions of the I–III centuries AD from necropolis Kyz-aul on South-West shore of the Kerch peninsula

Kyz-aul necropolis is located on the West-Southern maritime part of the Kerch peninsula. It functionated during the I century BC–III century AD, mostly at the I–II centuries AD. The authors study its published and new inscriptions – lapidary and graffiti. The very important new inscription from Kyz-aul necropolis is epitaph of the I century AD "Vadanachroran, Asateisos' son", the first name is Persian, the second Avestan by its origin. Among the published lapidary inscriptions is interesting a recently published fragmentary built inscription with date (201 AD) and a name of Bosporan official Herakas, the authors restore its text. In Supplement, there is critical review of a literature on the V century BC Tychon's the Tavrian epitaph from Panticapaion necropolis CIRB 114.

In memeoriam

Татьяна Михайловна Арсеньева
(21.06 1927–26.07.2025)

Есть люди, о которых все без исключения, отзываются всегда только положительно. Их по определению очень мало, да что мало – единицы. Таким человеком была Татьяна Михайловна Арсеньева, удивительной пример подлинной интеллигентности и какого-то особенного женского обаяния. Никому из коллег не доводилось слышал от неё ни единого недоброго слова в адрес окружающих. Всегда доброжелательная, с неизменной лёгкой улыбкой, она была для всех, кому довелось быть с ней знакомым, идеалом аристократизма и порядочности.

Татьяна Михайловна родилась в старинной московской семье, где чтили традиции предков, среди которых немало было людей образованных и известных. После войны, пережив эвакуацию в Ульяновске, она поступила на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на кафедру археологии, завершив обучение в 1950 г. Среди её учителей были профессора В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, А.В. Арциховский.

С 1951 г. вплоть до выхода на пенсию в 2013 г. Татьяна Михайловна работала в Институте археологии АН СССР/РАН. В 50-х годах она принимает участие в разведочных и раскопочных изысканиях на Керченском и Таманском п-овах в экспедициях В.Д. Блаватского, И.Т. Кругликовой, Д.Б. Шелова. А с 1955 г. – связывает свою археологическую судьбу с античным Танаисом, сначала как близкий коллега и помощник Д.Б. Шелова, а с 1973 г. и на долгие годы – в качестве бессменного начальника Нижнедонской экспедиции Института. Именно здесь в полной мере раскрылся её талант полевика-археолога и замечательного наставника молодых исследователей, по сути – она создатель целой школы местных антиковедов. Последнее в немалой степени объяснялось особыми

человеческими качествами Татьяны Михайловны и прежде всего – её доброжелательностью, отзывчивостью и личным примером «служения науке».

В 1971 г. Т. М. Арсеньева защитила кандидатскую диссертацию по теме «Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории Нижнего Дона». Исследования городища и некрополя Танаиса были главным делом её жизни. Татьяна Михайловна так долго, как только могла (до 85 лет!) изучала и защищала своим добрым именем и авторитетом от всяких внутренних и внешних проблем любимый памятник и созданный трудами Д. Б. Шелова и её первый в России археологический музей-заповедник «Танаис».

Долгие годы Татьяна Михайловна выполняла обязанности члена научного Совета по полевым исследованиям ИА РАН. С 2007 г. она – член-корреспондент Германского археологического института, с которым плодотворно сотрудничала на протяжении ряда лет. Татьяна Михайловна внесла солидный вклад в исследования античных древностей Северного Причерноморья. Она автор более 100 научных публикаций, в том числе четырех монографий: «Некрополь Танаиса» (М., 1977); «Светильники Танаиса» (М., 1988); «Усадьбы Танаиса» (М., 1992, в соавт. с С. А. Науменко); «Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. » (М., 2001, в соавт. с С. И. Безугловым, И. В. Толочко).

Вся долгая жизнь Татьяны Михайловны неразрывно связана с Институтом и родным ей отделом античной (классической) археологии, который очень любила и всегда хранила в своей памяти воспоминания о его сотрудниках, с которыми её свела судьба.

Ушел из жизни красивый, мудрый человек. Всем, кто имел счастье быть знакомым с Татьяной Михайловной Арсеньевой, будет не хватать её доброй улыбки.

Светлана Ильинична Финогенова

(28.07.1940–03 02.2026)

Третьего февраля 2026 г. не стало Светланы Ильиничны Финогеновой, старшего научного сотрудника отдела Искусства и археологии античного мира ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Светлана Ильинична родилась 28 июля 1940 г. в поселке Горки-10 Одинцовского района Московской области. В 1964 г. закончила кафедру археологии Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, специализировалась на античной археологии у профессора В. Д. Блаватского. За полгода до окончания университета поступила на работу преподавателем истории в Одинцовскую вечернюю среднюю школу. С 1968 г. и до конца своих дней проработала в ГМИИ им. А. С. Пушкина. В 1969 г. Светлана Ильинична защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Металлические орудия труда античного мира».

На протяжение всей своей жизни она принимала участие в археологических исследованиях городища Гермонасса–Тмутаракань на Таманском полуострове, а с 1988 г. до 2011 г. – возглавляла Гермонасскую экспедицию Музея, открывшую новые страницы в истории этого древнего города, одного из сложнейших многослойных памятников Северного Причерноморья. Под редакцией Светланы Ильиничны в 2002 г. вышла монография «Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове», незавершенный труд её учителя и наставника – Анны Константиновны Коровиной.

Светлана Ильинична – автор более пятидесяти публикаций: научных статей, каталогов и популярный изданий. С самого начала в круг ее интересов входили памятники античного прикладного искусства от резной кости до глиптики («Художественная резная кость из Пантикапея» (1984), «Группа золотых перстней из Анапы» (1987), «Античные геммы из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина» (1993). Этому увлечению была посвящена выставка «Мир в миниатюре» в 2012 г.

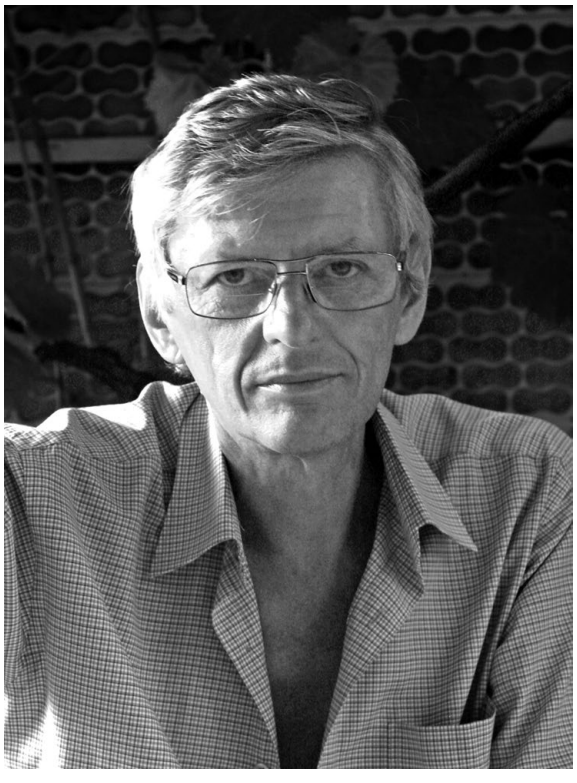
Отдельной темой исследований Светланы Ильиничны были античные терракотовые статуэтки, протомы и маски («Античные терракотовые маски Северного Причерноморья» (1990). «Терракоты Пантикапея», «Терракоты Гермонассы» (1992).

При её непосредственном участие были создана Новая экспозиция Музея в 2007 г.; организованы и проведены крупные выставочные проекты, включая: «Эпоха Меровингов. Европа без границ» (2007), «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства» (2017).

Будучи талантливым педагогом, Светлана Ильинична в течение многих лет вела занятия в музейном кружке «Археология» для школьников младших классов.

В последние годы С.И. Финогенова занималась изучением коллекции античного стекла. По результатам исследований ею готовился научный каталог и выставка…

Светлана Ильинична останется для нас примером безграничной преданности Музею и Гермонассе. Мы будем помнить ее жизнерадостность и бережное отношение к окружающим ее людям. Светлая память о Светлане Ильиничне навсегда сохранится в наших сердцах.

Иван Иванович Марченко

(22.09.1955–02.03.2026)

Иван Иванович родился в г. Минеральные Воды. Еще в школьные годы он всерьез заинтересовался археологией. И эта увлеченность наукой о древностях со временем привела его Ленинградский гос. университет, на кафедру археологии, где он обучался с 1972 по 1977 гг. Там же, завершив в 1988 году обучение в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию, посвященную сарматам Кубани. С 1981 года его жизнь и научная деятельность неразрывно связаны с Кубанским гос. университетом, в котором в 1985 г. он организовал хоздоговорную группу по исследованию археологических памятников Краснодарского края. В 1998 г. Иван Иванович стал директором созданного им в КубГУ «Кубанского Центра археологических исследований» (позже преобразован в НИИ археологии КубГУ), который проводил масштабные экспедиционные и научные исследования. В 2001–2006 гг. он принимал активнейшее участие в проекте Германского археологического института по изучению римских импортов в Прикубанье. В 2006 г. Германский археологический институт избрал И. И. Марченко, в центре научных интересов которого было изучение меотской культуры, сарматских памятников и проблемам древней истории Северного Кавказа, своим член-корреспондентом. Начиная с 2001 г. И. И. Марченко возглавлял редколлегию ежегодного сборника «Материалы и исследования по археологии Кубани», являлся неизменным председателем оргкомитета международной Кубанской археологической конференции.

Иван Иванович – автор или соавтор более 250 научных трудов, в том числе пяти монографий, которые стали крупными вехами в исследовании памятников и культур древнего населения Прикубанья. Он был не только крупным учёным, но и заботливым наставником для нескольких поколений молодых историков и археологов, всегда щедро делился знаниями и заражал энтузиазмом, вдохновляя своих учеников к познанию тайн прошлого. Для многих он служил примером преданности науке, искренней любви к истории и уважения к нашему культурному наследию.

Ушел Иван Иванович Марченко. Коллега, друг, учитель. Ученый с большой буквы, человек, чьи труды навсегда останутся достоянием науки. Его уход – огромная, невосполнимая утрата. Пусть светлая память об этом замечательном человеке и дальше побуждает нас к новым исследованиям и открытиям!

СОКРАЩЕНИЯ

АВ – Археологические вести. Санкт-Петербург
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АН – антропоним
АО – Археологические открытия. Москва
БИ – Боспорские исследования. Керчь–Симферополь
БФ – Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВКИКМЗ – Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГРМ – Государственный Русский музей
ДБ – Древности Боспора. Москва
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петербург
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН – *Струве* В.В. и др. Корпус боспорских надписей. Москва–Ленинград, 1965
КБН-альбом – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. Санкт-Петербург, 2004.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛИ – личное имя
м.б. – место буквы
МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нес-Циона
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград

МИС – *Граков* Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и малой Азии // ВДИ. 1939. 3, 231–312
МОПИ – Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской
НО – Надписи Ольвии. Ленинград, 1968.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА – Российская археология. Москва
СА – Советская Археология. Москва
ст. – стих
стк., сткк. – строка, строки
Труды ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ЭН – этноним
AA – Archäologischer Anzeiger
Amazonen zwischen Griechen und Skythen – *Schubert* Ch., *Weiß* A. (Hrsg.). Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte (Beitrage zur Altertumskunde. 310). Berlin, 2013, 280.
AntK – Antike Kunst
BCH – Bulletin de correspondance hellénique
Bull. ép. – Bulletin épigraphique
cf. – confer
CH XI – *Abramzon* M., *Kuznetsov* V. Coin Hoards. Vol. XI. Greek Hoards. The Cimmerean Bosporus (Colloquia Antiqua. 32). Leuven, 2021
CIRB – *Struve* V.V. *et al.* (eds.). Corpus inscriptionum regni Bosporani. Москва–Ленинград, 1965 (= КБН)
CRAI – Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres
EAA – European Association of Archaeologists
HBA – Hamburger Beiträge zur Archäologie
I. Milet – *Herrmann* P. Inschriften von Milet. Teil 1–3. (Milet. VI). Berlin–New York, 1997–2006
IG – Inscriptiones Graecae. Berolini
IOSPE II – *Latyschev* V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. II. Petropoli, 1890
IosPE III – *Pridik* E.M., *Grakov* B.N. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. III
JHS – Journal of Hellenic Studies
Kubaba – Kubaba. Arkeoloji-Sanat Tarihi-Tarih Dergisi. İzmir.

LGPN	– A Lexicon of Greek Personal Names:
LGPN IV	– *Fraser* P.M., *Matthews* E.A Lexicon of Greek personal names. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005
LGPN VA	– *Corsten* T. Lexicon of Greek personal names. Vol. VA. Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia. Oxford, 2010.
LSJ	– *Liddell* H.G., *Scott* R., *Jones* H.S. A Greek-English lexicon. Oxford, 1968
No., Nos.	– Number, Numbers
Nr.	– Nummer
PN	– Personal Name
s.v.	– specta verbum
sc.	– scilicet
SCI	– Scripta Classica Israelica
SEG	– Supplementum epigraphicum graecum. Leiden–Boston
Syll.^{3}	– *Dittenberger* W., von *Gaertringen* H., *Freiherr* Fr. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Hildesheim–Zürich–New York, 1982
v, v., vac.	– vacat
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Правила и рекомендации по оформлению рукописей[1]

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей, выравнивание по левому краю). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Объем рукописи *не более* 1,5 авт. листов с учетом объема иллюстраций (из расчета: текст – 1 авт.л. = 40 000 знаков с пробелами; рисунки – 1 авт.л. = 8 полосам (страницам). Объем иллюстраций не должен превышать объем текстовой части. Допустимые отклонения определяются в индивидуальном порядке по согласованию с редколлегией ежегодника.

3. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках (*курсивом*) указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле!) прилагаются:

а) ***Список литературы***, оформленный по правилам (см. ниже);

б) ***Список сокращений***, использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–30 *ДБ*; новые сокращения вводить в том лишь случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень ***Подписей под рисунками***;

г) ***Резюме*** – до 1 страницы текста на русском (обязательно) *и* (желательно) на английском языках. Убедительная просьба – излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) – сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) ***Макет статьи*** обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 7)[2], и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 6).

4. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках – на литературу внутри текста (например: **[***Масленников* 1997, 107, рис. 3. *1, 5–7***]**); ссылки на древних авторов даются в *круглых* скобках **(***Strab*. XI. 2, 3–5**)**; текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем – по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация примечаний – автоматическая, сплошная, арабскими цифрами[3]).

---

[1] Согласно правилам академической этики, принятых во всех ведущих специализированных, в том числе периодических, изданиях публикация материалов (находок), не поступивших по каким либо причинам на хранение в Государственный музейный фонд РФ и не получивших соответствующей регистрации, в том числе, находящихся в частных коллекциях, считается невозможной (не допустима).

[2] Таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

[3] Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания: **[***Фамилия <курсивом, и далее без знаков препинания>* год издания**,** номера страниц <*без «с.»*>**,** рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.)**,** или таблица (табл.)**]**; например: [*Паромов* 1999, 209, рис. 1. *2, 4–7*; 3. *4, 5*]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятыми*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

5. Библиографическое описание в списке литературы. Использованная в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем – на иностранном. Каждое наименование выделяется[4] абзацем (формат – выступ), например:

Б*алахванцев* А.С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 61–65.

Брашинский И.Б. 1984. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 240.

З*авойкин* А.А. 1992. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. 204, 84–88.

Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83)[5]. М., 187.

К*обылина* М.М. 1972. Раскопки в Фанагории в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4805.

Кобылина М.М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 2, 51–61.

Кузнецов В.Д. 2018. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Т. 4). М., 117–135.

В*oulter* C. 1953. Pottery from the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 22. No. 2, 59–115 + 21–41 pls.

Т*setskhladze* G.R. 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosporus // ΕΥΔΑΙΜΩΝ. Studies in honour of Jan Bouzek (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis. Vol. XVIII). Prague–Brno, 467–490.

После *фамилии автора* (курсивом) и его инициалов указывается год издания и далее: Название работы, затем *через точку* – Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) – *через* // Название сборника. Номер тома/выпуска (для серийных изданий – журналов, ежегодников и т.п.). Место *издания и (через запятую*), номера/кол-во страниц (статьи/монографии). Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, СА и т.д.), место издания не пишется[6]. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание: Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1-11. Ч. III; … Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

[4] Но *не* отделяется абзацем!

[5] Обращаем внимание: в монографиях ссылка на серию, в которой она опубликована, дается в скобках после названия.

[6] Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

6. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта ***Times New Roman***. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются в // стандартном наборе *Word*, например – ***Symbol***, необходимо в тексте статьи отметить красным шрифтом и/или «маркером» те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, приложить файлы соответствующих шрифтов. ***Греческий текст*** рекомендуется писать в ***Unicod*** (шрифты ***Hellenica.Reg*** или ***Greek*** допустимы но нежелательны, ранние версии этих шрифтов обязательно предоставляются).

7. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации в электронном виде. Требования к электронному варианту: *1*) предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с // высоким разрешением, не ниже 300 dpi)[7]; *2*) рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате ***TIFF*** с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); *3*) таблицы, сформированные в ***PhotoShop***, сохранять в формате ***tiff*** (не сливая слои).

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна в том случае, когда это необходимо по замыслу автора (изображения комплекса находок, совмещение фото- и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т.д.). Прочий иллюстративный материал (напр., видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять *только* как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты полосы не превышают 212×145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и / или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (см. п. 2д).

8. Обязательно сопровождайте присланную статью указанием своего адреса, телефона и E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и в процессе подготовки рукописи к печати и своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124-35-88.

Редколлегия

[7] С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

Древности Боспора. Том 31

научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В.Б. Степанов

Подписано в печать 20.05.2026. Формат 60×84/8
Уч.-изд. л. 33,6. Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ...

ISBN 978-5-94375-501-9

